

Марциан Капелла

Бракосочетание Филологии и Меркурия

au requirte & n
manes. Titulan
philologie & n
Cū enī philolog
mercuri uer

National Research University
"Higher School of Economics"

Martianus Capella

De nuptiis Philologiae et Mercurii

(On the Marriage
of Philology and Mercury)

Translated from Latin, preface and comments by
Yu. Shakhov

Editor-in-chief is A. Gladkov

Petroglyph
Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2019

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Марциан Капелла

Бракосочетание Филологии и Меркурия

Перевод, комментарий, вступительная статья
Ю.А. Шахова

Ответственный редактор А.К. Гладков

Петроглиф
Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2019

УДК94
ББК63.3(0)
К20

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Капелла М.

К20 Бракосочетание Филологии и Меркурия. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. — 400 с. — (MEDIAEVALIA).

ISBN 978-5-98712-858-9

Сочинение Марциана Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), занимающее исключительно важное место в истории европейского образования и литературы, вместе с тем не слишком хорошо известно современному читателю и до относительно недавнего времени редко привлекало внимание серьезных исследователей, в том числе отечественных антиковедов и медиевистов. Предлагаемое вниманию читателю издание, призванное восполнить существующую лауну в историко-филологической науке, представляет собой первый полный комментированный перевод на русский язык знаменитого сочинения, оказавшего значительное влияние на развитие европейской интеллектуальной культуры Средних веков и эпохи Возрождения.

Книга адресована историкам, филологам, философам и всем интересующимся средневековой наукой и культурой.

ISBN 978-5-98712-858-9

УДК94
ББК63.3(0)

© Шахов Ю.А., перевод, комментарий, вступительная статья, 2019
© Гладков А.К., составление серии, 2019
© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2019
© Петроглиф, 2019

Содержание

<i>Ю.А. Шахов. Марциан Капелла и его произведение</i>	6
Книга первая (§§ 1–97)	55
Книга вторая (§§ 98–220)	76
Книга третья. О Грамматике (§§ 221–326)	99
Книга четвертая. О Диалектике (§§ 327–424)	142
Книга пятая. О Риторике (§§ 425–566)	174
Книга шестая. О Геометрии (§§ 567–724)	221
Книга седьмая. Об Арифметике (§§ 725–802)	262
Книга восьмая. Об Астрономии (§§ 803–887)	292
Книга девятая. О Гармонии (§§ 888–1000)	320
Список сокращений	361
Предметно-именной указатель	369
Summary	393
Contents	397

Ю.А. Шахов*
Марциан Капелла и его произведение

1.

Сочинение Марциана Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), занимающее исключительно важное место в истории европейского образования и литературы, вместе с тем не слишком хорошо известно современному читателю и до относительно недавнего времени редко привлекало внимание серьезных исследователей. Такое положение вещей обусловлено рядом причин, среди которых — и особенности литературного стиля этого писателя, в силу которого Марциан Капелла заслужил звание одного из самых трудных для интерпретации авторов из всех, писавших по-латыни¹, и трудности, связанные с плохой сохранностью текста произведения, и не в последнюю очередь — то пренебрежение, с которым в течение долгого времени относилась к сочинению Марциана Капеллы значительная часть ученых, считавших его литературный стиль верхом варварства и безвкусицы², сообщае-

* Шахов Юрий Александрович — выпускник специалитета кафедры классической филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (2011 г.) и аспирантуры той же кафедры (2014 г.), с 2013 г. — старший преподаватель Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ *Stahl W.H., Johnson R. with Burge E.L. Martianus Capella and the Seven Liberal Arts. N.Y., 1971. Vol. I. P. 23, 28ff.*

² Одним из относительно мягких суждений на этот счет можно считать знаменитые слова Клайва Спейплза Льюиса: «Наш мир, породивший пчелиную орхидею и жирафа, не породил все же ничего более странного, чем Марциан Капелла» (“For this universe, which has produced the bee-orchid and the giraffe, has produced nothing stranger than Martianus Capella” // *Lewis C.S. The Allegory of Love. A Study in Medieval Tradition. Oxford, 1936. P. 39*). Подборку гораздо более жестких критических характеристик стиля Марциана Капеллы см.: *Le Moine F. Martianus Capella. A Literary Re-evaluation. München, 1972. P. 209–210*. Впрочем, столь уничижительную оценку стиля писателя разделяют далеко не все современные исследователи: см.,

мые им научные сведения — поверхностными и непоследовательными, а само произведение — неудачной компиляцией и свидетельством упадка науки и культуры в поздней античности³.

Вместе с тем хорошо известно, что «Бракосочетание Филологии и Меркурия» пользовалось огромным авторитетом среди образованных людей Средневековья, особенно в период т.н. Каролингского возрождения (IX–X вв.)⁴; и в немалой степени поспособствовало сохранению традиций античной учености в не самую благоприятную для научного знания эпоху⁵. Некоторые исследователи оценивают эту роль настолько высоко, что доходят до утверждения о том, что возрождение европейской науки в эпоху Ренессанса стало возможным именно благодаря сочинению Марциана Капеллы⁶. Во всяком случае, именно Марциану Капелле, по всеобщему признанию, принадлежит заслуга окончательного формирования классического круга семи свободных искусств, ставшей на долгое время основой европейского образования. Помимо этого, сочинение Марциана Капеллы оказало известное влияние и на развитие ряда жанров европейской литературы, в первую очередь на средневековую аллегорическую поэзию: в числе прочего, исследователями отмечалось влияние Марциана Капеллы на некоторые эпизоды «Божественной комедии» Данте Алигьери⁷. «Бракосочетание Филологии и Меркурия», при всем новаторстве автора и при всем своем огромном влиянии на последующие эпохи, полностью принадлежит античной литературе и культуре — это касается и литературной формы этого произведения, и его научного и философского содержания, и культурно-религиозной ориентации его автора.

помимо только что процитированного труда, например, замечания Дануты Шанзер: *Shanzer D. A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii*. Book 1. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 3–4.

³ «Груда вычитанного из разных мест научного хлама» (“Eine Unmenge zusammengelesenen Wissenskrum”) // *Wessner P. Martianus Capella* // Pauly-Wissowa RE. 1930. Vol. XIV. Col. 2006).

⁴ Исследователь средневековой культуры Чарльз Хаскинс назвал Марциана Капеллу «самым популярным писателем в Средние века, после Библии и Вергилия» (“The most popular writer in the Middle Ages after the Bible and Vergil” // *Haskins C.H. The Renaissance of the Twelfth Century*. N.Y., 1927. P. 81).

⁵ По словам У. Шталя, «Его (Марциана Капеллы — Ю.Ш.) произведение можно уподобить горлышку песочных часов, через которое свободные искусства классической эпохи просочились в мир Средневековья» (“His work may be likened to the neck of an hourglass through which the classical liberal arts trickled to the medieval world” // *Stahl J. Op. cit.* P. IX).

⁶ «Если бы Марциан Капелла и та школьная традиция, что нашла отражение в его сочинении, были забыты, то не осталось бы никакого шанса на возрождение науки» (“If Martianus Capella have been forgotten, with the school traditions exemplified in his book, there would have been no chance of a revival of learning” // *Ker W. The Dark Ages*. N.Y., 1963. P. 26).

⁷ *Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages*. N.Y., 1953. P. 360.

По поводу времени жизни Марциана Капеллы и датировки его главного произведения (кроме «Бракосочетания Филологии и Меркурия» под именем этого автора до нас дошел также небольшой трактат о метрике⁸) в науке до сих пор не сложилось единогласного мнения. Прямыми данными, касающимися биографии автора, мы не обладаем, исходя же из косвенных сведений, исследователи в разное время датировали его деятельность периодами от конца III в. н.э. до начала VI в. Рассмотрим вкратце основные аргументы, касающиеся датировки жизни Марциана Капеллы и времени создания «Бракосочетания Филологии и Меркурия».

В качестве *terminus ante quem* можно принять дату первой известной редакции сочинения, т.е. 534 г.⁹ (или, по другой версии, 498 г.¹⁰). Некоторые сведения о дате создания «Бракосочетания» можно извлечь из самого произведения, в котором можно увидеть намеки на некоторые известные нам исторические события. В первую очередь внимание исследователей привлекла характеристика города Рима, данная ему в шестой книге «Бракосочетания Филологии и Меркурия»: *caput gentium Roma, armis viris sacrisque quamdiu viguit caeliferis laudibus conferenda* (§ 637). В этих словах не без основания увидели намек на недавнее падение Вечного города, из-за которого он более не может похвастаться (*viguit*) ни военной мощью (*armis*), ни многочисленным населением (*viris*); кроме того, в результате его были попораны римские святыни (*sacris*). Соответственно, делался вывод, что сочинение было написано либо вскоре после 410 г. (захват Рима готами Алариха), либо после 455 г. (вандалское нашествие под предводительством Гейзериха). Приведенная в этой же книге характеристика Карфагена (§ 669) *Carthago inclita pridem armis, nunc felicitate reuerenda* давала основания считать, что сочинение было написано до 439 г., когда Карфаген подвергся нашествию вандалов. Отсюда принятая большинством ученых датировка произведения 410–439 гг. Некоторые исследователи предлагают более раннюю дату: так, А. Дик, понимая *viguit* в § 637 как перфект в собственном смысле (т.е. в том же значении, что англ. *has been powerful*), считает это указанием на то, что произведение создано как раз до 410 г.¹¹ В то же время ряд исследователей настаивает на более поздней датировке, опираясь при этом не столько на текст «Бракосочетания Филологии и Меркурия», сколько на соображения, касающиеся культурно-политической и религиозной ситуации того времени: так, Данута Шанзер, Сэмюэл Барниш и Сабина Гребе считают вероятной дату после 455 г.¹²; допускается даже датировка – конец V–начало VI в.¹³

⁸ *De Nonno M. Un nuovo testo di Marziano Capella: la metrica // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1990. Vol. 118. P. 129–144.*

⁹ *Впервые дата установлена Отто Яном (Jahn O. Über die Subscriptionen in den Handschriften römischer Classiker // Berichte der königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. 1851. S. 351–354).*

¹⁰ *Cameron A. Martianus and His First Editor // Classical Philology. 1986. Vol. 81. № 4.*

¹¹ *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii / Ed. A. Dick. Lipsiae, 1925. P. XXV.*

¹² *Shanzer D. Op. cit. P. 5–28.*

¹³ *Barnish S.I.D. Martianus Capella and Rome in the Late Vth Century // Hermes. 1986. Vol. 114; Grebe S. Gedanken zur Datierung von De Nuptiis Philologie et Mercurii des Martianus Capella // Hermes. 2000. Vol. 128. № 3.*

Другой род аргументов опирается на литературные особенности «Бракосочетания Филологии и Меркурия», возможные влияния, заимствования, а также, не в последнюю очередь, особенности стиля и метрики Марциана Капеллы. В «Бракосочетании Филологии и Меркурия» исследователи обнаруживают заимствования из сочинений Солина о географии, Аквилы Романа о риторике и Аристида Квинтилиана о музыке; все эти авторы писали не позже второй половины III в. н.э. С другой стороны, Марциана Капеллу упоминают такие писатели, как Фульгенций (начало VI в.) и Кассиодор (середина VI в.), не говоря уже о более поздних авторах; существуют также аргументы в пользу знакомства с сочинением Марциана Капеллы Северина Боэция (ум. в 524 г.)¹⁴. Пауль Весснер, предлагая датировать произведение второй половиной IV в., приводит в качестве аргумента знакомство Марциана Капеллы с сатирами Ювенала, которые, как свидетельствует, в частности, Аммиан Марцеллин, были пользовались популярностью именно в эту эпоху¹⁵. Ричард Джонсон отмечает у Марциана Капеллы две реминисценции из Клавдиана, что должно подтверждать датировку началом V в.¹⁶ Не последнюю роль в спорах о датировке «Бракосочетания Филологии и Меркурия» играют и особенности стихосложения Марциана Капеллы. Адольф Дик, указывая на «необычайную метрическую правильность» стихов, утверждает, что подобная метрическая техника была едва ли возможна в «варварском» Карфагене V в., и, исходя, в частности, из этого аргумента, настаивает на датировке 284–330 гг.; Весснер привлекает этот же аргумент в пользу своей даты. Другие исследователи, признавая достоинства поэтической техники Марциана Капеллы, все же не считают ее невозможной и для V в.¹⁷

Имя автора сочинения в заголовках рукописей фигурирует как *Martianus Min(n)eus Felix Capella*, иногда в добавлении *Afer Carthageniensis*. В самом сочинении он называет себя *Felix Capella* (§ 425, § 534), *Felix* (§ 287), *Martianus* (§ 4, § 533). Именем *Felix Capella* называет его Фульгенций; в Средние века автор обычно упоминается как *Martianus*, иногда используется также и полное имя. Что касается названия самого произведения, то большинству рукописей первые две книги озаглавлены *De nuptiis Philologiae et Mercurii* («О свадьбе Филологии и Меркурия»), последующие же семь носят названия соответственно *De arte grammatica*, *De arte rhetorica*, *De arte dialectica*, *De geometri(c)a*, *De arithmetica*, *De astrologia*, *De harmonia*. Фульгенций ссылается на *liber de nuptiis Mercurii et Philologiae*, имея в виду место из первой книги сочинения Марциана Капеллы. Лишь одна относительно поздняя рукопись дает в качестве общего заглавия *De VII artibus liberalibus* («О семи

¹⁴ Wessner P. Op. cit. Col. 2004.

¹⁵ Ibid. Col. 2004.

¹⁶ Stahl J. Op. cit. P. 85.

¹⁷ Willis J. *Martianus Capella and His Early Commentators*. Diss. L., 1952. P. 9.

свободных искусствах)»¹⁸. Таким образом, название «Бракосочетание Филологии и Меркурия» применительно ко всему произведению в целом могло и не принадлежать самому Марциану Капелле и в современном виде появляется лишь в первых печатных изданиях.

Не существует полного согласия среди исследователей и в вопросе о жанровой принадлежности «Бракосочетания Филологии и Меркурия» и даже о непосредственном назначении этого произведения. Судя по датировкам дошедших до нас рукописей, на протяжении долгого времени (по крайней мере, в IX–XII вв.; вероятно, пусть в меньшей степени, также и в предыдущие и последующие столетия) сочинение Марциана Капеллы активно использовалось в практике школьного обучения всему циклу «свободных искусств» или некоторым отдельным предметам; вероятно также, что оно могло использоваться как справочник по основным научным дисциплинам, т.е. как энциклопедия в современном понимании. Помимо этого, исследователями неоднократно отмечалось, что произведение Марциана Капеллы хорошо вписывается в традицию написанных по-латыни учебников «свободных искусств», которые как раз в эту эпоху начинают активно создаваться на римском Западе. Сюда относится цикл учебников, задуманный и частично осуществленный в конце 380-х гг. Августином (были написаны, во всяком случае, книги по диалектике и музыке, возможно, также по грамматике и риторике), «Наставление в музыке» и «Наставление в арифметике» Северина Боэция (а также его не дошедшие до нас учебники геометрии и астрономии), «Наставления» Кассиодора, и более поздние «Начала» Исидора Севильского. Таким образом, не возникает сомнений в том, что именно в IV–VI вв. в силу эволюции образовательных институтов, возникает необходимость в систематическом изложении основ различных наук (в первую очередь, математического цикла) именно на латинском языке, и что произведение Марциана Капеллы как раз призвано, наряду с перечисленными произведениями прочих авторов, удовлетворить эту потребность.

Невозможно, однако, с уверенностью утверждать, что «Бракосочетание Филологии и Меркурия» задумывалось Марцианом Капеллой именно как учебник в собственном смысле, предназначенный для школьного преподавания научных дисциплин. Более того, есть ряд существенных черт, отличающих произведение Марциана Капеллы от других вышеперечисленных позднеантичных пособий по «свободным наукам», а также и от любого вообще учебника, кем-либо когда-либо написанного. В первую очередь это наличие и важная роль в этом произведении обрамляющего сюжета, который к тому же отличается, с одной стороны, весьма далеким от атмосферы школьной педантичности (и местами откровенно фривольно-эротическим) характером, а с другой — наполнен сложнейшим религиозно-философ-

¹⁸ Wessner P. Op. cit. Col. 2006.

ским содержанием; так что весьма наивно было бы воспринимать его, как это обычно делалось впоследствии, как некое развлекательное дополнение к «основному» педагогическому материалу. Подобное внимание Марциана Капеллы к разработке фабульной части (написанной к тому же нарочито усложненным языком), в сочетании с очевидной некомпетентностью автора в изложении большинства научных разделов (что немало вредит педагогическому потенциалу сочинения) заставляет воспринимать «Бракосочетание Филологии и Меркурия» не столько как учебник, сколько как аллегорический протрептик к научным занятиям, и в любом случае — в первую очередь как, пусть весьма и своеобразное, произведение изящной словесности. В этом плане можно отметить несомненную связь произведения Марциана Капеллы сразу с несколькими жанрами античной словесности, каждый из которых обладал несомненным педагогическим потенциалом: во-первых, с жанром менипповой сатиры (это обстоятельство подчеркивается самим автором посредством введения аллегорического персонажа по имени Сатира); во-вторых, с жанром симпосия в духе Платона (или, в еще большей степени, в духе Плутарха или Макробия), где гости по очереди произносят ученые монологи подобно тому, как это делают служанки Меркурия у Марциана Капеллы; и, наконец, с жанром философско-аллегорического романа, наиболее известный представитель которого, Апулей Мадаврский, оказал огромное влияние и на сюжет, и на стиль сочинения Марциана Капеллы.

Однако, каковы бы ни были интенции автора, в историю он вошел все же прежде всего как автор учебника «свободных» наук. В целом историю рецепции «Бракосочетания Филологии и Меркурия» в последующие столетия можно, по нашему мнению, условно разделить на следующие пять важнейших этапов. Первый из них — от момента написания до начала IX в., когда сочинение Марциана Капеллы получает определенное распространение среди образованных людей всей Западной Европы. В это время «Бракосочетание Филологии и Меркурия» воспринимается, по всей видимости, в целом адекватно авторскому замыслу — т.е. одновременно как изложение основ всех важнейших наук (в этом качестве на него ссылаются Кассиодор и Григорий Турский; тогда же научный материал Марциана Капеллы используют, в частности, Исидор Севильский и Беда Достопочтенный) и, в немалой степени, как поэтическое произведение, на которое ориентируются, среди прочих, Фульгенций и авторы *Hisperica Famina*; довольно вероятно влияние Марциана Капеллы и на Боэция.

Следующий этап начинается с открытия каролингских школ в начале IX в., где сочинение Марциана Капеллы стало активно использоваться как базовый учебник по основным наукам¹⁹. Именно этот

¹⁹ «Вероятно, самый популярный в Средние века учебник» (“Perhaps the most widely used schoolbook of the Middle Ages” // Taylor H.O. *The Classical Heritage of the Middle Ages*. N.Y., 1900. P. 49).

научно-педагогический элемент, очевидно, воспринимался в ту пору как главный в сочинении, а фабульная часть — как некоторый довесок; помимо этого она, хотя и продолжала переписываться наравне с «научными» частями, все же должна была вызывать некоторую настороженность как носитель чуждой языческой идеологии. В первую очередь в качестве учебника произведение Марциана Капеллы (и отдельные его части) продолжало функционировать до первой половины XII в. включительно; впрочем, и художественный аспект «Бракосочетания Филологии и Меркурия» продолжал оказывать определенное влияние²⁰.

Со временем, однако, когда образование в Западной Европе достигает достаточно высокого уровня (т.е. уже с XI–XII вв.), изложенных у Марциана Капеллы сведения становятся очевидным образом недостаточно для целей университетского преподавания, и «Бракосочетание Филологии и Меркурия» уступает роль основного учебного пособия более обстоятельным сочинениям (например, в области математических наук и логики — сочинениям Боэция, в грамматике — Донату и Присциану). В то же самое время сочинение Марциана Капеллы продолжает пользоваться популярностью как произведение изящной словесности: выше уже упоминалось о влиянии его на развитие средневековой литературы, и в частности на Данте.

* * *

С началом эпохи Возрождения интерес к сочинению Марциана Капеллы постепенно затухает. Первое печатное издание выходит сравнительно поздно (в 1499 г.), количество последующих изданий также невелико. XVII–XVIII вв. отмечены почти полным забвением Марциана Капеллы (впрочем, отдельные ученые продолжали проявлять к нему некоторый интерес и в эту эпоху: так, к исправлению текста «Бракосочетания» в начале XVIII в. приложил руку Ричард Бентли). Возрождение интереса, хотя и достаточно медленное, происходит в XIX–XX вв., и связано оно с общим подъемом научно-исследовательского интереса к античности, в том числе и поздней. Только в 1983 г. появляется первое полноценное критическое издание «Бракосочетания Филологии и Меркурия» под редакцией Джеймса Уиллиса²¹. Также показательно, что до 1977 г. сочинение Марциана Капеллы оставалось не переведенным полностью ни на один современный язык; с тех пор появился полный

²⁰ Wessner P. Op. cit. Col. 2012–2013; *Marziano Capella. Le nozze di Filologia e Mercurio* / A cura di I. Ramelli. Milano, 2001. P. 1019.

²¹ *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. J. Willis. Leipzig, 1983. Предыдущие издания: *Grotius H. Martiani Capellae de Nuptiis Philologiae et Mercurii*. Lugduni Batavorum, 1599; *Kopp U.F. Martiani Minei Felicis Capellae de nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus libri novem*. Francofurti ad Moenum, 1836; *Martiani Capellae de Nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. F. Eysenhardt. Lipsiae, 1866; *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. A. Dick. Lipsiae, 1925; *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. A. Dick, cum add. J. Préaux. Stuttgartiae, 1969, 1978.

английский, итальянский и немецкий переводы²², а также комментированные переводы отдельных книг произведения Марциана Капеллы²³. На русском языке первый известный нам частичный перевод «Бракосочетания Филологии и Меркурия» был опубликован в 1906 г., когда отдельные отрывки из шестой, восьмой и девятой книг этого сочинения были включены в сборник сообщений античных писателей о Скифии и Кавказе, изданный В.В. Латышевым²⁴. В 2014–2017 гг. в журнале «Аристей» вышел в свет комментированный перевод первой, второй и седьмой книг сочинения Марциана Капеллы²⁵. Полный русский перевод «Бракосочетания Филологии и Меркурия» в настоящем издании публикуется впервые.

²² *Martianus Capella and the Seven Liberal Arts* / Transl. by W.H. Stahl, R. Johnson, with E. Bourge. Vol. II: *The Marriage of Philology and Mercury*. N.Y., 1977; *Marziano Capella. Le nozze di Filologia e Mercurio* / A cura di I. Ramelli. Milano, 2001; *Zekl H.G. Martianus Capella: Die Hochzeit der Philologia mit Merkur. De nuptiis Philologiae et Mercurii*. Würzburg, 2005.

²³ *Martianus Capella. Les nocces de Philologie et de Mercure, Livre I* / Texte établi et traduit par J-F. Chevalier. P., 2014; см. также комментарий к первой книге Дануты Шанзер: *Shanzer D. A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii*. Book I. Berkeley; Los Angeles, 1986; *Lenaz L. Martiani Capellae de nuptiis Philologiae et Mercurii liber secundus*. Padova, 1975; *Vanderkerckhoven N. Les Nocces de Mercure et Philologie, livre III* / Éd. critique et traduction française. Bruxelles, 1968; *Martianus Capella. Les nocces de Philologie et de Mercure, Livre IV: la dialectique* / Texte établi et traduit par M. Ferré. P., 2007; *Gasparotto G. Marziano. Geometria. De nuptiis Philologiae et Mercurii liber sextus* / Intr., trad., comm. Vérone, 1983; *Martianus Capella. Les nocces de Philologie et de Mercure, Livre VI: la géométrie* / Texte établi et traduit par B. Ferré. P., 2007; *Marziano Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii liber VII* / Intr., trad. e comm. di L. Scarpa. P., 1988; *Martianus Capella. Les nocces de Philologie et de Mercure, Livre VII: l'arithmétique* / Texte établi et traduit par J-Y. Guillaumin. P., 2003; *Cristante L. Martiani Capellae De Nuptiis Philologiae et Mercurii Liber IX*. Padova, 1987; *Le Boeuffle A. Martianus Capella. Astronomie* / Trad. et comment. Vannes; Burillier, 1998; *Martianus Capella. Les nocces de Philologie et de Mercure, Livre IX: l'harmonie* / Texte établi et traduit par J-B. Guillaumin. P., 2011.

²⁴ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. Том II. Латинские писатели. Выпуск 2-й. СПб., 1906. Впоследствии перевод отрывков из Марциана Капеллы был переиздан в числе других переводов из вышеупомянутого сборника в приложении к журналу «Вестник древней истории» (ВДИ. 1949. № 4. С. 278–282).

²⁵ *Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия. Книга седьмая («Об арифметике»)* / Пер. и вступ. ст. Ю.А. Шахова // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. 2014. Т. X. С. 266–291; *Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия. Книга первая* / Пер. и коммент. Ю.А. Шахова // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. 2016. Т. XIII. С. 103–126; *Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия. Книга вторая* / Пер. и коммент. Ю.А. Шахова // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. 2017. Т. XV. С. 135–160.

2.

Сочинение Марциана Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» состоит из девяти книг, семь из которых — книги с третьей по девятую — в основном посвящены отдельным научным дисциплинам (грамматике, диалектике, риторике, геометрии, арифметике, астрономии и гармонии). Первая и вторая книги, содержание которых Марциан Капелла характеризует словами *fabula*, *mythos* (т.е. «миф», «басня» или «сказка») и *commenta* («выдумка») (§§ 220–222), содержат в себе пространный аллегорический рассказ, призванный в иносказательной форме сообщить читателю некоторые важные для автора философские и педагогические идеи. Повествование, образующее большую сюжетную рамку для всего энциклопедического раздела «Бракосочетания Филологии и Меркурия», продолжается и в последующих книгах, всякий раз образуя малую сюжетную рамку, вводящую изложение каждой отдельной дисциплины. Содержание и смысл аллегорической фабулы сочинения Марциана Капеллы стали в последние десятилетия предметом нескольких подробных исследований²⁶. Не претендуя на полноту анализа и истолкования этого сюжета, мы остановимся здесь лишь на его важнейших, на наш взгляд, моментах.

Основное содержание первой книги (§§ 1–97) – поиски невесты богом Меркурием, вознамерившимся по примеру других небожителей вступить в законный брак; в результате выбор его останавливается на Филологии, учнейшей из смертных дев. Во второй книге (§§ 98–220) Филология, готовясь соединиться с небесным женихом, проходит несколько стадий посвящения, после которых ей предстоит вступить в семью небожителей и обрести бессмертие. В украшенном звездами паланкине Филология возносится на небеса, где в присутствии всех богов должен совершиться обряд бракосочетания; торжественная церемония начинается с предъявления даров, приготовленных для невесты Меркурием. В качестве таких даров выступают семь перечисленных выше Дисциплин, каждая из которых вкратце рассказывает о своем искусстве: их монологи и составляют содержание наибольшей по объему части «Бракосочетания», а именно книг с третьей по девятую. Помимо Меркурия, Филологии и семи Искусств, в рассказе Марциана Капеллы выступают действующими лицами либо упоминаются многочисленные боги традиционного греко-римского пантеона во главе с Юпитером и Юноной, различные италийские и восточные божества, а также всевозможные аллегорические персонажи. В числе последних особо можно отметить неоднократное появление

²⁶ См., среди прочего: *Shanzer D. A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii. Book 1. Berkeley; Los Angeles, 1986; Lenaz L. Martiani Capellae de nuptiis Philologiae et Mercurii liber secundus. Padova, 1975; Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Макробий и Марциан Капелла — философствующие писатели поздней античности. М., 1990; Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002. С. 162–185.*

такого персонажа, как Сатира (*Satura*), которая, выступая в роли воображаемого соавтора Марциана Капеллы, олицетворяет избранный им литературный жанр менипповой сатиры и время от времени вступает с автором с язвительную полемику (§§ 2, 576–579, 806–810, 997–1000).

Меркурий в произведении Марциана Капеллы демонстрирует черты как Меркурия-Гермеса традиционной греческой мифологии, красноречивого вестника богов (см., например, §§ 5, 8–9, 92), так и известного в поздней античности бога мудрости и знания Гермеса Трисмегиста, отождествлявшегося с египетским богом Тотом (§ 101). На то, что Марциан Капелла, вслед за стоиками и неоплатониками, видит в Меркурии персонафикацию Божественного Логоса (Слова и Разума)²⁷, указывает, в числе прочего, имя избранницы этого бога — *Φιλολογία*, «Любовь к Логосу». Филология, земная невеста Логоса, выступает как олицетворение человеческого знания: именно она, согласно рассказу Марциана Капеллы, избавляет Психею (т.е. человеческую душу) от ее изначально грубого, «звериного» нрава и сообщает ей прелесть и красоту; заветная мечта Филологии — сделать Психею бессмертной (§§ 7, 23). Характерны и окружающие Филологию аллегорические персонажи: матерью ее является Рассудительность (*Phronesis*) (§ 114), ее служанками — Любопытство (*Periergia*), Забота (*Epimelia*) и Неусыпное Бдение (*Agrypnia*) (§§ 111, 145); сама Филология предстает как покровительница Премудрости (*Sophia*), Красноречия (*Facundia*) и Искусства Прорицания (*Mantice*) (§§ 23, 173).

Очевидно, что знания, которыми обладает Филология, не имеют ничего общего с суетной житейской премудростью, нацеленной на земное преуспевание (ср. §§ 577, 891). Это знания о возвышенных, божественных предметах, благодаря которым эта смертная дева способна не только предвидеть будущее, но и порой подчинять своей воле самих бессмертных богов (§ 22). Подлинное знание для Марциана Капеллы неотделимо от искусства прорицания и теургии, поэтому не случайна и вышеупомянутая связь Филологии с Мантикой, и появление в девятой книге «Бракосочетания» семи дев, олицетворяющих различные виды дивинации (в том числе гадание по звездам, по знакам, по птицам, по молниям), приведенных матерью невесты Фронесидой в качестве свадебного подарка ее небесному жениху (§§ 892–896).

В свою очередь семь сестер-служанок, приготовленных Меркурием для Филологии (Грамматика, Диалектика, Риторика, Геометрия, Арифметика, Астрономия и Гармония), представляют собой дар бога стремящейся к познанию человеческой душе. Выраженные в такой аллегорической форме представления, во-первых, о божественном происхождении подлинного знания и, во-вторых, о существовании строго ограниченного круга научных дисциплин, способствующих обретению такого рода знания, связывают образовательный идеал Марциана Капеллы со вполне определенной философской традицией, восходящей в конечном итоге к учению Платона (427–347 гг. до н.э.). В платоновском

²⁷ См.: Адо И. Указ. соч. С. 128–129.

«Федре» мы встречаем рассуждение о том, что истинное познание есть «припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, с презрением взирала на то, что мы ныне зовем бытием, и поднималась до подлинно сущего»²⁸, а в седьмой книге «Государства» философ устами Сократа перечисляет конкретные дисциплины, изучение которых способно отвратить разум человека от эфемерных сущностей, доступных повседневному восприятию, к созерцанию подлинного и вечного бытия — это *арифметика, геометрия, астрономия и гармония*²⁹. Именно эти четыре науки, занимающиеся исследованием отвлеченных чисел и величин, должны, по мысли Платона, составлять основу образования для гражданина сконструированного им идеального государства; последним этапом должно было стать усвоение высшей из наук — диалектики, науки о чистом умопостигаемом бытии³⁰.

Предложенная Платоном учебная программа, в свое время больше повлиявшая на научные интересы последователей этого философа³¹, нежели на историю античных образовательных институтов³², может, несомненно, быть названа одним из первоисточников сформировавшейся значительно позже, на рубеже поздней античности и средневековья, концепции цикла *семи свободных искусств* как основы фундаментального образования. Не случайно, что важнейшую часть этого цикла, впервые в аллегорической форме представленного в «Бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, составлял как раз утвержденный авторитетом Платона пифагорейский квадривиум, состоящий из арифметики, геометрии, астрономии и гармонии.

Другим источником упомянутой концепции можно считать важное для античности и восходящее еще к софистам (V в. до н.э.)³³ и Исократу (436–338 гг. до н.э.)³⁴ понятие об *универсальном образовании*, начиная с I в. до н.э. регулярно обозначавшееся словосочетанием *ἐγκύκλιος παιδεία*, букв. «круговое, то есть всестороннее, воспитание» (составляющие его дисциплины, соответственно, получили название «круговых искусств», *κυκλικαὶ*

²⁸ Plat. phaedr. 249bc.

²⁹ Plat. resp. 525c–531c.

³⁰ Plat. resp. 531d–532c.

³¹ Изложенный в «Государстве» учебный план, несомненно, определял содержание занятий в основанной Платоном Академии, по крайней мере, при самом Платоне и двух его ближайших преемниках, Спевсиппе (409–339 гг. до н.э.) и Ксенократе (396–314 гг. до н.э.), а возможно и вплоть до перехода Академии на скептические позиции в середине III в. под началом Аркесилая (ок. 315–240 гг. до н.э.). Позднее предложенная в «Государстве» программа занятий могла быть частично взята за образец в Новой Академии во времена Филона из Лариссы (154–84 гг. до н.э.) и в Академии неоплатоников в V–VI вв.

³² Как известно, основу высшего образования как в классический, так и эллинистический и имперский периоды античности продолжали составлять не математические науки, а грамматика и риторика. См.: Адо И. Указ. соч. С. 24–34, 307–318.

³³ Ср. Plat. Hip. mai. 285b–286c.

³⁴ Isocr. Antidos. 261–268.

τέχνηαι)³⁵. «Циклическое» образование, обычно рассматривавшееся как подготовительный этап высшего образования, могло включать в себя разный набор дисциплин: так, Витрувий (I в. до н.э.), перечисляя «циклические искусства», полезные для архитектора, называет в их числе литературу, живопись, геометрию, историю, философию, музыку, медицину и астрономию³⁶. Квинтилиан (ок. 35–96 гг.) включает в «круг учения» (*orbis ille doctrinae*)³⁷, необходимого для будущего оратора, такие предметы, как грамматика, диалектика, музыка, геометрия, астрономия, философия, история и право. Плиний Старший (23–79 гг.) употребляет термин *ἐγκύκλιος παιδεία* применительно к содержанию своей многотомной «Естественной истории» (*Naturalis historia*), включающей разнообразные сведения об устройстве космоса, частях света, животных, растениях, лекарствах, металлах, драгоценных камнях и произведениях искусства³⁸. К числу других известных в античности энциклопедических трудов принадлежали «Искусства» (*Artes*) Корнелия Цельса (ок. 25 г. до н.э.–50 г. н.э.) — это сочинение содержало, помимо единственного дошедшего до нас раздела о медицине, также книги о сельском хозяйстве, праве, риторике и военном деле, — а также весьма прославленные в древности, но не дошедшие до нас девять книг «Дисциплин» (*Disciplinae*) Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.), одна из которых была посвящена архитектуре, а другая, возможно, медицине³⁹.

Особый смысл приобрело понятие *ἐγκύκλιος παιδεία* у представителей философских школ, унаследовавших идеи Платона (не только

³⁵ Лат. *disciplinae cyclicae* (§ 998). Марциан Капелла, как и другие латинские авторы, применяет по отношению к «циклическим дисциплинам» также слово *artes* (§ 220). В другом месте (§ 138), впрочем, он намекает на существование различия между «искусствами» (*artes*) и «дисциплинами» (*disciplinae*). В самом общем виде античные понятия «искусства» (*ars, τέχνη*), «свободных искусств» (*artes liberales*) и «дисциплины» (*disciplina, ἐπιστήμη*) можно определить следующим образом: искусство — это деятельность, которая требует усвоения определенного свода правил, либо сам свод таких правил; свободное искусство — искусство, достойное свободного человека; дисциплина — строгое научное знание о каком-либо предмете (ср. Isid. Orig. 1. 1-2).

³⁶ Vitr. I 1, 3.

³⁷ Quint. inst. I 10, 4.

³⁸ Plin. n. h. pr. 14.

³⁹ Согласно получившей широкое распространение гипотезе Ф. Ричля, девять книг «Дисциплин» Варрона были посвящены, соответственно, грамматике, диалектике, риторике, геометрии, астрономии, музыке, медицине и архитектуре (*Ritschl F. De M. Terentii Varro-nis disciplinarum libris commentarius // Opuscula philologica. Leipzig, 1877. T. III. S. 352–402*). Позднее, однако, реконструкция Ричля была подвергнута убедительной критике в исследовании Илзетраут Адо (*Указ. соч. С. 185–229*). Неоднократные упоминания о Варроне у Марциана Капеллы в свое время дали Ф. Ричлю и некоторым другим исследователям повод к догадке о том, что именно «Дисциплины» Варрона послужили основным источником материала для энциклопедического раздела «Бракосочетания Филологии и Меркурия»; в настоящее время, однако, само утверждение о непосредственном знакомстве Марциана Капеллы с этим трудом Варрона подвергается сомнению (*Stahl J. Op. cit. 1971. P. 42–43*). Об источниках «Бракосочетания Филологии и Меркурия» см. далее.

Древней и Новой Академии, но стоиков и перипатетиков), подразумевавших под «циклическими дисциплинами» именно те предметы, целью изучения которых было приготовление души к наиболее достойному свободному человеку занятию — изучению собственно философии (в терминологии Аристотеля, соответственно, — «первой философии», у Платона — «диалектики»)⁴⁰. Круг этих предметов в течение долгого времени не был строго определенным. Относимый к средним платоникам Филон Александрийский (ок. 20 г. до н.э. — 50 г. н.э.) в аллегорической форме говорит о существовании двенадцати энциклических искусств (*τὰ ἐγκύκλια*), подчиненных философии, но не называет их поименно; из его сочинений ясно, однако, что он относит к таким искусствам, помимо традиционных четырех математических наук, также грамматику, риторику и диалектику⁴¹. Другой средний платоник Максим Тирский (конец II в. н.э.) в числе «помощников» философии называет, наряду с математическими науками, поэзией и риторикой, также и гимнастику⁴².

Цикл из семи дисциплин именно в том составе, в котором он выступает в «Бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, впервые формируется и получает обоснование, по-видимому, не раньше III в. в среде философов-неоплатоников. Во всяком случае, первым по времени сочинением, где мы находим упоминаемый цикл, является трактат Аврелия Августина (354–430 гг.) «О порядке» (*De ordine*) созданный в 386 г. под ощутимым влиянием трудов неоплатоника Порфирия (ок. 234–305 гг.) и в особенности его несохранившегося сочинения «О возвращении души»⁴³. В трактате Августина «О порядке» описывается путь, который должна проделать человеческая душа, чтобы избавиться от пут чуждого ей чувственного мира и, вновь обретя самое себя, возвратиться к Творцу. Помочь ей в этом способно последовательное усвоение семи наук, основанных на числовых соразмерностях и поэтому внутренне родственных между собой, располагаемых соответственно возвышенности и отвлеченности их предметов: а именно, грамматики, диалектики, риторики, музыки, геометрии, астрономии и арифметики, а затем высшей из наук — философии. Созданное приблизительно в это же время или несколько позже «Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, в иносказательной форме описывающее слияние человеческого знания (Филологии) с Божественным Логосом (Меркурием) и вводящее фигуры тех же Дисциплин в образе семи подаренных Меркурием своей невесте сестер-служанок (что должно подчеркивать как внутреннее родство этих наук, так и их пропедевтический характер), без сомнения, несет в себе следы той же неоплатонической доктрины. Собственным изобретением Марциана Капеллы является образ увлеченной мантикой и теургическими практиками — в духе Ямвлиха (ок. 245–325 гг.) и поздних неоплатоников⁴⁴ —

⁴⁰ Адо И. Указ. соч. С. 328–332.

⁴¹ Phil. quaest. in Gen. 17, 8; de mutat. nom. 263; de fuga 183–184; Alexandre M. De congressu eruditionis gratia. P., 1967. P. 34–35.

⁴² Max. Tyr. or. XXXVII, 3, p. 428, 10ff ed. Hobein.

⁴³ Адо И. Указ. соч. С. 117–162.

⁴⁴ Ср.: Shanzer D. Op. cit. P. 66–67; Адо И. Указ. соч. С. 182–183.

девы Филологии, выступающей олицетворением высшей формы человеческого знания и замещающей в этой роли Философию Августина и Филона.

Таким образом, образовательный цикл из семи наук, излагаемый в энциклопедии Марциана Капеллы, с одной стороны, прямо вытекает из предшествующей философской традиции; с другой — именно в таком виде (грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия и гармония) впервые зафиксирован именно в «Бракосочетании Филологии и Меркурия» и ко времени написания этого произведения, вероятно, еще не представлял собой прочно устоявшейся теоретической конструкции и тем более не был, как считалось когда-то⁴⁵, простым отражением обычной в античности школьной практики. О том, что во времена Марциана Капеллы состав «циклических дисциплин» был еще предметом споров, может свидетельствовать, в частности, носящая скрыто полемический характер аргументация в пользу исключения Медицины и Архитектуры из перечня дисциплин, вложенная в уста Аполлона: *поскольку их заботы касаются смертных предметов, а искусство их посвящено земному, и они не имеют ничего общего с эфиром и горними сферами, то не будет несообразным, если они будут с презрением отвергнуты и сохранят молчание в небесном сенате* (§ 891). Таким образом, вслед за Платоном, Порфирием и Августином, Марциан Капелла избирает для изложения только наиболее возвышенные и отвлеченные науки, отвергая по этой причине вошедшие в свое время в энциклопедию Варрона медицину и архитектуру. Нельзя исключать, впрочем, что ограничение числа дисциплин семью могло диктоваться и другими, не названными прямо соображениями: например, арифмологическими (желанием привязать число наук к «священному» числу семь⁴⁶) или даже просто отсутствием доступных материалов по другим научным дисциплинам. Так или иначе, только после Марциана Капеллы — и в значительной степени благодаря ему — знаменитый цикл «семи свободных искусств», впоследствии в форме «тривиума» (грамматика, диалектика, риторика) и «квадривиума» (арифметика, геометрия, астрономия, гармония), составивших основу фундаментального образования в университетах средневековой Европы, обретает свою окончательную и каноническую форму⁴⁷.

⁴⁵ Ср., например: *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 247–248.

⁴⁶ См. §§ 738–739.

⁴⁷ Сами термины *trivium* и *quadrivium* (*quadruvium*) еще не встречаются у Марциана Капеллы и появляются позднее: *quadruvium* — впервые у Боэция (как перевод использованного Никомахом Гераским применительно к математическим наукам словосочетания *τέσσαρες μέθοδοι* «четыре пути», *Boeth. instit. arithm.* I, 1, p. 9, 28 ed. Friedlein, ср. *Nicom. intr.* I 4, 1), *trivium* — в каролингскую эпоху. Вопреки периодически встречающимся утверждениям, в «Бракосочетании Филологии и Меркурия» науки тривиума (грамматика, диалектика, риторика) с одной стороны и науки квадривиума (геометрия, арифметика, астрономия, гармония) с другой стороны нигде прямо не противопоставляются друг другу.

3. Семь свободных искусств в «Бракосочетании Филологии и Меркурия»

3.1 Грамматика

Содержание дисциплины, называемой «грамматикой», в различные периоды античности понималось по-разному. Исходное значение греческого *γραμματική* (от *γράφω* — писать, *γράμμα* — знак, буква) — «грамота», т.е. умение читать и писать; тем же словом обозначалось учение о буквах и письме⁴⁸. Кроме того, термин *γραμματική* употреблялся у эллинов и в более широком смысле общефилологической дисциплины, в рамках которой изучались и толковались произведения классической литературы (прежде всего труды Гомера и Гесиода). Именно грамматика в этом смысле — отделявшаяся от элементарного обучения грамоте, для обозначения которого был придуман специальный термин *γραμματιστική*⁴⁹ — составляла, наряду с риторикой, основу высшего образования на протяжении всей античной эпохи. Труды ученых Александрийской школы (III–I вв. до н.э.) грамматика превратилась в самостоятельную и хорошо разработанную научную дисциплину, занимавшуюся изданием словарей, комментированием и критическим изданием текстов. Именно в эпоху александрийских грамматиков рождается и отдельное учение об устройстве языка, описывающее свойства звуков, слогов и частей речи — т.е. грамматика уже в том новом смысле, в каком она обычно понималась в Средние века и в Новое время.

Грамматические понятия и явления, систематически описанные Дионисием Фракийским (170–90 гг. до н.э.) и другими александрийцами, были, впрочем, в значительной степени известны уже в предшествующие эпохи. Так, классификация звуков греческого языка на «гласные», «беззвучные» и «средние» упоминается в диалогах Платона (427–347 гг. до н.э.)⁵⁰ и была к этому времени, вероятно, уже широко известна благодаря грамматико-философским изысканиям софистов. Нам известно, что «правильность букв и слогов, ритмов и гармоний» была одним из излюбленных предметов рассуждений Гиппия из Элиды (ок. 460–ок. 400 гг. до н.э.)⁵¹, а одно из сочинений, приписывавшихся Демокриту (ок. 460–ок. 370 гг. до н.э.), называлось «О благозвучных и неблагозвучных буквах» (этому же философу принадлежали и трактаты с такими названиями, как «О красоте слов», «О речениях», «О наименованиях» и «О Гомере, или об орфоэпии и глоссах»)⁵². Протагор

⁴⁸ Так, Аристотель определяет грамматику как науку о звуках речи (Aristot. *metaph.* IV 1003 b 20-21).

⁴⁹ См. § 229 и примечания к нему.

⁵⁰ Plat. *Cratyl.* 424c, *Phil.* 18bc, *Theaet.* 203b.

⁵¹ Plato *Hipp. mai.* 285cd.

⁵² *Diog. Laert.* X 48.

из Абдер (ок. 485–ок. 410 гг. до н.э.) впервые открыл существование трех родов имен: мужского, женского и среднего, а также стал различать времена глагола и выделил четыре типа высказываний: вопрос, ответ, поручение и просьбу⁵³. В сочинениях Платона, которого больше интересовали философские проблемы языка (например, проблема отношения вещей и имен, которой посвящен известный диалог «Кратил»), нежели собственно грамматические вопросы, мы, однако, находим, помимо уже упоминавшейся нами классификации звуков, также данное мимоходом определение слога⁵⁴ и сведения о различии между «высокими» и «низкими» (т.е. ударными и безударными) слогами⁵⁵. В диалоге «Софист» Платон употребляет понятия «имени» (*ὄνομα*) и «глагола» (*ῥῆμα*), говоря о них как о необходимых частях предложения (*λόγος*) — впрочем, как видно из контекста, названные термины имеют здесь для философа более логический, чем собственно грамматический смысл⁵⁶.

Грамматические определения, встречающиеся в трудах Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), имеют более проработанный характер, несмотря на то, что Аристотель, как и его учитель Платон, не рассматривал язык как самостоятельный предмет изучения. Выделяя три рода звуков, Аристотель указывает их свойства с точки зрения не только акустики, но и артикуляции. У Аристотеля также впервые упоминается о различии между острым и «средним» (т.е. облученным) ударением⁵⁷. Наряду с именем и глаголом Аристотель, называет еще два разряда слов, а именно *ἄρθρον* (сюда, вероятно, относились артикли и местоимения) и *σύνδεσμος* (в этот разряд Аристотель, по-видимому, включал союзы и предлоги)⁵⁸. Наконец, у Аристотеля впервые используется как грамматический термин слово «падеж» (*πτῶσις*): этим словом он называет формы имени, отличающиеся («отпадающие») от исходной формы, а также повелительные и вопросительные формы глагола⁵⁹.

Из всех философских школ наиболее значительный вклад в развитие грамматического учения внесла школа стоиков в лице таких своих представителей, как основатель Стои Зенон Китийский (ок. 334–ок. 262 гг. до н.э.), Хрисипп из Сол (ок. 336–209 гг. до н.э.) и Диоген Вавилонский (ок. 240–150 гг. до н.э.). Стоики рассматривали проблемы устройства языка в рамках собственного учения о логике, предметом которого они считали не только понятия, суждения и умозаключения, но и способы их словесного выражения. Именно философами стоической школы была впервые разработана терминология, позднее употре-

⁵³ Aristot. rhet. III 5, 1407 b 7-8; Diog. Laert. IX 52-54.

⁵⁴ Plat. Theaet. 203e; 204a.

⁵⁵ Plat. Cratyl. 399b, Theaet. 163c.

⁵⁶ Plat. soph. 261e-262ac.

⁵⁷ Aristot. poet. 56 b 25-34.

⁵⁸ Aristot. poet. 56 b 21.

⁵⁹ Aristot. int. 16 a 33-b 1; Aristot. poet. 57 a 21-23.

блявшаяся греческими, римскими и новоевропейскими грамматиками для описания именного и глагольного словоизменения, а также некоторых явлений из области синтаксиса. Среди всего прочего, стоики впервые стали использовать встречающийся уже у Аристотеля термин «падеж» (*πτῶσις*) в привычном нам смысле (как обозначение одной из категорий имени), ввели названия для пяти греческих падежей и всех времен греческого глагола. Они также разработали собственное учение о частях речи, в число которых со II в. до н.э., наряду с именем собственным, именем нарицательным, членом и артиклем, стали включать и наречие⁶⁰. Стоикам принадлежат, кроме того, разнообразные классификации видов предложений в зависимости от переходности и управления сказуемого, его активной или пассивной формы, от цели высказывания и его простоты или сложности; ими были выделены также различные типы сложных предложений (соединительные, разделительные, с условным и причинным придаточным и т.д.)⁶¹. Немалую роль в истории грамматики сыграло введенное стоиком Хрисиппом понятие «аномалии», под которой изначально подразумевалось всякое несоответствие между мыслью и способом ее выражения: например, употребление множественного числа для обозначения единственного предмета (как в случае с названиями городов «Афины» и «Фивы») и наоборот (как в случае с такими именами, как «народ» или «хор»).

Другим важнейшим понятием античной теории языка стало понятие «аналогии», введенное филологами Александрийской школы, известнейшими из которых были Зенодот Эфесский (325–260 гг. до н.э.), Аристофан Византийский (257–180 гг. до н.э.) и Аристарх Самофракийский (217–145 гг. до н.э.). Изначально заимствованный из математики термин «аналогия» (*ἀναλογία*, лат. *proportio*) применялся в текстологии для обозначения тех случаев, где для восстановления неясных и сомнительных форм в рукописях Гомера и других поэтов привлекались известные грамматические формы других слов. Впоследствии принцип аналогии стал применяться более широко, в том числе и для установления форм, которыми следует пользоваться в «правильной» эллинской (или латинской) речи, из которой, по мнению наиболее радикальных аналогистов, следовало устранить любые грамматические нерегулярности и «аномалии»⁶². С теорией аналогизма, разрабатывавшейся александрийскими учеными, соперничала поддерживаемая представителями пергамской грамматической школы противоположная ей теория «аномализма», автором которой был стоик Кратет из Малла (II в. до н.э.). Под «аномалией» Кратет, в отличие от Хрисиппа, подразумевал уже не столько противоречие между значением и грам-

⁶⁰ Diog. Laert. VII 57.

⁶¹ Diog. Laert. VII 71.

⁶² Такой проект исправления языка и избавления его от «аномалий» описан, например, в трактате Варрона «О латинском языке» (Var. l. l. IX 16)

матической формой, сколько нерегулярность соответствий между разными формами слов, которую Кратет рассматривал как естественное свойство языка. Знание языка, по мнению пергамских грамматиков, должно был достигаться не усвоением правил аналогии, а наблюдением за обычным употреблением («привычкой»). Многолетняя полемика между аналогистами и аномалистами способствовала, в частности, подробному исследованию парадигм склонения и спряжения, результаты которого нашли отражение в дошедших до нас трудах греческих и римских грамматиков.

Первым из сочинений подобного рода стало «Грамматическое искусство» упоминавшегося выше Дионисия Фракийского (170–90 гг. до н.э.), ученика Аристарха Самофракийского. Большинство современных исследователей полагают, что самому Дионисию Фракийскому принадлежит только начало сохранившегося под этим названием трактата, остальная же часть была написана значительно позднее (3–4 вв. н.э.); впрочем, в основе его лежат разработки все тех же александрийских грамматиков. Предмет грамматики, по мнению Дионисия, состоит из шести частей: правильного чтения, объяснения поэтических тропов, толкования трудных слов и выражений, изучения этимологии, нахождения аналогии и критики поэтических произведений⁶³. Само «Грамматическое искусство» Дионисия посвящено в основном описанию значения и грамматических свойств восьми частей речи (имени, глагола, причастия, артикля, местоимения, предлога, наречия и союза).

У римлян систематическое изучение филологии и грамматики начинается в середине II в. до н.э.: согласно распространенному в античности предположению, начало ему было положено состоявшимся в 168 г. визитом в Рим Кратета из Малла. С конца II в. и особенно в I в. до н.э. римскими грамматиками создаются как школьные учебники латинского языка, так и сочинения, посвященные специальным вопросам — к их числу относятся, вероятно, такие известные нам только по названиям трактаты, как «Об аналогии» Стаберия Эрота, «О высказываниях» Элия Стиллона, «О латинской речи» Антония Гнифона, «Грамматические комментарии» Нигидия Фигула, «Об аналогии» Юлия Цезаря. Частично сохранился трактат «О латинском языке» Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.), состоявший из двадцати пяти книг и посвященный вопросам этимологии, морфологии и синтаксиса (до нас дошли только книги с пятой по десятую, составлявшие часть этимологического и морфологического разделов). Известны названия нескольких других работ Варрона по грамматике, среди которых — «О латинской речи», «О сходстве слов», «О пользе речи», «О происхождении латинского языка», «О древности букв». Возможно, что грамматике была посвящена также одна из девяти книг упоминавшихся выше Варроновых «Дисциплин».

В середине I в. н.э. было написано «Грамматическое искусство» Реммия Палемона (ок. 10–75 гг.), впервые систематически применившего к

⁶³ Dion. Thr. 629 b 1–10 ed. Bekker.

описанию латинского языка определения и понятия александрийской школы. Не сохранившийся до нашего времени, но известный по многочисленным ссылкам у последующих грамматиков трактат Палемона содержал подробное описание системы латинского словоизменения и синтаксических свойств различных частей речи; из теоретических новшеств можно отметить выделение в отдельную часть речи междометия (до этого греческие грамматики относили подобные слова к наречиям). Этот труд оказал решающее влияние на всю последующую римскую грамматическую традицию, а разработанная им терминология и система описания склонения и спряжения в значительной части применяется и в современных латинских учебниках. Из других не дошедших до нас сочинений о латинской грамматике, повлиявших на последующую традицию, можно упомянуть написанные во II в. «Грамматическое искусство» Теренция Скавра и «О чистой латыни» Флавия Капра.

Более поздние грамматические трактаты носят по большей части компилятивный характер: к наиболее известным из такого рода трудов относятся относящиеся к IV в. произведения Проба, Элия Доната, Флавия Харисия и Диомеда. Наибольшим успехом из них в последующие столетия пользовалось «Грамматическое искусство» Доната, служившее стандартным учебником латыни вплоть до Нового времени. Последним и наиболее значительным античным руководством по латинскому языку, включавшим в себя описание как морфологии, так и синтаксиса, стало «Наставление в грамматическом искусстве» в 18 книгах, написанное в начале VI в. жившим в Константинополе грамматиком Присцианом и основанное на достижениях как латинских, так и греческих ученых, в особенности на трудах великого греческого грамматика Аполлония Дискола (II в.).

Изложение материала в третьей книге «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы следует обычному порядку античных грамматик. Первая часть в речи Грамматики посвящена звукам (§§ 232–261), вторая — слогам (§§ 264–288), в третьей рассматриваются проблемы аналогии и аномалии в изменении имен и глаголов (§§ 290–325). Непосредственные источники, которыми пользовался Марциан Капелла при написании грамматического раздела своего сочинения, нам неизвестны. Из сохранившихся античных трактатов о грамматике наибольшее число совпадений у Марциана Капеллы исследователи находят с «Грамматическим искусством» Диомеда (конец IV в.); раздел о склонении и спряжении весьма близко следует тексту Харисия, некоторые другие разделы, касающиеся общих слогов, конечных слогов, местоимений, глаголов, наречий, причастий, союзов, предлогов и междометий, — трудам Максима Викторина и Сервия (конец IV в.). Все указанные сходства могут объясняться непосредственным заимствованием или, с большей вероятностью, использованием одних и тех же не сохранившихся до нашего времени источников. В отдельных случаях Марциан Капелла мог добавлять к имевшемуся материалу и свои собственные соображения: это может относиться, например, к опреде-

лениям слога (§ 264) и четырех видов соединения букв (§§ 265–267), а также нигде более не встречающемуся утверждению о том, что слово может содержать в себе все три вида ударения (§ 273)⁶⁴.

3.2 Диалектика

Под диалектикой (происхождение этого термина связывают как с глаголом *διαλέγομαι* «беседовать», так и с *διαλέγω* в значении «различать, классифицировать»⁶⁵) в античности подразумевалось искусство аргументированного спора и правильного умозаключения. Платон (427–347 гг. до н.э.) — опираясь, вероятно, на опыт философствования своего учителя Сократа — приводит в диалоге «Менон» следующее определение диалектического рассуждения: диалектика — это рассуждение, нацеленное на отыскание истины и опирающееся только на такие положения, истинность которых признана собеседником⁶⁶. Диалоги Платона, в особенности ранние, служат хорошими образцами сократовской диалектики: опираясь на утверждения собеседников и руководствуясь правилами умозаключения, во многом напоминающими принципы математических доказательств, Сократ заставляет собеседников приходиться к выводам, часто противоречащим их изначальным положениям и обычно ниспровергающим те или иные распространенные среди его современников ложные воззрения. Несколько иное определение диалектики дается в седьмой книге платоновского «Государства»: описываемый здесь диалектический метод состоит уже не в отыскании истины и опровержении заблуждений посредством правильно построенного диалогического рассуждения, но в постепенном восхождении от первичных ощущений и основанного на них мнения к чистому знанию об умопостигаемых началах бытия. Такое восхождение возможно благодаря длительной тренировке ума и предварительных упражнений в отвлеченных науках: арифметике, геометрии, стереометрии, астрономии и гармонии⁶⁷.

Аристотель (384–322 гг. до н.э.) вводит различие между тремя видами рассуждения: диалектическим, доказательным и эристическим⁶⁸. Диалектическое рассуждение отличается от доказательного тем, что опирается не на заведомо истинные, а лишь на вероятные положения; впрочем, с точки зрения техники умозаключения между диалектическим и доказательным утверждением, по замечанию философа, разницы нет⁶⁹. В то же время Аристотель, как и Платон, строго отграничивает диалектическое рассуждение от «эристического» (*ἐριστώ* — спорить), целью которого является не отыскание истины, а лишь победа

⁶⁴ Stahl W.H., Johnson R. Op. cit. P. 101–102.

⁶⁵ Crombie I.M. An Examination of Plato's Doctrines // Plato on Man and Society. 1962. P. 57.

⁶⁶ Plat. Men. 75d.

⁶⁷ Plat. resp. 532a–534e.

⁶⁸ Aristot. top. I 100 a 25–b 25.

⁶⁹ Aristot. analyt. pr. I 24 a 22–b 12.

в споре, в том числе с использованием некорректных приемов умозаключения. Таким образом, диалектика как искусство правильного спора занимает промежуточное положение между строго доказательным рассуждением и эристикой в духе критикуемых Платоном и Аристотелем «софистов». Одновременно с этим владение диалектической техникой является необходимым, чтобы преуспеть в любом из трех видов рассуждения. Такая двойственная природа диалектики — как средства отыскания истины и как средства победы в спорах — была очевидной для многих поколений античных философов; она находит свое отражение и в образе Диалектики у Марциана Капеллы. Отсюда, с одной стороны, склонность этой девы к техническим уловкам, змеиное коварство (§ 328) и упреки в шарлатанстве (§ 331), с другой — трезвый ум и проницательность (§ 332).

Техническая сторона диалектики, которой посвящена большая часть четвертой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия», впервые была подробно исследована и описана Аристотелем. Методы и приемы исследования, применяемые Аристотелем в его логических исследованиях, прежде всего в теории умозаключений (силлогистике), весьма близки методам современной формальной логики. В частности, именно Аристотель ввел практику заменять входящие в состав посылок выражения буквенными переменными («если всякий А есть В, а всякий В есть С, то всякий А есть С» и т.д.). К Аристотелю же, очевидно, восходят, и сами термины «логика» и «логический» в современном смысле: последнее определение (*λογικός*) Аристотель использовал в том же значении, что и определение «диалектический» (*διαλεκτικός*).

* * *

Корпус логических сочинений Аристотеля известен под общим названием «Органон», т.е. буквально, «орудие [для приобретения знания]»: известно, что Аристотель и перипатетики рассматривали логическую теорию не как раздел философии, а как вспомогательную дисциплину, наряду с риторикой. В аристотелевском «Органоне» подробно рассматриваются, среди прочего, значения слов и выражений («Категории»), значения и типы высказываний («Об истолковании»), способы организации разных типов высказываний в правильные умозаключения («Первая аналитика»), проблема достоверности знания и способы доказательств («Вторая аналитика»), распространенные типы диалектических рассуждений («Топика»), ошибочные и заведомо ложные умозаключения («О софистических опровержениях»). Исследования в области формальной логики и, в частности, теории силлогизма были продолжены учеником Аристотеля Теофрастом (ок. 370–ок. 285 гг. до н.э.) и другими представителями перипатетической школы, сочинения которых до наших дней дошли лишь фрагментарно.

Следующий после Аристотеля значительный этап в развитии античной логики был связан с деятельностью философской школы стоиков (с 300 г. до н.э.), среди которых наибольший вклад в логические ис-

лледования принадлежит Хрисиппу (ок. 336–209 гг. до н.э.). В отличие от перипатетиков, стоики рассматривали логику, наряду с физикой и этикой, как одну из трех составных частей философии; диалектика (т.е. логика в современном понимании) входила в состав «логики» стоиков наряду с риторикой и эпистемологией («учением о критерии») и включала в себя, как говорилось выше, начала будущего учения о языке (грамматики). Многочисленные сочинения ранней стоической школы по логике до наших дней дошли лишь в незначительных фрагментах, вследствие чего наши знания об учении стоиков в этой области неизбежно носят фрагментарный характер. Известно, по крайней мере, что одним из их главных достижений было создание пропозициональной логики — такой формальной системы представления высказываний, в которой отношения между высказываниями рассматриваются вне какой-либо зависимости от их типа и содержания («если верно первое, то верно второе; но второе неверно; следовательно, неверно первое» и т.д.). После Хрисиппа на протяжении многих столетий в развитие формальной логической теории не было, судя по всему, внесено никакого сколько-нибудь значительного вклада: дошедшие до нас более поздние трактаты на эту тему представляют собой по большей части изложение аристотелевской логики, иногда с включением некоторых стоических элементов. Не является исключением в этом отношении и четвертая книга сочинения Марциана Капеллы.

Непосредственные источники, которыми пользовался в своей работе над четвертой книгой «Бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциан Капелла, нам неизвестны. Несмотря на то, что большая часть материала книги очевидным образом восходит к аристотелевскому «Органону», а некоторые пассажи столь же явно отражают идеи стоиков, едва ли можно предполагать, что Марциан Капелла черпал свои сведения непосредственно из известных нам сочинений Аристотеля и недошедших работ Хрисиппа.

Структура учения о диалектике, предлагаемая Марцианом Капеллой (§ 338), следующая: 1). О значении слов; 2). О строении предложения; 3). О типах высказываний; 4). О построении силлогизмов; 5). О критике поэтов; 6). Об ораторском искусстве. Содержание каждого из этих разделов в целом соответствует содержанию того или иного произведения аристотелевского корпуса, а именно: 1). — «Категориям», 2). — 3). — «Об истолковании», 4). — «Первой аналитике», 5). — «Поэтике», 6). — «Риторике»; при этом включение в состав диалектики поэтики и риторики (вопреки учению самого Аристотеля) может свидетельствовать о стоическом происхождении самого этого плана⁷⁰.

На деле Марциан Капелла ограничивается кратким изложением лишь первых четырех из объявленных разделов; при этом характерно, что названия этих разделов (*de loquendo, de eloquendo, de proloquendo,*

⁷⁰ *Martianus Capella. Les noces de Philologie et de Mercure, Livre IV: la dialectique / Texte établi et traduit par M. Ferré. P., 2007. P. LIII.*

de proloquiorum summa) буквально соответствуют тем, что перечисляются в сочинении «О диалектике» Августина. Это обстоятельство, а также ряд других совпадений в изложении материала и терминологии позволяет предположить, что Марциан Капелла и Августин заимствовали свой материал из одного и того же латинского источника. Таким источником могли быть — непосредственно либо, вероятнее, в позднейшей переработке — сочинения Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.): например, те же «Дисциплины» либо несохранившиеся книги трактата «О латинском языке», одна из которых (двадцать четвертая), по свидетельству Авла Геллия, содержала определение и классификацию высказываний⁷¹. В пользу Варрона как общего источника может косвенно свидетельствовать, например, выбор Марцианом Капеллой из нескольких вариантов перевода греческого термина ἀξίωμα именно варроновского варианта *proloquium*⁷², а также указание на Варрона как на создателя латинской терминологии в области диалектики (§ 335).

Порядок изложения материала в первом из разделов (§§ 344–387), где аристотелевскому учению о десяти категориях предшествует рассказ о типах значений сказуемого (*praedicabilia*), а также формулировки приводимых здесь определений типов значений говорят об опосредованном влиянии на Марциана Капеллу «Введения в «Категории Аристотеля», написанного в III в. Порфирием (232–304 гг.)⁷³. Материал второй части первого раздела (§§ 355–387), в свою очередь, имеет своим конечным источником «Категории» Аристотеля; второй (§§ 388–395) и третий (§§ 396–405) разделы восходят к его же сочинению «Об истолковании»; а первая часть четвертого раздела (§§ 404–413), посвященная категорическому силлогизму, — к «Первой аналитике». Учение об условных силлогизмах, изложенное во второй половине четвертого раздела (§§ 414–422), а также относящееся к первому разделу учение об определении и разделении (§§ 349–354), не имеют прямого соответствия в «Органоне» Аристотеля и имеют, по всей видимости, стоическое происхождение⁷⁴. Содержание третьего и первой части четвертого разделов в основном совпадает с содержанием трактата Апулея (125–180 гг.) «Об истолковании», что позволяет предположить, что Марциан Капелла использовал именно это сочинение в качестве одного из непосредственных источников.

⁷¹ Ср. Gell. XVI 8.

⁷² Там же. Апулей (Apuł. perierm. 1) перечисляет еще несколько вариантов перевода *effatum, enuntiatum, protensio, rogamentum, propositio*; сам Апулей в итоге останавливается на последнем варианте.

⁷³ Сами формулировки типов значений, используемые Порфирием и воспроизводимые Марцианом Капеллой (род, вид, отличительное, собственное и случайное свойство), восходят к аристотелевской «Топике» (Aristot. top. I 5, 101 b 38–102 b 26).

⁷⁴ Ferré M. Op. cit. P. LI–LIII, см.: Diog. Laert. VII 44; VII 60.

3.3 Риторика

Создателями учения о красноречии и авторами первого учебника по риторике считались в античности сицилиец Коракс и его ученик и земляк Тисий, жившие в первой половине V в. до н.э.⁷⁵ Главным достоинством успешного оратора Коракс и Тисий объявили умение говорить правдоподобно⁷⁶; им же приписывают выделение в речи четырех основных части: вступления, повествования, доказательства и заключения⁷⁷. Значительный вклад в развитие теории ораторского искусства внесли следующие за Тисием и Кораксом поколения профессиональных учителей риторики, известных ныне под общим названием «софистов»: согласно позднему свидетельству Квинтилиана, Протагор из Абдер (ок. 485–ок. 410 гг. до н.э.) и Горгий из Леонтин (ок. 485–ок. 385 гг. до н.э.) первыми разработали учение об «общих местах», а Продик с Кеоса (ок. 465–ок. 395 гг. до н.э.), Гиппий из Элиды (ок. 460–ок. 400 гг. до н.э.), Протагор и Фрасимах (ок. 459–ок. 400 гг. до н.э.) впервые исследовали эмоциональное воздействие ораторской речи⁷⁸.

В 394 г. до н.э. Исократ (436–338 гг. до н.э.) открывает в Афинах первую в истории постоянную риторическую школу. Именно Афины становятся в это время главным в Греции центром ораторского образования и центром развития теории красноречия, в разработке которой немалую роль сыграли представители различных философских школ, таких как Академия Платона, аристотелевский Лицей и основанная Зеноном стоическая школа. Одним из первых⁷⁹ и, вероятно, наиболее влиятельным из всех дошедших до нас античных трактатов о теории ораторского искусства стала «Риторика» Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). Первые две книги этого сочинения посвящены нахождению аргументов, в третьей рассматриваются поочередно вопросы произношения, стиля и композиции. Многие из определений, предложенных Аристотелем, оказали определяющее влияние на развитие науки об ораторском искусстве в античности: к ним можно отнести, в частности, выделение трех родов речей — судебного, совещательного (например, речь в народном собрании) и показательного (например, хвалебная речь), а также разделение доказательств на «технические»

⁷⁵ Quint. inst. III 1, 8.

⁷⁶ Plat. Phaedr. 267ab.

⁷⁷ Plat. Phaedr. 266de; *Gagarin M. Background and Origins: Oratory and Rhetoric before the Sophists // A Companion to Greek Rhetoric / Ed. by I. Worthington. Oxford, 2007. P. 30.*

⁷⁸ Quint. inst. III 1, 12.

⁷⁹ Приблизительно одновременно с «Риторикой» был создан другой дошедший до нашего времени учебник ораторского искусства, известный под названием «Риторика к Александру», также приписывавшийся в античности Аристотелю (его подлинным автором, возможно, был Анаксимен из Лампсака, ср. Quint. inst. III 4, 9.). Это сочинение не имеет прямых содержательных параллелей с аристотелевской «Риторикой» и не оказало существенного влияние на последующее развитие теории красноречия.

(изобретаемые оратором и связанные с характером говорящего, настроением слушающего или предметом самой речи) и «нетехнические» (такие как, свидетельские показания или письменные документы) и разделение логических аргументов на индуктивные (примеры) и дедуктивные («энтимемы»).

Активно занимался теорией красноречия ученик Аристотеля Теофраст (ок. 370–ок. 285 гг. до н.э.), написавший об этом предмете порядка двадцати не дошедших до нас научных трудов⁸⁰. Чаще других из них впоследствии цитировался трактат «О слоге», где Теофраст выделяет четыре главных достоинства ораторского слога — правильность, ясность, уместность и украшенность. Идеи Аристотеля и Теофраста впоследствии получили развитие в первом из дошедших до нас античных сочинений, специально посвященных ораторскому стилю — трактате Деметрия «О слоге», написанном, вероятно, в начале I в. до н.э.

Наряду с теорией стиля важнейшим предметом исследований в риторических школах эллинистического периода стала теория аргументации, наибольшие заслуги в разработке которой принадлежат Гермагору с Темноса (II в. до н.э.). Гермагор разделил все рассматриваемые в речах вопросы на «неопределенные», т.е. не связанные с конкретными обстоятельствами, и «определенные». Любой из определенных вопросов мог быть, по мнению Гермагора, сведен к одному из четырех логических «статусов»: предположению (*было ли совершено деяние?*), определению (*какому юридическому определению соответствует совершенное деяние?*), качеству (*оправдано ли было определенное деяние в данных обстоятельствах?*), законности процедуры (*должен ли суд рассматривать данное обвинение?*); либо к одному из четырех «правовых» вопросов, связанных с толкованием закона или иного письменного документа (*следует ли трактовать закон буквально или исходя из намерения законодателя? какому из двух противоречащих друг другу законов должно следовать? как следует трактовать двусмысленный закон? какой закон можно применить по аналогии в данной не предусмотренной законами ситуации?*). Именно разработка понятия «статуса» (*στάσις*⁸¹, лат. *status, constitutio*) стала главным вкладом Гермагора в риторическую теорию, оказавшим существенное влияние и на практическое обучение красноречию в античных школах. Научившись правильно определять «статус», оратор мог наиболее выгодным для себя образом сформулировать собственную позицию в рассматриваемом деле и подобрать в подтверждение ее наиболее эффективные аргументы.

В Риме первые письменные наставления для ораторов, согласно Квинтилиану, были составлены Катонем Старшим (234–149 гг. до н.э.) и Марком Антонием (143–87 гг. до н.э.)⁸². Из дошедших до нас учебни-

⁸⁰ Diog. Laert. V 46–50.

⁸¹ Буквальное значение этого слова в том смысле, в котором его употреблял Гермагор, указывало на стойку, принимаемую бойцом в поединке, ср. § 445.

⁸² Quint. inst. III 1, 19.

ков риторики, написанных на латыни, самые ранние были созданы в начале I в. до н.э. — это составленный юным Марком Туллием Цицероном (106–43 гг. до н.э.) около 91 г. до н.э. небольшой трактат «О нахождении» и появившаяся в следующем десятилетии анонимная «Риторика к Гереннию». В том и другом сочинении мы видим изложение общей теории ораторского искусства, сложившейся в греческих риторических школах ко второй половине II в. до н.э. и впитавшей в себя положения самых разных теоретиков красноречия от софистов до Гермагора (представление о содержании этой дисциплины можно получить из рассказа Красса, персонажа цицероновского диалога «Об ораторе», о полученном им в юности риторическом образовании)⁸³. Трактат «О нахождении» по большей части посвящен теории аргументации; не-

⁸³ «Начинал я, конечно, с того, что, как подобает человеку свободному по происхождению и воспитанию, проходил общеизвестные и избитые правила. Во-первых, о том, что цель оратора — говорить убедительно; во-вторых, о том, что для всякого рода речи предметом служит или вопрос неопределенный, без обозначения лиц и времени, или же единичный случай с известными лицами и в известное время. В обоих случаях предмет спорный непременно заключается в одном из вопросов: совершилось ли данное событие? Если совершилось, то каково оно? И наконец: под какое оно подходит определение? К этому некоторые прибавляют: законно ли оно? Спорные пункты возникают также из толкования письменного документа; здесь возможны или двусмысленность, или противоречие, или же несогласие между буквой и смыслом; для каждого из этих случаев определен особый способ доказательств. Что же касается обсуждения случаев единичных, с общими вопросами не связанных, то они бывают частью судебные, частью совещательные; а есть еще третий род — восхваление или порицание отдельных лиц. Для каждого рода есть особые источники доказательств: для судебных речей — такие, где речь идет о справедливости; для совещательных — другие, в которых главное — польза тех, кому мы подаем совет; для хвалебных — также особенные, в которых все сводится к оценке данного лица. Все силы и способности оратора служат выполнению следующих пяти задач: во-первых, он должен приискать содержание для своей речи; во-вторых, расположить найденное по порядку, взвесив и оценив каждый довод; в-третьих, облечь и украсить все это словами; в-четвертых, укрепить речь в памяти; в-пятых, произнести ее с достоинством и приятностью. Далее, я узнал и понял, что прежде чем приступить к делу, надо в начале речи расположить слушателей в свою пользу, далее разъяснить дело, после этого установить предмет спора, затем доказать то, на чем мы настаиваем, потом опровергнуть возражения; а в конце речи все то, что говорит за нас, развернуть и возвеличить, а то, что за противников, поколебать и лишить значения. Далее, учился я также правилам украшения слога: они гласят, что выражаться мы должны, во-первых, чисто и на правильной латыни, во-вторых, ясно и отчетливо, в-третьих, красиво, в-четвертых, уместно, то есть соответственно достоинству содержания; при этом я познакомился с правилами на каждую из этих частей учения. Даже в таких вещах, которые более всего зависят от природных данных, я увидел способы использовать науку: ведь и для произношения речи и для запоминания существуют правила хоть и краткие, но полезные для упражнений; я познакомился и с ними» (Cic. de or. I 138-145, пер. Ф.А. Петровского; ср. также Cic. inv. II 8).

сколько более пространный «Риторика к Гереннию» включает в себя также разделы, посвященные управлению голосом и жестами, способам запоминания материала, а также различным стилям речи и способам ее украшения. Цицерону, помимо юношеского трактата «О нахождении», принадлежат и несколько других, более зрелых и оригинальных сочинений, посвященных природе, истории и назначению ораторского искусства, в числе которых трактаты «Оратор», «О наилучшем роде ораторов» и «Толика», а также диалоги «Об ораторе», «Брут» (о выдающихся ораторах прошлого) и «О разделении ораторского искусства».

Последним значительным латинским сочинением о риторике, созданным в классическую эпоху, стали написанные в I в. н.э. «Наставления в ораторском искусстве» Марка Фабия Квинтилиана (ок. 35–ок. 96 гг.). Помимо разделов, самым подробным образом освещающих техническую сторону ораторского мастерства, сочинение Квинтилиана содержит также рассуждения о воспитании, которое должен получить идеальный оратор (I–II книги), а также о его нравственном облике и обязанностях (XII книга). Принадлежащие к замечательным образцам латинской словесности «Наставления» Квинтилиана и зрелые сочинения Цицерона об ораторском искусстве не получили, впрочем, широкого распространения в риторических школах античности: наибольшей популярностью на протяжении столетий здесь продолжали пользоваться юношеский трактат Цицерона «О нахождении», а также более поздние сочинения компилятивного характера. К дошедшим до наших дней сочинениям «малых латинских раторов» последующих столетий относятся трактаты о фигурах речи, принадлежащие Рутилию Лупу (I в.), Аквиле Роману (III в.) и Юлию Руфиниану (III или IV в.), несколько комментариев к цицероновскому трактату «О нахождении», включая комментарии Мария Викторина (IV в.) и Гриллия (V в.), достаточно объемное «Риторическое искусство» Юлия Виктора (IV в.), одноименное сочинение Фортунциана (IV или V в.), написанное в форме вопросов и ответов, а также более короткие трактаты Псевдо-Августина, Сульпиция Виктора и Юлия Севериана (также IV или V в.), в основном посвященные теории статусов.

* * *

Речь Риторике из пятой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы хорошо вписывается в традицию «малых латинских риторик»⁸⁴: она начинается с определения риторики (§ 439), после чего следуют разделы, посвященные нахождению материала и теории аргументации (§§ 440–505), способам построения речи (§§ 505–

⁸⁴ Часть «Бракосочетания Филологии и Меркурия», посвященная риторике, включена в издание К. Хальма (*Rhetores Latini minores* / Ed. K. Halm. Lipsiae, 1863) наряду с также риторическими разделами «Наставлений» Кассиодора и «Этимологий» Исидора Севильского.

507), ораторскому слогу (§§ 508–537), памяти (§§ 538–539), голосу, мимике и жестикуляции (§§ 540–543) и содержанию отдельных частей ораторской речи: вступления (*exordium*), повествования (*narratio*), постановки вопроса (*propositio*), разделения (*partitio*), аргументации (*argumentatio*) и заключения (*peroratio*) (§§ 544–565). Изложение риторической теории в пятой книге «Бракосочетания» в значительной степени опирается на Цицероновский трактат «О нахождении»: это касается в особенности общего плана изложения, а также разделов, посвященных определению и разделению ораторского искусства, теории статусов и отдельным частям ораторской речи: вступлению, постановке вопроса и разделению. Содержание разделов о выражении, памяти и произношении частично восходит к сочинениям Цицерона «Об ораторе» и «Оратор», раздел о стиле — к сочинениям Доната и «малых грамматиков», раздел о фигурах речи — к упоминавшему выше трактату Аквилы Романа; часть своего материала Марциан Капелла мог черпать также из комментариев к сочинениям Цицерона («О нахождении» и «Топике») Мария Викторина (IV в.). В целом, как полагают исследователи, Марциан Капелла пользовался при написании пятой книги большим количеством разнообразных материалов, что в некоторых случаях приводит к непоследовательности и противоречиям в изложении материала. Особенно очевидно это в изложении теории статусов, где, по наблюдениям Д. Хинкса, Марциан Капелла опирался как минимум на три разнородных источника: одним из них мог быть Цицерон, другим — неизвестный последователь греческого ритора Теодора, третьим, возможно, были несохранившиеся сочинения римского ритора Маркоманна⁸⁵.

3.4 Геометрия

Как утверждает Прокл (412–485 гг.) в «Комментарии к первой книге «Начал» Евклида», впервые геометрия возникла в Египте и была обязана своим возникновением практической потребности в точном измерении участков земли в тех местах, где разливы Нила время от времени смывали прежде установленные межи⁸⁶. Первым геометром среди греков обычно называли Фалеса Милетского (вторая пол. VI–первая пол. V вв. до н.э.), который, возможно, обучился этой науке у египтян и был изобретателем нескольких важных теорем: он, в частности, доказал, что круг разделяется ровно пополам собственным диаметром, что углы при основании равнобедренного треугольника равны и что при пересечении двух прямых образуются равные углы⁸⁷. Пифагор (ок. 570–495 гг. до н.э.) был первым, кто привел геометрические знания в систему и придал этой науке теоретический и доказательный характер. Среди достижений, приписывавшихся в античности Пифагору и его ученикам, были изобретение теоремы о сумме углов треугольни-

⁸⁵ Stahl W.H., Johnson R. Op. cit. P. 118–119.

⁸⁶ Procl. in Eucl. p. 64 Friedl.

⁸⁷ Procl. in Eucl. p. 157, 250–251 Friedl.

ка⁸⁸ и знаменитой «теоремы Пифагора»⁸⁹, а также открытие существования несоизмеримых отрезков и пяти правильных многогранников⁹⁰. В числе других знаменитейших геометров древности Прокл называет Гиппократ из Хиоса (ок. 470–400 гг. до н.э.), который был известен своими попытками решить задачу нахождения квадратуры круга при помощи построения знаменитых «Гиппократовых луночек» и считался автором первых геометрических «Начал»⁹¹; а также Феодора из Кирены, обучавшего геометрии Платона⁹².

Сам Платон считал геометрию одной из важнейших наук, способных обратить душу к созерцанию подлинного и вечного бытия⁹³ и не раз включал рассуждения о геометрических фигурах в собственные философские сочинения⁹⁴. Кроме того, Платон активно поощрял геометрические исследования в своей афинской Академии, девизом которой, как известно, были знаменитые слова *ἀγεωμέτρητος μηδεὶς εἰσίτω* — «никто не знающий геометрии да не войдет». Современниками Платона были математики Архит из Тарента (428–347 гг. до н.э.), предложивший первое известное решение задачи об удвоении куба, и Теэтет Афинский (413–369 гг. до н.э.), давший теоретическое обоснование открытиям пифагорейцев в области правильных многогранников и иррациональных величин. С платоновской Академией была также связана деятельность знаменитого математика Евдокса из Книда (408–355 гг. до н.э.), создавшего изложенную в пятой книге «Начал» Евклида теорию пропорции и впервые применившего метод исчерпывания для нахождения площади и объема фигур.

Составленные в первой половине III в. до н.э. Евклидом из Александрии «Начала» представляют собой наиболее значительное математическое сочинение, созданное в античности. В тринадцати книгах «Начал» систематически изложены почти все известные к тому времени разделы геометрии и арифметики: первая книга посвящена свойствам плоских фигур (треугольников, прямоугольников и трапеций), во второй вводятся начала геометрической алгебры, в третьей описываются свойства круга, касательных и хорд, четвертая посвящена построению правильных многоугольников, пятая книга содержит разработанную Евдоксом теорию пропорций, в шестой излагается учение о подобии фигур, книги с седьмой по девятую посвящены теории чисел, десятая книга — соизмеримым и несоизмеримым величинам, книги с одиннадцатой по тринадцатую — свойствам объемных фигур. Главным достижением Евклида стало применение последовательно дока-

⁸⁸ Procl. in Eucl. p. 379 Friedl.

⁸⁹ Procl. in Eucl. p. 426 Friedl; Diog. Laert. VIII 11–12.

⁹⁰ Aët. plac. II 6, 5; Procl. in Eucl. p. 65 Friedl.

⁹¹ Procl. in Eucl. p. 65–66 Friedl.

⁹² Diog. Laert. III 6; ср. Plat. Theaet. 145a.

⁹³ Plat. resp. 526d–527d.

⁹⁴ Plat. Men. 86e–87b; resp. 510 cd; epist. VII 342bc.

зательного метода изложения материала, основанного на небольшом числе определений, постулатов и общих понятий (аксиом). Из математиков следующего поколения, внесших ощутимый вклад в развитие геометрии, можно упомянуть Архимеда из Сиракуз (287–212 гг. до н.э.), усовершенствовавшего методы измерения поверхности и объема сферы, цилиндра и других объемных фигур⁹⁵, и автора теории конических сечений Аполлония Пергского (262–190 гг. до н.э.), знаменитого также своими открытиями в математической астрономии⁹⁶. В дальнейшем геометрия как теоретическая наука постепенно приходит в упадок: самое известное геометрическое сочинение, написанное после Аполлония, — «Метрика» Герона Александрийского (вторая пол. I в.) — содержит в основном практические рекомендации по измерению различных фигур, а приписываемые тому же Герону «Определения», по содержанию перекликающиеся с «Началами» Евклида, отличаются скорее догматическим, чем доказательным характером изложения материала.

Среди образованных римлян интерес к теоретической геометрии возникает не позже I в. до н.э. Цицерон с одобрением отзывается об успехах греков в этой науке и в этом отношении противопоставляет греков римлянам, чей интерес к математике был ограничен только «денежными расчетами и межеванием земли»⁹⁷. Сам Цицерон демонстрирует некоторые познания в этой области, уверенно рассуждая в своих диалогах об основных понятиях геометрии⁹⁸. Современник Цицерона Марк Теренций Варрон, возможно, сам был автором одного или нескольких трудов по геометрии; не исключено, геометрии была посвящена одна из девяти книг его знаменитых «Дисциплин»⁹⁹. Из более поздних авторов к геометрии эпизодически обращаются Цензорин (первая пол. III в.)¹⁰⁰ и Макробий (V в.)¹⁰¹. Не позже V в. был составлен первый дошедший до нас латинский перевод «Начал» Евклида, включающий в себя определения и формулировки теорем 11–13 книг¹⁰², а в следующем столетии — несохранившийся перевод тех же «Начал», выполненный Северином Боэцием¹⁰³.

Что касается шестой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия», то собственно проблемам геометрии посвящена, как нетрудно

⁹⁵ Архимед прославился также как создатель знаменитой сферической модели вселенной, демонстрирующей движения небесных тел: о ней Марциан Капелла упоминает в §§ 212 и 585.

⁹⁶ См. стр. 45 и стр. 318, прим. 984.

⁹⁷ Cic. Tusc. I 5.

⁹⁸ Cic. Luc. 116.

⁹⁹ Именно на Варрона, во всяком случае, дважды ссылается в своих геометрических рассуждениях Авл Геллий (Gell. I 20; XVI 18).

¹⁰⁰ Cens. de die natali. p. 60–63 ed. Hulsch.

¹⁰¹ Macr. somn. I 5, 5–11; I 16, 10.

¹⁰² Euclidis latine facti fragmenta Veronensia / Ed. M. Geymonat. Milan, 1964.

¹⁰³ Cassiod. inst. II 6, 3.

заметить, только небольшая ее часть, а именно §§ 706-723. Содержание этих параграфов следующее: в §§ 706-707 определяется предмет геометрии и ее отношение к арифметике, в § 708 говорится о плоских и объемных фигурах, даются определения точки и линии, в § 709 рассматриваются виды линий и дается определение плоскости, в § 710 рассматриваются различные виды углов, дается определение фигуры и его границы, в §§ 711-714 рассматриваются плоские фигуры (круг, полукруг, эллипс, разные виды многоугольников), в § 715 говорится о различных видах «эргастических фигур», соответствующих разным типам геометрических задач (построение, разделение, вписывание, нахождение и т.д.), в § 716 упоминается об «аподиктических фигурах» — иначе говоря, употребляемых в геометрии диалектических методах, и перечисляются этапы решения геометрических задач. В § 717 Марциан Капелла возвращается к определению разных видов углов и определяет четыре вида отношения между отрезками: равенство, соответствие, пропорцию и невыразимость. В § 718 говорится о выразимых и невыразимых отрезках, в § 719 — о соизмеримых и несоизмеримых отрезках, в § 720 перечисляются тринадцать видов невыразимых отрезков. В § 721 дается определение объемной фигуры, в § 722 перечисляются «основные» и «составные» объемные фигуры, затем формулируются пять постулатов из первой книги евклидовых «Начал» (один из них — дважды), а в § 723 — три первые аксиомы, в § 724 — первая теорема из этой же книги.

Порядок изложения материала, таким образом, в целом соответствует его изложению у Евклида: в §§ 708-712 последовательно формулируются все определения из первой книги «Начал», в § 717 — отдельные определения (17, 11 и 9) из пятой книги, §§ 718-720 опираются на определения и отдельные теоремы из десятой книги (21, 36-41, 73-78), §§ 721-722 — на определения одиннадцатой книги (опр. 1-2, ср. также опр. 12-14, 18, 21, 25-28). Вместе с тем далеко не весь материал геометрического раздела шестой книги можно свести к евклидовским «Началам». Часть сведений, излагаемых Марцианом Капеллой, не находят параллелей у Евклида, однако могут быть сопоставлены с аналогичными местами у других античных авторов. Сюда, по наблюдениям Б. Ферре, можно отнести, в частности, определение различия между плоскими и объемными фигурами в § 708¹⁰⁴, классификацию видов линий в § 709¹⁰⁵, определение «смешанных» фигур в § 711 и § 714¹⁰⁶ и разделение объемных фигур на простые и составные в § 722¹⁰⁷. Другие места в геометрической части шестой книги вовсе не находят параллелей в известных сочинениях античных авторов и либо представляют собой собственные изобретения автора, либо, что гораздо более веро-

¹⁰⁴ Cp. Theo. Sm. 2, 53; Nicom. intr. II 6, 4; Her. def. 25, 1, 2-5; Macr. somn. I 5, 9 etc.

¹⁰⁵ Her. def. 3, 1.

¹⁰⁶ Procl. in Eucl. p. 16-20 Friedl.

¹⁰⁷ Her. def. 74, 1, 13-19; 75, 1, 4-5; 97, 1, 13.

ятно, восходят к некоей утерянной традиции. Сюда, по наблюдениям Б. Ферре, относятся определения криволинейных и смешанных фигур, а также сам термин «криволинейный» (*καμπυλόγραμμος*), никем более не употребляющийся (§§ 711–714); определения различных видов «эргастических» фигур в § 715 (ни греческие названия этих видов фигур: *συστατικός*, *τμηματικός*, *ἀνάγραφος*, *ἑγγραφος*, *περίγραφος*, *παρεμβολικός*, *προσευρετικός*, ни сам термин *ergastica* в том же значении нигде более не встречаются); использование необычного прилагательного *distertina* в качестве перевода греческого *διάμετρος* в § 714 и необычных определений для различных видов угла в § 717.

О непосредственных источниках геометрического раздела «Бракосочетания» мы не имеем никаких достоверных сведений. Нам неизвестно, опирался ли Марциан Капелла на греческие или на латинские сочинения; второе представляется более вероятным, однако никаких параллелей с известными нам латинскими текстами о геометрии мы в шестой книге не находим. Материал, относящийся к геометрии, излагается у Марциана Капеллы достаточно стройно и последовательно (исключения составляют разве что неуместный пассаж о разновидностях углов в начале § 717): исходя из этого можно предположить, что в основе его лежит какое-то одно ныне утерянное латинское сочинение, представляющее собой очень сокращенное изложение евклидовских «Начал».

Весьма вероятно, что именно недостаток доступного материала по заявленной теме побудил Марциана Капеллу вставить в монолог Геометрии весьма большой по объему раздел, посвященный совсем другой науке — географии (§§ 590–703). Законность подобного беспрецедентного в античности объединения двух разнородных дисциплин под именем «геометрии» Марциан Капелла обосновывает этимологией имени ученой девы (§ 588), в описании которой он рисует образ заядлой путешественницы, много раз обошедшей и измерившей Землю (§ 581).

Содержание географического раздела шестой книги можно разделить на две части. Одна из них посвящена проблемам «математической географии»: здесь говорится о форме Земли и приводятся доказательства ее шарообразности (§§ 590–595), о ее величине (§§ 596–598), расположении (§§ 599–601), свойствах климатических поясов и полушарий (§§ 602–608), вновь о величине земного шара (§§ 609–610), о форме и размерах обитаемой суши (§§ 611–621). Значительная часть сообщаемых здесь сведений заимствована, прямо или опосредованно, из второй книги «Естественной истории» Плиния Старшего; почти половина (§§ 592, 597, 599, 602–608, 610), однако, восходит к другим, неизвестным нам источникам¹⁰⁸. Во второй части, которую можно определить как «хорографическую», рассказывается о природе и населении различных

¹⁰⁸ *Martianus Capella. Les noces de Philologie et de Mercure, Livre VI: la géométrie / Texte établi et traduit par B. Ferré. P., 2007. P. LXVII–LXVIII.*

стран всех известных в античности частей света — Европы, Африки и Азии (§§ 622–703). Все приводимые здесь сведения восходят, прямо или косвенно, к двум известным нам сочинениям — это, во-первых, та же «Естественная история» Плиния (книги с третьей по шестую), во-вторых — «Собрание достопамятных сведений» Гая Юлия Солина (3 в.)¹⁰⁹. Отдельные расхождения между данными, приводимыми Марцианом Капеллой, и данными Плиния и Солина, в особенности в цифрах, могут объясняться как ошибками Марциана Капеллы (или промежуточных компиляторов), так и искажениями в рукописной традиции текста.

3.5 Арифметика

Наука о числах, как известно, обязана своим происхождением Пифагору и его последователям, считавшим, что «начала чисел суть начала всего сущего, и все небо есть гармония и число»¹¹⁰, и называвшим арифметику «верховным началом, корнем и словно бы матерью» всех прочих наук¹¹¹. О содержании арифметических исследований первых пифагорейцев, сочинения которых не сохранились до нашего времени, мы можем судить по более поздним источникам, к важнейшим из которых можно отнести «Начала» Евклида (первая пол. III в. до н.э.) и «Введение в арифметику» Никомаха Геразского (первая пол. II в. н.э.).

Наиболее древней частью пифагорейской арифметики считается теория четности и нечетности, основные положения которой, как полагают исследователи, без существенных изменений были воспроизведены Евклидом в девятой книге «Начал»¹¹². Пифагором и его учениками, придававшим противопоставлению четного и нечетного особый метафизический смысл, было установлено и доказано, что сумма четных чисел всегда четна, что произведение двух нечетных чисел всегда нечетно, что нечетный делитель четного числа является также делителем его половины и т.д.¹¹³ Другой арифметической проблемой, весьма занимавшей первых пифагорейцев, было нахождение «совершенных» чисел, то есть чисел, равных произведению собственных множителей, как число $6 = 1 + 2 + 3$ и $28 = 1 + 2 + 4 + 7 + 14$. Опираясь на учение о четности и нечетности, пифагорейцы сумели, в частности, доказать, что числа вида $2^n(1+2+2^2+\dots+2^n)$ являются совершенными, если $p=(1+2+2^2+\dots+2^n)$ является простым числом, то есть не имеет множителей, кроме себя самого и единицы¹¹⁴. Подробно разработанная пифагорейцами теория чисел включает разделы о делимости, о свойствах кратных чисел и их множителей, о свойствах простых, составных,

¹⁰⁹ Ibid. P. LXXV–LXXVIII.

¹¹⁰ Aristot. metaph. 986 a 1–3.

¹¹¹ Nicom. intr. I 4, 1.

¹¹² Eucl. IX prop. 21–34, prop. 36. См.: Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959. С. 151–154.

¹¹³ Eucl. IX prop. 21, prop. 29, prop. 34.

¹¹⁴ Eucl. IX prop. 36; Ван дер Варден Б.Л. Указ. соч. С.152.

«плоских» (т.е. образованных умножением двух множителей), «объемных» (т.е. образованных умножением трех множителей), квадратных, кубических, совершенных чисел и числовых пропорций. Образцовое изложение этого учения мы находим в седьмой, восьмой и девятой книгах «Начал» Евклида, из которых седьмая, наиболее стройная и последовательная, вероятно, имеет в своей основе некий созданный в V в. пифагорейцами учебник арифметики, а созданная позже восьмая иногда приписывается пифагорейцу Архиту из Тарента (428–347 гг. до н.э.)¹¹⁵.

Строго последовательный и доказательный метод изложения теории чисел, принятый в «Началах» Евклида резко контрастирует с манерой, характерной для другого известного в античности сочинения об арифметике, «Введения в арифметику» неопифагорейца Никомаха Герасского (первая пол. II в. н.э.). Трактат Никомаха, в противоположность труду Евклида, представляет собой образец «философской» арифметики, начала которой, как считается, восходят к учению самого Пифагора и его первых последователей. В соответствии с неопифагорейской теорией, впитавшей в себя наряду с собственно пифагорейской традицией также некоторые элементы платоновской философии, Никомах рассматривает числа как вечные образцы всех существующих вещей и как инструмент, необходимый для познания умопостигаемого мира¹¹⁶. Сам по себе материал, трактуемый Никомахом — в целом тот же, что в седьмой-девятой книгах «Начал» Евклида (арифметические свойства натуральных чисел, отношения между натуральными числами, числовые ряды и пропорции); вместе с тем во «Введении» большое внимание уделяется одной из важных областей пифагорейской арифметики, не нашедшей подробного отражения в «Началах», а именно теории «фигурных» чисел. Помимо упоминаемых Евклидом плоских, объемных, квадратных и кубических чисел, Никомах рассказывает о свойствах изображаемых расположенными в виде правильных фигур точками («единицами») треугольных, четырехугольных, пятиугольных и т.д. чисел, а также «продолговатых», «разносторонних» и объемных пирамидообразных чисел¹¹⁷. Способ изложения материала у Никомаха носит скорее догматико-философский, чем строго научный характер: стиль трактата не лишен элементов риторики, его автор не обременяет себя требованиями максимальной краткости и простоты определений и не считает нужным подтверждать свои математические утверждения строгими доказательствами¹¹⁸. «Введение» Никомаха Ге-

¹¹⁵ Ван дер Варден Б.Л. Указ. соч. С. 161, 213.

¹¹⁶ Nicom. intr. I 1–6.

¹¹⁷ Nicom. intr. II 6–20.

¹¹⁸ Роббинс и Карпински противопоставляют «доказательной» (*based on demonstration*) математике Евклида «описательную» (*descriptive*) математику Никомаха (*Nicomachus of Gerasa. Introduction to Arithmetic / Transl. into English by M.L. D'Ooge, with studies in Greek Arithmetic by F.E. Robbins and L.Ch. Karpinski. N.Y., 1926. P. 4, 28, 34*).

разского не было ни первым, ни единственным созданным в античности трактатом по «философской» арифметике, однако именно ему было суждено снискать наибольшую известность среди всех сочинений этого жанра¹¹⁹. О его популярности в античности свидетельствует, в числе прочего, то обстоятельство, что как минимум дважды «Введение» было переведено на латынь — во II в. Апулеем (перевод не сохранился) и в VI в. Северином Боэцием.

Никомаху Гераскому принадлежало, по меньшей мере, еще одно сочинение о числах под названием «Теология арифметики» (*Θεολογούμενα τῆς ἀριθμητικῆς*), которое сохранилось лишь фрагментарно в составе более позднего трактата под тем же названием, ранее приписывавшегося неопифагорейцу Ямвлиху (ок. 245–325 гг.), а также в еще более позднем пересказе патриарха Фотия¹²⁰. В «Теологии арифметики» Никомаха излагалось восходящее, по-видимому, к древним пифагорейцам религиозно-философское учение о сакральных свойствах чисел первой десятки, в современной науке получившее название *арифмологии* (или *аритмологии*) — в отличие от *арифметики* как строгой науки, основанной на теоремах и доказательствах¹²¹. Другим дошедшим до нас античным сочинением об арифмологии является трактат «О декаде» Анатолия Лаодикийского (вторая пол. III в. н.э.); изложение элементов пифагорейской арифмологической доктрины мы находим также в трудах Аристотеля¹²², Секста Эмпирика¹²³ и Диогена Лаэртского¹²⁴; пассажи арифмологического характера встречаются в сочинениях Платона¹²⁵, Филона Александрийского¹²⁶ и неоплатоников, таких как Ямвлих, Прокл и Гиерокл Александрийский. Значительная часть сочинений, посвященных пифагорейской арифмологии, не сохранилась; утрачены оказались, в частности, и такие важные для последующей арифмологической традиции труды, как трактаты «О природе» Филолая и «О десятке» Архита Тарентского, из которых, возможно, были заимствованы арифмологические идеи Платона и его по-

¹¹⁹ Из дошедших до нас сочинений это же жанра можно отметить «Изложение математических сведений, полезных при чтении Платона», написанное младшим современником Никомаха Теоном Смирнским.

¹²⁰ Phot. bibl. 142b16–145b7.

¹²¹ Термин был введен в современный научный обиход А. Делаттом, который дал следующее определение арифмологии: «род замечаний о возникновении, ценности и значении числе первой десятки, где рациональное научное исследование перемешано с религиозными и философскими фантазиями» (*“genre de remarques sur la formation, la valeur et l’importance des dix premiers nombres, où se mêlent la saine recherche scientifique et les fantaisies de la religion et de philosophie” // Delatte A. Études sur la littérature pythagoricienne. P., 1915. P. 139*).

¹²² Aristot. metaph. 286 b 29–31, 1078 b 21–23.

¹²³ Sext. Emp. adv. math. IV, VII 94–109, X 261–262, 275–284.

¹²⁴ Diog. Laert. VIII 24–25.

¹²⁵ Plat. Tim. 36A; resp. 546bc; cf. epinom. 990c–991b.

¹²⁶ Phil. de op. mund., quaest. in Gen. и другие произведения экзегетического цикла.

следователей¹²⁷, а также трактаты «О пифагорейских числах» Спевсиппа, «О математике», «О числах» и «Наука чисел» Ксенократа и поздние комментарии к платоновскому «Тимею», принадлежащие стоику Посидонию и перипатетику Адрасту Афродисийскому. Латиноязычная арифмологическая литература была представлена в первую очередь сочинениями Марка Теренция Варрона, по большей части утраченными. Известны названия следующих произведений Варрона, связанных с этой темой: в первую очередь, это трактат *De principiis numerorum* и диалог *Atticus de numeris* — эти два сочинения, вероятно, полностью посвящены арифмологии; в другом диалоге *Tubero de origine humana* говорилось о влиянии чисел на рождение человека¹²⁸. Арифмологические пассажи встречаются также в сохранившихся фрагментах сочинений Варрона *Hebdomades vel De imaginibus*¹²⁹ и *De lingua latina*¹³⁰. Помимо этого, известно о существовании латинских переводов вышеупомянутых сочинений Адраста и Никомаха Герасского; много арифмологического материала мы находим также у Халкидия (Комментарий на «Тимея»), Фавония Эвлогия («Рассуждение о сне Сципиона») и Макробия («Комментарий на сон Сципиона»).

Начало арифметического раздела седьмой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, посвященное сакральным свойствам чисел от единицы до десятки (§§ 730–742), хорошо вписывается в традицию позднеантичных арифмологических сочинений, с небольшими вариациями воспроизводящих идеи, восходящие, по всей видимости, к временам вышеупомянутых Филолая и Архита. Традиция и источники античной арифмологии стали в свое время предметом подробного исследования в работах Ф. Роббинса¹³¹. Изложим вкратце основные его выводы. По крайней мере, ко II в. до н.э. должен был существовать некий трактат арифмологического содержания (вероятно, действительно восходящий к ранним пифагорейцам и так или иначе связанный с работами Филолая, Спевсиппа и Ксенократа), который и послужил в той или иной мере источником для всех дошедших до нас античных текстов, касающихся арифмологии¹³². Этим сочинением пользовался, в числе прочих, уже Посидоний, которого до исследований Роббинса принято было считать едва ли не основателем всей позднеантичной арифмологической традиции. Далее Роббинс выделяет несколько ветвей традиции, связанной с упомянутым сочи-

¹²⁷ D'Ooge M.L. Op. cit. P. 19–22, 90.

¹²⁸ Cens. de die nat. IX.

¹²⁹ Gell. III 10.

¹³⁰ Gell. V 11–13.

¹³¹ Robbins F.E. Posidonius and the Sources of Pythagorean Arithmology // Classical Philology. 1920. Vol. 15. № 4; *Idem*. The Tradition of Greek Arithmology // Classical Philology. 1921. Vol. 16. № 2; *Idem*. Arithmetic in Philo Judaeus // Classical Philology. 1931. Vol. 26. № 4.

¹³² D'Ooge M.L. Op. cit. P. 91.

нением, в том числе «теоновскую», «филоновскую», «никوماховскую» и т.д. Согласно этой схеме, непосредственный источник Марциана Капеллы некоторым образом восходит к латинскому переводу сочинения Адраста, и из этого же перевода черпает свой материал Халкидий; последний пользуется также общими «неоплатоническими» источниками (III в. н.э.) с «Комментарием» Макробия. Таким образом, все совпадения между тремя латинскими «неоплатониками» объясняются не прямым заимствованием, а использованием ими общей арифмологической литературы. Роббинс, как и другие современные исследователи, склоняется к выводу о том, что Марциан Капелла пользовался поздними латиноязычными источниками¹³³; непосредственное влияние Варрона на Марциана Капеллу Роббинс отрицает¹³⁴.

Второй большой раздел седьмой книги посвящен обычным темам пифагорейской арифметики: определению числа и классификации чисел по признаку четности (§ 743), определению простых чисел (§ 744), классификации чисел первой десятки (§ 745), соотношению арифметики и геометрии (§ 746), образованию квадратных чисел посредством сложения ряда последовательных нечетных чисел (§ 747), свойствам четно-четных, четно-нечетных, нечетно-четных и нечетно-нечетных чисел (§§ 748–749), свойствам простых и составных чисел (§§ 750–752), совершенным, избыточным и недостаточным числам (§ 753), фигурным числам (§§ 754–756), различным видам числовых отношений: кратному отношению, отношению членов и отношению частей (§§ 757–767). Источником этого раздела мог послужить упоминавшийся выше принадлежащий Апулею перевод «Введения в арифметику» (ныне утерянный), либо какое-то другое неизвестное нам сочинение, принадлежащее к этой же традиции¹³⁵.

Материал третьего раздела (§§ 768–801) по большей части восходит к «Началам» Евклида. §§ 768–771, посвященные свойствам четности, основаны на 21–34 предложениях из девятой книги «Начал»; источник §§ 772–777, начинающих раздел о простых и составных числах, неизвестен; последующие параграфы этого раздела, где продолжается рассказ о простых и составных числах и свойствах делимости, в основном опираются на следующие предложения из «Начал» Евклида: VII 23, VII 25, VII 27 (§ 778), VII 27, VII 28 (§ 779), VII 28, VII 24 (§ 780), VII 29, VII 1, VII 15 (§ 781), IX 31, VII 26 (?) (§ 782), VII 22, VII 21 (§ 783), VII 32 (§ 784), VII 2 (§ 785), VII 3 (§ 786), VII 34 (§§ 787–788), VII 36 (§ 789), VII 35 (§ 790), VII 20 (§ 791), VII 15 (§ 792), VII 30 (§ 793), VIII 7, VIII 6 (§ 794), IX 12 (§ 795), IX 11 (§ 796), IX 13, IX 14 (§ 797), VIII 14 (§ 798), VIII 16 (§ 799), VIII 15, VIII 17 (§ 800), VII 37, VII 38 (§ 801).

¹³³ Robbins F.E. The Tradition of Greek Arithmology // Classical Philology. 1921. Vol. 16. № 2. P. 120.

¹³⁴ Ibid. P. 118–119.

¹³⁵ Martianus Capella. Les noces de Philologie et de Mercure, Livre VII: l'arithmétique / Texte établi et traduit par J.-Y. Guillaumin. P., 2003. P. LXX–LXXI.

Непосредственным источником этого раздела, по всей видимости, послужил какой-то латинский трактат, содержащий отдельные теоремы из седьмой, восьмой и девятой книг «Начал», приведенные в отличном от оригинального порядке и без каких-либо доказательств.

3.6 Астрономия

Первым греческим астрономом (как и первым геометром) называют обычно Фалеса Милетского, к открытиям которого относят, в частности, первое предсказание солнечного затмения¹³⁶, расчет продолжительности солнечного года и открытие полярного созвездия Малой Медведицы¹³⁷. Немало оригинальных суждений об устройстве космоса высказывали и другие представители ранней греческой философии, такие как Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит и Анаксагор. К наиболее значительным научным достижениям первых поколений греческих астрономов можно отнести открытие природы лунного света и правильное объяснение изменения лунных фаз, а также доказательство шарообразности Земли. Чаще всего три упомянутых открытия приписываются Пифагору (ок. 570–ок. 490 гг. до н.э.) и его ближайшим последователям; пифагорейцами была создана и первая математическая модель мироздания — с шарообразной Землей в центре космоса, обращаемой вокруг нее внешней сферой неподвижных звезд и расположенными между ними концентрическими орбитами семи планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн). Каждая из планет, согласно Пифагору, издавала при своем вращении звук определенной высоты, зависевшей от протяженности ее орбиты; сливаясь воедино, эти звуки образовывали божественно прекрасную, хотя и недоступную обычному слуху, «музыку сфер»¹³⁸. Живший столетием позже пифагорец Филолай стал автором первой негеоцентрической модели космоса, в которой десять планет, включая Солнце, Землю и Противоземлю, обращались вокруг центрального огня (Гестии). Из практических достижений ранней астрономии можно отметить открытие Метоном (род. в 460 г. до н.э.) девятнадцатилетнего цикла («Метонова цикла»), равного 235 лунным месяцам: это позволило с большой точностью рассчитать продолжительность солнечного года¹³⁹ и на основе этих расчетов периодически вносить поправки в гражданские календари.

Первая половина четвертого века до н.э. — это время рождения «математической астрономии», в задачи которой входило не только

¹³⁶ Herod. hist. I 74. Вероятно, это предсказание, которое относят обычно к 585 г. до н.э., было сделано Фалесом с опорой на опыт вавилонян, фиксировавших время всех солнечных затмений начиная с 764 г. до н.э.

¹³⁷ Ср. Diog. Laert. I 23–24, 27.

¹³⁸ Ср. §§ 11–12.

¹³⁹ Продолжительность года, вычисленная Метоном (365,263 суток) приблизительно на 30 минут превышает действительную.

описание общего устройства вселенной, но и объяснение особенностей каждого из небесных тел. Евдокс из Книды (408–355 гг. до н.э.), отталкиваясь от представлений философов о строго равномерном и круговом движении небесных тел, разработал модель, в которой вселенная представлялась как система вложенных друг в друга сфер, общим центром для которых была Земля. Все эти сферы, согласно Евдоксу, вращались с разными скоростями вокруг различно ориентированных осей; при этом каждое из небесных тел мыслилось прикрепленным к определенной сфере, а ось каждой внутренней сферы — к соседней внешней сфере. Всего для объяснения видимого движения светил Евдоксу понадобилось выстроить систему из 27 сфер (совершавшая суточное вращение внешняя сфера «неподвижных» звезд, по три сферы для объяснения движения Солнца и Луны и еще по четыре — для каждой из остальных пяти планет). Позже Каллипп из Кизика (вторая пол. IV в. до н.э.), стремившийся лучше согласовать модель Евдокса с данными наблюдений, предложил увеличить число сфер до 34, а Аристотель (384–322 гг. до н.э.) довел его до 56. Гераклид Понтийский (388–315 гг. до н.э.), желая объяснить особенности движения внутренних планет (Венеры и Меркурия) и периодическое изменение блеска Венеры, впервые предложил отказаться от строго концентрической модели космоса и считать две эти планеты вращающимися вокруг Солнца, в то время как остальные планеты (включая и само Солнце), должны были все так же иметь в центре своей орбиты неподвижную Землю.

Своего расцвета математическая астрономия достигла в следующий период, когда центр астрономических наблюдений и исследований перемещается в Александрию, столицу эллинистического Египта. Знаменитый александрийский астроном Аристарх Самосский (первая пол. III в. до н.э.) был, как известно, автором первой полностью гелиоцентрической модели космоса, которая была, впрочем, отвергнута в его времена большинством астрономов; кроме того, Аристарх прославился изобретением математических методов, в теории позволявших вычислить размеры Луны и Солнца и расстояние от этих небесных тел до Земли. Жившие в одно время с Аристархом Аристилл и Тимохарис были создателями первого звездного каталога с точным указанием видимых координат наиболее важных звезд. Их младший современник Эратосфен (276–195 гг. до н.э.) смог с большой точностью вычислить окружность земного шара (250 или 252 тыс. стадий, т.е. около 40 тыс. км) и наклон эклиптики к плоскости экватора (22/83 прямого угла).

Самым выдающимся из астрономов античности принято считать Гиппарха из Никеи (сер. II в. до н.э.). Заслуги Гиппарха состоят прежде всего в значительном увеличении точности астрономических расчетов, чему способствовали, во-первых, совершенствование методики наблюдений, во-вторых, разработка специального математического аппарата, включавшего начала тригонометрии, в-третьих — внимательное сопоставление результатов собственных наблюдений и дан-

ных, полученных астрономами прошлого. Таким образом Гиппарху удалось, среди прочего, достичь небывалой по тем временам точности в предсказании солнечных и лунных затмений (в пределах одного-двух часов), а также впервые открыть явление прецессии (периодического изменения ориентации земной оси относительно «неподвижных» звезд). Опираясь на теорию «эпициклов» Аполлония Пергского (сер. III в. до н.э.), согласно которой движение планет могло быть представлено как результат математического сложения нескольких равномерных движений по окружности, Гиппарх впервые смог дать достаточно убедительное объяснение не вполне равномерного, с точки зрения земного наблюдателя, движения Солнца и Луны: в соответствии с моделью Гиппарха эпициклическое движение этих небесных тел могло быть наглядно представлено как движение вокруг Земли по эксцентрической орбите¹⁴⁰. Наконец, Гиппарх составил новый подробный каталог, включавший точные координаты 850 звезд, которые впервые были распределены им на шесть классов в зависимости от яркости.

Последним великим астрономом древности был Клавдий Птолемей (ок. 87–165 гг.), автор «Большого сочинения» (*Μεγάλη σύνταξις*) в тринадцати книгах, известного в Средние века как «Альмагест», в котором были изложены и обоснованы все основные достижения античной астрономии. Научный вклад самого Птолемея состоит прежде всего в дальнейшей разработке теории эпициклов: Птолемею удалось представить видимое неравномерное и петлеобразное движение каждой из известных тогда планет как сумму равномерных движений по нескольким большим и малым окружностям. Условная точка, равномерно вращавшаяся по «большой» круговой орбите (деференту), рассматривалась как центр малой окружности (эпицикла), которая также могла, в свою очередь, служить деферентом для эпицикла следующего порядка: с помощью этой чрезвычайно сложной модели движения планет Птолемею удалось математически компенсировать неудобные последствия предположений о неподвижности Земли и ее центральном положении в космосе. Другое изобретение Птолемея — введение понятия «экванта» (воображаемой точки внутри орбиты, не совпадающей ни с ее геометрическим центром, ни с Землей, из которой движение планеты должно было казаться равномерным) — компенсировало, в свою очередь, ложный тезис о строго круговой (а не эллиптической, как в действительности) форме планетарных орбит. Фундаментальный труд Птолемея, содержащий детально продуманную и согласованную с наблюдаемыми данными систему представлений об устройстве космоса, оставался наиболее авторитетным источником астрономических сведений вплоть до эпохи Коперника и Кеплера.

Помимо труда Птолемея, до нас дошли и более компактные, предназначенные для начинающих сочинения по астрономии, такие как «Введение в явления» Гемина (I в. до н.э.) и «Учение о круговращении

¹⁴⁰ См. §§ 849, 855.

небесных тел» Клеомеда (после I в. до н.э.): во многом основанные на трудах известного философа-стоика и ученого Посидония (ок. 135–ок. 51 гг. до н.э.). Весьма популярна в античности была астрономическая поэма «Явления» Арата из Сол (ок. 315–240 гг. до н.э.), частично основанная на одноименном научном труде Евдокса Книдского: около 90 г. до н.э. это произведение было переведено на латинский язык юным Цицероном, позже включившим отрывки из этого перевода в свои философские диалоги «О природе богов» и «О дивинации»¹⁴¹. К жанру дидактического эпоса принадлежит также поэма «Астрономика» римского поэта Манилия (I в. н.э.), в основном посвященная весьма популярной в то время предсказательной астрологии. Из поздних римских авторов отдельных астрономических вопросов касались в своих трудах Плиний Старший (23–79 гг.)¹⁴², Цензорин (первая пол. III в.), Халкидий (к. IV–нач. V в.) и Макробий (V в.).

Восьмая книга «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы представляет собой, по мнению специалистов, наиболее стройное и законченное изложение астрономических сведений из всех, написанных по-латински в античную эпоху¹⁴³. По своей структуре ее дидактическая часть схожа с известными нам греческими руководствами по астрономии, в первую очередь с упоминавшимся выше «Введением в явления» Гемина. Астрономия начинает с рассказа об образующих космос четырех элементах (§ 814), после чего отмечает — в соответствии с принципами строго математической астрономии — что такие понятия, как «орбита» или «ось» обозначают не материальные объекты, но лишь абстрактные понятия (§§ 815–816). Дальнейшее изложение можно условно разделить на три больших раздела. Первый (§§ 817–837) описывает расположение кругов небесной сферы, среди которых выделяются пять параллельных кругов: арктический, северный и южный тропики, экваториальный и антарктический, а также два колюра и три «наклонных» круга: зодиакальный круг, Млечный Путь и условный «круг горизонта». Во втором разделе (§§ 838–849) речь идет о сфере неподвижных звезд: описывается расположение созвездий, время и скорость их восхода и захода; в §§ 848–849 обсуждаются причины неравномерного движения Солнца через различные созвездия Зодиака. Третий раздел посвящен планетам: Астрономия последовательно описывает расположение и протяженность планетарных орбит, говорит о свойствах Луны и Солнца, продолжительности дня и ночи в разных широтах, рассказывает о движении Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна (§§ 850–887). Установить, каким источни-

¹⁴¹ Cic. n. d. II 104–114, Cic. div. I 13–15. Известны и другие латинские переводы и переложения «Явлений» Арата, сделанные в античности, включая несохранившееся переложение Варрона Атацинского (82–35 гг. до н.э.), а также переводы Гая Германика (15 г. до н.э.–19 г. н.э.) и Авиена (IV в.).

¹⁴² Plin. n. h. II 1–37.

¹⁴³ Stahl J. Op. cit. 71. P. 52.

ком или источниками пользовался Марциан Капелла при составлении восьмой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия», на сегодняшний день невозможно. Одно из предположений состоит в том, что в основе ее — прямо или опосредованно — лежит астрономическое сочинение Варрона, которое, в свою очередь, могло представлять собой переложение также не дошедшего нас труда Посидония или какого-то другого греческого введения в астрономию, принадлежавшего к той же традиции¹⁴⁴.

3.7 Гармония

Теоретический интерес к музыке в Древней Греции (и позже Риме) можно связать с тремя важными открытиями. Первым из них было обнаружение Пифагором и его последователями числовой природы музыкальных созвучий, давшее начало математической науке о гармонии, которая рассматривалась в пифагорейской традиции как одна из четырех частей математического квадривиума наряду с геометрией, арифметикой и астрономией. Согласно классическому определению пифагорейцев, предметом арифметики является количество само по себе, гармонии — количество в отношении к другому количеству, в то время как геометрия и сферика (астрономия) рассматривают, соответственно, неподвижные и самостоятельно движущиеся величины¹⁴⁵. Представления о гармонических отношениях чисел и их роли в устройстве космоса нашли свое отражение, в числе прочего, в учении Пифагора о «музыке сфер» и в рассуждениях Платона о сотворении богом Мировой Души в соответствии с определенными числовыми пропорциями¹⁴⁶. Математический аппарат учения о гармонии разрабатывался Архитом Тарентским (428–347 гг. до н.э.), позднее — Евклидом (первая пол. III в. до н.э.), под именем которого дошел первый известный нам трактат об этом предмете под названием «Разделение канона». Новая волна интереса к пифагорейской теории гармонии возникает во II–III вв. н.э.: это время создания таких известных нам сочинений, как «Руководство по гармонике» Никомаха Герасского, «Изложение математических предметов, полезных при чтении Платона» Теона Смирнского, «Гармоника» Клавдия Птолемея и комментарий к ней Порфирия. К этому же направлению гармонической теории относятся также написанные позже трактаты «О музыке» Аврелия Августина (354–430 гг.) и «Наставление в музыке» Северина Бозция (ок. 480–524 гг.)

Вторым моментом, определившим интерес к музыке античных философов, было открытие и теоретическое осмысление воздействия музыки на душевное состояние и поведение человека. Это открытие, как и первое, приписывается древним пифагорейцам, а первым автором развернутой теории музыкального этоса считается афинянин Дамон

¹⁴⁴ Stahl J. Op. cit. 71. P. 50–52.

¹⁴⁵ Procl. in Eucl. p. 12 Friedl; cp. Nicom. inst. I 3, 1–2.

¹⁴⁶ Plat. Tim. 35b–36d.

(V в.), идеи которого известны нам благодаря Платону, упоминающему об этом учении в третьей книге «Государства». Согласно Дамону, разные музыкальные размеры служат для выражения различных нравственных качеств — как отрицательных (низость, наглость, безумие), так и противоположных им; при этом немалую роль играет также и темп музыки¹⁴⁷. Дамон, согласно Платону, также предостерегал против введения новых видов мусического искусства, аргументируя это тем, что «не бывает изменений в приемах мусического искусства без изменений в важнейших основах государства»¹⁴⁸. Столетие спустя на важную роль музыки в воспитании добродетели указывает Аристотель, который, однако, отдает должное музыке также и как способу времяпрепровождения, доставляющему людям необходимый отдых и удовольствие¹⁴⁹. Против таких воззрений возражали эпикурейцы, которые рассматривали музыку как необязательное и поэтому вредное чувственное удовольствие¹⁵⁰, а также скептики, подвергавшие критике, в числе прочего, традиционные философские аргументы о пользе музыки и доставляемом ей удовольствии¹⁵¹.

Третьим важным событием было рождение теории музыки как самостоятельной научной дисциплины, начало которой, по всеобщему мнению, положил Аристоксен из Тарента (род. ок. 360 г. до н.э.), ученик Аристотеля и автор «Начал гармоник» и «Начал ритмик» (последний трактат сохранился лишь во фрагментах)¹⁵². Аристоксен считается первым философом, который стремился изучать музыку не с позиции той или иной общеполитической проблемы (космологической, этической и т.д.), но в согласии с самой природой этого вида искусства: соответственно, главным критерием правильности музыкальной теории Аристоксен считал ее соответствие чувственному опыту музыканта и слушателя. Различие между теоретическими воззрениями на гармонию у пифагорейцев и Аристоксена можно наглядно показать на примере их подходов к определению музыкального интервала. Как известно, Пифагор и его последователи рассматривали интервал как отношение высоты двух звуков, выражаемое через отношение рациональных чисел (1:2 для октавы, 1:3 для квинты, 1:4 для кварты, 8:9 для целого тона и т. д.); на этом основании пифагорейцы, в частности, отрицали возможность деления целого тона на две или более равные части, так как получившийся интервал выражался бы иррациональным числом. Аристоксен предпочитает опираться в подобных вопросах не

¹⁴⁷ Plat. resp. 400b–c.

¹⁴⁸ Plat. resp. 424c.

¹⁴⁹ Aristot. polit. VIII 1339 b 11–31.

¹⁵⁰ См.: Philodème de Gadara. Sur la musique. Livre IV / Éd. et trad. D. Delattre. P., 2007.

¹⁵¹ Sext. Emp. adv. mus. 7–18.

¹⁵² Сочинение Ласа из Гермियोны (род. 548 г. до н.э.), считавшегося первым музыкальным теоретиком в Древней Греции (ср. § 936), не сохранилось.

на математические рассуждения, а на чувственный опыт¹⁵³ и рассматривает в числе полноправных интервалов и такие иррациональные точки зрения математика промежутки, как полутон, а также третья и четвертая части тона¹⁵⁴.

Сочинения Аристоксена пользовались большим авторитетом в античности, а разработанная им система понятий и определений и сама структура изложения материала легли в основу нескольких известных нам более поздних трактатов о музыке, таких как «Введение в гармонию» Клеонида (вероятно, I в. н.э.), одноименный трактат Гауденция (вероятно, II в. н.э.), «Введение в музыкальное искусство» Бакхия и «Введение в музыку» Алипия (то и другое, вероятно, IV в. н.э.). Несмотря на существовавшее на протяжении всей античности очевидное противоречие между «аристоксеновским» и «пифагорейским» направлением к музыкальной теории (представителей первого, по свидетельству Порфирия, называли «гармониками» или «музыкантами», второго — «канониками»)¹⁵⁵, на практике, однако, мы нередко наблюдаем тенденцию к согласованию или, по крайней мере, эклектическому соединению положений того и другого учения. Эклектический характер носит, в частности, весьма известный в поздней античности — и послуживший, по всей видимости, основным источником для девятой книги «Бракосочетания Филологии и Меркурия» — трактат «Музыка» Аристида Квинтилиана (II или нач. III в. н.э.), первая книга которого содержит учение о гармонии и ритме и выдержана скорее в аристоксеновском духе, вторая книга посвящена теории музыкального этоса, а третья — числовой теории гармонии в духе пифагорейцев.

Из римских писателей классической эпохи вопросы музыкальной теории затрагивали в своих сочинениях Витрувий (I в. до н.э.)¹⁵⁶ и Квинтилиан (ок. 35–ок. 96 гг.)¹⁵⁷, из более поздних авторов — Цензорин (первая пол. III в.)¹⁵⁸, Халкидий, Фавоний Эвлогий (оба к. IV–нач. V в.)¹⁵⁹ и Макробий (V в. н.э.)¹⁶⁰. Первые дошедшие до нас произведения на латинском языке, специально посвященные музыке, — упомянутые выше трактаты Августина и Боэция, первое из которых полностью посвящено ритмике, второе — математической теории гармонии.

¹⁵³ Aristox. harm. II 12–17.

¹⁵⁴ Aristox. harm. I 134.

¹⁵⁵ Porph. in harm. 1.

¹⁵⁶ Vitruv. V 4.

¹⁵⁷ Quint. inst. I 10, 9–33.

¹⁵⁸ Cens. de die nat. X 1–12. Под именем Цензорина сохранилось также, вероятно, не принадлежащее ему сочинение, озаглавленное *Epitoma disciplinarum* («Сокращенное изложение дисциплин») и содержащее, в числе прочего, элементарные сведения о музыке, см.: *Censorini de die natali liber ad Q. Caerellium. Accedit anonymi cuiusdam epitoma disciplinarum* / Ed. N. Sallmann. Leipzig, 1983. P. 71–76.

¹⁵⁹ Fav. Eulog. 21–27.

¹⁶⁰ Macr. somn. II 1–5.

Нам известно о существовании и других латинских сочинений о музыке, до нас не дошедших: так, Кассиодор (VI в.) в музыкальном разделе своих «наставлений» упоминает о трактате некоего Альбина, предложившего латинские соответствия греческим названиям струн¹⁶¹, а также о двух переводах «Введения в гармонию» Гауденция, выполненных, соответственно, Апулеем из Мадавры (ок. 123–170 гг.) и современником самого Кассиодора по имени Муциан¹⁶².

Девятая книга «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы замечательна уже тем, что представляет собой единственное из дошедших до нас полное (т.е. включающее и гармонию, и ритмику) изложение музыкальной теории на латинском языке, созданное в античную эпоху. Содержание этой книги можно условно разделить на три части: за вступлением, повествующим о благодетельности музыки для человеческого рода (§§ 921–929), следуют два больших раздела, посвященных, соответственно, гармонии (§§ 930–966) и ритму (§§ 967–995).

Материал, изложенный во вступительной части (§§ 921–929) и в начале раздела о гармонии (§§ 930–935), происходит из неизвестного нам источника или источников (одним из возможных вариантов исследователи, как и во многих других случаях, называют сочинения Варрона). Основная часть гармонического раздела и раздел о ритме (§§ 936–995) весьма точно следуют содержанию первой книги «Музыки» Аристида Квинтилиана (1. 4–1. 19). Опирался ли Марциан Капелла на греческий текст Аристида Квинтилиана или на неизвестный нам перевод, выполненный кем-то из его латинских предшественников, достоверно установить невозможно. Можно отметить несколько мест, в которых Марциан Капелла явно отступает от прямого следования тексту Аристида Квинтилиана. Так, в том месте где должен начинаться раздел о тональностях (§ 960), Марциан Капелла неожиданно начинает говорить о тоне, что можно объяснить, с одной стороны, смешением терминов (по-гречески слово *tónos* может обозначать как тоновый интервал, как и тональность), с другой стороны — желанием избежать повтора: сам Марциан Капелла справедливо отмечает, что о тональностях уже шла речь ранее, во вступительной части (§ 935). Далее следуют не находящие соответствия у Аристида Квинтилиана параграфы, посвященные расположению тетрахордов (§ 961) и пентахордов (§§ 962–963). Можно отметить, что излагаемая здесь (§§ 962–963) Марцианом Капеллой теория пентахордов, вопреки утверждениям автора о ее общеизвестном характере, не имеет соответствия ни в одном известном греческом или латинском источнике и, возможно, представляет

¹⁶¹ Cassiod. inst. II 5, 10; cf. Boeth. mus. I 12, 26. Возможно, речь идет об Альбине, консуле 335 г. и префекте Рима 336 г. (*Martianus Capella*. Les noces de Philologie et de Mercure, Livre IX: l'harmonie / Texte établi et traduit par J.-B. Guillaumin. P., 2011. P. LV–LVI).

¹⁶² Cassiod. inst. II 5, 1.

собой собственное изобретение Марциана Капеллы. Еще одно теоретическое новшество, по сравнению с «Музыкой» Аристида Квинтилиана, мы находим в начале раздела о ритмике (§ 970), где Марциан Капеллы делит учение о ритме на семь частей, в то время как у Аристида Квинтилиана упоминаются только пять: это изменение, вероятно, объясняется стремлением автора «Бракосочетания» уравновесить семичастный гармонический раздел аналогичным по структуре разделом о ритме. Некоторые упомянутые ниже в примечаниях расхождения между Аристидом Квинтилианом и Марцианом Капеллой во второй половине седьмой книги¹⁶³ могут объясняться собственными новациями автора «Бракосочетания» в той сфере, в которой автор «Метрики» чувствовал себя, по-видимому, наиболее компетентным¹⁶⁴.

¹⁶³ См. прим. 1121 и прим. 1141.

¹⁶⁴ Об основательной подготовке Марциана Капеллы в теории метра могут, по мнению Ж.-Б. Гийомена, свидетельствовать как содержание упомянутого выше трактата о метрике (см. прим. 8), так и его очевидное мастерство в области стихосложения (*Guillaumin J.-B. Op. cit. P. C–CIV*).

Martianus Capella

De nuptiis Philologiae et Mercurii

Книга первая*

(1) Ты, что брачный покой оглашаешь бряцаньем кифары,
Музы возлюбленный сын, скрепа святая богов;
Ты, что, вещей семена несогласные тайною силой
Соединяя, роднишь узами страсти святой;
Ты, элементы связав, Небеса с Землею брачуешь,
И дуновенье ума с телом вступает в союз;
Ты, наконец, договором приятным, природе угодным
Два пола соединил, верную дав им любовь,
О благой Гименей, лелеемый милой Кипридой¹⁶⁵,
(И потому осветил страстью твой лик Купидон!), –
Иль оттого, что отец твой, Вакх, обучил тебя пляскам,
А пред чертогом любви песням — родительница¹⁶⁶,
Иль потому, что тебя украшать научили венками
Дома цветущий порог Грации, сестры твои, –
Брачный бессмертных союз собираясь воспеть, Каллиопа
Благословить свой рассказ просит смиренно тебя!

(2) И пока я, нечто совершенно невиданное и небывалое замыслив, напевал, обращаясь к Гименею, эти вот стишки, Марциан, не в силах взирать на то, как испещренная сединами голова лепечет несообразнейший вздор, вмешался с такими словами: «Что же это, отец, за таинственные предметы, о которых ты торопишься поведать? Почему ты распеваешь гимны и подмигиваешь, словно жрец, намеревающийся отворить двери святилища? Не лучше ли рассказать, что у тебя на уме, и разъяснить, по какому поводу прозвучали эти славословия?» Воистину, ты неразумен, ответил я, и ум твой затуманен настолько, что ты не сумел понять смысла столь очевидной прелюдии: неужели

---

* Перевод всех девяти книг «Бракосочетания Филологии и Меркурия» выполнен изданию Дж. Уиллиса (*Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. J. Willis. Leipzig, 1983), все исключения специально оговариваются в примечаниях.

¹⁶⁵ Венерой, рожденной и чтимой на острове Кипре.

¹⁶⁶ Муза (*Сатена*); по другим версиям, Гименей считался сыном Вакха и Венеры, либо Музы и Аполлона.

не ясно, что, раз первое возлияние обращено к Гименею, то итогом его непременно станет бракосочетание? Если же, задавая этот нетерпеливый вопрос, ты желаешь разузнать, что за источник дал начало этому потоку, то слушай: историю, которую я поведаю тебе (если только не буду сражен протяженностью рассказа), придумала Сатира, которая и рассказала ее мне, пока я коротал с нею зимние ночи при свете догорающих свечей.

(3) В те времена, когда заключались между богами священные браки, дававшие многочисленное потомство, а впоследствии многославные их дети и населившие небеса сонмы милых внуков таким же образом соединялись между собой божественными союзами, и более всех наслаждались брачными связями наиболее могущественные из небожителей, а болтливые смертные распространяли молву об этом по всем уголкам мира, и поэты, следуя за фракийским кифаристом¹⁶⁷ и за сладкими речами слепого меонийского старца¹⁶⁸, вторили им в этом в своих эпических и лирических песнях, утверждая, что ничего нет для Юпитера более приятного среди всех небесных усад, чем его собственная супруга; и к этому прибавлялось еще более явное обстоятельство, свидетелями которому были опытные в жертвоприношениях великовозрастные понтифики, а именно то, что всякий раз, когда неумолимый Юпитер неуклонно отвергал трепетные моления удрученных заботами смертных, можно было достичь успеха одним только способом — обратившись к его госпоже, и тогда даже в тех случаях, когда Парки уже заносили продиктованное решение в свои таблички, Юпитер не раз отменял его, будучи смягчен объятиями и уговорами супруги; (4) и не только верховный владыка, как утверждали, покорился воле жены, но то же случилось и с Дитом¹⁶⁹, и с Портуном¹⁷⁰; также и Градив¹⁷¹ воспылил любовью к своей супруге Нерии Нериене¹⁷²; и страсть Эскулапа не была исключением; и мрачнейший старейшина небожителей¹⁷³ был столь же восприимчив к ласкам своей супруги Опы-Кибелы; и Янус восхищенно взирал каждым из двух своих ликов на Аргиону; и царица Мемфиса¹⁷⁴ оказалась столь привязана к мужу¹⁷⁵, что, пораженная бесконечной скорбью, так никогда и не смогла утешиться обретением его¹⁷⁶.

¹⁶⁷ Орфеем.

¹⁶⁸ Т.е. Гомера.

¹⁶⁹ Одно из имен бога Плутона, связанное с прилагательным *ditis* «богатый».

¹⁷⁰ Римский бог портов и пристаней, иногда отождествляемый с Нептуном.

¹⁷¹ Одно из имен бога Марса, связанное с глаголом *gradior* «шествовать»: «Шествующий [в бой]».

¹⁷² Сабинская богиня, считавшаяся супругой Марса.

¹⁷³ Т.е. Сатурн.

¹⁷⁴ Т.е. Исида.

¹⁷⁵ Т.е. Осирису.

¹⁷⁶ По мнению Д. Шанзер (*ad loc.*), здесь содержится намек на ежегодное празднование воскрешения Осириса.

(5) Молва об этом и столь великое влечение богов друг к другу не оставили равнодушным Килленийца¹⁷⁷, который к тому же, выполняя различные поручения небожителей, постоянно был свидетелем их страстной любви и их свадебных церемоний: он также пожелал вступить в брак. Этому решению способствовало и беспокойство матери, которое та выказала ему тогда, когда он, совершая свой ежегодный путь по зодиаку, приветствовал ее в созвездии Плеяд; к тому же тело его, закаленное палестрой и частым бегом, и его могучие мускулы, свидетельствовавшие о выдающейся силе юноши, уже давно источали некую мужественность и стать, а первый пушок, уже покрывший лицо, не позволял ему, не навлекая на себя насмешки Киприды, ходить, как прежде, наполовину обнаженным и носить только короткий плащ, который, покрывая лишь самую верхнюю часть предплечья, оставлял всю прочую его часть неприкрытой, — словом, все это вместе побудило его расстаться с безбрачием.

(6) А так как речь шла о деле весьма ответственном и почетном, то прежде всего погрузился он в длительное размышление. Жаркой любовью воспытал он было к Премудрости, которая, отличаясь благоразумием и святостью, была и чище, и прекраснее всех дев. Но все же, зная, что она, будучи связана узами кровной близости и неразлучной дружбы с его сестрою, и сама, подобно ей, примкнула к числу безбрачных, он решил не оскорблять Палладу подобным домогательством. Столь же милый сердцу блеск желанной красоты воспламенил его страстью к Мантике¹⁷⁸. В пользу последней говорило и благородство происхождения (она была старшей из дочерей Прони¹⁷⁹), и ее дар прозорливого благоразумия. Но в эти самые дни случилось так, что она, горя нетерпением безмерной любви, добровольно последовала за Аполлоном и соединилась с этим юношей. (7) Тогда он захотел посвататься за дочь Энтелехии¹⁸⁰ и Солнца, о воспитании которой самым явным и усердным образом позаботились сами боги, которые, собравшись на пир по случаю рождения Психеи¹⁸¹, принесли ей множество даров. Юпитер возложил на ее главу диадему, прежде принадлежавшую его почтеннейшей дочери Вечности. Юнона приложила к ее власам перевязь из блестящей породы чистейшего золота. Дева Тритония¹⁸², развязав тунику, надела на деву свою головную повязку и строфий¹⁸³, сделан-

¹⁷⁷ Одно из имен Меркурия, происходящее от названия Киллены (*Κυλλήνη*), горного хребта в Аркадии, где этот бог, согласно мифу, был рожден.

¹⁷⁸ Искусство гадания (греч. *μαντική*).

¹⁷⁹ Предвидение (греч. *πρόνοια*).

¹⁸⁰ Отсылка к аристотелевскому учению о душе как о форме и завершении (*ἐντελέχεια*) тела (Aristot. de an. 412 a 19-22).

¹⁸¹ В ориг.: *Ψυχή* «Душа».

¹⁸² Одно из имен Минервы, рожденной, согласно мифу, на берегах озера Тритон в Ливии.

¹⁸³ Грудная повязка.

ные из ткани алого цвета¹⁸⁴, и верхнее платье, прежде облекавшее ее собственную святую и благоразумную грудь. Делиец¹⁸⁵, держа в руках побег лавра, этой пророческой и промыслительной ветвью показал ей птиц, удары молний, движения самого неба и светил. Урания с мило- стивой благосклонностью пожаловала ей блестящее зеркало, принесенное в ее святилище в качестве одного из даров Премудростью, дабы она, познав с его помощью самое себя, пожелала выяснить также и свое происхождение. Лемносский мастер¹⁸⁶ зажег для нее неусыпные огоньки вечности, дабы не застигли ее и не ослепили ни мрачные сумерки, ни ночь. Афродита, в свою очередь, даровала ей улады, касавшиеся всех чувств: она умастила ее мазью, украсила цветами, научила наслаждаться и тешиться приятными ароматами, усладила медом, внушила любовь к золоту и украшениям и стремление к почетной роскоши драгоценных облачений; пока малышка покоилась, она подносила ей навевавшие сон погремушки и бубенцы; наконец, дабы ни в какое время не была она лишена утех и удовольствия, она сделала так, чтобы даже почесывание потаенных частей тела сопровождалось неким щекотливым сладострастием. Наконец, сам Киллениец подарил ей повозку с крылатыми колесами, на которой она могла перемещаться с дивной быстротою, хотя ее и отягощала Память, связав золотыми оковами. И вот с Психеей, обладавшей всеми этими богатствами и дарами, полученными от собрания всевышних богов, и пожелал сочетаться браком Аркадец¹⁸⁷, потерпевший до того неудачу во всех своих притязаниях. Однако Добродетель, неотступно сопутствовавшая Килленицу, почти с плачем сообщила ему, что та из-за безудержной страсти вооруженного колчаном крылатого бога была похищена из ее общества и стала пленницей Купидона, который удерживал ее алмазными путами.

(8) Итак, поскольку лелеемые им планы были нарушены и тщетными оказались прельщавшие его счастливые надежды на брак с одной из этих избранниц, и в то же время нелегко было найти иную деву, которая была бы вполне достойна звания невестки Громовержца, Добродетель предложила не торопиться с решением: было бы против обычаев предпринимать что-либо, не посоветовавшись с Аполлоном и избегать встречи с ним, тем более что тот никогда не позволял Меркурию, путешествуя по домам Зодиака, отдаляться от себя на расстояние более месячного пути¹⁸⁸. Поэтому было решено обратиться к брату, где

¹⁸⁴ Подвенечная фата (*flammeum*) в Риме была алого цвета; в то же время головная повязка (*ricinium*) надевалась при трауре. Такой двоякий символизм одевания Психеи кажется уместным в притче о грехопадении души.

¹⁸⁵ Одно из имен Аполлона, рожденного, по мифу, на острове Делосе.

¹⁸⁶ Т.е. Вулкан, чья кузница, согласно мифу, располагалась на острове Лемносе.

¹⁸⁷ Т.е. Меркурий, местом рождения которого, согласно мифу, была Аркадия.

¹⁸⁸ Наибольшее угловое расстояние между Меркурием и Солнцем (Аполлоном) составляет 22°, что не превышает месячного пути Солнца по зодиакальному кругу, составляющего 30°.

бы тот ни находился. (9) И тогда Меркурий по своему обыкновению передал Добродетели крылатый жезл, дабы она могла вместе с ним облетать самые удаленные уголки света и с такою же быстротой проникать в потаенные области эфира. Сам он обул золотые сандалии, и они принялись со всею тщательностью разыскивать Аполлона то в храмах, где некогда путаными иносказаниями изливались пророчества и прорицали обнаженные священными разрезами внутренности животных; то в пещерах, где он имел обыкновение вынимать жребий и озвучивать предсказания. (10) Но и высокие храмы, и пещеры были пусты, и никакого следа его обнаружить не удалось, не считая нескольких листьев иссушенного лавра и полуизодранных жреческих повязок, которые в Кумской пещере после исхода Сивиллы снедались молью и гниением; также и на воздушных путях, где он обычно направлял полеты пернатых, голоса вещих птиц и знаменья проворных крыльев, поиски их были тщетны и напрасны: уже давно Пифиец, оскорбленный извращением своих наставлений, отказался от звания авгура. Они последовали за ним также на Геликон, на Делос и в Ликийю, однако обнаруживали там то увядшие листья лавра и высохший плющ, то полуистлевший треножник и испорченные плесенью сандалии, то стершиеся от времени записи пророчеств.

(11) Наконец благодаря Молве им стало известно о том, что Феб осчастливил своим присутствием вершины Парнаса; и хотя, как говорили, после этого он отправился дальше к потаенным тенистым скалам Индийской горы, все же они посетили тайные убежища Кирры¹⁸⁹ и говорящие своды священной пещеры, где стояли в должном порядке все грядущие века, Фортуны городов и народов, всех царей и всего рода человеческого. Видно было, как одни из них, пройдя отмеренный им путь, удалялись, другие располагались прямо перед взором, многие же еще только приближались; на некотором удалении фигуры их сливались воедино, словно бы скрытые обманчивым дуновением туманной дымки. Среди этого дивного зрелища чередования Фортун шепчущее дыхание рощи рождало певучую мелодию, звучавшую в некоем мелическом ритме. Наиболее выдававшиеся вершины больших деревьев, вытянувшись вверх, задавали высокий тон; те, что находились ближе к земле, склоняясь к ней своими ветвями, гудели хрипло и низко; средние же деревья, присоединяясь к общему хору, вторили им интервалами октавы, квинты, кварты и секунды; порою к ним примешивались и полутона. В результате такой согласованности напевов роща издавала полное гармоническое звучание, подобное песни небожителей. (12) Из объяснений Килленийца Добродетель узнала, что точно таким же образом и орбиты небесных планет то сами издают стройное звучание, то вторят пению друг друга. И не было ничего уди-

¹⁸⁹ Древний приморский город Кирра (*Kirra*), как и Парнасские горы, находился неподалеку от Дельфийского святилища.

вительного в том, что Аполлонов лес был наполнен столь размеренным пением, ибо сам Делиец, будучи Солнцем, управлял небесными орбитами (поэтому-то его называют то Фебом, то Златовласым, (13) ибо священная глава Солнца, украшенная и окруженная пылающими лучами, словно бы подобна светлому темени с золотистыми локонами; поэтому он именуется и Стрельцом, и Наносящим Раны, ибо он способен пронзать ударами испускаемых лучей).

(14) Кроме того, Киллениец указал Добродетели на некие стекавшие с небес реки¹⁹⁰, которые, как он говорил, необходимо было перейти, чтобы добраться до того бога, к поискам которого были устремлены их заботы. Увлекавшиеся их потоками воды были окрашены в совершенно несходные между собою цвета. Первая река¹⁹¹, чье русло было весьма широким и полноводным, несла свои мрачные и иссиня-черные воды холодным и медлительным потоком. Другая река¹⁹², подобная молоку или чистому свету, текла мягко и спокойно, воды ее были серебристого цвета. Третья река¹⁹³, серная, стремительно несла свои рдеющие подобно яркому огню воды с грохотом и бешеным напором. За ней следовала блестящая золотая река¹⁹⁴, мерцавшая вспышками пламени; к этой реке с обеих сторон примешивались два потока поменьше, она же, соединяя несходные между собою воды, смешивала их в умеренной пропорции. Следующая река¹⁹⁵ была прозрачнее, чем янтарь; на ее берегах толпилось множество Фортунов, которые предпочитали ее всем прочим потокам: одних из них привлекал ее приятный аромат, другим нравилось нежное и мелодичное звучание ее мягких волн, многие устремлялись к ней, дабы утолить свою жажду влагою сладостных потоков; не было недостатка и в тех, кто жаждал сам омыться приятной влагой этой реки, окунувшись в ее воды. Две оставшиеся реки были поменьше, изгибы их течения занимали весьма узкое пространство; обе они из-за соседства с прочими и близости их окраски постоянно меняли цвет, присоединяя к собственному скудному потоку множество примесей. Воды одной из них¹⁹⁶, чрезвычайно торопливые и стремительные, иногда приостанавливались и обращались вспять, в то время как течение второй¹⁹⁷, несшее в себе некое первоначало всех вод, блуждало, изгибаясь многочисленными излучинами и пенилось семенами всех потоков.

¹⁹⁰ Течение семи рек, по согласному мнению комментаторов, символизирует у Марциана Капеллы движение небесных тел. Относительно цветов планетарных орбит ср. Plat. resp. 616e–617a; Plin. n. h. II 79.

¹⁹¹ Сатурн.

¹⁹² Юпитер.

¹⁹³ Марс.

¹⁹⁴ Солнце.

¹⁹⁵ Венера.

¹⁹⁶ Меркурия.

¹⁹⁷ Луны.

(15) И все эти разноцветные реки, широко разливаясь, омывали своими изгибами вышеупомянутые Фортуны всех вещей и народов. Порою бурное стремление разнонаправленных течений неожиданным натиском захватывала ту или другую из них и, кружа в быстрых водоворотах, стремглав увлекала их по излучинам русла. Затем, после того как одна река долго терзала ее, швыряя в разные стороны, другая река перехватывала ее и уносила своим потоком и либо выносила на берег, либо топила в своих волнах. Одни Фортуны увлекала, кружа, кроваво-красная или небесно-голубая пучина: другие из них внезапно хватала и несла на блистающем гребне своей высокой волны молочно-белая река; порою, высоко вздымая их своим могучим потоком, она бросала их в кипящий омут, цветом подобный крови, либо извергала их в бушующий темный поток, дабы их пожрала там иссиня-черная бездна. Таким образом все Фортуны были поочередно увлекаемы разнонаправленными потоками, и не было ни одной неподвластной их напору и свободной от всего этого круговорота вод.

(16) Наконец Добродетель, следуя за Килленийцем, бесстрашно преодолела все эти потоки, которые, хотя и бушевали с оглушительным грохотом, все же не смогли сбить ее с ног. После этого Меркурий и Добродетель остановились по ту сторону потоков, которые вели к тому месту, где можно было узреть самого Феба. Тут они увидели сына Латоны, восседавшего на высоком и крутом возвышении; перед ним находились четыре небольших сосуда, содержимое которых он рассматривал, поочередно их открывая. Все сосуды имели различную форму и были изготовлены из разных металлов. Первый из них, насколько можно было судить, был изготовлен из твердого железа; другой был из блестящего серебра; третий, черный, казалось, был сделан из тяжелого литого свинца; тот же, что был ближе к богу, блистал, подобно морской глади, прозрачным серебром; каждый из них содержал в себе некие семена и начала¹⁹⁸. (17) Из вышеупомянутого железного сосуда извергалось яркое пламя, питаемое жгучим зноем: сосуд этот именовался Мульциберовым Вихрем¹⁹⁹. Другой сосуд, изготовленный из серебра, светился мерным блеском безоблачного весеннего неба: он именовался Юпитеровым Смехом. Тот же, что был из более тяжелого металла, был наполнен бушующими зимами, трескучим морозом и льдом; его называли Сатурновой Погибелью. Тот же, что блистал подобно морской глади и находился близ десницы бога, был переполнен семенами всех воздушных потоков; он был известен под именем Сосцов Юноны. (18) Бог поочередно зачерпывал содержимое всех этих сосудов в зависимости от своих замыслов. А именно, каждый раз, когда, благоволя к

¹⁹⁸ Согласно большинству комментаторов, четыре сосуда Феба (Солнца) символизируют четыре времени года: соответственно, лето, весну, зиму и осень.

¹⁹⁹ Мульцибер (*Mulciber*), буквально «размягчитель», «плавильщик» — одно из имен Вулкана.

миру, он намеревался одарить его целебным дыханием живительного ветра, он черпал из серебряного сосуда, примешивая в нужной пропорции семена легкого воздуха; грозя же провинившимся смертным жестокой чумой, он соединял пышущие медным жаром огни с пагубой цепенеющего холода и насылал эту кару на обреченный мир.

(19) Добродетель, видя такую рассудительность бога и заметив, что тот более склонен посылать благоприятные ветры, с одобрения Меркурия продекламировала греческий стих слепого поэта:

Феб неостриженновласый тучу чумы отвращает²⁰⁰.

Меркурий по этому поводу напомнил, что пагуба отступает всякий раз, когда голоса молящих, обращенные к перебирающему струны кифары Кларийцу²⁰¹, чьи лоснящиеся прекрасноубранные волосы венчают священная повязка из лавра, достигают ступней божества.

(20) Пока они вели такие речи, Пифиец, заметивший их издали и с первого взгляда догадавшийся о причине их прибытия, приподнялся с трона, на котором восседал, и приказал Музам выйти навстречу гостям: те тотчас поспешили услужить сыну Майи, при этом сохраняя во время шествования степенный порядок. Наконец, усадив брата рядом с собою и пригласив его разделить свое занятие, Феб заговорил первым:

(21) В деле неверном когда, тревожась, колеблется разум
Или в грядущего зыби неведомый призрачен жребий,
Пусть смертный род обратится к пророку, коль, правды взыскав,
Страждет в сомнении он иль томится зыбкой надеждой.
Нам же, богам, ни к чему дар предвиденья. Прочь промедленья!
Наше желанье — закон, и все, что задумало сердце,
Будет исполнено вмиг, раз есть на то воля бессмертных!
Ты же, однако, к решенью еще не придя в своем сердце,
Жаждешь услышать ответ мой. И ныне, как прежде, я стану
Другом желаньям твоим: ведь совет чужой ободряет.

(22) Знай же: ученая есть древнейшего рода девица
Та, кому ведомы все Паррасийского неба светила;
Та, не сокрыт от кого ни Тартара сумрак глубокий,
Ни, Юпитера знак, блистание рдеющих молний.
Та, кому облик знаком Нерея, подводного старца,

²⁰⁰ Эта строка, в оригинале приведенная по-гречески, не принадлежит Гомеру, вопреки указанию Марциана Капеллы. Этот же стих приводит Лукиан в своем сочинении «Александр, или лжепророк» (Lucian. Alex. 36) как пример заклинания, которое писали на дверях дома, чтобы защититься от эпидемии чумы.

²⁰¹ Одно из имен Аполлона, происходящее от названия города Клароса, где располагался храм и оракул этого бога.

И кому ведом твой путь по владениям царственных братьев,
 Кто неусыпным трудом проникает в заветные тайны,
 Кто, подвизаясь в науках, легко грядущее видит
 Прежде бессмертных самих, кто порой над самими богами
 Власть обретает и их понуждает творить свою волю,
 Та, кто знает: никто из вышних не властен что-либо
 Зевсу творить вопреки (велика за дерзость расплата!).
 Твой и девы союз для двоих будет равно почетен.

(23) Добродетель, обрадованная такими речами Аполлона и видя, что предстоит брак с особой столь выдающеюся, что, если исходить из сказанного, достоинства ее не оставляют желать ничего лучшего, спросила, между тем, об имени девы. Когда тот ответил, что речь шла о союзе не с кем иным, как с Филологией, Добродетель охватило такое ликование и такое веселье, что, несколько отступив от прирожденной строгости, она даже сделала несколько телесных движений. Ибо она помнила, что Филология была ее близкой родственницей и покровительницей прославленной Мантики, что она и самое Премудрость некогда щедро одарила премногими украшениями; ведомо ей было также, что и Психея, которая прежде была совершенно неотесанной и вела звериный образ жизни, получила от Филологии столь тщательное воспитание, что вся прелесть и красота, которыми она только могла гордиться, могли быть приписаны урокам этой девы, которая была настолько расположена к Психее, что неустанно старалась сделать ее бессмертной. Медлить, таким образом, не следовало, тем более, что Киллениец был известен стремительностью в исполнении своих намерений. Посему, услышав слова Аполлона, сын Майи сказал в ответ:

(24) Без сомненья, прекрасный Лавроносец,
 Есть в сердцах наших родственных согласье.
 Если кто из богов подаст совет мне –
 Я всегда его правым полагаю,
 Но всего предписанья мне милее
 И всего их охотней исполняю,
 Когда слышу ответ из уст Делийца
 И твое получаю наставление:
 Нечестиво его считать неясным,
 Превосходит оно любую волю.
 И поэтому, ведая приличья,
 Предреченное выполнит Аркадец,
 Получив твой наказ готовить свадьбу.
 Ты же благословенье Громовержца
 Помоги мне снискать, о брат-Делиец,
 Ибо кто, как не ты, умеет сердце
 Побуждать его, разум направляя!
 Сделай так, чтобы повелитель молний
 Как и ты, поддержал мое стремленье!

(25) После этой речи Меркурия Добродетель сказала: «Отчего вам об-
им не обратиться к самому Юпитеру? Аполлон его намерений соучаст-
ник, ты же поручений тайный исполнитель; тот в суждениях советник,
ты же его речей слагатель; настояниям Феба Юпитер нередко уступает,
тебе же сердце свое открывать привычен. К тому же вам суждено никог-
да не разлучаться, и хотя ты в своем беге нередко уступаешь в быстроте
Аполлоновой колеснице и, остановившись в промедлении, затем вновь
жаждешь опередить торопливого Делийца, однако после того как тебе
удается это сделать, ты обгоняешь его ровно настолько, чтобы самому
быть на обратном пути настигнутым²⁰². Поэтому обратитесь совместно к
Юпитеру, о благочестивые отпрыски: несомненно, он уступит, замурив
глаза, сиянию Феба и разделит со Стильбоном²⁰³ радость брачного сою-
за». (26) Сказав это, Добродетель, чьим долгом было следовать за Мер-
курием, вспорхнула в небо благодаря дуновению воздуха, вызванному
взмахом его жезла. Вещие птицы остановились перед колесницей Де-
лийца, дабы на них могли взойти желающие прокатиться: распорядясь
грядущим, он обыкновенно использовал их для предзнаменований. Вме-
реди шествовал Меркурий, несомый своей крылатой шляпой и санда-
лиями; торжественно ступавшего Феба неотступно сопровождала сви-
та Муз, которых несли белоснежные звонкоголосые птицы. (27) Можно
было видеть, как весь мир радостно присоединился к этой процессии.
Теллура²⁰⁴, узрев летящего бога весны Меркурия, украсилась цветами, а
небесное Благорастворение при виде Аполлона просияло ясно и безмя-
тежно. Вышние сферы и семичисленные орбиты планет принялись из-
давать гармоничный звон некоего приятного напева, и звучание их стало
сладкозвучнее обычного, когда как они почувствовали прибытие Муз.
Каждая из последних, преодолев некоторое количество орбит, останав-
ливалась там, где узнавала звук собственной мелодии. Урания избрала
внешнюю сферу звездного свода, которая, обращаясь, издавала высокий
и звенящий тон, Полигимния держалась Сатурнова круга, Эвтерпа —
Юпитерова, (28) Эрато запела, вступив в круг Марса, Мельпомена — в
срединный круг, где Солнце украшает небосвод пылающим светом,
Терпсихора присоединилась к золоту Венеры, Каллиопа устремилась к
Киллениеву кругу, Клио — к самому близкому из кругов и нашла свое
пристанище у Луны, которая хриплым голосом издавала самый низ-
кий из напевов. Одна лишь Талия осталась на Земле и расположилась
на вымени цветущего луга, так как несший ее лебедь, не стерпев бре-
мени и отказавшись взлетать, направился к своим родным озерам. (29)
Между тем, как только Феб, миновав воздушные пути, вступил в область
эфира, священная повязка на его главе внезапно преобразилась в лучи,
а лавровая ветвь, которую он держал в руке, зажглась светильником не-

²⁰² Речь идет о движении по небосклону планеты Меркурий и Солнца, угловое расстояние между которыми, как было указано выше, не превышает 22°.

²⁰³ Стильбон (греч. *Στίλβων* «сверкающий») — одно из имен Меркурия.

²⁰⁴ Земля.

бесного блеска; птицы, что несли колесницу Делийца, превратились в стремительных крылоногих коней пылающего света; сам же он, отворив порог звездного свода, в своем ярко-алом плаще заблистал вдруг ясным Солнцем. Киллениец, в свою очередь, также обратился в мерцающее светило. (30) Став еще прекраснее после такого божественного преображения, они промчались через близкое им по родственному праву созвездие Близнецов и, сияя посреди священных небес, вскоре прибыли ко дворцу Громовержца. И, когда оба «вошли, и им было позволено молвить»²⁰⁵, Клариец увидел, что отец находится в обществе Юноны, которая, как он знал, всегда в высшей степени благоволила и способствовала заключению браков. Радуясь первой доброй примете и призывая на помощь ту, от чьей воли, как он знал, зависело решение ее супруга, он так кротко повел свою речь:

(31) Я, право, не решился б с дерзновением
Таким тревожить Громовержца просьбою –
Едва подросший сын, отца трепещущий, –
Когда бы для меня знаменьем радостным
Пример ваш не служил, чета бессмертная,
И прочих небожителей супружества.

К тому же кто не пожелал бы пред лицом
Юноны о женитьбе стать ходатаем?

Кому быть, как не ей, невесты дружкой?

(А ты, прельстив супруга, убеди его

На брак богов любезно дать согласие!)

(32) Итак, тебя молю, всех нас родителя,
Начало, судьбоносца: Парок хор дает

Удел всем смертным, ты же — небожителям!
Твое желанье — впереди предвиденья;

Твой ум объемлет все, что предстоит богам,
Необходимость порождая волею,

Твоим решеньем связано грядущее,
Когда б ни пожелал ты — все исполнится!

Тебя молю знаменiem, являющим
Твое благоволенье: Небо чистое!

Благой владыка! Истинный богов отец!
Позволь потомству внуков умножить число,

Что просяют небосвода звездами:
Священный твой зарок и Майи требует

С ученой девою сочетаться свадьбою.

(33) И коль священен для тебя отцовский долг,
Владыка, то, велев созвать богов сенат,

Союз сей освятите вы с супругою,
Чтоб брак детей всевышний утвердил закон

И слава небожителей украсила!

²⁰⁵ Verg. Aen. I 520.

(34) Когда же Делиец умолк, Юпитер обратился к супруге и спросил, какова ее воля. Та, по многим причинам настроенная благожелательно (во-первых, потому что просителем был Феб, всегда приносивший ей умиротворение²⁰⁶; к тому же с ним прибыли, представ перед взором божественной четы, их собственные дочери, получившие от него воспитание²⁰⁷; кроме того, Юнона вообще не привыкла противиться браку; наконец, она любила Килленийца, который, вскормленный ее сосцами, испил таким образом кубок бессмертия, по каковой причине она испытывала к нему материнское благоволение; укрепляло ее в решении и то обстоятельство, что она уже была премногим обязана Кларийцу за его услуги), посоветовала поспешить с бракосочетанием, дабы рассерженный Киллениец не пожелал, обольстившись приманками Киприды, родить брата Гермафродиту²⁰⁸. (35) В свою очередь, Юпитер, которого несколько тревожило опасение, как бы Киллениец, изнеженный ласками жены, не погрузился в сонное оцепенение и, получив свадебный отпуск, не отказался исполнять Юпитеровы поручения, сказал так: (36) «Уже давно я чувствую, что он воспламенен страстью к Филологии и именно из любви к ней взрастил в своем доме множество Дисциплин²⁰⁹ и сам, премного украсив своей язык, приобрел благодаря этому чрезвычайную прелесть речей, дабы тем самым понравиться деве; кроме этого, он обучился умело перебирать струны барбитона и золоченой лиры; добавлю к этому, что он стал нередко прибегать к дивному обману, одушевляя и словно бы наделяя жизнью лица, изготовленные им самим из меди и мрамора. Одним словом, ему стало по нраву все, что составляет прелесть и украшение юности». Сам же Юпитер, по собственным словам, некоторое время держал в разлуке их, давно уже связанных взаимной любовью, с той целью, чтобы Меркурий, поспешив с юношеской страстью в брачный чертог, не начал, расслабившись, отклоняться от своего обычного курса, в то время как ему целыми ночами полагалось исполнять обязанности посланника богов. (37) Тогда Юнона сказала: «В таком случае тем более ему следует вступить в союз с этой девой, которая не позволит ему задремать даже тогда, когда ему захочется отдохнуть! Или кто-нибудь будет утверждать, что не знает о трудовых бдениях Филологии и ее вечной бледности, вызванной бессонными ночами? Кто же, как не эта Филология, привык с неотступным вниманием всю ночь напролет исследовать небеса, моря и Тартар, с тщательной любознательностью поочередно рассматривать обиталища всех богов и, изучая строение мироздания, исчислять все

²⁰⁶ Здесь, по мнению комментаторов, содержится намек на солнечную природу Феба и воздушную природу Юноны: таким образом, Феб всегда приносит Юноне хорошую погоду.

²⁰⁷ Имеются в виду, очевидно, Музы. Последних обычно называли дочерьми Юпитера и Мнемозины, здесь же они предстают как дочери Юпитера и Юноны; впрочем, текст в этом месте может быть испорчен.

²⁰⁸ Сын Гермеса (Меркурия) и Афродиты (Венеры).

²⁰⁹ Грамматика, Диалектика, Риторика, Геометрия, Арифметика, Астрономия, Гармония.

обращения орбит, кругообразные и параллельные, наклонные и крестообразные, полюса, зоны, обороты осей и мириады самих светил? Сколько раз боги жаловались на ее настойчивость и упорство, когда она неким безмолвным заклинанием принуждала их, покоившихся в тишине первых ночных часов, явиться пред собою? (38) Так что совершенно невероятно, чтобы Киллениец мог предаться с нею лени и распуститься: напротив, побуждаемый и ободряемый ею, он будет вынужден странствовать на своих крыльях до самых надмирных пределов! Почему же, о лучший из царей, должна откладываться эта свадьба, благодаря которой вместо одного усердного Атлантида ты получишь — я обещаю! — сразу двоих бдительных стражей?»

(39) И пока Юнона нашептывала такие слова, прильнув к уху Юпитера, — при этом сам он, сидя рядом с нею и много превосходя ее ростом, вынужден был несколько наклоняться, — в это самое время, покинув некую чистейшую и блистательнейшую звездную сферу, к ним начала неспешно спускаться сиятельная Паллада. И вот она остановилась, достигнув Юпитеровой главы и расположившись словно бы на некоем возвышении. Когда Юпитер, возвышавшийся рядом с супругой, увидел пред собою Палладу, он повел свою речь так: «О дева, лучшее порождение наше, как удачно приход твой совпал с обращением сына Майи! По какой бы причине ты ни спустилась к нам, потому ли, что была привлечена голосом Делийца, потому ли, что Юпитеру не подобает принимать решение не посоветовавшись с тобою, или же ты поспешила к нам для того, чтобы согласие наше без тебя не показалось ущербным: в любом случае тебе следует знать, что Киллениец просит о браке с Филологией. Я еще не вынес свое решение и ожидаю твоего совета. Мне известно, что тебе приятен беспрестанный труд этой девы и что она относится к числу твоих служителей, поэтому будет справедливо, если в первую очередь ты выскажешь свое предусмотрительное суждение об этом браке». (40) Тут Паллада несколько потупилась, зарделась краскою девичьего стыда и, скрыв очи под покрывавшим ее голову золотистого цвета покрывалом, выразила некоторый упрек по поводу того, что у нее, девы, спрашивают совета по поводу брака, в особенности когда дело касается той, кого она, по праву дружбы, предпочла бы видеть вечно незамужней. Кроме этого, она считает себя недостойной давать такого рода советы, ибо сама совершенно непричастна какому бы то ни было соединению, и, как может свидетельствовать Арифметика, не рождена никаким смешением и ничего не порождает сама: в этот миг безбрачная дева открыла свою корону с семью лучами, чтобы показать, что она не участвует ни в каких делах, связанных с продолжением рода²¹⁰. Если

²¹⁰ Число семь, соответствующее Минерве, с одной стороны, является простым, то есть не порождено умножением каких-либо других чисел, больших единицы, с другой стороны — не является множителем какого-либо другого числа в пределах первой десятки (см. § 738).

Юпитер все же ожидает и требует ее мнения, то она советует, чтобы к принятию решения были привлечены все состоящие в браке боги и старейшие из богинь: Киллениец заслуживает того, чтобы в награду за его величайшие услуги его союз был освящен благословением небожителей. К тому же решение Юпитера всегда становится более священным тогда, когда оно выносится в присутствии божественного собрания; да и сама невеста не сможет соединиться с богом прежде, чем по постановлению всевышних перестанет быть смертной. Такой совет Тритонии был одобрен божественной четой.

(41) И тотчас секретарь Юпитера получил приказ в установленном порядке и с соблюдением всех процедур созвать обитателей неба, и в первую очередь членов божественного Сената, именуемых Пенатами Громовержца²¹¹, чьи имена не позволяет разглашать небесное таинство; поскольку же они были во всем связаны взаимными обетами, он дал им прозвание, указывающее на согласное единство²¹². (42) Кроме того, Юпитер послал за своим сыном Вулканом, несмотря на то, что тот никогда не покидал своего блистательного небесного жилища. Среди прочих должны были быть призваны могущественнейшие коллеги самого Юпитера, число которых, включая Громовержца, составляет двенадцать и которые перечислены в Энниевом двестишии:

Веста, Юнона, Минерва, Церера, Диана, Венера,
Марс, Аполлон, Юпитер, Вулкан, Нептун, Меркурий²¹³;

и семь других, которые не упоминаются среди этих двенадцати. (43) После них предстояло созвать все племя небожителей в соответствии с их высокими чинами, за исключением непричастных²¹⁴. (44) И тотчас воины Юпитера спешно направились в различные регионы неба, где каждый из богов пребывал в определенном месте отдельно от прочих, и некоторые из них, хотя и дали имена, происходящие от различных животных, одному или двум домам на зодиакальном пути, сами при этом находились в иных обиталищах²¹⁵.

²¹¹ По свидетельству Нигидия Фигула (Nigid. frg. 68 Swoboda), этруски различали четыре разряда Пенатов: Пенаты Юпитера, Пенаты Нептуна, Пенаты подземные и Пенаты смертных людей.

²¹² Марциан Капелла имеет в виду используемое далее именование *Di Consentes* «боги-консенты», этимологически связанное с приводимым здесь в оригинале словом *consensio* «согласие», «единодушие».

²¹³ Это двестишие Энния (Enn. ann. Fr. 63 Vahlen), вероятно, заимствовано Марцианом Капеллой из сочинения Апулея «О божестве Сократа» (Apul. Soc. 2).

²¹⁴ Т.е. Раздора, Распри и загробных божеств Манов (см. далее).

²¹⁵ Имеются в виду божества, с которыми ассоциировались определенные созвездия Зодиака (например, созвездие Льва — с Солнцем, Рака — с Луной и т. д.); соответствующие им светила, разумеется, не всегда находятся в «собственных» созвездиях.

(45) Все небо, как говорят, разделено на шестнадцать регионов, в первом из которых расположены жилища самого Юпитера, затем богов-консентов: Пенатов, Салюты²¹⁶ и Ларов, Януса, тайных Фаворов²¹⁷ и Ноктурна²¹⁸. (46) Во втором находятся, помимо дома Юпитера (который возвышается и там, ибо он имеет свои владения повсюду), Марс Квирина, Воинственный Лар; имеет там жилище и Юнона, а также Фонт²¹⁹, Лимфы²²⁰ и девять божественных Молний. (47) Из третьего же региона было решено позвать только одно божество: дело в том, что там установлены обиталища Юпитера Секундана, Юпитера Изобильного и Минервы, которые уже находились при самом Юпитере, Раздор же и Распря стоило ли звать на свадьбу, в особенности учитывая, что они издавна были враждебны Филологии? Поэтому из этого региона был призван один лишь Плутон, приходившийся жениху дядей по отцу. (48) Из четвертого региона прибыли Лесная Линса, Мульцибер²²¹, Лар Небесный, а также Лар Воинственный и Фавор. (49) Из следующего региона, после того как были пройдены дома царствующей четы, были призваны Церера, Теллур²²², отец Земли Вулкан и Гений²²³. (50) Вы, чада Юпитеровы, Палес и Фавор, вместе с Быстрою, дочерью Солнца, были призваны из шестого региона, Марс же Квирина и Гений уже были приглашены ранее. (51) Таким же образом Либер и Второй Палес были призваны из седьмого региона; оттуда же после долгого размышления было решено пригласить и Фрауду²²⁴ за то, что она неоднократно оказывала услуги самому Килленийцу. (52) Восьмой регион был обойден вниманием, потому что все его обитатели уже были созваны раньше; из него был приглашен только Весенний Плод. (53) Из девятого региона был призван Гений Юноны Гостеприимцы. (54) Вы же, Нептун, Лар Всеобъемлющий, Неверита, и ты, Конс²²⁵, прибыли вместе из десятого региона. (55) Из следующего региона прибыли Фортуна, Здравие и Фавор Пастушеский; Маны же были отвергнуты, так как они не могли предстать пред взором Юпитера. (56) Из двенадцатого региона был призван один только Санк²²⁶. (57) Из следующего региона были вызваны Судьбы, прочие же божества из числа Манов остались на месте. (58) Следом из дважды седьмого региона был приглашен Сатурн и его дочь Небесная Юнона. (59) Из пределов трижды пятого региона были созваны Вейов и общественные божества. (60) Из последнего региона сход-

²¹⁶ *Salus* «Здравие».

²¹⁷ *Favor* «Благоволение».

²¹⁸ *Nocturnus* «Ночной».

²¹⁹ *Fons* «Источник».

²²⁰ *Lympha* «Влага».

²²¹ См. прим. 199.

²²² *Tellurus*, ср. *Tellus* «Земля».

²²³ *Genius* «Дух-хранитель».

²²⁴ *Fraus* «обман».

²²⁵ Древнее италийское божество земледелия.

²²⁶ *Sancus*, ср. *sanctus*, *sacer* «священный».

ным образом были призваны Ноктурн и Земные Привратники. (61) После того как, таким образом, были вызваны боги, населявшие все регионы неба, Киллениец лично пригласил и тех богов, которых зовут Внезонными. (62) И вот начальники стихий, блюстители общественной пользы и умов, и все племя властителей, которым возносят молитвы многочисленные последователи Нумы, созданные властью Юпитера, тотчас прибыли к небесному двору сияющими светилами.

(63) Тогда Янус расположился на пороге дворца, а воины Юпитера — у ворот его, и каждого из намеревавшихся войти объявляла по имени выступавшая в роли глашатая Молва. (64) Внутри же царского консистория некая женщина, называвшаяся Адрастией, с неудержимой быстротою движения вращала небесную урну всевышнего жребия, а несгибаемая сердцем Имармена²²⁷ ловила плащом выпадавшие из крутящегося круга шары. (65) Клофо, Лахесис и Атропос²²⁸ (они, будучи знатоками искусства правописания и хранительницами божественных книг и архивов, с усердием увековечивали все повеления Юпитера), узнав о том, что собираются сенат и курия, а сам Громовержец торжественно облачается в свои одежды, заострили свои палочки для письма и приготовили восковые таблички для записи постановлений магистрата и божественного совета. (66) В это время Юпитер принялся надевать свое официальное облачение, которое надевал всякий раз перед тем, как созвать сенат: сперва он короновал себя подобавшим царю огненным венцом, сзади же покрыл голову неким золотистым покрывалом, которое для него соткала сама Паллада, первейшая из мастериц; затем он облачился в прозрачный покров белоснежной накидки, испещренной глазками звезд и украшенной многочисленными огненными блесками. После этого, протянув вперед правую руку, он взял в нее два шара, один из которых сиял золотом, другой — янтарем, в левую же руку взял девятиструнную лиру, словно бы опершись на нее. Затем Теллура надела на его ноги туфли, переливавшиеся травянисто-зеленым цветом смарагда. Восседал он на сотканном из павлиньих перьев покрывале, оживленном и украшенном разноцветным и подобным весеннему цветению узором; стопы его покоились на трезубце.

(67) Расположенный несколько ниже трон Юноны также был весьма достойно украшен. Глава ее была украшена неким молочно-белым покрывалом, поверх которого была диадема с драгоценными камнями: здесь была и зелень скифского камня, и сверкающий подобно молнии блеск керавна, и волноцветная глубина аметиста; этот венец, как говорили, сняла со своей блистающей главы и подарила царице небожительной дочь Фавманта²²⁹. Сама же блиставшая бесконечной прелестью бо-

²²⁷ Греч. *εἰμαρμένη* «удел, судьба».

²²⁸ Три Мойры (Парки), богини судьбы.

²²⁹ Ирида, богиня радуги.

гиня ликом была весьма подобна брату, разве что тот блистал неизменной радостью, а ее облик, словно облачное небо, был подвержен частым переменам: платье ее было прозрачным, верхняя же одежда темной, как туча; впрочем, всякий раз, когда ее касалось, приблизившись, какое-нибудь свечение, среди тенистых облаков можно было наблюдать сияние ясной прозрачности. Она держала в правой руке молнию, в левой звучащий пугающими громами тимпан, и, казалось, орошала все, что было внизу, обильными потоками влаги. Обувь ее была весьма темного цвета, в особенности подошвы, окрашенные чернотою беспроглядной ночи. Колени ее были обернуты поясом, постоянно менявшим свой цвет: иногда он сиял полнолунным блеском, иногда же свечение его, пройдя утонченную череду различных оттенков, настолько растворялось в черноте, что казалось, что он никогда не имел другого цвета. (68) Оба супруга, достойно украшенные царскими одеяниями, были заняты созерцанием некоего шара, который располагался на звездном возвышении перед тронem и на котором было вырезано множество разнообразных предметов: там присутствовали все существующие стихии и едва ли было обойдено вниманием хоть что-то из того, что содержится в природе. Были там и эфирные выси, и воздух, и моря, и разнообразные страны, и темницы Тартара, а также города, перекрестки и вереница всех живых существ, которые можно было перечесать здесь как по роду, так и по виду. Шар этот представлял собою некий образ и вид мироздания: все, что род людской и каждый из народов совершал в своих повседневных деяниях, отображалось в этом преображающем зеркале Творца. Если кому-либо по повелению Юпитера предстояло быть возвеличенным или низвергнутым, рожденным или убитым, он творил их участь собственной десницей, по собственному усмотрению чередуя судьбы мира в зависимости от того, какую часть его ему было угодно погубить или же облагодетельствовать и какую часть желал он видеть обширной и населенной. Созерцая и созидавая таким образом судьбу народов, он повелел впустить божественный сенат. (69) Первыми вошли те, кто, согласно божественному закону, не называются по имени²³⁰; оба супруга поднялись, приветствуя главнейших из богов и в первую очередь собственных отца и мать. (70) Вошел их родитель²³¹, ступая медлительно и неспешно; глава его была обернута серым покрывалом; в правой руке он держал некоего огнедышащего дракона, пожиравшего конец своего собственного хвоста, своим именем этот дракон, как считалось, указывал число года. Седины старца сверкали, подобно белоснежным снегам; впрочем, он, как верили, мог порою обращаться в юношу. (71) Его супруга²³², великовозрастная и тучная мать, плодовитая и окруженная потомством, была одета в усеянное цветами пестрое платье, которое покрывала травянистого цвета мантия, в ще-

²³⁰ Юпитеровы Пенаты, ср. §41.

²³¹ Сатурн.

²³² Опа-Кибела, ср. §4.

дром изобилии украшенная всем разнообразием драгоценных камней и металлов, а также плодами всех растений. (72) При ней была Веста, ее сверстница; она, так как была некогда, как говорили, кормилицей самого Юпитера и нянчила его на своих коленях, осмелилась поцеловать его царственную макушку. (73) После них было призвано золотое Солнце с его блистательной сестрой. Когда оно еще только приближалось к входу, его шествию уже предшествовало некое прелестное розоватое свечение, осветившее и украсившее передний зал дворца к изумлению всех прочих богов. Когда же оно вступило во дворец и туда проникли первые лучи его почтенной главы, то даже сам Юпитер вынужден был несколько попятиться, ослепленный яркостью безмерного свечения; при этом шары, которые Юпитер держал в руке, словно зеркало, заблестали родственным отсветом; (74) Юнона же, разноцветными уборами украшенная и разнообразными драгоценностями блиставшая, просияла в ответ ровным и величественным светом. (75) Главу Солнца окружал яркий венец, сиявший пламенем двенадцати огненных камней. Три камня спереди были лихнида, астрит и керавн, блеском своих лучей скрывавшие от взоров его почтенный облик; первый из них, как говорили, был взят из мозга Рака, другой из глаз Льва, третий из чела Близнецов. Еще шесть камней блистали по бокам. Из расположенных с одной стороны первый назывался смарагд, другой скифида, третий яшма: все они светились изнутри чарующим блеском полноцветного моря. С другой стороны венец украшал гиацинт, соединенный с дендритом и гелиотропием. Благодаря своему цвету в определенное время года эти камни заставляли землю покрыться травами; говорят, что их, угождая божеству, поочередно принесли ему в дар Весна и Осень. Заднюю сторону короны украшали гидатида, алмаз и хрусталь, порожденные бурной Зимой. Позолоченные волосы самого бога были, казалось, покрыты драгоценными блестками. (76) Он вошел с лицом прекрасного юноши, которое в процессе шествования обратилось в лицо мужа, в конце же — в лицо дряхлого старца; всего он мог, как верили, принимать двенадцать разных обличей. Тело его было целиком пламенным, подошвы — крылатыми, ярко-красный плащ его блистал большим количеством золота. (77) В левой руке он нес сияющий щит, в правой — пылающий факел, обувь его была словно из золотистой бронзы. Находившаяся рядом Луна своим мягким и нежным ликом отражала сияние братнего светила. (78) За ними вошли Юпитеровы братья, один из которых всегда был зеленоватого цвета морских волн²³³, другой же был бледен, так как избегал света, скрываясь в бесцветном сумраке²³⁴. (79) Каждый из двоих носил на голове владычный венец царского достоинства: (80) один из них был светлый, подобный белой соли и соцветный пенным сединам, другой, цвета черного дерева, темнел непроглядностью Тартаровой ночи. Второй из них был го-

²³³ Нептун.

²³⁴ Плутон.

раздо состоятельнее брата и постоянно обогащался благодаря приобретению всего, что рождается. Первый же, обладавший огромным и грузным телом, был обнажен и извергал из себя приобретенные разбоем богатства. (81) Их жены также были несходны между собой: тот, что был наг, вел с собой всеобщую кормилицу и гостеприимицу богов²³⁵, другой же — деву, которая радуется всякому прибытку и дарует просителям плоды в таком изобилии, что великую славу приобрел обычай, вознося мольбы этой богине, обещать ей сотую часть урожая²³⁶. (82) Затем вошли сыновья самого Громовержца, первым из которых шествовал юноша с красным лицом, всепожирающий и кровожадный²³⁷. Затем шествовал другой, нежной и приятной внешности; он нес в правой руке факел, в левой — кубок со снотворным напитком и отличался, по слухам, шаловливым характером; поступь его была нетвердой из-за опьяняющей влаги ароматного напитка²³⁸. (83) За ними шли два единоликих брата, один из которых сиял дневною звездой, другой — ночью²³⁹. (84) Затем — некто, отличавшийся неслыханной силой и всегда готовый уничтожить врага: на его дивные мускулы и на ужасный оскал Клеонийского льва исподволь любовалась Юнона²⁴⁰. (85) Были среди пришедших и две достойные дамы, одну из которых считали девственной, другую же — матерью всех поколений²⁴¹. У первой был лук и колчан, у другой — венок, сплетенный из крестообразно расположенных роз: любой пожелал бы полюбоваться ее блеском и красотой, услышать из ее сладких уст соблазнительные речи, привлечь ее в себе, благоухающую веяниями приятнейших ароматов, покрыть поцелуями, обнять ее стан, воздыхая от любви к ней! Будучи, по всеобщему убеждению, матерью всякой страсти и вожделения, она же, как считалось, превосходила всех и в стыдливости. (86) С ними показалась и прекрасная Церера, весьма тучная дама, питательница земли и кормилица смертных. (87) Пришел и некий хромоногий мастер, который считался сыном Юноны и которого Гераклит назвал управителем мироздания²⁴². (88) Затем, наконец, явилась самая болтливая из дев, отличавшаяся в высшей степени непостоянным и невоздержным поведением и постоянно бросавшаяся то в одну, то в другую крайность, и принялась резвиться и бегать из стороны в сторону: некоторые называют ее Жребием, иные Немесидой, многие же Удачей или Нортией²⁴³. В изобилии храня за пазухой дары для всего мира, она раздавала их всем вокруг, причем делала это наобум и невпопад и одних при этом дергала за

²³⁵ Амфитриту.

²³⁶ Прозерпину.

²³⁷ Марс.

²³⁸ Дионис.

²³⁹ Кастор и Поллукс.

²⁴⁰ Геркулес.

²⁴¹ Минерва и Венера.

²⁴² Вулкан.

²⁴³ Нортия — этрусская богиня судьбы.

волосы, как шаловливый ребенок, других била палкой по голове, иным же, сперва обласкав их, впоследствии наносила раны, принимаясь усердно молотить их по темени костяшками пальцев. (89) Едва заметив, что Судьбы записывают все, что происходит в консистории Юпитера, она тотчас бросилась к их книгам и табличкам и с дерзкой самоуверенностью неожиданно принялась хватать и рвать все, что попадалось ей на глаза, так что одни явления, возникая внезапно, нарушали ход событий, другие же, наперед известные благодаря законам причинности, она, будучи не в силах сделать их непредвиденными, приписала своим заслугам. За нею пришли во множестве прочие божества. (90) Тогда Юпитер, воссев на трон, повелел, чтобы все расселись по порядку достоинства; когда же пламенные скамьи вместили собрание звездных гостей, некий мальчик, носивший повязку, приложив перст к губам, призвал присутствующих к молчанию²⁴⁴. «Смолкли все, со вниманьем к нему лицом обратившись»²⁴⁵. Тогда Юпитер повел свою речь:

(91) Звездоносные! Нам, милостью нашею,
Здесь собрать на совет было угодно вас,
Дабы дело, что мы втайне решить могли,
На сужденье богов общее вынести.
Если б я поступил, как пожелалось мне,
Никого б не нашлось столь нечестивого,
Кто перечить бы стал воле отца богов!
Но молчания мрак — спутник суровых дел:
Тишина пусть хранит тайны ужасные,
Что, открывшись, гнетут сердце печальями.
Но когда предстоит счастье родителю
Долг исполнить благой и, заключив союз,
Вековечным связать чада согласиём, —
Тут напрасно скрывать мысли приличные!
Посему я у вас, милые родичи,
Здесь совета прошу, святая отпрыска,
Ибо нужным я счел, чтобы благой почин
Утвердил ваш сенат дружным согласиём.
(92) Вам известно, что сын Майи прославленный
По заслугам снискал нашу признательность.
И причина любви нашей не слабость та,
Что обычно сердца тешит отцовские:
Наша клятва, и речь, и милосердие,
Верный гений, вестей круговращение,
Наших мыслей толмач он и почет святой;
Он один знает счет всем небожителям,
Ему звезд всех дано ведать мерцание,

²⁴⁴ Гарпократ, египетский бог молчания.

²⁴⁵ Verg. Aen. II 1, пер. С.А. Ошерова.

Он познал ширину и высоту небес,
 Знает он и число волн в глубине морской,
 И ту связь, что стихий чуждых мирит раздор:
 Через него я, отец, их освятил союз.
 Знать, пожалуй, дано лишь Благочестию,
 Скольких стоит даров верность сыновняя!
 Он, в полете коням Феба предшествуя,
 Не за ним ли потом следует служкою?
 И дядьям он с таким служит усердием,
 Что гадать впору, чьим сыном считать его.
 Словом, как ни суди — брака достоин он:
 В том и труд вековой служит порукою,
 И исполненный сил цвет его юности.
 (93) Мне и дева мила: блещет ученостью
 И усердьем равна; хоть рождена землей,
 Мыслью устремлена в высь занебесную;
 Разум девы быстрее бега оси земной,
 И проворней небес круговращения.
 Словом, та колыбель, где рождена она,
 Не препятствие: вы тоже, всевышние,
 Обрели на земле игры младенчества,
 Чьи приметы хранят храмов святилища.
 Пусть же этот союз, равно достойный их,
 Преумножит для нас звездных потомков сонм!

(94) По завершении речи Юпитера весь божественный сенат тотчас поспешил подать свой голос: все единодушно воскликнули, что намеченное должно быть незамедлительно исполнено. К предложению Юпитера было прибавлено пожелание, чтобы все те смертные, кого вознесли над прочими слава о выдающейся жизни и великих свершениях, сделав их предметом влечения небожителей и целью их звездных устремлений, были причислены к сонму богов, (95) и чтобы тотчас все они (не исключая и тех, кто был рожден Нилом и Фивами, и Энея, и Ромула, и прочих, кто был причислен к звездам благодаря своему имени и учености) были объявлены небожителями и чтобы они, покинув смертные тела, присоединились к членам божественной курии. (96) Предложение это также было одобрено Юпитером, после чего некая важная и значительная дама, которую называли Философией, получила повеление, запечатлев это постановление высшего сената на медных таблицах, распространить его по городам и перекресткам. (97) Тогда Юнона повелела, чтобы для совершения бракосочетания упомянутых новобрачных и проведения должных церемоний весь совет богов на следующий день собрался в том дворце, что расположен на Млечном Пути и представляет собой главнейшее обиталище Юпитера Правосудного. По завершении собрания царь поднялся с трона, а все множество богов устремилось обратно к своим жилищам и орбитам.

Книга вторая

(98) В чистое небо, уздой звездonoсною правя, всходила
Ночь и сияние звезд призывала Фебу на смену:
Вот старик *Волопас* в вышине зажигает *Повозку*²⁴⁶;
В кольца свернувшись, *Дракoна* созвездье ужасного блещет;
Тут же в доспехах златых *Орион*, пламеня, ступает,
Пса за собою влача, чей восход несет засуху смертным²⁴⁷;
Вот и, *Нисийца*²⁴⁸ цветами осыпанная, запылала
В окружении звезд многовидных свеченья *Гирлянда*²⁴⁹...
Трепетных девы ушей тем временем глас достигает
Славы, Юпитера ж кров наполняет шумом великим.

(99) Узнав наконец о решении всевышних, Филология уже глубокою ночью, не смыкая глаз, вновь и вновь в волнении и безмерной тревоге принималась о многом размышлять наедине с собою: о том, во-первых, что ей предстоит вступить в божественный сенат, неподготовленную предстать пред взорами Юпитера и вознестись в высшее сословие небожителей; (100) о том, далее, что надлежит ей сочетаться с самим Килленийцем, которого она, впрочем, всегда желала с удивительным жаром, однако видеть которого ей доводилось лишь мельком, когда тот возвращался после умощения в палестре, сама же она рвала цветы и собирала некие травки... В чем же дело? Сомневалась ли она, тревожась, будет ли ей на пользу столь великолепный брак (ибо не без оснований опасалась она, что, достигнув небес, придется ей навсегда расстаться с рассказами и историями смертных и с поэтическим разнообразием милетских услад)?

²⁴⁶ Повозка (*Plaustrum*) — Большая Медведица.

²⁴⁷ В оригинале назван Сириус (*Sirion*), ярчайшая звезда созвездия Большого Пса. Начало утренней видимости Сириуса совпадало по времени с началом летней жары.

²⁴⁸ Т.е. Диониса. Ниса (*Nysa*) — гора, на которой, согласно мифу, провел свое детство Дионис; сведения о ее местонахождении разнятся.

²⁴⁹ Гирлянда (*Sertum*) — зд. Северная Корона, иначе Венец Ариадны.

(101) Итак, первым делом она решила узнать посредством чисел, удачен ли будет союз и прочен ли тот брак, которому предстояло сочетать ее гармоничным супружеством с крылатой быстротою эфирной вершины. (102) Тотчас раскладывает она с помощью счета на пальцах свое собственное имя и прозвание Килленийца — не то, которое сочинили для него несогласные между собою народы или разнородные обычаи племен в соответствии с различием местностей и верований, а то самое, которое при звездном наречении было придумано для него, новорожденного, самим Юпитером и, как утверждает обманчивое любопытство смертных, известно стало лишь благодаря догадливости египтян²⁵⁰. С обоих концов его она взяла крайнюю букву, завершающую первый и совершенный ряд чисел. Затем — то число, которое во всех храмах почитают как Владыку по причине его кубической основательности. Последней же она взяла ту букву, которая, как полагал мудрый Самосец²⁵¹, изображает развилку на пути смертных. В результате всего этого воссияло число тысяча двести восемнадцать²⁵². (103) Сократив его по правилу девятки и заменив десятки единицами, она таким образом умело привела его к числу три²⁵³. (104) Свое же прозвание, представленное как число семьсот двадцать четыре, она привела к четырем²⁵⁴. Два эти числа замечательны тем, что находятся между собою в гармоничном отношении. (105) Первое из них, будучи отношением, определяющим начало, середину и конец, несомненно является совершенным: это первое число, которое сразу и производит линию, и завершает поверхность объемного тела (ибо последнее определяется длиной, шириной и глубиной); кроме того, благодаря утроению вперые порождается куб нечетного числа. А кто не знает о трех созвучных интервалах в музыке²⁵⁵? Нечетное число ставится в соответствие

²⁵⁰ Тот (ΘΩΥΘ) — имя египетского бога, соответствующего греческому Гермесу и римскому Меркурию.

²⁵¹ Т. е. Пифагор, уроженец острова Самос.

²⁵² Буквы Θ, Ω, Υ в древнегреческом алфавите обозначают соответственно числа 9, 800, 400. $9 + 800 + 400 + 9 = 1218$.

²⁵³ По мнению Коппа, под «правилом девятки» (*novenariam regulam*) подразумевается известное арифметическое правило, согласно которому остаток от деления числа на 9 равен остатку от деления суммы цифр этого же числа на 9. Исходя из указанного правила, можно найти этот остаток путем последовательного сложения цифр исходного числа, затем (если результат больше 9) сложения цифр получившегося числа и так далее, пока не дойдем до остатка; именно это Марциан Капелла может иметь в виду, говоря о «замене единицами десяток» (*per monades decadibus subrogatas*). Если это толкование верно, арифметическая процедура должна была выглядеть следующим образом: $1 + 2 + 1 + 8 = 12$; $1 + 2 = 3$.

²⁵⁴ Ф (500) + I (10) + Λ (30) + O (70) + Λ (30) + O (70) + Γ (3) + I (10) + A (1) = 724; $7 + 2 + 4 = 13$; $1 + 3 = 4$.

²⁵⁵ Кварта, квинта, октава.

и мужскому началу; во всяком времени различают три череды²⁵⁶; то же число является и питомником совершенных чисел, а именно шести и девяти, порождаемых различными видами соединения²⁵⁷: таким образом, оно по праву приписывается богу разума.

(106) Филология же, будучи и сама ученейшей, хотя и измерялась числом женским, в то же время содержала в себе полное и совершенное отношение: число четыре заключает в своих частях могущество самой десятки²⁵⁸ и оттого совершенно и считается квадратным — как и сам Киллениец, с которым связаны времена года, области неба²⁵⁹ и элементы мироздания²⁶⁰. (107) Или об ином чем-то свидетельствует древняя клятва, ясно гласящая *во имя тетрады*²⁶¹, как не о мере совершенного отношения? Ибо сама взятая дважды двойка содержит внутри себя единицу, двойку и тройку, каковыми сочетаниями образуются созвучия. А именно, отношение трех к четырем называется в арифметике эпитритным, в музыке же именуется квартой; внутри него же расположены три и два, которые дают полуторное отношение и создают второе созвучие, которое называется квинтой. Третье созвучие именуется в мелике октавой и образуется двойным отношением, то есть соотношением единицы и двойки. Таким образом число четыре, будучи совершенно, образует своими частями все созвучия и распределяет гармонии, устраивая все мелосы. Поэтому мудрая дева возрадовалась, обнаружив такое согласие чисел.

(108) Затем она сочетает первое со вторым, и тройка, соединившись с четверкой, образует семерку, а это число представляет собой совершенство разума и справедливости, на что указывает известная полнота *гептомад*²⁶². Или о чем-то другом свидетельствуют предопределенное движение космоса, круговое вращение звезд, а также человек, на седьмом месяце обретающий завершение в потаенных глубинах чрева? Помимо этого, тройка, будучи утроена, порождает девять, четверка же, увеличенная вдвое, дает восемь, а девять к восьми находятся в сверхвосьмидольном отношении. Это отношение так же важно для чисел, как для мелики — интервал целого тона, который являет собою неразрывную интонацию созвучного единства (оттого и нет в этом промежутке ничего, что звучало бы вразлад или нестройно) и является гармоничным благодаря постоянству своей соразмерности²⁶³.

²⁵⁶ Прошлое, настоящее, будущее (см. § 894).

²⁵⁷ О совершенствах шестерки и девятки см. §§ 736–737, §741.

²⁵⁸ $1 + 2 + 3 + 4 = 10$. О десятке как о совершеннейшем из чисел см. § 741.

²⁵⁹ Север, Юг, Восток, Запад.

²⁶⁰ Огонь, воздух, вода, земля.

²⁶¹ В ориг.: *μὰ τὴν τετράδα* (известная клятва пифагорейцев).

²⁶² Об арифмологических свойствах семерки (греч. *ἑβδομάς*) см. подробнее §§ 738–739.

²⁶³ Целый музыкальный тон в пифагоровом строе выражается отношением 8:9.

(109) Итак, числа названных имен находились в согласии: следовательно, рассчитанное сочетание их скрепляло брачную чету правильной пропорцией. Радуюсь посему благоприятнейшему для себя союзу, она все же, будучи осмотрительна, устремила волнение ума своего в иную сторону: нисколько не сомневаясь по поводу своей души, утрашилась она теперь за достоинство собственного облика и телесного существа. Не впустую испытывала она страх, когда с дрожью думала о том, что ей предстоит, обладая смертным телом, члены которого к тому же были иссушены тонкостью и худобой, выдержать встречу с шарами небесного пламени и огнями пылающих светил. (110) Против них, впрочем, приготовила она некую мазь абдерского старца, для которой собрала множество камушков и веточек, примешав к ним травы и части животных. С уверенностью Колхидянки, дочери стогласой богини²⁶⁴, алмазным кольцом она запечатала все то, что, будучи приготовлено в защиту от вышних огней и близости богов, должно было светом прелести возместить ее небрежение о собственной красоте. Наконец при отблеске месяца она покрыла тело росистой влагою умащений.

(111) Пока дева занималась всем этим, ее спутница Перизэргия²⁶⁵ — то ли будучи послана матерью девы, то ли подвигнутая собственной тревогой (ибо она была ее молочной сестрой) — наблюдала за ее действиями. (112) Когда, подглядывая в дверную щель, она узнала обо всех вышеназванных приготовлениях, то принялась бранить другую ее служанку, имя которой Агрипния²⁶⁶ и которая несла стражу в ее покоях, за то, что та не позволила деве ради сохранения красоты немного вздремнуть, хотя она и сама была в силах, если бы Филология поручила, исполнить все это. (113) Сама она, по собственному утверждению, успела уже много где побывать и выведала, какое искусство, какую красу, какие одеяния приобрели назначенные в свадебный дар служанки²⁶⁷. Не было от нее скрыто и то, чем был занят сам жених, что происходило в Юпитеровом дворце, зажгла ли уже Левкодея²⁶⁸ факел пурпурного света, бодрствовали ли гребцы Солнца и снаряжались ли звонконогие Светоносцы. Она прибавляла бесчисленные детали такого рода, который подсмотрела в своих старательных разысканиях.

²⁶⁴ Возможно, здесь содержится замысловатый намек на то, что, по одной из версий мифа, колхидянка Медея, знаменитая колдунья, была дочерью богини Гекаты; имя последней иногда связывали с греческим числительным *ἑκατόν* (100). Таково, во всяком случае, толкование этого места У. Коппом. Смысл всей этой фразы весьма темен; текст в рукописях, несомненно, испорчен. Наш перевод опирается в данном случае на текст и интерпретацию Коппа.

²⁶⁵ Любопытство (греч. *Περιεργία*).

²⁶⁶ Неусыпность (греч. *Ἀγρυπνία*).

²⁶⁷ См. прим. 209.

²⁶⁸ В данном случае, вероятно, олицетворение утренней зари.

(114) Уединенность покоев внезапно нарушила мать Фронесида²⁶⁹. Увидев ее, дева подбежала к ней и, покрыв почтенную грудь лобзаниями, посвятила ее во все свои приготовления. Та же сняла с дочери одежды и уборы, в которые та облачилась, дабы без страха войти в собрания богов; затем она дала ей покров блистающего, цветом подобного молоку одеяния, казавшегося сотканным из пуха счастливых трав, в который, как говорят, одеваются пророки индийской премудрости и жители тенистой горы, а также, как велит обычай той земли, из нитей белоснежного виссона. Затем она надела на ее главу девичью диадему, которая сверкала более всего яркостью срединного самоцвета: из него воссияло глубоко вырезанное изображение некой девы в шлеме и с покрытым лицом, подобное Троянской Святыне. (115) Затем благоразумная мать развязала на себе пояс, стягивавший ее собственную грудь и, дабы Филология не осталась лишена украшений самой Фронесиды, повязала на ее груди, тем самым еще более основательно украсив ее. Помимо этого, она надела на нее туфли из папирусной ткани, дабы не осквернились ее члены какой-нибудь мертвечиной. Руки же девы отягощал наполненный многими благовониями белоснежного цвета ларчик.

(116) Тут, пунцовым плащом небосвод облекая, Аврора Лик свой явила, стыда бессмертного краскою рдевший,
 В час, когда луч благодатный проникает мглу, и Дионы²⁷⁰
 Свет драгоценный горит иль Фосфóра²⁷¹ звезда золотая.
 Инеем белым тогда застывают нежные росы,
 К ранним пастбищам скот спешит, топоча, из загонов,
 В сердце ленивое вновь тревоги злые стучатся,
 Сон же, изгнанник, бежит, к берегам удаляясь Летейским.

(117) И вот у дверей зазвучала сладостным многоголосием некая прелестная музыка: это Музы, сойдясь в хороводе, согласно пели, сопровождая брачное священнодействие тонким звучанием искусно исполняемой мелодии. Здесь было и пение флейты, и бряцание кифары, и гармоничное полнозвучие водяного органа: все это, сливаясь, порождало единый чарующий напев, после чего инструменты, исполнив изящную каденцию, на определенное время умолкали, уступая пению дев. И тогда весь их хор прелестным напевом звонких голосов затмевал все сладкозвучие инструментов, и в ритме священного мотива звучали следующие слова:

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
 Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознесишь зовет!

²⁶⁹ Рассудительность (греч. *Φρόνησις*).

²⁷⁰ Одна из океанид, или (по другой версии) титанид, мать богини Венеры. Здесь — планета Венера.

²⁷¹ *Φωσφόρος* «Светоносец» — утренняя звезда, т.е. Венера.

(118) Затем, когда все ненадолго смолкли, стала петь Урания:

Ныне собрания звезд и священную высь небосвода
 Не рассудку, как встарь, — богу доверившись, зри;
 Прежде пытавшая, что вращает скрепленные сферы,
 Ныне, главою их став, дашь им движенье сама.
 Что служит связью орбит небесных и что их объемлет,
 Сколько проходят кругов звезды в вращеньи своем,
 Что ускоряет разбег светил и что замедляет,
 Что озаряет огнем, что утоньшает Луну,
 Искра откуда, что звезд зажигает сияние в небе, —
 Труд весь и нравы богов видимы будут тебе.

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
 Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(119) Затем Каллиопа:

О любезная вечно милым Музам!
 Наполняет твой кубок ключ Пермесский²⁷²
 И Пегаса родник, коня Горгоны,
 А вершины Аонии²⁷³ зеленой
 В дар от Кирры²⁷⁴ несут венки фиалок.
 Ты и с даром певцов, Каменам милых,
 И с Пиндаровой лирою знакома,
 Твоей волею струны с дивным плектром
 Могут песню фракийскую исполнить.
 Свет наш, песнею насладись священной
 И внимай благосклонно игре и пляске!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
 Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(120) И Полигимния:

Плоды трудов своих ты — блещущий эфир,
 Богов жилища и свойство Юпитера –
 Вкушаешь наконец, к богам причислена.
 Ты во плоти умела ритма правилом
 Соединять и разделять звучания,
 Ты знала знаки долготы и краткости:
 Все черточки, кружки и треугольники,

²⁷² Источник на горе Геликон в Беотии, посвященный Аполлону и Музам.

²⁷³ Регион в Беотии, или Беотия вообще.

²⁷⁴ См. прим. 189.

Любила пляски, пенье и тимпанов звук,
Науки и все то, во что вперив свой ум,
Сравняться может смертный с небожителем.

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(121) Затем Мельпомена:

Ты со сцены не раз в котурнах песнь возглашала
И сокк носила комика,
Вторила песне, что мы твоим наушеньем слагали,
Мелический избрав напев;
Ныне тебе я пою, упование наше и слава,
Звучанье песни обратив,
Брачный чертог украшаю венками, которые, чаю,
Твой тонкий не отвергнет вкус.
Ты же достойною будь Олимпа мужнего вечно,
Красой будь небожителей!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(122) И Клио:

Звучным гласом, надев тогу оратора,
Защитить на суде пылко ответчика,
Воедино связать мысли несходные
И соритов сложить груды мудреные,
Крепко вервью стянув правил грамматики,
Строй речей обратить словом двусмысленным
Мастерица, наук златом играючи,
Ныне полного звезд неба порог узри
И священный поток блеска эфирного:
Драгоценен его в истинном свете вид!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
Сам Юпитер-свекор к звездам вознестись тебя зовет!

(123) За ней Эрато:

О глава наук, славная дева!
Путь открыт тебе в дом Громовержца.
По заслугам тебе покорился
Круг небес, тобой познанный прежде.
Молний пламя откуда священных,

Отчего звучат грома раскаты,
 В небе чистом что влагу рождает,
 Стоит тучам дождливым собраться,
 Что, чуть строй облаков удалится,
 Возвращает весеннюю ясность,
 И как год, обращаясь, стремится
 Завершить бег столетий спешащих, —
 О сокрытых явлений законах
 Мы поем — ты одна их познала!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
 Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(124) Затем Терпсихора:

Радостна мне почесть заслуг: зришь ты светила, дева!
 Вот те плоды, что принесли дар мастерства и труд твой,
 В свете лампад, мудрых подруг, бдений часы тревожных:
 Днем и в ночи погружена в книг письмена святыя,
 Что б ни смогли Стои сыны предугадать в грядущем,
 Ты им всегда, душным огням с чуткостью вняв, являла;
 Все, что Сабейских алтарей пар выдает высоких,
 И что дыханье предсказать искр благовонных может,
 Знаменья все точные что гласом рекут пророков, —
 Словом бестрепетным своим опережаешь смело!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
 Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(125) Следом Эвтерпа:

Мудрая дева,
 Судеб провидец!
 Та, что сумела,
 В небо поднявшись,
 Святость ученья
 Дать непорочным —
 Даст оно дар им
 Самопознания,
 В истины свете
 Силу увидеть
 Знаменья рока,
 Гениев лики!
 Ты и Платона,
 И Пифагора
 Звездные души

С неба послала.
Ты людям смертным,
Тучи рассеяв,
Зреть повелела
Неба знаменья...
Вправе вступить ты
В дом Громовержца.
Ты лишь достойна
Отпрыска Майи
Брачного ложа!

В храм небес войди, о дева, жениха достойная:
Сам тебя Юпитер-свекор к звездам вознестись зовет!

(126) Потом Талия:

Счастье ты снискала, дева,
В хороводе звезд небесных
Под венец пойти законный
И вселенной всей на радость
Стать невесткой Громовержца.
Но кого же из бессмертных
Ты супругой наречешься?
Не того ли, кто, на крыльях
Воспарив, небес светила
Чередой один проходит,
Чуткий страж штормов внезапных,
Миновав же ток эфирных
Рек, опять нисходит в Тартар;
Кто один пред колесницы
Белоснежную упряжкой,
Вышнего отца несущей,
С жезлом памятным ступает;
Кто Осириса охотно
Оживляет прах посмертный;
Кто посевом жизнотворным,
Им открытым, тяготится
(Ведомо отцу богов то);
Кому свой сосец молочный
Мачеха дала с отрадой;
Кто могучим кадуцеем
Яд любой лишает силы;
Чьи слова заставят зелье
Сдвоенным кольцом свернуться?
Он ученейший на небе,
Но его ученей дева!

Ныне славятся искусства,
 Освященны вашим браком!
 В небо путь они даруют,
 Смертным звезды открывают,
 И к блестящему эфиру
 Чистые мольбы возносят.
 Ум бессмертный вашим тщаньем,
 Наполняет душ низины,
 Вашим тщаньем речь благая
 Славу сквозь века проносит,
 Вашей волей все искусства
 И мы, Музы, освященны.

(127) И пока Музы, выступая то по отдельности, то согласным хором, сплетали эти куплеты, поочередно умножая сладостное песнопение, вот уже к пенатам девы и к чертогу ее сходятся некие матроны, отличавшиеся похвальной скромностью наряда, с лицами не выделявшимися изысканностью украшений, но светившимися некоей простою приветливостью. Одна из них, чрезвычайно внимательная и осторожная, различавшая все предметы вокруг с бдительной зоркостью, звалась, как говорили, Предусмотрительностью. (128) Ее сестра, каждому его собственную долю уделявшая и ничего незаслуженного не воздававшая, получила, если верить молве, прозвание Справедливости. (129) Третья же, презревшая подношения и прославляемая за воздержность, приняла имя Умеренности нравов. (130) Та, что оставалась, в высшей степени стойкая, всегда вопреки всем претерпеваемым превратностям несокрушимая и к перенесению трудов крепостью тела подготовленная, обладала прозвищем Силы. Все они устремились было обнять и облобызать ее; заметив же, что она всем телом трепещет и, словно бы прячась от света, оцепенела в замешательстве, они прикоснулись к ее груди и лицу, побудив выйти на всеобщее обозрение и предстать перед собравшимися.

(131) После них вошла некая важная длинноволосая дама, весьма славная тем, что с ее помощью Юпитер оделил всех доступом в мир горний²⁷⁵. Когда дева увидала ее, то подбежала к ней со всем устремлением и страстью, ибо та сразу же с некоей уверенностью знания провозвестила, что и Филологии также предстоит вознестись на небеса, а сама она послана сыном Майи, дабы позвать ее на свадьбу. (132) Кроме того, к деве подошли три отроковицы, лицом и убором равные и прелестью лучезарные, державшие друг друга за руки и обвитые венками из роз. Одна из них поцеловала лоб Филологии там, где гладкая середина разделяет поросье бровей, вторая коснулась уст ее, а третья гру-

²⁷⁵ Философия.

ди: первая «достоинство в очи вдохнула и радость»²⁷⁶, вторая сообщила прелесть языку, третья — любезность сердцу; ибо именовались они Харитами и все, к чему прикасались, делали прекрасным. Исполнив деву сиянием, они присоединились к Музам и протанцевали, согласно жестикулируя, свадебный трипудий.

(133) Но вот все наполнилось оглушительным грохотом тимпанов и шумом трещоток, так что даже пение Муз оказалось несколько приглушено раскатами тимпана, и под этот шум был внесен украшенный звездами паланкин. Его сопровождали, согласно мистическому ритуалу, шумные возгласы, что полагалось по обычаю всякий раз, когда божественная невеста прибывала к небесному чертогу для бракосочетания. (134) Перед паланкином возвышалась некая величественного лика дама, блиставшая светом священного эфира и имевшая почтенный вид предстоятельницы. Видя ее, все присутствующие почтили ее славу и величие как стража всех богов и мира: имя ей было Атанасия²⁷⁷. «О дева!» — сказала она, — «отец богов повелел, чтобы в этом царском паланкине ты прибыла в небесный дворец, в который не нельзя вступить ни одному земнорожденному; не дозволено это и тебе, если ты не испьешь прежде из нашего кубка!» (135) Сказав это, она мягко притронулась рукою к груди ее с бьющимся сердцем и, заметив, что та сильно раздута, будучи неведомо чем переполнена изнутри, сказала: «Если не изблюешь ты и не исторгнешь наружу насильственным извержением все то, чем наполнена твоя грудь, ни за что не достигь тебе обители бессмертия!» Та же со всем возможным усердием и великим усилием изблевала все, что, как ощущала она, находилось в груди ее.

(136) После этого все то, что было причиной ее тошноты и что она с таким трудом извергла, обратилось в сокровища всевозможных писаний; можно было различить, какие книги и сколь объемные свитки, скольких языков произведения изливались из уст девы. Некоторые были, видимо, из папируса, умащенного кедровым маслом, другие сплетены в льняные свитки, многие были также из овечьих кож, редкие же начертаны на коре липы. (137) Были и некоторые окрашенные священной чернотой, письма которых, как верили, представляли собою изображения животных. Атанасия, заметив содержащиеся в этих книгах знаки, приказала начертать их на неких огромных камнях и поместить их в пещеры египетских святилищ и, назвав эти камни стелами, поведала, что в них содержатся родословные богов. (138) В то время как дева волнами извергала все это, множество дев, одни из которых назывались Искусствами, другие — Дисциплинами, незамедлительно собирали все, что изливалось из уст девы, и употребляли

²⁷⁶ Verg. Aen. I 591.

²⁷⁷ Бессмертие (греч. *Ἀθανασία*).

собранные каждая по собственной необходимости и для пользы своего мастерства. Даже сами Музы, в особенности Урания и Каллиопа, набирали себе в подол бесчисленные свитки. В некоторых из них страницы были расчерчены и размечены музыкальными тонами. В других были изображены круги, линии и полушария вместе с треугольниками и квадратами, а также многоугольные фигуры — в соответствии с разнообразием теорем и элементов. Следом — рисунок, соединявший различные члены животных в единое изображение. Были также и книги, представлявшие звучание мелодий, обозначения ритма и произведения, предназначенные для пения. (139) После того как дева усердно извергла из своего нутра это библиотечное изобилие, она, обессиленная и от изнурения побледневшая, попросила помощи у Атанасии, которая была соучастницей столь великого труда. Та же в ответ: «Чтобы подняться на небо отдохнувшей и воспрявшей духом, прими и испей вот это!» (140) И она взяла у матери Апотеозы²⁷⁸ (та пришла вместе с нею и еще прежде принялась освящать книги, которые излились из уст Филологии, касаясь их рукой и пересчитывая) некий круглый и словно бы дышащий предмет и, протянув его деве, предложила испить. Помещавшееся внутри яйцо светилось снаружи красноватым цветом, словно бы покрытое шафранным маслом, внутри же оно было пустое и прозрачное, наполненное беловатой жидкостью; ближе к середине оно казалось более плотным. Взяв его, Филология, вследствие столь мучительного труда и умственного кипения ощущавшая величайшую жажду, распечатала потаенную сердцевину этого округлого предмета, после чего, познав ее сладчайший вкус, без промедления выпила все до капли.

Тотчас же члены ее укрепляются новою силой,
Тонкая слабость уходит, и власть отступает земная:
Век эфирный настал, недоступный смерти законам.

(141) Когда богиня увидела, что она испила кубок бессмертия, то, чтобы показать, что она отправляется с земли на небеса и сделалась бессмертной, короновала деву, наподобие таинственной головной повязки, некой дикорастущей травой, имя которой *аизоон*²⁷⁹ и повелела ей отринуть все, что она, еще будучи смертной, употребила для защиты от горней силы: все это, напомнила она, было защитой для брэнной смертной субстанции. И мать унесла всю ее одежду, ибо поняла, что она уже превзошла пределы любых мирских устремлений. (142) Тогда Филология, взяв подготовленные пряности и свою коробочку для благовоний, первым делом произнесла молитву Атанасии и, многократно совершая жертвоприношение, воздала благодарность своей матери за

²⁷⁸ Обожествление (греч. *Ἀποθέωσις*).

²⁷⁹ «Вечноживущее» (греч. *ἄειζων*).

то, что ей не пришлось ни узреть Веды с его супругою²⁸⁰, вопреки убеждениям Этрурии, ни страшиться Эвменид, чуда Халдейского²⁸¹; что та не жгла ее огнем, не омывала влагою, не бичевала образ души²⁸² в соответствии с учением некоего сирийца²⁸³, не освящала по обряду фасийского старца влекомое руками Харона бессмертие знаменем гибели²⁸⁴. (143) Меж тем она, хотя и получила повеление взойти в паланкин, все же, поскольку тот находился на величайшем возвышении, полагала это для себя делом весьма трудным, если не сказать невозможным. Вследствие чего, дабы исполнить это, она призвала своего питомца, возлюбленного более прочих, и, опершись на него, преодолела всю трудность горнего восхождения. Сам же он, называемый ею Трудом, не только вознес ее на высоту паланкина, но и вместе с госпожою неутомимо прошествовал по небу: (144) вместе с неким блистательным юношей, который не был сыном чувственной Венеры, но известен был мудрецам как Амур²⁸⁵, они подняли паланкин, взявшись за него спереди. (145) Сзади же за него взялись Эпимелия²⁸⁶ и Агрипния, возлюбленные девою служанки (ибо так повелела Атанасия), дабы оба пола смогли взойти на небо вместе с Филологией. Непосредственно перед совершавшей восхождение двигалась процессия поющих хором Муз и почтенное множество вышеназванных спутниц; (146) Периэргия же, сопровождаемая прочими слугами и предназначенными в свадебный дар невольниками следовала за ними, с любопытством все исследуя и обо всем расспрашивая: вся эта свита приближалась к вершине воздушной твердыни вместе с девой.

(147) И вот внезапно возвещают о прибытии распорядительницы божественных браков, которой предшествовали Согласие, Вера и Стыдливость; (148) Купидон же, телесным вожделием манящий, хотя и

²⁸⁰ Т.е. Плутона и Прозерпину, ср. § 166.

²⁸¹ Эвмениды — Фурии, богини мщения; мотивы указания здесь на халдейские верования не вполне ясны.

²⁸² Под образом (*simulacrum*) может подразумеваться призрачная тень, после смерти (в отличие от бессмертной души и брэнного тела) навечно помещавшаяся в преисподнюю, ср. Lucr. I 120–124.

²⁸³ По мнению Коппа, здесь идет речь о неких аскетических практиках сирийцев-неоплатоников; возможно, имеется в виду Ямвлих (ср. § 173).

²⁸⁴ Здесь, возможно, содержится намек на миф о Пелии, который на наущению коварной Медеи (рожденной в Колхиде, на берегах Фасиса) был заживо сварен своими дочерьми, тщетно надеявшимися таким образом вернуть отцу молодость (ср. Ps.-Apollod. I 9, 27). В таком случае Марциан Капелла хочет сказать, что для обретения вечной жизни Филологии не пришлось, подобно Пелию и прочим смертным, сперва умирать и попадать в руки перевозчика душ Харона.

²⁸⁵ О «древнем» Эроте философов ср. речь Федра в «Пире» Платона (Plat. symp. 178a–c).

²⁸⁶ «Забота» (греч. Ἐπιμέλεια).

имел обыкновение всегда лететь перед нею, не дерзнул участвовать во встрече Филологии. (149) И когда богиня явилась перед взором невесты, дева, как это было в ее обычае, совершила жертву, воскуряя пряные травы, после чего обратилась к богине с такой мольбою: «Юнона прекрасная! Хотя небесное общество одарило тебя другим именем, мы же называем тебя Юноной за твою помощь²⁸⁷ — откуда и имя Юпитера, — или же подобает именовать тебя Луциной и Луцецией за то, что ты даруешь свет²⁸⁸ тем, кто рождается (мне нет нужды призывать тебя как Флувию, Фебруалу или Фебрую, ибо я, будучи девственной, не претерпела никакого свойственного полу телесного осквернения²⁸⁹), смертные же девы должны призывать на свадьбу как Итердуку, Домидуку, Унксию и Цинксию, дабы ты сберегла их пути²⁹⁰, препроводила в желанные дома²⁹¹, и, когда они окрасят дверные столбы, водрузила на них благоприятное знамение²⁹², и не покинула их, когда они оставят пояс в брачном чертоге²⁹³; как Опигене будут молиться тебе те женщины, которых ты защитишь в опасности родов и на войне²⁹⁴, как Поплоне — плебеи²⁹⁵, как Куриту должны поминать тебя сражающиеся²⁹⁶; я же здесь скорее призову тебя как Геру, нарекаемую так по имени воздушного царства²⁹⁷: дай знать просящей, каких живых существ носят эти воздушные просторы и прозрачно сияющие сбегающимися атомами равнины, и какие здесь парят божества. Не о нижней области воздуха я вопрошаю — той, куда долетают пернатые и над которой возвышается вершина горы Олимпа, высота которой едва ли достигает десяти стадий — нет, я вопрошаю о горнем: уже дозволено мне, полагаю, узреть все то, о чем я прежде узнала, читая о блаженстве²⁹⁸».

²⁸⁷ В ориг.: *a iuvando Iunonem*.

²⁸⁸ В ориг.: *lucem*.

²⁸⁹ Эти три имени Юноны Марциан Капелла связывает с женскими очистительными обрядами. Имя *Fluvonia*, у других авторов не встречающееся, произведено от глагола *fluere* «течь»; существующие толкования этого имени сомнительны. Другие два имени связаны с именем подземного бога этрусков *Februus*, которого Макробий называет *lustrationum potens*, «владыкой очищений» (Macr. sat. I 13. 3).

²⁹⁰ *Iterduca* «Путеводительница».

²⁹¹ *Domiduca* «Домоводительница».

²⁹² *Unxia* «Умещающая». По сообщению Плиния Старшего, вплоть до его времени обряд предписывал новобрачным невестам, впервые вступая в дом жениха, смазывать (*attingere*) дверные косяки свиным жиром (Plin. n. h. XXVIII 37, 135).

²⁹³ *Cinctia* «Опясывающая».

²⁹⁴ Согласно словарю Феста, женщины чтили Юнону под именем Опилены за то, что она оказывала помощь (*opem... ferre*) женщинам при родах (*s.v. Opigenam*). По другой версии, Юнона была рождена богиней Опой (*Ops*), ср. Ov. fast. VI 285.

²⁹⁵ Ср. *populus* «народ».

²⁹⁶ Ср. *curis* «копье, дротик».

²⁹⁷ По-гречески имя богини *Ἦρα* состоит из тех же букв, что и слово *ἀήρ* «воздух».

²⁹⁸ *Περὶ εὐδαιμονίας*. Гроций предлагал читать здесь *περὶ δαιμόνων* — «о духах».

(150) Тогда Юнона, не отвергнув возносимых молитв, ведет ее с собою в воздушные твердыни и отсюда показывает множество сил и их различия: «Те, — сказала она, — кого мы видим состоящими из огненной пламенеющей субстанции и совершающими путь от самого эфира и окружности горней сферы до солнечной орбиты, — их-то и называют самими богами, иначе они именуются небожителями; они образуют потаенные и скрытые причины сущего. Они чище всех прочих, их несколько не тревожат мольбы и заботы смертных; они именуются *бесстрастными*²⁹⁹. Здесь, без сомнения, царствует Юпитер.

(151) Вниз от пути Солнца и до Лунной орбиты — божества второй степени блаженства и почти равной силы, через которых осуществляются все пророчества, сны и предзнаменования. Именно они во время гаруспаций рассекают вешие внутренности животных, передают пророческие слова и изъясняются через знамения авгуров. Чаще всего они дают указания вопрошающим посредством движения звезд, метания молний или небывалых чудес. (152) Поскольку же каждый из них находится в услужении у любого из вышних богов, то по повелению последних из их числа назначается общий начальник для всех людей, а также особый Гений для каждого смертного (его прозвали также предводителем, ибо он предводит всеми свершениями): ибо молитвы возносятся и Гению народа, к которому обращаются как к родовому, и одновременно каждый выражает покорность собственному руководителю. Он зовется Гением оттого, что, лишь только рождается³⁰⁰ кто-либо из людей, он тотчас прикрепляется к нему: сей защитник и вернейший брат оберегает души и умы всех людей; (153) а так как он сообщает горнему владыке тайные помыслы, он также может быть назван и Ангелом³⁰¹. (154) Всех их греки называют *демонами* от слова *разделять*³⁰², по-латински же их нарекли *Срединными*³⁰³. Они все, как ты видишь, отличаются менее яркой и сверкающей природой в сравнении с вышеупомянутыми небожителями, однако не настолько телесны, чтобы быть доступными человеческому зрению. (155) Здесь, соответственно, пребывают Лары, здесь же, по завершении своего союза с телами, и наиболее чистые души: они, если их превозносит высота их заслуг, по большей части преодолевают даже и пылающие преграды Солнечной орбиты.

(156) Далее весь промежуток пространства от Лунной орбиты и до Земли разделен на части, и та из них, что разливается посередине, не соприкасается с Лунной орбитой. Верхняя же часть, как ты видишь,

²⁹⁹ В ориг.: ἀπαθείς.

³⁰⁰ В ориг.: *genitus fuerit*.

³⁰¹ В ориг. *Angelus*, ср. греч. ἄγγελος «вестник».

³⁰² В ориг.: *daemonas... ἀπὸ τοῦ δαιομένου*.

³⁰³ В ориг.: *Medioximos*.

заклучает тех, кого называют *Гемитеями*, и кого по-латински подобает именовать Семонами или полубогами³⁰⁴. Они несут в себе небесную душу и священный ум и рождаются в человеческом облике для блага всего мира. (157) Они по большей части посредством чудес заставляют поверить в свою небесную природу: так, послушание удвоившейся при рождении Геркулеса ночи и собственноручно удушенные им во младенчестве змеи подтвердили силу этого божества; Тагес выскочил из борозды и тотчас же указал народу обычай гадания по внутренностям³⁰⁵; Аммон явился на свет с бараньими рогами и в шерстяном одеянии и открыл жаждущим влагу источника³⁰⁶. (158) Что же говорить о тех, кто первыми показали смертным употребление различных предметов и проистекающие отсюда выгоды? Дионис познал в Фивах виноградную лозу, Осирис у египтян — виночерпие и употребление вина; Исида учила земледелию в Египте, Триптолем — среди жителей Аттики; та же Исида явила употребление и сеяние льна; Пилумна Италия славит за измельчение плодов и помол муки, Асклепию Греция приписывает врачевание. (159) Другие люди того же рода были рождены для искусства гадания и знания о будущем, как Кармента, именуемая так в Аркадии за то, что ее уст изливались пророческие стихи³⁰⁷, и Сивилла, будь то Эритрейская, она же и Кумская, или Фригийская (ибо не скрыто от тебя, что было их не десять, как утверждают, а две, а именно троянка Герофила, дочь Мермесса, и Симмахия, дочь Гиппотенсиса, которая, будучи рождена в Эритре, пророчествовала также и в Кумах); той же способностью к гаданию прославились Амфиарай и Мопс.

(160) От середины же воздушного пространства до границы гор и земли обитают Гемитеи и Герои, которые наречены Героями оттого, что древние именовали Землю Герой. Там же и Маны, то есть приданные человеческому телу предводители, которые происходят из семени родителей. (161) В конечном счете, все это пространство воздуха вниз от Луны находится под властью Плутона, которого также называют Сумманом как высшего из Манов³⁰⁸. Здесь Луна, предстоящая этому воздушному пространству, именуется Прозерпиной. (162) Эти Маны, будучи приданы телам тогда, когда происходит зачатие, даже после жизни пользуются теми же телами и, оставаясь при них, называются Лемурами. Если тому благоприятствует достоинство предшествующей жизни, они обращаются в Ларов жилищ и городов; (163) если же по

³⁰⁴ В ориг.: *Semideos*.

³⁰⁵ Тагес — этрусское божество «с внешностью мальчика и мудростью старца» (Cic. div. II 23); у Цицерона приводится и упомянутая Марцианом Капеллой легенда о появлении Тагеса.

³⁰⁶ Египетский бог Аммон, соответствующий, по представлениям древних, греческому Зевсу и римскому Юпитеру, изображался с бараньими рогами.

³⁰⁷ В ориг.: *ab... carmine*.

³⁰⁸ В ориг.: *Summanus... quasi summus Manium*.

вине тела они претерпевают порчу, то слынут Ларвами и Маниями. Таким образом здесь поселяются как благие, так и злобные Маны: греки различают их, называя *добрыми* и *злыми демонами*³⁰⁹. (164) В этих же местах обитают Низшие Маны и их предводители Мана и Мантуона, а также боги, которых называют Темными, также Фура и Фурина, Матерь Мания, Непогоды и прочие мрачные божества.

(165) А возле самой окружности земли воздух, возмущаемый исходящим сверху жаром и поднимающимися снизу испарением и влагой, сталкивает между собою исходящие из тел души в некоем текущем кипении, не позволяя им с легкостью отлетать прочь (поэтому-то мастерство поэтической скрытности и говорит намеками о потоке Пирифлегетона). (166) Вращаемые в этом извечном шуме, сталкиваются между собою нечестивые души, которые осудил Веды [то есть Плутон, которого также называли Дитом или Вейвом]³¹⁰. (167) Также и саму землю там, где она непроходима для людей, наполняют сонмы долгожителей, которые населяют чащи, леса, рощи, озера, источники и реки и называются Панами, Фавнами, Фонами, Сатирами, Сильванами, Нимфами, Фатуями обоих полов³¹¹, или Фантуями, также Фанами, от которых названы святилища³¹², ибо им свойственно давать прорицания. Все они после продолжительного века умирают, как и люди, однако обладают очевиднейшей способностью предвидеть, нападать и причинять вред. (168) Таким образом, твоя — смертной доньне девы — богиня останется среди первых Гениев, ибо вот твоя эфирная Юнона, или Веста!³¹³». И, обращаясь к ней уже как к бессмертной богине, повелела: «Прямо отныне воссядь в Совете Юпитера!»; после этого она взяла, наконец, часть содержимого из ларца девы.

(169) И тогда носильщики богини, подхватив ее паланкин, принялись с великим усилием поднимать его ввысь. После того, как они вознеслись по легкому воздуху на сто двадцать шесть тысяч стадиев и завершили первый тон небесной гаммы, дева, вступив на Лунную орбиту и с подобающими воскурениями вознеся молитвы богине, узрела некое мягкое шарообразное тело, состоящее из легкой небесной росы, которое наподобие блистающего зеркала отражало лучи попадавшего

³⁰⁹ В ориг.: *ἀγαθούς et κακούς δαίμονας*.

³¹⁰ Издатели, начиная с А. Дика, считают последнее замечание позднейшей вставкой.

³¹¹ В ориг.: *Fatui Fatuaeque*, ср. *fatuus* «глупый». Первый Ватиканский мифограф называет их в единственном числе *Fatuus*, *Fatua* и причисляет к Фавнам (Myth. Vat. Prim. III 25), ср. *Fatuclus*, *Fatua* у Сервия (Serv. Aen. VII 47). Их имя, как имя Фавнов, Сервий связывает с глаголом *fari* «говорить, прорицать» (Ibid.).

³¹² В ориг.: *fana*.

³¹³ Личных духов-покровителей римляне называли гениями (для мужчин) и юнонами (для женщин), ср., например, Sen. ep. 110. Таким образом, смысл фразы, очевидно, следующий: твоей юноной отныне будет не прежняя «воздушная» Юнона, а Веста, которой надлежит исполнять обязанность твоей «эфирной» покровительницы.

на него сияния. (170) В нем виделись нильский систр, элевсинский факел, лук Диктины и Кибелины тимпаны³¹⁴, а также трехвидная и многоцветная дева-воительница³¹⁵, чей золотистый отблеск был исполнен неким устрашающим величием: хотя она и была, как верили, рогатой и суровой, в то же время, подвергаясь извержениям³¹⁶, она являла на своем лице и кошку, и лань, и одно из дважды двух своих обращений³¹⁷.

(171) Отсюда, спустя еще половину того расстояния, что было пройдено при восхождении к Луне, она достигла орбиты Килленийца. После того, как она преодолела эти полтона, навстречу ей выбежала, радостно приветствуя будущую госпожу, пестрая толпа челяди. (172) Среди них была женщина блестящей наружности и одеяния, богатые украшения которой свидетельствовали об очевидном изобилии: поприветствовав деву, она уверенно подошла, дабы облобызать ее. Толпа прислужников, число которых, по утверждению некоего сирийца³¹⁸, составляло две тысячи, подивилась тому, что женщина эта, которая, как говорили этруски, некогда сочеталась браком с самим Килленийцем, заключила деву в свои объятия, вовсе не тревожимая какой-либо ревностью. (173) Красноречивость (ибо таково было ее имя) напомнила о том, что она сама была рождена и воспитана в доме Филологии; и не постыдно было то обстоятельство, что ей предпочли ее собственную кормилицу, всегда доставлявшую для нее украшения и пищу для множества Дисциплин.

(174) Явилась и некая достойная и стыдливейшая и дев, которую называли правительницей и стражем Киллениева дома, а также Фемидой, Астреей или Эригоной. В руке она несла колосья и резную табличку из эбенового дерева, на которой было изображено следующее. (175) В середине была египетская птица, которую местные именуют ибисом. (176) На голове ее была широкополая шляпа, лицо же, казавшееся прекраснейшим, лизала пара переплетавшихся змей. Ниже располагался некий сверкаю-

³¹⁴ Согласно версии, предложенной в комментарии У. Шталя и Р. Джонсона, перечисленные четыре фигуры указывают на четыре формы Луны: серповидную, половину, выпуклую и круглую. Первой должен соответствовать лук Диктины (т.е. Дианы, ср. *díktuon* «охотничья сеть»); второй — факел Деметры (госпожи элевсинских мистерий), третьей — тимпан Кибелы, четвертой — систр (металлическая погремушка, употреблявшаяся жрецами Исиды), Культ всех четырех упомянутых богинь связан с Луной.

³¹⁵ Слово *triformis* «трехвидная» может указывать здесь опять же на три фазы луны, либо на трех римских богинь, связанных с лунным культом: Диану, Цереру и Луну, ср. у Арнобия (*Arnob. adv. nat.* III 34).

³¹⁶ В ориг.: *egestionibus opportuna*. У. Шталь и Р. Джонсон упоминают в этой связи о поверье, согласно которому Луна наполнена водой, которую периодически извергает на Землю в виде росы, что должно было влиять на внешний вид Луны.

³¹⁷ Кошка связана с культом Исиды, лань — с культом Дианы; о четырех обращениях Луны см. выше.

³¹⁸ Очевидно, сирийца Ямвлиха, известного эксперта в области демонологии.

щий жезл, верхушка которого была позолоченная, середина голубая, конец же черный как смоль. Внизу справа были черепаха и грозный скорпион, слева — серна. (177) Ибис вызывал петуха на спор о том, какая из вещей птиц обладает более мягким голосом³¹⁹; (178) сам же он нес на себе отметку с именем некоего мемфисского месяца³²⁰. (179) Когда почтенная дева узнала эту поднесенную ей табличку, она, хотя и опознала изображение жениха, все же не осмелилась пройти мимо, не совершив молитвы.

(180) Явилась также и блистательнейшая из Атлантид, прославленная связью с Юпитером и возвышением своего отпрыска, которая не сочла приличным даже на церемонию встречи невестки явиться без своих весов³²¹. Почтенная дева в благодарность за то, что та признала ее достойной спутницей для сына, принялась совершать ей жертву в виде двух овец, посвященных владычице наживы. (181) Затем она поспешила подняться еще выше и, пролетев половину тона, достигла орбиты Венеры. Сотворив, как подобало, молитву самой Венере, благоволившей браку, она, как говорят, заметила что, хотя та и была весьма прекрасна собою, передние локоны ее были обвиты змеями, густая прическа разодрана, сама же она укрощала в себе двойственную природу³²².

(182) Вскоре затем она с усердием устремила к Солнечной орбите. Подъем туда утомлял своей полуторной длиной, так как содержал в себе, как считалось, один тон и половину. (183) Там она узрела некий корабль: увлекаясь в том или ином направлении, он направлял тем самым движение всей природы; он был переполнен скоплением огней и со всех сторон нагружен богатыми товарами. Управляли им семь моряков, которые, впрочем, были братья и чрезвычайно схожи между собой³²³. На его передней части было видно изображение кошки, на мачте — льва, позади — крокодила³²⁴. (184) На том же судне был некий источник эфирного сияния, струившийся сокрытыми потоками и источавший весь в мире свет. Увидев его, Филология, поднялась, затем со всею почтительностью встала на колени и слегка зажмурив глаза, обратилась к богу с такой молитвой:

(185) Вышняя сила отца, что неведом³²⁵, и первый потомок,
Чувстворождающая искра, ума родник, света начало,

³¹⁹ Петух был священной птицей Меркурия, так же как ибис — священной птицей его египетского «двойника» Тота. Перевод последнего пассажа предположительный.

³²⁰ Тоит (Θωῖθ), первый месяц египетского календаря, носящий имя бога Тота.

³²¹ Дочь Атланта Майя, подобно своему сыну Меркурию, предстает здесь покровительницей торговли: отсюда и торговые весы в качестве ее «вечного» атрибута.

³²² Текст испорчен, перевод пассажа предположительный.

³²³ Возможно, семь дней недели; или Луна, Солнце и пять планет.

³²⁴ Возможно, символы Луны, Солнца и Времени соответственно.

³²⁵ Верховное божество, непознаваемое не только для людей, но и для «обычных» богов; ср. §§ 202–204.

Царствие естества, богов краса и твердыня,
 Око всемирное, блеск лучезарных склонов Олимпа;
 Ты, кому право дано отца надмирного видеть
 И великого бога узреть, над кругом эфирным
 Властен, громады орбит движеньем своим направляешь:
 (186) Путь пробегая срединный, один ты, дружбу всевышним
 И соразмерность даруя, то гонишь, то замедляешь
 Звезды — священных богов, — закон указуя их бегу.
 (187) Вот почему ты по праву в четвертом движешься круге,
 И совершенной природы число твоим признается:
 От начала не ты ли двойной тетраход образует³²⁶?
 (188) *Солнцем*³²⁷ зовет тебя Лаций, ведь ты *один*³²⁸ лишь почетом
 Уступаешь отцу, и лик твой, молвят, священный,
 Дважды шестерку лучей золотого свеченья рождает
 (Ибо ты месяцев столько и столько часов завершаешь).
 (189) Четверых, говорят, крылоногих смиряешь уздою
 Ты, управляя один мировых стихий колесницей.
 (190) Сумраку путь преградив, ты лазурь открываешь: недаром
 Фебом прозвали тебя, выдающим грядущего тайны,
 (191) А так как ты искупитель ночных преступлений, — Лизеем³²⁹.
 Нил Сераписом тебя величает, Осирисом Мемфис,
 Храмы иные — и Митрой, и Дитом, и диким Тифоном,
 (192) Ты же и Аттис прекрасный, и мальчик с изогнутым плугом³³⁰,
 В Ливии жгучей Аммон, и житель Библа Адонис:
 Так, именуя различно, весь мир тебя призывает.
 (193) Здравствуй, о истинный образ богов и отеческий облик,
 Чье *шестьсот восемь* число и имени буква тройная
 Имя священное Мысли и знамение образуют³³¹!
 Дай мне, отец, вознестись в эфир, где всевышних собрание,
 И звездоносное небо познать, чье имя священно!

(194) После того, как ее слова были услышаны, она получила повеление пройти в обиталище богов. Поднявшись на полтона, она задержалась на орбите Пироэнта³³², где находился старший из сыновей Юпитера. (195) Видно было, что из этого круга низвергался в преисподнюю поток Пирифлегетона. (196) Миновав его (ибо пройти про-

³²⁶ Речь опять идет, очевидно, о небесной гамме: первый (нижний) тетраход составляют Луна — Меркурий — Венера — Солнце; второй (верхний) Солнце — Марс — Юпитер — Сатурн.

³²⁷ В ориг.: *Solem*.

³²⁸ В ориг.: *solus*.

³²⁹ Ср. *λύω* «освобождать».

³³⁰ Осирис, считавшийся изобретателем плуга, ср. Tib. I 7, 29.

³³¹ Имя египетского бога Солнца ФРН в числовом выражении дает число 608: Ф(500) + Р(100) + Н(8). Это же имя созвучно греческому слову *φρῆν* «ум».

³³² Орбита Марса; в ориг.: *Pyrois circulus*, см. § 851.

межуток в полтона не составляло труда), они достигли блеска звезды Юпитера, чья орбита звучала фригийским ладом. Там светила звезда животворной и здоровой умеренности, сиявшая блеском мягкой белизны: природа ее света, отличавшаяся смешением жаркого и влажного, лучилась неким спокойствием изобилия. То была, однако, только звезда Юпитера; сам же он, как говорили, отправился, обозревая все части небосвода, отправлять свою власть над богами и небесным сенатом. (197) Отсюда, миновав еще круг и поднявшись на равный промежуток, она узрела суровейшего творца богов, окруженного холодом и снежным инеем³³³. Орбита этой планеты, которую она всеми силами старалась миновать, звенела дорийской мелодией; сам же владыка показывался то с лицом дракона, то с оскалом льва, то с гребнем из зубов вепря. Будучи смертоносен, в неистовстве своем он внушал всевозможный ужас; могуществом же, как считалось, превосходил всех прочих в соответствии в величину своей орбиты. Наконец, напуганная его серпами и оглушительным шумом, она бежала от столь невыносимой встречи. (198) Затем с величайшим усилием они совершают полуторный путь: ибо нужно было преодолеть тон и половину, чтобы достичь шара самой небесной сферы и ее украшенного звездами свода. (199) Наконец, утомившись и обессилив от изнурительного шеститонного восхождения, они заметили, что все пройденное ими созвучие октавы звучит совершенством законченной мелодии, и остановились ненадолго освежиться и отдохнуть после величайших трудов.

(200) Сама Филология выскочила из паланкина и, взирая на безмерные поля света и весеннюю безмятежность эфира, то узнавая столь многие различия и формы богов-десятников, то дивясь предстоявшим небу восьмидесяти четверем служителям-литургам, созерцая кроме этого густые скопления сверкающих звездных шаров и сплетения взаимно соединенных орбит, (201) и саму сферу, что содержит конечный периметр вселенной, увлекаемую дивными порывами, и полюса, и ту ось, что, блистая, исходила из вершины небес и пронзала глубины Земли — ею была вращаема громада небесного механизма, — (202) не будучи в неведении о том, что отец и бог столь огромного творения и столь великого порядка удалился даже от ведома богов — ибо она знала о том, что он превзошел все надмирные блаженства и наслаждается неким пламенным умопостигаемым миром, она встала на колени у самой стены крайнего периметра и, собрав все острие мысли, (203) долго молилась в тишине, по обычаю восклицая мысленным гласом некие слова древних, в соответствии с разноречием народов размером различные, звучанием неведомые, рожденные соединением и чередованием звуков; и почтила речами богов-предводителей умопостигаемого мира и их слуг, почитаемых владыками чувственной сферы, (204) и весь универсум, удерживаемый глубиною нескончаемого отца, и воззвала к неким

³³³ Т.е. Сатурна.

трем богам и к иным, озаренным лучами седьмого дня и ночи. (205) Она помолилась и некой Деве Источника³³⁴, а также, в соответствии с мистериями Платона, *единожды и дважды запредельным*³³⁵ владыкам. (206) Так весьма долго всем сердцем молилась она цветку огня и той истине, что является из неявленного; наконец, как видно было, осознала, что удостоилась обожествления и священного почитания.

(207). Некая белизна молочной реки плавно истекала от пламенеющих звезд: (208) радуясь и возглашая благодарения, она направила путь к Галактике, где, как она знала, Юпитером был создан сенат богов. Там располагался Юпитеров дом, который дивной огромностью вмещал мировой периметр, выдающейся красотой затмевал блистание звезд, необычностью расположения накрест пересекал звездоносную сферу; кроме того, он сиял таким блеском, что можно было поверить в то, что он изготовлен из серебряной материи. Там, где белели его светлые стены и окруженная снежными тучами крыша, (209) Юпитер вместе с Юноною и всеми богами, восседая на величайшем возвышении молочно-белых скамей, уже дожидался прибытия обрученных. Лишь заслышав голоса Муз и сладостные мелодии разноголосых напевов, сопровождавшие приход девы, он приказал Килленийцу выйти вперед.

(210) Либер и Делиец, верные и любезнейшие братья, а также Геркулес, оба Кастора и Градив, и все порожденные Юпитером боги с почетом сопутствовали Килленийцу. (211) Также и покровители стихий, и прекраснейшая многочисленность ангельского племени, и души блаженных древних, уже удостоившиеся храмов неба, сопровождали шествие рожденного Майей. (212) Можно было заметить и Лина, и Гомера, и мантианского пророка, которые пели, увенчавшись венками, Орфея и Аристоксена, бряцавших струнами, Платона и Архимеда, вращавших золотые сферы. (213) Пламенел Гераклит; видимы были и влажный Фалес, и окруженный атомами Демокрит; самосец Пифагор разворачивал некие небесные числа; Аристотель даже и в небесной выси усерднейше отыскивал Энтелехию, Эпикур принес с собою смесь из фиалок и роз и всевозможные приманки наслаждений; Зенон вел женщину-прорицательницу; Аркесилай рассматривал голубиную шею³³⁶; точно так же и прочее многочисленное племя, одетое в паллий, наперебой кричало о своих искусствах. Впрочем, сколько бы они ни

³³⁴ По мнению У. Коппа, здесь речь о Гекате, упоминающейся в Халдейских оракулах как Дева-Источник, т. е. прародительница всех вещей (ог. Chald. 278–279).

³³⁵ В ориг.: *ἄπαξ καὶ δις ἐπέκεινα potestates*. Вероятно, имеется в виду воспринятое Платоном пифагорейское учение о Единиче и Двойке как началах всего сущего (ср. Simp. in phys. 151, 7; 453, 25–26).

³³⁶ Аркесилай (ок. 315–ок. 240 гг. до н. э.) — основатель Средней («скептической») Академии. «Голубиная шея» — известный аргумент скептиков об обманчивости чувств: в зависимости от освещения перья голубя могут казаться разного цвета, ср. Lucr. II 801–805; Cic. Luc. 19.

шумели, всего их беснования не было слышно среди согласно звучащих песен Муз.

(214) Когда, наконец, Киллениец явился и вступил в зал, весь божественный сенат поднялся, воздавая почет высокому званию входящего, а Юпитер дал ему место подле своего трона, между собою и расположившейся справа Палладой. (215) Спустя недолгое время была приглашена и сама Филология в окружении Муз и ступавшей впереди матери. Когда она вошла и щедро оделила Весту, кормилицу и спутницу богов, благовониями из своего ароматного ларца, то каждый из сословия небожителей наслаждался арабскими благоуханиями, уделив себе подобающую порцию. (216) Дева, будучи во всем стыдлива, хотя и получила повеление Юпитера воссесть рядом с ним, все же предпочла сесть там, где прежде узрела Муз и удалиться от соседства Паллады. (217) Тогда мать девы, встав, попросила Юпитера и всех всевышних богов о том, чтобы все, что рожденный Майей приготовил в качестве свадебных даров, было передано при всеобщем лицезрении; чтобы, далее, не было забыто и приданое девы³³⁷; после чего было бы позволено зачитать таблички с законом Папия и Поппея³³⁸. (218) В ответ на ее справедливейшее требование божественный сенат постановил, чтобы подношения были утверждены в присутствии небожителей. Тут поднялся Феб, не отвергший своих обязанностей по отношению к брату, и начал подводить одну за другой избранных дев из прислуги Килленийца, которые блистали пред всеми столь же красотой, сколь и убранством.

(219) Большая сказки часть, читатель, пройдена,
 Что, по путям блуждавшая затейливым,
 Лампады слабый свет дрожать заставила
 При подступающей зари блистании;
 И если б розой крыши не окрасила
 Аврора, первым оживив дыханием,
 И окна, встав, свеченьем не разрежала,
 То до сих пор, страница за страницю,
 Все дальше мог бы шириться преданий круг...

(220) Теперь же миф окончен: приближаются
 Те книги, что искусств провозгласят чреду
 И, ради пользы верной вымысел изгнав,
 О дисциплинах строгих поведут рассказ
 По большей части (не презрев и шалостей!).
 Ты ведаешь, что будет — пусть лишь власть богов
 Благоволят нам, Музы и Латоны плектр!

³³⁷ См. §§ 892–896.

³³⁸ Римский закон о браке, принятый в 9 г. н. э. при консулах-суффектах Марке Папии Мутиле и Квинте Поппее Секунде.

Книга третья

О Грамматике

(221) Вновь для книжечки Камена

Собирает украшенья
И начать желает снова
Сказкой, вымыслом одетой,
Помня, что холодной правде
Быть изящной не под силу,
И в упрек поэту ставит
Верность истине бесспорной,
Почитая милой шалость,
И страницу многоцветьем
Ярких красок покрывая.

(222) «Но объявлено ведь было,
Помнишь, в книге предыдущей,
Что уста отринут басни,
И правдивые Искусства
Для последующих свитков
Наставленья приготовят!»

А она с шутивым смехом:
«Мы не станем лгать», — сказала, —
«Но оденутся Искусства —
Иль желаешь ты нагими
Привести сестер на свадьбу,
В виде сем пред Громовержцем
И в сенат богов представив?
Если ж умолчать о платьях,
То какой черед угоден?»
«Пусть расскажут, несомненно,
Все, о чем поведать нужно,
Облекаясь по порядку

В бестелесное реченье».
 «Выдумал ты это слово,
 Собственный обет нарушив!³³⁹
 Почему бы не признаться,
 Что без вымышленной формы
 Ни о чем нельзя поведать?»
 Так, Каменной обращенный
 В бегство, я игру продолжу.

(223) И вот сын Латоны вывел вперед одну из Меркуриевых служанок, возрастом долгожительницу, но в обхождении приятнейшую, которая объявила, что рождена была в Мемфисе еще при царе Осирисе, затем долго таилась в местах сокровенных, после чего была найдена и воспитана самим Килленийцем. Хотя женщина эта и утверждала, что в Аттике, где она блистала большую часть своего века, она носила греческий плащ, однако, чтя лацийских божеств и главу Ола³⁴⁰, а также Марсово племя и потомство Венеры, она вступила в божественный сенат по Ромулову обычаю одетая в пенулу³⁴¹. В руках она несла некий изящный и с искусством изготовленный ящичек, снаружи сиявший полированной слоновой костью: из него она, как ловкая мастерица врачевания, принялась доставать принадлежности для исцеления ран. (224) Сперва она извлекла скальпель со сверкающим острием и заявила, что с его помощью могут быть вырезаны пороки языка у детей, исцеляемые затем неким черноватым порошком, который производился, как считалось, из сажи или чернил каракатицы и наносился посредством тростинок. Следом она достала некое острейшее снадобье ярко-красного цвета, которое она приготовила из цветов ферулы и нарезанной козлиной кожи³⁴²: им, как указывала она, следовало лечить горло в тех случаях, когда оно, страдая деревенским невежеством, извергало из

³³⁹ Шутку Камены, возможно, следует понимать как игру слов: Марциан, призывая отказаться в изложении наук от *выдумки*, в то же время сам, упомянув о «бестелесном речении» (*asomato in profatu*), воспользовался словом *выдуманным*, изобретенным (см. § 510). В самом словосочетании «бестелесное реченье» У. Копп предлагает видеть намек на стоическое учение о бестелесности «говоримого» (*λεκτόν*).

³⁴⁰ Название Капитолийского холма в древности производили от найденной там во времена царя Тарквиния человеческой головы (*caput*; ср. Var. l. L. V 7 etc.); более поздние авторы (Arnob. adv. nat. VI 7; Serv. Aen. VIII 345) говорят, что имя человека, которому принадлежала голова, было Ол (*Olus*), отсюда этимология *Capitolium* < *caput Olivum* «Олова голова».

³⁴¹ *Raenula* — римский плащ (изначально дорожный); здесь противопоставляется греческому плащу (*pallium*).

³⁴² По-латински слово *ferula* обозначает как собственно ферулу, растение семейства зонтичных, так и изготавливавшуюся из него розгу. Розга, как и упоминаемый следом кожаный ремень, выступают здесь символами телесного наказания, ждущего нерадивых учеников Грамматики.

порочных уст зловонную отрыжку. Также она показала некое приятнейшее лакомство, изготовленное поздними вечерами при свете лампы, с помощью которого, по ее словам, можно было избавиться от грубой неблагозвучности речи и сделать голос певучим. (225) Также она очищала трахею и грудь употреблением некоего лекарства, в котором были заметны нанесенный на буковую табличку воск, смесь чернильных орехов и камеди, а также склеенный нильский кустарник³⁴³. Эта действенная припарка, укрепляя память и внимание, вместе с тем по природе своей становилась причиной бессонного бдения. (226) Она извлекла, кроме того, некий искусно отделанный блестящий напильник³⁴⁴, состоявший из восьми отдельных золотых частей³⁴⁵, различным образом переплетенных. С его помощью она легким трением постепенно удаляла налет на зубах, шероховатость языка, а также грязь, некогда собранную в городе под названием Сола³⁴⁶. (227) Считалось, что ей благодаря усердным вычислениям были ведомы тайны стихов³⁴⁷ и многообразные размеры³⁴⁸. Всякий раз, когда она принимала кого-нибудь под свою опеку, она имела обычай сперва толковать об имени, не преминув сказать и о том, сколько существует превратностей³⁴⁹, которые могут порождать недуги³⁵⁰, но могут и быть самым разумным образом избегнуты³⁵¹. Кроме того, она разумно подбирала для своих подопечных роды и названия предметов, дабы они не подменяли, как это обычно бывает с нездоровыми людьми, одно имя другим. Также она исследовала виды, времена и формы болезней³⁵² и велела иным, в ком находила отупляющую полноту и оцепенелую неподвижность, бегом

³⁴³ Папирус.

³⁴⁴ «Под напильником разумеется обработка уже написанного сочинения, в ходе которой оно шлифуется и приводится в достойный вид посредством удаления всех изъянов» (У. Копп, *ad loc.*). В этом же смысле о напильнике (*lima*) как орудии поэта говорят Гораций (Нор. а. р. 291), Овидий (Ов. Pont. I 5, 19) и Марциал (Mart. X 2, 3).

³⁴⁵ См. прим. 448.

³⁴⁶ См. прим. 449.

³⁴⁷ В ориг.: *carmina*. Здесь, как и в дальнейшем (см. прим. 349-355), Марциан Капелла допускает намеренную двусмысленность, т.к. *carmen* может обозначать по-латински как песню или стихотворение (один из предметов изучения античной грамматики), так и магический заговор, в т.ч. произносившийся в лечебных целях.

³⁴⁸ О стихотворных ритмах и размерах речь пойдет в девятой книге «Бракосочетания Филологии и Меркурия», §§ 967-995.

³⁴⁹ В ориг.: *casus* «случаи, превратности» или «падежи».

³⁵⁰ В ориг.: *vitia* «пороки (в т.ч. физические)» или «погрешности, ошибки».

³⁵¹ В ориг.: *declinari* «быть избегаемым» или «быть склоняемым (в грамматическом смысле)».

³⁵² Перевод по тексту У. Коппа. Все три термина (в ориг.: *modi* «виды; залогии (грам.); наклонения (грам.)», *tempora* «времена», *figurae* «формы») могут относиться как к болезням, так и к грамматическим явлениям.

преодолевать ступени³⁵³ и восходить³⁵⁴ на возможно большее количество строений³⁵⁵, останавливаясь на предлогах, союзах и причастиях, и заставляла своих подопечных до изнеможения упражняться во всех видах своего искусства. (228) Поэтому некоторые из богов сочли эту женщину, владеющую такой способностью заботиться о многих людях, Иатрикой³⁵⁶, иные — в силу разнообразия ее трудов — Генетлиакой³⁵⁷. В этом убеждало ее искусство врачевания, ибо ни Паллада, ни сам сын Майи не отрицали, что она способна оказывать помощь при пороках речи; несообразным, однако, казалось, чтобы врачевательница была одета в пенулу. Поэтому ее попросили назвать свое имя и занятие и изложить все свое искусство. (229) Тогда она, для которой было обычным делом подробно отвечать на вопросы и легко объяснять то, что от нее требовалось, со скромностью и почтительностью приподняла правой рукой край своей пенылы и начала так: «В Греции я именуюсь *Γραμματικῆ*, потому что линию называют *γραμμή*, а буквы — *γράμματα*, мне же поручено изображать начертания букв собственными им линиями. Вследствие этого Ромул предписал мне называться именем Литературы³⁵⁸ (хотя в младенчестве моем он предпочитал именовать меня Литерацией³⁵⁹, подобно тому как у греков я сперва звалась *Γραμματιστικῆ*³⁶⁰), после чего назначил для меня жреца и собрал безбородых последователей. Подобным образом и наш приверженец, который ныне зовется грамотным, прежде именовался грамотеем³⁶¹. Об этом напоминает и некий Катулл, поэт не чуждый изящества, когда говорит: «Это Суллы подарок грамотея³⁶²». У греков же он назывался *γραμματοδιδάσκαλος*³⁶³.

(230) В мои обязанности тогда входила наука письма и чтения, затем прибавилось также ученое толкование и суждение: то и другое, как видно, является у меня общим с философами и критиками. Таким образом, из этих четырех искусств два следует назвать деятельными, а два созерцательными, ибо мы производим действие, когда что-нибудь

³⁵³ В ориг.: *gradus* «шаги; ступени» или «степени сравнения».

³⁵⁴ В ориг.: *scandere* «восходить» или «скандировать, размеренно читать».

³⁵⁵ В ориг.: *operum* «трудов, сооружений» или «[литературных] произведений».

³⁵⁶ Греч. *ιατρική [τέχνη]* «искусство врачевания»; ср. § 891.

³⁵⁷ См. прим. 998.

³⁵⁸ *Litteratura*, ср. *littera* «буква».

³⁵⁹ Литерацией (*litteratio*) Варрон называл начальное обучение письму и счету (Aug. ord. II 12, 35; Isid. etym. I 3, 1).

³⁶⁰ Искусство обучения грамоте, ср. *γραμματιστής* «учитель грамоты».

³⁶¹ В ориг.: *litteratus*, *litterator*. «Некоторые отличают грамотного (*litteratum*) от грамотея (*a litteratore*), как греки — грамматика от грамматиста, и полагают, что первый есть человек вполне образованный, а второй — лишь посредственно» (Suet. gram. 4).

³⁶² Catull. 14, 9.

³⁶³ То же, что *γραμματιστής* (см. прим. 360).

пишем или читаем, но бываем заняты созерцанием результата, когда толкуем или судим о написанном, хотя все это и объединено между собой некоторым родством, что подтверждается и примером других искусств. Так и актер сперва познает то, что он способен сыграть; и астроном делает нечто, чтобы тем самым познать то, что ему следует доказать. И геометр также соединяет одно с другим, ибо он и создает, и познает формы теорем с помощью точных расчетов.

(231) Разделов у меня четыре: грамота, грамматика, грамотный и грамотность³⁶⁴. Грамота — это то, чему я учу; грамматика — это я сама, которая учит; грамотный — тот, кого я научила; грамотность — это умение, приобретаемое тем, кого я наставляю. Занятие мое состоит в том, чтобы исследовать природу и употребление речи. Природа — это то, из чего образуется речь; об употреблении говорят, когда мы пользуемся ею. К этому добавляется также материя, чтобы мы могли определить, о чем следует говорить. Сама же речь познается в три ступени: через буквы, слоги и через слова.

(232) Вопрос о буквах разделяется на две части, ибо они могут быть или естественными, или воспроизведенными. Имена их, образующие существо речи, возникли естественным путем, в то же время начертания их линий, которые мы пишем, были образованы искусственно, так чтобы люди могли в присутствии друг друга пользоваться первыми, а на расстоянии — вторыми. Таким образом, в той части, которая пишется, они получили прозвание немых, а в той, которая читается, — звуков, ибо последняя может быть воспринята только ушами, а первая — одними лишь глазами.

(233) Итак, одни буквы могут сами по себе образовать целое, другие — нет. Так, существуют гласные, которых греки насчитывают семь, Ромул шесть, а последующий обычай — пять, отбросив *у* как греческую. Они могут быть в Лации долгими или краткими; могут быть острыми, тупыми, а также облеченными; могут соединяться или разделяться, не теряя своего имени. Иногда они самостоятельно образуют слоги; порой присоединяют с обеих сторон согласные или некоторые гласные; иногда превращаются друг в друга; порой, наконец, с достоинством следуют сами за собой. Так, *a* нередко преобразуется в *e*, ибо *capio* [беру] образует *cepi* [я брал]; порой в *i*, как *salio* [прыгаю] *insilio* [запрыгиваю]; порой в *o*, как *plaudo* [стучу] *plaustrum* [телега]; или в *u*, как *arca* [ящик] *arcula* [ящичек]. Также и буква *e* изменяется, во-первых, в *a*, как *sero* [сею] *satum* [чтобы сеять]; или в *i*, как *moneo* [увещаю] *monitus* [увещевание]; или в *o*, как из *tego* [покрываю] *toga* [тога]; или в *u*, как от *tego* [покрываю] *tugurium* [хижина]. Подобно этому и гласная *i* обращается в *a*, как *siquis* [если кто-нибудь] *siqua* [если ка-

³⁶⁴ В орг.: *litterae, litteratura, litteratus, litterate.*

кая-нибудь]; в *e*, как *fortis* [храбрый] *forte* [храброе]; в *o*, как *qui* [кто] *quo* [куда]; в *u*, как *ibi* [там] *ubi* [где]. Не иначе и буква *o* переходит в *a*, как *creo* [создаю] *creavi* [я создавал]; или в *e*, как *tutor* [защищаю] *tutela* [защита]; или в *i*, как *virgo* [дева] *virginis* [девы (род.)]; или в *u*, как *volo* [хочу] *volui* [я хотел]. Сходным образом *u* обращается в *a*, как *magnus* [великий] *magna* [великая]; в *i*, как *telum* [снаряд] *тели* [снаряда (род.)]; в *o*, как *lepus* [заяц] *leporis* [зайца (род.)]; в *e*, как *sidus* [созвездие] *sideris* [созвездия (род.)]. Преображаясь таким образом, они способны порой присоединять другие буквы с обеих сторон, порой со одной стороны, порой ни с одной; порой завершают некоторые части речи, порой нет.

(234) Так, *a*, во-первых, с обеих сторон присоединяет к себе буквы *u* и *i*, ибо говорится и *aurum* [золото], и *varus* [выгнутый]³⁶⁵; и *Ianus* [Янус], и *Aiax* [Аякс]; *e* она допускает только с одного края, как *Aeneas* [Эней]; *o* — ни с какого. Она оканчивает имена женского рода, как *dea* [богиня]; мужского, как *Iugurtha* [Югурта]; и среднего — в единственном числе только греческие, как *toreuma* [резьба], *peripetasta* [ковер], во множественном же латинские, как *monilia* [ожерелья]; в глаголах — повелительное наклонение, как *canta* [пой!], *salta* [танцуй!]. (235) *E* имеет значение двух греческих букв, ибо, будучи краткой, представляет собой греческую *ε*, как в *hoste* [от врага (отл.)], а будучи долгой — греческую *η*, как в *die* [от дня (отл.)], и тогда имеет по преимуществу обличенное ударение. Она сочетается с обоих краев с двумя гласными, а именно *i* и *u*, как в *Eurus* [Эвр], *Veientanus* [житель города Вейи] и в словах *eia* [ну!], *iecur* [печень]. Оканчивает она имена среднего рода, как *monile* [ожерелье]; а также женского, но греческие, как *Calliope* [Каллиопа]; местоимения, как *ille* [тот], *iste* [этот]; а также числительное общего рода, как *quinque* [пять], хотя оно и несклоняемое; и еще глаголы повелительного наклонения, как *sede* [сиди!], *curre* [беги!], и неопределенного наклонения: *scribere* [писать], *scripsisse* [написать]. (236) Буква *i* присоединяется с обеих сторон к любым гласным: так, она сочетается с *a*, когда мы говорим *Ianuariae* [январские] и *Aiax* [Аякс]; на то, каким образом она сочетается с *e*, указывают приведенные выше примеры; к букве *o* она присоединяется в имени *Iovis* [Юпитера (род.)] и *Oinone* [Энона]; к *u* — как в словах *iuvo* [помогаю] и *vita* [жизнь]. Иногда эта гласная образует двойной слог³⁶⁶; она оканчивает имя всех родов, как *frugi* [дельный], также числительное всех родов, как *viginti* [двадцать], также глаголы изъявительного наклонения, как *novi* [знаю], *temini* [помню], повелительного: *sali* [прыгай!], *veni* [приходи!], неопределенного: *iaculari* [метать копье], *luctari* [бороться]. (237) О том, с какими гласными и с какой стороны соединяется буква *o*, было упомянуто выше. Оканчивает она имена мужского рода,

³⁶⁵ В старой латинской орфографии гласный звук *u* и согласный *v* обозначаются одной и той же буквой.

³⁶⁶ Например, в слове *Veii*.

как *Cato* [Катон]; женского, как *Iuno* [Юнона]; числительное всех родов, как *octo* [восемь]; также активные глаголы, как *canto* [пою], *laudo* [хваляю]; в повелительном наклонении оканчивает только один, *cedo* [дай!]; наречие, как *subito* [внезапно]; предлог, как *pro* [за]. (238) Буква *u* сочетается с обеих сторон со всеми гласными, кроме предшествующего *o*. *U* одна не удваивает букву своего рода, а соединяется с ней, как в словах *vulgus* [народ], *Vulcanus* [Вулкан]. Она оканчивает члены, как *tu* [ты]; имена среднего рода, как *genu* [колени], *cornu* [рог]; однако не завершает никакого глагола.

(239) Но довольно о гласных, ибо мне было велено не перечислить гласные, а поведать обо всех буквах. Прочие, которые следуют за ними, несомненно, представляют собой согласные. Они, в свою очередь, делятся на полугласные и немые: о них я расскажу по порядку. (240) Так, буква *f*, которая является первой из полугласных, присоединяется спереди только к двум согласным, *l* и *r*, как в словах *flavus* [золотистый] и *frugi* [дельный]. Соединяясь с гласными, она не допускает, чтобы ей предшествовали гласные *i* и *u*, и при этом никогда не оказывается конечной, завершая слово. (241) Буква *l* звучит тройным образом. Она производит тонкий звук, когда бывает удвоена, как в словах *sollers* [искусный], *Sallustius* [Саллюстий]. Средний — когда оканчивает имена, как *sol* [солнце], *sal* [соль]; также она звучит умеренно, когда предшествует гласным, как *lapis* [камень], *lepus* [заяц], *liber* [книга], *locus* [место], *lucerna* [светильник]. Полным же звуком она обладает, когда перед ней находятся буквы *p g c f*, как в словах *Plautus* [Плавт], *glebae* [глыбы], *Claudius* [Клавдий], *flavus* [золотистый]. При этом *l* никогда не ставится перед какой бы то ни было полугласной или немой. Она допускается на месте *d* в предлоге, когда перед ней находится *a*, как *allidit* [швыряет], *alligat* [привязывает]. Она сохраняется и в предшествующем предлоге *in*, как *illepidus* [некрасивый], *illotus* [немытый]. Она с обеих сторон присоединяет гласные и оканчивает некоторые имена: в мужском роде, *sol* [солнце], в женском, *Tanaquil* [Танакивил], в среднем в сочетании с предшествующими *a e i*, как *bidental* [место, пораженное молнией], *mel* [мед], *sil* [охра]. Она также завершает наречия, как *semel* [однажды].

(242) Буква *m* может находиться и в начале слова, и в середине, и в завершении, как в *mores* [нравы], *umbra* [тень], *triticum* [пшеница]. Из согласных она предшествует только *n*, как в *Mnemon* [Мнемон], следует только за *s*, как в *Sminthius* [Сминтей], иногда изменяется в *n*, как в *nunquis* [разве кто-нибудь], и оканчивает слова среднего рода, как *aurum* [золото] и *argentum* [серебро], а также однопадежные, как *nequam* [негодный]; в мужском роде — простой винительный и двойной родительный, как *hominem* [человека (вин.)], *hominum* [людей (род.)]; еще причастия, глаголы и наречия, как *tractum* [влекомое], *legam* [буду читать], *cursim* [бегло], а также числительное всех родов, как *novem* [девять], *decem* [десять].

(243) Буква *n* бывает более полной в начале и в конце, как в *Nestor* [Нестор], *tibicen* [флейтист], и более тонкой в середине, как в *mane* [утром], *damnum* [ущерб]. Из согласных она следует за *m*, как в *Memnon* [Мемнон], а букве *s* предшествует, как в *mons* [гора], *fons* [источник]. Также она обращается в *m*, когда за ней следуют *b p m*, как в *imbuit* [напитывает], *impulit* [он толкнул], *imminet* [нависает]. Ею же оканчиваются имена мужского рода, как *tibicen* [флейтист], греческие женского рода, как *Siren* [Сирена], среднего рода, как *culmen* [вершина].

(244) *R* присоединяет гласные с обеих сторон. Из согласных она предшествует одной *s*, как в *sors* [жребий], *fors* [случай], и иногда двойной *x*, как в *arx* [крепость]. Она обращается в *l*, *n* и *s*, как в *niger* [черный] *nigellus* [черноватый], *femur* [бедро] *feminis* [бедра (род.)], *gero* [несу] *gessi* [я нес]. Оканчивает она имена мужского рода после всех гласных, как *par* [равный], *pater* [отец], *vir* [муж], *nitor* [блеск], *fur* [вор]; женские после *e* и *o*, как *mulier* [женщина], *soror* [сестра]; среднего после всех, кроме *i*, как *calcar* [шпора], *piper* [перец], *marmor* [мрамор], *sulphur* [сера]; оканчивает глаголы и наречия, как *venor* [охочусь], *quater* [четырежды].

(245) *S* некоторые не считают буквой: так, Мессала называл ее неким свистом³⁶⁷. При этом она с обеих сторон сочетается с буквой *p*, как в *spado* [скопец], *psittacus* [попугай], и присоединяет последующие *c q t*, как в *Scaurus* [Скавр], *squata* [чешуя], *stella* [звезда]. Также она совершает переход в многие буквы: в *n*, *sanguis* [кровь] *sanguinis* [крови (род.)]; в *r*, *flos* [цветок] *floris* [цветка (род.)]; в *d*, *custos* [страж] *custodis* [стража (род.)]; в *t*, *nepos* [внук] *nepotis* [внука (род.)]. Она оканчивает и мужской, и женский род после всех гласных, средний — после *a o u*, как в *vas* [сосуд], *os* [рот], *nemus* [роща]. К этой букве божественный Клавдий прибавил *p* или *s* из-за греческих ψ и ξ , как *psalterium* [псалтерий], *saxa* [скалы]³⁶⁸. (246) *X* никто не считает буквой, потому что она является двойной: она состоит из *g* и *s*, как в *rex* [царь] *regis* [царя (род.)]; или из *c* и *s*, как в *nux* [орех] *nucis* [ореха (род.)]. Иногда она превращается в *v*, как в *nix* [снег] *nivis* [снега (род.)], и *s*, как *pix* [смола] *picis* [смолы (род.)]. В латинских словах она никогда не ставится на первое место, у греков же ставится, как в *Xantho* [Ксанто]. Она присоединяется ко всем гласным и в мужском роде, как в *Aiax* [Аякс], *frutex* [куст], *calix* [кубок], *Pollux* [Поллукс]; и в женском, как в *fax* [факел],

³⁶⁷ Римский государственный деятель и оратор Марк Валерий Мессала Корвин (64 г. до н.э. – 8 г. н.э.) был автором целого ученого труда, посвященного букве *s* (ср. Quint. inst. I 7, 23; I 7, 33; IX 4, 38).

³⁶⁸ Это достаточно странное утверждение Марциана Капеллы прямо противоречит свидетельству Присциана (GLK II 33, 3-4). Согласно последнему, одна из орфографических реформ императора Клавдия (отмененных после его смерти в 54 г. н.э.) состояла во введении новой буквы, «антисигмы», обозначающей сочетание *ps* и соответствовавшей греческой ψ .

lex [закон], *lodix* [покрывало], *celox* [челнок], *lux* [свет]; она не оканчивает никаких слов среднего рода.

(247) Закончив с полугласными, следует рассмотреть немые. Они называются таким именем оттого, что звучание их гаснет в устах прежде, чем возникнуть, если им не приходят на помощь присоединившиеся гласные. (248) Первая, *b*, с обеих сторон сочетается со всеми гласными; она ставится перед согласными *l* и *r*, как в *blaesus* [шепелявый] и *brevi* [краткий]; переходит в *c*, как в *succurrit* [помогает]; в *f*, как в *sufficit* [достаточен]; в *m*, как в *summittit* [опускает]; в *p*, как в *supponit* [представляет]; в *s*, как в *sustulit* [он поднимал]. Она не оканчивает ничего, кроме трех предлогов *ab* [от], *ob* [из-за], *sub* [под]. (249) *C* с обеих сторон соседствует с гласными и предшествует некоторым согласным — *l t r m n*, как в *clarus* [ясный], *tectum* [кровля], *crus* [голень], *Acmon* [Акмон], *Cnidus* [Книд]. Она оканчивает члены, которые называют местонаименными, *hic* [этот] *haec* [эта] *hoc* [это], и наречия, как *sic* [так], *huc* [сюда], *hic* [здесь]. Она единственная из немых имеет долгую предшествующую гласную и считается двойной, как в *hic* [здесь] *hoc* [от этого (отл.)]. (250) *D* с обеих сторон имеет гласные; она предшествует букве *r*, как в *Drusus* [Друз], никогда не ставится перед буквой *m* в латинских словах, в греческих же иногда ставится, как в *Dmois* [Дмоида]; то же и с *n*, как в *Ariadne* [Ариадна]. Она переходит в *c*, как в *accidit* [случается]; в *g*, как в *aggerit* [собирает]; в *l*, как в *allegat* [посылает]; в *p*, как в *apponit* [приставляет]; в *r*, как в *arripit* [хватает]; в *s*, как в *assidet* [сидит рядом]; в *t*, как в *attinet* [удерживает]. Она оканчивает члены среднего рода, как в *istud* [это], *illud* [то], и предлог, как в *apud* [у]. (251) *G* ставится перед всеми гласными; следует за буквой *a*, как в слове *agger* [насыпь], которая присоединяется всякий раз при ее удвоении. Она ставится перед буквой *r*, как в *grave* [тяжелое]; *l*, как в *gladius* [меч]; *n*, как в *ignis* [огонь]. Она также обращается в *c*, как в *rego* [правлю] *rector* [правитель]. Она никогда не бывает завершающей. (252) *H* вне всякого сомнения представляет собой знак придыхания всякий раз, когда прибавляется к гласным, как в *hospes* [гость] и *heres* [наследник]. Она переходит в *x*, как в *traho* [тащу] *traxi* [я ташил]. Греки разделили ее на две части: правая является знаком придыхания, а левая имеет противоположное значение³⁶⁹. (253) *K* иногда считают знаком, иногда буквой, потому что ее обязанности, без сомнения, способна исполнять *c*, кроме следующих слов: *kapita* [го́ловы], *kalendarum* [календы], *kalumniam* [наветы]. (254) *P* с обеих сторон допускает гласные; она ставится перед буквой *r*, как в *prandere* [завтракать]; *l*, как

³⁶⁹ Греческие знаки густого придыхания ϝ и тонкого придыхания (т.е. отсутствия придыхания) ϗ происходят, согласно античным грамматикам, из двух половинок буквы H : соответственно, ┘ и ┙ . Присциан, в противоположность Марциану Капелле, производит от правой половинки знак тонкого придыхания, от левой — густого, что больше согласуется с графической формой этих знаков (GLK II p. 35, 24. P. 36, 2).

в *placere* [нравиться]; *t*, *Ptolemaeus* [Пролемей]; *s*, *psittacus* [попугай]; *n*, как в *sympnum*³⁷⁰; но никакого слова не оканчивает. (255) *Q* некоторые не считают буквой, и они были бы правы, если бы она явно не присутствовала в словах *equus* [конь] и *equitatus* [конница]. Она никогда не употребляется без двух гласных, из которых первой будет *u*, и далее следуют другие, как в *quartus* [четвертый], *questus* [жалоба], *Quirites* [квириты], *quotus* [который (по порядку)], *equus* [конь]. Она состоит из *s* и *u* и по этой причине называется двойной, или составной, и не удваивается. Она не соединяется ни с какой одной буквой и не оканчивает никакого слова. (258) *T* замыкает гласные с обеих сторон, как в союзах и предлогах. Она предшествует *l* в *Tlepolemus* [Тлеполем], *m* в *Tmolus* [Тмол], *n* в *potnia* [владычица], *r* в *Troia* [Троя]; оканчивает средний род: *caput* [голова], *sinciput* [полголовы], *lact* [молоко]; завершает члены, как в *quot* [сколько], *tot* [столько]; глаголы, как в *legunt* [читают]; наречие и междометие, как в *ut* [как], *attat* [ax!]. (257) *Z* пришла от греков, хотя и сами они вперва пользовались греческой *σ*, ибо называли *Sethus* [Сет] того, кого сейчас называют *Zethus* [Зет]. Впрочем, и сами они считают ее двойной, ибо она слагается из *τ* и *σ*; ее составная природа видна уже по тому, что она никогда не удваивается. Она ставится перед буквой *m*, как в *Zmyrna* [Смирна]. (258) Таким образом, из всех перечисленных букв восемнадцать отвечают необходимым требованиям для того, чтобы быть внесенными в список, ибо мне представляется правильным включить в число гласных *y*: без этого невозможно будет записать имена *Hyacinthus* [Гиацинт] или *Cyllenius* [Киллениец]. Получается, таким образом, что и гласных, и полугласных, и немых будет по шесть. (259) Ибо если *h* будет отдана придыханию, *q* и *k* окажутся излишними, *x*, как двойная, не будет принята в строй элементов, *a* и *z* будет исключена из числа латинских, то останутся, как было сказано, восемнадцать. (260) Все они, включая излишние и отвергнутые, образуются одним звуком голоса, но обнаруживают в согласном звучании уст различные основания естественной гармонии.

(261) Так, *a* мы произносим единым дыханием с надлежащим раскрытием уст;

- b* мы говорим с помощью сильного выдоха со сжатыми губами;
- c* выражается приближением коренных зубов к дальней части языка;
- d* порождается приближением языка к области верхних зубов;
- e* производится дыханием при несколько более прижатом языке;
- f* прижиманием зубов к нижней губе;
- g* дыханием и нёбом;
- h* исходит выдохом из немного суженного горла;
- i* дыханием при почти сжатых зубах;
- k* образуется горлом и нёбом;
- l* обретает мягкость благодаря языку и нёбу;
- m* произносится сжатыми губами;

³⁷⁰ Текст испорчен.

n ударом языка, приблизившегося к зубам;
o производится дыханием округленных уст;
p дыханием, вырывающимся из губ;
q приближением к нёбу при закрытых устах;
r делает дыхание шероховатым из-за колеблющегося языка;
s производит свист ударением зубов;
t извлекается приближением языка и прикосновением к зубам;
v выражается сомкнутыми устами и выдвинутыми вперед губами;
x — это свистящий звук, образуемый всяким соединением *s* и *s*;
y возникает благодаря сближению губ и дыханию;
z была отвергнута Аппием Клавдием по той причине, что в своем произношении она изображает зубы мертвеца.

(262) Вкратце поведала я о первых законах искусства –

Тех, чей прежде объем много томов занимал:
 Буква какая какой быть соседкой своей позволяет,
 С края какого, и кто должен сопутствовать ей;
 Буква какая свой вид изменить по правилам может,
 Даже и имя свое преобразить пожелав;
 Букву какую уста ль своим звуком, язык ли движеньем
 Порождает, иль губ преодоленных удар.
 Ныне же время пришло о видах слога поведать:
 Как, ударенье приняв, долгим иль кратким он стал.
 Тот и другой я предмет рассмотрю, а о букв сочетаньях
 Прежде уж сказано мной все, что наука велит.
 Вот чем продолжить рассказ мне, порядок блюда, подобает,
 Если, всевышние, ваш это одобрит совет.

(263) Когда Грамматика произнесла это, Юпитер с Делийцем велели ей продолжать, но тут Паллада промолвила: «Однако же наша Литература, торопясь перейти к соединению слогов, не упомянула об исторической части³⁷¹». Грамматика, испуганная таким возражением со стороны Девы, проговорила в ответ: «Мне ведомо, что о многом придется умолчать, дабы перечислением подробностей не вызвать отвращения у блаженных небожителей. Поэтому при исполнении моего намерения я буду поспешно двигаться кратчайшими путями, чтобы не заплутать словно бы в густой чаще леса и не потеряться среди его тенистых ветвей.

(264) Итак, слогом называют то, что образуется соединением букв, одновременно обретающих звучание. В учении о нем, как я говорила, есть, несомненно, три части: то, что касается соединения, ударения и долготы. (265) Существуют четыре рода соединения: два естественных и два исторических. Естественные — это когда вопрос заключается в том, допускает ли каждый из слогов присоединение с одной стороны, с

³⁷¹ § 266.

обеих либо ни с одной из сторон; или в том, могут ли буквы, не способные вступать в связь друг с другом, сочетаться при добавлении другой буквы: так, например, *m* и *n*, хотя и не сочетаются, все же вступают в связь в случае прибавления гласной, как словах *amnis* [река] и *somnus* [сон]. Эти роды соединения мы пропустим на том основании, что они уже были упомянуты в разделе о буквах. (266) Историческое же соединение — это когда буквы, способные вступать в связь между собой, в силу различия языка сочетаются в различном составе и количестве. Так, первый слог в слове *Musae* [Музы] мы записываем двумя буквами, греки же тремя³⁷². Луцилий в дательном падеже соединяет *a* и *e*, говоря *Terentiae* [Теренции (дат.)], *Orbiliae* [Орбилии (дат.)]; Лукреций же, а зачастую и наш Марон в родительном падеже³⁷³ соединяют *a* и *i*: *aulai* [дворца (род.)]³⁷⁴, *pictai* [разукрашенной (род.)]³⁷⁵. (267) Еще два рода соединения имеют место, когда мы связываем слоги ради стопы или стиха, так что два слога вдруг пропадают в одном, как при синилефе³⁷⁶, или буквы удаляются из слова, как при эктлипсе³⁷⁷.

(268) Но довольно о соединениях. Теперь мы рассмотрим знаки ударения: у греков это место именуется *περί προσῳδιῶν*. Его можно разделить на три части, ибо каждый слог является либо острым, либо тупым, либо облученным; поскольку же не существует никакого слова без гласной, то не существует его и без ударения. Ударение же, как полагали некоторые, есть душа слова и питомник музыки, ибо всякая мелодия слагается из повышений и понижений голоса, и поэтому ударение (*accentus*) было названо так как бы от слова припевка (*accantus*). (269) Таким образом, всякое латинское слово, простое или составное, имеет один острый или облученный звук; при этом оно никогда не может иметь два острых или облученных, тупых же — часто. Оно будет иметь острый звук в первом слоге, если ты скажешь *Caelius* [Целий], во втором — *Sallustius* [Саллюстий], в третьем — *Curiatus* [Куриат]; облученный в первом, если ты скажешь *caelum* [небо]. Предпоследний слог никогда не является острым по самой природе, однако таковым является предшествующий ему, то есть третий с конца³⁷⁸, будь он кратким или долгим, как в словах *Cice-*

³⁷² *Μοῦσαι*.

³⁷³ Текст в рукописях испорчен; перевод по конъектуре Ф. Эйзенхардта.

³⁷⁴ Verg. Aen. III 354.

³⁷⁵ Verg. Aen. IX 26.

³⁷⁶ В ориг.: *synaliphe* (греч. *συναλοιφή* «синилефа, стяжение слогов»).

³⁷⁷ Греч. *ἐκθλιψις* «выдавливание» — выпадение звука (обычно гласного в конце слова перед начальным гласным следующего слова), элизия.

³⁷⁸ Текст в этом месте, возможно, испорчен (Дж. Уиллис: *locus mancus videtur*). Вероятная интерпретация: предпоследний слог не всегда бывает острым, при определенных условиях он может быть и облученным; в отличие от него, третий слог с конца, долгий он или краткий, может быть только острым, но не облученным (при этом подразумевается, что предпоследний или третий с конца слог при определенных условиях может также быть и тупым).

ro [Цицерон], *Caelius* [Целий]. Облеченный же звук может находиться только в том слоге, который предшествует последнему³⁷⁹, и не иначе как тогда, когда сам он по природе долог, а последний, напротив, краток, как в *Galenus* [Гален]. Если же он³⁸⁰ долог, или если предпоследний долог по положению, хотя последний и краток, этот звук все равно будет острым: *Galeni* [Галена (род.)], *Camille* [о Камилл! (зват.)]. Свойством облеченного звука является то, что он никогда не присущ тем слогам, которые не долги по природе; острый же обнаруживается как в долгих, так и в кратких. Необходимо при этом, чтобы всякое слово имело или острый, или облеченный звук, даже если оно односложно. В односложных словах при этом не бывает тупого звука: всякое односложное слово, которое что-либо обозначает, если оно краткое или долгое по положению, будет острым, как в *far* [хлеб], *ars* [искусство]; если же оно долгое по природе, то оно будет облеченным, как в *lux* [свет], *mos* [нрав].

Двусложные имеют острый звук в первом слоге, либо когда оба краткие, как *citius* [скорый], либо когда оба долгие по положению, как *sollers* [искусный], либо один из двух долог по положению, как *cohors* [когорта]. Если, однако, первый слог долог по природе, а последующий краток, то первый будет облеченным, как *luna* [луна]. Если второй будет долгим по положению или по природе, то первый будет острым, как *codex* [ствол], *docte* [учено] (ибо никакой долгий первый слог в двусложном слове не бывает тупым).

Если в трехсложном слове средний слог, который мы называем предпоследним, краток, то он, без сомнения, произносится с тупым ударением; одновременно его первый слог, то есть третий от конца, является острым, как в слове *Catulus* [Катул]. Если же он долог, то все зависит от того, каким образом он долог. А именно, если он долог по природе, а последний краток, то средний является облеченным, как в *Cethegus* [Цетег], *Mancinus* [Манцин]; если же средний долог по природе и последний долог, то средний будет острым, как *Catoni* [Катону (дат.)], *Ciceroni* [Цицерону (дат.)]; а если средний будет долгим по положению, то его долгий звук будет острым, каким бы ни был последний, как в *Catullus* [Катулл] *Catullo* [Катуллу (дат.), от Катулла (отл.)], *Metellus* [Метелл] *Metello* [Метеллу (дат.), от Метелла (отл.)]. (270) Те местоимения, которые склоняются двояким образом, то есть либо сокращают, либо растягивают средний слог, имеют в родительном падеже острое ударение: *ipsius* [самого (род.)], *illius* [того (род.)]³⁸¹. Если их вторые слоги становятся краткими, то первые будут острыми, как

³⁷⁹ Т.е. не может находиться далее второго слога с конца. Односложное слово при этом также может иметь облеченное ударение, см. далее.

³⁸⁰ Последний слог.

³⁸¹ Текст, вероятно, испорчен. Ср. у Диомеда: «Если же средние долгие, то первые становятся тупыми, а вторые облеченными, как *ipsius*, *illius*» (GLK I p. 432, 3–4).

ipsius, illius. Если же средние будут долгими, то первые будут тупыми, а вторые облеченными, как *occidit sol* [заходит солнце] и *occidit hominem* [убивает человека]³⁸². Таким образом, первые будут острыми, когда средние кратки; когда же средние долги, то они острые или облеченные: острые, когда долги последние, как *tenebrae* [потемки], *latebrae* [убежища], *manupli* [манипулы]³⁸³. (271) Последние отличаются от предыдущих тем, что те имеют раздельные согласные³⁸⁴, а эти, хотя и имеют сам предпоследний долгий по положению, однако не удерживают для себя во втором слоге ни одной согласной, но в третьем их две. Поэтому получилось так, что средний слог побуждает произносить имена *tenebrae* и *latebrae* с острым ударением в первом слоге, но *manupli* и *fenestrae* [окна] произносятся с острым предпоследним слогом. Некоторые вовсе полагают такой род предпоследнего слога кратким, поскольку он не оканчивается согласной; другие же считают его долгим, так как, хотя он и не оканчивается согласной, однако следующий слог начинается с двух согласных, и природа букв *l* и *r*, будучи мягкой, делает слог то долгим, то кратким. При этом ни одно римское слово из двух или более слогов не оканчивается острым звуком, облеченный же последний имеет не иначе как если последняя часть завершается слогом по природе долгим, как *ergo* [ради] и *pone* [позади]³⁸⁵.

(272) Сплетение речи часто отнимает или меняет собственный звук отдельных слов. Отнимает у тех, которые относятся к чему-то следующему, как у предлогов: *ante urbem* [перед городом] (ибо здесь *ante* потеряло острый звук первого слога), а также *post muros* [позади стен]. Изменяют ударение примыкающих слов *que* [и], *ve* [или], *ne* [ли]: тогда, однако, когда *que* — соединительный союз, а *ve* — дополнительный, как *Latiumque augescere vultis*³⁸⁶ и *stimulove meum cor*³⁸⁷ у Акция в Пеллопидах³⁸⁸. Острый звук никогда не переходит с первых слогов на последние, кроме как при присоединении частиц, которым свойственно делать острыми крайние части слов, к которым они примыкают.

Когда греческие имена переводятся на латинский, они читаются по нашему правилу, если не остаются при этом греческими. Поэтому если слова *Olympus* [Олимп] и *Caucasus* [Кавказ] произносятся как латинские, то из вышеизложенных правил становится ясно, какой слог должен быть острым или облеченным. Однако если они остаются гре-

³⁸² *Occidit sol, occidit hominem*.

³⁸³ Текст, вероятно, испорчен. Перевод предположительный.

³⁸⁴ Т.е. относящиеся к разным слогам.

³⁸⁵ Согласно Диомеду, наречие *pone* произносится с острым ударением на последнем слоге, для отличия его от повелительной формы глагола *pono* (GLK I p. 433, 5–6).

³⁸⁶ «Чтобы Лаций умножился, желаете».

³⁸⁷ «Или стрелалом мое сердце...».

³⁸⁸ Acc. trag. 512.

ческими (а мы допускаем такую норму в иностранных словах), то необходимо, чтобы они в косвенных падежах сохраняли острые звуки в средних слогах: ибо мы слышим, что и у греков они произносятся с таким, а не иным ударением³⁸⁹. (273) Острое ударение отмечается черточкой, восходящей слева направо (/), тупое нисходит от левой стороны к правой (\), знак обличенного — сигма, обращенная вниз к самим буквам (∩). Ударения мы иногда называем крышечками, так как они ставятся над верхней частью букв, иногда наверхиями, тонами или звуками, греки — просодиями. Следует знать также, что в одном слове могут оказаться все три ударения, как *Argiletum* [Аргилет].

(274) О том, какие существуют ударения слогов и как они изменяются, я полагаю, сказано достаточно. Теперь я поведаю об их долготях, ибо всякий слог является либо кратким, либо долгим, либо общим. Он является кратким, когда гласная сокращается и не поддерживается никакими последующими звуками либо оканчивается сокращенной формой или буквой³⁹⁰. (275) Долгий же образуется двумя способами: по природе и по положению. По природе — это когда гласная растягивается: или когда слог имеет обличенное ударение либо острое на предпоследнем слоге, или когда какая-нибудь гласная односложна, или когда она оказывается дифтонгом, либо когда первый слог, образуя другую форму какого бы то ни было слова, не меняет ни гласную, ни ударение³⁹¹. По положению — когда за краткой гласной следуют две согласные или в этом же слоге, или в следующем, или разделенные между двумя, или в любом из них одна двойная. (276) Двойные — это *x* и *z*; иногда двойными могут становиться *c* и *i*, как если *i* оказывается между гласными, как в *aio* [говорю], *Troia* [Троя], также *c*, как в *hoc erat alma parens*³⁹². Однако эти формы согласных или двойных букв, поддерживающие краткие гласные, имеют силу в том случае, если заключены в том же слове, а согласные следующего слова никак не поддерживают предыдущий гласный, хотя Вергилий возражает против этого, говоря: *arma virumque cano Troiae*³⁹³ и также *fontesque flu-*

³⁸⁹ Ср. различие в ударении между греческими формами *Καύκασος* (Nom. sg.), *Καυκάσου* (Gen. sg.), *Καυκάσῳ* (Dat. sg.) и латинскими: *Caucāsus* (Nom. sg.), *Caucāsī* (Gen. sg.), *Caucāso* (Dat. sg.).

³⁹⁰ Перевод по тексту рукописей. В последнем случае, по мнению У. Штала и Р. Джонсона, речь идет о слоге в краткой гласной, который оканчивается одиночной согласной. Ср. формулировку Диомеда: «Краткие [слоги] — это те, которые имеют сокращенную гласную и не оканчиваются на две согласные либо на что-то, что замещает собою две согласные» (GLK I p. 427, 11–12).

³⁹¹ Текст этой фразы испорчен, перевод предположительный. В последнем случае речь идет, возможно, не об образовании составных слов типа *circumflecto* (как считают У. Шталь и Р. Джонсон), а о сохранении обличенного ударения в формах вроде *lūcis* «света (род.)» (от *lūx* «свет»).

³⁹² «Это было, благая родительница...» (Verg. Aen. II 664).

³⁹³ «Оружие и мужа воспеваю, Трои...» (Verg. Aen. I 1).

*viosque voco*³⁹⁴. (277) Дифтонги — это *ae oe eu ai ei*. Кроме этого ничто не называется дифтонгом.

(278) Общих слогов существует восемь видов. Первый — когда за сокращенной гласной следует соединенная с согласными плавная: такой слог бывает долгим, как в *vasto Cyclopis in antro*³⁹⁵, или кратким, как в *vas-tosque ab rupe Cyclopas*³⁹⁶. Второй вид — когда сокращенная гласная завершается одной согласной и за ней следует *h*: такой слог бывает долгим, как в *terga fatigamus hasta*³⁹⁷, или кратким, *quisquis honos tumuli*³⁹⁸. Третий — когда за сокращенной гласной следуют две согласные, если первая из них буква *s*: такой слог бывает долгим, *unde spissa coma*³⁹⁹, или кратким, *ponite spes sibi quisque*⁴⁰⁰. Четвертый случай — когда краткий слог оканчивает часть речи: ибо перед цезурой он долог, как *nam tibi Thymbre caput Euandrius*⁴⁰¹, или краток, *hoc caput o cives*⁴⁰². Еще один случай становится общим из-за дифтонга: такой слог бывает долгим, как в *Musae Aonides* [Музы Аониды], или кратким, *insulae Ionio in magno*⁴⁰³. Ибо дифтонг, когда за ним следует гласная, может становиться кратким, как в *sudibusve praeustis*⁴⁰⁴. Другой случай — когда за долгой гласной следует другая гласная: такой слог бывает долгим, *o ego infelix quem fugis*⁴⁰⁵, или кратким, *sub Ilio alto*⁴⁰⁶. Другой случай — когда местоимение оканчивается буквой *s* и за ней следует гласная: такой слог бывает долгим, *hoc erat alma parens*⁴⁰⁷, или кратким, *solus hic inflexit sensus*⁴⁰⁸. Другой случай — когда за сокращенной гласной следом идет *z*: такой слог бывает долгим, *Mezenti ducis exuvias*⁴⁰⁹, или кратким, *nemorosa Zacynthos*⁴¹⁰.

О природе трех родов слога сказано; остается сказать о конечных слогах, в которых и состоит предписание искусства и правильность

³⁹⁴ «Источники и реки я призываю...» (Verg. Aen. XII 181).

³⁹⁵ «В огромной пещере циклопа» (Verg. Aen. III 617).

³⁹⁶ «Огромных со скалы циклопов...» (Verg. Aen. III 647).

³⁹⁷ «Хребты истязаем копьем» (Verg. Aen. IX 610).

³⁹⁸ «Всякий почет кургана» (Verg. Aen. X 493).

³⁹⁹ «Откуда густые волосы...» (Источник неизвестен); ср. у Теренциана Мавра (GLK VI p. 358, 3): *unde scissa coma est aut unde spissa corona*.

⁴⁰⁰ «Оставьте, всякий сам себе надежда...» (Verg. Aen. XI 309).

⁴⁰¹ «Тебе, Тимбер, голову Эвандров <меч отсек>» (Verg. Aen. X 394).

⁴⁰² «Вот причина, о граждане...» (Verg. Aen. XII 572).

⁴⁰³ «Острова в великом Ионическом море» (Verg. Aen. III 211).

⁴⁰⁴ «И обожженными кольями» (Verg. Aen. VII 524).

⁴⁰⁵ «О я несчастный, от которого ты бежишь», ср. Hor. epod. 12, 25: *O ego non felix, quam tu fugis* «О я несчастливая, от которой ты бежишь».

⁴⁰⁶ «Под высоким Илионом» (Verg. Aen. V 261).

⁴⁰⁷ См. прим. 392.

⁴⁰⁸ «Он единственный, кто привлек чувства...» (Verg. Aen. IV 22).

⁴⁰⁹ «Снятые с вождя Мезенция доспехи» (Verg. Aen. XI 7).

⁴¹⁰ «Лесистый Закинф» (Verg. Aen. III 270).

формы. И прежде всего следует обратиться к имени. (279) Именительный падеж единственного числа, оканчивающийся на букву *a*, краток, как в словах *Catilina* [Катилина], *Iulia* [Юлия]; оканчивающийся на букву *e* в латинских словах краток, как *sedile* [сиденье], в греческих долог, как *Euterpe* [Эвтерпа]; оканчивающийся на *i* долог, как *frugi* [дельный]; оканчивающийся на *o* в латинских словах краток, как *Cato* [Катон], в греческих долог (хотя авторитетные мнения здесь и расходятся, ибо Вергилий писал: *et te, magne Cato*⁴¹¹); оканчивающийся на *u* краток, как *cornu* [рог]. В словах с исходом на *al* он краток, как *tribunal* [возвышение]; в словах на *el* краток, как *mel* [мед]; в словах на *il* краток, как *vigil* [страж], за исключением одного этрусского *Tanaquil* [Танаквил]; в словах на *ol* долог, как *sol* [солнце]; в словах на *ul* краток, как *consul* [консул]. Оканчивающийся на *m* краток, как *tectum* [крыша], хотя примеры этого встречаются редко, так как *m*, оказавшаяся между гласными, опускается как бы во избежание грубости митацизма⁴¹². В словах с исходом на *n* он растягивается, как *Titan* [Титан]; на *en* в среднем роде краток, как *carmen* [песня], в других родах долог, как *lien* [селезенка], *Siren* [Сирена]; оканчивающийся на *on* долог, как *Memnon* [Мемнон]. Оканчивающийся на *ar* долог только в односложных словах, как *Nar* [Нар], *far* [хлеб]; в латинских словах с исходом на *er* краток, как *puer* [мальчик], за исключением одного односложного *ver* [весна], в греческих растягивается, как *aer* [воздух]; оканчивающийся на *ir* сокращается, как *vir* [муж]; оканчивающийся на *or* краток, как *auctor* [создатель]; оканчивающийся на *ur* сокращается, как *turmur* [шум], за исключением одного односложного *fur* [вор]. С исходом на *as* в латинских именах он растягивается, как *facultas* [возможность], *paupertas* [бедность], в греческих только тогда краток, когда родительный падеж будет оканчиваться на *dos*, как *Arcas* [Аркад] *Arcados* [Аркада (род.)]. Оканчивающийся на *es* в греческих именах долог, как *Anchises* [Анхиз]; в латинских, если они пятого склонения, растягивается, как *dies* [день]; если третьего, то долог тогда, когда родительный падеж единственного числа не прирастает слогом, как *labes* [обвал] *labis* [обвала (род.)], или когда он, прирастая, сохраняет протяженную *e* перед конечным слогом, как *quies* [покой] *quietis* [покоя (род.)]; если же он изменяет ее на *i*, как *miles* [воин] *militis* [воина], или сокращает, как *seges* [посев] *segetis* [посева (род.)], то он краток, за исключением *Ceres* [Церера], *pes* [нога] и им подобных. С исходом на *is* он краток, как *agilis* [подвижный], за исключением трех односложных: *glis* [сося],

⁴¹¹ «И тебя, великий Катон», ср. (Verg. Aen. VI 841): *Quis te, magne Cato, tacitum aut te, Cossa, relinquat?* «Кто тебя, великий Катон, или тебя, Косса, обошел бы молчанием?»

⁴¹² Ср. § 514. На конце слова *m* произносилась не как согласный звук, а как носовой призвук и обычно подвергалась элизии перед начальным гласным следующего слова, см.: Sidney A. W. *Vox Latina: A Guide to the Pronunciation of Classical Latin*. Cambridge, 1978. P. 30–31.

vis [сила], *lis* [спор]. Оканчивающийся на *os* в латинских словах краток тогда, когда родительный падеж перед конечным слогом не имеет природно долгую, как *os* [кость] *ossis* [кости (род.)]; в греческих краток тогда, когда родительный падеж оканчивается дифтонгом, как *Delos* [Делос] *τοῦ Δῆλου* [Делоса (род.)]. С исходом на *us* он краток, как *doctus* [ученый], но становится долгим, если родительный падеж приращает слогом и перед конечным слогом имеет протяженную *u*, как *virtus* [мужество]⁴¹³, и в одном несклоняемом: *pūs* [гной]. Оканчивающийся на *t* краток, как *caput* [голова]. С исходом на *s* он образуется только у двух имен: *allex* [рыбный соус], где он протяженный, и *lac* [молоко], относительно склонения которого есть сомнения. (280) Родительный падеж единственного числа растягивается тогда, когда либо подобен именительному, как *senatus* [сената (род.)], либо имеет дифтонг, как *Iuliae* [Юлии (род.)], либо оканчивается на *i*, как *docti* [ученого (род.)]; в прочих случаях сокращается. Дательный падеж единственного числа в латинских словах растягивается, как *Pompeio* [Помпею (дат.)], в греческих сокращается, если оканчивается на букву *i*, как *Palladi* [Палладе (дат.)]. Винительный падеж единственного числа в греческих словах только тогда сокращается, когда оканчивается на *a* или *on*, как *Thesea* [Тесея (вин.)], *Delon* [Делос (вин.)]; в латинских же краток, как *doctum* [ученого (род.)]. Звательный падеж единственного числа, оканчивающийся на букву *a*, во всех латинских и греческих женского рода сокращается, как *tabula* [о доска! (зват.)], *Musa* [о Муза! (зват.)]; в мужском роде долог, как *Aenea* [о Эней! (зват.)]. Оканчивающийся на *e* в латинских словах краток, как *docte* [о ученый! (зват.)], в греческих растягивается, как *Tydide* [о Тидид! (зват.)], за исключением тех, чей греческий именительный падеж оканчивается на *os*, как *Phoebus*⁴¹⁴ [Феб] *Phoebe* [о Феб! (зват.)]. Оканчивающийся на *i* в латинских словах долог, как *Mercuri* [о Меркурий! (зват.)], в греческих сокращается, как *Nai* [о Наяда! (зват.)]. Оканчивающийся на *o* в латинских словах краток, как *Cato* [о Катон! (зват.)] (хотя Вергилий считает наоборот), в греческих растягивается, как *Dido* [о Дидона! (зват.)]. Оканчивающийся на *u* сокращается, как *cornu* [о рог! (зват.)]. Тот, что завершается согласными, следует норме именительного, за исключением греческих имен, которые часто подвергаются изменению в силу различия между языками, как *Diomedes* [Диомед]⁴¹⁵. Отложительный падеж единственного числа всегда растягивается, кроме тех случаев, когда он оканчивается на *e*; это касается только имен третьего склонения, как *a pariete* [от стены (отл.)]. (281) Именительный и звательный падежи множественного числа в мужском и женском роде растягиваются, как *fluctus* [течения (им.); о течения! (зват.)], *terrae* [земли (им.); о земли! (зват.)]; в среднем роде кратки, как *fata* [судьбы; о судьбы! (зват.)]. В греческих словах

⁴¹³ Род. падеж: *virtūtis*.

⁴¹⁴ Греч. Φοῖβος.

⁴¹⁵ Им. падеж: *Diomedēs*, зват. падеж: *Diomedēs*.

они кратки, когда оканчиваются на *s* или *a*, как *rhetores* [риторы (им.); о риторы! (зват.)], *poemata* [поэмы (им.); о поэмы! (зват.)]; в прочих же долги, как *Musae* [Музы (им.); о Музы! (зват.)]. Родительный падеж множественного числа краток, как *doctorum* [ученых (род.)]; в греческих словах он долог, но только в греческом склонении, как *Philaenon* [Филенов (род.)]. Дательный и отложительный падежи множественного числа, если они оканчиваются на *is*, растягиваются, как *doctis* [ученым (дат.); от ученых (отл.)]; если на *bus*, сокращаются, как *hominibus* [людям (дат.); от людей (отл.)]; если же это греческое склонение, то дательный падеж, оканчивающийся на *in*, сокращается, как *Arcasin* [Аркадам (дат.)], в прочих случаях он долог. Винительный падеж множественного числа в именах мужского и женского рода растягивается, как *doctos* [ученых (вин.)], *Iulias* [Юлий (вин.)]; в среднем роде сокращается, как *moenia* [стены (вин.)]. В греческих же словах, если он оканчивается на *as* и происходит от родительного падежа, оканчивающегося на *os*, он сокращается, как *Arcadas* [Аркадов (вин.)], в прочих случаях растягивается, как *Musas* [Муз (вин.)].

(282) Во всех местоимениях именительный падеж единственного числа является сокращенным, за исключением двух односложных: *tu* [ты] и *qui* [который]. Родительный падеж единственного числа, произносимый с *i* и *ae* на конце, долог, как *mei* [меня (род.); моего (род.)], *meae* [моей (род.)], в иных случаях краток, как *illius* [того (род.)]. Дательный падеж единственного числа всегда протяжен, как *nostro* [нашему (дат.)], за исключением *mihi* [мне (дат.)], *tibi* [тебе (дат.)], *sibi* [себе (дат.)], в которых допускаются без различия оба варианта. Винительный падеж единственного числа сокращается, как *illum* [того (вин.)], за исключением *me* [меня (вин.)], *te* [тебя (вин.)], *se* [себя (вин.)]. Звательный падеж единственного числа не расходится с собственным именительным. Отложительный падеж единственного числа долог, как *ab illo* [от него (отл.)]. Именительный и винительный падежи множественного числа только тогда сокращаются, когда оканчиваются на *a*, как *nostra* [наши (им., ср. род); наши (вин., ср. род)]. Родительный падеж множественного числа никогда не растягивается, как *illorum* [тех (род.)]. Дательный и отложительный падежи множественного числа, оканчивающиеся на *is*, растягиваются, оканчивающиеся на *bus* сокращаются.

(283) Во всех глаголах, наклонениях, временах, числах, лицах и спряжениях действует следующее неизменное правило: всякая форма, оканчивающаяся на *a*, растягивается, как *canta* [пой!]. Оканчивающаяся на *e* краткая, как *lege* [читай!], если не происходит от второго спряжения, как *doce* [учи!], ибо тогда она долгая. Форма, оканчивающаяся на *i*, всегда растягивается, как *nutri* [корми!]. Та, что оканчивается на *o*, является сокращенной, хотя и в этом авторитетные мнения расходятся: ибо первое лицо первого спряжения Вергилий делает долгим,

как *canto quae solitus*⁴¹⁶ и *terra tibi mando*⁴¹⁷. Однако и односложные слова также следует произносить протяженно, как *do* [даю], *sto* [стою], *flo* [дую]. Форма, оканчивающаяся на *u*, растягивается <...> Та, что с исходом на *am*, краткая, как *legebam* [я читал]. Имеющая исход на *or* сокращается, как *legor* [читаюсь]. Глаголы, оканчивающиеся на букву *s*, растягиваются, если предпоследняя буква *a* или *e*, как *amas* [любишь], *doces* [учишь], за исключением односложного *es* [еси] и тех, которые получаются из него, как *ades* [присутствуешь]; если же глагол имеет *i* перед *s*, то он сокращается, как *legis* [читаешь], *legitis* [читаете], за исключением второго лица изъявительного наклонения настоящего времени единственного числа протяженного третьего спряжения⁴¹⁸, как *nutris* [кормишь], *audis* [слушаешь], и глагола *volo* [хочу]: *vis* [хочешь]; если же форма имеет *u* перед *s*, то она будет сокращенной, как *nutrimus* [кормим]. Формы, оканчивающиеся на букву *t*, являются сокращенными, как *legit* [читает]; оканчивающиеся на *s* растягиваются, как *produc* [выводи!]. Причастия, хотя и изменяются по падежам, все же расходятся с именами во всех правилах произношения.

(284) Все односложные наречия, как *huc* [сюда], и те, которые от них происходят, как *illuc* [туда], растягиваются, за исключением *bis* [дважды] и *ter* [трижды]. Те, которые оканчиваются на *a*, долгие, как *una* [вместе]. Те, которые имеют на конце *e*, растягиваются, как *docte* [учено], *pulchre* [красиво], за исключением тех, которые либо не имеют сравнительных форм, как *rite* [по обычаю], либо образуют сравнительные формы неправильно, как *bene* [хорошо] <...> *impune* [безнаказанно]. Те, которые оканчиваются на *i*, долгие, как *heri* [вчера], кроме *ibi* [там], *ubi* [где] и тех, которые сложены из них, как *sicubi* [если где-либо], а также *quasi* [как будто]. Те производные, которые оканчиваются на *o*, краткие <...>; произведенные от других растягиваются, как *falso* [ложно], хотя авторитетные мнения расходятся. Те, которые оканчиваются на *u*, долгие, как *noctu* [ночью]. Те, которые оканчиваются на *l*, должны сокращаться, как *semel* [однажды]. Те, которые оканчиваются на *m n r*, краткие, как *cursim* [бегло], *forsan* [возможно], *fortiter* [храбро]. Те, которые оканчиваются на *s*, только тогда протяженны, когда перед ней имеют *a*, как *alias* [в другой раз]. Те, которые оканчиваются на *s*, протяженные, как *illuc* [туда].

(285) У всех причастий будущего времени именительный падеж единственного числа краткий, как *lecturus* [намеревающийся читать]. Родительный и дательный единственного числа растягиваются, как *lecturi* [намеревающегося читать (род.)], *lecturo* [намеревающемуся чи-

⁴¹⁶ «Я пою то, что обычно <пел Амфион>» (Verg. ecl. II 23).

⁴¹⁷ «О земля, тебе вручаю...» (Verg. ecl. VIII 93).

⁴¹⁸ Тип с основой инфекта на *-i* теперь обычно называется четвертым спряжением глаголов.

тать (дат.)], за исключением причастия настоящего времени, которое сокращает родительный падеж, как *amantis* [любящего (род.)]. Винительный и звательный падежи, как известно, являются краткими, как *lecturum* [намеревающегося читать (вин.)], *lecture* [о намеревающийся читать! (зват.)]; отложительный единственного числа только тогда сокращается, когда оканчивается на *e*⁴¹⁹, как *amante* [от любящего (отл.)], *legente* [от читающего (отл.)]. Именительный и винительный падежи множественного числа в причастиях мужского и женского рода растягиваются, как *lecturi* [намеревающиеся читать (муж. род)], *lecturos* [намеревающихся читать (вин., муж. род)], *lecturae* [намеревающиеся читать (жен. род)], *lecturas* [намеревающихся читать (вин., жен. род)]; в среднем роде сокращаются, как *lectura* [намеревающиеся читать (им., вин., ср. род)]. Родительный падеж множественного числа краток, как *lecturorum* [намеревающихся читать (род., муж. род)]. Дательный и отложительный падежи множественного числа, оканчивающиеся на *is*, протяженны, имеющие исход на *bus* сокращаются.

(286) Соединительные, разделительные и дополнительные союзы кратки, если положение не делает их долгими. Из числа причинных и логических те, которые оканчиваются на *a*, за исключением *ita* [так] и *quia* [потому что], протяженны, как *propterea* [поэтому], *interea* [между тем]; те, которые оканчиваются на *i*, за исключением одного *nisi* [если не], растягиваются, как *si* [если]; те, которые имеют на конце *n*, если перед ней находится *i*, растягиваются, как *sin* [если же], в прочих же случаях кратки. Все прочие, как известно, являются сокращенными.

(287) Предлоги, которые имеют на конце *a*, одни отличаются протяженностью, как *contra* [против], *extra* [снаружи] и единственный односложный *a* [от]. Все предлоги, употребляемых с отложительным падежом, сокращаются, за исключением односложных, которые либо состоят из гласных, либо оканчиваются гласными, как *e* [из] и *de* [из]. Предлоги, употребляемые с двумя падежами, несомненно, являются сокращенными.

(288) Междометия долги, если они односложны, как *heus* [эй!]; если же они двусложны или трехсложны, то, поскольку они сохраняют вид частей речи, следует судить по примеру тех, которым они подобны, как *raae* [ба!].

Эти правила, как я их изложила, должны соблюдаться в конечных слогах всех частей речи, за исключением долгих по положению и дифтонгов.

⁴¹⁹ Текст, вероятно, испорчен; перевод по тексту Максима Викторина (GLK VI p. 238, 10–11): *Ablativus singularis tunc tantum corripitur, cum e fuerit terminatus.*

(289) Заполнив бегло лист слогами, далее
 Прибавим к ним слова: порядок правильный
 Таков сего предмета, разделяется
 Он надвое затем: одна пропорцией
 Зовется часть (у греков — *аналогией*);
 Потом слова, отвергнувшие правило
 (Слывят они в науке *аномальными*
 И составляют речи всей две четверти,
 Внося разлад и порчу в уст движение) –
 Все это уместим в одной лишь книжечке,
 Чтоб не был утомлен ваш слух взыскательный.

(290) Итак, аналогия, которая по-латински называется пропорцией, — это наблюдение за сходными между собою словами. Прежде всего следует сказать, что все латинские имена оканчиваются двенадцатью буквами: пятью гласными и шестью полугласными, а также единственной немой *t*, как в слове *caput* [голова].

Итак, *a*, первая из гласных, оканчивает имена мужского рода, как *Catilina* [Катилина], *Iugurtha* [Югурта], женские, как *Musa* [Муза], общие, как *advena* [пришелец], а также греческие имена женского рода, как *Helena* [Елена], *Andromacha* [Андромаха], и местоимения, как *altera* [другая], *sola* [единственная], *illa* [та]. Если от последних ты отнимешь *a* и добавишь *ius*, то получишь родительный падеж единственного числа, как мы произносим *alterius*, *solius*, *illius*; а если *i*, то дательный, как *alteri*, *soli*, *illi*. Те же, которые являются греческими среднего рода, как *poeta* [поэма], *toreuma* [резьба], имеют в обоих числах три подобных падежа⁴²⁰, в родительном единственного числа прибавляют *tis*, в дательном отбрасывают *s* и оканчивают отложительный падеж сокращенной *e*, а в дательном и отложительном множественного числа сохраняют форму родительного падежа единственного числа, хотя могут прибавлять и *bus*.

(291) Латинские имена, оканчивающиеся на сокращенную *e*, — среднего рода, как *monile* [ожерелье]. Кроме тех падежей, которые являются у них подобными⁴²¹, они объединяют дательный с отложительным, как *huic* и *ab hoc monili* [этому ожерелью (дат.), от этого ожерелья (отл.)], *sedili* [сиденью (дат.), от сиденья (отл.)]: дело в том, что отложительный, если он будет иметь исход на *e*, сделает подобными четыре падежа, чего склонение имен среднего рода не допускает. Те, которые в именительном падеже оканчиваются протяженной *e*, суть греческие имена женского рода, как *Agave* [Агава], *Autonoe* [Автоноя], и должны склоняться по греческому обычаю: именительный, дательный,

⁴²⁰ Именительный, винительный, звательный.

⁴²¹ Именительный, винительный, звательный.

звательный и отложительный падежи будут одинаковы, родительный будет оканчиваться на *s*, винительный на *n*. Те же имена, которые изменяют *e* на *a*, как *Andromache Andromacha* [Андромаха], склоняются так же, как латинские с исходом на *a*.

Латинские имена, оканчивающиеся на букву *i*, суть общего рода и однопадежные, как *frugi* [дельный], *nihili* [ничтожный]. А *gummi* [камень] и *sinapi* [горчица] — иностранные имена среднего рода и только единственного числа, при этом падежи они образуют одинаковым образом, за исключением родительного, который принимает *s*, как *gummi-s*, *sinapi-s*; впрочем, правильно будет сказать *haec gummi-s* [эта камень].

(292) Буква *o* не оканчивает никакого имени среднего рода: они или мужского рода, как *Cicero* [Цицерон], или женского, как *Iuno* [Юнона], *hirundo* [ласточка], или общие для обоих родов, как *homo* [человек]. Их склонение имеет два вида окончаний, ибо они или удерживают в косвенных падежах букву *o*, как *unio* [жемчужина] *unionis* [жемчужины (род.)], или изменяют ее на *i*, как *cupido* [желание], *crepido* [фундамент], *cupidinis* [желания (род.)], *crepidinis* [фундамента (род.)]. При этом и те, и другие прирастают на слог в косвенных падежах, кроме звательного единственного числа. Причина же того, что *caro* [мясо], а также *Anio* [Аниен] склоняются вопреки этой аналогии, заключается в привычке; в своем склонении они исключительны и не имеют подобных примеров, образуя формы *huius carnis* [этого мяса (род.)], *Anienis* [Аниена (род.)]. *Duo* [два] и *ambo* [оба], всегда стоящие во множественном числе, не должны включаться в число тех, что названы выше, ибо они склоняются по собственной привычке. Из греческих имен, которые оканчиваются на букву *o*, те, что из первоначального состояния перешли в нашу форму, как *leo* [лев], *draco* [змея], склоняются так, как *Cicero* [Цицерон], *Milo* [Милон]; те же, которые сохранили в целостности свое первоначальное состояние, как *Io* [Ио], *Ino* [Ино], склоняются по греческому обычаю и образуют в родительном падеже формы *Ius*, *Inus*, в винительном *Iun*, *Inun*, и в прочих падежах подобным же образом, хотя привычка и говорит *hanc Io* [эту Ио (вин.)]. *Turbo* [Турбон; вихрь; волчок], если это собственное имя, склоняется как *Cicero* [Цицерон]; если же ты обозначаешь им силу ветра или детскую игрушку, то оно склоняется, как *cupido* [желание].

(293) На букву *u* оканчиваются только имена среднего рода, как *cornu* [рог] и *veru* [вертел], которое во множественном числе образует форму *verua*. У древних говорилось также *spesua* [пещеры (им.)]. Относительно склонения этих имен во множественном числе сомнений не возникает: три их падежа, как и у всех имен среднего рода, являются подобными; таким же образом дательный и отложительный падежи оканчиваются на слог *us*, а родительный присоединяет к отложительному падежу единственного числа слог *um*. Вопрос возникает, однако, относительно родительного падежа единственного числа, ко-

торый иные образовывали с исходом на *us*, иные на букву *i*, а также дательного, который иные образуют с исходом на *i*, как *genui* [колену (дат.)], *cornui* [рогу (дат.)], а те, кто следует за древними, производят подобно отложительному: *huic genu* [этому колену (дат.)], *cornu* [рогу (дат.)], поскольку во множественном числе мы говорим *genibus* [коленам (дат.)], от колен (отл.) и *cornibus* [рогам (дат.)], от рогов (отл.), и с утратой последнего слога⁴²² остается дательный падеж единственного числа — так же, как происходит в формах *civibus* [гражданам (дат.)] и *suavibus* [сладким (дат.)]⁴²³. Что же касается того, что мы говорим *genibus* и *cornibus*, то буква *i* перешла на место буквы *u* точно так же, как когда мы произносим *optimus* [лучший] и *maximus* [величайший], хотя произносилось *optimus* и *maximus*. Есть некоторые, кто в родительном падеже говорит *genuis* и *cornuis*, однако родительный падеж не должен иметь больше слогов, чем дательный и отложительный. Поэтому, хотя *senatus* [сенат] и *exercitus* [войско] и относятся к другому типу, однако в родительном падеже следует говорить *genus* и *cornus* — так же, как *senatus* и *exercitus*. Кроме того, все имена и причастия, которые имеют в родительном падеже единственного числа исход на *is*, в дательном множественного числа прирастают слогом, как *Catonis* [Катона (род.)] *Catonibus* [Катонам (дат.)]: согласно этому правилу, если бы было *genuis*, *cornuis*, то с приращением слога получалось бы *genuibus*.

(294) Имена, оканчивающиеся на букву *l*, имеют две разновидности. Первая — та, к которой принадлежат имена мужского рода, как *Hannibal* [Ганнибал], *Hasdrubal* [Гасдрубал], и почти никакие другие собственные, кроме пунийских, за исключением имени *Sol* [Солнце]; а также имена женского рода, как этрусское имя *Tanaquil* [Танаквил]; и общего рода, как *vigil* [страж], *pugil* [кулачный боец]: все они имеют одинаковые формы склонения. Другая разновидность — имена среднего рода, как *mel* [мед], *fel* [желчь], которые отличаются от предыдущего склонения тем, что они односложны и удваивают букву *l* в косвенных падежах. Те, кто оканчивают слово *proconsule* [проконсул] в именительном падеже буквой *e*, принимая во внимание природу предлога *pro* [вместо] (ибо *pro* предшествует только отложительному падежу), не учитывают того, что, когда говорится *proconsul*, это произносится не как два слова, а как составное имя, как *procurator* [управляющий], *propugnator* [защитник]. И этому примеру несколько не противоречит то обстоятельство, что данные имена способны производить из себя глаголы, как *procuro* [управлять], *propugno* [сражаться] (предлог же здесь теряет свою силу⁴²⁴), а *proconsul* не образует *proconsulo*, хотя *consul*

⁴²² -bus.

⁴²³ Dat. sg. *civi*, *suavi*.

⁴²⁴ В ориг.: *nam praepositio perit*. Ср. у Кледония (GLK V p. 13, 15-16): *Praepositio, si illam non sequatur casus suus, perdit vim suam et transit in nomen* («Предлог, если за ним не следует свойственный ему падеж, теряет свою силу и переходит в имя»).

[консул] образует *consulo* [заботиться]. Однако если бы в именительном падеже говорилось *proconsule*, это слово было бы однопадежным, но надлежит согласно с привычкой говорить *proconsul*, так чтобы это слово могло склоняться подобно тем, которые оканчиваются на букву *l*, как *vigil*, *tugil* [кефаль], *pugil*: в родительном падеже множественного числа мы говорим *tugilum* и *pugilum*, ибо если именительный падеж был бы *tugilis*, как *agilis*, то он давал бы *tugilium*, как *agilium*.

(295) На букву *m* тоже оканчиваются имена среднего рода. При этом обратим внимание, что те, которые имеют в именительном падеже перед последним слогом *i*, в родительном падеже единственного числа, а также в дательном и отложительном множественного, должны ее удваивать, как *lilium* [лилия], *folium* [лист], так как родительный падеж имеет или столько же слогов, сколько именительный, как *scamnum* [скамья] *scamni* [скамьи (род.)], или больше, как *caput* [голова] *capitis* [головы (род.)], меньше же никогда. Кроме того, дательный падеж, оканчивающийся на букву *o*, превращает ее в *i*, как *scamno* [скамье (дат.)] *scamni* [скамьи (род.)]. Впрочем, привычка и авторитет древних отдавали предпочтение произношению в три слога: *ingeni* [дарования (род.)], *consili* [совета (род.)] и *imperi* [власти (род.)]⁴²⁵. Возникает вопрос, следует ли произносить *vas* [сосуд] или *vasum*, так как все имена среднего рода, которые не оканчиваются в именительном падеже на букву *m*, если они принимают формы множественного числа, в дательном и отложительном падежах имеют исход на *bus*: *monile* [ожерелье] *monilibus* [ожерельям (дат.), от ожерельев (отл.)], *genu* [колени] *genibus* [коленам (дат.), от колен (отл.)], *pecus* [скот] *pecoribus* [скотам (дат.), от скотов (отл.)], *nomen* [имя] *nomnibus* [именам (дат.), от имен (отл.)], *marmor* [мрамор] *marmoribus* [мраморам (дат.), от мраморов (отл.)]. По этому правилу *vas* должно было бы образовывать форму *vasibus*, а в родительном падеже *horum vasum* [этих сосудов (род.)], так как все имена среднего рода единственного числа, которые в отложительном падеже оканчиваются на букву *e*, имеют родительный множественного числа с таким же количеством слогов, что и в отложительном единственного, как *a nemore* [от рощи (отл.)] *nemorum* [рощ (род.)], *capite* [от головы (отл.)] *capitum* [голов (род.)]. Однако данное имя склоняется аномальным образом, и в именительном падеже единственного числа будет *vas*, в родительном *vasis*, в дательном *vasi*, в отложительном *a vasi*; во множественном же числе оно будет склоняться так же, как *scamna* [скамьи]. Впрочем, у Лукреция в родительном падеже *vasi*: *rarique facit lateramina vasi*⁴²⁶.

(296) На букву *n* оканчиваются имена мужского рода, как *flamen* [фламин], *pecten* [гребень]; общие для двух родов, как *tibicen* [флей-

⁴²⁵ Вместо *ingenii*, *consilii*, *imperii*.

⁴²⁶ «Делает редкими стенки сосуда». Ср.: *rarique facit lateramina vasis* (Lucret. VI 233 ed. Martin 1969).

тист], *fidicen* [лирник] (с чем весьма многие авторы не соглашаются, ибо они говорят *tibicinam* [флейтистку (вин.)] и *fidicinam* [лирницу (вин.)]⁴²⁷); а также среднего, как *omen* [знамение], *flumen* [река]: все они склоняются по очевидному типу склонения одинаковым образом. Им подобен также *gluten* [клей], хотя Саллюстий и говорил *glutinum*; в некотором смысле подобным кажется и слово *femina* [бедро]⁴²⁸. Другую разновидность составляют слова мужского рода, которые сохраняют букву *e* перед конечной *n*, как *lien* [селезенка], *rien* [почка (орган)]: в остальном они, впрочем, склоняются так же, как и предыдущие. *Ren* [почка (орган)]⁴²⁹ есть именительный падеж единственного числа, и никакая другая форма, за исключением отложительного падежа, не употребляется. Греческие имена, которые оканчиваются на *n*, имеют предшествующие буквы *a e i o*, как *Alcman* [Алкман], *Cephen* [кефен], *delphin* [дельфин], *Phaethon* [Фазтон]. Те из них, которые оканчиваются на *an*, *en* и *in*, склоняются по образцу предыдущих, как *fulmen* [молния], *numen* [мановение], *fidicen* [лирник]; те же, которые оканчиваются на *on*, в случае если по-гречески они склоняются с протяженной *o*, как *Cleon* [Клеон], растягивают эту же букву и у нас, как *Cicero* [Цицерон], *Scipio* [Сципион]; те же, которые при протяженности именительного падежа в остальных формах сокращаются, как *Amphton* [Амфион], *Creon* [Креон], *Agamemnon* [Агамемнон], отбрасывают у нас в именительном падеже букву *n* и будут уподобляться тем латинским именам, которые при изменении падежей произносятся с краткой гласной, как *virgo* [дева], *turbo* [вихрь]. Те, которые у греков принимают букву *t*, будут иметь ее также и у нас, как *Phaethon* [Фазтон] *Phaethontos* [Фазтона (род.)].

(297) Имен, оканчивающихся на *r* с предшествующей *a*, как *Caesar* [Цезарь], *lar* [лар], *far* [хлеб], *par* [равный], *impar* [неравный], существует один вид, с тем исключением, что средний род в остальных падежах удваивает букву *r*, как *far* [хлеб] *farris* [хлеба (род.)]. При этом поэтическая вольность употребляет эти имена и во множественном числе, несмотря на то, что все имена, которые мы оцениваем с точки зрения веса и меры, не принимают множественного числа, как *aurum* [золото], *plumbum* [свинец], *triticum* [пшеница], *oleum* [оливковое масло]. <...> Следовательно, неправы те, кто произносят *parium* [равных (род.)], так как имена эти во множественном числе трехпадежны, как *hi Caesares* [эти Цезари], *hos Caesares* [этих Цезарей (вин.)], *o Caesares* [о Цезари! (зват.)], а винительный падеж не может иметь *i* перед *e*, если

⁴²⁷ Что предполагает начальные формы женского род *tibicina* [флейтистка] и *fidicina* [лирница].

⁴²⁸ Начальная форма *femur* [бедро].

⁴²⁹ *Ren* — один из вариантов рукописного чтения; большая часть рукописей дает бессмысленное *reoreo*. Дж. Уиллис считает это место безнадежно испорченным.

родительный имеет перед *u* r^{430} . Однако те, кто говорит *parium*, как кажется, принимают во внимание именительный падеж множественного числа среднего рода и, поскольку *paria* [равные (им.; ср. род)] производится как *suavia* [сладкие (им.; ср. род)], они образуют *parium* [равных (род.)] как *suavium* [сладких (род.)].

(298) Имен, оканчивающихся на *r* с предшествующей *e*, существует шесть разновидностей. Первая — та, которая в родительном падеже не допускает никакого приращения и оканчивается на букву *i*, как *aper* [вепрь], *niger* [черный], *macer* [худой], *apri* [вепря (род.)], *nigri* [черного (род.)], *macri* [худого (род.)]. Вторая — как *tener* [нежный], *lacer* [растерзанный], *puer* [мальчик], *teneri* [нежного (род.)], *laceri* [растерзанного (род.)], *pueri* [мальчика (род.)]. Третья — как *imber* [ливень], *uter* [бурдюк]: она отличается от предыдущих тем, что в родительном падеже она присоединяет букву *s*, в дательном оканчивается на *i*, не имеет приращения подобно второй разновидности, и в родительном падеже множественного числа оканчивается буквами *ium*. Четвертая — как *mater* [мать], *pater* [отец], *frater* [брат]: в дательном падеже множественного числа она образует форму не как вторая разновидность, *apris*, но *fratribus*, не прирастает слогом подобно второй и в родительном падеже множественного числа имеет слог *um*: ибо мы говорим *patrum*, *fratrum*, а не как в третьей *utrium*, *imbrium*. Кроме того, она имеет три подобных падежа: *hi patres* [эти отцы], *hos patres* [этих отцов (вин.)], *o patres* [о отцы! (зват.)], в то время как *imber* и *uter* образуют формы *hos imbris* [эти ливни (вин.)] и *utris* [бурдюки (вин.)]. Пятая разновидность — как *passer* [воробей], *anser* [гусь], *later* [кирпич], *mulier* [женщина], которые отличаются от второй разновидности тем, что те, имея приращение слога, оканчиваются на букву *i*, как *gener* [зять] *generi* [зятя (род.)], а эти имеют исход на *s*, как *passer* [воробей] *passeris* [воробья (род.)], а также и в прочем расходятся. Имена среднего рода *pipper* [перец] и *cicer* [горох] относятся к пятой разновидности, ибо в единственном числе они склоняются так же, как *passer*, а за его пределы никогда не выходят. Шестая разновидность — как *neuter* [ни тот ни другой], *uter* [который из двух]: они образуют формы *neutrius* [ни того ни другого (род.)], *utrius* [которого из двух (род.)] и склоняются как прочие местоимения, которые имеют формы родительного падежа на буквы *ius*, а дательного на *i*, причем эти формы родительного и дательного падежа у них общие с другими родами, то есть с женским и средним.

Имен, оканчивающихся на *r* с предшествующей *i*, существует только одна разновидность: *vir* [муж]. Имен, оканчивающихся на *r* с предшествующей *o*, есть две разновидности. Одни — это те, которые в косвенных падежах растягиваются, как *sopor* [сон] *soporis* [сна (род.)], *col-*

⁴³⁰ Таким образом, в Gen. pl. следует говорить *parum*.

or [цвет] *coloris* [цвета (род.)]; другие сокращаются, как *arbor* [дерево] *arboris* [дерева (род.)], но склоняются они одинаковым образом. Родительные падежи *Castoris* [Кастора (род.)] и *Hectoris* [Гектора (род.)] древние растягивали, но мы сокращаем, поскольку греки родительные падежи этих имен сокращают. Имен, оканчивающихся на *r* с предшествующей *u*, есть две разновидности. Первая — как *satur* [сытый], которая в родительном падеже оканчивается на *i*, как *saturi*; вторая — те, чей родительный падеж имеет исход на буквы *is*, как *sulphur* [сера] *sulphuris* [серы (род.)], *augur* [авгур] *auguris* [авгура (род.)]. Имена же среднего рода, оканчивающиеся буквами *ur*, одни удерживают букву *u*, как *sulphur sulphuris*, другие изменяют, как *ebur* [слоновая кость] *eboris* [слоновой кости (род.)].

(299) Имен, оканчивающихся на букву *s*, существует восемь видов, ибо ей предшествует либо буква *a*, как *Maecenas* [Меценат], *civitas* [государство]; либо *e*, как *verres* [кабан], *moles* [громада]; либо *i*, как *panis* [хлеб]; либо *o*, как *custos* [страж], *nepos* [внук]; иногда *u*, как *vetus* [старый], *Ligus* [лигуриец]; иногда *r*, как *iners* [бездеятельный]; иногда *n*, как *serpens* [змея]; иногда *p*, как *praiceps* [стремительный]. При этом на букву *s* с предшествующей *a* существуют две разновидности. Первая — как *Maecenas* [Меценат], *Laenas* [Ленат]. Вторая — как *nostras* [отечественный], *Privernas* [привернский]: они отличаются от предыдущих тем, что являются общими для всех родов и должны присоединять в родительном падеже множественного числа букву *i*, которая обычна для имен среднего рода в именительном, винительном и звательном падежах множественного числа. Таким образом, мы говорим *nostratium* [отечественных (род.)], *Privernatium* [привернских (род.)], потому что существуют формы *haec nostratia* [эти отечественные (им., вин., зват.; ср. род)], *Privernatia* [привернские (им., вин., зват.; ср. род)]; но также говорим *praegnatum* [беременных (род.)] и *optimatum* [знатнейших (род.)], потому что винительный падеж множественного числа имеет букву *i*, как *hos* и *has optimatis* [этих знатнейших (вин.; муж. и жен. род)] и *has praegnatis* [этих беременных (вин.; жен. род)]. Впрочем, древние говорили *praegnatum* и *optimatum*. *Praegnas* [беременная] — это имя женского или среднего рода. *As* [acc] и *mas* [мужчина], будучи односложными, не подчиняются аналогии, но согласно некоему собственному склонению образуют формы *assis* [асса (род.)] и *maris* [мужчины (род.)], а во множественном числе *assium* [ассов (род.)] и *marium* [мужчин (род.)]. *Fas* [дозволенное] и *nefas* [недозволенное] являются беспадажными именами.

(300) Греческие имена, которые имеют у нас исход на *as*, имеют три разновидности. Первая — как *Olympias* [Олимпиада], *Pythias* [Пифида]: она образует формы *Olympiadis* [Олимпиады (род.)], *Pythiadis* [Пифиады (род.)]. Вторая — как *Pallas* [Паллант], *Thoas* [Тоант], *Atlas* [Атлант]: она образует формы *Pallantis* [Палланта (род.)], *Thoantis* [То-

анта (род.), *Atlantis* [Атланта (род.)]. Третья — как *Aeneas* [Эней], *Pythagoras* [Пифагор], *Lichas* [Лихас]: она образует формы *Aeneae* [Энея (род.)], *Pythagorae* [Пифагора (род.)], *Lichae* [Лихаса (род.)] подобно тем именам, которые по нашему правилу имеют в родительном падеже исход на *ae*, с именительным на *a*, как *Catiliae* [Катилины (род.)] *Catilina* [Катилина]. Однако эти имена греческие, поэтому в именительном падеже они удерживают букву *s*. Некоторые, однако, теряют в именительном падеже букву *s*, как *Nicia* [Никий], *Mela* [Мела]: следовательно, в этих формах именительного падежа нужно следовать привычке.

(301) Имен, оканчивающихся на *s* с предшествующей *e*, существует пять разновидностей. Первая — те, чьи именительный, винительный и звательный падежи множественного числа подобны, а родительный падеж множественного числа имеет исход на *um*, как *Hercules* [Геркулес], *proles* [отпрыск], *Herculum* [Геркулесов (род.)], *prolum* [отпрысков (род.)]. Вторая разновидность отличается от предыдущей тем, что требует родительного падежа множественного числа на *ium*, винительного на *is*, как *nubes* [облако], *rupes* [скала], *cautes* [утес]; в этом типе нет имен мужского рода. Третья — это те имена, которые, хотя и имеют между собой некоторые различия в склонении, однако объединяются в одну разновидность, будучи равны в том, что содержат слоговое приращение в косвенных падежах, как *Ceres* [Церера], *bipes* [двуногий], *merces* [плата]; примеров же мужского рода не существует, кроме греческих, как *Chremes* [Хремет], *Laches* [Лахет]. Четвертая разновидность отличается от предшествующей тем, что в косвенных падежах требует изменения *e* в *i*, в то время как предыдущая сохраняет букву *e* — по той причине, очевидно, что эти имена, в отличие от предыдущих, не растягивают в именительном падеже *e*, а сокращают, как *hospes* [гость], *antistes* [старшина], *ales* [птица], *comes* [спутник]. Пятая разновидность отличается от предыдущей тем, что имеет в увеличенном на слог родительном падеже окончание *i* (он же будет считаться и дательным), исход на *em* в винительном падеже и на протяженную *e* в отложительном, который при прибавлении слога *rum* образует родительный падеж множественного числа. Именительный падеж этого же числа она объединяет с исходной формой и звательным падежом единственного числа, а дательный и отложительный оканчивает слогом *bus*, как *facies* [внешность], *dies* [день], *spes* [надежда], *acies* [острие]. При этом привычка сократила формы *rei* [предмета (род.), предмету (дат.)] и *spei* [надежды (род.), надежде (дат.)]⁴³¹ — возможно, потому, что эти имена односложные.

(302) Из имен, оканчивающихся на *s* с предшествующей *i*, одни прирастают в косвенных падежах, другие удерживают меру начальной

⁴³¹ По свидетельству Проба, обе эти формы произносились с кратким *e* (GLK IV p. 28, 11–14; p. 32, 1–5).

формы, по крайней мере в единственном числе. Итак, тех, которые не прирастают, существуют две разновидности. Первая — это имена мужского рода, как *scrobis* [яма], *tensis* [месяц] (хотя Лукан и говорит: *exigua scrobis*⁴³²), женского <...> и общего, как *canis* [собака], *iuvenis* [молодой], склонение которых ясно. Вторая разновидность отличается от предыдущей тем, что оканчивает отложительный падеж на букву *i*, а винительный на *im*, как два только имени мужского рода: *Ligeris* [Лигер], *Tiberis* [Тибр], женского же *clavis* [ключ], *pelvis* [таз], *turris* [башня], *sitis* [жажда], *tussis* [кашель]. Такое правило склонения становится очевидным благодаря уменьшительной форме, которая во всех этих именах произносится с протяженной *i*. Поэтому всякий раз, когда мы сомневаемся о произношении имени, следует обращаться к его уменьшительной форме. Тех, которые прирастают слогом, существует две разновидности. Одна из них сокращает букву *i*: к этой разновидности принадлежат имена мужского рода, *sanguis* [кровь], *pulvis* [пыль], *lapis* [камень], женского, *cuspis* [острие], *cassis* [шлем], и не имеет значения, что одни из них при склонении сохраняют *i*, в других она переходит в *e*, а также что одни оканчиваются в родительном падеже на слог *dis*, другие на *ris*. Другая разновидность растягивает букву *i* в именительном падеже, как *glis* [соня], *lis* [ссора], *Samnis* [самнит], сохраняя ее также и в косвенных падежах, а в родительном падеже множественного числа мы произносим *i* перед *um*: *glirium*, *litium*, *Samnitium*, а не как в предыдущих: *lapidum*, *cuspidum*, *cassidum*.

(303) Имена, оканчивающиеся на *s* с предшествующей *o*, хотя между ними и имеется небольшое различие, могут быть отнесены к одной разновидности. Хотя все они и прирастают на слог в косвенных падежах, но они различаются тем, что некоторые в родительном падеже превращают букву *s* в *t*, некоторые в *d*, некоторые в *r*, как *nepos* [внук] *nepotis* [внука (род.)], *custos* [страж] *custodis* [стража (род.)]. Односложные имена мужского рода, как *flos* [цветок] *floris* [цветка (род.)], *ros* [роса] *roris* [росы (род.)], а также среднего: *os* [рот] *oris* [рта (род.)]. В слове *ossa* [кости] привычка образует именительный падеж *os* [кость] вопреки правилу, так как оно не имеет *r* в родительном падеже. Однако нельзя сказать и *ossum*⁴³³, потому что имена среднего рода, которые оканчиваются в именительном падеже на *m*, не принимают слога *bus* во множественном числе. Следовательно, аналогия в односложном слове не соблюдается.

(304) Имен, оканчивающихся на *s* с предшествующей *i*, существует шесть разновидностей. В первой родительный падеж оканчивается на простую *i*, звательный на *e*, как *Marcus* [Марк], *Sextus* [Секст], родительный как *Marci*, *Sexti*, звательный как *Marce*, *Sexte*. Вторая разно-

⁴³² «Неглубокая яма» (Lucan. VIII 756).

⁴³³ В именительном падеже вместо *os*.

видность отличается от предыдущей в том, что в родительном падеже она удваивает *i* и в звательном оканчивается на *i*, как *Antonius* [Антоний], *Iulius* [Юлий] образуют формы *huius Antonii* [этого Антония (род.)], *Iulii* [Юлия (род.)] и *o Antoni* [о Антоний! (зват.)], *Iuli* [о Юлий (зват.)]; в остальных формах она совпадает с предыдущей. Третья разновидность объединяет именительный падеж со звательным и в родительном падеже сохраняет те же буквы, но в протяженном произношении, в дательном оканчивается на *u* и *i*, в отложительном на *u*, в винительном на *um*, как *senatus* [сенат], *fluctus* [течение], *exercitus* [войско], которые во множественном числе образуют протяженный именительный, а также винительный и звательный падежи на *us*, родительный на *uum*, дательный и отложительный на слог *bus*. Четвертая разновидность принимает в косвенных падежах приращение слога, однако таким образом, что имена эти имеют между собой некоторое различие. Ибо некоторые удерживают *u*, иногда сокращенную, иногда протяженную, как *Ligus* [лигуриец] *Liguris* [лигурийца (род.)], *palus* [болото] *paludis* [болота (род.)], *virtus* [мужество] *virtutis* [мужества (род.)]; некоторые эту же букву *u* меняют на *e*, как *vetus* [старый] *veteris* [старого (род.)], *Venus* [Венера] *Veneris* [Венеры (род.)], некоторые на *o*, как *nemus* [роща] *nemoris* [рощи (род.)]; все они, впрочем, склоняются одинаковым образом. *Laus* [хвала] и *fraus* [обман], хотя и являются односложными и имеют две соединенные гласные, относятся к этой же разновидности, так как подобным же образом прирастают слогом. Пятая разновидность — это местоимения, которые оканчиваются на *us*, как *unus* [один], *solus* [единственный], *totus* [целый]; они склоняются следующим образом: *unus* [один], *unius* [одного (род.)], *uni* [одному (дат.)], *unum* [одного (вин.)], *unus* [о один! (зват.)], *ab uno* [от одного (отл.)], *uni* [одни], *unorum* [одних (род.)], *unis* [одним (дат.)], *unos* [одних (вин.)], *uni* [о одни! (зват.)], *ab unis* [от одних (отл.)]. Шестая — на *eus*, как *hinnuleus* [молодой олень], *eculeus* [жеребенок]; в звательном падеже они произносятся с удвоенной буквой *e*, как *eculee*, *hinnulee*, однако некоторые предпочитают произносить их с греческим звательным падежом на *eu*, как *Tydeu* [о Тидей! (зват.)].

(305) Имена среднего рода, оканчивающиеся на *s* в предшествующей *i*, являются однопадежными, как *tressis* [три асса], *sexis* [шестерка]. Имен⁴³⁴, оканчивающихся на *s* с предшествующей *u*, есть две разновидности. Первая — та, которая имеет родительный падеж с исходом на *i* и не имеет множественного числа, как *vulgus* [народ], *pelagus* [море]; от слова *virus* [яд] Лукреций употребляет форму *virī* [яда (род.)]⁴³⁵, хотя лучше оставить его несклоняемым. Ко второй разновидности относятся те, которые прирастают в косвенных падежах и в родительном падеже единственного числа имеют исход на *ris*, как *genus* [род],

⁴³⁴ Среднего рода.

⁴³⁵ Lucr. II 476.

nemus [роща]. Некоторые из них меняют *u* на *e*, как *olus* [овощ] *oleris* [овоща (род.)], *ulcus* [язва] *ulceris* [язвы (род.)], некоторые на *o*, как *nemus* [роща] *nemoris* [рощи (род.)], *pecus* [скот] *pecoris* [скота (род.)]. Относительно *fenus* [прибыль] и *stercus* [навоз] возникают сомнения, должны ли они менять *e* на *e* или на *o*. Дело в том, что, имена, которые оканчиваются на *nus*, меняют *u* на *e*, как *vulnus* [рана], *genus* [род], *funus* [погребение]; к тому же мы говорим *generatus* [отданный под процент]. Пример слова *penus* [продовольственные припасы] не должен этому препятствовать, так как его следует отнести к роду сомнительных. Точно так же древние говорили о полях *stercerati* [унавоженные], а не *stercorati*⁴³⁶.

(306) Имена, оканчивающиеся на *s* с предшествующими *n* или *r*, все одного вида, разве что некоторые имеют перед *s* *r*. Иногда они присоединяют *d*, как *socors* [беспечный] *socordis* [беспечного (род.)], иногда *t*, как *sollers* [искусный], *iners* [бездеятельный]. Также и во множественном числе они во всех падежах склоняются одинаково, за исключением родительного и винительного. Ибо некоторые имеют исход на *um* в родительном падеже, в винительном на *es*, как *Mars* [Марс], *Arruns* [Аррунт]; некоторые на *ium*, как *sapiens* [разумный], *patiens* [терпеливый], и оттого их винительный падеж имеет исход на *is*. Большинство из них являются именами общими для трех родов, и букву *i*, которую имена среднего рода имеют в именительном падеже множественного числа, последние передают также родительному падежу прочих родов, с которыми они являются общими.

(307) Буквой *t* оканчиваются лишь некоторые немногочисленные имена среднего рода, как *git* [чернушка], которое не склоняется, а также *caput* [голова] и *sinciput* [полголовы]. Некоторые, когда говорят *lac* [молоко], прибавляют *t* из-за того, что это слово образует форму *lactis* [молока (род.)], однако Вергилий говорит: *lac mihi non aestate novum non frigore defit*⁴³⁷, ибо никакие имена у нас не имеют исхода на две ные, оттого и древние говорили в именительном падеже *lacte*.

(308) Из имен, оканчивающихся на *x*, некоторые (включая все общего рода) имеют в родительном падеже множественного числа исход на *ium* и поэтому в винительном на *i* и *s*; большинство же в родительном имеют исход на *u* и *m* без предшествующей *i* и поэтому в винительном на *e* и *s*. В остальных же формах они совпадают, ибо в единственном числе все имеют в именительном падеже *x*, родительный с исходом на *i* и *s*, дательный оканчивают на букву *i*, отложительный на *e* и прибавлением *m* завершают и дополняют винительный падеж,

⁴³⁶ Перевод этой фразы — по тексту А. Коппа и Ф. Эйзенхардта.

⁴³⁷ «Нет в парном молоке ни в зной недостатка, ни в стужу», пер. С. В. Шервинского (Verg. ecl. II 22).

во множественном же числе оканчивают дательный и отложительный падежи слогом *bus*. Что же касается других форм, в которых они расходятся, то древние говорили *atrosicum* [ужасных (род.)] и *ferosicum* [отважных (род.)]: таким образом должно быть очевидно, что все имена, оканчивающиеся на букву *x*, относятся к одной разновидности. Этой букве *x* предшествуют все гласные, как в *sarax* [вместительный], *frutex* [куст], *pernix* [проворный], *atrox* [ужасный], *redux* [возвращающийся]. Из этих имен некоторые в именительном падеже растягиваются, некоторые сокращаются; некоторые сходны в именительном падеже, но расходятся в косвенных. Так, *fax* [факел] и *rapax* [хищный], а также *rex* [царь] и *pumex* [пемза], а также *nux* [орех] и *lux* [свет] различаются в начальной форме; а *nix* [снег] и *nutrix* [кормилица], а также *nox* [ночь] и *atrox* [ужасный] сходны в начальной форме, но различаются в косвенных⁴³⁸. Следует обратить внимание и на то, что некоторые из них заставляют букву *x* при склонении изменяться на *g*, а некоторые на *s*: так, *lex* [закон] образует форму *legis* [закона (род.)], *grex* [стадо] *gregis* [стада (род.)], но *pix* [смола] *picis* [смолы (род.)], *nux* [орех] *nucis* [ореха (род.)], однако в тех именах, которые не являются односложными, не бывает так, чтобы буква *x* не превращалась в родительном падеже в *s*, как в *frutex* [куст] *fruticis* [куста (род.)], *ferox* [отважный] *ferocis* [отважного (род.)]. В то же время *supellex* [утварь], *senex* [старик] и *nix* [снег], пользуясь неким исключительным правом, склоняются вопреки этому закону. Так, *supellex* [утварь] прирастает двумя слогами, что запрещается правилом; *senex* [старик] как в именительном, так и в родительном падеже остается двусложным, хотя все имена, оканчивающиеся на букву *x*, прирастают; *nix* [снег] не обращается ни в *s*, как *pix* [смола], ни в *g*, как *rex* [царь], а в *v*, хотя согласная не может переходить в гласную⁴³⁹.

Различные виды родительного падежа множественного числа образуются в зависимости от отложительного падежа единственного числа: если отложительный оканчивается на *a* или *o*, он имеет исход на *rum*, если на сокращенную *e* — на *um*, если на протяженную — на *rum*, если оканчивается на *i* — на *ium*, если оканчивается на *u* — на *uum*. Дательный и отложительный падежи множественного числа имеют исход либо на *is*, либо на *bus*, согласно общеизвестным школьным правилам. При этом всякий раз, когда они имеют исход на *is*, они оканчиваются долгим слогом, когда на *bus* — кратким.

(309) Перечислив правила, касающиеся имен, справедливо будет прибавить к ним и законы, относящиеся к глаголам. Залогов у глагола пять: действительный, страдательный, средний, общий и отложитель-

⁴³⁸ В словах *fax*, *pumex*, *nux*, *nix*, *nox* последний гласный основы во всех формах краток; в *rapax*, *rex*, *lux*, *nutrix*, *atrox* он, напротив, долгот.

⁴³⁹ См. прим. 365.

ный. Действительный — это тот, который оканчивается на *o* и имеет значение действия, как *lego* [читаю], *scribo* [пишу]; страдательный — на *r* и указывает на значение претерпевающего; средний — на *o* и не имеет полного значения ни действующего, ни претерпевающего, как *sudo* [потею], *dormio* [сплю], ибо непонятно, действует ли кто-то или претерпевает. Общий и отложительный оканчиваются на *r*, однако различие в том, что у общего есть два значения: действующего и претерпевающего, ибо когда мы говорим *osculator* [целую; получаю поцелуй], неизвестно: *osculator te* [целую тебя] или *osculator a te* [получаю поцелуй от тебя]. В отложительном же есть выражение либо действующего, как *luctor* [борюсь], либо претерпевающего, как *morior* [умираю]. Также есть безличный, как *sudatur* [потеется], *curritur* [бежится], который называют так потому, что он, хотя и заключает в себе все лица, не имеет никакого определенного.

(310) Наклонений у глагола пять; иные, однако, называли шесть, иные семь, иные восемь, иные девять, немногие — десять. Те, кто называют пять, перечисляют следующие: изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное и неопределенное, которое мы также называем постоянным. Те, кто упоминают шесть, добавляют предсказательное; те, кто семь — безличное; те, кто восемь — вопросительное; те, кто девять — подчинительное, отделяя его от сослагательного; те, кто десять, прибавляют к списку также побудительное; впрочем, правильное рассуждение не допускает этих излишних добавлений.

(311) Спряжений, которые греки именуют συζυγίαί, без сомнения, существует три; и в глаголах действительного и среднего залога они проявляются во втором лице настоящего времени. Всякий раз, когда последний слог оканчивается на *as* — это первое спряжение, на *es* — второе, на *is* — третье, как *cantas* [поешь], *vides* [видишь], *audis* [слышишь], если это третье протяженное спряжение, если же оно сокращенное, то *curris* [бежишь]. Глаголы всех этих спряжений в начальной форме перед последней буквой допускают только три гласные: *e i u*, как *sedeo* [сажу], *lanio* [терзаю], *irruo* [врываюсь], согласные же любые, за исключением *f*, *k* и *q*, как *libo* [совершаю возлияние], *vaco* [пустую], *cado* [падаю], *lego* [читаю], *traho* [тащу], *impello* [толкаю], *amo* [люблю], *cano* [пою], *scalpo* [царапаю], *curro* [бегу], *lasso* [утомляю], *peto* [стремлюсь], *nexo* [сплетаю]. К ним добавляются *i* и *v*, помещенные в позицию согласных, как *aio* [говорю], *adiuvo* [помогаю]. Однако не исключается и *f*, ибо мы говорим *triumfo* [справляю триумф], хотя это слово происходит от греков и должно скорее писаться через *p* и *h*. Кроме того, у глагола, которое мы произносим как *faris* [возвещаешь] и *fatur* [возвещает], первым лицом считают *for* [возвещаю]. Также и по поводу буквы *q* есть сомнения, ибо мы говорим *eliquo* [цежу] и *aequo* [равняю], а в такого рода глаголах буква *u* не имеет ни значения гласной, как в *irruo* [врываюсь], ни согласной, как в *adiuvo* [помогаю].

(312) У всех этих спряжений с точки зрения образования их форм существуют тридцать шесть разновидностей, за исключением неостаточных, безличных и начинательных. Глаголы первого спряжения, которые оканчиваются на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной или же с какой угодно предыдущей гласной, имеют четыре разновидности. Глаголы второго спряжения имеют семь разновидностей. Глаголы третьего сокращенного склонения имеют двадцать разновидностей. Так, все глаголы, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *io*, имеют шесть разновидностей; глаголы на *io* имеют две разновидности; те, которые оканчиваются на букву *o* без какой-либо предшествующей гласной, имеют двенадцать разновидностей. Глаголы третьего протяженного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *io*, имеют пять разновидностей. Таким образом, все глаголы каких угодно спряжений, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на букву *o* либо без какой-либо предшествующей гласной, либо с какой угодно предшествующей, входят с точки зрения образования их форм в число этих разновидностей, о каждой из которых я скажу отдельно.

(313) Глаголы первого спряжения в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются либо на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной, как *amo* [люблю], *canto* [пою]; либо на *eo*, как *comteo* [хожу], *calceo* [обуваю]; либо на *io*, как *lanio* [терзаю], *satio* [насыщаю]; либо на *uo*, как *aestuo* [пылаю], *continuo* [продолжаю]. Во втором лице повелительного наклонения настоящего времени глаголы первого спряжения оканчиваются на протяженную букву *a*, как *amo* [люблю] *ama* [люби!], *canto* [пою] *canta* [пой!]. В неопределенном наклонении они оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *re* с сохранением протяженности, как *ama* [люби!] *amare* [любить], *canta* [пой!] *cantare* [петь]. Глаголы, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на букву *o* с предшествующей гласной, в изъявительном наклонении прошедшего времени совершенного вида оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *vi* с сохранением протяженности, как *comteo* [хожу] *comtea* [ходи!] *comteavi* [я ходил], *lanio* [терзаю] *lania* [терзай!] *laniavi* [я терзал], *aestuo* [пылаю] *aestua* [пылай!] *aestuavi* [я пылал]. В том же наклонении и том же времени начинательного вида они оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bam*, как *comtea* [ходи!] *comteabam* [я ходил], *lania* [терзай!] *laniabam* [я терзал], *aestua* [пылай!] *aestuabam* [я пылал]. В том же наклонении и том же времени вспоминательного вида первое спряжение завершает свою форму прибавленными к повелительному наклонению слогами *veram*, как *comtea* [ходи!] *comteaveram* [я прежде ходил], *lania* [терзай!] *laniaveram* [я прежде терзал], *aestua*

[пылай!] *aestuaveram* [я прежде пылал]. В том же наклонении будущем времени глаголы первого спряжения оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bo*, как *commea* [ходи!] *commeabo* [буду ходить], *lania* [терзай!] *laniabo* [буду терзать], *aestua* [пылай!] *aestuabo* [буду пылать]. (314) Те глаголы, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной, в изъявительном наклонении прошедшем времени совершенного и законченного вида⁴⁴⁰ произносятся четырьмя способами. Первый подчиняется такому же правилу, что и глаголы, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени имеют предпоследнюю гласную, как *amo* [люблю] *ama* [люби!] *amavi* [я любил] *amabam* [я любил] *amaveram* [я прежде любил] *amabo* [буду любить] *amare* [любить]. Второй — тот, который превращает *o* в *i* и растягивает предпоследнюю гласную в завершенном прошедшем и третью с конца в предпрошедшем, как *adiuvo* [помогаю] *adiuvi* [я помогал] *adiuveram* [я прежде помогал]. Третий способ сходен с первым, но отличается удалением буквы *a*, *seco* [режу] *seca* [режь!] *secabam* [я резал] *secabo* [буду резать] *secare* [резать]: в совершенном виде он образует форму *secui* [я резал], в законченном — *secueram* [я прежде резал]. Четвертый — тот, который произносится с удвоением слога, как *sto* [стою] *sta* [стой!] *steti* [я стоял] *stabam* [я стоял] *steteram* [я прежде стоял] *stabo* [буду стоять] *stare* [стоять]; подобный ему *do* [даю] *da* [давай!] *dedi* [я давал] *dabam* [я давал] *dederam* [я прежде давал] *dabo* [буду давать] *dare* [давать] произносится вопреки правилу с сокращенной буквой *a* в формах *dabam* [я давал], *dabo* [буду давать], *dare* [давать].

(315) Глаголы второго спряжения в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *eo*, как *video* [вижу] *vides* [видишь], *monedo* [увещаваю] *mones* [увещаешь]. Во втором лице повелительного наклонения настоящего времени глаголы второго спряжения оканчиваются на протяженную букву *e*, как *video* [вижу] *vide* [виждь!], *monedo* [увещаваю] *monere* [увещай!]. В неопределенном наклонении глаголы второго спряжения оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *re* с сохранением протяженности, как *vide* [виждь!] *videre* [видеть], *monere* [увещать]. В изъявительном наклонении прошедшем времени совершенного и законченного вида глаголы второго спряжения образуют формы семью способами. Первый — тот, который сохраняет правильную форму: эта разновидность имеет место тогда, когда глагол второго спряжения в изъявительном наклонении прошедшем совершенном времени оканчивается прибавленным к повелительному наклонению слогом *vi* с сохранением протяженности, как *deleo* [уничтожаю] *dele* [уничтожай!] *delevi* [я уничтожил], а в предпрошедшем

⁴⁴⁰ Соответственно, *Perfectum* и *Plusquamperfectum Indicativi*.

времени оканчивается прибавленными к повелительному наклонению слогами *veram*, как *dele* [уничтожай!] *deleveram* [я прежде уничтожал]. Второй — это когда буквы *e* и *o* в первом лице изъявительного наклонения переходят в *i*, как *sedeo* [сизжу] *sedi* [я сидел], а в законченном *sederam* [я прежде сидел]. Третий — это когда *e* и *o* изменяются в *u* и *i*, как *caleo* [я горяч] *calui* [я был горяч], *moneo* [увещаваю] *monui* [я увещевал], *calueram* [я прежде был горяч], *monueram* [я прежде увещевал]. Четвертый — когда *e* и *o* меняются на *i*, а предшествующая согласная на *s*, как *mulgeo* [дою] *mulsi* [я доил] *mulseram* [я прежде доил]. Пятый — когда *e* и *o* меняются на *i*, а предшествующая согласная на *x*, как *luceo* [свечу] и *lugeo* [оплакиваю] *luxi* [я светил; я оплакивал] *luxeram* [я прежде светил; я прежде оплакивал]. Шестой — тот, который произносится с удвоением слога, как *spondeo* [клянусь] *spondei* [я клялся] *sponderam* [я прежде клялся]. Седьмой — тот, который переходит в страдательную форму, как *audeo* [дерзаю] *ausus sum es est* [я, ты, он дерзал], *ausus erat eras erat* [я, ты, он прежде дерзал]. В изъявительном наклонении начинательного вида глаголы второго спряжения оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bam* с сохранением протяженности, как *vide* [виждь!] *videbam* [я видел], *tone* [увещевай!] *tonebam* [я увещевал]. В изъявительном наклонении будущем времени глаголы второго спряжения оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bo* с сохранением протяженности, как *vide* [виждь!] *videbo* [буду видеть], *tone* [увещевай!] *tonebo* [буду увещевать].

(316) Глаголы третьего сокращенного спряжения в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются либо на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной, как *lego* [читаю] *legis* [читаешь], *peto* [стремлюсь] *petis* [стремишься], либо на *io*, как *rapio* [хватаю] *rapis* [хватаешь], *facio* [делаю] *facis* [делаешь], либо на *uo*, как *induo* [надеваю], *irruo* [врываюсь]. Глаголы третьего сокращенного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной, во втором лице повелительного наклонения настоящего времени оканчиваются на сокращенную *e* с предшествующей согласной начальной формы, как *lego* [читаю] *lege* [читай], *peto* [стремлюсь] *pete* [стремись]; те, что на *u* и *o*, будут сохранять в повелительном наклонении *u* и *e*, как *induo* [надеваю] *indue* [надевай], *irruo* [врываюсь] *irruе* [врывайся]. В неопределенном наклонении глаголы третьего сокращенного спряжения оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *re* с сохранением краткости, как *lege* [читай] *legere* [читать], *pete* [стремись] *petere* [стремиться]. (317) Глаголы третьего сокращенного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *io*, производят прошедшее совершенное и предпрошедшее время шестью способами. Первый — тот, что целиком

следует правилу третьего протяженного спряжения: это тот способ, который обращает форму повелительного наклонения в протяженную и в совершенном виде присоединяет слог *vi*, а в законченном *veram*, как *cupio* [желаю] *cupivi* [я желал] *cupiveram* [я прежде желал]. Иногда он, впрочем, произносится с удалением буквы *v* в совершенном виде и удвоением *i*, а в законченном с сокращением этой же буквы, как *cupii cupieram*. Второй способ — тот, который удаляет из начальной формы глагола букву *o*, а предыдущий слог делает протяженным, изменяя либо усиливая гласную, как *facio* [делаю] *feci* [я делал], *fugio* [убегаю] *fugi* [я убегал]; а в законченном виде, удалив *i* и изменив ее на *e*, присоединяет слог *ram*, как *feceram* [я прежде делал], *fugeram* [я прежде убегал]. Третий способ — это когда *i* и *o* превращаются в *u* и *i*, как *elicio* [выманиваю] *elicui* [я выманивал] *elicueram* [я прежде выманивал]. Четвертый образуется удалением букв *io* и предшествующей согласной и прибавлением удвоенной *s*, как *percutio* [пробиваю] *percussi* [я пробивал] *percusseram* [я прежде пробивал]; пятый — прибавлением *x*, как *aspicio* [смотрю] *aspexi* [я смотрел] *aspeixeram* [я прежде смотрел]; шестой образуется удвоением слога, как *pario* [рождаю] *peperi* [я рождал] *pepereram* [я прежде рождал]. (318) Глаголы третьего сокращенного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *uo*, в прошедшем времени совершенном и законченном образуются двумя способами. Первый — когда *o* начальной формы глагола изменяется на *i*, как *induo* [надеваю] *indui* [я надевал] *indueram* [я прежде надевал]; второй — тот, который произносится с присоединением *x*, как *instruo* [устраиваю] *instruxi* [я устраивал] *instruxeram* [я прежде устраивал]. (319) Глаголы третьего сокращенного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на букву *o* без какой-либо другой предшествующей гласной, в изъявительном наклонении прошедшем времени совершенного и законченного вида образуют формы двенадцатью способами. Первый — тот, который целиком следует форме третьего протяженного спряжения, как мы это показывали выше у тех глаголов, которые относятся к третьему сокращенному спряжению и в в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются буквами *io*: как *cupio* [желаю] *cupivi* [я желал] *cupiveram* [я желал], так же и *peto* [стремлюсь] *petivi* [я стремился] *petiveram* [я прежде стремился]. Они же иногда теряют букву *v* и удваивают *i*, как *petii petieram*. Второй — когда *o* превращается в *i* <...>⁴⁴¹ Третий — тот, который букву *o* начальной формы глаголы изменяет на *i*, а предыдущий слог делает протяженным, изменяя либо усиливая гласную, а также отбрасывая согласную, следующую за первой гласной, если она срединная, как *ago* [гоню] *egi* [я гнал] *egeram* [я прежде гнал], *lego* [читаю] *legi* [я читал] *legeram* [я прежде читал]; тех же, которые отбрасывают согласную *n*, примеры следующие: *frango* [ломаю] *fregi* [я

⁴⁴¹ Например, *scando scand scanderam*.

ломал] *fregeram* [я прежде ломал], *fundo* [лью] *fudi* [я лил] *fuderam* [я прежде лил]. Четвертый — тот, который отбрасывает срединную согласную и сокращает предыдущую гласную, как *findo* [раскалываю] *fidi* [я раскалывал] *fideram* [я прежде раскалывал], *scindo* [разрываю] *scidi* [я разрывал] *scideram* [я прежде разрывал]. Пятый, отбрасывая букву *o*, присоединяет *u* и *i*, как *tolo* [мелю] *molui* [я молот] *molueram* [я прежде молот], *colo* [возделываю] *colui* [я возделывал] *colueram* [я прежде возделывал]. Шестой — тот, который, отбрасывая *o*, присоединяет *s* и *i*, как *carpo* [срываю] *carpsi* [я срывал] *carpseram* [я прежде срывал], *scribo* [пишу] *scripsi* [я писал] *scripseram* [я прежде писал]. Седьмой — тот, который отбрасывает *o* и предшествующую согласную и произносится с удвоенной *s*, как *meto* [жну] *messui* [я жал] *messueram* [я прежде жал]. Восьмой — тот, который образует формы подобным же сокращением, с присоединением одной *s* и удлинением предшествующей гласной, как *trudo* [толкаю] *trusi* [я толкал] *truseram* [я прежде толкал]. Девятый — тот, который произносится с прибавлением *x*, как *exungo* [вычеркиваю] *exunxi* [я вычеркивал] *exunxeram* [я прежде вычеркивал], *ungo* [мажу] *unxi* [я мазал] *unxeram* [я прежде мазал]. Десятый — тот, который образуется удвоением первого слога, как *rungo* [колю] *rupigi* [я колот] *rupigeram* [я прежде колот], *curro* [бегу] *cicurri* [я бежал] *cicurreram* [я прежде бежал]. Одиннадцатый — тот, который удваивает последний слог составных глаголов, как *trado* [передаю] *tradidi* [я передавал] *tradideram* [я прежде передавал], *reddo* [возвращаю] *reddidi* [я возвращал] *reddideram* [я прежде возвращал]. Двенадцатый — тот, который переходит в страдательную форму, как *fido* [верю] *fisus sum es est* [я, ты, он верил] *fisus eram eras erat* [я, ты, он, прежде верил]. (320) Все эти глаголы третьего сокращенного спряжения в изъявительном наклонении прошедшем времени начинательного вида оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bam*, которому предшествует либо согласная, либо гласная начальной формы, с прибавлением протяженности⁴⁴², как *lege* [читай!] *legebam* [я читал], *pete* [стремись!] *petebam* [я стремился], за исключением тех, которые имеют *i* перед *o*: они образуются прибавлением к повелительному наклонению буквы *i* и прибавлением на конце слога *bam* с удлинением *e*, как *rapio* [хватаю] *rape* [хватай!] *rapiebam* [я хватал]. В изъявительном наклонении будущем времени глаголы третьего сокращенного спряжения образуются прибавлением на конце слога *am*, с удалением буквы *e*, как *lege* [читай!] *legam* [буду читать], *pete* [стремись!] *petam* [буду стремиться], *indue* [надевай!] *induam* [буду надевать], за исключением тех, которые в начальной форме имеют *i* перед *o*: они превращают *e* в *i* и образуют будущее время присоединением слога *am*, как *rapio* [хватаю] *rape* [хватай!] *rapiam* [буду хватать], *facio* [делаю] *face* [делай] *faciam* [буду делать].

⁴⁴² Т.е. с удлинением конечной *e* в императиве, которой предшествует, как и в начальной форме, либо согласная (*legē* => *legēbam*) или либо гласная (*indūē* => *indūēbam*).

(321) Глаголы третьего протяженного спряжения в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются либо на буквы *eo*, как *adeo* [прихожу] *adis* [приходишь], *prodeo* [выхожу вперед] *prodis* [выходишь вперед]; либо на *io*, как *audio* [слушаю] *audis* [слушаешь], *nutrio* [кормлю] *nutris* [кормишь]. Во втором лице повелительного наклонения настоящего времени глаголы третьего протяженного спряжения оканчиваются на протяженную *i*, как *adeo* [прихожу] *adi* [приходи!], *prodeo* [выхожу вперед] *prodi* [выходи вперед!], *audio* [слушаю] *audi* [слушай!], *nutrio* [кормлю] *nutri* [корми!]. В неопределенном наклонении они оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *re*, с сохранением протяженности, как *adi* [приходи!] *adire* [приходить], *prodi* [выходи вперед!] *prodire* [выходить вперед]. Глаголы третьего спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на буквы *eo*, в изъявительном наклонении прошедшем времени совершенного вида оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *vi*, как *adeo* [прихожу] *adivi* [я приходил], а глаголы законченного вида на *ram*, как *adiveram* [я прежде приходил]; однако зачастую привычка, стремясь к краткости, удаляет букву *v* и удваивает *i* в совершенном виде, как *adii* [я приходил], *prodii* [я выходил вперед], *adieram* [я прежде приходил], *prodieram* [я прежде выходил вперед]. В начинательном виде они также оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *bam*, как *adibam* [я приходил], *prodibam* [я выходил вперед]. (322) Те глаголы, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на буквы *io*, в прошедшем времени совершенного и законченного вида произносятся пятью способами. Первый способ подобен предыдущему, как *nutrio* [кормлю] *nutrivi* [я кормил] *nutriveram* [я прежде кормил] *nutrii* [я кормил] *nutri-eram* [я прежде кормил] и *audii* [я слушал] *audieram* [я прежде слушал], как у Вергилия: *audieras et fama fuit*⁴⁴³. Расходятся они только в начинательном виде, ибо все глаголы третьего протяженного спряжения, которые в первом лице изъявительного наклонения настоящего времени оканчиваются на буквы *io*, в том же наклонении прошедшем времени начинательного вида прибавляют перед конечным слогом протяженную *e*, как *audiebam* [я слушал], *veniebam* [я приходил], *operiebam* [я покрывал]; впрочем, древние произносили их без буквы *e*, как Вергилий: *nutribat Tyrrhusque pater cui regia parent armenta*⁴⁴⁴. Второй способ — когда удаляется *o* и удлиняется предшествующий слог, как *venio* [прихожу] *veni* [я приходил] *veneram* [я прежде приходил]. Третий — когда *i* и *o* меняются на *u* и *i*, как *operio* [покрываю] *operui* [я покрывал] *operueram* [я прежде покрывал]. Четвертый — тот, который, отбросив *i* и *o*, превращает предыдущий согласный в *s*, как *sarcio* [чиню] *sar-*

⁴⁴³ «Ты прежде слышал, и была молва» (Verg. ecl. IX 11).

⁴⁴⁴ «<Дети Тирра> вскормили и отец Тирр, которому повинуются царские стада» (Verg. Aen. VII 485).

si [я чинил] *sarseram* [я прежде чинил]. Пятый — тот, который произносится с *x*, как *vincio* [обязываю] *vinxi* [я обязывал] *vinxeram* [я прежде обязывал]. (323) Глаголы третьего протяженного спряжения, которые в изъявительном наклонении настоящем времени оканчиваются буквами *eo*, в будущем времени и том же наклонении оканчиваются слогом *bo*, прибавленным к повелительному наклонению, как *adeo* [прихожу] *adi* [приходи!] *adibo* [буду приходить], *prodeo* [выхожу вперед] *prodi* [выходи вперед!] *prodibo* [буду выходить вперед]; те же, которые на *io*, оканчиваются прибавленным к повелительному наклонению слогом *am*, как *audio* [слушаю] *audi* [слушай!] *audiam* [буду слушать], *nutrio* [кормлю] *nutri* [корми!] *nutriam* [буду кормить]. Впрочем, Теренций произносил через *bo*, из чего ясно, что произношение здесь двойное, ибо он говорил: *iam scibo ubi siet*⁴⁴⁵. (324) Среди тех глаголов, которые в изъявительном наклонении настоящем времени оканчиваются буквами *eo*, есть такие, которые при различии в настоящем времени имеют сходное прошедшее, как *luceo* [свечу] и *lugeo* [оплакиваю], ибо они образуют форму *luxi* [я светил; я оплакивал]. Таким же образом *cernit* [различает] и *crescit* [растет] образуют *crevit* [он различал; он рос]. Есть и другие, которые в одной начальной форме заключают два спряжения, как *pando* [раскрываю; сгибаю], *mando* [поручаю; жую], ибо они образуют формы *pandas* [раскрываешь] и *pandis* [сгибаешь], *mandas* [поручаешь] и *mandis* [жуешь]. Иногда глаголы сочетаются с единственным падежом: родительным, как *misereor tui* [жалю тебя]; дательным, как *suadeo tibi* [советую тебе]; винительным, как *moneo te* [увещаю тебя]; отложительным, как *utor illo* [пользуюсь тем]. Иногда — в двумя, например, с отложительным и винительным, как *fungor hanc rem* [выполняю это (вин.)] и *illa re* [то (отл.)].

О примерах аналогии достаточно будет сказать это. Те формы, которые не придерживаются перечисленных правил, следует, без сомнения, рассматривать как аномальные. Кратко и в немногих словах упомянем о них, чтобы показать, что они приобрели некоторое употребление, противное норме, и вопреки правилу отклонились от своего вида.

(325) Если *reus* [ответчик] и *deus* [бог] в именительном падеже подобны, то почему во множественном числе говорится *hi rei* [эти ответчики], но при этом вопреки правилу употребляется форма *hi di* [эти боги], хотя следовало бы говорить только *dei*, тем более что родительный падеж не должен превышать в длину собственный именительный более чем на два слога, что произойдет здесь, если мы скажем *deorum* [богов (род.)]? Почему, если *Thoas* [Тоант] и *Aeas* [Эант], будучи подобны, образуют формы *Thoantis* [Тоанта (род.)] и *Aeantis* [Эанта (род.)], *Aeneas* [Эней] образует не *Aeneantis*, а *Aeneae* [Энея (род.)]? Почему, когда мы говорим *hic biceps* [этот двуглавый] и *triceps* [трехглавый],

⁴⁴⁵ «Сейчас узнаю, где он» (Ter. ad. 361).

родительный падеж вопреки правилу прирастает двумя слогами, так что мы говорим *bicipitis* [двуглавого (род.)] и *tricipitis* [трехглавого (род.)], а не *bicipis* и *tricipis*? Почему выходит, что *aliger* [крылатый], *frugifer* [плодоносный], *accipiter* [ястреб] имеют все падежи, а *Iuppiter* [Юпитер] имеет два?⁴⁴⁶ Если *sanctus* [священный], *pius* [набожный], *bonus* [хороший] подобны, то почему мы говорим *sanctior* [более священный], но не говорим *piior*? Почему, далее, мы говорим *sanctior* [более священный] *sanctissimus* [священнейший], но не *bonior bonissimus*? Если Вергилий говорит *fandi atque nefandi* [благочестивого и нечестивого]⁴⁴⁷ и если мы говорим *nefarius* [нечестивый] от *nefandus* [нечестивый], то почему не говорится *farius* от *fandus* [дозволенный]? Почему *seiunctus* [далекий] произносится и с удаленной приставкой, *iunctus* [близкий], а *securus* [беспечный] и *sedulus* [прилежный] не могут употребляться без той же приставки? Если мы говорим *singuli viri* [отдельные мужи], *singulae mulieres* [отдельные женщины], *singula scrinia* [отдельные ларцы], то почему мы не говорим *singulus vir* [отдельный муж], *singula mulier* [отдельная женщина], *singulum scrinium* [отдельный ларец]? Если *venor* [охочусь], *piscor* [рыбачу], *aucupor* [ловлю птиц] подобны, то почему говорится *venator* [охотник] и *piscator* [рыбак], но говорится не *aucipator*, а *auceps* [птицелов]? Почему *volo* [хочу] не имеет повелительного склонения? Почему *fare* [возвещай!] не имеет первого лица глагола? Почему *soleo* [имею обыкновение] не имеет прошедшего совершенного времени? Если *canta* [пой!] и *lava* [мой!] подобны, то почему образуется форма *cantavi* [я пел], но не образуется *lavavi*? Почему от *corusca* [мерцай!] и *tona* [греми!] образуется *coruscavi* [я мерцал], но не образуется *tonavi*? В чем причина того, что *ego* [я] имеет один падеж? Если слова *calceatus* [обутый], *armatus* [вооруженный], *togatus* [одетый в тогу], *paenulatus* [одетый в пенулу] выглядят похоже, то почему мы говорим *calceo* [обуваю] и *armo* [вооружаю], а *togo* и *paenulo* не допускаются? Именительный падеж единственного числа с исходом на *us* во всех положительных формах имеет в наречиях соответствие в виде протяженной *e*, как *doctus* [ученый] *docte* [учено], *avarus* [жадный] *avare* [жадно], *parcus* [бережливый] *parce* [бережливо]; почему же *bonus* [хороший] и *malus* [плохой] сокращают *e* в наречии: *bene* [хорошо] и *male* [плохо]? Если мы говорим *habilis* [удобный] *habiliter* [удобно], почему не говорим *facilis* [легкий] *faciliter*? Почему мы говорим *difficulter* [трудно], если нельзя сказать *faculter*? Если говорится *audax* [смелый] *audacter* [смело], почему мы говорим не *verax* [правдивый] *veracter*, а *veraciter* [правдиво]? Почему мы говорим *singulatim* [по одному], но не говорим *binatim* [*по двое] и *ternatim* [*по трое]? Есть и другие примеры такого рода, которых я могла бы упомянуть бесчисленное множество, если бы не торопилась перейти к другим вопросам».

⁴⁴⁶ Именительный и звательный; прочие падежи этого имени образуются от другой основы: *Iov-*.

⁴⁴⁷ Verg. Aen. I 543.

(326) Когда Грамматика произнесла это, будто бы только приступая к изложению предмета, Минерва, чувствовавшая неудовольствие всевышнего сената и Юпитера, прервала ее такими словами: «Если я не ошибаюсь, ты собираешься как бы вернуться к колыбели и поведать о восьми частях речи⁴⁴⁸, прибавив к этому причины солецизмов и варварские формы⁴⁴⁹, а также другие пороки речи, которые во множестве встречаются у прославленных поэтов⁴⁵⁰; и тропы, и метаплазмы⁴⁵¹, и схемы, и фигуры⁴⁵², и пороки, проистекающие как бы из этого же источника украшения и свидетельствующие либо о заблуждении несведущего, либо об излишнем стремлении к изысканности у людей образованных. Но если ты примешься вещать обо всем этом, начиная со школьных азов, перед лицом небесного сената, ты лишишься той признательности, которой прежде добилась своим ученым рассказом. Ибо если ты возьмешься за ритмику и метрику, как ты дерзаешь это делать среди кудрявых мальчишек⁴⁵³, то, без сомнения, заслужишь гнев и нападки Музыки преждевременным вторжением в ее собственную область. Поэтому начатое тобой наставление будет иметь законченную форму, если, упомянув о главном, ты избавишь себя от пошлой общеизвестности школьных истин». Делиец с женихом кивком выразили согласие со словами сестры и приказали Грамматике присоединиться к свите невесты. И тогда Клариец ввел другую женщину, равным образом составлявшую часть свадебного дара.

⁴⁴⁸ Имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие (GLK IV p. 355, 2–3).

⁴⁴⁹ Варваризм — употребление неправильного слова (*precula вместо pergula*), солецизм — ошибка в сочетании слов (*ambulo viam вместо ambulo per viam; non feceris вместо ne feceris*), ср. Quint. inst. I 5, 5–16, I 5, 34–54. Название «солецизм» производят от названия города Сола в Малой Азии, жители которого были известны неправильным произношением, ср. § 226.

⁴⁵⁰ «<Грамматик> должен отмечать, какие <слова> являются варварскими, какие несобственными, какие употребляются вопреки законам речи — не с тем, чтобы осуждать поэтов (которым, поскольку они вынуждены соблюдать размер, позволено столько, что даже сами пороки называются в стихах по-другому: мы именуем их, как я говорил, метаплазмами, схематизмами и схемами, и превозносим необходимость как достоинство), но чтобы обратить внимание на их искусные приемы и побудить к запоминанию» (Quint. inst. I 8, 14).

⁴⁵¹ Метаплазм — использование неправильной грамматической формы ради сохранения метра (ср. Isid. etym. I 32, 2).

⁴⁵² Термины «схема» и «фигура» здесь, по-видимому, употребляются как синонимичные (ср. §§ 426, 530–537).

⁴⁵³ Согласно Квинтилиану, обучение грамматике «не может быть завершённым без музыки, ибо ей [грамматике] следует сказать о метрах и ритмах» (Quint. inst. I 4, 4).

Книга четвертая

О Диалектике

(327) Та, кто узлы из словес мудреные ловко сплетает
И без кого не сказать «вследствие» иль «вопреки»,
Тут же в собранье богов вошла и суждений начала
Следом ввела, преподать свой приготовясь урок,
Дабы напомнить, что речь состоит из слов многозначных
И что лишь в связи вещей истину видят всегда⁴⁵⁴.
Пусть мудрец из Стагир⁴⁵⁵, десяти категорий создатель,
Тщится, бледнея челом, их назначенье постичь;
Стоя в софизмах своих изощряется, разум пленивших,
И, не лишившись рогов, их продолжает носить⁴⁵⁶;
Кучу зерен сложив, Хрисипп ее вновь убавляет⁴⁵⁷,
Равным быть с ним пожелав, пьет эллебор Карнеад⁴⁵⁸;

---

⁴⁵⁴ «Всякое, что сказано само по себе, говорится без какого-либо утверждения, утверждение же рождается из их соединения друг с другом. В самом деле, любое утверждение бывает, как представляется, истинным или ложным, а из того, что говорится без всякого соединения, ничто не является ни истинным, ни ложным, например: человек, белое, бежит, побеждает» (Aristot. cat. 2 а 4–10).

⁴⁵⁵ Т.е. Аристотель.

⁴⁵⁶ «Рогатый» — один из семи логических парадоксов, приписывавшихся представителю Мегарской философской школы Евбулиду Милетскому (IV в. до н.э.). Звучал он следующим образом: «То, чего ты не потерял, ты имеешь. Рогов ты не терял. Следовательно, ты имеешь рога» (Sen. ep. 49, 8; ср. Diog. Laert. II, 108).

⁴⁵⁷ «Куча» — еще один из семи Евбулидовых парадоксов: если отнять от кучи зерна одно зернышко, она продолжит оставаться кучей; если продолжать это делать последовательно, то в конце останется лишь одно зерно, которое кучей не является: так в какой же момент куча перестает быть кучей?

⁴⁵⁸ Согласно анекдоту, рассказанному Авлом Геллием, скептик Карнеад (214–219 гг. до н.э.), готовясь написать опровержение учения стоика Зенона, очистил свой желудок эллебором (чемерицей), «чтобы какие-нибудь из несвежих жидкостей, находящихся в желудке, не поднялись к обиталищу души и не пошатнули стойкость и силу его ума» (Gell. XVII 15).

Все же и лучший из рода людей с тобой не сравнится,
 И не по случаю честь выпала эта тебе:
 Ныне в жилищах богов ты вещать, Дialeктика, можешь
 И, зря Юпитера лик, вправе наставницей быть.

(328) И вот, призываемая Делийцем, вошла дева несколько бледного вида, отличавшаяся при этом весьма пронизательным взглядом. Блестящие глаза ее находились в беспрестанном движении; волнистые волосы были должным образом завиты и убраны: ниспадая несколькими последовательными ступенями, они окружали всю голову ее таким образом, что нельзя было разглядеть в ее прическе ничего недостающего или излишнего. На ней был плащ и афинский убор; при этом в руках она держала нечто совершенно неожиданное и завсегдаая гимнасиев неведомое: в левой руке ее свернулась огромными кольцами змея, в правой же были некие фигуры⁴⁵⁹, аккуратно и с изяществом начертанные на разноцветных восковых табличках; последние с внутренней стороны поддерживал невидимый глазу крючок. Левая рука, таившая коварного змея, была спрятана под плащом, правая же была открыта всем. Однако всякий, кто брался за одну из предложенных фигур, тотчас, будучи пойман на крючок, был увлекаем к смертоносным извивам таящегося гада; тот же, тотчас высунувшись, сперва поражал человека частыми укусами острых зубов, а потом, многократно обвившись вокруг него, насилием вынуждал принять предписанное положение. Если же никто не желал принимать какую-либо из фигур, эта дева тотчас переходила в наступление и, не позволяя перевести дух, осыпала его множеством вопросов, либо подначивала змею тайком пробраться к жертве и, тесно сплестясь с нею, душить ее до тех пор, пока та не отвечала так, как было угодно вопрошавшей. (329) Сама дева была невысокого роста, одежда ее была темного цвета, грубая и покрытая жестким волосом. Говорила же она нечто для обычных людей невразумительное. Она заявляла, между прочим, что общее утвердительное высказывание во всем противоположно частному отрицательному⁴⁶⁰, однако и то, и другое, говорила она, могут быть обращены в ничто, если допустить сочетание одноименного с равноименным⁴⁶¹. Кроме того, она уверенно, словно по божественному вдохновению, утверждала, что лишь ей одной дано различать, является ли нечто истиной или ложью. (330) Она заявляла, что воспитана была в городе египтян⁴⁶²,

⁴⁵⁹ Фигуры силлогизмов, см. §§ 408–420.

⁴⁶⁰ § 396.

⁴⁶¹ §§ 355–356.

⁴⁶² В античности было широко распространены идеи о египетском происхождении философии, геометрии, диалектики и других наук, основанные на представлении о величии и древности египетской цивилизации (ср. Herod. hist. II 109; Plat. Phaedr. 174d; Aristot. metaph. 981 b 23–25; Procl. in Eucl. p. 64–65 Friedl и т.д.). По представлениям современных исследователей, оценка греками египетского влияния в этой области существенно преувеличена.

после чего переселилась в гимнасий Парменида⁴⁶³, затем в Аттику, где, невзирая на клеветнические слухи о лицемерной природе своих занятий, она прибавила к своему достоянию величие Сократа и Платона. (331) Пока дама демонстрировала ловкость в обращении с обманчивыми доводами и похвалялась множеством побед, две змеи, обвинявшие жезл Килленийца, приподнявшись, попытались облизать ее своими часто трепещущими языками, и Горгона на доспехах Тритонии⁴⁶⁴, узнав ее, тоже зашипела от радости. Бромий⁴⁶⁵, остроумнейший из богов, которому эта дева была совершенно незнакома, сказал тогда: «Сразу видно, что она приведена сюда из песков задыхающей от жары Ливии: об этом говорит и ее прическа, и ее знакомство с ядами. Если бы не это, можно было бы подумать, что она торговка снадобьями и родом марсийка⁴⁶⁶, ибо змеи сразу признали ее и принялись, показывая свою любовь, ластиться к ней. Впрочем, и одного ее трюка с крючком было бы достаточно, чтобы сделать вывод, что она, очевидно, коварнейшая шарлатанка и обительница марсийских краев!» (332) На эти слова многие из богов, насколько это позволяли приличия, рассмеялись. Паллада же, несколько смутившись, удержала выступившего от дальнейших шуток и напомнила, что дева эта обладает совершенно трезвым умом (что, к слову, совсем не свойственно даже некоторым из богов), а пронизательностью выделяется даже среди своих достойных сестер; поэтому никто не может позволить себе насмешки в то время, когда она заявляет и утверждает что-либо. Затем она повелела деве, чтобы та рассталась с опасными приспособлениями, служившими ей для демонстрации собственной правоты и пронизательности, и, приняв должный облик, приготовилась поведать о своем искусстве. (333) Находившаяся рядом во время этих приготовлений Грамматика не отважилась, однако, принять в руки извивающееся кольцами тело скользкой разевавшей пасть змеи, и та вместе с соблазнительными формулами и оборудованными крючком фигурами была передана самой богине, усмирившей некогда и волосы самой Медузы. Тогда, наконец, по убору волос дамы стало очевидно, что она жительница Аттики, чистокровная дочь Кекропова⁴⁶⁷. Еще более убеждала в этом следовавшая за ней толпа людей, одетых в плащи — то была избранная молодежь Греции, восхищавшаяся разумом и дарованием этой жен-

⁴⁶³ Парменид (ок. 540–ок. 470 гг. до н.э.), как считается, впервые положил в основу своего учения дедуктивное рассуждение. Ученик Парменида Зенон Элейский (ок. 490–ок. 430 гг. до н.э.), защищая философские взгляды своего учителя, впервые, как считается, использовал метод *доказательства от противного*; Аристотель именно Зенона называет изобретателем диалектики (Diog. Laert. IX 25).

⁴⁶⁴ Отрубленная Персеем голова Медузы Горгоны, обрамленная змееобразными волосами, была помещена, согласно мифу, на щит Афины.

⁴⁶⁵ Бромий (букв. «Шумный») — одно из имен Вакха.

⁴⁶⁶ Марсы, одно из италийских племен, имели репутацию колдунов, ср. Hor. epod. XVII 19.

⁴⁶⁷ Т.е. афинянка. Кекроп, или Кекропс — сын Геи, древнейший царь Аттики.

щины. Однако Юпитер, полагавший, что греческое легкомыслие уступает силе Ромула в тех случаях, когда речь идет об оценивании и выявлении добродетелей, приказал, чтобы она изложила все, что знает, пользуясь возможностями латинского слога. (334) Тогда Диалектика, которая, как считалось, не умела вполне бегло изъясняться по-латински, преисполнилась большей уверенности; взгляд ее и движения глаз стали сдержаннее, и, внушив окружающим трепет еще до начала своей речи, она заговорила так:

(335) “Если бы не помогли мне ученость и усердие Варрона, любимца моего среди славных римлян, то я могла бы показаться чужестранкой в толпе, говорящей языком Ромула, и выглядеть женщиной дорийского племени, или совершенно неотесанной, или же вовсе дикаркой. Однако именно благодаря усердию Марка Теренция я, изведав золотой поток Платоновых речей и искусство Аристотеля, впервые обратилась к латинской словесности и начала выступать с речами в школах Авзонии. (336) Потому, стремясь исполнить повеление, я, не отступаясь от принятого у греков порядка рассуждения, в то же время не испытаю затруднения в том, чтобы найти для моих утверждений лаврентийские⁴⁶⁸ выражения. Прежде всего я желала бы напомнить, что носящее тогу римское племя не смогло изобрести для меня нового именованья и зовусь я, как и прежде в Афинах, Диалектикой, а также о том, что мне по праву принадлежит все, что говорят прочие Искусства. (337) В самом деле, ни сама Грамматика, чьим речам недавно одобрительно внимал ваш слух, ни другая дева — та, что прославлена мастерством своих изобильных уст⁴⁶⁹, ни та, что чертит на песке палочкой разнообразные фигуры⁴⁷⁰, не способны поведать что бы то ни было, не руководствуясь моими законами. (338) Ибо в моей власти и распоряжении находятся шесть сводов правил, согласно которым строятся прочие Дисциплины. Первый из них касается слов, второй предложений, третий высказываний, четвертый сочетания высказываний, пятый критики (он относится к критике поэтов и произведений), шестой — речей и того, какая речь пригодна для ораторов. (339) В первом разделе рассматривается, что такое род, форма, отличительное свойство, случайное свойство, собственное свойство, определение, целое, часть, каким образом производится подразделение, а каким — деление на части, что такое равноименное, одноименное, а что — разноименное (назовем это так: придется уж вам потерпеть необычность моих выражений, коль скоро уж вы заставили гречанку рассуждать по-латински). (340) Итак, о том, какие выражения являются для вещей собственными, какие несобственными, и сколько есть видов несобственных выражений, что такое сущность, качество, количество, отношение, место,

⁴⁶⁸ Т.е. латинские (Лаврент — один из древних городов Лация).

⁴⁶⁹ Риторика.

⁴⁷⁰ Геометрия.

время, положение, состояние, действие, претерпевание, что такое противоположащее и сколько есть видов противоположащего, — рассуждение обо всем этом содержится в первом разделе. (341) Во втором же разделе, который, как я сказала, касается предложений, рассматривается, что такое имя, что такое глагол, и что получается при их соединении; что из этого является подлежащей частью предложения, что сказуемой; какие существуют виды подлежащего, какие — сказуемого, в каких случаях бывает уместно имя, в каких — глагол, и в каких случаях законченное предложение может считаться высказыванием. (342) За этим следует третий раздел — о высказывании. В нем (если ограничиться целями сегодняшнего краткого введения) рассматривается, каковы различия между высказываниями в отношении количества и в отношении качества; что есть общее, частное и неопределенное; что такое утверждение и отрицание; каково значение каждого отдельного высказывания и как они соотносятся между собой.

(343) Отсюда мы перейдем к четвертому разделу, который, как мы сказала, касается сочетания высказываний. В нем рассматривается, что такое посылка, вывод, силлогизм, симперазма, что такое категорический силлогизм, а что — условный, и в чем разница между ними; сколько существует фигур категорического вида и каковы они, и есть ли среди них определенный порядок, и если есть, то каково основание этого порядка; затем — сколько существует первых и необходимых модусов, и каков их порядок, и чем они отличаются друг от друга. Вот предметы, которые, я полагаю, будет достаточно изложить и разъяснить сегодня.

Теперь же я вернусь к началу и поведаю о том, что такое род, чтобы затем по порядку рассказать обо всем прочем.

(344) Род есть объединение множества форм под одним именем: например, род *живое существо*, формы которого суть человек, лев, конь и прочие. Бывает и так, что форма, относящаяся к определенному виду, сама может служить родом для других относящихся к ней форм. Так, *человеческий род*, который есть форма по отношению к *живому существу* и в то же время род для варваров и римлян, может служить родом до тех пор, пока, подразделяя его его формы, ты не дойдешь до некоего индивидуума⁴⁷¹. Так, если ты, подразделяя людей на мужчин и женщин, затем мужчин на мальчиков, юношей и старцев, затем мальчиков на не обладающих и обладающих даром речи, пожелаешь затем выделить среди них Катамита или любого другого определенного мальчика, то последнее уже не будет родом, ибо разделение уже дойдет до индивидуума. Пользоваться же нам следует тем родом, который находится ближе всего к рассматриваемому предмету. Так, если

⁴⁷¹ *Individuum* «неделимое».

рассматривается человек, то мы должны принять в качестве рода *живое существо*, потому что этот род ближайший. Если же мы назовем в качестве рода *сущность*, это будет верно с точки зрения рассуждения, но излишне с точки зрения необходимости.

(345) Формами мы называем то же, что и видами. Таким образом, форма есть то, что, относясь к определенному роду, сохраняет его определение и имя: таковы *человек, конь, лев*, ибо все они суть формы живого существа. И человека, и коня, и льва можно назвать живым существом и одушевленным телом: ясно, что эти имя и определение принадлежат роду.

(346) Отличительное свойство — это достаточное для нас различие: так, если нужно выяснить, чем отличается человек от коня, то достаточно будет сказать, что человек есть существо *двуногое*, конь же *четвероногое*. При этом мы должны обратить внимание на то, что, так как между единичными вещами существует множество различий, каждую вещь можно подразделять несколько раз различными способами до тех пор, пока мы будем находить в ней все новые и новые отличительные свойства. Например, если мы пожелаем разделить род живого существа, то мы можем разделить его по признаку пола, ибо одни живые существа мужского пола, другие женского; или по возрасту, ибо одни живые существа молоды, другие зрелого возраста, третьи стары; или по размеру, ибо одни живые существа малы, другие велики, третьи среднего размера; или по способу передвижения, ибо одни живые существа ходят, другие пресмыкаются, третьи плавают, четвертые летают; или по месту обитания, ибо одни живые существа водные, другие сухопутные, третьи обитают в воздухе, четвертые (как утверждают некоторые) в огне; или по числу ног, ибо одни живые существа безногие, другие двуногие, третьи четвероногие, четвертые шестиногие, пятые одноногие; или по издаваемым звукам, ибо одни живые существа говорят, другие режут, третьи лают, четвертые воют. Следует убедиться, что каждое из подразделений было проведено нами до конца и что все они проведены независимо друг от друга: так, живое существо мужского пола может одновременно быть молодым, маленьким, ходящим, сухопутным, двуногим и говорящим. Поэтому позволительно пользоваться любым из свойств; должно, однако, избирать то, которое пригодно для поставленной цели. Так, говоря о достоинстве человека, следует применять подразделение на разумных и неразумных, дабы легко можно было уяснить, насколько природа предпочла человека всем прочим живым существам, одному ему даровав разум для познания себя самой.

(347) Случайное свойство есть то, что присуще только данной форме, но присуще не всегда: так, ораторское искусство присуще только человеку, но может и не быть ему присущим, так что возможно, что некто, являясь человеком, не является в то же время оратором.

(348) Собственное свойство есть то, что присуще только данной форме, причем присуще всегда и по этой причине отличает данную вещь от множества всех прочих. Так, собственным свойством человека является смех, ибо никто, кроме человека, смеяться не способен; при этом любой человек по своей природе способен смеяться, если пожелает. Между отличительным и собственным свойствами та разница, что отличительное отделяет вещь только от рассматриваемого предмета, собственное же — от всех предметов вообще. Так, если мы, желая при помощи отличительного свойства различить человека и льва, говорим, что лев свиреп, а человек кроток, то очевидно, что мы различаем лишь то, что относится к поставленному вопросу. Ибо, говоря, что *лев свиреп, а человек кроток*, мы не отделяем ни человека от прочих кротких живых существ, ни льва от прочих свирепых; если же мы скажем, что *человек есть живое существо, способное смеяться*, то тем самым отделим его от множества прочих живых существ.

(349) Определение имеет место тогда, когда сложное понятие о каком-либо предмете излагается ясно и кратко. При этом следует избегать трех вещей: в нем не должно быть ничего ложного, ничего лишнего и ничего недостающего. Пример ложного определения: *человек есть бессмертное живое существо* (ибо ни один человек не бессмертен). Пример лишнего в определении: *человек есть смертное живое существо* (хотя это определение кратко, оно содержит в себе нечто излишнее, ибо относится ко всем вообще живым существам). Пример недостающего в определении: *человек есть живое существо, сведущее в грамматике* (ибо хотя никакое живое существо, помимо человека, не может быть сведущим в грамматике, все же не всякий человек сведущ в грамматике). Вот пример полного определения: *человек есть разумное смертное живое существо* (добавляя *смертное*, мы отделяем его от богов; добавляя *разумное*, отделяем его от зверей).

(350) Целое есть то, что содержит две части или более, каковым частям оно иногда дает свое имя, но никогда — определение. Это понятие может относиться только к индивидууму. Так, мы можем взять некоторого человека и назвать его члены частями: в таком случае он и будет тем самым целым, так как мы имеем дело с конкретным человеком, и определение и имя его самого не будет распространяться на его члены (в самом деле, мы не можем назвать *человеком* одну лишь руку или голову, и каждый член в отдельности не будет подпадать под исходное определение). Следует обратить внимание и на то, что иногда мы можем вместо «целый» говорить «все», но в несколько ином смысле: ведь под «целым» может подразумеваться нечто одно, а под «всем» — множество. Например, когда мы говорим *человек*, подразумеваемая *Цицерона*, то, поскольку он один, имеется в виду «целый», про *человека* же вообще мы лучше будем говорить «все», так как человек может быть и искусственным, и искусным, и мужчиной, и женщиной.

(351) Части суть то, что познается как находящееся в целом, и то, из чего состоит целое.

(352) Подразделение мы должны производить до тех пор, покуда не дойдем до индивидуума. Это происходит тогда, когда при помощи отличительных признаков мы сводим роды к наименьшим и выделяем в них такие формы, каждая из которых сама, в свою очередь, будет родом для других входящих в нее форм. Так, если мы пожелаем дать простое и первичное деление живого существа, мы можем сделать это с помощью отличительного свойства, ибо одни живые существа ходящие, другие пресмыкающиеся, третьи плавающие, четвертые летающие. Затем каждую из этих форм мы можем взять в качестве рода, рассмотрев род ходящих живых существ и выделив в нем формы, ибо одни живые существа люди, другие звери. В них можно выделить другие формы и с помощью их, если будет необходимо, дойти до индивидуума. В речах мы можем использовать такой метод разделения в тех случаях, когда того требует неясность предмета; если же предмет не является неясным, то сам принцип разделения должен присутствовать и использоваться, но не слишком явно.

(353) При делении на части обычно невозможно опереться на отличительные свойства, и в их отсутствие разделение может продолжаться без конца, если мы захотим дойти до индивидуума. Так, если мы возьмем определенного человека в качестве целого и пожелаем перечислить его части, то нам не помогут отличительные признаки частей, и придется воспользоваться именами конкретных частей и назвать голову, ноги и прочее. Если же мы пожелаем охватить все это вкратце, то в отсутствие отличительных свойств мы не сможем собрать все отдельные части воедино, ибо их множество: это было бы делом или невозможным, или слишком долгим.

(354) Разница между подразделением рода и делением на части в том, что в первом случае мы выделяем формы, во втором же случае — части. Формы — это то, что относится к определенному роду и сохраняет при этом его определение и имя. Части же — это то, что относится к целому, но к чему никогда не применимо определение целого и лишь иногда применимо его имя. При этом мы можем рассматривать одну и ту же вещь и в качестве рода, и в качестве целого, однако в разном смысле. Так, если мы пожелаем подразделить *человека* на *юношу*, *старца* и *мальчика*, то получим род и его формы. Если же пожелаем разделить его же на *голову*, *ноги* и *руки*, то получим целое и его части. В самом деле, к юноше, старцу и мальчику, которых мы назвали формами, применимо и имя, и определение человека, так что и старец именуется человеком, разумным смертным живым существом, точно так же и мальчик, и юноша. Голова же и ноги, которые мы назвали частями, не могут сохранить ни определения, ни имени человека, так как

ни голову нельзя назвать человеком или способным смеяться живым существом, ни ноги, ни руки.

(355) Равноименность — это когда множество вещей имеют одно и то же имя, но не одно и то же определение. Так, *львом*, если принимать в расчет только имя, называется и настоящий лев, и нарисованный, и созвездие. Если же принимать в расчет определение, то настоящий лев определяется одним образом, нарисованный — другим, созвездие — третьим.

(356) Одноименность — это когда у двух или более вещей одно и то же имя и определение — например, *одежда*: и плащ, и туника называются одеждой, и к ним применимо ее определение. Поэтому ясно, что одноименность присутствует в названии родов, которые дают имя и определение своим формам.

(357) Разноименность — это когда одна и та же вещь называется многими именами, как, например, слова *острие* и *лезвие* применительно к мечу означают одно и то же.

(358) Собственные наименования вещей — это такие слова, которые для них свойственны и естественны, например, *камень*, *дерево* и так далее.

(359) Несобственные же выражения — это такие, которые мы переносим с одной вещи на другую по какой-либо причине. Это может делаться либо по необходимости, либо ради украшения. По необходимости мы говорим, например, что побег винограда имеет *глазки*⁴⁷², или называем поля *тучными*. В этих случаях за неимением собственного наименования мы пользуемся несобственным, ибо ни указанные части побега мы не можем назвать иначе, чем *глазками*, ни поля не можем назвать иначе чем *тучными*. А ради украшения мы говорим, что поля *волнуются*: можно было бы сказать, что они приводятся в движение ветром, но так как такое выражение лишено изящества, мы прибегаем к несобственному.

(360) Несобственные выражения возникают тремя способами: или по сходству, или по противоположности, или по различию. К выражениям по сходству, перечисляемым в грамматике под названием тропов, относится и приведенный нами выше пример: *поля волнуются*. К этому же самому виду относят и те случаи, когда по целому называют часть или по части целое так, что между выражениями существует

⁴⁷² В оригинале — *gemmare*. Существительное *gemma* может означать «почка» или «драгоценный камень», а глагол *gemmare*, соответственно, «пускать почки» или «быть осыпанным драгоценностями». Марциан Капелла считает именно первое значение «несобственным», т.е. производным.

надлежащая близость: такие случаи также принято относить к выражениям по сходству. О выражениях по противоположности говорят, когда понимается обратное тому, что мы говорим. Например, богинь судьбы мы называем *Парками*, хотя они беспощадны⁴⁷³, а чашу называем *lucus*, хотя в ней нет света⁴⁷⁴: грамматики называют такое употребление кат' ἀντίφρασιν. Несобственные выражения по отличию — это когда они берутся от других предметов без какого-либо основания: например, когда человека мы называем *чурбаном*, хотя он и не отличается ни соответствующим телосложением, ни бестолковостью. Последним видом несобственного пользоваться не следует, так как глупо употреблять выражения либо ничего не значащие, либо совершенно чуждые предмету. Собственными же выражениями, выражениями по сходству и по противоположности пользоваться можно.

(361) Прежде чем говорить о сущности, следует пояснить следующее. Все, что мы говорим, мы говорим либо как подлежащее, либо о подлежащем, либо как то, что находится в подлежащем, либо как то, что говорится о подлежащем и находится в подлежащем. Подлежащее есть первая сущность, которая не является неотъемлемым свойством чего бы ни было, но которое само имеет свойства: например, *Цицерон* (не само слово, а то, что этим словом обозначается). «О подлежащем» — это то, что говорится о самом подлежащем и сообщает ему свое определение и имя: например, *человек*, ибо Цицерон — человек и разумное смертное живое существо. Таким образом и имя, и определение того, что говорится о подлежащем, подходят и самому подлежащему; поэтому то, что говорится о подлежащем, обнаруживается и в его видах, или формах. (362) «В подлежащем» — это то, что не сообщает подлежащему ни своего имени, ни определения, но находится в самом подлежащем и не может существовать без него: например, *риторика*, ибо подлежащее не может воспринять ни ее имени, ни определения. В самом деле, Цицерон не есть ни риторика, ни искусство прекрасно говорить; считается, что она находится в Цицероне, так как он не может быть назван ею. «Говорится о подлежащем и находится в подлежащем» — это то, что по отношению к чему-либо одному говорится о подлежащем, по отношению к чему-либо другому находится в подлежащем: например, *искусство*. По отношению к риторике оно есть то, что говорится о подлежащем; по отношению к Цицерону — то, что находится в подлежащем. Таким образом, подлежащее является первой сущностью, а то, что говорится об этой первой, является второй сущностью. Например, *Цицерон* — первая сущность, *человек* или *живое существо* — вторая.

Относительно последующих категорий принято считать, что они находятся в подлежащем. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

⁴⁷³ *Parcere* «щадить».

⁴⁷⁴ *Lux* «свет».

(363) Качество — это то, в соответствии с чем мы говорим, какво нечто: например, *белизна*. Исходя из этого очевидно, что качество находится в подлежащем, так как белизна непременно находится в чем-либо, без чего существовать не может. Само же то, чему она при-суща, непременно является подлежащим.

Количество — это то, в соответствии с чем мы говорим, насколько велико нечто: например, *двухфутовый*. Следует понимать, что она также находится в подлежащем.

Отношение — это то, что называют как относящееся к чему-нибудь иному: например, *отец, брат*. Оно непременно находится в подлежащем, так как необходимо, чтобы такие слова относились к чему-нибудь. Место — это когда мы говорим *в Риме*: Рим есть сущность, и нечто здесь происходит с самим Римом. Время — это, например, *вчера, недавно* или *вечером*. Те предметы, по движению которых определяется время, являются сущностями (например, солнце, благодаря бегу которого мы определяем время); такие предметы и порождают в нас некоторое представление о длительности. Положение — это как, к примеру, *лежит* или *сидит*. Состояние — это, например, *обутый, вооруженный*: человек есть сущность, и нечто происходит с ним. Действие — это, например, *разрезать* или *сжигать*. Претерпевание — это, например, *разрезаться* или *сжигаться*.

(364) Первая сущность есть то, что не находится неотделимым образом в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем. К этому определению прибавлено «неотделимым образом», так как любая первая сущность, хотя и находится в каком-то месте, способна отделяться от него и перемещаться. Например, когда говорят, что Цицерон находится в курии, подразумевается, что он может перейти оттуда куда-нибудь. Также и часть первой сущности, хотя и находится в целом, однако не неотделимым образом: в самом деле, рука может быть отделена от нашего тела либо в действительности, либо мысленно. В то же время риторика находится в душе Цицерона таким образом, что даже если она по некоторой причине перестанет там находиться, мы не сочтем, что она переместилась — точно так же, как не сочтем, что, появившись, она прибыла откуда-либо.

(365) Вторая сущность, как уже было сказано, есть то, что говорится о первой сущности: например, *человек* о Цицероне или *живое существо* о человеке и о Цицероне. Все, что является родом первой сущности, считается второй сущностью. Поэтому общее свойство всех сущностей — не находиться в подлежащем; при этом первая также не говорится о подлежащем. Сущность не может ни усиливаться, ни ослабляться, то есть проявляться в большей либо в меньшей степени, и точно так же, как никакой человек не является в большей степени

человеком, чем другой, и как один и тот же человек не станет завтра человеком в большей степени, чем был сегодня, — таким же образом и о разных сущностях нельзя сказать, что, например, конь является конем в большей степени, чем человек является человеком. Это верно, впрочем, только если сравнивать сущности только с подобными себе, то есть первые с первыми, вторые со вторыми. Если же ты сравнишь вторую сущность с первой, то окажется, что первая является сущностью в большей степени, чем вторая. Дело в том, что первая в большей степени указывает на вещь, в то время как во второй присутствует некоторая неясность, происходящая из общности значения. Например, когда я говорю *Цицерон*, я тем самым обозначаю некоторого определенного индивидуума. Когда же я говорю *человек*, то, поскольку все мы подпадаем под это наименование, неясно, кого именно я обозначаю. Таким образом, получается, что первая в большей степени является сущностью, чем вторая, так как вернее указывает на вещи. (366) И получается, что сущность не может быть большей или меньшей среди подобных себе. Также сущность не имеет никакой противоположности, ибо нет ничего противоположного человеку или коню. Если же кто-нибудь говорит, что Клодий был противоположностью Цицерону, то он имеет в виду, что противоположны были не сами сущности, но качества, которые были в них: например, злоба — доброте, порок — добродетели или несправедливость — справедливости. Свойство сущности, как очевидно, состоит в том, что она, оставаясь той же самой, способна принимать противоположные свойства через некое преобразование: например, камень, оставаясь одним и тем же, может быть то белым, то черным, при этом не переставая быть камнем; и Цицерон, будучи сперва неразумным, а затем мудрым, при этом не перестает быть Цицероном.

(367) Мы сказали, что качество есть то, в соответствии с чем про нас говорится, каковы мы. Одна разновидность качества — та, которая подразумевает некоторое расположение или свойство души. Сюда относятся все науки, мудрость, грамматика, риторика и прочие, которые настолько укореняются в душе, что утратить их почти невозможно. Из них, впрочем, одни являются совершенными, другие несовершенными. Так, если кто-либо занимался грамматикой, но делает много ошибок, то это еще не может быть названо свойством, но называется лишь расположением. Таким образом, не всякое расположение есть свойство, но всякое свойство подразумевает расположение. (368) Ко второй разновидности относятся те качества, которые правильно было бы назвать претерпеваемыми: например, сладость или горечь, теплота или холод — не потому, что по их причине содержащая их сущность нечто претерпевает, но потому что они заставляют наши чувства претерпевать нечто. Действительно, теплота заставляет нечто претерпевать того, кто дотрагивается, а сладость — того, кто пробует на вкус. Сюда же относятся и те качества, которые возникают в нас в связи с некоторым

естественным претерпеванием и в соответствии с которыми про каждого говорится, что он бледный или красный. Однако речь не идет о тех случаях, когда кто-нибудь бледнеет или краснеет по какой-то внезапной причине — в таких случаях правильнее говорить о претерпеваниях, а не о качествах, так как в соответствии с ними не говорится, каковы мы. В самом деле, необязательно, чтобы тот, кто сейчас бледен, был бледнолицым, кто сейчас любит — любителем, кто сейчас пьян — пьяницей. Поэтому первое мы называем претерпеваниями, второе — качествами. (369) К третьей разновидности относятся те качества, которые подразумевают не то, чем некто уже является, а то, чем он может быть. Например, мы называем кусок дерева *хрупким* не потому, что он уже сломан, а потому, что он может сломаться. И тело мы можем назвать *атлетическим* в двух случаях: и тогда, когда тело усовершенствовано атлетическими упражнениями, и тогда, когда оно от природы сложено так, что пригодно к такого рода занятиям, хотя и не имеет опыта в них. Первое тело правильно называется *атлетическим* от слова *атлетика*, так как представляет результат этого занятия; в то же время не существует имени того качества, от которого произведено и в соответствии с которым обозначено то *атлетическое*, которое еще не является таковым, но только может быть. Отсюда можно понять, что некоторые сущности называются в соответствии с качествами, имен которым не существует. Например, *доброе* мы называем в соответствии с *добротой*, но не *наилучшее* в соответствии с *наилучшестью*. Стало быть, таким же образом и *атлетическому*, понимаемому в значении способности к атлетическим упражнениям, не соответствует определенное имя качества, в соответствии с которым оно названо, однако ясно, что оно названо по некоему качеству. (370) К четвертой разновидности относятся те качества, в соответствии с которыми мы воспринимаем формы и фигуры: например, квадратное, круглое, прекрасное, безобразное и подобные. Качество принимает большую или меньшую степень, однако не всякое. Действительно, ничто квадратное не может быть более квадратным, чем другое квадратное; в то же время нечто белое может быть белым в большей степени, чем другое. Вопрос, занимавший многих, касается следующего: может ли некто в большей степени, чем другой, быть справедливым? И многими философами было высказано по этому поводу следующее тонкое суждение. Не сами качества, говорят они, могут принимать большую или меньшую степень, но то, что ими определяется. Так что сама справедливость есть некое совершенное понятие, и нельзя сказать: «это есть справедливость в большей степени, чем то»; но можно сказать: «этот в большей степени справедлив, чем тот». Также нельзя сказать: «это есть здоровье в большей степени, чем то»; но можно сказать: «этот в большей степени здоров, чем тот». Поэтому получается, что сущность не принимает большую или меньшую степень, но качества могут принимать их посредством самих сущностей. Качество также имеет противоположность, однако не всякое: в то время как здоровью противоположна болезнь, нет ни-

чего противоположного квадратному или круглому. Следует при этом обратить внимание, что поскольку все противоположное качеству по необходимости является качеством, а сладость есть качество, то качеством является и горечь, и тому подобное.

(371) Количество подразделяется на два вида: одно количество раздельное, другое непрерывное. Например, количество числа или речи⁴⁷⁵ раздельно; количество линии или времени непрерывно. Есть и иное разделение количества: одному свойственно определенное расположение частей, другому нет. Линия мыслится с некоторым расположением частей, так как можно сказать, в каком месте какая ее часть находится, расположена ли она правее или левее. Числу же, речи или времени не свойственно ничего подобного, хотя им может быть свойствен порядок: что-то в них является первым, вторым, крайним или средним, однако нет ничего, что мыслилось бы в каком-нибудь месте. (372) Всякое количество лишено противоположности: в самом деле, что может быть противоположно *двум футам* или *трем футам*? Если же кто-нибудь говорит, что противоположностями являются *большее* и *меньшее*, каковые на первый взгляд кажутся выражениями количества, то пусть знает, что они не обозначают никакого определенного количества. И если кто-нибудь скажет, что нечто является большим, то будет казаться, что ему противоположно то, что является меньшим; однако если я спрошу «чего оно больше?», и он ответит, что оно больше трех футов, то будет ясно, что здесь нет никакой противоположности. Само же то, что называется большим или меньшим, очевидным образом называется так в смысле отношения: в самом деле, все то, что сопоставлено с меньшим, является большим; но то же самое, будучи сопоставлено с большим, является меньшим. Следовательно, если большее и меньшее представляют собой противоположности, нам приходится признать крайне абсурдное положение: что некой вещи могут быть одновременно принадлежать противоположные свойства. Также нам приходится помыслить и другое абсурдное положение: что одна и та же вещь противоположна самой себе, коль скоро одна вещь при сравнении с различными величинами может одновременно быть и большей и меньшей. (373) Количество не принимает большей или меньшей степени: в самом деле, пять не в большей степени являются пятью, чем два — двумя; также никакие два не являются двумя в большей степени, чем другие два, и не станут завтра в большей степени двумя, чем сегодня. Особенностью количества является то, что в соответствии с ним мы называем нечто равным или неравным, — так же, как особенностью качества является то, что в соответствии с ним мы называем нечто подобным или неподобным, хотя применительно к различным вещам оба эти понятия могут употребляться и недолжным образом.

⁴⁷⁵ Речь, по Аристотелю, имеет количество в том смысле, что она измеряется краткими и долгими слогами (Aristot. cat. 4 b 32–34).

(374) Отношение — это когда то, что говорится, принадлежит чему-нибудь либо может каким-нибудь быть соотнесено с чем-нибудь. Например, *сын* не может мыслиться без отца или матери, а *раб* — без господина; те же, в свою очередь, не могут мыслиться без первых. (375) Об отношении говорится тройко: в смысле «кого-то» (например, *сын*), «кому-то» (например, *сосед*) и «в сравнении с кем-то» (например, *двойное*, ибо двойное таково в сравнении с одинарным). Всякое отношение обратимо с точки зрения того, на что оно указывает: как *сын* есть сын *отца*, так же и *отец* есть отец *сына*. Подобному обращению свойственно то, что в некоторых случаях оно происходит в той же самой форме, в другие же случаях форма меняется. О *сыне* я уже говорила; то же мы можем сказать и о рабе, ибо как *раб* есть раб *господина*, так же и *господин* есть господин *раба*. Указанные понятия находятся в таком отношении, что сохраняют в обращении исходную форму. Также *двойное* есть двойное в соотнесенности с *одинарным*, а *одинарное* есть одинарное в соотнесенности с *двойным*; также *большее* есть большее в соотнесенности с *меньшим*, а *меньшее* есть меньшее в соотнесенности с *большим*. Таким образом, ясно, что все они сохраняют в обращении форму; в то же время *знание*, будучи отношением (ибо оно есть знание некой познаваемой вещи), при обращении с точки зрения того, на что оно указывает, меняет форму. Действительно, в то время как мы можем сказать «знание есть знание познаваемого», мы не можем сказать «познаваемое есть познаваемое знания». Также ощущение чего-то есть ощущение ощущаемого, и наоборот — ощущаемое ощущается ощущением. Таким образом, эти понятия обращаемы не так, как вышеуказанные — не с сохранением форм, но с изменением. (376) Некоторые отношения совпадают по времени с тем, на что они указывают, появляясь и исчезая одновременно с последними: не может существовать раб, пока не появился господин; также и господин, пока у него нет раба, не может называться господином. При этом познаваемое по природе существует раньше, чем знание: в самом деле, если убрать познаваемое, то не будет и знания; если же убрать знание, то все равно может оставаться нечто познаваемое, хотя того, кто знал, больше нет. (377) Отношения могут иметь противоположности, однако не всякие. Знание противоположно незнанию, вражда дружбе, однако *двойному* нет ничего противоположного, так же как *большому* или *меньшему*; любой же, кто почитает, что это противоположности, вынужден будет признать, что одна и та же вещь может в одно и то же время быть противоположна себе самой. Если большее в сравнении с меньшим есть большее, то в сравнении с *большим* оно в это же время есть меньшее, чего никоим образом не может случаться с противоположностями. В самом деле, человек, будучи в некоторый момент глупым, не может в это же время быть мудрым; будучи в некоторое время белым, он не может в это же время быть черным. Так как мы показали, что подобное может происходить с *большим* и *меньшим*, то необходимо признать, что большее и меньшее не являются противоположностями. Также и

двойное не противоположно одинарному, так как это самое двойное может быть одинарным в соотнесенности с чем-нибудь. Следовательно, не все отношения могут иметь противоположности. Точно так же некоторые из них принимают большую и меньшую степень, а некоторые нет. Например, некто является другом в большей степени, чем другой; в то же время нечто не может быть двойным в большей степени, чем другое двойное, так как если оно двойное, то оно является двойным в том смысле, что если нечто будет бóльшим или меньшим, то оно уже не будет двойным.

(378) Спрашивается, может ли какая-нибудь сущность быть названа в отношении? Что касается первой сущности, то здесь и вопроса нет: в самом деле, про Цицерона невозможно сказать, что он чей-то или соотносится с чем-то. То же, например, и с конями: не *Реб*⁴⁷⁶ является чьим-то постольку, поскольку он есть *Реб*, но постольку, поскольку он есть конь, он есть чей-то конь. Следовательно, ни первая сущность не может быть названа отношением, ни какая-либо часть ее, каковая, несомненно, и сама является первой сущностью, ибо как Цицерон является первой сущностью, так и его рука. Рука же (но именно его, а не в видовом значении, что будет второй сущностью) не может быть названа в отношении, так как здесь невозможно обращение: мы говорим «рука есть рука Цицерона», но не можем сказать «Цицерон есть Цицерон руки». И сама рука не потому является рукой, что она рука Цицерона: она называется рукой по той причине, что обладает такими-то признаками, а не потому, что она рука кого-то. Следовательно, как мы и сказали, ни первая сущность, ни ее части не могут быть названы в отношении. Вопрос, таким образом, касается частей второй сущности. В самом деле, по поводу самой сущности никакого вопроса нет: человек не есть человек кого-то. В то же время рука в видовом значении есть рука какого-то человека или, чтобы возможно было взаимное обращение, рука некоего рукастого: сказав так, мы сможем произвести обращение указанного рода, ибо нечто рукастое рукасто рукой. То же и с копытом — не копытом первой сущности, но некоего копытного — так как нечто копытное копытно копытом и здесь возможно взаимное обращение; что, как мы говорили, является особенностью отношения. Таким образом, если остается в силе первое определение отношения, что отношение есть все, про что можно сказать «чего-то», то трудно возразить против того, что части вторых сущностей называются в отношении. Если же изменить это определение так, чтобы отношением когда говорим было то, что соотносится с чем-нибудь, за исключением того, что находится в чем-нибудь, то под это определение не подпадает никакая сущность. Так, рабство, за исключением того, что есть в таком-то рабе, то есть в некотором человеке, соотносится с господином. Крыло же является крылом некоего крылатого в том смысле, что, за

⁴⁷⁶ Реб — по Вергилию, конь царя тирренцев Мезенция (Verg. Aen. X 861–870).

исключением того, что оно есть у некоего крылатого, не может быть соотнесено ни с чем.

(379) Следует иметь в виду, что ничего нет постыдного в том, чтобы придумывать новые выражения в том случае, если это необходимо для обращения, ибо если взаимное обращение невозможно, то сказанное нами сказано не в отношении: когда я называю крыло, желая указать на него в отношении, то я не стыжусь ради обращения назвать нечто крылатым, так как слово крылатое употребительно и не режет слуха. Если же речь идет о ноге, то не стоит стыдиться тем же способом образовать подходящее для обращения выражение. Также следует знать, что не ведающий то, на что указывает некое отношение, не может знать и того, может ли вообще называемое им относиться к чему-либо. Например, говоря «это двойное», ты либо знаешь и одинарное, то есть то, в отношении к чему названное является двойным, либо, не зная его, вообще не можешь знать, является ли названное двойным.

(380) Действие и претерпевание могут иметь противоположности: например, *греть* и *охлаждать*, *греться* и *охлаждаться*. Они имеют также большую и меньшую степень, например *больше* или *меньше обжигать*, *больше* или *меньше обжигаться*.

(381) Всякое положение обозначается производным образом: *сидеть* от «сидение», *стоять* от «стояние», и хотя иногда нет существительных, по которым называется положение, соответствующее понятие все равно существует.

(382) Для трех оставшихся категорий будет достаточно уже приведенных выше примеров. Мы обозначаем время, когда говорим *вчера* или *сегодня*; место, когда говорим *в Риме* или *в Афинах*; состояние, когда говорим *обутый* или *вооруженный*. Какие из этих выражений, употребляясь в речи, принимают большую или меньшую степень, понять нетрудно.

(383) Таковы десять категорий, из которых необходимо исходит все, что нами произносится. В самом деле, все сказанное нами — в том случае, если что оно что-нибудь означает, однако нельзя понять, истина это или ложь⁴⁷⁷, — представляет собой что-то одно из этих десяти, за исключением разве что тех слов, которые являются своего рода связками (ибо среди выделяемых грамматиками частей речи есть много таких, которые сами по себе ничего не значат или не выражают ничего полнозначного, не будучи соединены с другими словами: это союзы, предлоги и все подобное, что они перечисляют).

⁴⁷⁷ Т.е. является осмысленным выражением, но не полным высказыванием (ср. §§ 388, 390).

(384) Остается сказать о противоположащем. Противоложащее — это то, что словно бы противостоит и пребывает друг напротив друга, как, например, противоположное. Однако не все, что противоположит друг другу, является противоположным. Противоложить друг другу можно либо в том смысле, как сказанное в отношении противоположит соотнесенному (например, большое и малое, половина и двойное), либо как противоположность — противоположности (например, глупость и мудрость), либо как обладание — лишенности (например, зрение и слепота), либо как утверждение — отрицанию («Цицерон рассуждает» и «Цицерон не рассуждает»). Между этими видами есть некоторые различия. Так, сказанное в отношении противоположит соотнесенному в том смысле, что само то, что противоположит, соотносится к тем, чему оно противоположит и некоторым образом указывает на него. Например, половина противоположит двойному и является половиной этого самого двойного — то есть она противоположит ему в том смысле, что соотносится с ним. Малое также противоположит большому в том смысле, что само малое является малым по отношению к тому большому, которому оно противоположит. (385) Противоположности же противоположат друг другу в том смысле, что они не принадлежат тому, чему они противоположат и не указывают на него каким-либо образом. Глупость противоположна мудрости не в том смысле, что она есть глупость этой мудрости или глупость по отношению к ней. При этом следует знать, что некоторые противоположности имеют среднее, другие же не имеют. Те, которым свойственно в том, в чем они могут находиться, находиться взаимоисключающим образом, лишены среднего: например, здоровье и болезнь. Эти две противоположности по природе присутствуют в телах живых существ и присутствуют, как мы сказали, взаимоисключающим образом: если в теле какого-либо живого существа нет здоровья, в нем необходимым образом есть болезнь, в том же, в котором нет болезни, необходимым образом есть здоровье. Белизна же и чернота, хотя и являются противоположностями и естественным образом находятся в телах, не лишены среднего потому, что не необходимо для некоторого тела быть либо белым, либо черным. Действительно, может отсутствовать белизна и при этом не быть черноты, и наоборот: следовательно, возможен некий средний цвет, например, желтый или зеленый.

(386) Обладание и лишенность противоположат друг другу в том смысле, что в той вещи, для которой они возможны, непременно присутствует либо одно, либо другое из них — но лишь с того времени, когда это позволяет природа. Так, зубастым мы называем того, кто имеет зубы, беззубым же — не всякого, кто не имеет зубов, а того, кто по природе может их иметь и с того времени, когда природа позволяет иметь их. Действительно, неправильно называть беззубым камень (так как у него никогда не бывает зубов) или младенца (так как ему, хотя он и может иметь их когда-нибудь в будущем, все же природа в это время

еще не позволяет их иметь). Таким образом, этот третий род противоположащего отличается от первого рода, то есть соотнесенного, ибо зрение противоположит слепоте не в том смысле, что является зрением этой слепоты или соотносится с ней каким-либо образом. От второго рода, то есть противоположностей (по крайней мере, от тех противоположностей, которые имеют среднее), он отличается тем, что зрение и слепота мыслятся применительно к глазам таким образом, что либо одно, либо другое непременно находится в них. Поэтому-то они и отличаются от тех противоположностей, которые имеют среднее, ибо из тех не обязательно либо одно, либо другое находится в сущности, а из этих — обязательно. От тех же противоположностей, которые лишены среднего, этот род противоположащего отличается тем, что те необходимым образом всегда бывают поочередно присущи той вещи, в которой по природе находятся. Например, телу присущи здоровье и болезнь, и либо одно, либо другое из них всегда находится в теле живого существа. Эти же могут оба некоторое время отсутствовать в той вещи, в которой они по природе способны находиться. Например, младенца, пока не настало время, когда он может иметь зубы, не называют ни зубастым, ни беззубым; и глаза живого существа, пока не пришло время, когда они могут видеть, не называют ни слепыми, ни зрячими.

(387) Четвертый род противоположащего — утверждение и отрицание, например: *Цицерон рассуждает* и *Цицерон не рассуждает*. Они отличаются от предыдущих родов противоположащего тем, что те могут быть названы по отдельности, эти же называются только в соединении. От соотнесенного они отличаются тем, что те называются в отношении, эти же не в отношении. От противоположного же они отличаются тем, что те, когда произносятся в соединении, являются истинными или ложными до тех пор, пока существует та вещь, в которой они могут находиться; когда же она перестает существовать, они не являются более ни истинными, ни ложными. Возьмем, к примеру, выражения *он глуп* и *он мудр*: пока тот, о ком говорят, жив, либо одно, либо другое из них истинно; когда же он перестает существовать, оба становятся ложными, ибо тот, кого нет, не может быть ни глупым, ни мудрым. Выражения же *Цицерон рассуждает* и *Цицерон не рассуждает* противоположат друг другу в том смысле, что пока Цицерон жив, либо одно, либо другое из них непременно истинно, после же его смерти то, что *он рассуждает*, является ложью, но при этом истинно, что *он не рассуждает*. Этим данный род противоположащего отличается от обладания и лишения: действительно, тот, кого нет, не слепой и не зрячий. И пусть вас не беспокоит то, что мы уже упомянули о высказываниях, о которых речь должна пойти позже⁴⁷⁸: это было сделано ради разговора о противоположащем.

⁴⁷⁸ § 390.

(388) Имя — это то, что обозначает некую вещь и может изменяться по падежам. Глагол — это то, что обозначает нечто и может изменяться по временам. Например, *Цицерон* — имя, *рассуждает* — глагол. Будучи отделены друг от друга, они обладают некоторым значением, однако не могут быть названы истинными или ложными. Будучи же соединены, они могут содержать как утверждение, так и отрицание: например, если мы говорим *Цицерон рассуждает*, то можно сказать и *Цицерон не рассуждает*. При этом должны присутствовать именительный падеж имени и третье лицо глагола. Первое лицо уже обозначает нечто, что может утверждаться или отрицаться, и относится только к человеку. В нем подразумевается имя, хотя оно и не произносится: так, *рассуждаю* есть полное выражение, даже если не произносить *я*. Также и второе лицо само по себе характеризуется истинностью или ложностью, и также само по себе относится к человеку; поэтому неправильно говорить *рассуждаешь*, обращаясь к тому, что не способен ни слышать, ни понимать произносимого. Таким образом, и в том случае, когда второе лицо произносится без имени, в нем все же подразумевается имя. Иначе происходит, когда мы выражаемся фигурально и используем первое или второе лицо с тем, чтобы либо показать как говорящего того, кто говорить не способен, либо обратить речь к тому, кто не способен ни слышать, ни понимать. (389) Третье лицо относится не только к человеку, но и к другим предметам, и, когда оно произнесено, предмет этот постигается не сразу, если только не подразумевается какое-либо божество (только последнее может быть узнано, не будучи названным: например, когда мы говорим *моросит*, выражение это уже может быть истинным или ложным, даже если не добавлять имя, ибо и так известно, *кто* именно моросит). Когда же мы говорим *рассуждает*, это выражение, обозначая нечто, в то же время не может быть названо истинным или ложным, если не прибавить к нему имя. И, хотя понятно, что оно может относиться только к человеку, однако, поскольку так можно сказать не только об одном человеке, непременно нужно добавить к нему имя. Когда мы говорим *сопротивляется*, это третье лицо, и оно требует не обязательно человека, но любого, что способно сопротивляться. Таким образом, первое и второе лицо могут подразумевать только человека и, будучи произнесены отдельно, могут называться истинными или ложными, ибо вместе с ними подразумеваются также и имена. Третье лицо, напротив, не всегда может быть произнесено отдельно и подразумевает не только одного человека. (390) Итак, то, что получается при соединении именительного падежа имени и третьего лица глагола, называется высказыванием⁴⁷⁹, каковое необходимым образом является либо истинным, либо ложным, либо сомнительным. Например, высказывание *Человек есть живое существо* все мы полагаем истинным, высказывание *Всякое живое существо есть человек* все мы полагаем ложным, а высказывание *Он рассуждает*, несмотря на то, что *он* необходимым образом должен либо рассуждать, либо не рас-

⁴⁷⁹ *Propositio*.

суждать, является для нас сомнительным. Дело в том, что хотя мы и понимаем, что одно из этих двух необходимо является истинным, мы все же не знаем, какое именно из них. Там же, где присутствуют глаголы, называемые безличными, предложение дополняется не именительным падежом, а присоединяет другие падежи. Например, когда говорят *доказано*, то полное предложение получается в том случае, если добавить творительный падеж, то есть *Цицероном*, а когда говорят *жаль*, то полное предложение получается в том случае, если добавить дательный падеж, то есть *Цицерону*⁴⁸⁰. Таких примеров много, однако известно, что глаголы, имеющие лицо, образуют полное предложение только с именительным падежом и формой третьего лица. (391) Существуют также предложения, которые, хотя и состоят из имени и глагола, в то же время не содержат утверждения или отрицания; некоторые называют их не высказываниями, а речениями⁴⁸¹. Таковы предложения в повелительном наклонении: например, когда мы говорим *«Беги!»* Это полное предложение, так как сказанное может не только быть понято, но и осуществлено; при этом оно не может содержать отрицания: действительно, если кто-нибудь скажет *«Не беги!»* то это выражение не будет отрицанием предыдущего, ибо оно не противоположно ему в том смысле, что одно из них истинно, другое ложно, так, чтобы из этого мог возникнуть вопрос. Когда имеются утверждение и отрицание, вопрос несомненно возникает: например, если есть предложения *«Он бежит»* и *«Он не бежит»*, возникает вопрос: *«Бежит ли он?»* При этом предложения *«Беги!»* и *«Не беги!»* не порождают вопроса: *«Бежит ли он?»* В них не может подразумеваться также и вопроса о том, должен ли он бежать: такой вопрос порождается утверждением и отрицанием *«Он должен бежать»* и *«Он не должен бежать»*. Не порождает его и желательное наклонение, ибо, хотя мы и произносим полное предложение, говоря *«О если бы я писал!»* или *«О если бы я не писал!»*, все же отсюда не может возникнуть вопроса *«Пишет ли он?»* Подобных случаев много, но для примера будет достаточно. (392) Итак, соединение имени и глагола, если это полное имя и полный глагол, необходимым образом создает предложение, но не обязательно создает высказывание, если в нем нет ничего, что могло бы утверждаться или отрицаться. Как мы сказали выше, в полном предложении может быть сказано много такого, что не может утверждаться или отрицаться; вопрос же порождается тем, что может утверждаться и отрицаться. Поэтому *«Всякий человек является живым существом»* есть высказывание, и хотя природа требует, чтобы сперва произносилось имя, а затем глагол (как в приведенном примере), однако высказывание не перестанет быть истинным, если мы скажем: *«Живым существом является каждый человек»*.

⁴⁸⁰ У Марциана Капеллы приводятся примеры с отложительным и винительным падежами: *Disputatur a Cicerone* «Рассуждение ведется Цицероном»; *Paenitet Ciceronem* «Досадно Цицерону».

⁴⁸¹ *Eloquia*.

(393) Если к такому предложению что-нибудь добавляется, следует внимательно наблюдать, к какой части оно добавляется. Ибо в высказывании две части: та, что заключена в имени, называется подлежащим; та, что в глаголе, сказуемым: подлечит то, что есть, сказывается же то, что может об этом мыслиться. Следовательно, когда мы говорим «*Цицерон рассуждает*», и к этому предложению добавляется выражение в тускуланском поместье, то оно добавляется к сказуемому; если добавляется *римлянин*, то к подлежащему; если добавляется *разумно и много*, то к сказуемому; если добавляется с *Катоном*, то снова добавляется к сказуемому. Таким образом, все, что добавляется к именительному падежу, добавляется к подлежащему, а все, что добавляется к сказуемому, добавляется в разных падежах и формах. Действительно, к подлежащему не могут добавляться другие падежи, а к сказуемому могут добавляться самые разные, за исключением именительного. (394) Следует, однако, знать, что и глагол может находиться в подлежащем, а имя — в сказуемом. При этом глагол, находясь в подлежащем, имеет при себе какое-нибудь местоимение вместо имени. Также и имя, находясь в сказуемом, имеет при себе какой-нибудь глагол, благодаря которому оно исполняет его службу. Например, если мы говорим «*Тот, кто говорит, есть Цицерон*», то *тот, кто говорит* — это подлежащее, а *есть Цицерон*⁴⁸² — сказуемое. При этом подлежащее образовано местоимением, а сказуемое — глаголом. (395) Итак, в этой части мы сказали, во-первых, каким образом части, соединяясь, могут не образовывать полного предложения; во-вторых, — если образуют, то каким образом предложения могут не быть истинными или ложными, даже если они являются полными; и в-третьих, каким образом предложение становится не только полным, но и также необходимым образом истинным или ложным, то есть высказыванием.

(396) Теперь следует третья часть, в которой разговор пойдет уже о самих высказываниях, к пониманию которых мы подошли в предыдущей части. Итак, высказывания имеют двоякое различие: по количеству и по качеству. Различие по количеству заключается в том, что одни высказывания — общие, другие — частные, третьи — неопределенные. Общее — это, например, «*Всякий человек есть живое существо*», частное — например, «*Некий человек гуляет*», неопределенное — например, «*Человек гуляет*». Таким образом, все, что мы произносим как неопределенное, мы обязательно понимаем как частное, но не обязательно как всеобщее. Поскольку же предпочтение следует отдавать тому пониманию, которое более надежно, мы будем понимать неопределенное как частное. Следовательно, по количеству будет всего два разряда: одни высказывания общие, другие частные. По качеству также два: утвердительные и отрицательные. Утвердительное — это,

⁴⁸² В латинском языке, в отличие от русского, в подобных предложениях глагол-связка *есть*, за редкими исключениями, не опускается.

например, «*Всякое удовольствие есть благо*»; отрицательное — например, «*Всякое удовольствие не есть благо*».

(397) Из общего утвердительного не обязательно следует обратное: действительно, если «*всякий человек есть живое существо*», это не значит, что «*всякое живое существо есть человек*». Но из общего отрицательного обязательно следует обратное: действительно, если «*всякое удовольствие не есть благо*», то «*всякое благо не есть удовольствие*»; если «*всякий человек не есть бессловесное живое существо*», то «*всякое бессловесное живое существо не есть человек*». Из частного утвердительного обязательно следует обратное: действительно, если «*некий человек есть живое существо*», то «*некое живое существо есть человек*». Но из частного отрицательного не обязательно следует обратное: действительно, если «*некое живое существо не есть разумное*», это не значит, что «*некое разумное не есть живое существо*». Таким образом, общее утвердительное и частное отрицательное не обязательно обратимы; напротив, общее отрицательное и частное утвердительное обязательно обращаются, причем таким образом, что при обращении отрицание остается в сказуемой части. Всякое обращение происходит таким образом, что та часть, которая была сказуемым, становится подлежащим. Следовательно, если я говорю «*Всякое удовольствие не есть благо*», то *всякое удовольствие* — это подлежащее, а *не есть благо* — сказуемое; если же я произведу обращение: «*Всякое благо не есть удовольствие*», то подлежащим станет то, что было сказуемым, отрицание же останется в той части, которая станет сказуемым. А если я пожелаю сказать так: «*Никакое благо не есть удовольствие*», то обращение должно быть таким: «*Никакое удовольствие не есть благо*».

(398) Вследствие того, что два разряда высказываний, как мы сказали, не обязательно обратимы, мы должны обращать внимание на все те значения, которые выражаются в высказываниях и в зависимости от которых высказывания могут правильно или неправильно употребляться для того, чтобы выразить истину или ложь. А таких свойств, как уже было показано выше, пять: это род, отличительное свойство, случайное свойство, определение и собственное свойство. Определение и собственное свойство делают указанные виды высказываний обратимыми, остальные же три — никоим образом. Действительно, как «*всякий человек есть разумное смертное живое существо*», так «*всякое разумное смертное живое существо есть человек*». Также поскольку «*всякий человек есть способный смеяться*», то «*всякий способный смеяться есть человек*». В частном отрицательном следует обратить внимание на то, что представляет собой отрицательное собственное свойство. Например, если для человека собственным свойством является способность смеяться, то для иного, нежели человек, собственным свойством является неспособность смеяться. Следовательно, если мы произносим частное отрицательное таким образом: «*Нечто способное смеяться не есть иное, чем человек*», то, без сомнения, возможно об-

ращение: *«Нечто иное, чем человек не есть способное смеяться»*. Также: *«Некое неживое неразумное бессмертное не есть человек»; «Некий человек не есть неживое неразумное бессмертное»*. (399) Существуют и другие обращения, которые делают эти же части высказываний неопределенными, причем отрицание меняет свое место. Неопределенные части получаются следующим способом: *человек — нечеловек, живое существо — неживое существо*. Неопределенными же они являются потому, что таким образом только отрицается, что это есть что-то, но не говорится, что оно есть. Таким образом, если я говорю: *«Всякий человек живое существо»*, то, желая произвести правильное обращение, я применяю отрицание, чтобы получились неопределенные части. Действительно, если истинно, что *«всякий человек живое существо»*, то истинно, что *«всякое неживое существо нечеловек»*. Подобным обращением пользовался в своих риторических сочинениях Цицерон: *«Далее, если установление само по себе и любая его часть есть опровержение обвинения, то то, что не является опровержением обвинения, не является ни установлением, ни частью установления»*⁴⁸³. (400) Также и частное отрицательное может быть обращено таким способом: если *«некое живое существо не есть человек»*, то *«некий нечеловек есть живое существо»*. При этом обращении нужно следить, чтобы, когда произведено обращение, отрицание находилось в том месте, где оно отсутствовало в исходном высказывании. Такое взаимное обращение допускают два высказывания, которые не допускали предыдущего обращения. Только общее отрицательное не допускает последнего обращения. Пусть, таким образом, предыдущее обращение называется первым, а последнее — вторым. Взаимное отношение этих высказываний станет более понятным, будучи изложено следующим образом.

(401) Изобразим четыре линии, образующие квадрат. В левом верхнем углу напишем общее утвердительное, в другом верхнем углу общее отрицательное. Затем проведем диагонали от общего утвердительного к частному отрицательному и от общего отрицательного к частному утвердительному. Получается, что два верхних высказывания не могут одновременно утверждаться, но могут одновременно отрицаться. (402) Действительно, не может одновременно быть истиной, что *«всякое удовольствие есть благо»* и *«всякое удовольствие не есть благо»*. В то же время может одновременно быть, что *«не всякое удовольствие есть благо»* и *«не всякое удовольствие не есть благо»*. Два же нижних высказывания, в свою очередь, не могут одновременно отрицаться, но могут одновременно утверждаться. Действительно, не может одновременно быть ложью, что *«некое удовольствие есть благо»* и *«некое удовольствие не есть благо»*. В то же время может быть, что *«некое удовольствие есть благо»* и *«некое удовольствие не есть благо»*. Диагональные же высказывания не могут ни одновременно утверждаться,

⁴⁸³ Cic. inv. I 13.

ни одновременно отрицаться. Действительно, если истинно, что «*всякое удовольствие есть благо*», то ложно, что «*некое удовольствие не есть благо*». Также, если ложно, что «*всякое удовольствие есть благо*», то истинно, что «*некое удовольствие не есть благо*». То же самое происходит, если на первое место поставить частное высказывание. Также, если истинно, что «*всякое удовольствие не есть благо*», то ложно, что «*некое удовольствие есть благо*»; и если ложно, что «*всякое удовольствие не есть благо*», то истинно, что «*некое удовольствие есть благо*».

(403) Также и общее утвердительное, будучи утверждаемо, обязательно утверждает и соответствующее ему частное; будучи же отрицаемо, не обязательно отрицает его. Действительно, если истинно, что «*всякое удовольствие есть благо*», то обязательно истинно, что «*некое удовольствие есть благо*». Если же мы отрицаем первое таким образом: «*Не всякое удовольствие есть благо*», то возможно, что «*некое удовольствие является благом*». Частное утвердительное также, будучи утверждаемо, не обязательно утверждает соответствующее общее, будучи не отрицаемо, обязательно отрицает его. Действительно, если истинно, что «*некое удовольствие есть благо*», то из этого не следует, что также и «*всякое удовольствие является благом*». Если же ложно, что «*некое удовольствие есть благо*», то ложно, что «*всякое удовольствие есть благо*». То же можно наблюдать и в двух оставшихся случаях.

(404) Когда мы произносим полное предложение, желая вывести из него что-либо, и если собеседник согласен с ним, то оно именуется посылкой. К этому первому предложению необходимо определенным образом прибавить другое, с которым, дабы мы могли из него вывести что-нибудь, собеседник также должен согласиться; если он соглашается, то и оно называется посылкой. (405) Из двух посылок, связанных между собою должным образом, производится заключение. Это заключение не может быть названо посылкой, так как не ожидается, что противник согласится с тобой также и в этом утверждении; однако оно следует и против его желания, если только заключение было произведено безошибочно. Чтобы пояснить сказанное примером, предположим, что вопрос заключается в том, полезно ли удовольствие. Если мы говорим так: «*Всякое удовольствие есть благо*», то это полное предложение; оно становится посылкой в том случае, если противник согласен с ним. Когда он согласится, следует прибавить другое: «*Всякое благо полезно*». Если он соглашается с ним, то и оно становится посылкой. Из этих двух посылок даже вопреки его желанию следует: «*Всякое удовольствие, следовательно, полезно*».

(406) То целое, что состоит из двух посылок и заключения, называется у нас умозаключением, у греков же — силлогизмом (*συλλογισμός*). Итак, умозаключение есть необходимый переход от двух или более положений, в отношении которых собеседник высказал согласие, к тому,

с которым он не высказывал согласия. Посылка, таким образом, может быть и больше двух, но не меньше, чем две. Действительно, если мы пожелаем прийти к тому, что хотим доказать, также и с помощью трех посылок, то безупречным будет, например, такое умозаключение: *«Всякое удовольствие согласно с природой. Все согласное с природой есть благо. Всякое благо полезно. Всякое удовольствие, следовательно, полезно»*. Из этого примера ясно, что допустимо добавлять и большее количество высказываний, если потребуется. (407) Иногда в заключении мы делаем не тот вывод, который получается непосредственно, а тот, что с необходимостью следует из самого сделанного нами вывода, таким образом: *«Всякая добродетель есть благо. Всякое благо полезно. Всякая добродетель, следовательно, не приносит вреда»*. Должен был получиться вывод *«всякая добродетель, следовательно, полезна»*, из которого с необходимостью следует, что она не приносит вреда: действительно, то, что полезно, никогда не приносит вреда. У греков это называется симперазма (συμπέρασμα), мы же можем назвать это смежным выводом.

Умозаключение — как с собственным, так и со смежным выводом — подразделяется на два рода: категорическое и условное.

(408) Категорический силлогизм — это тот, в котором посылки связаны между собой таким образом, что вторая их них дополняется чем-то взятым извне, как в том примере, что был приведен выше: *«Всякое удовольствие есть благо. Всякое благо полезно»*. Мы видим, что здесь во второй посылке не повторяется все, что было сказано вначале, но оттуда берется лишь сказуемое, каковое во втором высказывании сделано подлежащим; второе же высказывание, чтобы дополнить предложение, берет нечто извне, а именно *полезна*. Заключение здесь делается из того, что прибавлено, и из того, что не повторяется, а именно *«Всякое удовольствие, следовательно, полезно»*. В этом роде существуют три фигуры⁴⁸⁴. Первая — та, в которой сказуемое первой посылки делается подлежащим последующей посылки, либо подлежащее первой делается сказуемым последующей. Сказуемое первой посылки становится подлежащим последующей так, как в приведенном выше примере; подлежащее первой посылки становится сказуемым последующей, если ты пожелаешь обратить ее следующим образом: *«Всякое благо полезно. Всякое удовольствие есть благо. Всякое удовольствие, следовательно, есть благо»*. Вторая фигура — та, в которой сказуемое первой посылки является также и сказуемым последующей, например: *Всякая добродетель есть благо, а всякое удовольствие не есть благо. Всякое удовольствие, следовательно, не есть добродетель*. Третья фигура — та, в которой подлежащее первой посылки является также и подлежащим последующей, например: *Некое благо есть удовольствие.*

⁴⁸⁴ *Formae.*

Всякое благо полезно. Нечто полезное, следовательно, есть удовольствие. (409) В первой фигуре вывод может быть сделан общий или частный, утвердительный или отрицательный. Во второй фигуре вывод не может быть сделан иначе как от противного. В третьей фигуре делается только частный вывод. Исходя из этого, ясно, что указанный порядок соблюдается не случайно. Первой заслуженно именуется та фигура, в которой может быть сделан любой вывод; второй столь же правильно именуется та, в которой может быть сделан общий вывод, хотя и от противного; третья также правильно именуется так, будучи наименьшей с точки зрения количества, так как в ней может быть сделан только частный вывод.

(410) Теперь следует сказать о том, сколько модусов допускает каждая фигура. Дело в том, что все фигуры допускают лишь определенное число модусов, и не следует принимать никакой вывод, выходящий за пределы этого числа. Первая фигура допускает девять модусов, вторая — четыре, третья — шесть.

(411) Первый модус первой фигуры — тот, в котором из двух общих утвердительных прямо выводится общее утвердительное, например: *«Все справедливое почетно. Все почетное — благо. Все справедливое, следовательно, благо»*. Обратный вывод *«всякое благо, следовательно, справедливо»* отсюда не следует, однако может быть сделан частный вывод *«некое благо, следовательно, справедливо»*, и получится пятый модус. Второй модус — тот, в котором из общего утвердительного и общего отрицательного прямо выводится общее отрицательное, например: *«Все справедливое почетно. Ничто почетное не постыдно. Ничто справедливое, следовательно, не постыдно»*. При обращении *«ничто постыдное, следовательно, не справедливо»* получается шестой модус, ибо мы сказали выше, что общее отрицательное может быть обращено. Третий модус — тот, в котором из частного утвердительного и общего утвердительного прямо выводится частное утвердительное, например: *«Нечто справедливое почетно. Все почетное полезно. Нечто справедливое, следовательно, полезно»*. При обращении же получается седьмой модус: *«Нечто полезное, следовательно, справедливо»*, ибо выше было сказано, что частное утвердительное может быть обращено. Четвертый модус — тот, в котором из частного утвердительного и общего отрицательного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Нечто справедливое почетно. Ничто почетное не постыдно. Нечто справедливое, следовательно, не постыдно»*. Обращение невозможно, ибо мы сказали выше, что частное отрицательное не может быть обращено. Восьмой модус — тот, в котором из общего отрицательного и общего утвердительного обратным образом выводится частное отрицательное, например: *«Ничто постыдное не почетно. Все почетное справедливо. Нечто справедливое, следовательно, не постыдно»*. Девятый модус — тот, в котором из общего отрицательного и частного утвер-

вердительного обратным образом выводится частное отрицательное, например: *«Ничто постыдное не почетно. Нечто почетное справедливо. Нечто справедливое, следовательно, не постыдно»*.

(412) Первый модус второй фигуры — тот, в котором из общего утвердительного и общего отрицательного прямо выводится общее отрицательное, например: *«Все справедливое почетно. Ничто постыдное не почетно. Ничто справедливое, следовательно, не постыдно»*. Если здесь применить обращение, то другого модуса не получится, ибо вывод сделан касательно обоих подлежащих. Второй модус — тот, в котором из общего отрицательного и общего утвердительного прямо выводится общее отрицательное, например: *«Ничто постыдное не почетно. Все справедливое почетно. Ничто постыдное, следовательно, не справедливо»*. Третий модус — тот, в котором из частного утвердительного и общего отрицательного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Нечто справедливое почетно. Ничто постыдное не почетно. Нечто справедливое, следовательно, не постыдно»*. Четвертый модус — тот, в котором из частного отрицательного и общего утвердительного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Нечто справедливое не постыдно. Всякое зло постыдно. Нечто справедливое, следовательно, не есть зло»*.

(413) Первый модус третьей фигуры — тот, в котором из двух общих утвердительных прямо выводится частное утвердительное, например: *«Все справедливое почетно. Все справедливое — благо. Нечто почетное, следовательно, благо»*. Второй модус — тот, в котором из частного утвердительного и общего утвердительного прямо выводится частное утвердительное, например: *«Нечто справедливое почетно. Все справедливое — благо. Нечто почетное, следовательно, благо»*. Третий модус — тот, в котором из общего утвердительного и частного утвердительного прямо выводится частное утвердительное, например: *«Все почетное справедливо. Нечто почетное — благо. Нечто справедливое, следовательно, благо»*. Четвертый модус — тот, в котором из общего утвердительного и общего отрицательного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Все справедливое почетно. Ничто справедливое — не зло. Нечто почетное, следовательно, не есть зло»*. Пятый модус — тот, в котором из частного утвердительного и общего отрицательного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Нечто справедливое почетно. Ничто справедливое — не зло. Нечто почетное, следовательно, не есть зло»*. Шестой модус — тот, в котором из общего утвердительного и частного отрицательного прямо выводится частное отрицательное, например: *«Все справедливое почетно. Нечто справедливое не есть зло. Нечто почетное, следовательно, не есть зло»*. Все модусы, таким образом, расположены в определенном порядке, и у этого порядка есть основание, которое и было показано в самих фигурах.

(414) Условный силлогизм⁴⁸⁵ — это такой, в котором первое высказывание содержит полностью и аргумент, и предмет вопроса, так что, приняв аргумент, можно сделать точный вывод о предмете вопроса. Вот как это делается: предположим, вопрос состоит в том, полезна ли риторика. Желая доказать, что она полезна, мы возьмем в качестве аргумента ее определение, а именно что она есть *умение хорошо говорить*. Из аргумента и вопроса составляется условный силлогизм следующим образом: «*Если риторика есть умение хорошо говорить, то она полезна*». Теперь примем аргумент в качестве посылки: «*Впрочем, риторика есть умение хорошо говорить*». Если кто-нибудь согласится с обоими этими высказываниями, то он даже и против желая согласится и с тем, что по необходимости «*Риторика является полезной*», что и было предметом сомнения до тех пор, пока мы не приняли первую и вторую посылки. При этом во второй посылке ничто не добавлено извне, как это бывает свойственно категорическому силлогизму. Диалектики называют это первым модусом, или «от предшествующего», так как аргумент, в том виде как он был высказан, в том же виде и принимается в качестве посылки, с той только разницей, что высказывается он условно, а принимается безусловно.

(415) Второй модус — тот, который называется «от последующего», в котором сам аргумент следует из вопроса, а не вопрос из аргумента, следующим образом: «*Если риторика не полезна, она не есть умение хорошо говорить*». В качестве посылки аргумент берется от противоположного, то есть через отрицание, следующим образом: «*Впрочем, она есть умение хорошо говорить. Следовательно, она полезна*».

(416) Третий модус — тот, который называется «от несовместимого», в котором доказывается невозможность того, чтобы одновременно были верны утверждение одного и отрицание другого; если что-то их этого принять в качестве посылки, то противоположное по необходимости исключается. Например, если принять в качестве посылки утверждение, то отрицание исключается, следующим образом: «*Невозможно, что риторика есть умение хорошо говорить и она не полезна. Впрочем, она есть умение хорошо говорить. Следовательно, она полезна*». Выходит, что она полезна, так как как предположение о том, что она не полезна, опровергнуто. Эти три модуса могут быть составлены из одного аргумента и все они могут доказывать нечто одно. Для первой посылки неважно, какую из его частей сделать первой, аргумент или предмет вопроса, лишь бы сохранялась форма вопроса. Имея в

⁴⁸⁵ Источники этого раздела неизвестны. В «Первой аналитике» Аристотеля условный силлогизм такого вида не рассматривается; в то же время интерес к условным силлогизмам проявляли последователи Аристотеля, в частности, Теофраст. Семь модусов условного силлогизма в том виде, в котором они излагаются Марцианом Капеллой, впервые были сформулированы в рамках стоической школы (Kneale W., Kneale M. *The Development of Logic*. Oxford, 1985. P. 180–181).

виду, что «если риторика есть умение хорошо говорить, она полезна», можно высказать это и так: «Риторика полезна, если она есть умение хорошо говорить». То же можно проверить и в двух других модусах. (417) Четвертый модус — тот, который образуется через разделение таким образом, что если одно принимается в качестве посылки, то другое с необходимостью отрицается, следующим образом: «Он или здоров, или болен. Впрочем, он здоров. Следовательно, он не болен». (418) Пятый модус — тот, который образуется также через разделение таким образом, что если отрицается одно, то другое с необходимостью утверждается, следующим образом: «Он или здоров, или болен. Впрочем, он не здоров. Следовательно, он болен». (419) Сюда же относятся и два других модуса, которые образуются с помощью аргумента предыдущих двух, но не через разделение, а через отрицание. Таким образом, шестой модус — тот, в котором доказываем, что не может одновременно быть одно и другое. Посылка берется через утверждение одного, вывод делается через отрицание другого: «Он не является и здоровым, и больным. Впрочем, он здоров. Следовательно, он не болен». Шестой модус высказывается так же, как шестой, а посылка в нем берется, как в пятом, и так же делается вывод. (420) Чтобы легче было понять суть, я прибавлю к сказанному некоторые фигуры, так чтобы смысл умозаключений можно было постичь не из слов, а из самих примеров. Итак, фигура первого модуса такая: *Если первое, то второе. Впрочем, первое. Следовательно, и второе*⁴⁸⁶. Второго — такая: *Если не первое, то не второе. Впрочем, второе. Следовательно, и первое*. Третьего — такая: *Невозможно, чтобы первое и не второе. Впрочем, первое. Следовательно, и второе*. Четвертого — такая: *Или первое, или второе. Впрочем, первое. Следовательно, не второе*. Пятого: *Или первое, или второе. Впрочем, не первое. Следовательно, второе*. Шестого: *Невозможно, чтобы и первое, и второе. Впрочем, первое. Следовательно, не второе*. Седьмого: *Невозможно, чтобы и первое, и второе. Впрочем, не первое. Следовательно, второе*. (421) Следует при этом знать, что из одного аргумента могут быть образованы три первые модуса, из другого — прочие четыре. Основание такого порядка состоит в следующем. Первым является модус, называемый «от предыдущего», ибо первым непременно является то, что предшествует. Вторым — «от последующего», на том же основании: он, как видно, самим своим названием показывает, что и по порядку должен следовать за первым. Третьим становится последний из тех, что образуются из того же аргумента, ибо мы не можем сразу перескочить к разделению, так как оно уже не может быть образовано из того же аргумента. Таким образом, четвертый модус становится как бы первым по отношению ко второму аргументу, и здесь непременно должен предшествовать тот, в котором посылка бе-

⁴⁸⁶ Обычай, абстрагируясь от содержания высказываний, заменять их в формулах порядковыми числительными (ср. буквенные переменные у Аристотеля), был введен и широко использовался стоиками.

рется через утверждение, ибо утверждение предшествует отрицанию. Пятым должен также быть тот, который образован через разделение, и он должен следовать за предшествующим, так как в том посылка берется через утверждение, а в этом — через отрицание. То же самое можно понимать и в отношении последних двух модусов.

(422) Силлогизмы смешиваются различными способами, так что в одном умозаключении можно узнать фигуры и категорического, и условного вида, и происходит это следующим образом. Если вопрос состоит в том, полезна ли сама диалектика, следует рассуждать так: *«Если хорошо рассуждать полезно, то полезно и умение хорошо рассуждать. Впрочем, хорошо рассуждать полезно. Полезно, следовательно, и диалектика»*. При этом в категорическом силлогизме следует обращать внимание на то, что заимствует вторая посылка из первой: ибо очевидно, что что-то она берет и извне. Относительно же того, что она, как мы сказали, заимствует из первой посылки, следует обращать внимание на то, правильно ли произведено заимствование и соблюдается ли при этом соответствие упомянутым нами фигурами. Ибо при построении силлогизма то, что в первой посылке относилось к сказуемому, во второй посылке произносится как относящееся к подлежащему; впрочем, если взять вторую посылку иным образом, то же самое может относиться к сказуемому, и происходит это следующим образом. Известно, что в первой фигуре посылка берется таким образом, что либо сказуемое первой посылки становится подлежащим второй посылки, либо подлежащее первой посылки является также и сказуемым второй посылки. Если ты скажешь так: *«Всякое искусство следует совершенствовать частым упражнением. Произнесение речей, впрочем, есть упражнение в риторике. Риторике, таким образом, следует совершенствовать частым произнесением речей»*, то видно, что в первой посылке упражнение относится к сказуемому, и во второй посылке то же упражнение также относится к сказуемому. Каким же образом соблюдается фигура? Очевидно, таким образом, что в сказуемом первой посылки остается нечто, чего не было в сказуемом второй посылки и из чего может быть сделан вывод, а именно *следует совершенствовать*. Действительно, если бы я пожелала взять в качестве второй посылки *«Риторика, впрочем, есть искусство»*, то все это вместе вело бы к заключению: *«Риторике, таким образом, следует совершенствовать частым упражнением»*. Из этого ясно, что есть много общего, что может присоединяться либо к подлежащему, либо к сказуемому, в зависимости от характера второй посылки...

(423) И, пока Диалектика продолжала в том же роде, устремляясь к предметам столь же запутанным, сколь и туманным, Паллада, видя, что сын Майи уже знаком выражает свое нетерпение, прервала ее речь так:

Умелая вития, слов сдержи поток:
 Довольно слогом трудным ты пленяла нас;
 Иначе хитросложные речения
 Отвергнет Гименей. Все вкратце сказано,
 Что может рассуждение ученое
 В томах премногих изложить подробнее.
 Источник скромный из глубин премудрости
 Все тайное являет, не занудствуя,
 Не обходя безвестного молчанием.
 Все то, что остается, лжи исполнено
 И служит уловлению доверчивых:
 Там строишь ты суждения обманные,
 Играя, западни возводишь ловкие,
 Коварством тайным «кучи»⁴⁸⁷ городишь свои
 И ложные фигуры, правде чуждые.
 Все это слуху предлагать Юпитера —
 Нечестие большое: небожителям
 Любая ложь противна подлой женщины.
 Обмана что, коль вдуматься, ужаснее?
 Немало ты сказала; о силках своих
 Ты промолчи, чтоб не прослыть мошенницей.
 Довольно ж похвальбы безмерной ловкостью!
 А время, что осталось, уступи другим.

(424) Услышав это, Диалектика некоторое время пребывала в нерешительности, затем же, повинувшись наставлению богини, ответила:

Твое слово чту я свято, воле следую всевышних;
 Вняв приказу, удалюсь я, свой рассказ не довершая,
 Хоть поблажки небольшой я заслужила, и могла бы
 Честь свою оберегая, о задуманном поведать,
 Чтоб о дочерях Кекропа плащеносных ведал Бромий,
 Что не менее, чем прочих, клевета нас огорчает.
 Он узнал бы, что я пуще, чем он думал, ядовита,
 И «ленивою марсийкой» был бы быстро он обманут.
 Он увидел бы, что я ни сну, ни пьянству неподвластна,
 Глупых шуток не болтаю пред очами Громовержца...
 Но тебе не прекословлю, дева: тотчас умолкаю.

⁴⁸⁷ См. прим. 457.

Книга пятая

О Риторике

(425) Трубы резким меж тем огласили выси эфира
Пением, им небеса отвечали неведомым громом.
Небожителей страх охватил и тревога; трепещет
Младшее племя богов; сердца, о причинах не зная,
Замерли: память жива о злодействах Флегры старинной⁴⁸⁸.
Духи речные и Фавны, Палес, Эфиальт и Напеи⁴⁸⁹
Взор на старейшин вперили — но, видя, что те и не мыслят
В бой подыматься, слова удивленные шепчут друг другу:
Изумляет покой их безмолвный в душах священных.
Тут впервые Сильван, кипарис свой бросив на землю,
Пыла и трепета полн, безоружную длань простирает:
Делиев требует лук для себя и доспехи Геракла,
Пику Фортуна, трезубец, он дать себе просит со вздохом,
И, не решаясь копья просить у Градива⁴⁹⁰, Сатурнов
Серп себе хочет добыть, к деревенской брани привычный,
Но, не доверяясь себе, на стрелы глядит Громовержца.

(426) Между тем как многочисленное племя земных богов тревожится подобными страхами, входит значительного вида женщина, выделяющаяся весьма высоким ростом и преисполненная самоуверенной важности, с блистающим красотою лицом. На голове ее был шлем, чело было увенчано знаком царственного величия, в руках сверкало неким молниеподобным блеском оружие, которым она

---

⁴⁸⁸ Флегра — полуостров на севере Греции (ныне Кассандра); согласно мифологии — место битвы между богами и гигантами.

⁴⁸⁹ Палес — древнеиталийская богиня скотоводства. Эфиальт — одно из низших божеств, отождествлявшееся с Паном (ср. Artem. II 34, 37). Напеи — нимфы лесов и долин.

⁴⁹⁰ См. прим. 171.

обычно защищала себя либо ранила противников. Ее доходившее до подмышек платье платье покрывал на латинский манер некий плащ, окутывавший плечи. Украшенный блеском всевозможных фигур, он имел на себе изображения разнообразных схем, грудь же была повязана поясом с самоцветами изысканнейших оттенков⁴⁹¹. (427) Когда она на ходу потрясала оружием, то казалось, будто разрываются грозовые тучи и, сталкиваясь, звучат разносящимся гулом громовых раскатов; верилось даже, что она умеет метать молнии, подобно Юпитеру. Подобно всевластной царице, она способна была направлять, куда пожелает, и уводить, откуда пожелает, и повергать в слезы, и приводить в неистовство, а также добиваться любого другого выражения лица и душевного состояния как в городах, так и в сражающихся армиях и в любых народных сборищах. Ходила молва о том, что она подчинила себе сенат, форум и суды в Ромуловом племени, а в Афинах вертела по своему усмотрению и курией, и гимнасиями, и театрами, и всю Грецию привела в замешательство и поставила с ног на голову. (428) Но когда она говорила — какое выражение лица и благозвучие голоса! Какое величие и возвышенность речей! Поистине достойно было слуха самих всевышних дарование столь находчивое, язык столь выразительный и богатый, сокровищница памяти и мысли столь вместительная. Какой порядок расположения! Сколь уместная размеренность произношения! Какая выразительность в движении! Какая глубина в размышлении! Скучная в речах умеренных, изящная в средних, пламенная в высоких, она всех делала в запутанных вопросах понятливыми, в убеждении уступчивыми, в возражении несогласными, в похвалах горделивыми. Когда же она восклицала нечто в волнении, призывая народ в свидетели, то все, казалось, бушевало, мешалось и пламенело! (429) За этой златоустой женщиной, рассыпавшей некие самоцветы царских диадем, следовал многолюдный строй прославленных мужей, из которых ближе всех к ней были двое, выделявшиеся различием одежд и племени — один облаченный в греческий плащ, другой в трабею⁴⁹². Оба несходны были и звучанием речей, хотя второй и утверждал, что он также выучился по-гречески в Афинах, и считался расположенным к учению гимнасиев и вечно разноречивым спорам Академии. Оба, впрочем, были людьми незнатными и происходящими из лона бедности, но, хотя одного породил квиринакский всадник⁴⁹³, другого же усердный ремесленник⁴⁹⁴, благодаря превосходству языка они достиг-

⁴⁹¹ В описании наряда Риторика обращает на себя внимание употребление ряда слов, которые могут использоваться также и как риторические термины: *figura* «фигура», *schemata* «схема», *lumen* «свет, блеск», *gemma* «самоцвет; украшение», *color* «цвет, окраска».

⁴⁹² Демосфен и Цицерон. Трабея — парадная одежда римлян, ср. § 223.

⁴⁹³ Квиринакский (Quirinalis) — одно из имен обожествленного Ромула; квиринакский (Quirinalis) — принадлежащий к роду Ромула, т.е. римский. Всадники, или эквиты (*equites*) — второе после сенаторов сословие в Древнем Риме.

⁴⁹⁴ Отец Демосфена был владельцем большой оружейной мастерской (Plut. Demosth. 4).

ли такой цветущей славы, что после роковой курии и несправедливой гибели оба благодаря своей доблести вознеслись до звезд и бессмертием славы превзошли столетия. (430) Об одном, за которым следовал народ афинян и ряды, облаченные в греческие плащи, шла молва, что он — стражайший из всех и более неистовый, чем ропот и натиск бушующего Океана. О нем произносили такого рода стих:

Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он⁴⁹⁵.

(431) Другой же, которого облакала пурпурная тога консула и лавровый венок за сокрушение заговора⁴⁹⁶, едва лишь вступив в курию всевышних и поздравив себя с тем, что предстал взору Юпитера, принялся радостно восклицать: «О блаженство наше! О счастье государства! О преславная похвала моего консульства!»⁴⁹⁷ (432) За ними, выстроившись в два ряда, шли заслуженные ораторы, неся перед собой наивысшие отличия и награды, которые они стяжали собственными речами: здесь можно было увидеть Эсхина, Исократу и Лисия, а в рядах, облаченных в тоги, — Гракхов, Регула, Плиния и Фронтон⁴⁹⁸. (433) Но прежде их всех и даже прежде самой женщины, их предводительницы, шествовал по обычаю Ромулова ликтора некий старец, державший знак начальственной ветви, на верхушке же этой ветви, как знамение грядущей женщины, располагался златоустый ворон⁴⁹⁹. (434) Тот, кто держал ветвь, звался Тисием⁵⁰⁰ и казался старше и возвышеннее всех, ибо, взирая на сидящего наверху ворона, он прочих именовал своими потомками, а саму предводительницу — родной дочерью. (435) Впечатленные этим представлением, многие боги сочли, что это женщина в высшей степени знатная и, если она гречанка, то родственни-

⁴⁹⁵ Ном. II. XI 654, пер. Н.И. Гнедича, слова Патрокла об Ахилле.

⁴⁹⁶ Имеется в виду подавление заговора Катилины в год консульства Цицерона (63 г. до н.э.). Ср. известный стих из поэмы Цицерона «О моем консульстве»: «Пусть оружие покорится тоге и лавровый венок отступит перед хвалой» (Cic. off. I 77), где лавровый венок, награда полководца, противопоставляется собственной гражданской славе Цицерона на посту консула. Марциан Капелла, вероятно, исходит из неверной интерпретации этого стиха, вручая лавровый венок самому оратору.

⁴⁹⁷ Cic. Catil. II 10.

⁴⁹⁸ Эсхин (389–314 гг. до н.э.), Исократ (436–338 гг. до н.э.) и Лисий (445–380 гг. до н.э.) — греческие ораторы; Тиберий Семпроний Гракх (163–133 гг. до н.э.), Гай Семпроний Гракх (153–121 гг. до н.э.), Плиний Младший (ок. 61–113 гг.) и Марк Корнелий Фронтон (ок. 100–170 гг.) — римские ораторы; Марк Атилий Регул (III в. до н.э.) — римский полководец, герой Первой Пунической войны.

⁴⁹⁹ В ориг.: согах (от греч. *κόραξ* «ворон»). Намек на основателя риторического учения Коракса из Сиракуз (V в. до н.э.).

⁵⁰⁰ Тисий (V в. до н.э.) — оратор, ученик Коракса. Тисий и Коракс считались авторами первого учебника по риторике.

ца Аполлона, если же римлянка, то из рода Корвина⁵⁰¹. Загадочности прибавило и то обстоятельство, что она бестрепетно и с уверенной решимостью облобызала грудь не только Паллады, но и самого Килленийца, явив тем самым свидетельство своего близкого знакомства с ними. Тогда наконец некоторые из богов, пребывавшие в растерянности как по причине смятения, вызванного звуками трубы, так и из-за удивления перед этой ее дружбой со всевышними, и давно желавшие осведомиться обо всем у провидца Феба, не дожидаясь, пока об этом осведомится величайший Юпитер, стали в замешательстве вопрошать, кто она такая. (436) Тогда, окинув взглядом всех всевышних богов, она с некоторым волнением повела такую речь:

«Величайшего отца Юпитера и других небожителей, к которым часто обращалась я во многих делах с мольбою, а также само собрание всевышнего сената призываю я быть свидетелями, что ничто не может быть сочтено более несообразным и недостойным меня, чем то, что я — которая непрестанно обвиняет многих людей на форуме и в многочисленных судах, иных же защищает и, всеми силами состязаясь за славу, стяжала себе похвалы одержанными вопреки превратностям судьбы победами — ныне перед вами, о всевышние, угождение которым виделось мне драгоценным подобием бессмертия, вынуждена вопреки собственной воле излагать пригодные для юных школяров зазубренные правила пресной науки. Нам не предписывает этого и нужда, ибо в нашем распоряжении многочисленные толпы последователей, и помимо тех, кто привык, сокрушая скамьи⁵⁰² приводить в смятение сердца и чувства всех слушателей, я имею также и других, старательно записавших все подробности моих наставлений и глубочайшие тайны моего искусства; и среди обоих рядов моих последователей ярче других да воссияет мой Туллий⁵⁰³, которые не только прогремел величием возвышенного красноречия на форуме, в сенате и народном собрании, но и сочинил наставления в этом искусстве, посвятив множество книг пользе грядущих поколений. (437) По этой причине и свойственный заслуженному величю стыд, и слава всевозможно восхваляемого имени отвратили бы меня от изложения элементарных начал, если бы только то, что вы повелеваете, не способствовало обретению бессмертной награды, и если бы рассказ, пусть даже о началах, но предпринятый по приказанию Юпитера и всевышних, не воспламенял упований на вечность. Итак, я приступлю к изложению этих весьма сухих предметов, хотя и не смогу при этом доставить такого наслаждения, какое я обычно приношу публике; впрочем, если согласие благосклонного величия

⁵⁰¹ Корвин (*Corvinus*) — римское фамильное имя в роде Валериев, ср. *corvus* «ворон».

⁵⁰² Iuv. 7, 86.

⁵⁰³ Марк Туллий Цицерон.

привлечет к участию слух Паллады и разум Аркадца, то даже и теперь я не вызову в вас, о величайшие небожители, недовольства. (438) Ибо я — сама Риторика, которую иные именовали наукой, иные достоинством, иные же дисциплиной⁵⁰⁴. Наукой — потому что мне обучают (хотя бы Платон и возражал против такого названия); достоинством меня именуют те, кому ведомо, что во мне заключено умение прекрасно говорить; те же, для кого не тайна, что глубочайший закон красноречия доступен познанию⁵⁰⁵ и восприятию, с уверенностью объявляют меня дисциплиной.

(439) Моя обязанность — говорить пригодным для убеждения образом. Цель — убеждать в том, в чем положено, посредством речи. Я подтверждаю истинность этих слов моего Цицерона, примерами из которого я и буду пользоваться, последовательно прокладывая путь через все разделы учения. (440) Итак, материя двояка: во-первых, *где* и, во-вторых, *из чего* происходит речь. *Где* — это когда я касаюсь разделов самого вопроса, *из чего* — когда к этому присоединяются найденные предметы и слова.

(441) Сам вопрос бывает либо определенным, либо неопределенным. Он является определенным, когда рождается из известного события и указывает на лицо: например, в речи о Росции⁵⁰⁶ Цицерон спрашивает, «убивал ли Росций отца». Неопределенный — когда спрашивается вообще, следует ли стремиться к тому-то: например, «следует ли философствовать», о чем ведется спор в «Гортензии»⁵⁰⁷. По поводу первого из них я вступаю в борьбу часто и усердно; грекам было угодно назвать его *гипотезой* (*ὑπόθεσις*). К неопределенным же вопросам, уверенно заявляющим права на всеобщие утверждения, я обращаюсь преимущественно в досужих спорах; впрочем, зачастую как раз этот раздел, именуемый *тезой*, снабжал меня меткими копьями и в высшей степени действенными снарядами в самой возвышенной и патетической части судебных речей. Или что иное приходит на помощь в речи о Скавре, когда в нее вводится рассуждение о том, от каких причин случается внезапная смерть⁵⁰⁸? Или, сходным образом, в речи в защиту Милона — рассуждение о том, руководим ли мир провидением⁵⁰⁹? Более того, некоторые из моих последователей, весьма проникательные и движимые остроумнейшим рассуждением, утверждают, что никакой вопрос не является *гипотезой*, ибо все то, что говорится в

⁵⁰⁴ В ориг.: *ars, virtus, disciplina*.

⁵⁰⁵ В ориг.: *edisci*.

⁵⁰⁶ В защиту Секста Росция.

⁵⁰⁷ «Гортензий» — диалог Цицерона, сохранившийся только во фрагментах.

⁵⁰⁸ Почти вся эта речь Цицерона, включая упоминаемый здесь эпизод, не сохранилась.

⁵⁰⁹ Cic. Mil. 83–85.

защитительных речах в пользу ответчиков и в обвинительных против них, может быть сведено к общим вопросам⁵¹⁰.

(442) Нет сомнений в том, что порученное мне искусство состоит из пяти частей: нахождения, расположения, выражения, памяти и произношения. Что же касается прибавляемого сюда некоторыми суждения, то оно относится ко всем частям и поэтому не может само по праву считаться частью⁵¹¹, хотя то, о чем следует говорить или молчать, определяется именно посредством суждения. Нахождение — это тщательное и пронизательное рассмотрение вопросов и аргументов. Расположение — это то, что сообщает предметам порядок. Выражение — это подбор слов, собственных или переносных, произведение новых слов и соединение старых. Память — это надежный страж предметов и слов. Произношение — это управление голосом, движением и жестами в соответствии с достоинством предметов и слов. Важнейшим из них, несомненно, является нахождение, задача которого — исследовать относящиеся к делу вопросы и находить удобные для доказательства аргументы.

(443) Вопросов существует две разновидности, ибо одни из них являются главными, другие случайными. Главными являются статусы, из которых рождается дело — Туллий именует их установками; случайными — те вопросы, которые рождаются, когда дело разбирается, когда при отклонении аргументов или письменных документов дело разделяется на несколько вопросов. Например, главным будет вопрос, по праву ли Милон убил Клодия; случайным — кто из них для кого устраивал засаду.

(444) Итак, главных статусов три: имел ли место поступок, в чем состоял поступок и каков был поступок. Имел ли место поступок — это *предположение*⁵¹², например: убивал ли Росций отца. В чем состоял поступок — это *определение*⁵¹³, например: оскорбил ли Корнелий величие. Каков был поступок — это *качество*⁵¹⁴, например: был ли Са-

⁵¹⁰ Согласно Аврелию Августину, учение о гипотезе и тезе принадлежало Гермагору (см. стр. 30); аргументацию оспаривавшего это противопоставление Аполлодора (I в. до н.э.) Августин поясняет на следующем примере: «Когда ставится вопрос о том, подлежит ли наказанию Орест, причиной, вызвавшей этот вопрос, является не личность, а деяние. И с тем же успехом можно задать вопрос так: подлежит или нет наказанию матереубийца?» (RLM p. 140, 6-14).

⁵¹¹ Ср. Quint. inst. III 3, 5.

⁵¹² В ориг.: *coniectura*, другой вариант перевода — «статус установления» (Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Он же. Избранные труды. Том I. О поэтах. М., 1997. С. 558, 560).

⁵¹³ В ориг.: *finis*.

⁵¹⁴ В ориг.: *qualitas*, другой вариант перевода — «оценка» (Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 558, 561).

турнин убит по праву. Пусть, однако, никого не смущает то, что я не упоминаю о четвертом статусе, который обнаружил Гермагор, ибо существует довольно изящное доказательство того, что его следует именовать не статусом, а частью качества, что я и покажу, когда об этом пойдет речь⁵¹⁵.

(445) Теперь следует сказать о том, каким образом в деле определяется статус. Итак, он определяется через обвинение и отклонение. Обвинение есть предъявление того деяния, которое становится предметом суда; отклонение — некое отрицание, противостоящее обвинению. Например, если говорится: «ты убил отца» и «я не убивал». Из столкновения этих двух утверждений рождается вопрос, который и называется статусом, потому что здесь войска тяжущихся как бы выстраиваются и занимают позицию перед сражением⁵¹⁶. Легко понять, что отвечать на предъявленное обвинение, но вовсе не так легко увидеть, о чем следует говорить в обвинении: то ли о деянии, например: «ты убил человека», то ли об имени деяния, например: «ты совершил убийство». И хотя кажется, что это одно и то же, однако первое обвинение, если его станут отрицать, говоря «я не убивал», будет заключаться в предположении; в последнем, где в обвинении говорится об имени предмета, можно видеть и определение — если, например, скажут: «я не совершал убийства», ибо вопрос будет в том, происходит ли убийство, когда бывает убит какой угодно человек, или только невинный. В самом деле, если ты предъявляешь не деяние, а имя преступления, то при отрицании с противоположной стороны не будет ясно, какой имеет место статус, ибо тебе неизвестно, что именно отрицает тот, кто говорит: «Я не совершал убийства»: то ли он говорит так, потому что он никого не лишил жизни, то ли потому что умерщвление тирана не называют убийством. Таким образом, в обвинении следует говорить о самом том, что было сделано: тогда, если противник станет это отрицать, ты будешь иметь дело с предположением; если же, признав это, он будет отвергать имя преступления, то ты поймешь, что речь идет об определении. (446) Если же, признав и деяние, и имя деяния, он скажет, что ему было дозволено или даже необходимо так сделать, то дело состоит в качестве. Последнее относится либо к предмету, либо к тяжбе. К предмету: «дозволено ли было Милону это сделать?» К тяжбе: «дозволено ли рабу или несостоятельному должнику апеллировать к трибуну? дозволено ли держать речь человеку, заклеявленному позором?»; последняя разновидность качества именуется переносом. Также следует остерегаться говорить в обвинении о том, что входит в обязанности слушающего и сводить статус к одному только

⁵¹⁵ § 453.

⁵¹⁶ В ориг: *ad pugnandum ... consistat*. Таким образом, Марциан Капелла этимологически возводит слово «статус» (*status*) к глаголу *consistere* в одном из его значений: «становиться, занимать <боевую> позицию».

качеству⁵¹⁷, ибо тот, кто рассматривает дело, имеет целью совершить некое действие, а именно — обвинить или оправдать кого-то.

(447) Что же касается слушателей, то их существует три рода. К одному принадлежит тот, кто решает что-нибудь в согласии со справедливостью и является в строгом смысле *судьей*. К другому — тот, кто испытывает сомнения в вопросах добродетели или пользы и ожидает убеждения от чужого мнения как *размышляющий* о некотором сложном вопросе. К третьему роду относится тот, кто свободно оценивает и взвешивает добродетельность или постыдность совершенного деяния: его принято называть *оценивающим*. Таковы, соответственно, и три рода дел, которые содержатся в гипотезе⁵¹⁸, а именно: судебное, совещательное и показательное.

(448) Так как слушатели в вышеназванных делах отличаются тем, что испытывают разные виды сомнения, соответствующие их обязанностям, следует найти отличительные свойства каждого из них. В самом деле, и судья, чья обязанность осудить или оправдать ответчика, дать или отнять имущество, прежде чем рассмотреть дело, сомневается в том, каким образом исполнить свою обязанность; и тот, кто размышляет, колеблется в силу неопределенности решения; и свидетель хвалебной речи, внимающий ей оценивающим слухом, рассуждает о том, по праву ли некто удостоился восхваления. Когда, однако, эти обязанности рассматриваются порознь и отдельно, то более всего мы обращаем внимание на признак, связанный с различием во времени. Так, размышление включает в себе вопрос только о будущем времени: например, когда Катон размышляет о том, должен ли он умертвить себя, дабы не увидеть торжества Цезаря. Судебный же род нередко оказывается обращен как к будущему, так и к прошедшему времени. При этом предположение относится только к прошедшему деянию, а качество зачастую рождается из будущего, о чем будет более ясно сказано в своем месте⁵¹⁹. Весь хвалебный род также заключается в рассмотрении прошлых деяний, однако отличается от судебного рода целью, ибо одно дело справедливой властью оправдать невинного, другое — украсить похвалами человека прославленного, обозревая его заслуженные отличия. Кроме того, в судебном роде тот, кто рассматривает дело, находится в сомнении относительно чужих дел; в совещательном всякий принимает решение не в меньшей степени о своих делах, чем о внешних; в хвалебном оценивающий, слушая, рассуждает о том, является ли то, о чем говорится, правдивым и сообразным. Впрочем, позднейшие льстецы привнесли также и то новшество, что зачастую судьей прославляющей речи становится сам тот, кто восхваляется.

⁵¹⁷ См. § 449.

⁵¹⁸ См. § 441.

⁵¹⁹ § 454.

(449) Таким образом, следует быть внимательными и остерегаться говорить в обвинении о том, что является обязанностью слушателя, — как, например, если бы Верресу было объявлено, что он должен быть осужден. Ибо он ответит, что не должен, и вопрос о том, должен ли он быть осужден, очевидно будет иметь только статус качества. Поэтому обвинение нужно начать с предъявления деяния; например, если ты скажешь ему: «Ты ограбил Сицилию», а он ответ: «Не грабил», то получится статус предположения. В самом деле, глупо сосредоточивать обвинение на том, что остается на усмотрение судьи, или на имени деяния, а не на самом преступлении. Когда в деле рассматривается какой-либо закон или письменный документ, равным образом следует остерегаться заимствовать обвинение из закона: например, если ты скажешь: «Закон воспрещал тебе, будучи чужестранцем, взбираться на стену города». Но лучше сказать так: «Ты взбирался на стену», дабы, если он станет это отрицать, спор шел не о законе, но о деянии, к которому подходит закон, и тогда, если он признается в деянии, будет видно, что он поступил вопреки закону. Если же при отрицании деяния будет зачитываться закон или какой угодно письменный документ, то это будет выглядеть излишним пафосом, так как вопросом предполагается спор не о праве, а об истине. Многие впадали в заблуждение, совершая эту ошибку.

(450) Помимо тех трех статусов, которые я назвала, существуют, как говорят, четыре и пять других, проистекающих из качества письменного документа⁵²⁰. Однако они, хотя и занимают свое место в том или ином разделе дела, все же никогда не оказываются на первом месте, ибо если нет чего-то, что должно быть доказано, никто не станет зачитывать в доказательство закон или какой-либо вид письменного документа. А то, что доказывается, и является статусом, который всегда происходит из первоначального противоречия; прочие же вопросы следует называть случайными контрверсиями.

(451) Таким образом, определить статус можно с помощью простого рассуждения, если мы вспомним, что обвинение не должно сводиться ни к имени преступления, ни к обязанности слушателя, ни к какому-либо закону или письменному документу, которые могут быть предъявлены вместо обвинения. Итак, пусть обвинение будет таким: «Ты убил человека», отклонение: «Я не убивал», и из них возникает вопрос: «Убивал ли он?», и в этом статусе будет содержаться предположение. Если, однако, ответчик сошлется в ответ на законность деяния, то будет иметь место статус качества: так, Милон не отрицает деяния, но спор ведется о законности деяния, ибо он заявлял, что убил Клодия, но сделал это законно. Такому отклонению придается обоснование, и не единственное, ибо одно и то же деяние может выглядеть оправданным

⁵²⁰ §§ 462–466.

по различным причинам. Например, то, что Милон убил устроителя засады — это одно обоснование. Другое — то, что он, по собственным словам, покончил с врагом государства и человеком, воспламененным жадой тиранической власти. В обоих утверждениях речь идет о качестве, однако проявляются различные его виды: первое качество, как ясно видно, является относительным, второе — сравнительным. Если обвинению противопоставляется не указание на законность деяния, а отрицание его имени, то оно все равно не будет образовывать статуса предположения, так как опровергается не деяние, а имя деяния, как в следующем примере. Происходит тяжба о прелюбодеянии. После развода с женой давший развод муж обнаруживает с ней распутника и обвиняет его в прелюбодеянии. Ответчик, возражая ему, не отрицает деяния, однако отвергает имя прелюбодеяния, и ставит вопрос о том, что есть прелюбодеяние, как это бывает в определительной контроверсии. (452) Итак, статус предположения подразумевает отрицание самого деяния, статус определения — отрицание не проступка, но его имени, и вследствие этого также и вменяемого преступления, ибо если деянию дается другое имя, то отвергается и судебный иск, грозящий за предъявленное преступление. Например, обвинение: «Ты украл храмовые кубки из дома жреца; ты совершил святотатство» отклоняется следующим образом: «Я действительно похитил кубки, однако поскольку я похитил их из дома, а не из храма, это следует называть кражей, а не святотатством». В последнем случае также видно некое отрицание деяния, ибо проступок этот направлен не на оскорбление богов, а на причинение убытка жрецу, ибо кубки были похищены из дома. Здесь деяние должно трактоваться через определение того и другого, а именно, что есть святотатство и что есть кража.

(453) Теперь следует сказать о статусе качества, многообразная природа которого требует сперва разделения на части, чтобы, перечислив их, можно было разъяснить свойства каждой в отдельности. Итак, статус качества относится либо к предмету, либо к тяжбе. К предмету — когда разбирают мотив или причину того деяния, которое рассматривается судом, или когда обсуждают, что надлежит сделать: например, имел ли право Милон умертвить Клодия, или следовало ли возратить дом Туллию. К тяжбе — когда ставится вопрос о том, следует ли принимать иск к рассмотрению и должен ли производиться суд. Поскольку последняя разновидность вопроса оценивается исходя из справедливости закона, то будет разумно, если мы, тонко рассудив, сочтем его одним из видов качества. Гермагор, впрочем, рассуждал иначе и предпочитал считать его новым статусом, отдельным от качества, именуя его переносом либо отводом. (454) Однако об этом позже. Качество считают относящимся как к будущему времени, так и к прошедшему. Качество, которое относится к прошлому, — юридическое; то, которое относится к будущему — деловое. И в том, и в другом содержится утверждение, связанное с правом. В юридическом содер-

жатыся утверждения, относящиеся к природе, а в деловом — к закону или обычаю⁵²¹. Юридическое, далее, разделяется на самостоятельное и внешнее. Самостоятельное — это то, которое защищает само деяние исходя из его собственной природы и права; внешнее — это то, которое, не находя в самом деянии ничего достойного оправдания, обращается к причине и ссылается на нее как на справедливую. Например, поскольку Милон не мог сказать, что ему дозволено было умертвить человека, привел в качестве причины убийства устроенную Клодием засаду. Отсюда оно и получило название внешнего, ибо в силу невозможности защищать само по себе деяние оно обращается к его причинам.

(455) Итак, это внешнее имеет четыре части: перенесение, отклонение, сопоставление и допущение. Перенесение — это когда, признавая деяние, переносят вину на потерпевшего, например, Милон — на Клодия, Орест — на мать⁵²², Гораций — на сестру: последний объявил, что убил ее потому, что она, нанеся ему обиду, возмутила его и заставила совершить преступление⁵²³. (456) Отклонение — это когда предъявленное преступление отклоняется от того, кто является обвиняемым, и возлагается на другое лицо или обстоятельство. На другое лицо — как Тиберий Гракх на Манцина, который был инициатором заключения мира, осуждаемого как народом, так и сенатом⁵²⁴. То же и в следующем деле: посол, если он не отправляется с поручением в течение тридцати дней, подлежит казни; квестор не выдал послу деньги на расходы; время истекло. Обвиняемый возражает и возлагает предъявленное ему преступление на квестора. Отклонение со ссылкой на другое обстоятельство происходит в том случае, если он был задержан

⁵²¹ Ср. определение Цицерона: «Юридическая [установка] — эта такая, в которой ставится вопрос о природе справедливого и правильного или об основании для награды или наказания. Деловая — это такая, в которой речь идет о том, что [в данном случае] является правом исходя из гражданского обычая и справедливости; забота об этом у нас поручается прежде всего правоведам» (Cic. inv. I 14). Согласно комментарию Мария Викторина, основание (*ratio*) для награды или наказания, на котором сосредоточивается внимание в статусе юридического качества, всегда принадлежит прошлому; в то же время статус делового качества обращен к будущему, поскольку задача его состоит в том, чтобы, опираясь на интерпретацию уже существующих норм, дать необходимое правовое определение и уточнение применительно к данному случаю (и подобным ему будущим) (RLM 189-190).

⁵²² Клитемнестру.

⁵²³ Liv. I 26.

⁵²⁴ Гай Гостилий Манцин — консул 137 г. до н.э., потерпевший в этом же году поражение в войне против города Нуманция в Испании. Результатом этого поражения стало заключение невыгодного для римлян мира. впоследствии не утвержденного сенатом. Тиберий Гракх был представителем Манцина на переговорах с нумантинцами.

болезнью и называет причиной задержки это свое несчастье. Отклонению подлежит либо само деяние, когда говорят, что оно зависело от воли другого лица; либо причина, если говорят, что нечто произошло по вине другого лица. (457) Сопоставление (которое, как я знаю, у позднейших авторов называется возмещением) — это не тот случай, когда ради смягчения вины указывают на совершенное в другое время благодеяние, но когда правомерность деяния доказывается тем, что из него следовала некая польза. В самом деле, те случаи, когда как бы ради возмещения упоминают об имевших место в другое время заслугах, следует относить скорее к просительному качеству, которое входит в умиловительную разновидность⁵²⁵. В данном же случае обвиняемый настаивает, что он поступил по праву, как в известном ответе Верреса. «Задорого продал я десятину», — говорит он, имея в виду, что его деяние оправдано следовавшей из него пользой и благом. Таким образом, в этой части наличествует признание деяния, однако тяжесть предъявляемого обвинения опровергается указанием на благое следствие. В предыдущем случае, напротив, присутствует одно только признание в преступном деянии, но оно либо отделяется от намерения, либо, если оправдание невозможно, остается лишь смиренно уповать на жалость. (458) В последнем умиловительном качестве различают два вида речей: оправдание и мольбу. Оправдание — это когда, признавая проступок, мы оправдываем свое намерение и волю. Оно бывает, несомненно, трех видов: это неведение, случай и принуждение. Неведение — это когда мы говорим, что что-то не зависело от нашей воли и осведомленности: например, некто на охоте бросил копье в зверя и убил прячущегося под сетями человека. Эта часть именуется ошибкой, и в нее входят незнание, опьянение, забывчивость, глупость, помешательство и прочее, что извиняет допустившего ошибку. Случай, в свою очередь, освобождает от вины за произошедшее: например, если некто не явился к священному дню с жертвенными животными из-за разлившейся реки. Наконец, по принуждению совершил преступление тот, кто умертвил невинного человека по приказу полководца. Различие между этими случаями в том, что неведение обманывает, случай препятствует, а принуждение заставляет. Мольба же не прибегает ни к какому объяснению, но уповает на смиренные просьбы и воздыхания.

(459) К прочим вопросам, которые называют случайными статусами, следует обращаться тем, кто знакомятся с делами определенного рода, которые я рассмотрю подробнее⁵²⁶. Итак, не всегда бывает так, что основу дела образует та речь, которая произносится первой: зачастую именно вторая речь имеет обвинительную силу, как в следующем случае: «Храброму мужу была назначена такая награда, которой

⁵²⁵ § 458.

⁵²⁶ Перевод предположительный. А. Дик и Дж. Уиллис полагают, что в середине этой фразы есть лакуна.

он пожелает; он действовал храбро и требует в награду брака с чужой женой». В этом случае требующий награды, поскольку он никого не считает противником, не выступает ни с каким обвинением; с обвинением выступает, однако, возражающий ему супруг, хотя он, как видно, говорит вторым. Храбрый муж, в свою очередь, возражает ему, прибегая к отклонению, словно бы тот обвинял его в претензии на награду, которую он до этого потребовал, и доказывает, что награда является справедливой, словно бы защищая правомерность некоторого деяния. (460) Вопросы о законах, упомянутые мною как случайные для дела статусы, также не подчиняются упомянутому правилу⁵²⁷, так как они возникают при втором столкновении (первое же отводится статусу качества). Таким образом, правило обвинения и отклонения в вышеупомянутой части статуса качества нарушается.

(461) Теперь я, соблюдая последовательность, коснусь того, что греки именуют *τὸ κρινόμενον*⁵²⁸. Допустим, что обвинение и отклонение обозначат статус, или установку. В случае, если это окажется предположение, из этого будет следовать также и образ суждения: ибо ничто иное тогда не может приниматься к рассмотрению судом, кроме отрицания. В статусе же качества или определения необходимо, чтобы отклонение признанного деяния имело свое обоснование в ином месте, нежели то, из которого возник статус. Обвинитель ему противоречит, и рождается как бы вторичный вопрос, состоящий в обосновании и опровержении обоснования. Здесь, как мы видим, может содержаться то, что подлежит суду, и это как раз то, что оценивающий должен взвесить на основании справедливости. В любом деле могут возникать все возможные статусы, множественные обоснования и бесчисленные опровержения, и, соответственно, обильные семена суждений; это происходит в тех случаях, когда одно деяние защищают с помощью многообразных обоснований. Например, Туллий говорит в защиту Милона, что тот убил устроителя засады и что тот убил врага общественного спокойствия. Важнейшим среди них будет являться тот статус, который будет избран оратором исходя из пользы для защиты: это обоснование обычно следует из всего рассуждения оратора; вслед за ним будут возникать, как логически с ним связанные, и другие статусы. (462) Если же в подтверждение приводится письменный документ, то отсюда возникает правовое суждение, которого существует пять разновидностей. Первая, которую греки именуют *ἀμφιβολία*, — это когда в написанном содержится одна или несколько двусмысленностей. Например, зачастую предметы смешиваются из-за общности имени, как в следующем случае. Некто завещал Тавра, каковое имя принадлежало его рабу, весьма дорогостоящему; наследник, однако, дал ему тавра, то есть быка⁵²⁹, ибо неоднозначность имени породила

⁵²⁷ Правило о том, что обвинитель выступает первым, защитник вторым.

⁵²⁸ Подлежащее суду, предмет суждения (лат. *iudicabile*).

⁵²⁹ Греч. *ταῦρος* «бык».

вопрос. Другая причина — разделение имен на слоги. Например, некто имел двух родственников, одного по имени Лезий, другого с именем Милезий, и, назначая наследника, сказал так: *HERESESTOMILESIVS*; из-за неоднозначности разделения возник спор, ибо тот, кто назывался Лезием, разделял *heres esto mi*, другой же, читая имя слитно, называл наследником Милезия⁵³⁰. (463) Есть также способы, относящиеся к диалектическому рассуждению. Существует и такая разновидность вопроса о письменном документе, которая возникает из буквы и смысла написанного, как в следующем случае: «Чужестранцу запрещено взбираться на стену города; некто взобрался на стену во время осады города и сбросил врага; против него выдвинуто обвинение». Ответчик здесь опирается на смысл закона, обвинитель — на букву.

(464) Третий род вопроса — это когда сталкиваются противоречащие друг другу законы, как в следующем случае. «Мужчине запрещено входить в храм Цереры. Кроме того, должен быть наказан тот, кто не оказал помощи родителям. Сын, войдя в храм Цереры, оказал помощь избиваемой матери. Против него выдвигается обвинение». Здесь спор возникает из-за разнообразия законов, толкования которых приходят в столкновение, чтобы выяснить, к какому из них скорее следовало прислушиваться.

(465) Четвертый вопрос о письменном документе, называемый умозаключением, — это когда из того, что написано, мы при помощи доказательства делаем вывод о чем-то другом, о чем не написано, как в следующем случае: «Допустим, что дозволяется убить изгнанника, схваченного по сю сторону рубежей. Некто, обнаружив изгнанника, избил его. Против него выдвигается обвинение. Защитник приходит к выводу, что меньшее по сравнению с разрешенным являлось дозволенным». Внутри него существуют четыре модуса: от подобного, от следующего, от большего к меньшему, от противного. Вот пример умозаключения от подобного: так как убийца отца зашивается в мешок, это же наказание должно причитаться и матереубийце. От следующего: некто, убедив тирана отказаться от владычества, требует награды, положенной тираноубийце: он делает вывод, что его заслуга равнозначна, ибо он возвратил свободу. От большего к меньшему: «Если дано разрешение умертвить изгнанника, то позволено и избить его». От противного: «Если храбрый муж заслуживает награды, то оставивший строй достоин наказания».

(466) Остается определительный вопрос, проистекающий из двусмысленности написанного, когда некоторое слово в законе или завещании является сомнительным и проясняется посредством определения. Вот пример: «Допустим, что дозволяется убить тот, кто схвачен ночью

⁵³⁰ *Heres esto mi Lesius* «Наследником пусть будет мне Лезий» или *Heres esto Milesius* «Наследником пусть будет Милезий».

с оружием. Магистрат убил человека, схваченного ночью с палкой. Его обвиняют в убийстве. Защищая себя, он ссылается на закон. Спрашивается, однако, что именно является оружием». Этот род вопроса отличен от главных статусов в том, что здесь спрашивается не о деянии, из которого исходит обвинение, но только об определении написанного. Поэтому главные статусы принято отделять от таких правовых вопросов: последние называют случайными, первые же, из которых рождается дело, более правильно именовать либо установками, либо статусами.

(467) Теперь, перечислив установки, рассмотрим контroversии совещательного и показательного рода, ибо нет сомнения в том, что существуют три рода дел и что во всяком деле должен присутствовать статус. Хотя некоторые и полагали, что в совещательном роде должно содержаться деловое качество, так как в нем совещаются о будущем⁵³¹, однако, рассуждая о качестве, не следует исключать того, что в данном роде могут присутствовать также и другие статусы. Мы утверждаем теперь, что в контroversиях такого рода можно определить статус, не придерживаясь при этом правила об отражении обвинения в той мере, в какой это было показано в судебных прениях⁵³². Ибо кто и в чем будет обвинять таким образом, чтобы высказывающиеся за и против вступали в прения в обычном порядке, когда нам не воспрещено выбирать тот или другой род построения? Вместе с тем высказывающийся против, как видно, берет на себя роль обвинителя, ибо тот, кто показывает недостойность или бесполезность того, против чего он высказывается, без сомнения, выглядит как тот, что обвиняет само предприятие. Высказывающийся за, в свою очередь, берет на себя роль защитника и избавляет обсуждаемое предприятие от всевозможных нападков и возражений. Исходя из этого выступающий против может быть назван обвиняющим, а высказывающийся за — отклоняющим, и таким образом в столкновении сторон может быть определен статус, как в следующем деле. «Поскольку войско раз за разом бежит под защиту стен, полководец проводит совещание о том, не следует ли разрушить стены». Высказывающийся против, по-первых, отрицает, что это достойное дело. Говоря, что стены уничтожать не следует, неужели он не выглядит обвиняющим того, кто это сделает? Затем он говорит, что войско отнесется к этому с неудовольствием и возмущением: в этом будет содержаться предположение о предстоящем волнении. Если вслед за этим он заявит, что нельзя говорить о победе, если уничтожится защита государства, то сюда прибавляется определение, так как необходимо определить, какое состояние стен позволяет праздновать победу. Если затем высказывающийся против прибавит, что это не должно происходить без решения сената, то к этому, как видно, присоединяется также и вопрос об отводе. Таким образом, несомненно,

⁵³¹ См. § 454 и прим. 521.

⁵³² Ср. §§ 459–460.

что за высказывающимся против по праву признается роль обвинителя и что в совещательных контрroversиях налицо имеются все статусы. Следует, однако, знать, что высказывающийся против не произносит приговора и не запрещает, подобно судье, но его обязанность состоит в том, чтобы не позволить убедить, предоставив доказательства недостоинства или бесполезности предприятия.

(468) Что же касается показательного рода, то нелегко сказать, каким образом в нем проявляется статус, потому что из похвалы непосредственно не следует порицание таким образом, чтобы всякий, кто не заслуживает похвалы, считался бы достойным порицания, и, напротив, кто не порицается, превозносился бы похвалами (как если бы, например, говорили, что кого-то следует хвалить за то, что он не совершил убийства). Поэтому существует название для чего-то среднего, что принято называть лишением, ибо тот, кто лишен славы, не подлежит тотчас же порицанию и наоборот. Статус показательного рода становится, однако, ясен, если ты назначишь восхваляющего и порицающего, поручив порицающему предъявлять обвинение, а восхваляющему играть роль защитника. Иногда, впрочем, поступают более тонко, помещая слушателя, равно далекого от похвалы и порицания, как бы на место противника: ты не убедишь его похвалить кого-то прежде, чем покажешь этого человека достойным похвалы, ибо его предрасположение таково, что он еще не верит, что тот достоин похвалы. Против этого предрасположения и надлежит бороться восхваляющему или порицающему, в то время как в ранее упомянутом построении имеется некоторое очевидное столкновение, когда, например, первый восхваляет кого-нибудь, а второй обвиняет: например, Туллий, восхваляющий Катона, и Цезарь, в двух томах обвиняющий. Из этого следует вывод, что все роды дел следует рассматривать с точки зрения статуса.

(469) Определив его, ты начнешь исследовать природу дела, которая заключается в простом, двойном или многочастном вопросе. Он является простым, когда на протяжении всей тяжбы исследуется что-то одно: например, по праву ли Милон убил Клодия; при этом то, что в судебном процессе исследуется во вторую очередь — кто кому готовил засаду, — не является отдельным вопросом, но связано с предыдущим в силу двойного предположения, которое греки называют *ἀντικατηγορία*; впрочем, случайный вопрос не может определить род дела. Двойной вопрос образуется иногда из предмета — например, в защите Целия это золото и яд⁵³³; иногда из сопоставления — напри-

⁵³³ Среди различных обвинений, выдвинутых в 56 г. до н.э. против Марка Целия Руфа, защищавший его в суде Цицерон важнейшими называет два: во-первых, в том, что он взял золото у своей любовницы, известной Клодии, для подготовки убийства главы египетского посольства Диона, и, во-вторых, в приобретении яда с целью убийства той же Клодии (Cic. Cael. 30ff).

мер, в защите Росция это вопрос о том, убил ли отца сын или враги. Наконец, многочастное дело состоит из нескольких вопросов, как все речи против Верреса — из вопросов о вымогательстве, и как в защите Скавра исследуются вопросы об убийстве Бостара, о жене Ариса и о трех десятинах⁵³⁴.

(470) Далее следует рассмотреть ведение дела. Ведение — это подход к представлению дела, на всем его протяжении придерживающийся определенной формы. Видов ведения существует пять — простое, тонкое, фигуральное, косвенное и смешанное. Простое — это когда намерения представляющего не отличны от его слов: например, если ты восхваляешь достойного и порицаешь виновного. Тонкое — это когда в душе желают одного, но в речи говорят другое, например, «некто отрекается от сына, потому что тот не имеет друзей»: здесь он не отрекается взаправду, но только устрашает, чтобы тот имел друзей. Фигуральное — это когда стыдливость воспрещает называть что-то из-за его непристойности и на это указывают, пользуясь, как одеждой, прикрытием другого обозначения. Косвенное — это когда страх препятствует сказать о чем-то свободно, и мы указываем на то, в чем желаем обвинить, используя в речах некие потаенные ходы, как в следующем случае: «Тиран, который отказался от тиранической власти в обмен на амнистию, действовал храбро. В качестве награды он потребовал права стеречь оружие и цитадель. Магистраты возражают⁵³⁵». Наконец, смешанное складывается из того и другого, когда свободе речи препятствуют и стыд, и страх, например: «Тиран имел двух сыновей. У одного из них была жена, с которой тиран поступил бесчестно. Ее муж повесился. Он вынуждает второго сына жениться на ней. Тот возражает». Здесь он не может свободно выдвигать обвинения ни в кровосмешении, ни в тирании. (471) Все эти виды ведения должны применяться с умением и искусно распространяться на всю речь целиком. От краски они отличаются тем, что краска сохраняется только в одной части, ведение — во всем деле.

(472) Ведение определяется исходя из основания тяжбы, то есть предмета, который порождает контрверсию. Последняя либо относится к прошлому (например, убивал ли Улисс Аякса), и тогда она

⁵³⁴ От речи Цицерона в защиту Скавра сохранилась только фрагменты. Марк Эмилий Скавр, управлявший в 55 г. до н.э. Сардинией, по возвращении в Рим предстал перед судом по обвинению в поборах (отсюда «три десятины»), убийстве жителя Сардинии Бостара и домогательстве к жене некоего Ариса, вследствие которого последняя покончила в собой.

⁵³⁵ Фортунатиан приводит в сходном контексте следующий пример: «Тиран отказался от тиранической власти в обмен на амнистию. Он претендует на государственную должность. Ему возражают». И далее поясняет: «Это косвенное [ведение], так как опасность [судебного преследования] не позволяет тому, кто возражает, открыто упоминать о тирании» (RLM 86).

придерживается простого ведения; либо, если это контroversия, относящаяся к настоящему или будущему, она будет допускать все виды ведения. Следовательно, ведение рождается из намерения; намерение происходит из основания тяжбы. Основание — это то, что производит сомнение: например, в упомянутом деле о тиране основанием тяжбы является то, что тиран требует права стеречь цитадель и оружие. Пример того, как соблюдается ведение, показывает Первая Филиппика, которая с удивительной тонкостью скрыто обличает владычество Антония, так что кажется, что оратор, говоря все, не сказал ничего резкого.

(473) Исследовав все это, следует обратить взор на аргументы, с помощью которых можно приобрести доверие в неясном вопросе. Доверие возникает тремя способами: расположением, сообщением и побуждением. Первый называется этическим, следующий аподиктическим, третий патетическим⁵³⁶. Добиваться расположения следует на протяжении всей речи, однако с наибольшей настойчивостью нужно делать это в первой части, а больше всего усилий для побуждения следует употреблять в заключении. Сообщать больше прочих частей должно само повествование, хотя и тот раздел, где разрешаются вопросы и предъявляются обвинения, действует не столь отличным образом. Теперь я начну говорить об аргументах.

(474) Аргумент — это обоснование, которое порождает доверие к сомнительному предмету. Сомнительный предмет — это обвинение и отклонение, или обоснование и опровержение обоснования. Так, выдвинув обвинение «ты убил», ты, чтобы показать это, должен будешь подкрепить его аргументацией, в особенности когда оно отрицается. Даже само утверждение «я не убивал» представляет собой аргумент, однако для внушения доверия должны применяться также и такие аргументы, которые называют нериторическими, например, документы, свидетельства и допросы: их я оставлю для последующего рассмотрения. Теперь же мы обсудим аргументы, которые содержатся в самом деле, о котором идет речь, либо касаются его. Те, которые содержатся в нем самом, — это или целое, или его часть, или его обозначение, которое греки называют *этимологией*. Касаются же дела те аргументы, которые привлекаются к нему в качестве относительных. Таковых всего тринадцать: от склонения, от рода, от формы или вида, от подобного, от отличного, от противного, от соединения, от предшествующего, от последующего, от противоречия, от причины, от результата, от сравнения; частями последнего являются большее, меньшее и равное. Ясно, что во всех из них присутствует относительное рассуждение: так, смежным называется что-то по отношению к чему-то; род и вид

⁵³⁶ От греч. *ἦθος* «нрав», *ἀπόδειξις* «предъявление; рассказ; доказательство», *πάθος* «страсть».

являются соотнесенными друг с другом; также и само подобное — это уподобляемое чему-то; и все топысы аргументов получают название не от себя, а от другого.

(475) Итак, первым делом необходимо определить целое, которое рассматривается как сомнительное, и применять аргументы следующим образом. Пусть предметом сомнения будет «является ли красноречие полезным». Целое — это красноречие. Итак, следует дать определение в целом таким образом: «Красноречие есть умение хорошо говорить. Хорошо говорить полезно. Следовательно, красноречие полезно». В применении этого топыса подспорьем является Диалектика, которую вы выслушали недавно. Благодаря ей, полагаю, вам уже известно, что такое род, что такое вид или отличительное свойство, собственное свойство, случайное свойство и прочее, что содержится в ее наставлениях⁵³⁷. И все же я перечислю их, насколько смогу кратко и сжато.

(476) Итак, род — это понятие, охватывающее многие виды и отличительные свойства: например, *живое существо*, что относится к человеку, скоту, птице, рыбе и прочим, которые разделяются не только по числу⁵³⁸, но и по виду, ибо одни из них воздушные, другие водные или земные; одни разумные, другие лишенные разума: все они, когда их объединяют под одним именем, обозначаются именем рода. (477) Вид — это то, что, будучи подчинено роду, содержит в себе иные предметы, различающиеся только лишь по числу: например, *человек* содержит в себе и Демосфена, и Цицерона, которые принадлежат к одному виду, но разделены по числу. (478) Отличительное свойство — это удовлетворяющее вопросу различие: например, если спрашивается, в чем разница между человеком и львом, следует отвечать, что человек кроток, а лев свиреп. Это, впрочем, не отличает ни человека от остальных кротких живых существ, ни льва от остальных свирепых. (479) Собственное свойство — это то, что выделяет некоторый предмет из общего множества: например, смех, ибо он не является для человека чем-то общим с остальными. (480) Случайное свойство — это то, что, находясь в чем-то, не является его частью и не может быть отделено от него так, чтобы оно могло существовать само по себе: например, цвет в теле, в душе — искусство. (481) Аргумент от части приводится для доказательства не целого, но другой части, которая содержит вопрос. В самом деле, часть, будучи доказана, не доказывает целого: например, если глаз видит, то из этого не следует, что все тело видит, так как утверждение о том, что все тело видит, может быть опровергнуто; впрочем, такое рассуждение является диалектическим. Теперь я

⁵³⁷ См. §§ 344–348.

⁵³⁸ Имеется в виду разделение всего множества на столько частей, сколько существует входящих в него индивидов.

покажу, каким образом используется аргумент от части к части: «Если мы должны оберегать ноги и руки, то тем более тщательно мы должны защищать глаза». Иногда на место этого аргумента может заступать и другой, который называется «от меньшего к большему». От этого, однако, основание главного аргумента не нарушается, ибо природа позволяет некоторым аргументам удваиваться; это часто происходит и в фигурах, о которых нам предстоит говорить позднее. (482) Иногда аргумент от частей строится и таким образом: мы вводим разделение и указываем несколько частей, после чего, отвергнув остальные, делаем вывод в пользу одной части, в которой и заключается вопрос. Например, если ты скажешь: «Этого коня, который у тебя есть, ты либо купил, либо получил в дар, либо он родился в твоём доме, либо ты его украл. Ты, однако, не купил его, и тебе его не дали в дар, и в твоём доме он не родился: следовательно, ты его украл». (483) Аргумент от обозначения (или *этимологии*, как говорят греки) мы применяем так: «Если консул — это тот, кто заботится⁵³⁹ о государстве, то что иное совершил Туллий, когда подверг казни заговорщиков?» В этом топосе следует обращать внимание только на происхождение слова. (484) Аргументы от того, что представляется касающимся дела, приводятся следующим образом. Первый — от склонения, когда, указав одно главное имя, мы доказываем что-то ссылкой на производную от него форму, с изменением падежа или времени, например: «Если *благочестие* есть добродетель, то сделанное *благочестиво* достойно похвалы», ибо известно, что добродетель похвальна. Этот топос отличается от предыдущего, потому что одно дело исследовать, отчего было дано такое имя, другое — черпать силу аргумента из знания о том, что одно имя производно от другого. (485) От рода — это когда то, что имеет силу для целого, применяется также к части: например, если женщина есть нечто непостоянное и переменчивое, то и Дидона, как видно, непостоянна и переменчива и может перейти от любви к ненависти. Таким образом строится известное рассуждение Цицерона: «Ибо если вы должны принимать к тщательному рассмотрению дела провинций и союзников, то особенно, о судьи, это касается Сицилии»⁵⁴⁰. Этому топосу, как видно, уподобляется топос от целого, однако разница в том, что там аргументы производятся от определения, здесь же — от самого основания, в силу которого род является родом; и что в роде есть целое, каковое целое при разделении пропадает, род же сохраняется даже будучи распределен между частями⁵⁴¹. (486) Аргумент от вида, или от формы, приводится, чтобы внушить доверие относительно родового вопроса, например, у Цицерона в Филиппиках: «Существует ли что-нибудь, что может быть в столь же непосредственном смысле названо распоряжением человека, облеченного в тогу и обладающего

⁵³⁹ В ориг.: *consulit*, глагол того же корня, что и существительное *consul*.

⁵⁴⁰ Cic. Verr. II 2, 2.

⁵⁴¹ Ср. § 354.

в государстве властью и полномочиями, как закон?»⁵⁴² В самом деле, распоряжение — это род, который доказывается от вида, а именно внесенного Цезарем закона. Его же он подтверждает от подобного: «Спроси о распоряжениях Гракха — тебе предъядят Семпрониевы законы, о распоряжениях Суллы — Корнелиевы»⁵⁴³. (487) Сам по себе аргумент от подобного: «Как Елена для троянцев, так и ты для сограждан был семенем войны»⁵⁴⁴. Также: «Как часто люди, больные тяжелым недугом, когда мечутся в жару и лихорадке...» и так далее⁵⁴⁵. Противоположно этому несходство, у Цицерона называемое отличием, которое указывает на предметы различные, но не противоположные. Пример его дает Цицерон в речи против Верреса: «Однако придется полагать, что ты поступил так же, если ты поступил с тем же намерением»⁵⁴⁶. Оно обнаруживается и в лицах, и в предметах, и во времени, и в месте, и в прочем, что было бы сейчас слишком долго перечислять. (488) От противоположного — это значит от таких вещей, как смерть по отношению к жизни. Теренций говорит так:

Бранить того, кто жизнь спасает! Что же с тем
Ты станешь делать, кто наносит вред и зло?⁵⁴⁷

У Цицерона: «Если он консул — тогда легионы, покинувшие консула, заслуживают смерти»⁵⁴⁸. (489) При помощи аргумента от соединения стремятся приобрести доверие тогда, когда слабые по отдельности доводы в соединении получают силу истины, например: «А что если ты, вдобавок к этому, прежде был беден? Если ты был жаден? Если ты был дерзок? Если ты был недругом того, кто убит?»⁵⁴⁹ Эти доводы, не будучи достаточными по отдельности, по этой причине предъясняются в соединении. (490) Аргумент от предшествующего приводит Цицерон: «Если он без тени сомнений открыл, что у него было на уме, можете ли вы сомневаться в том, что он совершил?»⁵⁵⁰: сперва идет предсказание, где и содержится аргумент, затем следует деяние, из которого возник вопрос. (491) От последующего — наоборот, вопрос содержится в предшествующем, аргумент в последующем, так что если одно следовало, то другое предшествовало, например: «Если она родила, значит, ложилась с мужчиной». Пример из речей против Верреса: «Если срок преторского эдикта оканчивается в январские календы, то

⁵⁴² Cic. Phil. I 18.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Cic. Phil. II 55.

⁵⁴⁵ Cic. Catil. I 31.

⁵⁴⁶ Ср. Cic. Verr. II 3, 214.

⁵⁴⁷ Ter. Andr. 142–143, пер. А.В. Артюшкова.

⁵⁴⁸ Cic. Phil. III 14.

⁵⁴⁹ Cic. S. Rosc. 86.

⁵⁵⁰ Cic. Mil. 44.

почему и в силу он вступает не в январские календы?»⁵⁵¹ (492) Аргумент от противоречия — это когда показывается, что одно не может сочетаться с другим: к примеру, чтобы некто был и нахлебником, и не был смешон. Невозможность того, чтобы одновременно имело место то и другое, выражается через отрицание следующим образом: «Неверно, что Гнафон и является нахлебником, и не смешон». Вот пример этого топоса, состоящий более в самом предмете, чем в словесной форме: «Таким образом, он — кого ты не только избавил от опасности, но и окружил величайшим почетом — обвиняется в том, что он хотел убить тебя в своем собственном доме?»⁵⁵² Также и в первой речи в защиту Корнелия он называет противоречивым утверждение, что тот якобы намеревался преследовать по закону о подкупе тех самых дивизоров⁵⁵³, при помощи которых он до этого стремился получить почетную должность⁵⁵⁴. (493) Топос причины широко распространен и является предметом многочисленных исследований; теперь, однако, достаточно будет указать его форму на следующем примере: «Однако, коль скоро деньги давались вследствие твоих декретов, приговоров и приказов, спрашивать следует не столько о том, чья рука пересчитывала их при получении, сколько о том, кто вымогал их своим беззаконием»⁵⁵⁵. То же и у Вергилия: «Не от меня ли ты бежишь?»⁵⁵⁶ (494) Аргумент от результата приводится тогда, когда сомнение относится к причине: например, когда существование судьбы доказывается тем, что люди остались живы даже вопреки собственной воле. Ибо судьба есть причина жизни или смерти; последние же, то есть возможность жить или умереть, являются результатами судьбы. Цицерон доказывает, что жизнь Авла Гирция дорога народу, тем, что народ ему рукоплещет⁵⁵⁷. Отсюда и слова Вергилия: «Страх обличает низменные души»⁵⁵⁸, ибо страх есть причина изменности души, а последняя есть результат страха. (495) От сравнения с большим: «Кто усомнится в том, что Веррес вымогал деньги у сицилийцев, если он требовал их и у Марка Октавия Лигура?»⁵⁵⁹ Вергилий говорит:

Ты способна свести в поединке любящих братьев⁵⁶⁰,

⁵⁵¹ Cic. Verr. II. 1, 109.

⁵⁵² Cic. Deiot. 15.

⁵⁵³ Дивизор (букв. «распределитель») — человек, нанимавшийся для подкупа избирателей в пользу определенного кандидата.

⁵⁵⁴ Речь не сохранилась.

⁵⁵⁵ Cic. Verr. II. 2, 26.

⁵⁵⁶ Verg. Aen. IV 314. Слова Дидоны, обращенные к Энею.

⁵⁵⁷ Cic. Phil. I 37.

⁵⁵⁸ Verg. Aen. IV 13.

⁵⁵⁹ Cic. Verr. II.1, 127; II.2, 119.

⁵⁶⁰ Verg. Aen. VII 335, пер. С.А. Ошерова. Слова Юноны, обращенные к фурии Аллекто.

доказывая тем самым, что она тем более способна делать это и с чужими, что является меньшим. Теренций говорит:

Кто лгать привык и смело на обман отца
Идет, тот тем смелее проведет других⁵⁶¹.

(496) От сравнения с меньшим — например: «Верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, умеренно расшатывавшего устои государства»⁵⁶²; затем добавляется вопрос, в котором содержится нечто большее: «А мы, будучи консулами, потерпим Катилину, жаждущего опустошить весь мир резней и пожарами?»⁵⁶³ Пользуясь этим же топором, Теренций говорит: «Привязанность ничтожную так близко к сердцу принял он»⁵⁶⁴. (497) От сравнения с равным — у Цицерона: «И если не менее радостны и славны те дни, в которые мы бываем спасены, чем те, в которые мы рождаемся»⁵⁶⁵; и в речи против Пизона, когда он говорит, что нет разницы, «сам ли консул сотрясает государство негодными речами и губительными законами, или позволяет сотрясать другим»⁵⁶⁶.

(498) Итак, вкратце поведав об аргументах этого рода, перейдем к таким, которые не изобретаются оратором, но предоставляются самими обстоятельствами или тяжущимися. Они, как мы сказали, заключаются в одном из трех: в письменном документе (например, таблицах), в авторитете (например, свидетельских показаниях) или в принуждении (например, показаниях под пыткой). (499) К аргументу от письменного документа обращаются, когда для доказательства чего-то сомнительного зачитывается расписка, завещание, договор или что-нибудь другое в этом роде: все это известно настолько, что не требует примера из речи оратора. (500) От авторитета же — это, например, когда Африкан говорил, что Тиберий Гракх был убит законным образом⁵⁶⁷, или когда привлекается свидетельство, должное обнажить истину, например: «Он привел к нам Гнея Помпея как свидетеля того, что хлеб был спешно отправлен». Таким образом, авторитетом обладает либо тот, кто судит, либо свидетель. К этому же разряду относятся оракулы и прочее в этом роде. (501) Принуждение внушает доверие в тех случаях, когда оно возникает вследствие пытки, сна, исступления или опьянения, которые помимо воли исторгают слова о каком-либо

⁵⁶¹ Ter. ad. 55–56, пер. А.В. Артюшкова.

⁵⁶² Cic. Catil. I 3.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Продолжение реплики: «Что бы сделал он, когда б любил?» Ter. Andr. 110–112, пер. А.В. Артюшкова.

⁵⁶⁵ Cic. Catil. III 2.

⁵⁶⁶ Cic. Pis. 10.

⁵⁶⁷ Cp. Cic. de or. II 106.

предмете. Все перечисленное порождает или разрушает доверие, если к этому прибавить истолкование, касающееся обстоятельств, личности и деяния (то есть самого свидетельства, признания или письменного документа). Ибо принимается во внимание и обстоятельства говорящего, и личность его подвергается изучению, и качество письменного документа рассматривается в сопоставлении с ним самим и его обстоятельствами.

(502) Вслед за этим выступающий должен обратить внимание на то, что располагает и волнует слушателей, ибо и это, как мы говорили ранее, имеет отношение к внушению доверия. Итак, душевному расположению способствует достоинство порою личности, порою предмета; личности либо слушателя, либо ответчика, либо самого оратора, либо противника. Слушателя — например, так: «Каким ты ранее являл себя римскому народу, когда был председателем в этом самом суде — таким же предстань перед нами и римским народом и в настоящее время»⁵⁶⁸. Ответчика — как в защите Дейотара: «Кого прежде я часто превозносил вместе со всем сенатом за его постоянные заслуги перед нашим государством»⁵⁶⁹. (503) Оратора — когда он говорит о себе не высокомерно, но скромно, как в следующем примере: «Когда я, судьи, был квестором в Сицилии и, покинув эту провинцию, во всех сицилийцах оставил приятное и долговременное воспоминание о моем имени и моей квестуре, получилось так, что они, по-прежнему видя высшую гарантию своего благополучия во многих своих прежних патронах, в некоторой степени стали видеть ее также и во мне»⁵⁷⁰. Однако об этом я буду говорить подробнее в разделе о начале речи. Наконец, расположение слушателя исходя из личности противника достигается, когда, показав несправедливость или надменность последнего, мы тем самым в выгодном свете показываем собственную скромность. Однако об этом позже, когда речь пойдет о вступлениях, ибо сейчас мы перечисляем не разделы речи, а формы выражения и способы завоевать доверие, обращая внимание в этом месте и на возможности патетического выражения, сила которого, впрочем, более всего проявляется либо в общих местах, либо в заключениях. Начала же мои у древних были лишены подобного душевного волнения, как это будет показано тогда, когда мы будем исследовать правила расположения; между тем я обозначу, какими страстями возбуждаются умы, без какого-либо определения разделов.

(504) Итак, слушатели бывают приведены в волнение либо состраданием, либо ненавистью, либо завистью, либо страхом, либо надеждой, либо гневом и другим тому подобным. Состраданием — это когда мы

⁵⁶⁸ Cic. S. Rosc. 11.

⁵⁶⁹ Cic. Deiot. 2.

⁵⁷⁰ Cic. div. Caec. 2.

с великой скорбью описываем чьи-либо несчастья, когда упоминаем о тяготах времени или величине опасности, как в седьмой речи против Верреса: «Эти самые отцы, которых вы видите, судьи, лежали на пороге, а несчастные матери ночевали у входа в тюрьму, будучи лишены возможности в последний раз взглянуть на детей и ни о чем другом не умоляя, кроме того, чтобы им дозволено было уловить последнее дыхание из уст своих сыновей»⁵⁷¹. Ненавистью — это когда сенаторам или судьям указывают на возмутительность деяний противника: например, когда сообщается, что подкуп судей был для Верреса предметом хвастовства. Также: «За то, что он полагает вас подобными себе в жадности, злодействе и клятвоотступничестве»⁵⁷². Зависть — это то, что напивает слушателей неким озлоблением, как в следующем примере: «Его наглое беспутство добивается дружеского расположения с твоей стороны и со стороны других высокопоставленных и благородных людей скорее, чем беспорочная добродетель кого угодно из нас»⁵⁷³. Также: «То, что этот человек, дочиста всех обобравший и ускользнувший от возмездия, живет в изобилии и довольстве»⁵⁷⁴. Есть и еще один способ воспламенить умы слушателей: если ты будешь со страстным напором говорить о невозможности терпеть чей-либо тиранический нрав или власть. (505) Страх можно возбудить либо перед собственной, либо перед общей опасностью. Собственной: «Это такой суд, в котором вы будете судить об ответчике, а римский народ — о вас»⁵⁷⁵. Общей — как в следующем примере: «Мне представляется, что я вижу этот город, светоч всего мира, твердыню всех народов, внезапно уничтоженным в одном пожаре»⁵⁷⁶. Души бывают приведены в волнение также и надеждой, когда обещаются благодеяния и услуги — например, когда Помпею обещается верность Милона, или: «Целий на всю жизнь будет обязан вам и вашим детям»⁵⁷⁷. Гнев также приводит души в сильное волнение: например, когда Туллий со страстным напором восклицает о том, что сообщники Катилины заседают в курии: «О бессмертные боги! Среди какого народа мы находимся? Что у нас за государство? В каком мы живем городе? Здесь, здесь, среди нас находятся они, о отцы сенаторы!»⁵⁷⁸ Сюда присоединяются и другие подобные страсти, которые, хотя и обладают величайшей силой убеждения, однако представляют собой нечто внешнее по отношению к делу и не должны слишком очевидно демонстрироваться оратором, дабы не показалось, что он пленяет судьбу посредством уловки, а не убеждает его с помощью доказательства.

⁵⁷¹ Cic. Verr. II. 5 118.

⁵⁷² Cic. Verr. I 42.

⁵⁷³ Cic. Verr. II.3 7.

⁵⁷⁴ Cic. Verr. II. 3 9.

⁵⁷⁵ Cic. Verr. I 47.

⁵⁷⁶ Cic. Catil. IV 11.

⁵⁷⁷ Cic. Cael. 80.

⁵⁷⁸ Cic. Catil. I 9.

(506) Итак, к этим благоразумно найденным средствам завоевания доверия следует прибавить порядок предметов. Этот раздел именуется расположением и в нем мы благоразумно следим за тем, о чем и в каком месте следует сказать, а о чем вовсе умолчать, а также каким образом, когда и где это следует делать. Этот раздел предполагает два различных подхода, ибо порядок или бывает естественным, или устанавливается искусством оратора. Он бывает естественным, когда за вступлением следуют повествование, разделение, постановка вопроса, аргументация, вывод и заключение. Искусством оратора — это когда мы разносим то, что нужно сказать, по разделам речи и строим ее исходя из пользы дела, а не из временной последовательности. Так было сделано в защите Милона, где оратор, желая опровергнуть предвзятые суждения, вводит некоторые из вопросов прежде самого повествования, внося эти изменения исходя не из естественного порядка, но из пользы дела. Также и в защите Корнелия сперва опровергаются обвинения, относящиеся ко времени после трибуната, и только затем оратор возвращается к самому трибунату: такое расположение называется, как мы говорили, искусственным. (507) В речах против Верреса он, напротив, придерживается естественного порядка событий и сперва предъявляет ему обвинения, связанные с квестурой, затем с посольством и, наконец, с двумя претурами, сохраняя естественный временной порядок, каковому мы будем непременно следовать, если это не противоречит пользе дела. Однако там, где прежде всего следует избавиться от наиболее тяжких и отвратительных обвинений, опровержение начинается именно с них. Например, в защите Клуэнция он сперва излагает ту часть, которая связана с предположением, и только затем переходит к предписанию закона, переменяв таким образом порядок с тем, чтобы, защищая Клуэнция исходя из утверждения закона, не показаться избегающим данного вопроса в силу неуверенности⁵⁷⁹.

(508) Закончив с этими двумя частями нашего учения, следует обратиться к разделу о выражении, задача которого в наблюдении за отдельными словами. Отличие его от красноречия⁵⁸⁰ в том, что последнее является достоинством ораторского труда в целом, в то время как первое считается только частью искусства. Цицерон говорит как бы о двух его основаниях и двух вершинах⁵⁸¹. Основания — это чистота латинского языка и точность высказывания; первому из этого вы

⁵⁷⁹ Авл Клуэнций Габит в 66 г. до н.э. обвинялся в подкупе суда и попытке отравления. Первое обвинение могло быть отклонено по формальным основаниям, так как ссылалось на закон, применимый только к членами сословия сенаторов, в то время как Клуэнций принадлежал к сословию всадников. Тем не менее Цицерон первую и большую по объему часть своей защитительной речи посвящает опровержению именно этого обвинения (Cic. Cluent. 1–160).

⁵⁸⁰ В ориг.: *eloquentia* «красноречие», *elocutio* «речь, выражение».

⁵⁸¹ Ср. Cic. de or. I 144; III 151–152; rhet. Her. IV 17.

учились, слушая речь Грамматики, посвятившей вас в тонкости своей науки. Вершины же — это красота и богатство языка, плоды не дарования, но величайшего труда, а также длительного упражнения, благодаря которым приобретается способность к речи не только более обильной, но и более ясной.

(509) Этот предмет предполагает два подхода: один — тот, в соответствии с которым блеск проявляется в отдельных словах, другой — когда достоинство выражения соблюдается благодаря красоте их соединения. Среди отдельных слов различаются, в одной стороны, собственные, с другой — переносные и заимствованные. Собственными являются прежде всего старинные, так как предки наши, либо не зная этих украшений речи, либо не отваживаясь к ним стремиться, пользовались собственными словами. Поскольку, однако, старые слова выходили из употребления, не следует с излишней смелостью употреблять те из них, которые по прошествии веков подверглись замене. Поэтому, оставив такие как *alucinari* [говорить вздор], *cerritus* [помешанный] и *caperratus* [сморщенный] и подобные, будем использовать те, которые принимаются обычаем, избегая при этом слов грубых, если только этого не требуют предмет или намерение — когда, например, Цицерон, желая возбудить отвращение к жестокости, говорит: «оставили жертв с перерезанными глотками»⁵⁸² и «колотить простых римлян палками»⁵⁸³. И Вергилий, стремясь избежать обыденности, не без изящества именуется светильники «лампадами»⁵⁸⁴. (510) Если же некая вещь не имеет собственного имени, то следует создать новое или воспользоваться посторонним. Новые слова создаются двумя способами: либо с помощью некоего изобретения, либо словоизменением, либо из соединения двух уже употребительных. Изобретая слова, мы по большей части переводим их, как делали те, кто назвал «качествами»⁵⁸⁵ то, что у греков именуется ποιότητες (ибо прежде этого слова в латинском языке не было). При этом следует соизмеряться со слухом и избегать нелепых новшеств, опасаясь которых Цицерон не пожелал называть «спасителем»⁵⁸⁶ того, кто у греков именуется σωτήρ, и сказал: «тот, кто принес спасение»⁵⁸⁷, ибо первое слово казалось ему чересчур неприличным. (511) Слова получают также из других слов: грамматики называли их производными (paragoga). Например, мы говорим «цветочные росы»⁵⁸⁸, «просторы равнин от костей побелели»⁵⁸⁹, а Гораций,

⁵⁸² Cic. Tull. 21.

⁵⁸³ Cic. Verr. II.1 122.

⁵⁸⁴ В ориг.: lychni (от греч. λύχνος). Verg. Aen. I 726.

⁵⁸⁵ В ориг.: «qualitates». Латинский термин *qualitas* «качество» был впервые использован Цицероном, ср. Cic. Acad. I 25.

⁵⁸⁶ В ориг.: *salvator*.

⁵⁸⁷ Cic. Verr. II.2 154.

⁵⁸⁸ В ориг.: *florea rura*. Verg. Aen. I 430.

⁵⁸⁹ В ориг.: *campique ingentes ossibus albens*. Verg. Aen. XII 36.

пользуясь довольно затейливым способом изменения слова, говорит об этом же «белеются»⁵⁹⁰. Подобными словами, по свидетельству Грамматики, зачастую пользуется Поэзия, хотя и Туллий также говорит о «высокоходных владениях»⁵⁹¹ и «высокопарных ораторах»⁵⁹².

(512) К этому исследованию присоединяется также учение о переносных словах. Они необходимы, когда предмет не находит своего обозначения, либо когда мы желаем выразить нечто более ярким образом. Следовательно, перенос происходит или из-за недостатка, или ради украшения. Из-за недостатка — когда мы говорим, что побег винограда имеет *глазки*⁵⁹³, или называем поля *тучными* и *роскошными*: ибо здесь недостает собственных слов и приспособляются заимствованные. Для красоты же — например, «война внезапно *разгорелась*»⁵⁹⁴, в то время как можно было бы сказать «началась». Мы также можем заимствовать слова из области любых чувств — зрения: «светом свободы и духом законов»⁵⁹⁵, слуха: «молчат законы среди битвы»⁵⁹⁶, вкуса: «о сладкое имя свободы»⁵⁹⁷. Однако страсть к подобным переносным и чужеродным словам не должна увлекать нас без меры. Переносы слов не должны быть чересчур замысловатыми, как если бы ты назвал склонного к роскоши человека «Харибдой». Избегать следует также употребления непристойных сравнений, как если бы ты назвал государство «оскопленным» смертью Африкана или Клодия — «навозом сената». В этот род переноса включают также и аллегорию — по преимуществу к ней прибегают поэты, но также и Цицерон, когда он говорит: «Когда ты, оттолкнув от кормила сенат и изгнав римский народ с корабля, сам помчался на всех парусах, словно главарь пиратов с гнуснейшей шайкой разбойников»⁵⁹⁸; и в речи против Пизона: «Чтобы я, который при жесточайшем шторме и волнении правил кораблем государства и невредимым привел его в гавань, испугался твоего нахмуренного вида и нечистого дыхания твоего коллеги?»⁵⁹⁹ Таким образом, употребив большее количество слов, он выразил то же, что, пользуясь собственными словами, он, возможно, сказал бы более сжато и обыденно. В некотором роде переносными являются и те слова, которые или по части обозначают целое, или по целому часть, или по одному многое, или по многому единичное. По части целое — это, например,

⁵⁹⁰ В ориг.: *albicant*. Hor. carm. I 4, 4.

⁵⁹¹ В ориг.: *grandiferae possessiones*. Cic. Phil. II 101.

⁵⁹² В ориг.: *grandiloqui oratores*. Cic. orat. 20; Cic. Tusc. V 29.

⁵⁹³ См. § 359, прим. 472.

⁵⁹⁴ Cic. Lig. 3.

⁵⁹⁵ Cic. Verr. II.5 160.

⁵⁹⁶ Cic. Mil. 11.

⁵⁹⁷ Cic. Verr. II.5 163.

⁵⁹⁸ Cic. dom. 24.

⁵⁹⁹ Cic. Pis. 20.

«ударяет в корму»⁶⁰⁰ или «мне быть в безопасности в одних стенах в тобою»⁶⁰¹ вместо «в одном доме». Этот троп грамматики назвали метонимией, а греки также *катахрезой*, что по-нашему означает неправильное употребление — как, например, когда мы говорим о «природе богов» вместо «сущности».

(513) В сочетании слов и связной речи нужно следить за тем, чтобы построения выходили прочными, периоды завершенными и слог был украшен некой фигурой. (514) Теперь я перечислю правила сочетания. Величайший порок здесь — не избегать зияний и шероховатостей, а также иотацизма, митацизма, лабдацизма, гомеопрофорона, диспрофорона и полисигмы⁶⁰², то есть беспрестанного и неприятного повторения какой-либо буквы, например: *sale saxa sonabant*⁶⁰³ или *casus Casandra canebat*⁶⁰⁴.

Митацизм — это когда в соединение слов беспрестанно вторгается повторяющаяся буква *m*, как если произнести: *tammam ipsam amo quasi team animam*⁶⁰⁵. Лабдацизм — когда нестройность звучания возникает из-за избыточного употребления буквы *l*, как если произнести: *sol et luna luce lucent alba leni lactea*⁶⁰⁶.

Иотацизм — это если, например, произнести: *Iunio Iuno Iovis iure irascitur*⁶⁰⁷. Полисигма — когда раз за разом умножается буква *s*, например: *Sosia in solario soleas sarciebat suos*⁶⁰⁸. Гомеопрофорон — это когда говорится: *o Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti*⁶⁰⁹

Диспрофорон — когда, например, кто-нибудь говорит: *persuasitrices praestigiatrices atque inductrices striges*⁶¹⁰. (515) Шероховатостей более всего следует избегать между предпоследним и последним словом,

⁶⁰⁰ Verg. Aen. I 115.

⁶⁰¹ Cic. Catil. I 19.

⁶⁰² Большая часть упомянутых здесь терминов происходит от названия греческих букв: иота (Ι), мю (Μ), ла(м)бда (Λ) и сигма (Σ). Гомеопрофорон (греч. ὁμοιοπρόφορον) буквально означает «одинаково произносимое», диспрофорон (греч. δυσπρόφορον) — «неудобопроизносимое»; последние два термина встречаются только у Марциана Капеллы.

⁶⁰³ «Скалы в море шумели» (Verg. Aen. V 866).

⁶⁰⁴ «Превратности Кассандра предрекала» (Verg. Aen. III 183)

⁶⁰⁵ «Я маму люблю словно собственную душу».

⁶⁰⁶ «Солнце и луна светят светом белым, мягким, млечным».

⁶⁰⁷ «Юпитерова Юнона по праву гневается на Юния».

⁶⁰⁸ «Сосий в солярии чинил свои сандалии».

⁶⁰⁹ «О тиран Тит Таций, ты сам навлек на себя столь великие беды!» Enn. ann. frg. 109.

⁶¹⁰ «Соблазнительницы, обманщицы и обольстительницы стриги (т.е. совы-оборотни)».

пример чего будет, если произнести *phaleras ablatas gratis*⁶¹¹ или если возница клянется *per lora, per flagella, per frena*⁶¹². (516) Зияние — это когда сходные гласные, сходным образом долгие, сталкиваются, образуя в том же месте, о котором мы сказали, зияющую последовательность, как если бы некто сказал, что он родил детей *secundo omine*⁶¹³, или как Туллий говорит в защите Милона *auctoritate publica armare*⁶¹⁴; он, впрочем, зачастую прибегает к этому намеренно, чтобы скрыть свое искусство.

(516) Подобным образом нам следует избегать случаев, когда в одном месте стоят подряд три или четыре долгие либо краткие гласные или их последовательность образует известнейшие стихотворные размеры, прежде всего героические и ямбические стихи. Впрочем, и Цицерон не обходится без них, когда говорит: *senatus haec intellegit, consul videt*⁶¹⁵, не гнушаясь также началом и окончанием героического стиха, когда говорит: *o miserum, cui peccare licebat*⁶¹⁶ и, в «Академиках»: *latent ista omnia, Varro, magnis obscurata et circumfusa tenebris*⁶¹⁷. И в речах против Верреса он порождает целый стих, хотя и хромающий на один слог, когда говорит: *cum loquerer, tanti fletus gemitusque fiebant*⁶¹⁸. Не обошелся он и без элегического окончания, ибо он произносит: *oderat ille bonos*⁶¹⁹. Впадает он и в шаловливость фалекейского одиннадцатисложника, когда говорит: *successit tibi Lucius Metellus*⁶²⁰. Этого мужа, однако, оправдывает и количество его трудов, и собственное его величие. Более всего нежелательным является героический стих в клаузулах; в то же время нужно быть внимательным, чтобы, избегая сходства со стихом, не обойти вниманием хорошую клаузулу, как если бы кто-нибудь побоялся сказать *strepitumque plagarum*⁶²¹ при том, что слог *pla* долгий и образует хорошую клаузулу.

⁶¹¹ «Фалеры (вид металлических украшений), отнятые безвозмездно» (ср. Cic. Verr. II.4, 29).

⁶¹² «Поводьями, кнутом и уздой».

⁶¹³ «При благоприятном знамении».

⁶¹⁴ «Вооружить авторитетом государства» (Cic. Mil. 2).

⁶¹⁵ «Сенат это понимает, консул видит» (Cic. Catil. I 2). Последовательность долгих и кратких слогов здесь образует ямбический триметр.

⁶¹⁶ «О несчастный, кому дозволено было допустить оплошность» (неизвестный фрагмент). Начало и конец этого отрывка ритмически соответствуют началу и концу дактилического гексаметра.

⁶¹⁷ «Все это тайна, Варрон, покрытая и окруженная великим мраком» (Cic. Acad. II 122). Ритмически этот отрывок представляет собой окончание дактилического гексаметра (*latent ista omnia, Varro*), за которым следует еще один полный дактилический гексаметр.

⁶¹⁸ «Во время моей речи раздавался столь великий плач и стон» (Cic. Verr. II.4 110).

⁶¹⁹ «Он ненавидел добропорядочных» (неизвестный фрагмент).

⁶²⁰ «Твоим преемником стал Луций Метелл» (Cic. Verr. II.3 43).

⁶²¹ «И шум ударов» (ср. Cic. Verr. II.5 162).

(518) Следует также избегать срамословия (*sacemphaton*) с помощью вставки и замены слов⁶²². Ибо постыдны такие примеры, как *arrige aures, Pamphile*⁶²³, как *atque ereptae virginis ira*⁶²⁴: в них речь становится грязной. Избегать следует также «узdechek»⁶²⁵, которые происходят из скопления в одном месте самых трудных букв, как у Теренция в «Свекрови»:

*per pol quam paucos reperias meretricibus
fidelis evenire amatores, Syra*⁶²⁶.

Этим же пороком, как считается, страдают фразы, где слова начинаются с одной и той же буквы, например: *non fuit istud iudicium iudicii simile, iudices*⁶²⁷, или на одну и ту же букву оканчиваются: *fortissimorum, proximorum fidelissimorumque sociorum*⁶²⁸. Также следует совершенно избегать сочетания большого количества кратких слогов, как в стихе Серена:

*perit, abit avipedis animula leporis*⁶²⁹.

(519) Вкратце поведав об этом, расскажем о стопах, из которых составляются правильные клаузулы. Говоря о них вперемешку и без разбору, Цицерон⁶³⁰ тем самым вносит некоторую путаницу: то он утверждает, что заканчивать следует дитрохеем⁶³¹, то советует первый пеон⁶³² в начале, то четвертый в окончании⁶³³, тодохмий, который состоит из краткого, двух долгих, краткого и долгого (как пример его он приводит *amicos tenes*⁶³⁴), восхваляя также стопу амфимакра⁶³⁵ и,

⁶²² Согласно Квинтилиану, *sacemphaton* (греч. *κακέμφατον*) — это употребление слов или словосочетаний, которые могут быть истолкованы как непристойные (Quint. inst. VIII 3, 44–47).

⁶²³ «Навостри уши, Памфил» (Ter. Andr. 933). Выражение «навостри (букв. подними) уши», очевидно, могло быть истолковано в эротическом смысле (У. Копп: *arrigere ad aures relatum, quod alias de membro virili dicitur*).

⁶²⁴ «В гневе за похищенную деву» (Verg. Aen. II 413). Согласно мнению У. Коппа, в упоминании «похищенной девы» (*ereptae virginis*) можно увидеть непристойный намек на «похищенное девство» (*ereptae virginitatis*).

⁶²⁵ В ориг.: *freni*, встречающаяся только у Марциана Капеллы латинская калька греческого термина *χαλινοί*, ср. Quint. inst. I 1, 37.

⁶²⁶ «Как мало, Сира, у любовниц верных им Поклонников встречается» (Ter. hec. 1–2, пер. А.В. Артюшкова).

⁶²⁷ «Этот суд не был поход на суд, о судьи» (ср. Cic. Cluent. 96).

⁶²⁸ «Храбрейших, ближайших и вернейших союзников».

⁶²⁹ «Погиб: отошла душонка быстрого зайца» (ср. Sept. frg. 17).

⁶³⁰ Ср. Cic. orat. 212–219.

⁶³¹ U — U — .

⁶³² — U U U.

⁶³³ U U U — .

⁶³⁴ «Друзей имеешь».

⁶³⁵ — U — .

с другой стороны, дактилический размер⁶³⁶; то восхваляет анапестический размер⁶³⁷, то дифирамбический⁶³⁸; однако мнение его остается неопределенным. Я, в свою очередь, очень кратко перечислю их, дабы явиться некой путеводительницей в этой чаще.

(520) В односложных словах следует смотреть, является ли последний слог долгим или кратким. Если он долгий, то ему должен предшествовать трохей, как у Цицерона: *non scripta, sed nata lex*⁶³⁹, или: *debet esse legum in re publica prima vox*⁶⁴⁰; такое окончание годится только для подвешенного периода. Если односложное слово краткое, то перед ним должен находиться ямб или анапест, подобно тому как говорит Саллюстий: *tota autem insula modica et cultibus variis est*⁶⁴¹. Сочетание же краткого с кратким или долгого с долгим не может не вызывать порицания, как если произнести *ista res mea est*⁶⁴² или наоборот, как Цицерон в защите Лигария: *non tu eum patria privare, qua caret, sed vita vis*⁶⁴³; оратор, впрочем, делает это намеренно, а не по ошибке. Выше-названное правило об односложном слове следует, однако, применять скорее перед колоном или запятой, но не в конце предложения.

(521) Двусложные слова на конце согласно правилу не должны быть ямбического размера, однако если на предпоследнем месте находится спондей, то следом нужно присоединить ямб, как если произнести: *tenui servos meos*⁶⁴⁴, либо вместо ямба пиррихий⁶⁴⁵, например: *consul videt*⁶⁴⁶. Хорошая клаузула получается, однако, из ямба и спондея или с трохеем на конце, как если бы кто-нибудь произнес: *patria continet bonos cives*⁶⁴⁷ или *asserat caput legis*⁶⁴⁸. Следует, однако, остерегаться того, чтобы в конце стояли два ямба или ямб и пиррихий, как если бы кто-нибудь произнес: *pugnare iuvenes pro parentibus suis*⁶⁴⁹. Также

⁶³⁶ — U U.

⁶³⁷ U U — .

⁶³⁸ Дифирамб — название не стопы, а поэтического жанра, отличавшегося сложным и разнообразным метром. Сам Цицерон, ссылаясь на Теофраста, утверждает, что элементы этого «свободного и роскошного размера <...> можно обнаружить во всякой богатой прозаической речи» (Cic. de or. III 185).

⁶³⁹ «Не писанный, а врожденный закон» (Cic. Mil. 10).

⁶⁴⁰ «Первейшим в государстве должен быть голос законов».

⁶⁴¹ «Остров же весь умеренный и с разнообразными насаждениями» (Historiarum Fragmenta 3. 34 Kritzius).

⁶⁴² «Эта вещь моя».

⁶⁴³ «Ты хочешь отнять у него не родину, которой он лишен, но жизнь» (Cic. Lig. 11).

⁶⁴⁴ «Я владел моими рабами».

⁶⁴⁵ U U.

⁶⁴⁶ «Консул видит».

⁶⁴⁷ «Отечество удерживает хороших граждан».

⁶⁴⁸ «Пусть утверждает глава закона».

⁶⁴⁹ «Сражаться юношам за своих родителей».

следует остерегаться того, чтобы пиррихий следовал за пиррихием и получались четыре кратких подряд, как если бы кто-нибудь произнес: *perdidi bona mea*⁶⁵⁰, или после пиррихия находился трохей либо спондей, как если произнести: *conqueritur sua fata*⁶⁵¹ или *imputat sibi demens*⁶⁵². Впрочем, трохей и ямба либо следующий за трохеем вместо ямба пиррихий также образуют плохую клаузулу, ибо такое сочетание постыдным образом напоминает окончание элегического пентаметра. В самом деле, какая разница, произнести ли: *omnia nempe vides*⁶⁵³, или произнести: *aspice facta mea*⁶⁵⁴? В то же время хорошо ставить в конце клаузулы либо два трохея, либо трохей и спондей, как если кто-нибудь произнесет: *haec est bonorum civium magna cura*⁶⁵⁵ или *haec sunt, quae maximi principes sola curant*⁶⁵⁶.

(522) Для трехсложных слов, оканчивающих клаузулу, существует закон: если ты желаешь, чтобы она звучала мягко, за предпоследним трохеем должен следовать молосс⁶⁵⁷ (вне зависимости от того, является ли его последний слог долгим или кратким, согласно метрическому правилу⁶⁵⁸), как в следующем примере из Туллия: *mare fluctuantibus, litus eiectis*⁶⁵⁹. Дурная клаузула получится, однако, если вместо предпоследнего трохея ты поставишь спондей, как если произнести: *mare fluctuantibus, rupes eiectis*⁶⁶⁰. Она будет дурной и в том случае, если ты поставишь на предпоследнее место не трохей, а пиррихий, как если произнести: *mare fluctuantibus, apex*⁶⁶¹ *eiectis*. Завершение также будет дурным, если первый слог последнего молосса будет краток, хотя бы ему и предшествовал по правилу трохей, ибо тогда получится героическое окончание, как если бы кто-нибудь произнес: *litus amicis*⁶⁶². Хорошая клаузула получается также, если вместо последнего молосса после трохея помещается малый ионик⁶⁶³, как если произнести: *mare fluc-*

⁶⁵⁰ «Я утратил мое состояние».

⁶⁵¹ «Сетует на свою судьбу».

⁶⁵² «Приписывает себе, безумный».

⁶⁵³ «Ты все, конечно, видишь».

⁶⁵⁴ «Смотри на деяния мои».

⁶⁵⁵ «Это великая забота хороших граждан».

⁶⁵⁶ «Это единственное, о чем заботятся величайшие правители».

⁶⁵⁷ — — — .

⁶⁵⁸ Правило, в соответствии с которым «долгота последнего слога безразлична» (Cic. orat. 218; ср. критическое замечание по этому поводу у Квинтилиана: Quint. inst. IX 4, 93).

⁶⁵⁹ «Море волнами носимым, берег извергнутом» (Cic. S. Rosc. 72).

⁶⁶⁰ «Море волнами носимым, скалы извергнутом».

⁶⁶¹ Слово *apex* («вершина»), которое мы находим в рукописях, ритмически представляет собой не пиррихий, а ямба; Дж. Уиллис предполагает в этом месте лакуну.

⁶⁶² «Берег друзьям».

⁶⁶³ U U — — .

*tuantibus, litus agitantibus*⁶⁶⁴. Однако следует остерегаться, чтобы в такой клаузуле вместо предпоследнего трохея не стоял спондей, ибо тогда, если ты распустишь⁶⁶⁵ третий слог молосса, ты впадешь в тот же порок, в какой впадает Цицерон, когда говорит: *si te semel ad meas capsas admisero*⁶⁶⁶. Если же при предпоследнем трохее ты распустишь средний слог молосса, то создашь красивую клаузулу, как если произнести: *litus Aemiliae*⁶⁶⁷. Также после предпоследнего трохея красиво распускается третий слог молосса, как если произнести: *litus aequabile*⁶⁶⁸. Также изящная клаузула получится, если мы распустим долгий слог предпоследнего трохея и первый слог последнего молосса, например <...>.

(523) *Ирония* (*εἰρωνεία*) — это притворство, известная и частая у Цицерона фигура, в которой мы обозначаем словами одно, а думаем о самом предмете другое. Таково начало защиты Лигария: «Новое обвинение, Гай Цезарь...»⁶⁶⁹. *Паралипсис* (*παράλειψις*) — это фигура умолчания, когда мы, как будто бы обходя что-то, тем не менее говорим об этом. *Апострофа* (*ἀποστροφή*) — это обращение к кому-то отсутствующему, то есть когда мы обращаем речь к кому-нибудь, чтобы таким образом нечто сообщить судьям. *Дианоресис* (*διανόρησις*) — это сомнение: этой фигурой мы пользуемся, когда будто бы в сомнении спрашиваем у самих судей совета о том, как нам следует начать; например, в защите Клуэнция: «Я же, судьи, не знаю, к чему мне прибегнуть»⁶⁷⁰, и в защите Корнелия: «Бороться ли мне с устремлениями знаменитейших людей? Открывать ли их замыслы и намерения»⁶⁷¹, и так далее. (524) *Эротема* (*ἐρώτημα*) — это вопрошание: этой фигурой мы пользуемся, когда, многократно вопрошая, мы преувеличиваем что-то и подчеркиваем его ненавистность. *Писма* (*πύσμα*) — это вопрос; эта фигура отличается от вышеупомянутой тем, что на вопрошание можно ответить только одним словом, а на вопрос нельзя ответить иначе как несколькими словами — например, когда мы говорим: «Каким образом мы будем вести войну? На чью поддержку мы сможем рассчитывать? Кто пожелает прийти нам на помощь, если мы так жестоко обойдемся с союзниками?» *Диатипосис* (*διατύπωσις*) — это описание, или обрисовывание, когда мы изображаем внешний вид обсуждаемых лиц и предметов, как Туллий в защите Милона: «Если бы вы воочию увидели те события, о которых слышали сегодня» и изображает Милона, одетого в пенулу, сидящего вместе с женой в повозке, а также

⁶⁶⁴ «Море волнами носимым, берег правящему [кораблем]».

⁶⁶⁵ «Распущение слога (греч. *λύσις*) — замена долгого слога двумя краткими.

⁶⁶⁶ «Если я однажды допущу тебя до моих ящиков [со следственными документами]» (Cic. div. Saec. 51).

⁶⁶⁷ «Берег Эмилии».

⁶⁶⁸ «Ровный берег».

⁶⁶⁹ Cic. Lig. 1.

⁶⁷⁰ Cic. Cluent. 4.

⁶⁷¹ Or. frg. A VIII 1.

Клодия, выезжающего из города на коне с отборными спутниками, и прочее. *Антисагога* (*ἀντεισαγωγή*) — это выведение противного; эта фигура имеет место, когда мы признаем, что нечто является трудным и противным, но в противовес этому присоединяем и нечто другое, не менее основательное, как Цицерон о царе Птолемеи: «Способ ведения войны трудный, но полный преданности, полный благочестия»⁶⁷². (525) *Диасирмос* (*διασυρμός*) — это принижение, или высмеивание; в этой фигуре мы с помощью шутки опровергаем то, что говорится противниками: такова в речи о Мурене вся обращенная против Сульпиция часть о гражданском праве⁶⁷³. *Метастасис* (*μετάστασις*) — это некий перенос, то есть когда мы переносим предмет от себя к другому, однако не таким образом, чтобы возлагать на него все дело целиком: в противном случае это становится уже статусом, а не фигурой.

(526) О фигурах мысли довольно; перейдем теперь к фигурам речи⁶⁷⁴. Однако я хочу вкратце упомянуть о том, сколько существует родов речи и сколько способов ее построения. Итак, существует речь, свойственная всякому роду повествования, которую греки именуют *ἐπιρομένη λέξις*⁶⁷⁵: она сплетается таким образом, что за предыдущим выражением всегда идет последующее. Она годится и для истории, и для такого повествования, которое требует изложения не обратного и не закругленного, но слитного и непрерывного, как в речи о Милоне: «Я убил, убил не Спурия Мелия, который снижением цены на хлеб и подачками...» и так далее⁶⁷⁶. (527) Есть другая, состоящая из обходного движения, которую греки называют *периодом* (*περίοδος*⁶⁷⁷). Она ограничивает и определяет предложение неким закругленным оборотом, как в речи о Цецине: «Если бы та сила, которую в пустынной местности имеет отвага, на форуме и в судах принадлежала бесстыдству, то ныне Авл Цецина не в меньшей степени отступил бы перед бесстыдством Секста Эбуция, чем тогда, при нападении, отступил перед отвагой»⁶⁷⁸. Это обходное движение состоит из членов, которые греки называют *колонами* (*κῶλα*), и из отрезков, которые именуют *коммами* (*κόμματα*). (528) Член — это часть речи из нескольких слов, независимым образом нечто обозначающая, следующим образом: «Хотя я и опасаясь, судьи, нет ли постыдного в том, что начинающий говорить в защиту храбрейшего мужа сам испытывает страх»⁶⁷⁹. Отрезок же — это часть речи из двух или нескольких слов, еще не обозначающая че-

⁶⁷² Or. frg. A XV 10.

⁶⁷³ Cic. Mur. 25.

⁶⁷⁴ Речь — зд. *elocutio*, ср. § 508, прим. 580.

⁶⁷⁵ Букв. «сплетенная речь», см. Aristot. rhet. III 1409 a 24.

⁶⁷⁶ Cic. Mil. 72.

⁶⁷⁷ Букв.: «круговой путь».

⁶⁷⁸ Cic. Caec. 1.

⁶⁷⁹ Cic. Mil. 1.

го-либо независимым образом. В то же время отрезочной (*caesa*) мы называем речь, когда произносятся отдельные слова, что-нибудь обозначающие, как, например: «Кто же этот Лоллий, который даже теперь не находится при тебе без меча? Кто же такой этот Лоллий, приспешник Катилины, твой телохранитель, подстрекатель лавочников, разбойник, метатель камней в курию?»⁶⁸⁰ И в речах о Верресе: «Руками твоими были те избранные товарищи; руками твоими были чиновники, лекари, гаруспики, писцы»⁶⁸¹. (529) Период состоит из двух членов, или из трех, или иногда из четырех; некоторые, впрочем, полагают, что для него может быть достаточно и одного члена: такой период именуется *одноколонным* (*μονόκωλος περίοδος*), хотя скорее он представляет собой колон. Итак, речь получается наилучшей, если она образуется иногда из обходного движения периодов, иногда из непрерывной длительности выражения, порою прерывается отрезками, иной же раз включает в себя колонны. (530) Разница же между фигурой речи и фигурой мысли в том, что фигура мысли с изменением порядка слов сохраняется, а фигура речи с изменением порядка слов не сможет сохраниться. Часто, однако, бывает и так, что фигура мысли соединяется с фигурой речи. Например, к иронии, которая представляет собой фигуру мысли, примешивается эпанафора⁶⁸², которая является фигурой речи.

(531) Существуют и другие фигуры речи, приспособленные только к оснащению и как бы приукрашиванию речей; их мы рассмотрим сейчас. *Антитеза* (*ἀντίθετον*), то есть сопоставление противоположного, — это когда противоречащие друг другу слова сталкиваются как подобные, либо подобные противопоставляются подобным, как у Цицерона: «У тебя не было дома? Но ты имел его. Было в изобилии денег? Но ты нуждался в них»⁶⁸³. Или если произнести: «В мирное время в притеснении сограждан беспощаднейший, на войне в отражении врагов нерадивейший». *Исоколон* (*ισόκωλον*) — это равенство членов, которое достигается уравниванием слов не противоположных, а подобных, как если произнести: «Он снарядил флот виднейший и мощнейший, набрал войско прекраснейшее и храбрейшее, подготовил отряд союзников многочисленнейший и вернейший». *Парисон* (*πάρισον*) — это почти равенство; эта фигура отличается от предыдущей тем, что там все слова в членах равны числом, здесь при добавлении одного или другого в каком-либо месте прочие остаются равными. (532) *Гомеоптотон* (*ὁμοιοπτωτον*) — это сходство падежей: он получил такое название потому, что все колонны имеют исход на один и тот же падеж, например: «Ему, ваших союзников обвиняющего, вас к войне

⁶⁸⁰ Cic. dom. 13.

⁶⁸¹ Cic. Verr. II.2 27.

⁶⁸² § 534.

⁶⁸³ Cic. Scaur. 45.

побуждающего, всеми способами ввергнуть вас в смуту замышляющего». *Гомеотелевтон* (*ὁμοιοτέλευτον*) — это то, что сходным образом оканчивается. Он отличается от предыдущей фигуры тем, что в той последние слова оканчиваются сходным падежом и звучанием, а эта образуется только сходством звучания при произношении какого угодно слова. *Парономасия* (*παρονομασία*) — это небольшое изменение глагола или имени, то есть когда с переменной слога или буквы получается другое значение, как если произнести: «Этот претор (*praetor*) или, скорее, разбойник (*praedo*)». *Плоке* (*πλοκή*), то есть соединение — это когда один и тот же глагол или имя употребляется в различном смысле, например: «Однако же к тому дню Меммий был Меммием». (533) *Палиллогия* (*παλιλλογία*) — это неоднократное произношение; эта фигура повторяет имя или глагол не с тем, чтобы он был понят по-другому, но с помощью повторения усиливает значение, например: «Нас, нас — говорю открыто — консулов недостает!»⁶⁸⁴ *Эпаналепсис* (*ἐπανάληψις*) — это повторение; эта фигура отличается от предыдущей тем, что та образуется прибавлением той же части речи непосредственно сразу либо со вставкой одного или двух слов, эта — из сочетания какого угодно количества слов, например: «Не может, уже не может это государство быть свободным!» *Анадиплосис* (*ἀναδίπλωσις*) — это удвоение; наилучшим оно бывает тогда, когда то, что в первом члене располагается в конце, во втором повторяется в начале, как у Теренция:

Свое родство с ней отрицает Демифон?

С ней отрицает Демифон свое родство?⁶⁸⁵

Просаподосис (*προσαπόδοσις*) — это возвращение речи, то есть когда в последней части члена возвращается то же имя или какая угодно часть речи, с которой этот член начинался, как если произнести: «Тебя должно винить в своих бедах государство, тебя!» (534) *Эпанафора* (*ἐπαναφορά*) — это отношение, при котором в каждом из членов повторяется одна и та же часть речи, таким образом: «Веррес назначил ложных обвинителей, Веррес рассматривал дело, Веррес выносил приговор»⁶⁸⁶. *Антистрофа* (*ἀντιστροφή*) — это обратный случай: эта фигура отличается от предыдущей тем, что там одна и та же часть речи несколько раз употребляется в начале, а здесь она употребляется в конце, как в защите Фонтя: «Больше всего зерна — из Галлии, самые многочисленные пешие войска — из Галлии, величайшее число всадников — из Галлии»⁶⁸⁷. *Симплока* (*συμπλοκή*) — это сплетение, ибо она несколько раз начинается с одной части речи и столько же раз на одну и

⁶⁸⁴ Cic. Catil. I 3.

⁶⁸⁵ Ter. Phorm. 352–353.

⁶⁸⁶ Cic. Verr. II.2 26.

⁶⁸⁷ Cic. Font. fr. 12.

ту же заканчивается, например: «Кто внес закон? Рулл. Кто провел жеребьевку в трибах? Рулл. Кто добился избрания децемвирами тех, кого хотел? Тот же Рулл»⁶⁸⁸. (535) *Полиптотон* (*πολύπτωτον*) — это то, что состоит из многих падежей, ибо часто бывает так, что некоторая часть речи находится в начале, и она же употребляется в других падежах, меняя форму и число, например: «Сенат приказал, сенату было угодно, о распоряжении сената известно, сенатом был избран». *Синонимия* (*συνωνυμία*) — это общность имени; она имеет место всякий раз, когда мы не можем одним словом в достаточной мере показать достоинство и величие предмета и поэтому присоединяем еще несколько слов с тем же значением. *Тавтология* (*ταυτολογία*) — это одно и то же значение у нескольких слов. Она отличается от предыдущей фигуры тем, что там один предмет обозначается всякий раз по-разному единственным словом, а в этой фигуре несколькими. (536) *Климакс* (*κλίμαξ*) — это восхождение, как у Цицерона в защите Милона: «Он вверил себя не только народу, но также и сенату; не только сенату, но также и предоставленной государством вооруженной защите; и не только ей, но также власти того, кому сенат вверил все государство целиком»⁶⁸⁹. *Асиндетон* (*ἀσύνδετον*) — это несвязанность, когда изымаются союзы, которыми соединены глаголы или имена, и каждое слово произносится по отдельности, например: «Я ожидаю действия эдикта, строгости претора; поддерживаю землепашца; желаю восьмикратного штрафа для Апрония»⁶⁹⁰. *Диезевгменон* (*διεζεγγμένον*) — так мы именуем разделение, когда мы разделяем колоны, будь их два или несколько, с помощью подобия различных слов, следующим образом: «Они подчинят выведением колоний Капую, укрепят гарнизоном Ателлу, займут множеством своих людей Нуцерию, Кумы, свяжут гарнизоном прочие города»⁶⁹¹. (537) *Антезевгменон* (*ἀντεζεγγμένον*) — это присоединение. Эта фигура отличается от предыдущей тем, что там в каждом отдельном члене содержатся различные подобные между собой слова, здесь же мы соединяем несколько в одном, например: «Чьим сословием низкий, положением грязный, природой постыдный расчет отвергается», ибо это последнее «отвергается» соединяет все сказанное прежде. *Плеоназм* (*πλεονασμός*) — это превышение необходимого, когда мы добавляем некоторые слова, необходимые не для выражения предмета, а для большей величественности, как если произнести «всем известный Катон»: хотя достаточно было назвать имя, мы ради пышности добавляем «всем известный». *Эллипсис* (*ἔλλειψις*) — это опущение, фигура обратная предыдущей, когда мы не произносим некоторое слово и обходим подразумеваемый предмет молчанием, самой беглостью добиваясь благоприятного впечатления. Таковы фи-

⁶⁸⁸ Cic. agr. II 22.

⁶⁸⁹ Cic. Mil. 61.

⁶⁹⁰ Cic. Verr. II.3 28.

⁶⁹¹ Ср. Cic. agr. II 86.

гуры речи, которые, впрочем, не следует употреблять одновременно, как бы старательно нагромождая одну на другую для выражения единственного суждения.

(538) Далее по порядку следует учение о памяти, которая, как известно, представляет собой нечто природное, однако ей, без сомнения, может способствовать и искусство. Искусство это состоит в кратких наставлениях и длительном упражнении. Задача этого раздела риторики — постигать и удерживать предметы и слова не только твердо, но и быстро. Помнить же следует не только то, что было изобретено нами, но также и то, чего касался в своей речи противник. Говорят, что изобретателем этого искусства был Симонид, поэт и философ. Когда дом, где происходил пир, внезапно обрушился, и родственники не могли опознать погребенных под завалом, он по памяти назвал порядок и имена возлежавших. Наученный этим опытом, он понял, что в основе искусства памяти лежит порядок⁶⁹². Нужно упражняться, представляя себе примечательные места, в которых следует располагать образы предметов и картины, выражающие мысли: например, для обозначения свадьбы можно взять покрытую алой фатой невесту, для убийцы — меч либо доспехи. Эти образы как бы хранятся в определенном месте и затем вновь из него извлекаются. Подобно тому как записанное содержится в воске и буквах, доверяемое памяти запечатлевается в этих местах, словно на восковой табличке или странице; картины же, словно буквы, заключают в себе воспоминание о предметах⁶⁹³. (539) Однако, как мы сказали, дело это требует долгого упражнения и труда. При этом обычно придерживаются, как известно, следующих правил. Нужно самостоятельно записывать то, что мы желаем с легкостью запомнить. Если предстоит выучить нечто достаточно пространное, то оно легче удерживается в памяти, будучи разделено на части. Далее, надлежит отмечать отдельными знаками то, что мы более всего желаем запомнить. Не следует читать громко и вслух, но лучше упражняться вполголоса. Очевидно также, что самое удобное время для пробуждения памяти — не днем, а ночью, так как этому немало способствует тишина и чувства не отвлекают внимание на посторонние предметы. Память относится к предметам и словам, однако если нет достаточного времени для длительного упражнения, то не всегда следует выучивать речь дословно: достаточно будет удерживать в уме сами предметы, в особенности если ничего не приходит на ум естественным образом⁶⁹⁴.

⁶⁹² Ср. Cic. de or. II 352–353.

⁶⁹³ Упоминаемая здесь мнемоническая техника подробно описана у Квинтилиана (Quint. inst. XI 2, 17–23), см. также Cic. de or. II 354–360; rhet. Her. III 16–19.

⁶⁹⁴ Ср. у Фортунациана: «Что делать, если память от природы довольно неподатлива или времени недостаточно? Не привязывайся к каждому слову, в противном случае забвение единственного слова приведет либо к некрасивой заминке, либо вовсе к молчанию» (RLM 130).

(540) Действием у древних называли то, что теперь, как мне известно, обычно именуется произношением. Оно служит оратору, чтобы завоевать расположение слушателя, посредством убеждения вызвать в нем доверие и воспламенить в его душе волнение. В нем три раздела: голос, мимика и жестикуляция. К этому, как полагают многие, добавляется также одежда и внешний вид. Голос дается природой, но исправляется и сохраняется с помощью некоторой науки. От природы зависит качество и сила голоса, а наука дает понимание того, каким образом его следует применять и каких правил нужно придерживаться. (541) Достоинство голоса заключается в его ясности, твердости и благозвучии. Всему этому способствует воздержность в еде, питье и соитии. Особенно важно упражнять тело прогулками на небольшое расстояние с последующим скорым возвращением. Такого рода движение, облегчающее пищеварение, несомненно, также очищает голос, а чрезмерно долгая поездка и прогулка ослабляет и утомляет его. После прогулки тотчас приступим к занятиям и, прежде чем говорить, придадим голосу окраску с помощью чтения. (542) Не стоит начинать сразу с крика: сперва нужно читать негромким полупшепотом и только затем переходить на возвышенные тона. Многие утверждают, что для заботы о голосе полезно сидя произносить небольшое количество стихов медленно и низким голосом, затем, проходя определенные ступени, повышать силу звука, после чего речь через эти же ступени возвращается обратно и вновь без ущерба доходит до полупшепота. (543) Мимика должна меняться в соответствии с достоинством мысли, но не так, как это обычно бывает у актеров, искривляющих лицо и представляющих зрителям забавные гримасы. То, что выражают действие и мимика, должно скорее обозначаться, чем предъявляться взору. Большое значение в этом разделе имеет управление взглядом, попеременно выражающим то радость, то внимание, то угрозу. Не следует ни надвигать на глаза чрезмерно нахмуренные брови, ни поднимать брови на лоб и тарашить глаза, за что Туллий язвительно порицает Пизона⁶⁹⁵. Не следует пользоваться изнеженной жестикуляцией, женственно вилять бедрами или безобразно трясти головой, прибегая к соблазнительным приемам Гортензия, которые выглядели пускай и изящными, однако недостойными мужа⁶⁹⁶. В целом: оратору не следует употреблять тот род жестикуляции, с помощью которого актеры угрожают публике на сцене. В споре рука далеко простерта, при пересказе разговора или повествовании согнута. Главное в этом разделе, чтобы все совершалось подобающим образом, что достигается скорее благоразумием, чем следованием каким бы то ни было правилам искусства.

(544) Теперь обещанный порядок изложения предписывает мне рассказать о разделах речи, которых некоторые, рассуждающие весь-

⁶⁹⁵ Ср. Cic. Pis. 14; Cic. Sest. 19.

⁶⁹⁶ Ср. Cic. Brut. 303; Gell. I 5; Val. Max. VIII 10, 2.

ма тонко, насчитывают два, иные пять, а некоторые и больше. Те, кто утверждают, что их два, указывают на один, в котором мы что-то сообщаем судьям, и другой, в котором мы прибегаем к побуждению. В сообщении они включают как повествование, так и обоснование, а в побуждающей части объединяют вступление с заключением, ибо слушателя, который должен вынести решение, нужно и подготовить в начале, и взволновать. Те же, кто называют пять разделов, следуют разумному порядку, ибо существует вступление, повествование, постановка вопроса, аргументация и заключение.

(545) Вступление — это начало речи, готовящее слушателя к ознакомлению с делом. Оно должно достигать трех целей: сделать слушателя внимательным, понятливым и благожелательным. Мы делаем его внимательным, если говорим, что рассматриваемый предмет важен, или нов, или имеет отношение к делам государства, или касается многих. Мы делаем его понятливым, если кратко сообщаем что-то о деле, тем самым подготавливая судью. Мы делаем его благожелательным исходя либо из предмета, либо из личности. Из личности — либо нашей, либо судей, либо противников. Нашей — если мы показываем в выгодном свете какие-нибудь собственные похвальные деяния, либо если мы опровергаем или преуменьшаем то, что вредит делу. Судей — если мы завоевываем их расположение льстивыми словами, или связанными с самим делом, или не имеющими к нему отношения. Из личности противников можно исходить тремя способами: пробуждая к ним ненависть, зависть или презрение. Ненависть — если мы говорим об их нечестии и жестокости, зависть — если мы показываем их надменность, презрение — если указываем на их ничтожество. (546) Есть два рода вступлений — начало и инсинуация. Начало — это когда мы сразу просто и открыто располагаем к себе слушателей, инсинуация — когда мы обольщаем судью при помощи хитро построенного вступления. Для этого есть четыре случая: первый, когда само дело дурно; второй, когда судья придерживается противоположного мнения и имеет против нас некоторое предубеждение; или он утомлен; или вмешиваются какие-либо возгласы или насмешки.

(547) Прежде всего нужно разобрать, какой вид имеет материя, ибо всего их пять: почтенный, постыдный, сомнительный, ничтожный и темный. Если она почтенна, то следует либо не пользоваться зачином, либо завершить вступление усилением; если постыдна, то нужно пользоваться инсинуацией; если сомнительна, нужно добиться от слушателя благожелательности; если ничтожна — внимания; если темна — понятливости.

(548) Инсинуация же осуществляется четырьмя способами: когда личность подменяется рассмотрением предмета, или предмет личностью, или один предмет другим, или одна личность другой. Так, в деле

блудницы мы скажем, что судьям следует смотреть скорее на предмет; или, если стороной в деле является чей-нибудь вольноотпущенник или клиент, нам следует говорить, что нужно рассматривать личность патрона, а не этого человека, и так далее.

(549) Ошибки во вступлении бывают следующие. Оно может быть общим — таким, которое применимо ко всякому делу; обоюдovýгодным — таким, которым может воспользоваться также и противник; невыгодным — таким, которым с большим успехом воспользовался бы противник; вычурным — таким, которое содержит необычные слова и посторонние предметы; пустым — таким, которое не делает слушателя ни внимательным, ни понятливым, ни благожелательным. Кроме того, нужно избегать вступления чересчур пространного и темного.

(550) Повествование бывает четырех родов: история, миф, вымысел, а также деловое или судебное показание. История — это как у Ливия; миф — то, что не является ни истинным, ни правдоподобным: например, как Дафна превратилась в дерево; вымысел — то, содержит не то, что произошло, но то, что могло произойти: например, как герой комедии боится отца и любит блудницу; наконец, судебное показание — это повествование о событиях действительных или правдоподобных.

(551) Похвальных качеств повествования три: оно должно быть ясным, правдоподобным и кратким. Противоположные качества именуется пороками. Повествование бывает ясным, если мы излагаем предмет без путаницы, обычными и выразительными словами и без долгих обиняков; правдоподобным — если в нашем рассказе не заметно ничего вычурного и словно бы неестественного; кратким — если речь не многословна и не распространяется дальше, чем того требует предмет.

Из повествований одни относятся к самому рассматриваемому делу, другие являются привходящими. К самому делу относятся те, без которых предмет, о котором идет речь, не может быть понят; привходящие — это те, которые привлекаются извне ради доказательства, примера, подкрепления, с целью вызвать недоброжелательство или доставить удовольствие. (552) Некоторые говорят, что видов повествования пять: так, Феодор Византийский различает по-гречески *проди́ηησις*, *ύποδίηησις*, *паради́ηησις*, *άναδίηησις* и *катади́ηησις*⁶⁹⁷. В повествовании есть шесть элементов: лицо, причина, место, время, материя и предмет. Кроме того, одни из повествований называются сплошными, другие — разделенными. Сплошные — это те, которые целиком произносятся связно, без каких-либо перерывов; разделенные — те, в

⁶⁹⁷ Феодор из Византия — известный софист и ритор второй половины V в до н.э., упоминаемый Платоном (Plat. Phaedr. 266e) и Аристотелем (Aristot. soph. el. 183 b 32).

которые вставляется либо аргумент, либо какое-нибудь отступление. Повествуем же мы шестью способами: преувеличивая или преуменьшая, обходя вниманием или указывая на что-то, добиваясь благосклонности или недоброжелательства.

К повествованию нужно присоединить отступление, которое именуют *παρέκβασις*, с помощью которого мы возбуждаем или смягчаем судей. Поскольку, однако, оно не является частью речи и к нему следует прибегать не всегда, я сочла правильным пропустить его.

(553) Постановка вопроса бывает либо наша собственная, либо противника, либо общая. Наша собственная — например: «обвиняю в убийстве»; противника: «он утверждает, что я совершил убийство»; общая: «итак, спрашивается, кто из нас двоих совершил убийство». (554) Постановки вопроса могут касаться вопросов или главных, или случайных и быть или простыми, или сложными. Простая: «ты предаешься излишествам», сложная: «ты либо предаешься излишествам, либо любишь блудницу». Сложные по большей части представляются при помощи разделения, и делается это двумя способами: либо мы просто показываем, о чем собираемся говорить, либо прежде высказываем, в чем мы согласны с противником и в чем призываем усомниться.

(555) Постановки вопроса бывают или голыми утверждениями, или с прибавлением доказательства. Голые утверждения — как, например: «ты стремился к тиранической власти», с прибавлением доказательства: «ты стремился к тиранической власти, так как имеешь дома оружие». Все они бывают представлены или просто, или через наведение. Просто — как если сказать: «Я докажу, что он изменник»; через наведение — если мы упоминаем о сказанном прежде и вводим последующее, как если сказать: «Доказав, что этот закон несправедлив, я докажу, что он бесполезен». Мы ставим вопрос или через уступку, или через умолчание. Через уступку — это когда мы, снисходительно отказываясь от сказанного прежде, вводим нечто другое — как если сказать: «Соглашусь на время, что он был убит; но я утверждаю, что он не был убит этим человеком». Через умолчание — это когда мы переходим к новой постановке вопроса, при этом не отказываясь от ранее сказанного, — как если сказать: «Теперь, доказав, что пользующийся дурной славой лишен права участвовать в тяжбе лишь по частным вопросам, я докажу, что он не лишен этого права, когда предъявляется обвинение в измене».

(556) Разделение — это то, что вкратце содержит в себе последовательность всех разделов целого; например, в защите Квинция⁶⁹⁸: «Мы отрицаем, что ты вступил во владение имуществом Публия Квинция

⁶⁹⁸ Ср. Cic. Quinct. 36.

по эдикту претора», и оратор начинает с того, что не было никакого основания требовать описи имущества, прибавляя к этому, что он не мог вступить во владение по декрету, и, наконец, что он не владел им. «Доказав эти три пункта, — говорит он, — я перейду к заключению». Можно обратить внимание на то, что этими чертами обрисовано строение всей речи в целом. При этом разделение должно быть таким, чтобы каждая из частей заключала в себе несколько вопросов. В самом деле, если доходить в этом разложении до самых мелких случайных вопросов, то такое разделение будет перегруженным, в результате чего судьи могут испугаться сложности предмета и обилия подробностей. Поэтому и Цицерон в той же защите Квинция произвел разделение так, чтобы каждая из глав заключала в себе несколько отдельных вопросов. Ведь уже первый пункт о том, что не было основания требовать описи имущества, содержит в себе следующие части: что не было никакого денежного долга перед Секстом Невием и что необходимо было вести дело иным образом; что Квинций не пренебрегал обязательством явиться в суд. Второй пункт, о том, что он не мог вступить во владение по эдикту, обосновывается и тем, что он имел законного представителя, и тем, что он защищался, находясь в отсутствии, и тем, что он не скрывался, и тем, что другие заимодавцы были спокойны, и тем, что люди были посланы, чтобы изгнать его из общего поместья, прежде, чем было издано повеление об описи, и тем, что он вследствие этого был изгнан насильно, невзирая на постановление претора. Таким образом, очевидно, что при разделении следует представлять те вопросы, которые будут подробно изложены в речи, чтобы сосредоточить внимание судьи и одновременно не утомить его обилием обещанных подробностей. Следует также рассмотреть, в чем мы согласны с противной стороной и что должно стать предметом спора. То, в чем мы согласны, следует перечислить в том случае, если это выгодно нам, как Цицерон в защите Марка Туллия говорит: «Мы с противником согласны в том, что Марк Туллий претерпел ущерб; они не отрицают, что это случилось вследствие насилия вооруженных людей; они не смеют отречься от того, что это совершили люди Публия Фабия; вопрос в том, было ли произошедшее следствием злонамеренного обмана». Таким образом, ты видишь, что в разделении он привел те из допущений, которые ему были выгодны.

(557) Аргументация — это тот раздел речи, в котором мы последовательно излагаем аргументы; аргументы же — это то, чем подтверждается правота. Аргументация разделяется на две части, на обоснование и опровержение. Существует два рода аргументов, относящийся и не относящийся к искусству. Относящийся к искусству, в свою очередь, содержит четыре главных топоса: «до предмета», «в предмете», «вокруг предмета» и «после предмета». «До предмета» также делится на семь топосов: от личности, от предмета, от причины, от времени, от места, от способа, от материи. «В предмете» существует двенадцать топосов:

от целого; от части; от рода; от вида; от различия по семи обстоятельствам (данный топос включает в себе также аргументы от большего к меньшему и от меньшего к большему); от собственного свойства; от определения; от имени; от множественного наименования; от начала; от прогрессии, или продвижения; от завершения, или обобщения. (558) «Вокруг предмета» существует десять топосов: от подобного (которого существует пять разновидностей: образец, подобие, миф, картина, заимствованный из комедии правдоподобный пример; некоторые относят сюда также притчи, как у Эзопа); итак, продолжу перечисление топосов «вокруг предмета»: от неподобного; от равного; от обратного, через утверждение и отрицание; по отношению к чему-либо, который образуется с помощью четырех падежей, родительного, дательного, винительного и отложительного; от противоположного друг другу, через наличие и отсутствие; от большего к меньшему и от меньшего к большему; от предшествующего; от того, что имеет место одновременно, или от соединения; от последующего. «После предмета» существует два топоса: от исхода и от приговора. (559) Есть и другие топосы. Топос ἀπὸ τῆς συζυγίας, то есть от связи, или от сочетания, как бы связан с качеством личности: например, если того, кто имеет враждебный образ мыслей, мы назовем врагом. От качества: например, если кто-то сделал что-то в гневе — значит, он сделал это неразумно. От величины: например, если он важный⁶⁹⁹ человек, то и поступок его таков же. От соединения, то есть ἀπὸ τῶν προσόντων καὶ συνθέτων⁷⁰⁰: например, фасции, тога и курульное кресла суть знаки отличия магистратов. Еще — через разделение, то есть диерезу, соответственно всем обстоятельствам, то есть когда мы производим разделение по лицам, временам и прочему, что выделяют любящие многообразие греки.

(560) Не относящиеся к искусству аргументы делятся на прецеденты, общественное мнение, показания под пыткой, документы, клятвы и свидетельства. С ними оратор обращается таким же образом, как и с относящимися к искусству. Следует вместе с тем остерегаться общих аргументов, аргументов в равной степени выгодных противнику, а также далеких от дела и превышающих либо не достигающих достоинства предмета.

Я вкратце упомянула об обосновании; теперь мы рассмотрим правила, касающиеся опровержения. Рассуждение противника опровергается либо через возражение, когда мы показываем, что против него говорит его же собственный аргумент или его части; либо через отрицание, когда мы доказываем, что положения, принимаемые за истинные, являются ложными, или что они не влекут за собой вывода;

⁶⁹⁹ Перевод по тексту Фортунациана (RLM 116): *serius* «важный», в рукописях Марциана Капеллы — *servus* «раб».

⁷⁰⁰ Букв.: «от присущего и соединенного».

либо через противопоставление, когда против невыгодного для нас аргумента мы выставляем другой аргумент.

(561) Вопросов существует два рода: *предваряющим* (*προηγουμένως*) называется тот, который вводится нами с целью утверждения; тот, который ставится противниками и должен быть отражен, называется *вынужденным* (*ἀναγκαῖα*). Вопрос первого рода, который вводится нами самими, строится двумя способами: или отдельные вопросы вводятся поочередно, или несколько вместе. Вводим же мы их по-разному: либо с помощью простой постановки, либо с помощью разделения, либо с помощью фигур (которые называют *διάνοιαι*); последний топос многообразен, ибо существует почти столько же возможностей для введения вопроса такого рода, сколько существует фигур мысли. (562) Он образуется или через разложение, то есть *κατὰ ἀνάλυσιν*; или через прибавление; или через умолчание; или через уступку; или через опровержение; или через отделение, то есть *κατὰ ἀφορισμόν*; или через напоминание; или через скрытое, обоснованное или разделенное утверждение; или через сходство с предшествующим вопросом или ответом; или через перестановку, то есть когда сперва мы разбираем тот вопрос, который был задан вторым, а затем первый.

(563) Вопрос, поставленный противниками, мы можем отразить теми же самыми способами; к ним мы часто добавляем и другие, когда противник либо поставил вопрос неясно, либо заявил что-то скорее ради преувеличения, чем ради доказательства; либо когда мы делаем переход к собственной постановке вопроса; либо мы обращаем вопрос противника в собственную пользу (мы называем это *περιστροφή*); либо когда вопрос, поставленный вторым, мы разбираем в первую очередь. Последнее следует делать либо тогда, когда мы добиваемся изысканного разнообразия, либо тогда, когда первый вопрос ставит нас в весьма трудное положение и его нежелательно выдвигать на первое место. Гипофору⁷⁰¹ не следует излагать полно и многословно. Впрочем, иногда бывает полезно усилить ее, когда противник преувеличивает что-то, не имеющее никакого значения для дела — для осмеяния его или чтобы показать противоречивость его слов. Гипофоры ослабляются тремя способами: добавлением слов, их изменением и удалением. Гипофора — это возражение противной стороны, антипофора — ответ на нее.

(564) Рекапитуляция (*anacephalaeosis*) — это как бы краткое перечисление в конце речи ранее рассмотренных вопросов. Рекапитуляцией следует пользоваться не всегда, но либо когда мы прибегали к разделению, либо когда в ходе речи мы затронули большое количество вопросов; при этом повторять нужно только самое главное, не касаясь мелких подробностей. Мы можем прибегать к ней и в другом разделе

⁷⁰¹ Определение гипофоры см. далее в этом же параграфе.

речи, когда есть вероятность, что память судьи окажется перегруженной; тогда это называется *ἐπιμερισμός*. Сама же рекапитуляция — это не самостоятельный раздел речи, но некоторая часть заключения.

(565) Заключение включает в себя три части: ранее упомянутое перечисление; негодование, которое мы называем *δείνωσις*; призыв к состраданию, который мы именуем *οἶκτος* или *ἔλεος*. *Δείνωσις* образуется из топосов аргументов, ибо мы используем последние не только для доказательства, но и для усиления. Призыв к жалости, или состраданию, образуется из тех же топосов аргументов, что и негодование. Патетическое обращение (*peroratio*) следует применять не только в конце речи, но везде, где это позволяет материя, а именно в отступлениях, которые мы делаем в начале речи, в долгом повествовании, а иногда и при рассмотрении отдельных вопросов. Что касается вообще заключения, то нужно следить, чтобы оно было кратким, так как следует, приведя судью в волнение, предоставить ему возможность тотчас же принять решение, пока он гневается на противников или испытывает сострадание, будучи взволнован твоими слезами и страданиями подсудимых».

Пока она еще произносила это, сам Киллинец кивком показал ей проследовать к единокровным девам, составлявшим свиту невесты. Заметив его знак, она кончила рассказ, с уверенной готовностью направилась к тому месту, где сидела Филология, и, звучно поцеловав ее в темя (ибо она даже при всем желании не способна была делать что-либо в молчании!), присоединилась к собранию и обществу сестер.

(566) Окончен лист папируса речистого
 С рассказом кратким, что, однако, шишечку⁷⁰²
 Почти заткал у свитка нежно-красную,
 Не раз ее покрыв слоями пухлыми.
 И кто его прочтет без небрежения,
 Пред тем немало нового раскроется,
 Того, что древность обошла молчанием.
 Но если твой спесиво нос наморщится,
 То пожалеют боги, что страшило их
 Сражение, не будет места ужасу⁷⁰³,
 Когда, Сильван, Сатурнов серп ты требовал;
 А ты, труба, ораторов влекущая,
 Переменив свой возглас, в лагерь Туллиев
 Направишься, где за твоею славою,
 Ни ненависть, ни злоба не последуют.

⁷⁰² *Umbilicus* — закруженный конец палки, на которую наматывался свиток папируса.

⁷⁰³ В употреблении слово *locus* «место» в данном контексте можно увидеть намек риторическое понятие «общего места» (топоса), ср. выше §§ 474–475, 483–485 и т.д. О «топосе страха» упоминает в «Риторике» Аристотель (Aristot. rhet. II 1401 b 3ff).

Книга шестая

О Геометрии

(567) «Дева в доспехах достойная, сущего знанье, Паллада,
Искра эфирная, мысль, чье искусство над судьбами властно,
Разум мира всего, Громовержца премудрость святая,
Жар, к наукам влекущий, о жребии нашем раденье,
Ты, кто сужденье вершишь, мудреца предваряя заботу,
Верх разуменья, бессмертных богов и людей Ум священный.
Дальше Олимпа хребтов блестящего гордо ступая,
Ты лишь Юпитера выше одна⁷⁰⁴, круг горящий эфира,
Семь среди чисел⁷⁰⁵, огня предваренье⁷⁰⁶, Луны третья доля⁷⁰⁷,
Та, кого мастера в ученом обличье ваяют;
(568) Оттого на твоём сияют шлеме три гребня,
Что на кровавой войне ты вождем и царицей блистаешь,
Иль оттого, что огонь треугольником блещет, вздымаясь;
(569) Щит тебе дан оттого, что мудрость правит вселенной,
Иль оттого, что совета вспенённые требуют битвы,
Также и пика свое острие бронебойное кажет,
А влагоцветный твой щит окружен каймою блестящей.
(570) Оттого средь даров твоих ветвь зеленеет оливы,
Что помогает наук постижению бдене лампады.

⁷⁰⁴ Согласно Макробию (Macr. sat. III 4, 8), ссылающемуся на неназванный источник, средняя часть эфира отождествлялась с Юпитером, нижняя с Юноной, верхняя с Минервой.

⁷⁰⁵ См. § 738.

⁷⁰⁶ Ранее, в строках 2 и 8 этого же параграфа, Паллада отождествлялась с эфиром, область которого выше области других четырех элементов, в том числе и самого легкого из них, огня.

⁷⁰⁷ Смысл выражения неясен. В ориг.: *tertia Lunae*, другое чтение рукописей *tertia Luna*. По одному из предположений У. Коппа, Минерва была одной из богинь, отождествлявшихся с Луной, наряду с Дианой и Исидой. Возможно, имеется в виду одна из фаз луны, ср. § 864.

(571) Та из пернатых твоя, чьи очи с пламенем схожи,
 Ты же — пламени цвет и слывешь совоокой Афиной;
 Или твое оттого с ночезрящей птицей общенье,
 Что к неусыпным заботам приводят бденья искусства?
 (572) На груди оттого камнетворная, молвят, Медуза,
 Что боязливую чернь устрашают мудрость и знанье,
 (573) Предки в твердых своих оттого тебе храмы святили,
 Что превозносит рассудок те грады, где сам он в почете.
 Оттого от отца рождена ты без матери, молвят,
 Что голосам матерей разумный сенат не внимает,
 Ты же советам мужей предстоишь, оттого — дева-воин.
 (574) О священная мудрость ученых дев ключеродных,
 Девять вмещаешь одна, всех Муз ты разум единый,
 Я молю: снизойди и исполни труд свой любезно,
 И вдохни в нас искусства элладские в слове лацийском!

(575) Произношу и возглашаю тебе благодарения, богиня, и, воздавая их беспрестанно, все же останусь в долгу, ибо соблаговолила ты, блистательная⁷⁰⁸, снизойти к мольбам моим: поистине сознаю я и почитаю то, что увидел! Вот уже появляются и готовы, повинуюсь Искусству, вступить в залу достойнейшие из женщин: неся нечто вроде столика, прекрасного и окрашенного слоем прозрачного песка, они с решительной уверенностью шествуют к середине залы всевышнего сената. Но кто они такие и что они несут — этого я, еще не ведающий, что должно произойти, не разумею».

(576) Тут Сатира, как всегда прелестная — а именно она и затеяла весь этот рассказ от самого его начала и первого замысла, — говорит шутливо: «Мой Феликс! Если не ошибаюсь, уже изрядно и предостаточно лампадного масла (столько хватило бы, пожалуй, для снабжения всех жениховых палестр⁷⁰⁹!) ты извел без толку, и немалые запасы твоего фитиля напрасно пожрал Мульцибер⁷¹⁰, если ты не узнаешь самое мать столь многих гимнасиев и столь славных героев Философию! Неужели ты не сумел признать ее ни тогда, когда через ее посредство Юпитер сообщал небожителям внесенное в таблицы решение сената, ни тогда, когда, устраивая супружество Филологии, он отправил ее для разговора о брачных делах с женихом? (577) Видать, ты стал мудрым как аркадец или как Мидас⁷¹¹ с той поры, как вгоняющая в пот забота, связав тебя обязанностями бес-

⁷⁰⁸ Перевод по конъектуре У. Коппа.

⁷⁰⁹ Ср. § 100. Слово «палестра» может указывать не только на гимнастическую школу, но и на риторическую, в особенности здесь, где речь идет о палестре Меркурия, покровителя красноречия.

⁷¹⁰ См. прим. 199.

⁷¹¹ Поговорка «аркадский осел» обозначала в античности глупца. Фригийского царя Мидаса Аполлон, согласно мифу, наградил ослиными ушами.

нующегося судебного крючкотвора⁷¹², притупила остроту прилежания о лучших предметах, и поэтому, как мне кажется, утратил память об этой матроне и не желаешь также знать ее сестры. (578) Последняя, готовая, как ты видишь, к подобной же службе, зовется Пайдейя⁷¹³: это весьма состоятельная женщина, которая ни во что не ставит все богатства и сокровищницы Креза и Дария по сравнению с собственными. Первая же⁷¹⁴, осведомленная о своих талантах, редкая гостья на всеобщих сборищах, горделивая и неохотно обращающая свой лик к кому-либо из людей, во всяком случае знатных⁷¹⁵, часто, однако, сопутствует и улыбается бедным, и еще более тем, кого она увидела босоногими, или со взъерошенными неостриженными волосами, или полуприкрытыми грязным плащом. В конце концов, если исключить Марка Теренция и немногих Ромуловых консуляров, не останется вовсе никого, чей порог она переступила бы. (579) Итак, ты видишь, какая важность и строгость свойственна обеим этим женщинам; вместе с тем обе они хлопочут ради Меркуриевой служанки, которая явится вскоре. Ибо то, что вынесли носильщицы, называется абак: это приспособление удобно для изображения и построения фигур. На нем рисуются отрезки прямых, или изгибы окружностей, или изломы треугольников. Здесь можно начертить весь периметр и орбиты небес, представить формы элементов и глубины самой Земли; ты увидишь, что тут изображается все то, что невозможно изложить словами». «Нет сомнений», — сказал я, — «та, кто явится, превосходит Апеллеса с Поликлетом⁷¹⁶: она настолько способна к воспроизведению любых предметов, что можно подумать, что ее породил прославленный Лабиринтом Дедал». (580) Сказав это, я различаю впереди некую блистательную женщину, держащую в правой руке чертежную палочку, в левой же — объемную сферу; на ее левое плечо был накинута пеплос, на котором видны были величины и траектории светил; размеры, расположение и формы орбит; а среди светил — также и тень Земли, достигающая небес и окрашивающая мгlistым багрянцем золотые диски Луны и Солнца. (581) Сам же пеплос сиял подобно морю, отражающему весенний эфир. Весьма часто он был одалживаем для нужд ее собственной сестры Астрономии; помимо же этого он, испещренный самыми различными числами, сверкал стержнями солнечных часов, формулами расстояний, весов и мер и переливался всевозможным разнообразием оттенков. Неутомимая путешественница, она носила сандалии, в которых могла обойти всю Землю; они были истерты в кругосветном странствии. (582) Войдя в Божественный Сенат, она, хотя и могла в то же мгновение поведать, сколько стадиев, локтей и дюймов она отмерила от земли до неба, однако, впечат-

⁷¹² Ср. § 999.

⁷¹³ Воспитание (греч. *Παιδεία*).

⁷¹⁴ Т.е. Философия.

⁷¹⁵ Перевод по тексту Б. Ферре.

⁷¹⁶ Апеллес (370–306 гг. до н.э.) — знаменитый живописец, Поликлет (V в. до н.э.) — знаменитый скульптор.

ленная величием Юпитера и небожителей, поспешила к упомянутому столику с раскрытым абаком, обозревая убранство внешнего свода и украшенный светилami чертог.

(583) Остановилась она, в изумленье на звезды взирая:

Волосы блещут красой, прахом покрыты стопы.

В левой руке она шар блистающий гордо держала —

Образ в себе содержал он мирозданья и звезд,

Круглого неба, орбит, поясов, созвездий блестящих

Соединенье вращал, с равным искусством вместив.

(584) В центре, стремительный ход орбит подпирая недвижно,

Место свое заняла, точке подобна, Земля;

Мягкий, прозрачных ветров кругом дуновеньями полон,

Воздух, объемля, ее влагой дождей орошал.

Но, безмерно кругом опоясавши Землю, глубокий

Чередовал Океан с нею свой гладкий простор.

Та, что снаружи блестит, окружность эфирного свода,

Звездородным плащом много покрыла светил.

(585) Вот лучезарный Титан зажигает свой круг золотистый,

Следом честному дню млечная вторит Луна:

Тут, наконец, разглядеть ты сумел бы ночи кромешной

Светочи (так же блестит злата священный огонь!),

Тут и Киприда звезде, Океана влагой омытой,

Люциферу, весь свет свой без остатка дает.

Все подчиняет одним порядкам закон справедливый —

Диво не меньшее, чем дом небожителей сам.

Образу мира сему изумилась земля тринакрийцев⁷¹⁷,

Звезды устроил когда мудрой рукой Архимед.

О прилежанья успех и ума великая доблесть —

В теле нашем земном равным Юпитеру стать!

(586) Когда она наконец оторвалась от созерцания переливающегося мерцанием эфира и устремила взгляд на богов, взирая на них с подобающей строгостью (ибо она, как говорили, заслуживала всеобщего уважения и достойного почитания и была наставницей прочих Искусств, известных богам), к ней обратились с просьбой открыть тайны ее учености, начав наставление с самой его колыбели. Она же легким движением отбросила мешавший завиток волос, лицо ее просияло блистательным величием, и, приводя в движение песок, покрывавший поверхность абака, она заговорила так:

(587) «Хотя я заметила среди философов своего любимца Архимеда и ученейшего Евклида и могла бы им поручить им вести рассказ и изложить учение, дабы какое-нибудь из утверждений не осталось неза-

⁷¹⁷ Тринакрия — древнее название Сицилии.

конченным или покрытым глубоким мраком, все же, поскольку это исключало бы килленийскую⁷¹⁸ украшенность и так как, кроме того, они владеют только средствами элладской речи и, ни слова не говоря по-латински, изъясняются на аттический манер, будет более соответственным случаем, если я сама, как сумею, поведаю вам — чего почти никогда не случается — на Ромуловом наречии то, чему научила, среди прочих, и упомянутых мудрецов. (588) Но прежде мне следует объяснить вам происхождение моего прозвания, дабы вы не мнили, будто бы я — покрытая грязью бродяжка, не по праву вступившая в золотую курию небожителей, дабы измарать дорожной пылью выложенный из драгоценных камней паркет. Я зовусь Геометрией⁷¹⁹ оттого, что я, многократно обошедшая и измерившая землю, могу поведать и объяснить при помощи своих расчетов все, что касается ее формы, величины, положения, отдельных элементов и расстояния между ними в стадиях, и не существует такого места на земле — при всем ее разнообразии, — которое я была бы не способна исчерпывающим образом описать по памяти».

(589) После этих ее слов, поскольку в божественном сенате было немало тех, кто не был рожден⁷²⁰ на земле и кто, по собственному утверждению, никогда и не ступал на землю, и сам Юпитер проявлял любознательность и желание изведать все ее потаенные уголки (вероятно, он, меняющий облик воздыхатель, предполагал услышать, в числе прочего, и о живущих где-нибудь прекрасных девах этого века!), Геометрии было приказано рассказать сперва об этом, а затем открыть и изложить прочие наставления своего искусства. Тогда она начала свою речь:

(590) «Форма земли не плоская, как полагают те, кто сравнивают ее с протяженным диском, и не вогнутая, как думали иные, говорившие, что дождь нисходит в лоно земли⁷²¹, но, соответственно утверждению Дикеарха⁷²², округлая и шарообразная. (591) Действительно, время восхода и захода светил не было бы различным в зависимости от повышения и понижения широты в том случае, если бы произведения небесного устройства были распределены на плоскости и начинали сиять над землей и над гладью моря в одно и то же время, а также если бы явление взошедшего солнца было скрыто вогнутыми впадинами в более низкой области земли. (592) Поскольку же последнее утверж-

⁷¹⁸ Т.е. риторическую, см. прим. 177.

⁷¹⁹ От греч. *γῆ* «земля» и *μετρέω* «измерять».

⁷²⁰ Перевод по тексту Б. Ферре.

⁷²¹ Ср. Verg. geo. II 235–236.

⁷²² Дикеарх из Мессены (ок. 350–ок. 285 гг. до н.э.) — философ-перипатетик, среди сочинений которого был трактат под названием «Обход земли» (*Γῆς περίοδος*).

дение, достойное скорее презрения, опровергается собственной своей пустотой и ничтожностью, то в первую очередь следует отклонить первое, к которому примкнул некогда и сам физик Анаксагор, хотя он, как считается, и подкрепил его некоторыми доказательствами. Так, он говорит, что плоскую форму земли ясно подтверждают восход и заход солнца или луны, ибо как только появляется над горизонтом первый блеск свечения, его прямые лучи тотчас достигает нашего взора; мы получим тому еще более несомненное подтверждение, если мы встанем на берегу, удалившись от препятствующих обзору гор. Впрочем, если бы это было так, все живущие на земле видели бы восход в одно и то же время, а заходящие светила, скрывшись из вида, могли бы мгновенно погрузить все земли во мрак, и было бы отвергнуто, как ложное, утверждение певца из рода Ромула, когда он говорит:

И лишь задышат на нас, запыхавшись, кони Востока, –
Там зажигает, багрян, вечерние светочи Веспер⁷²³.

(593) К тому же все ночи и дни совпадали бы по длительности, ибо всегда состояли бы из сходных промежутков времени и равного количества часов, и было бы невозможно, чтобы в какой-нибудь части земли одни звезды являлись взору, другие же нет. Однако в то время как Медведица совершает круговращение, оборачиваясь над макушкой Гесперии, троглодитам и в соседнем Египте она неизвестна, ибо там это созвездие полностью скрыто и невидимо; Каноп и Локон Береники, звезды весьма яркие, в Скифии, Галлии и самой Италии совершенно не различимы, хотя в антарктических землях они заметны и ярки и видимы словно бы отвесно над головою; в Александрии Каноп восходит над горизонтом на четверть зодиакального созвездия⁷²⁴, тогда как обе Медведицы из-за низкой широты не видны⁷²⁵. В Аравии в ноябре Большая Медведица, недоступная взору в начале ночи, видна во вторую стражу, в Мероэ ее можно наблюдать только в солнцестояние и на кратчайшее время, когда она появляется одновременно с рождением дня, приблизительно вместе с восходом Арктура⁷²⁶; в Индии в порту Патавитана ее наблюдают только в первую часть ночи, в это же время суток ее видно также на Малейской горе⁷²⁷, и только пятнадцать дней

⁷²³ Verg. geo. I 250–251, пер. С.В. Шервинского.

⁷²⁴ Т.е. угол в семь с половиной градусов, см. прим. 961.

⁷²⁵ Этот пассаж содержит сведения, заимствованные из «Естественной истории» Плиния (Plin. n. h. II 178), в том числе не вполне достоверные. В действительности созвездия Большой и Малой Медведицы видны в Египте (и, в частности, в Александрии) в течение всего года; созвездие Волосы Вероники наблюдается в Италии также почти круглый год, за исключением июля и августа.

⁷²⁶ Ср. у Плиния (Plin. n. h. II 71, 178): «В Мероэ показывается ненадолго вечером в солнцестояние, а также за несколько дней до восхода Арктура вместе с наступлением дня».

⁷²⁷ Гора в Индии, ср. § 694.

в году. Кто, таким образом, усомнится в том, что одни светила становятся невидимыми из-за заслоняющей их покатости шара, а другие словно бы возвышаются над изгибами сферы?

(594) Веру тех, кто колеблется по поводу округлости земного шара, может дополнительно укрепить то обстоятельство, что затмения солнца и луны, происходившие на западе, не видны жителям востока; а если они случаются на востоке, то точно так же остаются неизвестными всей Британии и западным областям. Даже в промежуточных областях время их по большей части различно: так, Сервий Нобил⁷²⁸ сообщал, что во время победы Александра Македонского в Аравии во втором часу ночи имело место лунное затмение, которое в Сицилии наблюдали в начале восхождения этого светила. Во время консульства Ульпиана и Фонтея в одиннадцатый день до майских календ было затмение солнца, которое, как подтверждается свидетельствами, видели в Кампании в седьмом часу дня, а в Армении в одиннадцатом часу того же дня⁷²⁹. Причиной всего этого была земная сфера, всякий раз вызывавшая различие во времени своей округлой и выгнутой формой.

(595) Наконец, и сосуды, называемые солнечными часами, или гурологиями, устраиваются по-разному в зависимости от местности и через каждые пятьсот стадиев оснащаются различными гномонами, так как тени в высоких широтах длинные, а в низких становятся короче. Вот почему в Мероэ самый долгий день длится двенадцать полуночных часов и две трети, в Александрии четырнадцать, в Италии пятнадцать, в Британии семнадцать; там же, где во время солнцестояния солнце, вступая в вершину небосвода, освещает простирающиеся внизу земли на протяжении непрерывного дня, оно точно так же своим зимним нисхождением вызывает окочение продолжающейся полгода ночи: это явление, как утверждает Пифей из Массилии, известно на острове Фуле. Такие различия во времени доказывают, если я не ошибаюсь, что Землю следует считать шаром, имеющим округлую и выгнутую форму.

(596) Далее следует выяснить, каковы свойственные ей положение во вселенной и величина. Что касается окружности Земли, то она составляет двести пятьдесят две тысячи стадиев, как выяснил ученейший Эратосфен, применив вычисление с помощью гномона. (597) Есть округлые сосуды из меди, называемые скафиями, которые отмеряют ход часов при помощи длинного стержня, расположенного в середине основания. Такой стержень называется гномоном, и величина его

⁷²⁸ Имя *Servius Nobilis* появилось, вероятно, из ошибочного чтения завершающих предыдущую фразу слов Плиния *serius nobis illi* (Plin. n. h. II 72, 180).

⁷²⁹ Согласно Плинию, это затмение произошло при консулах Випсане и Фонтее накануне майских календ (Plin. n. h. II 72, 180).

тени, измеренная в равноденствие относительно его центра и увеличенная в двадцать четыре раза, дает <...> меру удвоенной окружности⁷³⁰. (598) Эратосфен, узнав от царских землемеров Птолемея количество стадиев от Сиены до Мероэ и заметив, какую долю земли оно составляет, увеличил его соответственно отношению частей и без промедления вычислил, сколько тысяч стадиев составляют периметр земной окружности⁷³¹.

(599) О величине Земли было с разумной краткостью поведено; расскажем о ее месте и расположении. На то, что она неподвижно пребывает в центре и глубочайшей сердцевине мироздания, указывают многочисленные доказательства. Во-первых, она находилась в этом же месте еще до устройства мира и не могла быть с него подвинута; затем же, когда элементы выделились из первоначального слияния и смешения, безмерная и летучая толща воды и дуновение воздуха, разлившись во все стороны, окружили покоящуюся Землю, ограничили ее и сделали сердцевинной, заключенной в их летучее шарообразное вещество. Во-вторых, поскольку глубочайшей сердцевинной сферы является ее центр (ибо равными являются линии, исходящие от окружности внешнего периметра и совместно подпирающие то место, что их поддерживает), (600) и при этом необходимо, чтобы то, что находится в самом низу, оставалось в своем крайнем положении (так как не существует более низкого места, куда оно могло бы упасть), а все тела, имеющие вес, падают сверху на нее — это и дождь, и град, и снег, и молнии и сам Океан, что низвергается в ее нутро, и тайные потоки, что «на дне глубочайшем кружатся»⁷³², — очевидно, следовательно, что она, поддерживая воды и все остальное и будучи ограничена всем, не имеет под собою ничего, куда могла бы отступить; следовательно, нужно считать ее серединой, ибо она представляет собой нечто предельное. В особенности это показывают промежутки времени в равноденствие, ибо часы показывают тогда равные отрезки часов как дополуденных, так и послеполуденных, и как дня, так и ночи. (601) Из этого свидетельства ясно, что небо отстоит от земли со всех сторон на одинаковое расстояние. Об этом же говорит и двойной круговорот летнего и зимнего солнцестояния, ибо продолжительность дня в то время, когда поднявшееся солнце освещает вершины небес, такая же, как и ответная протяженность долгой ночи, когда солнце опускается вниз. Кроме

⁷³⁰ Дж. Уиллис предполагает в этом предложении лакуну; Б. Ферре, в свою очередь, предлагает считать весь § 597 позднейшей глоссой.

⁷³¹ Согласно более надежному свидетельству Клеомеда, Эратосфен использовал в вычислениях расстояние от Александрии до Сиены (пять тысяч стадиев). Сопоставляя угол падения полуденной тени в том и в другом городе, Эратосфен доказал, что это расстояние представляло собой одну пятидесятую часть длины земной окружности — отсюда двести пятьдесят тысяч стадиев как длина всей окружности земли (Cleom. 1, 10).

⁷³² Verg. Aen. VI 581.

того, какой бы промежуток ни прибавлял свету каждый знак Зодиака, он уступит ночной тени столько же, когда солнце засияет с противоположной стороны: это также доказывает, что с любой стороны орбиты и светила удалены на одно и то же расстояние, и что Земля находится посередине. Если это утверждение кажется обоснованным, то я приступлю к рассказу о частях Земли, которые я сама измерила.

(602) Окружность Земли разделяется, в силу различия свойств, на пять зон или, лучше сказать, поясов. Три из них сделала безлюдными неумеренность климата, вызванная избытком противоположных качеств. Два пояса, соседствующие с той и с другой осью, объаты непомерным холодом и стужей и были покинуты из-за вызывающих окоченение льдов. Средний, иссушенный пламенем и удушливым жаром, обжигает всех приближающихся к нему живых существ. Два прочих благодаря дыханию животворного ветра отличаются умеренностью и благоприятствуют обитанию животных. Каждый из них, огибая всю окружность Земли, проходит как через верхнее, так и через нижнее полушарие. (603) Дело в том, что Земля разделена пополам на два несходных между собою полушария: одно верхнее, которое населяем мы и которое омывается Океаном, другое нижнее. То, что вверху, берет начало от восхода солнца, другое начинается от заходящего света, и окружность эту греки именуют *ограничивающей*⁷³³. (604) Так как каждая из этих зон включают и ту, и другую часть округлой поверхности, их круги образуют с обеих сторон десять областей; одна из них, населенная нами, восходит к Аквилону⁷³⁴ и северу, другая, напротив, поднимается к полудню и Австру⁷³⁵ и, как считается, населена так называемыми *антеками*⁷³⁶. (605) Точно так же есть две области и в нижнем полушарии: те, кто противоположны нам, упоминаются под именем *антиподов*⁷³⁷; те же, кто находятся напротив тех, кого мы называли антеками, именуются *антихтонами*⁷³⁸. Нас от них отличает разное протекание времен года, которые находятся словно бы в некоем обратном отношении. А именно: когда нас иссушает зной — они коченеют от холода; когда здесь покрывается цветущими лугами весна — там умеренное лето уже переходит в осеннюю прохладу; здесь является зима — там летнее солнцестояние; нам дозволено созерцать светила Медведицы — им же полностью в этом отказано. (606) А наши антиподы сообщая с нами переносят течение зимы и такой же летний зной, однако ночи у них иные, и дни противоположны по длительности <...> Также и те, кто называются антеками, имеют общие со своими антиподами⁷³⁹ четыре времени года; они одни созерцают полюс, обращен-

⁷³³ Ὀρίζοντα.

⁷³⁴ Северный ветер.

⁷³⁵ Южный ветер.

⁷³⁶ Ἀντοικοί, от ἀντι- «против-» и οἶκος «дом, жилище».

⁷³⁷ Ἀντίποδες, от ἀντι- «против-» и πούς «нога».

⁷³⁸ Ἀντίχθονες, от ἀντι- «против-» и χθών «земля».

⁷³⁹ Имеются в виду, очевидно, упомянутые в § 605 *антихтоны*.

ный к Австру, совершенно неизвестный их антиподам⁷⁴⁰ и нам. (607) Для тех, кто находится в среднем поясе, восход и заход меняются ежедневно, и для тех, над кем находится солнце, оно быстрее всходит и раньше погружается. Во время равноденствия, однако, восходящее и заходящее солнце являются сходным образом; и нет таких звезд, которые были бы недоступны их взору, и те, что для них восходят вместе, также одновременно идут к закату. Эти люди созерцают все дни равными своим ночам, и никакая тень в полуденное время не имеет у них меры; и их антиподы также имеют дни и ночи одинаковой продолжительности⁷⁴¹. Поскольку же солнце проходит через них, когда спешит к летнему солнцестоянию, и точно таким же образом держит путь через них при возвращении к зимнему, и удаляется от них то в одну, то в другую сторону, то нет сомнения, что они дважды претерпевают зиму и два раза лето; и когда у них восходит солнце, то их антиподам оно являет себя заходящим. (608) Те две области (которые я также назвала поясами), одна из которых леденеет от холода соседствующей Повозки⁷⁴², другая чувствует на себе опустошающее дыхание Австра, не имеют собственных антиподов, но сами являются антиподами друг для друга по причине своего взаимно обратного местоположения. Им не знакомы восходы светил, за исключением планет, которые не движутся у них над головой, а восходят сбоку. Неподвижные звезды небосвода доступны наблюдению шесть месяцев, и столько же, шесть, невидимы. Круг восхождения для них совпадает с кругом равноденствия; из всех знаков Зодиака они созерцают шесть. Наконец, они имеют дни и ночи длиною в шесть месяцев, так что и тем и другим концы полярной оси видны в зените. При этом области эти, освещенные блеском одна Семизвездия, другая звезды Канопы, не ведают иных светил.⁷⁴³ (609) О свойствах этих областей сообщил ученейший Пифей, но и сама я посетила их, дабы не казалось, что какая-то часть Земли остается для меня неведомой.

Периметр всей Земли и полная мера ее окружности, если упомянутое мною число стадиев пересчитать на римские меры, составляет

⁷⁴⁰ Т.е. упомянутым в § 605 антиподам.

⁷⁴¹ § 607, где речь идет об экваториальной области, содержит ряд не вполне достоверных и противоречивых утверждений, что можно объяснить соединением сведений из нескольких разнородных источников. Уже само упоминание о жителях «среднего пояса» не согласуется с предыдущим утверждением о необитаемости этого региона (§ 602). Ежедневное изменение продолжительности дня в действительности происходит во всех широтах, за исключением полярных областей и экватора; равная продолжительность дня и ночи наблюдается в дни весеннего и осеннего равноденствия везде, кроме северного и южного полюсов; утверждения о постоянном равенстве дня и ночи и возможности наблюдения любых звезд верны только для экватора, об отсутствии тени в полдень — для всех тропических областей два раза в году.

⁷⁴² См. прим. 246.

⁷⁴³ Последнее утверждение, очевидно, не соответствует действительности.

тридцать одну тысячу пятьсот миль⁷⁴⁴. Здесь, я полагаю, не следует пренебрегать и мнением Птолемея, которое приводится в его географическом сочинении. (610) Он делит линию и все устройство Зодиака на триста шестьдесят частей неба, каждая из которых, по его оценке, отображается на центр Земли так, что ширина одной части поверхности равняется пятистам стадиям. Один стадий раскладывается на сто двадцать пять шагов [которые составляют восемь тысяч шагов⁷⁴⁵], поэтому пятьсот стадиев, то есть размер одной части, образуют шестьдесят две тысячи пятьсот шагов. А пятьсот стадиев, помноженные на триста шестьдесят, дают сто восемьдесят тысяч, из которых, с учетом упомянутого отношения, получаются двадцать две тысячи пятьсот миль. Вот то, что необходимо было поведать о земном шаре в целом.

(611) Протяженность земли от востока до запада, то есть от оконечности самой Индии до священных Столпов Геркулеса в Гадесе, равняется восьми тысячам пятистам семидесяти семи милям, что подтверждает своим свидетельством Артемидор; Исидор же говорит о девяти тысячах восьмистах восемнадцати милях⁷⁴⁶. Однако Артемидор к вышеназванному расстоянию прибавляет то, что следует за Гадесом: он утверждает, что вдоль берега Испании земля простирается еще на девятьсот девяносто одну милю, огибая Священный мыс⁷⁴⁷ и достигая другого, конечного, мыса, который именуют Артабрийским⁷⁴⁸. (612) Это расстояние можно сократить, если преодолевать его по морю. Действительно, от реки Ганг и ее устья (в том месте, где она впадает в Восточный океан), через Индию и Парфию, до города Мириандр в Сирии, расположенного в Иском заливе, пять тысяч двести пятнадцать миль; оттуда кратчайшим морским путем через остров Кипр, Патары в Ликии, Родос, остров Астипалею в Эгейском море, Тенар в Лаконии, затем Лилибей в Сицилии и Каралы в Сардинии три тысячи сорок пять миль; оттуда до Гадеса четыре тысячи двести пятнадцать миль. Полностью расстояние от Восточного моря составляет восемь тысяч пятьсот семьдесят восемь миль. (613) Возможно пройти и другим путем по земле и по морю: через реки Ганг и Евфрат, Каппадокию, Фригию, через Эгейское и Лаконское моря, а также другие заливы, Пелопоннес, Левкадию, Коркиру, Акрокеравний, Брундизий, Рим, Альпы

⁷⁴⁴ *Mille passuum* — «тысяча шагов, миля».

⁷⁴⁵ А. Дик и Б. Ферре считают слова, заключенные в квадратные скобки, позднейшей вставкой.

⁷⁴⁶ Данные измерений со ссылкой на географов Артемидора из Эфеса (I–II вв. до н.э.) и Исидора из Харакса (I в. до н.э.–I в. н.э.) приводятся в «Естественной истории» Плиния (Plin. n. h. II 112, 242 и далее). Цифры, приводимые в рукописях Плиния и Марциана Капеллы, в некоторых случаях незначительно расходятся, см. *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre II (Cosmologie, astronomie et géologie) / Texte établi, traduit et commenté par J. Beaujeu (1951)*.

⁷⁴⁷ Мыс Сан-Висенти.

⁷⁴⁸ Мыс Финистерре.

и Галлию, далее через Пиренейские горы до Западного океана, с переходом через побережье Испании и Гадес. Все расстояние (и мои слова подтверждаются свидетельством Артемидора) составляет восемь тысяч шестьсот восемьдесят пять миль. Такова протяженность земли в длину, вычисленная различными способами.

(614) Ширина земли от полуденной страны до северного предела значительно меньше, ибо с обеих сторон она ограничена областями крайне неумеренного климата. Сюда добавляется и то обстоятельство, что многочисленность и варварские обычаи племени сарматов не позволяют проникнуть в северные края для измерения этой территории. Впрочем, все области, куда смогли проникнуть бесстрашные путешественники, были должным образом измерены, и обнаружилось, что ширина обитаемой земли почти наполовину меньше, чем ее вышеназванная длина.

(615) А именно она составляет пять тысяч четыреста шестьдесят две мили. Упомянутое измерение было произведено начиная от побережья Эфиопского океана, которое является самым дальним из населенных мест, через Мероз, затем Александрию, Родос, Книд, Кос, Самос, Хиос, Тенедос и Сигейский мыс, устье Понта, мыс Карамбис, устье Меотиды⁷⁴⁹ и устье Танаиса⁷⁵⁰. Если же проделать этот путь по морю, он окажется короче на шестьсот семьдесят восемь миль. (616) Артемидор заявляет, что исследованный путь простирается до этих пор. Исидор добавляет, однако, что он тянется еще на тысячу двести пятьдесят миль до Крайней Фулы. Это мнение, впрочем, представляется мне недостоверным, ибо я утверждаю, что земля имеет протяженность в длину такую же, как и в ширину. Действительно, поскольку предыдущее доказательство и рассуждение показывают, что земля имеет округлую форму, то не может сторона в круге быть неравной прочим. Однако вышеназванные писатели утверждали, что земля обитаема⁷⁵¹.

(617) Края самой окружности омывает растекающийся вокруг Океан, что подтверждают совершавшиеся во всех направлениях морские плавания. Так, вся западная сторона от Гадеса вдоль изгиба Испании и Галлии в настоящее время открыта для мореплавания. (618) Когда же божественный Август с флотом оплывал Германию, он пересек всю северную часть Океана. Прибыв сперва к Кимврскому мысу⁷⁵², затем он преодолел огромное море и достиг ледяных вод страны скифов. (619) Таким же образом область на крайнем Востоке, которая омыва-

⁷⁴⁹ Азовское море.

⁷⁵⁰ Река Дон.

⁷⁵¹ Последнее курьезное рассуждение, вероятно, принадлежит самому Марциану Капелле. Оно, как очевидно, входит в явное противоречие с предыдущим (опирающимся на Плиния, *Plin. n. h. II 112, 245–246*) утверждением о том, что ширина обитаемой суши в полтора раза меньше ее длины (§ 614).

⁷⁵² Полуостров Ютландия.

ется Индийским океаном и затем поворачивает к Каспийскому морю, была исследована флотом македонян во время царствования Селевка и Антиоха. И Меотийское озеро считается заливом того же Океана. (620) Упомянем и о том, что земли по левую руку⁷⁵³ также омываются кругом. Таким образом, от самих Столпов Геркулеса, воздвигнутых им на Гадитанском побережье, и до Арабского залива весь Океан открыт для плавания, что подтверждается многочисленными примерами. (621) Так, наибольшую его часть избороздил в своих победоносных плаваниях Александр Великий. Когда в том же Арабском заливе останавливался Гай Цезарь, сын Августа⁷⁵⁴, он видел выброшенные на берег обломки испанских кораблей, потерпевших крушение. Также и Ганнон во времена процветания финикийской державы оплыл Мавретанию и затем, повернув на юг, после весьма длительного плавания добрался до границ Аравии⁷⁵⁵. Корнелий⁷⁵⁶ утверждает, что некий Евдокс, покинув Аравию из-за козней царя, достиг Гадеса и обрел там убежище⁷⁵⁷. Целий Антипатр⁷⁵⁸ заявляет, что видел человека, который, пылая страстью к торговле, приплыл в Эфиопию из Испании. Тот же Корнелий после того, как пленил индийцев, совершил плавание вдоль Германии⁷⁵⁹. (622) Я полагаю доказанным, что море было исследовано по всей своей окружности, и внешний периметр земли со всех сторон доступен мореплаванию.

Теперь я упомяну о разделении самой земли, насколько это позволяет сжатость рассказа. Весь круг обитаемой земли в верхнем полушарии, как свидетельствует большинство, распределен на три части: Ев-

⁷⁵³ Т.е. Африка, которая находится на левую руку, если плыть на запад через Гибралтарский пролив.

⁷⁵⁴ Гай Юлий Цезарь Випсаниан (20 г. до н.э.–4 г. н.э.), сын полководца Марка Випсания Агриппы и дочери Октавиана Августа Юлии, усыновленный Октавианом Августом.

⁷⁵⁵ По современным сведениям, экспедиция Ганнона, происходившая в VI или V в. до н.э., достигла через Гибралтарский пролив побережья современных Сьерра-Леоне, Камеруна или Габона (*Casson L. Travel in the Ancient World. John Hopkins University Press, 1994. P. 63–64.*)

⁷⁵⁶ Ссылка на одно из не дошедших до нас сочинений Корнелия Непота (ср. Plin. n. h. II 67, 169).

⁷⁵⁷ О путешествиях Евдокса из Кизика со ссылкой на Посидония рассказывает Страбон (Str. II 3, 4). По словам Посидония, Евдокс был убежден, что плавание вокруг Ливии возможно, однако о его собственных путешествиях по этому маршруту в рассказе Посидония ничего не говорится.

⁷⁵⁸ Луций Целий Антипатр (ок. 180–120 гг. до н.э.) — римский историк, сочинения которого сохранились только во фрагментах.

⁷⁵⁹ Искраженный пересказ Плиния: «Тот же Непот передает, что Квинту Метеллу Целеру <...> тогдашнему проконсулу Галлии, царем свебов были подарены индийцы, которые, плывя по торговым делам из Индии, были бурей унесены в Германию» (Plin. n. h. II 67, 170).

ропу, Азию и Африку. Первая и последняя из них разъединены вторжением Океана, (623) ибо сила атлантических глубин, прорезав узкую твердь Гадитанского пролива, отделяет Иберийский берег от Ливийского, а затем разливается, образуя потоки ближнего моря. Путь от Гадитанского устья до входа во внутреннее море насчитывает в длину едва ли пятнадцать миль; ширина пролива в его узком месте составляет пять миль, в широком семь, наибольшая равна десяти. Отсюда хлынули в разнообразные заливы и низменности все те гремящие водные потоки, что ныне наполняют просторы различных морей. (624) Этот прорыв разлившегося посередине Океана образует по левую руку Европу, по правую Ливию и по обеим сторонам замыкается горами: от Европы он отделяется Кальпой⁷⁶⁰, от Африки — Абинной⁷⁶¹. Эти горы, возвышающиеся по обеим сторонам, заслужили название Геркулесовых Столпов, ибо, в соответствии с древним свидетельством, в них свято чтится предел Геркулесовых подвигов: продвинуться дальше ему воспретило отсутствие пути вследствие окончания суши. (625) Одним из свидетельств его священной доблести и мощи является то обстоятельство, что вопреки природе, прежде отделившей море от земли и окружившей Океаном утвержденные ею горные громады, он срыл основания вышеназванных гор, пересек бороздой окрестные поля и через низины и впадины впустил неожиданное море на пользу неумолимому роду смертных, изменив облик мира и установления природы.

(626) Итак, налево по этого пролива простирается Европа вплоть до омутов реки Танаис, от которой начинается Азия, ограниченная, в свою очередь, руслом Нила. Нил этот, отделяющий ее от Африки, рассекает землю множеством потоков. О Европе же большинство говорит, что она оканчивается проливом Пропонтиды, каковая Пропонтида, миновав теснины, продолжается до Меотийского моря.

(627) Началом и первым пределом Европы считается Испания, изобильная и богатая плодами провинция, прославленная месторождениями металлов и золота, а также дарами киновари, мрамора и самоцветов. Наименования своего она удостоилась оттого, что ее пересекает своим течением река Ибер⁷⁶². Та ее часть, что сопредельна с Атлантическим океаном и оканчивается побережьем Гадитанского пролива, известна как Бетика и тоже получила имя в соответствии с прозванием местной реки. Та часть, что простирается по сю сторону от Урцитанской области⁷⁶³, именуется Тарраконской по городу Тарра-

⁷⁶⁰ Кальпа (*Calpe*) — античное название Гибралтарской скалы.

⁷⁶¹ Абинна, или Абила (*Abyla*) — античное название горы Ачо (*Hacho*) в Сеуте.

⁷⁶² Иберия (*Hiberia*) — античное название Испании.

⁷⁶³ В ориг.: *ab Urcitano fine*. По предположению У. Шталя и Р. Джонсона, речь идет об области племени оретанов (*Oretani*), живших на границе между Бетикой и Тарраконской Испанией.

кону, основанному Сципионами; пунийцы же заложили Карфаген⁷⁶⁴, повсюду обозначая основанные ими города приятными для себя именами. (628) Названная часть тянется от Пиренейских гор до того места, где от нее отделяется еще одна провинция, ибо по северной границе Бетика соединяется с Лузитанией, чье название легенда производит от игр⁷⁶⁵ Отца Либера⁷⁶⁶ или сопровождавших его вакханок. Через нее также проходит одноименная река; однако не в меньшей степени она знаменита и золотосными песками Тага. (629) Расположенный здесь город Олисипона⁷⁶⁷, был, как говорят, основан Улиссом. По его имени назван мыс, разделяющий моря и земли: от этого изгиба берут начало Галльское море и гладь Северного океана, Атлантический же, или Западный океан заканчивается, ограниченный выступающей частью Испании. В его окрестностях возрастает приплод кобыл, зачищаемый от ветра, ибо сам парящий на крыльях Фавоний своим дыханием дарует им потомство. (630) Впрочем, изобилием и плодородием все провинции превосходит Бетика. Она включает четыре юрисдикции: Гадес, Кордубу, Астиги и Гиспал, и сто семьдесят пять городов, богатых многочисленным населением. (631) В длину она простирается от пределов города Кастуллона до Гадеса на двести пятьдесят миль (от Мургиса по морскому побережью выходит, как считается, на двадцать пять миль больше); ширина ее доходит до двухсот двадцати четырех миль. (632) Вся провинция⁷⁶⁸ включает семь юрисдикций: Карфаген, Тарракон, Цезараугусту, Клунию, Астурику Аугусту, Лукус Аугусты и Бракару Аугусту, и насчитывает в общей сложности двести девяносто четыре городские общины (не считая островов и тех, что подчинены другим общинам). В длину же она простирается, согласно вычислениям Агриппы⁷⁶⁹, на четыреста семьдесят пять миль, в ширину на двести двадцать четыре, продолжаясь до самого Карфагена. В этом суждении Агриппы допущена немалая погрешность: (633) в действительности вся Ближняя Испания от Пиренеев до пределов Кастуллона тянется в длину на шестьсот семь миль (побережье имеет, согласно оценкам, несколько большую протяженность), ширину же ее у подножья Пиренеев, от Тарракона до побережья Оиарсона, находят равной тремстам семи милям, после чего она постепенно увеличивается, прибавляя в ширине столько же и еще больше к тому месту, где граничит с Дальней Испанией.

⁷⁶⁴ Новый Карфаген (*Carthago Nova*), ныне Картахена.

⁷⁶⁵ *Lusus* «игра».

⁷⁶⁶ Т.е. Вакха.

⁷⁶⁷ Лиссабон.

⁷⁶⁸ Тарраконская Испания.

⁷⁶⁹ Марк Випсаний Агриппа (64–12 гг. до н.э.) — полководец и государственный деятель, соратник Октавиана Августа. Занимался, в числе прочего, вычислением протяженности различных областей известного на тот момент обитаемого мира. На данные Агриппы во многих местах ссылается Плиний Старший, из которого, в свою очередь, черпают свои сведения Солин и Марциан Капелла.

(634) Те же Пиренеи с другой стороны подходят к пределам Галлии, и все, что лежит от их подножья до Рейна, а также от Океана до Севеннских гор и Юры, относится к галльским областям. А Нарбоннской называется та провинция, которая омывается внутренним морем; прежде она называлась Браката⁷⁷⁰. От Италии она отделяется Альпийским хребтом и рекой Варом. Длина ее, по измерениям Агриппы, триста семьдесят миль, а ширина двести сорок восемь. (635) В этой провинции есть река Родан, которая выходит из Альп, протекает через Леманское озеро и является причиной изобилия всходов и плодов. Ее устья называют различными именами: одно — Испанским, другое — Метапинским, третье, более полноводное, нарицается Массильским. Эта провинция замечательна мужами, богатствами и плодородием; и достойна презрения по причине только одного нечестия: некогда здесь было дозволено приносить в жертву представителей человеческого рода.

(636) За Альпийскими горами, где лик возвышенной природы озаряется блеском восходящего солнца, начинаются склоны Италии — страны, восхваляемой древними превыше всех прочих из-за красоты города Рима. (637) Ее передняя часть принадлежит лигурийцам, затем плодородные земли занимает священная область Этрурии, знаменитая как союзом с Энеем Индигетом⁷⁷¹, так и изобретением лекарств и восставшим из пашни Тагесом⁷⁷². Следом — Умбрия, Лаций и устье Тибра, а затем и сам повелитель народов Рим, во все времена своего могущества достойный быть восхваляемым до ваших небес благодаря своему оружию, мужам и святыням; он отделен от моря шестнадцатью милями. Затем берег, получивший имя от вольсков и им доставшийся в удел; (638) следом идут Кампания, Пицен, побережье Лукании и Бруттий, чей мыс, обращенный к полудню и Австру, выдается в море и левым своим крылом объемлет воды внутреннего залива; и если с ближайшего склона Альп ты будешь смотреть на протяженную горную цепь с правой стороны и мысленно совместишь выступы с обоих краев, то тебе будет казаться, что ты созерцаешь некий водный амфитеатр, ибо Италия имеет форму полумесяца и изгибается неким полукругом, который завершается упомянутым мысом. Все моря, разливающиеся от самого Гадеса, где открывается горловина пролива, и до Бруттийского залива, первого в Европе, пребывают в спокойствии. (639) Внутренняя же часть земли, обращенная к верхнему морю и к северу, то есть побережье Великой Греции, населена саллентинами, педикулами, апулами, пелигнами, истрами, либурнами и другими, менее

⁷⁷⁰ *Bracata* «одетая в брюки» < *bracae* «брюки (одежда галлов)».

⁷⁷¹ *Indiges* «местный, туземный» (ср. Verg. Aen. XII 794). Имеется в виду, вероятно, описанный в «Энеиде» Вергилия союз между Энеем и царем Латинном Verg. Aen. VII 255–275)

⁷⁷² См. прим. 305.

известными народами. Она также изгибается влево и благодаря двум мысам подражает форме амазонского щита: с левого края выступает Левкопетра, справа Лациний⁷⁷³. И хотя длина ее от Альп через город Преторию Аугусту, Капую и город Регий, не считая изогнутого выступа, составляет тысячу двадцать миль, ширина ее нигде не превосходит трехсот миль. Истрия и Либурия отделены от италийской почвы ста милями; до Эпира и Иллирика — пятьдесят, до Африки, как утверждает Варрон, не более двухсот миль, до Сардинии — сто двадцать, до Сицилии — полторы, до Коркиры — менее восьмидесяти миль, до Иссы — пятьдесят. (640) А весь периметр Италии имеет протяженность в две тысячи сорок девять миль. Центр ее, как говорят, находится в области Реаты. Самое узкое ее место рядом с портом, называемым Ганнибаловым Лагерем: здесь ее ширина едва достигает сорока миль. Италия также знаменита рекой Падом, которую греки называли Эриданом. Этот поток порождает своим дивным источником гора Везул, возвышающаяся среди Альпийских гор; в краю лигурийцев он становится рекой, которая затем нисходит в недра земли и выходит наружу в области Вибоны. С восходом Пса⁷⁷⁴ Пад расширяется, ибо когда альпийские снега растапливаются жаром летнего солнца, он, вздуваясь, выходит из берегов и, не уступая славою ни одному из благородных потоков, вбирает в себя тридцать других рек, после чего обильно и с великим достоинством вливается в Адриатическое море. (641) Есть в Италии и другие достопримечательности, не обойденные, между прочим, вниманием поэтов: среди них город Сциллей с рекой Гратеидой, которая была матерью Сциллы, пучина и закрученный водоворот Харрибды, розарии Пестума⁷⁷⁵, скалы Сирен. Здесь же и Кампания с ее живописнейшими краями и известными с древности дарами Вакха и Цереры; и Флегрейские Поля; и жилище Цирцеи Террацина, которая прежде была островом, теперь же соединена с материком; и обитатели Регия, отделенные от близлежащей Сицилии (ибо последняя была обращена в остров в возмещение за присоединенную сушу); а также Формии, прославленные как место жительства лестригонов.

(642) Здесь можно было бы также упомянуть основателей городов: Яникул был воздвигнут Янусом, Лаций Сатурном⁷⁷⁶, Ардея Данаей⁷⁷⁷, Помпеи Геркулесом, когда он руководил шествием⁷⁷⁸ иберийских быков. В честь его же подвигов получили название Каменные Поля в Ли-

⁷⁷³ Амазонский щит имел форму полумесяца с выступом посередине. По замечанию Плиния (Plin. n. h. III 5, 43), роль срединного выступа играет *Cocynthum* (мыс Пунта Стило), а крайние выступы образуют *Leucopetra* (мыс Пунта ди Пелларо) и *Lacinium* (мыс Капо Колонна).

⁷⁷⁴ См. прим. 247.

⁷⁷⁵ Ср. Verg. geo. IV 119.

⁷⁷⁶ Ср. Verg. Aen. VIII 319–324.

⁷⁷⁷ Ср. Verg. Aen. VII 410–412.

⁷⁷⁸ В ориг.: *pompat*.

гурии, ибо во время его битв с неба, как говорят, шел каменный дождь. Он дал имя также Ионическому морю, ибо им была убита Ио, дочь Автокла, которая устраивала разбойные засады на дорогах. Иапиги были основаны Иапигом, сыном Дедала, Кора Дарданом, Агиллина пеласгами, Тибур Катиллом, начальником Эвандрова флота. Парфенопея была названа в честь гробницы сирены, носившей это имя; теперь она называется Неаполем. Пренеста была воздвигнута Пренестом, внуком Улисса, хотя другие предпочитают считать основателем Цекула, который был, по их утверждениям, отпрыском огня. Арпы и Беневент были воздвигнуты Диомедом, Патавий Антенором, Метапонт пилосцами. Впрочем, я не считаю для себя важным подробно исследовать происхождение городов.

(643) Поскольку пределы материковой суши определяются ограничивающими ее потоками проливов, не лишним будет теперь упомянуть и о выступающих из моря частях земли, которые называются островами, так как находятся посреди соленой воды⁷⁷⁹; мы остановимся лишь на самых знаменитых из них, ибо обзор не должен быть чересчур утомительным. Поэтому я вскользь упомяну Питиузы, которые получили имя из-за своих сосновых лесов⁷⁸⁰, ныне же называются Эбуз и расположены поблизости от Нового Карфагена, два Балеарских острова, Колубрарию и те острова, которые у греков называются Гимназиями⁷⁸¹, а также грозящую кораблекрушением Капрарию. У побережья Галлии в устье Родана расположена Мидма⁷⁸², затем тот остров, который называют Бласкорум, затем Стихады (один из этих островов носит имя Прота, второй — Меза, или Помпониана, третий — Гипея) и прочие мелкие острова, лежащие напротив Антиполя. (644) В Лигурийском море находится Корсика, которую греки нарекли Кирн, длиною в сто пятьдесят миль, шириною в пятьдесят. Весь ее периметр имеет протяженность в триста двадцать пять миль. Она включает тридцать три городские общины. По сю сторону от нее лежит Огласа; ниже, в шестидесяти милях от Корсики, Планазия, вводящая в заблуждение мореплавателей своей близостью⁷⁸³, также Ургон и Капрария, которую греки нарекли Эгилион⁷⁸⁴, также Эгилий⁷⁸⁵ и Дианий, также Колумбария и Венария; также за устьем Тибра в области Антия Пальмария и Синония, в области Формий — Понтии, Пандатерия, Прохи-

⁷⁷⁹ *In salo* «в соленой воде, в море», ср. *insula* «остров».

⁷⁸⁰ От греч. *πίτυς* «сосна».

⁷⁸¹ Согласно Плинию, Гимназии — это греческое название Балеарских островов (Plin. n. h. III 5, 77).

⁷⁸² В рукописях Плиния — *Metina* (Plin. n. h. III 5, 79).

⁷⁸³ От греч. *πλανάω* «сбивать с пути». Ср. у Плиния: «Планазия, названная так из-за своего вида: она одинакова с морем и поэтому обманчива для судов» (Plin. n. h. III 6, 80).

⁷⁸⁴ *Capraria* и *Aegilion* — от лат. *capra* «коза» и греч. *αἴξ* (род. п. *αἰγός*) «коза».

⁷⁸⁵ В рукописях Плиния — *Igilium* (Plin. n. h. III 6, 81).

та; получившая имя от стоянки кораблей Энея Энария, называемая греками Инарема, а также Питекуза и Мегарида в области Неаполя. От Суррента в восьми милях находятся Капреи, затем Левкотей. (645) В направлении Африканского моря от Корсики на расстоянии восьми миль расположена Сардиния. В этом узком проливе есть малые острова, именуемые Каникуляриями, а также Питонида и Фоссы. Сардиния, названная так в честь Сарда, сына Геркулеса, имеет форму человеческой стопы; потому она и получила имена Сандалиотес и Ихнуза, каждое из которых обозначает форму следа⁷⁸⁶. На востоке она имеет протяженность сто восемьдесят восемь миль, на западе сто семьдесят пять, на юге семьдесят семь, на севере сто двадцать пять. У Гордитанского мыса она имеет поблизости два острова, которые называют Геркулесовыми, у мыса Сулки — Энусис, у Каральского мыса — Фикарию и Галату. Некоторые говорят, что недалеко расположены также Лебейды, Галлода и Купальни Геры. Напротив Пестума находится Левкасия, названная в честь похороненной там сирены; напротив Велии Энотриды; напротив Вибоны — Итакезии, получившие свое имя по сторожевой башне Улисса.

(646) Далее следует упомянуть Сицилию, которую Фукидид именуется Сиканией, многие другие — Тринакрией. Название Сикания происходит от царя Сикана, который прибыл на эту землю с иберийским войском еще до Троянской войны, а после него — Сикул, сын Нептуна, который также дал ей свое имя. Тринакрия — потому что она считается треугольной и имеет три выступа. Один, южный, обращен мысом Пахин к Пелопоннесу и отделяется от Греции четырьмястами сорока милями; Пелориада, в свою очередь, смотрит на запад⁷⁸⁷ и Италию, с которой его разделяют полторы мили пролива; Лилибей видит в ста восьмидесяти милях от себя пределы Африки. Сами эти выступы отдалены друг от друга по суше вот на какое расстояние: от Пелора до Пахина сто семьдесят шесть миль, оттуда до Лилибея двести, оттуда до Пелора сто сорок три. (647) В Сицилии пять колоний, шестьдесят три города, множество рек и источников и удивительная гора Этна, целыми ночами изрыгающая пламя. Ее кратер шириною в двадцать стадиев⁷⁸⁸ посыпает раскаленным пеплом Тавромений и Катину и издает при этом оглушительный шум, оглашая окрестности треском и грохотом сталкивающихся огней. (648) Нет сомнений, что и в Сицилийском проливе также имеются острова. К Африке обращены Гавлос и Мальта в восьмидесяти восьми милях от Камарины и в ста тринад-

⁷⁸⁶ От греч. *σανδάλιον* «сандалия» и *ἵχνος* «след».

⁷⁸⁷ В действительности Пелориада (мыс Пунта дель Фаро) обращена не к западу, а к северо-востоку. Марциан Капелла повторяет здесь ошибку Солина (Sol. 5, 2), которая, согласно предположению У. Шталя и Р. Джонсона, вызвана неправильным чтением текста Плиния (Plin. n. h. III 87): *vespero* вместо *vergens*.

⁷⁸⁸ У Плиния: *ambitu* «в окружности».

цати от Лилибея, Коссира, Гиеронесс, Цена, Лепадуза, Аэтуза, которую иные называют Аэгузой, и прочие⁷⁸⁹. Другие расположены по сую сторону Сицилии: напротив реки Метавра в двадцати пяти милях от Италии семь Эоловых островов, которые римляне именуют Вулкановыми, и у каждого собственное название: первый именуется Липара, второй Теразия, третий Стронгила (на нем, как говорят, царствовал Эол, который по вырывающемуся поблизости пламени или его дыму узнавал, куда будет дуть ветер; известно, что и в наше время жители этих мест умеют это предугадывать), четвертый же остров Дидима, пятый Эрепуза, шестой Феникуза, последний Эвоним.

(649) Это первый залив Европы. От Локр же, начиная от которых побережье Авзонийского моря простирается на девяносто шесть миль и отступает, образуя три залива⁷⁹⁰, начинается передняя часть Италии, называемая Великой Грецией, где в изобилии реки и города; тут есть и порт, имя которому Ганнибалов Лагерь, где ширина Италии оценивается всего лишь в сорок миль.

(650) Далее от Лацинийского мыса начинается второй залив Европы, образующий большой изгиб и оканчивающийся мысом Акрокеравнием в Эпире, от которого Кротон находится на расстоянии восьмидесяти пяти миль. Отсюда, минуя многочисленные города и заливы и выступая далеко в море, Италия продолжается до города Гидрунта, где Верхнее и Нижнее море разделяют девятнадцать миль и откуда кратчайшая переправа в Грецию. А отсюда через многочисленные народы, заливы, города, реки, горы и варваров Италия доходит до пределов Иллирика, длина которого от реки Арсии до реки Дриния составляет пятьсот пять миль, от Дриния до мыса Акрокеравния сто семьдесят пять миль. Побережье Иллирика имеет более тысячи островов.

(651) Третий залив Европы начинается от Акрокеравнийских гор и оканчивается Геллеспонтом; он имеет девятнадцать заливов и многочисленные провинции. Здесь находятся Эпир, Акарнания, Этолия, Фокида, Локрида, Ахайя, Мессения, Лаконика, Арголида, Мегарида, Аттика и Беотия. По другую сторону и у другого моря находятся также Фокида и Локрида, Дорида, Фтиотида, Фессалия, Магнезия, Македония, Фракия — вся Греция. Эпир начинается Керавнийскими горами; первый народ здесь хаоны, по которым была названа Хаония; далее гора Пинд, дриопы и молоссы Додоны, знаменитые прославленным храмом Юпитера. Позади них среди прочих народов трибаллы, с передней стороны примыкают Мезия и Медия, до самого Понта — фракийцы. Следом виднеются вершины Родопы и Гема; затем колония Бутрот; Амбракийский залив, впускающий воды через узкую горлови-

⁷⁸⁹ Перевод этого места по тексту Б. Ферре.

⁷⁹⁰ Локрийский залив, залив Сквиллаче, Тарентский залив (Таранто).

ну, в который впадает река Ахеронт, прославленная мифом об ужасах подземного мира. Дальше, если пропустить еще несколько племен, находятся колония Акции с храмом Аполлона, от которого сам этот бог приобрел свое прозвище, и городская община Никополя. Выходящих из Амбракийского залива в Ионическое море встречает разнообразие народов, в том числе и этолийцы, у которых, помимо прочих городов, есть расположенный невдалеке от моря город Калидон, весьма прославленный порождением Диомеда и Тидея. Затем вторгшиеся воды залива разделяют Этолию и Пелопоннес, следом в Акарнании Аракинф, в Этолии <...> азолей, у которых есть город Эантия и в нем порт Аполлона. Далее на равнине Фокиды город Кирра, порт Халей, от которого на семь миль вглубь город Дельфы под горой Парнас, славный Аполлоновыми оракулами; там Кастальский источник; далее в самой глубине залива уголок Беотии возле горы Геликон.

(652) Пелопоннес — это полуостров между двумя морями, Эгейским и Ионическим, с угловатой формы бухтами, имеющий в периметре пятьсот шестьдесят три мили, а если считать с заливами, то еще почти столько же. Узкий перешеек, с которой он начинается, называется Истм. Разделенные пятью милями моря ударяют в него по бокам и подтачивают этот проход с двух сторон. Посередине этого промежутка, который я назвал Истмом, в шестидесяти стадиях от каждого из берегов расположена колония Коринф, созерцающая оба моря с высоты своей цитадели, которую называют Акрокоринф. От Истма начинается провинция Ахайя, которая прежде именовалась Эгиал из-за городов, по порядку расположенных на побережье⁷⁹¹; здесь есть многочисленные заливы, порты, горы, города и народы.

(653) С узкого перешейка Истма начинается Эллада, которую мы называем Грецией. Первая область в ней Аттика, в древности называвшаяся Акте; она соприкасается с Истмом одной из своих частей — Мегаридой; на побережье находятся порт Схен и Скироновы скалы в шесть миль длиною, а также порты Пирей и Фалера, соединенные с удаленными от них Афинами стеной длиною в пять миль⁷⁹². Здесь много источников, среди которых прославлена Каллироя. Не уступают Афинам и беотийские Фивы, где находятся Эпикрена, Аретуза, Гипокрена, Аганиппа и Гаргафия.

(654) За многочисленными городами, горами и народами следует Гемония, позади которой гора Эта; она же именуется Фессалией. Здесь был рожден царь Грек, в честь которого названа Греция; здесь же и Эллин, в честь которого получили свое имя эллины. Самые знаменитые горы в Фессалии — Олимп, Пиерий и Осса; напротив последней —

⁷⁹¹ От греч. *αἰγιαλός* «морской берег».

⁷⁹² Перевод этого места по тексту Б. Ферре.

Пинд и Отрий, места обитания лапифов; вершины их обращены на заход солнца. Все эти горные хребты изогнуты на манер амфитеатра, перед ними лежат семьдесят пять достославных городов. С Фессалией соседствует Магнезия с источником Либетридой, имя которого прославлено влагой, вдохновляющей поэтов. Длина Фессалии составляет пятьсот девяносто миль, ширина двести девяносто семь.

(655) Затем — Македония, знаменитая величайшими царями ста пятидесяти народов, особенно же Александром: хотя он и считался сыном Филиппа, его мать Олимпиада помнила о том, что он был зачат змеем. Он был завоевателем мира, ибо победоносное шествие его распространилось до тех же пределов, что походы Либера и Геркулеса. Эта же Македония дала свое имя тем народам, что прежде назывались эдониями, а также всей Мигдонии, Пиерии и Эматии. Оканчивается она на границе с Фракией. На юге обитают эпироты, с запада дарданцы и иллирийцы, на севере Пафлагония⁷⁹³ и Пеония. Границей ее с Фракией служит река Стримон, стекающая с горных вершин Гема. Здесь находится Родопа, называемая Мигдонийской горой, и Афон, отрезанный от материка Ксерксом при помощи персидского войска <...> область Орестиды, без сомнения, именуемая так в честь сына Ореста и Гермियोны. Здесь и Флегра, ныне городская община, некогда же знаменитая безрассудством Гигантов и их ужасными битвами; затем Атамания, замечательная высотой гор: она одна, как говорят, не была покрыта всемирным потопом, ибо вершины ее были оказались величайшими из всех.

(656) Следом идет Фракия, чьим жителям-варварам присуще величайшее стремление к смерти; бессы и денселеты живут на правом берегу Стримона до самой реки Мест, огибающей Пангей. Одрисские снега наполняют реку Гебр, который, протекая через земли различных варваров, омывает, в числе прочих, страну киконов: с этой областью граничит Гем, чья вершина возносится на шесть миль в высоту и обдувается ветрами по причине своего соседства со звездами. Его склоны занимают различные племена, среди которых геты, сарматы и скифы. Затем — населяющее Понт ситонское племя, стяжавшее славу благодаря совершенному искусству рожденного здесь пророка Орфея, жившего на мысе Спертии и посвятившего себя или священнодействию, или игре на кифаре. (657) Здесь же область Марония и город Тирида, где находились стойла коней Диомеда. Рядом с этим местом — Абдера, которой при ее основании дала свое имя сестра Диомеда; более всего этот город прославлен рождением физика Демокрита. Поэты не умолчали и о том, что Фракия отмечена погребением Полидора. Здесь же и мыс Золотой Рог, знаменитый городом Византием, что отстоит на семьсот одиннадцать миль от Диррахия: ибо таков промежуток, на ко-

⁷⁹³ У Плиния (Plin. n. h. IV 10, 33) и Солина (Sol. 9, 2) — Пелагония.

торый отдалены друг от друга два моря, Адриатическое и Пропонтида. Здесь узкий, семи стадиев, пролив Геллеспонта отделяет Азию от Европы. (658) Тут же находятся две городские общины, из которых одна, а именно Сест, в Европе, Абидос — в Азии. Затем — два противоположащих мыса: Мастузия на Херсонесе, где оканчивается третий залив Европы, и Сигей в Азии, где, как говорят, находится Киноссема, место погребения Гекубы. По соседству остров Тенедос, между которым и Хиосом пролегает более широкий залив; правее от него Антандрос. Наконец, самый крошечный⁷⁹⁴ из островов, известный мореплавателям своим сходством с козой: из-за него и море было названо Эгейским⁷⁹⁵. А скала Фаларийского мыса на Коркире подражает очертаниям корабля: обильная мифами древность сочинила, будто бы в нее был обращен корабль Улисса.

(659) А вот протянулся с запада на восток Крит, богатый сотней городов: ему даровала свое имя дочь Геспериды, прекраснейшая из нимф, или, может быть, царь куретов Крет, который сперва нарек Крит Аэрией, затем Куретидой; после этого по причине своего мягкого климата его назвали Макаронесом⁷⁹⁶. В длину он простирается на двести семьдесят миль, ширина не превосходит пятидесяти миль. Периметр всего острова равен пятистам восьмидесяти восьми милям. Высокие горы — Ида и Диктинна. Евбея, в свою очередь, отделена от материковой Беотии проливом Эврипом, который настолько узок, что во многих местах пересечен мостами. Ее украшают два мыса: Гераст, обращенный к Аттике, и Кафарей со стороны Геллеспонта. Ширина ее от двух до четырех миль, длина же всей Евбеи⁷⁹⁷ от Аттики до Фессалии насчитывает сто пятьдесят миль, периметр же составляет триста шестьдесят пять миль. Ее города — Халкида, что напротив Авлиды, и Карист, мрамором своим соцветный волнам. (660) А в Миртосском море находятся Киклады, из которых известнейшие — Делос и Антандрос. Такого имени эти острова удостоились за свое круговое расположение⁷⁹⁸. Тут же Спорады — один из этих островов, Наксос, знаменит могилой Гомера, — и множество других, разбросанных на семьсот миль в длину и на двести в ширину. Между Херсонесом и Самофракией находятся обширные и ныне варварские пространства.

(661) Четвертый из больших заливов Европы начинается от Геллеспонта и оканчивается устьем Меотиды. Дело в том, что обширное море между Европой и Азией ограничено проливом узким проливом

⁷⁹⁴ Перевод этого места по тексту Б. Ферре.

⁷⁹⁵ Ср. греч. *αἴξ* (род. п. *αἰγός*) «коза».

⁷⁹⁶ Ср. греч. *μακάριος* «счастливый».

⁷⁹⁷ В рукописях: Беотии. Вероятно, ошибка самого Марциана Капеллы: у Плиния в соответствующем месте (Plin. n. h. IV 12, 63) подразумевается именно Евбея.

⁷⁹⁸ Ср. греч. *κύκλος* «круг».

шириною в семь стадиев: это узкое место и называют Геллеспонтом. Именно здесь перевел свое войско Ксеркс, царь Персии, собрав корабли и соорудив мост. Этот узкий пролив между двух берегов тянется на восемьдесят шесть миль, после чего вновь разливается в весьма широкое море, затем опять сужается. Этот разлив моря называется Пропонтидой, а второй узкий пролив именуется Боспором; ширина его полмили. Здесь провел по мосту свое войско Дарий, отец Ксеркса. Длину всех проливов, начиная от Геллеспонта, находят равной двумстам тридцати девяти милям. (662) Далее — обширное море со Скифским заливом, в середине которого устье, соединяющее его с озером Меотидой. Это устье называют Киммерийским Боспором; ширина его две с половиной мили. Два Боспора, то есть Киммерийский и Фракийский, разделяет расстояние в пятьсот миль. Периметр всего Понта составляет две тысячи сто пятьдесят миль: об этом не умалчивает Варрон, который добавляет, что длина всей Европы равняется шесть тысяч триста тридцать семь с половиной миль. Река Истр⁷⁹⁹, берущая начало в Германии, на вершине горы Абнобы, вбирает в себя шестьдесят притоков и зовется также Данувием. (663) Далее Скифский берег, наполненный многочисленными и разнообразными варварами: здесь обитают геты, даки, сарматы, гамаксобии, троглодиты, аланы и германцы. Все расстояние от Истра до Океана составляет две тысячи сто миль, в ширину же эта область занимает четыреста миль до самой Сарматской пустыни. Неподалеку располагаются река, озеро и город с одним и тем же именем Борисфен⁸⁰⁰; рядом остров Ахилла, знаменитый его погребением. Во внутренних областях живут авхаты, в земле которых рождается река Гипанис⁸⁰¹, невры, в чьем краю берет начало Борисфен, гелоны, агатирсы, антропофаги, а позади них аримаспы, дальше — Рифейские горы и область, окутанная сумрачными тенями. (664) По ту сторону этих гор, за самым Аквилоном обитают гипербореи, в краю которых пребывает в непрестанном круговращении мировая ось. Это племя замечательно своими нравами, долгой жизнью, почитанием богов, мягкостью климата, шестимесячным днем и, наконец, своим местом жительства на краю обитаемой земли. Размер Сарматии, Скифии и Тавриды в длину составляет девятьсот восемьдесят миль, в ширину семьсот десять. Больше, я полагаю, в Европе нет ничего достойного упоминания, ибо уже и на гипербореев заявляет свои права Азия.

(665) Если после Рифейских гор ты повернешь налево и будешь двигаться в обратную сторону вдоль Северного океана, то снова, миновав народы Германии, Галии и иберов, вернешься к устью Гадеса. Аримфеи, находящиеся уже в Азии, образом жизни сходны с гипербореем и уважаемы всеми племенами: по этой причине к ним, как в некое убе-

⁷⁹⁹ Дунай.

⁸⁰⁰ Днепр.

⁸⁰¹ Южный Буг.

жище, сбегаются все испытывающие страх. Дальше них у Каспийского моря, которое вторгается в Скифский океан в краю летнего восхода, обитают киммерийцы и амазонки. Там же, за обширными просторами земель, находится Гиркания.

(666) Те, кто возвращаются к берегам Атлантического океана через Аквитанию и дальнюю оконечность Европы, встречают на своем обратном пути Британию — остров, простирающийся с севера на юг, длиною в восемьсот миль, шириною в триста, периметр его составляет три тысячи восемьсот двадцать пять⁸⁰² миль. По соседству находятся Каледонский лес и множество островов, в числе которых сорок Оркад, почти соединенных между собою, а также Электриды, на которых рождается янтарь. Крайний же из всех островов — Фула, где в летнее время стоит непрерывный день, а зимой вечная ночь; за ним на расстоянии одного дня плавания — море, покрытое льдами. Ниже Британия граничит с Галлией и Испанией, которые, если бы этому не препятствовало вторжение Атлантического океана, соединялись бы с Африкой: известно, что городская община Белон в Бетике отделена только тридцатью тремя милями от города Тинге, колонии в Цезарейской Мавретании; основателем этого города был, как говорят, Антей.

(667) Африка, или Ливия, была названа в честь Афра, сына ливийского Геркулеса. В этой области находится колония Лисс, знаменитая дворцом Антея и его единоборством с Геркулесом, а также сады Гесперид. Здесь есть извилистый эстуарий, на который и намекала древняя молва о неусыпно бдящем змее. Невдалеке гора Атлас, устремляющий свою вершину ввысь от песчаного лона; местные жители называют ее Аддирис. Она возносится до самой области лунной орбиты и превышает царства облаков. Ее западная сторона, обращенная к берегу Океана, покрыта лесом и обильна источниками, однако из-за скал бесплодна; та же, что обращена к Африке, вся плодородна. Кроме того, она рождает деревья, подобные кипарисам, но в тяжелом запахе: они дают ценную пряжу, похожую на шелк⁸⁰³. Днем здесь царит тишина, ночью же мерцание огней, шум флейт, свирелей, кимвалов и тимпанов: это сатиры и козлопаны празднуют свои вакханалии. (668) На запад от самой горы на четыреста девяносто шесть миль тянется лес, населенный дикими ливийскими зверями. Недалеко находятся семь гор, которые из-за равенства своих вершин называются Братьями. Они избилуют слонами и расположены за пределами Тингитанской провинции, длина которой равна ста семидесяти милям. Город Сига устремляет свой взор на расположенный напротив испанский город Малаку; еще на побере-

⁸⁰² Эта цифра по А. Дику и Б. Ферре.

⁸⁰³ Ср. Plin. n. h. V 1, 14. По мнению комментаторов, речь здесь может идти о можжевельнике ладанном (*Juniperus thurifera*) или о кедре атласском (*Cedrus atlantica*).

жье находятся Картена и город побольше, Цезарея, а также колония Икосий, еще Русгони и Русуккуру, а также Салды и другие городские общины, в том числе Игилгили и Тубусубту. Река Ампчага находится от Цезареи на расстоянии трехсот двадцати двух миль. (669) Длина обеих Мавретаний тысяча тридцать восемь миль, ширина четыреста шестьдесят семь. От Ампчаги начинается Нумидия, прославленная именем Масиниссы; нумидийцев называют номадами. В середине этой области находится колония Цирта; дальше вглубь Сикка и Булла-Регия; в прибрежной полосе — Гиппон-Регий и Трабрака, дальше вглубь Зевгитанская область, которая и называется в собственном смысле Африкой. В ней есть три мыса: Кандид, Аполлонов мыс напротив Сардинии и Меркуриев мыс, обращенный к Сицилии. Выступая далеко в море, они образуют два залива <...> от Гиппона-Диаррита. Далее Аполлонов мыс, а в следующем заливе — Утика, знаменитая смертью Катона, река Баграда, рядом — Карфаген, прежде славный оружием, ныне почитаемый за богатство; затем Максула, Карпи, Мессуа и Клипея на Меркуриевом мысе, а также Курубис и Неаполис.

(670) Следующая часть Африки — Бизаций, населенный теми, кого называют ливии-финикиянами; периметр этой области равняется двумстам пятидесяти милям. Посев здесь возвращается стократно большим урожаем. Здешние города — Пуппут, Адрумет, Лепта, Руспа, Тапс, Тена, Авес, Макомад, Такапа и Сабрата, выходящая к Малому Сирту. От Ампчаги досюда длина Нумидии и Африки составляет пятьсот восемьдесят миль, ширина двести.

(671) Третий залив разделен надвое, образуя бухты-близнецы Сирты. Море здесь отличается обилием мелей и чередованием приливов и отливов. Малый Сирт отдален от Карфагена на триста миль, а путь к Большому лежит через пустыню, населенную разнообразными змеями и дикими зверями. За ней гараманты, выше некогда обитали псиллы, в самой бухте городская община Эя и Лептис-Магна, затем Большой Сирт периметром в шестьсот двадцать пять миль. (672) Далее область Киренаики, или Пентаполис, знаменитая оракулом Аммона, который находится в четырехстах милях от Кирены. Здесь пять главных городов: Береника, Арсиноя, Птоломаида, Аполлония и сама Кирена. Береника находится на крайней оконечности Сирта, где сады Гесперид, река Летон, священная роща, и отдалена от Лепты на триста семьдесят пять миль. От нее до Арсинои сорок три мили, до Птоломаиды еще двадцать две, еще дальше Катабатм, Мармарика и на побережье Сирта насамоны. Затем Мареотида, далее область Апис в Египте, от которой шестьдесят две мили до Паретония, отсюда двести миль до Александрии. Вся длина Африки от Атлантического моря с Нижним Египтом три тысячи сорок миль, от Океана до Большого Карфагена тысяча сто миль, оттуда до Канопа, ближайшего устья Нила, тысяча шесть восемьдесят восемь миль.

(673) Внутренняя Африка, обращенная к югу, после полосы пустынь населена левкефионами, негритами и другими необычайно удивительными племенами; за ними в восточном направлении места безлюдные и отталкивающие. Местная река Нигер имеет совершенно ту же природу, что и Нил. Среди этих безлюдных мест обитают атланты, которые не называют друг друга по именам и проклинаят солнце за то, что оно всегда обжигает их самих и их урожаи. Они, как кажется, никогда не видят снов. (674) Троглодиты живут в пещерах, питаются змеями и шипят вместо того, чтобы разговаривать. Гараманты обычно сходятся с женщинами без брака. Аугилы поклоняются подземным богам. Нагие и невоинственные кампананты никогда не общаются с чужаками. Блеммии не имеют головы, а рот и глаза у них на груди. У сатиров нет ничего общего с людьми, кроме лица. Козлопаны таковы, как их рисуют. Гимантоподы из-за слабости ног не ходят, а ползают. Фарузы были спутниками Геркулеса. После них — конец Африки.

(675) Далее Египет — это начало Азии, которая от устья Канопы до устья Понта насчитывает две тысячи шестьсот тридцать восемь миль, а от входа в Понт до входа в Меотиду тысячу шестьсот семьдесят пять миль. Внутренняя часть Египта простирается на юг до тех пор, пока не упирается в обитающих дальше эфиопов. Нижнюю его часть справа и слева окружает разделяющийся Нил, так что Египет можно назвать островом Нила, ибо в соответствии с очертанием обтекающей его реки он имеет, как считается, форму буквы дельты. От начала расщепления реки до Канопского устья сто сорок шесть миль, до Пелузийского сто пятьдесят шесть. (676) Верхняя часть, граничащая с Эфиопией, включает в себя множество городских префектур, которые называют номами; среди них Менелайта, область Александрии, и ливийская Марейотида. Гераклеополь — это остров на Ниле, на котором находятся город Геркулеса, Арсиноита и Мемфита, доходящие до вершины дельты. Нил, как считается, берет начало от неизвестных истоков, хотя царь Юба указывает на то, что он начинается на горе в нижней Мавретании, из озера Нилиды: это доказывается тем обстоятельством, что там и здесь обитают одни и те же животные, и их способ размножения одинаков. Во всей дельте Нила, по свидетельству Артемидора, насчитывалось двести пятьдесят городов. Самый выдающийся из городов, основанная Александром Великим Александрия, расположена на берегу Египетского моря, в двенадцати милях от Канопского устья, близ Марейотийского озера, на котором есть множество островов и четырехста переправ⁸⁰⁴; как длина, так и ширина его составляет сто пятьдесят миль. (677) Дальше за Пелузийским устьем находится Аравия,

⁸⁰⁴ По предположению У. Шталя и Р. Джонсона, утверждение о четырехстах переправах (*traiectus*) является следствием неправильного чтения или интерпретации текста Плиния (Plin. n. h. V 11, 63), где говорится, что Марейотийское озеро имеет 30 миль в поперечнике (*traiectu*).

простирающаяся до Красного моря, которое называют Эритрейским в честь царя Эритра, сына Персея и Андромеды. Красным его зовут из-за цвета, ибо на берегу есть источник, испив из которого овцы начинают менять цвет шерсти на красный. Город на берегу этого моря называется Арсиноя.

(678) Аравия тянется до богатой и приносящей благовония земли. Рядом Сирия, имеющая множество различных имен: там, где она граничит с Аравией, ее называют Палестиной, а также Иудеей и Финикией; внутренняя часть известна как Дамаскена, часть, обращенная к югу — Вавилония; она же Месопотамия между Евфратом и Тигром; там, где она пересекает Таврский хребет — Софена; по сю сторону от нее — Коммагена; но ту сторону Армении — Адиабена, прежде называвшаяся Ассирией; на границе с Киликией — Антиохия. Длина ее между Киликией и Аравией четыреста миль, ширина же от Селевкии до города Зевгмы на Евфрате сто семьдесят пять миль. (679) Аравия оканчивается в Остракине, в шестидесяти шести милях от Пелузия. Аполлония в Палестине <...> на сто восемьдесят восемь миль дальше; за Идумеей и Самарией вдаль и вширь простирается Иудея. Ее часть, примыкающая к Сирии, называется Галилеей и отделена от остальных частей рекой Иорданом; река эта берет начало от источника Панеады <...> вторая возвышенность в Иудее после Иерусалима; с этой же стороны источник Каллироя. На западе живут ессеи, воздерживающиеся от соития и любых страстей. Несколько вглубь отсюда расположена крепость Массасада, здесь граница Иудеи; к ней примыкает Декаполис, названный по числу городов. (680) Если вернуться к побережью Финикии, то здесь находится колония Птолемаида; позади нее Ливанские и Антиливанские горы; полосой равнин от них отделен Баргил, также гора. Там, где заканчивается Сирия, среди финикийских городов находится Антиохия, которую разделяет река Оронт. Над ней гора под названием Казий, с высоты которой в четвертую стражу сквозь мглу видно солнце. (681) Река Евфрат рождается в Сирии на горе, именуемой Капотес. Здесь есть еще одна река Марсий. Между Сирией и Парфией находится город Пальмира, и рядом река Евфрат, по которой за десять дней можно на корабле добраться до Селевкии, самого большого города парфян. Евфрат, разделяясь, с одной стороны течет налево в Месопотамию и впадает в Тигр, правое же его русло достигает Вавилона, столицы Халдеи. (682) Однако вернемся к побережью Сирии. С ним граничит Киликия: здесь находятся город Венеры, остров Кипр и река Парадиз. По соседству с Киликией — Памфилия, чей последний город Фаселида. Затем — Ликаония, обращенная в юрисдикцию Азии; с той стороны, что сопредельна Галатии, она включает в себя четырнадцать городских общин. (683) К Памфилии примыкает Ликия, в которой берет начало Таврский хребет, котому введом почти половина мира: он бы пересек его насквозь, если бы тому не воспрепятствовали моря. Избегая их, он местами изгибается и, называемый различными

именами, тянется до самых Рифейских гор. В числе прочих его имен — Нифат, Кавказ и Сарпедон; кроме того, он известен под именем Ворот, в ином месте Армянских, в ином Каспийских; он же зовется и Гирканским, и Коракским, и Скифским, и Керавнийским. (684) В Ликийи есть другая гора, Химера, по ночам источающая пламя. Здесь было семьдесят городов, ныне их тридцать шесть. Город, служащий ее границей, называется Телмес. Отсюда начинается Азиатское, или Карпатосское море⁸⁰⁵ и та область, которая в собственном смысле называется Азией. Агриппа делит ее на две части, одна из которых ограничена на востоке Фригией и Ликаонией, на севере Пафлагонией. Ее длина составляет четыреста семьдесят миль, ширина триста. (685) Другая часть ограничена Арменией на востоке, Фригией на западе, на севере Понтом. Ближайшая к ней область — Кария, следом Иония и далее Эолида.

Во Фригии находится город, прежде называвшийся Келены, а затем изменивший имя на Апамео: здесь родился и погиб Марсий, давший имя реке и состязавшийся с Аполлоном. Часть ее называется Авлокрена: отсюда берет начало Меандр. (686) Фригия прилегает к Троаде; на севере она граничит с Галатией, на юге с Ликаонией, Писидией, Мигдонией; относительно Лидии⁸⁰⁶ она находится на востоке, относительно Мизии⁸⁰⁷ и Карию — на севере. Далее — Тмол, богатый шафраном, и река Пактол. Столица Ионии — Милет; здесь же Колофон, знаменитый оракулом Аполлона Кларосского. Главный город Меонии — Сипил; здесь же и Смирна, прославленная благодаря Гомеру, вокруг нее течет река Мелет. Смирнейскую равнину пересекает Герм, который берет начало в Дорилее и разделяет Фригию и Карию. Близ Илиона расположена гробница Мемнона. Дальше Троады в глубине материка находится Тевтрания; эта область принадлежала мизийцам. Сам же город Тевтрания омывается рекой Каиком. Здесь находится и самый славный из всех городов Азии — Пергам. (687) Вифиния — это область в начале Понта, расположенная к востоку от Фракии; граница ее начинается от реки Сагариса. Эта река соединяется с другой рекой — Галлом, по которой получили свое имя галлы, служители Матери богов. Она именуется также Бебрикией и Мигдонией, а Вифинией была названа в честь царя Вифина. В ней есть городская община Прусий, омываемая водами озера Гилас: здесь, как говорят, был похищен мальчик с тем же именем. Здесь же местность Либисса, ближайшая к Никомедии: в ней, как вспоминают, находится гробница Ганнибала. (688) Далее идет берег Понта: за узким Боспором и реками Ресом и Сагарисом находится Мариандинский залив, в котором располагается городская община Гераклея; порт Акона, где произрастает ядовитая трава аконит; пещера

⁸⁰⁵ Эгейское море.

⁸⁰⁶ В рукописях и изданиях: *Lyciae*.

⁸⁰⁷ В действительности Мизия (если Марциан Капелла говорит именно о ней) находилась западнее Фригии, к югу от Пропонтиды.

Ахерузия, нисходящая в подземные глубины. (689) Далее — Пафлагония, за которой Галатия. Здесь находится и городская община Энетоза, от граждан которой, как утверждают, произошли венеты в Италии; тут и мыс Карамбис, который отстоит от устья Понта на двести двадцать миль и на столько же от киммерийцев⁸⁰⁸; также тут находятся гора Китор и городская община Евпатория, которую создал Митридат, после его поражения она была названа Помпейополис.

(690) Каппадокия уходит вглубь материка, минуя по левую руку обе Армении и Коммагену, по правую — многочисленные народы Азии. Она прирастает до Таврского хребта на востоке, тянется вдоль Ликаонии, Писидии и Киликии, проходит выше Антиохийской Сирии и частью простирается до Скифии. От Большой Армении она отделяется рекой Евфратом; Армения эта начинается от Париедрских гор. В Каппадокии много превосходных городов, среди которых Мелита, которую основала Семирамида, и Мазаса, которую называют матерью городов; над ней нависает гора Аргей, на чьей белоснежной вершине снег не растапливается даже от летнего солнца. Здесь, в Каппадокии, длина Азии составляет тысячу сто пятьдесят миль, ширина пятьсот сорок.

(691) Ассирия начинается от Адиабены; за ней следует Мидия в виду Каспийского моря, опоясанная Кавказскими горами. Кавказ имеет ворота, которые называют Каспийскими: это обрывистые скалы, которые к тому же перегорожены железными балками, дабы воспрепятствовать проходу чужаков; в весеннюю пору он непроходим также из-за змей. Нет сомнений, что от этих ворот до Понта двести миль расстояния. В Понте есть острова Симплегады. Далее — область Маргиана, которая одна в этих краях дает виноград; она окружена горами в тысячу пятьсот стадиев и труднодоступна из-за песчаных пустынь, простирающихся на сто двадцать миль. Пленившись красотой этой области, Александр Македонский именно здесь впервые основал город своего имени, который впоследствии был разрушен и затем вновь отстроен Антиохом, сыном Селевка, назвавшего его именем отца. Периметр его составляет семьдесят пять стадиев. (692) Далее река Окс⁸⁰⁹, обтекающая Бактрию с ее городом и рекой того же названия. За нею Панда, город согдийцев; здесь Александр, желая засвидетельствовать дальность своего похода, основал третью Александрию; в этом же месте в подтверждение своих безмерных подвигов некогда установил алтарь Либер, а затем Геркулес. Эту часть земель пересекает река Лаксат⁸¹⁰, которую отождествляли с Танаисом; полководец Демодам⁸¹¹,

⁸⁰⁸ У Плиния в соответствующем месте (Plin. n. h. VI 2, 6) упоминается Киммерийское устье (Керченский пролив).

⁸⁰⁹ Аму-Дарья.

⁸¹⁰ Сыр-Дарья (античное название — *Iaxartes*).

⁸¹¹ Демодам из Милета — военачальник царей Селевка I и Антиоха I (Plin. n. h. VI 18, 49).

перейдя ее, показал что это другая река и воздвиг за нею алтарь Аполлона Дидимского.

(693) Здесь Персия граничит с областью скифов. За Скифским океаном и Каспийским морем в направлении Восточного океана лежат сперва глубокие снега, затем огромная пустыня, а после нее дорога становится непроходимой из-за антропофагов. За ними обитают серы, которые окропляют свои деревья водой, чтобы на них образовался пух, дающий шелковую ткань. Людей из других племен они презирают и предпочитают совершать сделки, выкладывая товары и не вступая в беседу. Далее находится Аттаценский залив, благодатностью подобный земле гипербореев; жители его счастливы оттого, что благодаря круговому расположению долин они не ведают чумных ветров.

(694) Далее находится Индия, ибо киконов помещают между ними по ошибке⁸¹². Индия начинается от Мидийских гор: это страна, протянувшаяся от Южного к Восточному морю, здоровая благодаря дуновению животворного Фавония; она каждый год вторично расцветает летом и дважды в год приносит урожай, а вместо зимы переносит годичные ветры. Она включала с себя пять тысяч городов и, как считалось, представляла собой третью часть мира. Либер был первым, кто вступил в Индию и справил здесь свой триумф. Наибольшие из ее рек — Инд и Ганг; Ганг течет от Скифских гор. Здесь есть и безудержная река Гипанис⁸¹³, которая преградила путь Александру Великому, как свидетельствует расположенный на ее берегу алтарь. Наибольшая ширина Ганга двадцать миль, наименьшая восемь миль, глубина сто футов. Здесь есть цари и многообразные народы, богатые как слонами, так и войсками. За городом Палиботрой находится гора Малей, на которой зимой тени падают на север, а летом на юг, переменяясь через каждые шесть месяцев. В этих местах в течение года северные созвездия показываются только на пятнадцать дней. (695) Люди здесь смуглые; в горах обитают пигмеи, а те, кто живут близ Океана, не имеют царей. Народом пандов правят женщины; первой их царицей была дочь Геркулеса. В этих же краях находится город Ниса, посвященный отцу Либеру, и гора Мерос, посвященная Юпитеру, откуда и возник миф о том, что Либер был рожден из Юпитерова бедра⁸¹⁴. Там же есть два острова, знаменитых месторождениями золота и серебра, что доказывается самими их названи-

⁸¹² Солин (Sol. 51, 1): «Между ними и Индией наиболее сведущие (*gnarissimi*) поместили киконов». По предположению У. Шталя и Р. Джонсона, противоположное по смыслу утверждение Марциана Капеллы может происходить из неправильного чтения: *ignarissimi* (наиболее несведущие) вместо *gnarissimi* (наиболее сведущие).

⁸¹³ Биас.

⁸¹⁴ Ср. греч. *μηρός* «бедро».

ями, ибо один именуется Хризезя, другой Аргирезя⁸¹⁵. (696) Все индийцы пользуются краской для волос, окрашивая их кто в голубой, кто в желтый цвет, и украшают себя драгоценными камнями. Погребением они пренебрегают, а езду на слоне считают исключительно почетной. На острове Тапробана⁸¹⁶ слоны больше индийских, и более крупный жемчуг. Этот остров простирается в длину на семь тысяч стадиев, в ширину на пять тысяч, разделяется текущей посередине рекой и тянется вдоль Индии, до которой от него семь дней пути, что подтвердили римские мореплаватели. Глубина моря в этом месте, не считая глубоких каналов, ограничиваются шестью шагами. Здесь никогда не показываются ни северные созвездия, ни Плеяды, а луну видят над землей только с восьмого по шестнадцатый день месяца. (697) Самая яркая звезда здесь Каноп, а восход солнца виден слева. При мореплавании ориентиром служат не созвездия, а полет птиц, которых берут с собой на борт; в море ходят четыре месяца в году. Люди там ростом выше обыкновенного, рыжеволосые, голубоглазые, с грубым голосом и не общаются посредством языка ни с каким другим племенем. Встретившись на берегу реки с чужеземными купцами, они выкладывают там товары и совершают обмен, как только что-нибудь придется по нраву. Их долгий век превосходит обычную человеческую бренность, и тот, кто умирает в столетнем возрасте, считается безвременно почившим. У них нет дневного сна; цены на хлеб всегда одинаковы; жилища низкие и скромные; виноградной лозы они не ведают; плодов имеют в изобилии. (698) Они почитают Геркулеса; царем выбирают того, кто наиболее кроток, степенен и не имеет потомства; если же, уже будучи царем, он обзаведется потомством, его отстраняют, опасаясь власти наследников. Вместе с ним судебные дела рассматривают другие тридцать человек, а если происходит обжалование, то назначаются другие семьдесят судей. Царь облачается в одеяние Либеры; если он преступает закон, то его, лишив всякого общения и разговора, казнят. Они любят земледелие и охоту, а именно на тигров и слонов; находят удовольствие в рыбалке, в особенности же в ловле черепах и их панцирями покрывают жилища, вмещающие целую семью. (699) Далее обитают ихтиофаги, которым Александр запретил питаться рыбой; неподалеку остров, называемый Островом Солнца или Ложем Нимф: он красного цвета, и все животные на нем погибают от сильного зноя. Следом Гипанис⁸¹⁷, река в Кармании, от которой впервые начинают быть видны северные созвездия; затем три острова, на которых водятся морские змеи в двадцать локтей длиною. У этих берегов Красное море разделяется на два залива: восточный называется Персидским из-за живущих здесь персов — периметр этого залива составляет две тысячи шестьдесят миль; другой, противоположный, зовется Араб-

⁸¹⁵ От греч. χρυσός «золотой», ἀργυρός «серебряный».

⁸¹⁶ Шри-Ланка.

⁸¹⁷ У Плиния — *Nyctanis* (Plin. n. h. VI 26, 98).

ским. (700) К Кармании также примыкает Персия, которая начинается от острова Афродизии и изменила свое название на Парфию. Вдоль берега, обращенного к западу, ее длина составляет пятьсот пятьдесят миль. Здесь находится знаменитый город Сузы, в котором есть храм Дианы Сузской. Рядом в ста тридцати милях находится Карбила, или Барбита, в которой живут люди, зарывающие золото в землю, чтобы кто-нибудь им не воспользовался. Протяженность Парфянского царства девятьсот сорок четыре мили. Мидия, Парфия и Персия, взятые в совокупности, ограничиваются с востока рекой Индом, с запада Тигром, с севера Кавказским Тавром, с юга Красным морем. Все вместе они простираются в длину на тысячу триста двадцать миль, в ширину на восемьсот тридцать.

(701) Столица племени халдеев — Вавилон; по причине его славы Ассирия и Месопотамия называются Вавилонией. Сам город окружен шестидесятимильными стенами; их высота двести футов, ширина пятьдесят, если не больше: дело в том, что каждый из их футов превышает наш на три пальца. Он окружен Евфратом; здесь есть храм Юпитера Бела, который был изобретателем науки о созвездиях. Ныне он вновь обращен в пустыню, истощенный соседством Селевкии. По этой причине в трех милях от этого места парфяне основали Ктесифон, которые и является ныне столицей царств. (702) Удаленные и выжженные части Эфиопии населены племенами троглодитов и ихтиофагов: первые в беге превосходят диких зверей, вторые побеждают морских существ в плавании. Есть и острова Горгады, которые лежат напротив мыса, называемого Рогом Геспера: их, согласно молве, населяли Горгоны; от материка туда плыть на корабле два дня. За ними острова Гесперид, которые находятся весьма далеко в море. Нет сомнений, что Блаженные острова располагаются по левую руку от Мавретании, к юго-востоку: первый из них называется Эмбриона, второй Юнония, третий Теода, четвертый Капрария, еще один — Нивария, с облачной и плотной атмосферой⁸¹⁸. Следом Канария, полная собак непомерной величины⁸¹⁹. Все они полны птиц, лесистые, пальмоносные, изобилующие сосновыми шишками, большим количеством меда, реками и сомами.

(703) Я вкратце перечислила страны и их расположение, хотя и не могла в этом поверхностном рассказе останавливаться на незначительных подробностях. Все же, чтобы было понятно, что мною были измерены все части света и моря, сообщу вкратце их общие размеры. Расстояние по прямой от Гадитанского пролива до устья Меотиды 3437 миль. Полный путь вдоль берега от той же исходной точки через перечисленные заливы до Меотийского озера 15700 миль, с самой же Меотидой 18290 миль. Размер одной Европы 8294 мили. Длина Афри-

⁸¹⁸ От *nix* (род. п. *nivis*) «снег».

⁸¹⁹ *Canaria* «собачья».

ки 3794 мили, ширина в области Кирены 910 миль. Длина Азии 6375 миль, ширина от Эфиопского моря до Александрии на Ниле через Мероэ и Сиену 1825 миль.

Таковы размеры земли, которую я сама обошла, а также морской глади; теперь перейдем, как было приказано, к изложению искусства».

(704) Молвила; но Пафиянка слегка нахмурила брови,

Задержкой огорченная,

И, отклонившись, на слуг оперлась спиной усталой,

В истоме став еще милей.

Тут, тоскуя давно среди дев румяных, сказало

С тревогою Желание:

«Что это за грубиянка несносная, крепкая телом,

Что обошла весь мир кругом

И, исходив все вершины, все реки, моря, перекрестки,

Пришла убить нас скукою?

Верю охотно: она колючками всюду покрыта,

Не щиплет ног взъерошенных;

Пыли столько на ней и грубой столько в ней силы,

Что впору ее мужем счесть!»

(705) После этих слов слугами Венеры был поднят Смех, который принялся шептать что-то на ухо самой Киферее, приятно ей улыбаясь. Однако Аркадец, предусмотрительно опасаясь упреков со стороны богов, подал ей знак, удержав ее тем доброжелательным взглядом, с которым он взирал на нее обычно. А Юнона Пронуба⁸²⁰, сидевшая рядом, сказала: «Неудивительно, что с такой приятной и любезной свитой Венерою овладела внезапная тяга к шалости: она рада бракосочетанию и всегда становится прелестна от улыбки Килленийца». После этих слов Геометрия поспешила исполнить обещанное, стараясь при этом, упомянув обо всем главном, не возбудить неудовольствия долгим рассказом. Она начала так:

(706) «Я веду речь обо всем том что, простираясь до бесконечности, определяется линиями и числами; последние же, как доказано, могут быть как телесными, так и бестелесными. Ибо то, что мы видим посредством одной созерцающей души, есть одно, а то, что мы зрим также и глазами — другое. Первая часть, постигаемая при помощи численных законов и доказательств, доверена моей сестре Арифметике. Другая — мудрое учение о линиях, видимых на песке моего абака: порожденное бестелесным, оно постепенно приобретает многообразные формы и образы, возносясь к самим небесам благодаря своему

⁸²⁰ *Pronuba* «дружка невесты, распорядительница на свадьбе», ср. §§ 31, 888, 903; прим. 991.

тонкому и почти умопостигаемому началу⁸²¹. (707) Это бестелесное и незримое является общим основанием для меня и Арифметики. В самом деле, ее неделимая монада является прародительницей чисел; у меня же она называется точкой, ибо, будучи неуловимой, она не делится ни на какие части⁸²². У нее двойка порождает линию, у меня же линия, продолженная в длину, не обретает никакой ширины⁸²³. Точно так же и поверхность, столь далеко простирающаяся в длину и ширину, рассматривается у меня как лишенная глубины, у нее же число, которое может соответствовать любым фигурам, как в совокупности, так и раздельно, оказывается бестелесным, если только не прилагается к вещам. Следовально, начала обеих бестелесны.

(708) В моем учении есть две основные части, касающиеся образования фигур. Одна называется плоской, по-гречески я обычно зову ее *ἐπίπεδος*; другая — объемная, которую мы именуем *στερεός*. Началом для первой является *σημείον*, латинское название для этого — пункт, или точка; для второй — поверхность, или *ἐπιφάνεια*. Точка — это то, для чего ничто не является частью; если же их оказывается две, то они соединяются между собой линией. Линия, которую мы именуем *γραμμή*, — это длина без ширины. (709) Некоторые из линий прямые, их я называю *εὐθείαι*, другие свернутые в кольцо, или *круговые* (*κυκλικαί*); я различаю также некоторые, называемые *извилистыми* (*ἐλικοειδεῖς*), и другие, называемые *изогнутыми* (*καμπύλαι*) за их кривизну. Линии эти с обеих концов ограничены точками — точно так же, как сами они замыкают поверхность. Поверхность есть то, что имеет только длину и ширину, но лишено глубины, как покрывающая тело краска. Греки называли ее *ἐπιφάνεια*, и, как я уже говорила, границами ее, будь она ровной или изогнутой, являются линии.

(710) Плоский угол получается, когда две линии на плоскости взаимно соприкасаются и не образуют, накладываясь друг на друга, одну линию. Если же линии, содержащие внутри себя угол, являются прямыми, то угол называется прямолинейным, по-гречески *εὐθύγραμμος*. Если же прямая, стоя на лежащей прямой, образует справа и слева равные углы, то каждый из этих двух углов будет прямым, а первая, стоящая над ними, называется перпендикуляром, или по-гречески *κάθετος*. Угол, больший прямого, называется тупым, меньший прямого — острым. Граница — это то, что является пределом чего-либо. Фигура — это то, что содержится внутри некоторой границы или границ.

⁸²¹ Намек на связь между Геометрией и Астрономией (ср. § 581) или, может быть, на связь геометрических форм с «наднебесными» идеями Платона (Plat. Phaedr. 247c).

⁸²² Ср. § 731.

⁸²³ Ср. § 732.

(711) Круг — это плоская фигура, содержащаяся внутри одной линии. Линия эта называется *περιφέρεια*; все прямые линии, проведенные к ней из одной точки, расположенной внутри круга, равны. Центр — это точка в середине круга. Диаметр — это любая прямая линия, проведенная через вышеупомянутый центр; она разделяет круг на равные части. Полуокруг — это фигура, которая содержится внутри диаметра и половины окружности, отделенной тем же диаметром. Три прямые линии, отличающиеся расположением, образуют треугольник, четыре — четырехугольник, многие — многоугольник. Они называются плоскими фигурами, и их существует три рода. Один — ограниченный прямыми линиями, который греки называют *прямолинейным* (*εὐθύγραμμον*); другой — ограниченный кривыми, который они называют *криволинейным* (*καμπυλόγραμμον*); третий — образуемый одновременно прямыми и кривыми, который они называют *смешанным* (*μικτόν*). (712) Таким образом *прямолинейным* (*εὐθύγραμμος*) называется и *треугольник* (*τρίπλευρος*), и *четырёхугольник* (*τετράπλευρος*), и *многоугольник* (*πολύπλευρος*). *Треугольник* (*τρίπλευρος*) имеет три формы. А именно, треугольник может быть либо *ισόπλευρος* (по-латински он называется *равносторонним*), если его стороны образованы тремя равными линиями; либо *ἰσοσκελές*, если из трех его линий есть две равные, на которых он стоит, словно на ногах (поэтому он и зовется *равнобедренным*⁸²⁴); либо *разносторонним* (*σκαληνός*), если все три его линии неравны между собой. Таким же образом *прямолинейный четырёхугольник* (*εὐθύγραμμος τετράπλευρος*) имеет пять разновидностей. Первая — когда он поддерживается четырьмя равными линиями и прямыми углами: эта фигура называется *квадратом*. Вторая разновидность *прямоугольная*, но не *равносторонняя* и называется *разносторонней* (*ἑτερομήκης*). Третья *равносторонняя*, но не *прямоугольная* и называется *ромбом* (*ρόμβος*). Есть еще та, в которой *противолежащие стороны равны* и *противоположные углы между собою равны*, однако не все стороны между собою равны, и углы не прямые, она называется *ромбовидной* (*ρόμβοειδής*). Помимо указанных форм всякий *четырёхугольник* называется *трапецией* (*τραπέζιον*). Параллельными являются прямые линии, которые, будучи расположены в одной плоскости и продолжены до бесконечности, ни в какой части не пересекаются. Мы рассказали о *четырёхугольниках*, пример которых может рассказать о *многоугольных фигурах*; к ним относятся *пятиугольники*, *шестиугольники* и прочие *фигуры прямолинейного рода*.

(713) Далее следует второй род фигур, образуемый кривыми линиями, который называется *криволинейным* (*καμπυλόγραμμον*). В нем есть две разновидности: одна та, что сохраняет свойства совершенного круга (а совершенным он является тогда, когда линии, проведенные к его окружности из центральной точки, со всех сторон равны меж-

⁸²⁴ От греч. *ἴσος* «равный» и *σκέλος* «бедро, нога».

ду собой), другая та, что являет различные виды вытянутого круга. (714) Третий род плоских фигур — тот, который именуют *смешанным* (*μικτόν*); он ограничен частью кривыми линиями, частью прямыми. Таков, например, полукруг, чей контур, как я говорила выше, образует кривая линия и другая, прямая: эта последняя линия, как я говорила, называется диаметром, по-латински разделяющей⁸²⁵; если она находится в полном круге, то, проходя через его центр, с обеих сторон достигает окружности.

(715) Из плоских фигур перечисленных родов одни называются *эргастическими*, другие *аподиктическими*. Эргастические — это те, которые содержат указания о построении какой угодно формы; аподиктические — те, которые представляют доказательства того, что утверждается. Греческие названия для них следующие: во-первых, *составление* (*συστατικός*), во-вторых, *разделение* (*τριματικός*), в-третьих, *построение* (*ἀνάγραφος*), в-четвертых, *вписывание* (*ἔγγραφος*), в-пятых, *описывание* (*περίγραφος*), в-шестых, *вставка* (*παρεμβολικός*), в-седьмых, *нахождение* (*προσευρητικός*). *Составление* показывает, как можно приставить к указанной линии и построить треугольник. *Разделение* показывает, при помощи каких рассуждений требуемым способом разрезать линию. *Построением* называют то, что показывает, при помощи каких рассуждений приставить к указанной линии и построить другую, какую требуется, фигуру. *Вписывание* есть то, что показывает, при помощи каких рассуждений мы можем должным образом вписать в данный круг, к примеру, требуемый треугольник или что-нибудь иное. *Описывание* есть то, что показывает, каким образом данный круг нам заключить, к примеру, в квадрат. *Вставка* есть то, что показывает, каким образом, к примеру, в данный четырехугольник нам поместить данный треугольник так, чтобы стороны четырехугольника увеличивались, но не менялась его форма. *Нахождение* есть то, что показывает, каким образом, к примеру, между данными неравными линиями найти среднюю, которая настолько же уступала бы большей линии, насколько превосходит меньшую. Таковы общие виды эргастических фигур. (716) Аподиктические же виды мы опускаем по той причине, что они являются общими для меня и для Диалектики, которую вы слышали⁸²⁶. Все фигуры при этом строятся в пять приемов, которые по-гречески называются так: первый — *πρότασις*, второй — *διόρισμός*, третий — *κατασκευή*, четвертый — *ἀπόδειξις*, пятый — *συμπέρασμα*. На латинский мы можем перевести их так: первый — предложение фигуры, второй — определение вопроса, тре-

⁸²⁵ В ориг.: *determina*.

⁸²⁶ Согласно Проклу, Евклид «применяет все методы диалектики: разделения — при отыскании видов, определения — в описании сущности, доказательства — при переходе от начал к искомому, анализа — при обратном восхождении от искомого к началам» (Procl. in Eucl. p. 69 Friedl., пер. А.И. Щетникова).

тый — расположение аргументов, четвертый — доказательство и подтверждение суждения, последний — заключение. Вот что следовало сказать о родах плоских фигур; вернемся к элементам теорем, и такими элементами являются, несомненно, линия и угол.

(717) Природа углов тroyка, ибо угол является или правильным, или узким, или широким. Правильный — это тот, который прямой, и он всегда одинаков. Узкий — острый и всегда подвижный. Широкий — тупой и также подвижный. Ибо будет ли он шире прямого namного или незначительно, он все равно будет тупым; и если изменить его, он все равно останется того же вида, ибо подвижность заключается в том, что линиями образуются большие и меньшие углы. Отношений бывает четыре разновидности: первая называется равенством (*ἰσότης*), вторая соответствием (*ὁμόλογος*), третья пропорцией (*ἀνάλογος*), четвертая невыразимостью (*ἄλογος*). Равенство — это когда две линии, равные одной средней, находятся в двойном или равном отношении⁸²⁷; соответствие — когда члены отношения подобны⁸²⁸; пропорция — когда линия, вдвое превосходящая другой, превосходит другую на столько же⁸²⁹; невыразимость же есть то, что неподобно другому ни как половина или третья часть, ни как двойное или тройное, или еще какая-нибудь часть. (718) Всякая линия называется либо *выразимой* (*ῥητή*), либо *невыразимой* (*ἄλογος*). *Выразимой* является та, которая предлагается в начале, либо та, которая сравнима с предложенной посредством общей меры; *выразимым* же называют все, что сходится. Предложенная линия, хотя она и не рассматривается в отношении, все же, поскольку она не является *невыразимой* по отношению к другой и имеет нечто, что сама по себе рациональным образом завершает, называется *выразимой*. *Невыразимой* же становится линия, уже рассмотренная в отношении, если обнаруживается, что она не согласуется ни с какой мерой. (719) Линии, которые согласуются между собой, мы называем соизмеримыми; те, которые не согласуются, несоизмеримыми.

⁸²⁷ Вероятно, имеется в виду, что два отрезка равны между собой, если каждый из них, взятый в отдельности, равен некоему третьему отрезку, а оба они, взятые вместе, вдвое больше того же третьего отрезка.

⁸²⁸ Ср. определение Евклида (Eucl. V def. 11): «Соответственными величинами называются предыдущие <по отношению к> предыдущим, последующие же <к> последующим», пер. Д.Д. Мордухай-Болтовского. Иными словами, в пропорции $a:b=c:d$ соответственными величинами являются a и c , а также b и d .

⁸²⁹ Ср. Eucl. V def. 6: «Величины же, имеющие то же отношение, пусть называются пропорциональными (*ἀνάλογον*)» и Eucl. V def. 9: «Когда же три величины пропорциональны, то говорят, что первая к третьей имеет двойное отношение первой ко второй», пер. Д.Д. Мордухай-Болтовского. В последнем случае у Евклида под «двойным» (*διπλάσιον*) отношением подразумевается не отношение 2:1, а вторая степень знаменателя непрерывной геометрической пропорции, т.е. если $a:b=b:c$, то $a:b=(b:c)^2$.

Не только одна мера, но и степень делает линии соизмеримыми; тогда они зовутся *соизмеримыми в степени* (*ὄνῳμεί οὐμμετροί*); равные же мерой называются *соизмеримыми в величине* (*μῆκει οὐμμετροί*). Следовательно, поскольку они сравниваются как в мере, так и в степени, то все те, которые расходятся или в степени, или в мере, являются несоизмеримыми. (720) Из них получается тринадцать невыразимых линий. Первая называется *средней невыразимой*⁸³⁰, вторая *биномиальной невыразимой*⁸³¹, ее существует шесть разновидностей: первая называется *первой невыразимой*, следующая таким же образом *второй*, далее *третья* и остальные по порядку⁸³²; третий род зовется *первой бимедиальной невыразимой* и подобен названному выше⁸³³; четвертый *второй бимедиальной невыразимой*⁸³⁴; пятый род зовется *большой невыразимой*⁸³⁵; шестой *рационально и медиально квадратирующей невыразимой*⁸³⁶; седьмой *бимедиально квадратирующей невыразимой*⁸³⁷; восьмой *невыразимым вычетом*⁸³⁸, его существует шесть разновидностей: первая, вторая, третья и так далее, подобно вышеназванным; девятый

⁸³⁰ По Евклиду (Eucl. X prop. 21), *средняя [линия]* (греч. μέση, в переводе Д.Д. Мордухай-Болтовского *медиаль*) — это квадратирующая прямоугольника, заключенного между рациональными соизмеримыми только в степени линиями, т.е. $\sqrt{ab}$, где a и b несоизмеримы, и a^2 и b^2 соизмеримы.

⁸³¹ По Евклиду (Eucl. X prop. 36), *биномиальная [линия]* (греч. ἐκ δύοῖν ὀνομάτων, в переводе Д.Д. Мордухай-Болтовского *биномиаль*) — это сумма двух соизмеримых только в степени линий, т.е. $a + b$, где a и b несоизмеримы, a^2 и b^2 соизмеримы.

⁸³² Ср. у Евклида (Eucl. X def. II 1–6).

⁸³³ По Евклиду (Eucl. X prop. 37), *первая бимедиальная [линия]* (греч. ἐκ δύο μέσων πρώτη, в переводе Д.Д. Мордухай-Болтовского *первая бимедиаль*) — это сумма двух соизмеримых только в степени медиалей, заключающих рациональную площадь.

⁸³⁴ По Евклиду (Eucl. X prop. 38), *вторая бимедиальная [линия]* (греч. ἐκ δύο μέσων δευτέρα, в переводе Д.Д. Мордухай-Болтовского *вторая бимедиаль*) — это сумма двух соизмеримых только в степени медиалей, заключающих медиальную площадь.

⁸³⁵ По Евклиду (Eucl. X prop. 39), *большая [линия]* (греч. μείζων) — это сумма двух несоизмеримых в степени линий, заключающих медиальный прямоугольник, сумма квадратов которых рациональна.

⁸³⁶ По Евклиду (Eucl. X prop. 40), *рационально и медиально квадратирующая [линия]* (греч. ῥητόν καὶ μέσον δυναμένη) — это сумма двух несоизмеримых в степени линий, заключающих рациональный прямоугольник, сумма квадратов которых медиальна.

⁸³⁷ По Евклиду (Eucl. X prop. 41), *бимедиально квадратирующая [линия]* (греч. δύο μέσα δυναμένη) — это сумма двух несоизмеримых в степени линий, заключающих медиальный прямоугольник, сумма квадратов которых медиальна и несоизмерима с заключаемым ими прямоугольником.

⁸³⁸ По Евклиду (Eucl. X prop. 73), *вычет* (греч. ἀποτομή) — это остаток от вычитания из рациональной линии другой рациональной, только в степени соизмеримой с целой.

невыразимым первым медиальным вычетом⁸³⁹; десятый невыразимым вторым медиальным вычетом⁸⁴⁰; одиннадцатый меньшей невыразимой⁸⁴¹; двенадцатый невыразимой, образующей с рациональным целое медиальное⁸⁴²; тринадцатый невыразимой, образующей с медиальным целое медиальное⁸⁴³. Все они, сочетаясь с другими линиями, либо сохраняют собственные, либо перенимают чужие свойства и, находясь в различных отношениях между собою, являют определенные виды пространства, которые греки называют *площадями*.

(721) О плоских фигурах сказано достаточно. Теперь рассмотрим объемные, которые мы именуем телесными. Телесная фигура — это та, что состоит из длины, ширины и глубины; ее краем является поверхность, как у плоских фигур — линия. Опирается телесная фигура на поверхность плоских фигур: на треугольном основании строится пирамида, на круглом — конус или цилиндр, на квадратном — куб, и прочие подобным же образом. (722) Сфера, вмещающая внутри себя все фигуры, опирается на круги, на которые она раскладывается. Телесность производит основные фигуры: те, которые греки называют *пирамидами*, а также призму, то есть отрез, подобный фигуре⁸⁴⁴, куб,

⁸³⁹ По Евклиду (Eucl. X prop. 74), *первый медиальный вычет* (греч. μέσης ἀποτομῆ πρώτη) — это остаток от вычитания из медиали другой медиали, только в степени соизмеримой с целой, вместе же с целой заключающей рациональную площадь.

⁸⁴⁰ По Евклиду (Eucl. X prop. 75), *второй медиальный вычет* (греч. μέσης ἀποτομῆ δευτέρα) — это остаток от вычитания из медиали другой медиали, только в степени соизмеримой с целой, вместе же с целой заключающей медиальную площадь.

⁸⁴¹ По Евклиду (Eucl. X prop. 76), *меньшая [линия]* (греч. ἐλάσσων) — это остаток от вычитания из линии другой линии, несоизмеримой в степени с целой, такой, что сумма их квадратов рациональна, а заключаемый ими прямоугольник медиальный.

⁸⁴² По Евклиду (Eucl. X prop. 77), *[линия,] образующая с рациональным целое медиальное* (греч. μετὰ μέσου μέσον τὸ ὅλον ποιοῦσα) — это остаток от вычитания из линии другой линии, несоизмеримой в степени с целой, такой, что сумма их квадратов медиальна, а дважды взятый заключаемый ими прямоугольник рациональный.

⁸⁴³ По Евклиду (Eucl. X prop. 78), *[линия,] образующая с медиальным целое медиальное* (греч. μετὰ μέσου μέσον τὸ ὅλον ποιοῦσα) — это остаток от вычитания из линии другой линии, несоизмеримой в степени с целой, такой, что сумма их квадратов медиальна, дважды взятый заключаемый ими прямоугольник медиальный, и их квадраты несоизмеримы с дважды взятым заключаемым ими прямоугольником.

⁸⁴⁴ *Sectio* «отрез» — буквальный перевод греческого *πίσιμα*, образованного от глагола *πίσιω* «пилить». Под «отрезом, подобным фигуре» (*sectio, quae instar schematis est*), вероятно, подразумевается одна из тех двух плоскостей призмы, которые, по определению Евклида, должны быть равны, подобны и параллельны между собой (Eucl. XI def. 13).

конус, цилиндр и сферу. К ним добавляются благородные фигуры, составленные из них: *октаэдр*, *додекаэдр* и *икосаэдр*⁸⁴⁵. Чтобы мы могли продемонстрировать все это в должном порядке на песке абака, необходимо вначале допустить следующее. Пусть будет возможно от любой точки к любой точке провести прямую линию; ограниченную прямую непрерывно продолжать по прямой; из любого центра и любым раствором описать круг; и что все прямые углы равны между собою; и что любую ограниченную прямую линию можно продолжать сколько угодно; и что, если прямая линия, пересекающая две прямые линии, образует внутри по одну сторону два угла, меньшие двух прямых, то по ту сторону, где они меньше двух прямых, прямые линии сходятся⁸⁴⁶. (723) Общих понятий три: равные одному и тому же равны и между собой; если к равным добавить равные, то целые будут равны; если от равных отнять равные, то остатки будут равны⁸⁴⁷. (724) Увидев, что допущения приняты, она провела на абаке прямую и спросила: «Каким образом можно на данной ограниченной прямой линии построить равносторонний треугольник?» После этих слов многочисленные философы, плотными рядами со всех сторон окружавшие ее, поняли, что она желает представить первую теорему Евклида, и тотчас принялись славить Евклида возгласами и рукоплесканиями. Геометрия, чрезвычайно польщенная похвалами в его честь — ибо она понимала, что слава последователя превозносит и возвеличивает и ее самое, — поспешно выхвалила у него его книги, которые, как она прежде заметила, он случайно принес с собой, и вручила их Юпитеру и божественному сенату, чтобы с их помощью они могли познать и оставшуюся часть этой науки; тем самым она показала себя и самой ученой, и самой щедрой из всех дев.

⁸⁴⁵ Три из пяти правильных многогранников, или платоновых тел (наряду с кубом и тетраэдром), ср. их описание и космологическую интерпретацию в «Тимее» (Plat. Tim. 53c–56b).

⁸⁴⁶ Шесть приведенных постулатов соответствуют пяти постулатам Евклида (Eucl. I post. 1–5); пятый постулат у Марциана Капеллы является переформулировкой второго.

⁸⁴⁷ Первые три из восьми аксиом Евклида (Eucl. I CN 1–3).

Книга седьмая

Об Арифметике

(725) Смолкла, кончив свои Геометрия мудрые речи.
Тотчас Минерва, что рвенье к высоким будит искусствам,
Там, где был прежде, абак велит оставить, готовый
Вновь, покрытый песком, принять фигур начертанье.
И из служанок одной ввести дает повеленье
Мудрой девы сестру, измерившей Землю искусно.
Та, повинувась, ушла. И тут богиня Желанья,
К уху эфирному льня, нашептывает Килленийцу:
«Девам ученым пока небожителей племя дивится
Волей Воительницы, ты желанной любви в промедленье
Радость теряешь, презрев ту честь, что тебе подобает.
Или же пыл жениха охлажден ученой беседой?
Видит — подумай! — твое небрежение дева-невеста:
Ложе не манит тебя, труды ты презрел Купидона,
Нег не вкушаешь моих. Таков ли закон Гименея?
В храме Венеры святом отныне правит Паллада!
Сколь нам милей Озорство приятное в брачном чертоге!
Строгая может смутить Тритония помыслы мужа,
Чужда ей радость жены молодой. Призовем же Диону!
Самое время почтить тебе и старца Приапа!»

(726) Услышав эти слова, потомок Атланта, хоть и еле сдерживал смех, однако, дабы не показаться грубым и не уступить в остроумии, весело прошептал в ответ:

«Меня дразнишь ты, Желанье
И в чертог войти торопишь;
Но пройдет пускай недолгий
Хоровод девиц разумных –

И тогда уж к ложу брака
 Поспешим без промедленья,
 Из услад Венеры нашей,
 Ее радостей желанных,
 Ни одной и самой малой
 Не оставив в небрежье.
 Пусть лишь только тайной лаской
 Одарит в тиши богиня
 И сплетеньем роз и лилий
 Перси нежные украсит;
 Но не жалит прежде срока,
 Черной желчью обуянна,
 Не влечет с собой насильно,
 Крепко в волосы вцепившись!»

(727) После этих слов богиня Желания, просияв от удовольствия, еще более радостная, чем обычно, вернулась к Венере и повела ее все услышанное. Та же, в исполненная прекрасной неги, едва не выдала сказанное ей проступившим на щеках румянцем и бросила искоса томный взгляд на сына Майи, манящий и полный обещаний, но Сатурния⁸⁴⁸, сидевшая рядом, посмотрела на нее с упреком, словно бы осуждая. (728) Тем временем Пайдейя⁸⁴⁹, некоторое время назад покинувшая залу, входит вновь, сопровождая другую даму удивительного достоинства, лицо которой излучало величие благороднейшей древности и, казалось, превосходило возрастом и знатностью рода самого Громовержца. Еще большее почтение вызывало чудесное свойство лица этой дамы: прямо из лба ее исходил один, впрочем, едва различимый луч, из него тут же изливался другой, образуя некую линию; затем третий и четвертый, наконец, девятый и десятый лучи, завершая первый ряд чисел, с почетом окружали ее голову в разнообразных двойных и тройных сочетаниях. В конце, однако, все это бесчисленное множество лучей, хлынувших во все стороны, каким-то чудесным образом, истончаясь, вновь сливалось в один⁸⁵⁰. (729) Кроме этого, одежду ее, причудливо скроенную и изобиловавшую многочисленными складками, покрывал некий род вуали, скрывавшей в себе все произведения природы. Пальцы же девы непрестанно двигались, и с неуловимой для глаз быстротой сменяли один жест другим. Едва войдя, она, обращаясь к Юпитеру, показала на пальцах, меняя положение их, семьсот семнадцать разных чисел. Когда Философия, стоявшая рядом с Тритонидой, спросила, что именно имела в виду Арифметика, показывая это число, Паллада ответила ей: «Присущим ему именем поприветствовала она

⁸⁴⁸ Т.е. Юнона, дочь Сатурна.

⁸⁴⁹ Ср. § 578.

⁸⁵⁰ Десять лучей символизируют «священные» числа первой декады, §§ 731–741.

Громовержца»⁸⁵¹. И в этот миг тот луч, что первым воссиял из ее лба, обратившись к самому Юпитеру, ярким светом озарил главу его. Когда же, по свершении всех этих чудес, устремилось во все стороны бесчисленное множество лучей, некоторые из земных и лесных божеств устремили взоры свои на Геркулеса, полагая, не что иное видят они, как прорастающие из нее головы Гидры. Тогда, в этом гомоне и гвалте, исходившем от земнородных богов, один черный как смоль юноша⁸⁵², получив приказ, призвал всех присутствующих к молчанию. Пифагор, стоявший среди мудрецов, проводил даму к абаку и там, с усердием исправляя свою службу, встал напротив нее, уже исполненной нетерпения показать всем свое искусство, с зажженным факелом, испускавшим молочно-оттенка свет. И вот, не дожидаясь приказа приступить к своему изложению, повела она свою речь:

(730) «Не безвестная ни на небесах, ни на земле, среди вещей, мною же самой порожденных, поднялась я сюда к вам, нисколько не презрев ваше собрание, хотя я знаю, что все вы, и каждый из вас в отдельности — моих ветвей побеги⁸⁵³; и в первую очередь ты, о Юпитер, раньше других сотворенный первоначальной эманацией, должен признать источник своей единичной и первородной природы⁸⁵⁴. И отнюдь не унижительно для меня, матери всех вас, эта служба у Меркурия, ибо моя обязанность сейчас — показать вам тайные начала вещей и происхождение рода вашего. Таков долг мой на земле, а многочисленное племя небожителей да признает во мне почтенную свою прародительницу!

(731) Прежде всего поэтому обращаюсь я к священной единице: о том, что именно она воссияла раньше всех других начал, свидетельствует тот факт, что уже после нее были образованы все числа. Если она — идея всего первого, что существует, и если исчисляющее предшествует исчисляемому, то мы по праву почитаем ее в большей степени, чем самого того, кого называют Первым. Не умолчу я и том, что она, будучи единицей, и есть, по размышлении, единственное в полном смысле слова единое, и именно из нее порождается все прочее, и что одна она — питомник всех других чисел, она одна — и мера, и причина всего возрастающего и предел убывающего. При этом вся она — часть и в то же время вся — целое, поскольку всюду непрерывна: ибо то, что существует прежде всего существующего, а

⁸⁵¹ Второй случай обращения к изопсефии (т.е. численному представлению имени) в «Бракосочетании», ср. §§ 100-108. Согласно наиболее распространенному толкованию, встречающемуся еще у средневековых комментаторов Марциана Капеллы, подразумеваемое здесь имя Юпитера — *И АРХИ* «начало; власть», численные значения букв которого (8 + 1 + 100 + 600 + 8) образуют в сумме число 717.

⁸⁵² Гарпократ. Ср. § 90.

⁸⁵³ Возможно, намек на традиционное для неопифагорейцев отождествление каждого из чисел первой декады с определенным божеством: единицы — с Юпитером, двойки — с Юноной и т.д., см. §§ 731-741.

⁸⁵⁴ См. далее, § 731.

после исчезновения его не исчезает, не может не быть непрерывным. Поэтому по праву называется она Юпитером, отцом всего сущего, — об этом свидетельствует причинная сила ее идеальной и умопостигаемой идеи: по ее примеру говорится о едином боге, единой вселенной, едином солнце и единственной луне, а также о каждом из первоначал, если рассматривать их по отдельности. Аристотель, один из моих последователей⁸⁵⁵, по той причине, что она сама — единственное единое и постоянно требует, чтобы к ней стремились, утверждает, что ее называют Желанием, ибо она желает себя, не имея ничего вовне и, лишённая всякого порыва к соединению, обращает на себя собственную страсть; некоторые, кроме того, называли ее Соглашением, Благочестием и Дружбой, поскольку она скреплена так, что не делится на части; и все же правильнее всего именовать ее Юпитером, поскольку он один — глава и отец богов.

(732) Наконец, когда она, уже став числом один, начинает движение в каком-либо направлении, то порожденная ее потоком линия, хотя и неделима и не имеет никакой ширины, производит двойку. Двойка, будучи первым творением, получила от некоторых имя Рождение. Поскольку же между ней и единицей возникает первая связь и первая общность подобных друг другу, она именуется также Юноной, супругой и единокровной сестрой предшествующего числа. Она способна к разделению, так как причастна одновременно и к благому, и к дурному. Она же — Раздор, из которого рождаются разногласия, так как сама она — первое, что смогло отделиться от того, что было с ним связано. С точки же зрения блага она — Справедливость, ибо ее радует равновесие двух сторон, она же — Общность, поскольку является звеном, с помощью которого соединяются две половины. Она кладет начало числу⁸⁵⁶, является потенцией телесности⁸⁵⁷ и первым опытом движения. Кроме того, она — мать элементов (ибо двойкой порождается четверка, которая и есть число элементов) и первый образ четности.

(733) Тройка — первое из нечетных чисел, и она считается совершенной: ибо это первое число, которому даны начало, середина и конец и чей центр отстоит от начала и конца на равные интервалы; наконец, и Судьбы, и сестры Грации, а также некая дева, которую называют «владычицей неба и мрака»⁸⁵⁸, — все они связаны с этим числом. Еще и потому оно называется совершенным, что порождает совершенные

⁸⁵⁵ Марциан Капелла ссылается, вероятно, на какое-то приписывавшееся Аристотелю позднейшее арифмологическое сочинение.

⁸⁵⁶ Двойка в пифагорейской математике часто рассматривалась как первое «полноценное» число, в отличие от единицы, ср. § 745.

⁸⁵⁷ Намек на участие двойки в порождении первого телесного числа — четверки, см. § 734.

⁸⁵⁸ Verg. Aen. VI 367. Геката считалась у римлян «тройной» богиней, т.к. имела три различных воплощения — небесное (Луна), земное (Диана) и подземное (Геката или Прозерпина).

шестерку и девятку; из-за нее молитвы и возлияния совершаются трижды; количество созвучных интервалов в гармонии — также три: октава, полутонный интервал и кварта. Ход времени состоит из трех промежутков⁸⁵⁹, и всякое гадание совершается трижды. Это же число олицетворяет собой совершенство мира, ибо единицу мы ставим в соответствии Богу-творцу, двойку — порождающей материи, а тройка соответствует идеальным формам. Также и душу делили на три части: разумную, гневную и вожделеющую⁸⁶⁰.

(734) Что мне сказать о четверке? Она, без сомнения, обладает совершенной телесностью, будучи составлена из длины, ширины и глубины⁸⁶¹. Кроме того, десятка без остатка наполняется последовательным сложением упомянутых четырех чисел: единицы, двойки, тройки и четверки. Таким же образом и сотня образуется последовательным сложением десятков, а именно: десяти, двадцати, тридцати и сорока, которые в сумме дают сто; точно так же четырехкратное сложение сотен (а именно: ста, двухсот, трехсот и четырехсот) образует тысячу. В точности так же образуются и десять тысяч, и другие возрастающие величины. Стоит ли упоминать о том, в чем нет никакого сомнения, — что времен года, сторон света и начальных элементов тоже четыре⁸⁶², и, помимо этого, человеку свойственны четыре возраста⁸⁶³, четыре порока и четыре добродетели⁸⁶⁴. Это число, будучи квадратным, приписывается самому Килленийцу, который — единственный из богов — носит прозвище «квадратный»⁸⁶⁵.

⁸⁵⁹ Ср. § 894.

⁸⁶⁰ Plat. resp. 440e ff.

⁸⁶¹ Как единица соответствует точке, двойка — линии, тройка — плоскости, так четверка соответствует объемному телу. В рамках пифагорейской теории «фигурных» чисел (см. Nicom. II 6-17) каждое число представляется в виде плоской или объемной фигуры, образуемой составляющими его «монадами». Так, число четыре уподобляется, с одной стороны, квадрату; отсюда его эпитет «квадратное», ср. ниже в этом же параграфе; с другой стороны — тетраэдру: отсюда «совершенство телесности», так как четверка — первое число, которому можно поставить в соответствие какую-либо объемную фигуру. В «Началах» Евклида тот же термин «телесный» (*στερεός*) употребляется в ином смысле: как определение числа, являющегося произведением трех других чисел (Eucl. VII def. 17).

⁸⁶² Земля, вода, воздух, огонь.

⁸⁶³ Детство, юность, зрелый возраст, старость.

⁸⁶⁴ У Платона — четыре «части добродетели»: справедливость, мужество, благоразумие и благочестие Plat. Protag. 330b, также см. Plat. resp. 427e, Plat. Phaed. 69b). Исидор Севильский (Isid. diff. II 40, 159) противопоставляет этим четырем добродетелям четыре порока: страх, радость, вождление и боль (*metum et gaudium, cupiditatem et dolorem*) — ср. у Вергилия: *Hinc metuunt cupiuntque, dolent gaudentque* «Поэтому [люди] боятся, вождлеют, страдают и радуются» Verg. Aen. VI 733). Этот стих цитирует и Макробий, говоря о «страстях человеческих» (Macr. somn. I 8, 11).

⁸⁶⁵ В честь Гермеса на улицах, площадях и перекрестках устанавливались «гермы», четырехгранные колонны с изображением головы божества и половых органов. Вероятно, отсюда и происходит эпитет «квадратный».

(735) Следующее число — пятерка, считается числом Неба⁸⁶⁶, ибо оно, состоя из четырех элементов, само, в ином смысле, представляет собой пятый и, таким образом, есть разумные основания поставить ему в соответствие именно число пять. Пятерка образована естественной связью, так как составлена из двух чисел, каждое из которых соответствует определенному полу, ибо тройка — это число мужское, двойка же считается женской. Также ее называют «возвращающейся», поскольку при умножении ее как на другие нечетные числа, так и на саму себя всегда в результате оказывается сама пятерка. Так, если взять пять раз по пять, получается двадцать пять, пять раз по три — пятнадцать, пять раз по семь — тридцать пять, пять раз по девять — сорок пять. Кроме того, существует пять земных поясов⁸⁶⁷, человек наделен пятью чувствами, столько же и видов живых существ, населяющих вселенную: люди, четвероногие, пресмыкающиеся, плавающие и летающие. Кто станет, наконец, отрицать, что это число есть диаметр, коль скоро скоро совершенный круг десятки рассекается пополам ее полукругием⁸⁶⁸?

⁸⁶⁶ В ориг.: *tundo*. Переводчики и комментаторы толкуют здесь слово *tundus* в самом широком смысле — «мир», «вселенная». И для этого есть основания: в той же фразе говорится, что *tundus* состоит из пяти элементов и, таким образом, сам представляет собой пятый элемент *sub alia forma*. Кроме того, среди неопифагорейцев действительно были распространены взгляды на пятерку как на число «универсальное»: Плутарх производит этимологию слова *πέντε* «пять» от *πάντα* «все» (Plut. def. orac. 429d 4-6), а Макробий, говоря о том, что пятерка «все в себе содержит», называет ее, кроме прочего, «душой мира» (*tundi anima*, Масл. сомп. I 6, 19-21). В то же время не следует забывать и о том, что, согласно Аристотелю, «пятый элемент» — это не что иное, как небесный эфир, а само слово *tundus* нередко употребляется у латинских авторов в значении «небесный свод», «небо». Можно, следовательно, предположить, что Марциан Капелла называет здесь пятерку именно «числом Неба». В пользу такого толкования можно привести следующие аргументы. Во-первых, такая атрибуция пятерки в общем контексте выглядит несколько более естественной, чем чересчур абстрактная «число пять считается числом мироздания» (хотя для арифмолога она, конечно, не невозможна). Во-вторых, фраза «*tundus* представляет собой пятый элемент» никак не может не напоминать о небесном эфире и стимулировать именно такое понимание слова *tundus*. Наконец, в-третьих, «Небо» (*Οὐρανός*), в отличие от «мироздания», вполне может восприниматься как божество в ряду прочих, в особенности когда речь идет синкретическом позднеримском пантеоне; в противном же случае получается, что пятерка — единственное число первой десятки, оставшееся без «собственного» божества.

⁸⁶⁷ См. § 602.

⁸⁶⁸ Десятка ассоциировалась с кругом ввиду «совершенства» того и другого и могла изображаться в виде окружности. В таком случае пятерка представляет собой полукруглость и, таким образом, действительно в некотором смысле «рассекает» десятку пополам.

(736) А по поводу числа шесть кто усомнится в том, что число это совершенное и пропорциональное, зная, что оно равно сумме своих множителей⁸⁶⁹? Ибо оно включает в себя и свою шестую часть, то есть единицу, и третью, то есть двойку, и половину, то есть тройку. Кроме того, естественных свойств, без которых ничто существовать не может, также шесть: это величина, цвет, форма, расстояние, покой и движение. И разновидностей движения такое же количество, ибо мы можем двигаться вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз, вечное же движение — это круговое⁸⁷⁰. Это число посвящается Венере, поскольку образуется из смещения двух начал (то есть из тройки, которая считается мужским числом, поскольку нечетна, и из двойки, обладающей женской четностью), ибо дважды три будет шесть. Кроме того, квадратная фигура, взятая в объеме⁸⁷¹, имеет шесть граней. В гармонии всего шесть тонов, а именно пять тонов и два полутона⁸⁷². (737) Произведение шестерки и первого движения, то есть двойки, есть двенадцать, и между двумя этими числами находятся два средних⁸⁷³: восемь и девять, одно из которых носит мое имя и подчиняется моему закону, ибо называется арифметическим⁸⁷⁴. Я имею в виду число девять, которое на столько же превосходит число шесть, на сколько его само превосходит двенадцать, а именно на число три. Второе же число, то есть восемь, образовано в соответствии с музыкальной пропорцией⁸⁷⁵, ибо число двенадцать превосходит его на ту же

⁸⁶⁹ Таким образом, в отличие от других чисел первой десятки, шестерка является числом совершенным в строгом математическом смысле. Что касается эпитета «пропорциональное» (*analogicum*), то он, по-видимому, указывает на то, что составляющие шестерку числа 1, 2 и 3 составляют арифметическую прогрессию (ср. Theolog. arithm., Ast p. 34: τὰ μέρη αὐτοῦ ἀναλογίαν τινὰ ἀριθμητικὴν ἔχει α' β' γ').

⁸⁷⁰ Ср. Plat. Tim. 34a, 40ab, 43b.

⁸⁷¹ Т.е. куб.

⁸⁷² Т.е. шесть полутонов составляют октаву.

⁸⁷³ В античной арифметике описывается до 10 разных видов пропорций, описывающих отношения между числовыми величинами, Марциан Капелла упоминает далее самые известные из них — арифметическую, гармоническую и геометрическую. Соотношения крайних (a и c) и среднего (b) члена для указанных пропорций определяются, соответственно, формулами: $b = (a + c) / 2$ для арифметической, $b = (2ac) / (a + c)$ для гармонической и $b = \sqrt{ac}$, или $a / b = b / c$ для геометрической; формула геометрической пропорции для четырех величин: $a / b = c / d$.

⁸⁷⁴ Т.е. имеет место арифметическая пропорция: $9 = (6 + 12) / 2$.

⁸⁷⁵ Речь идет о гармонической пропорции; действительно, $8 = (2 \times 6 \times 12) / (6 + 12)$. Далее Марциан Капелла использует для демонстрации этого факта формулу, эквивалентную приведенной выше для гармонической пропорции: $(c - b) / c = (b - a) / a$, в данном случае $(12 - 8) / 12 = (8 - 6) / 6 = 1 / 3$. Оба названия — гармоническая, или музыкальная пропорция — обусловлены тем, что данное отношение имеет место между частотами трех звуков, отстоящих друг от друга на интервалы соответственно квинты (первый и второй), квинты (второй и третий) и октавы (первый и третий), например до и фа первой октавы и до второй октавы — именно эти три интервала являются созвучными; числовое выражение такого гармонического отношения — 3 : 4 : 6.

свою часть, на какую оно само превосходит число шесть, то есть на третью часть: и действительно, третья часть шести — это два, а третья часть двенадцати — это четыре. Здесь же имеет место и геометрическая пропорция, так как средние, то есть восемь и девять, при умножении дают тот же результат, что и крайние числа, то есть шесть и двенадцать: в обоих случаях получается семьдесят два⁸⁷⁶. Так же и для больших чисел средние члены соотносятся с крайними таким же образом, как это было показано для числа шесть. И действительно, число семьдесят два, умноженное на шесть, дает четыреста тридцать два, а семьдесят два, умноженное на восемь, дает пятьсот семьдесят шесть; далее, семьдесят два, умноженное на девять, дает шестьсот сорок восемь, а семьдесят два, умноженное на двенадцать, дает восемьсот шестьдесят четыре; из этих чисел средние, будучи перемножены друг с другом, дают результат, равный произведению крайних чисел. Можно показать, что это число, то есть шесть, первое из всех чисел порождает музыкальную гармонию, ибо отношение шести к двенадцати составляет интервал октавы, отношение шести к девяти — полутонное, а шести к восьми — эпитритное, то есть интервал квинты⁸⁷⁷; по этой причине Венеру и называют матерью Гармонии. Кроме того, число шесть, помноженное на квадратную и телесную четверку, отмеряет часы дня и ночи, ибо четырежды шесть двадцать четыре.

(738) А о тебе что мне поведать, о почтенная семерка⁸⁷⁸? Ты, непричастная деторождению, но все в природе образующая, по праву носишь меж богами имя Тритонии. В самом деле, в то время как все числа, расположенные в пределах десятки, или порождают другие, или сами порождаются другими, или одновременно порождают другие и сами ими порождаются и создаются (так, шестерка и восьмерка только порождаются, а четверка и порождена и сама порождает), семерка, ничего не порождающая, считается на этом основании подобной деве, поскольку же она сама ниоткуда не рождается, то носит имя Минервы, а будучи составленной из чисел как женских, так и мужских, она именуется воительницей Палладой⁸⁷⁹: ибо

⁸⁷⁶ Таким образом, имеется геометрическая пропорция, связывающая четыре числа: $9/6 = 12/8$, отсюда, по свойству такой пропорции $8 \times 9 = 6 \times 12$. Далее те же свойства демонстрируются для кратных чисел: $(72 \times 8) \times (72 \times 9) = (72 \times 6) \times (72 \times 12)$.

⁸⁷⁷ $6 / 12 = 1 / 2$ (октава), $6 / 9 = 2 / 3$ (квинта), $6 / 8 = 3 / 4$ (кварта).

⁸⁷⁸ Макробий (Macr. somn. I 6, 45) намекает на связь имени семерки (греч. *ἑπτὰς*) с такими словами, как *σέβομαι* «читать» и *σεπτός* «чтимый, священный».

⁸⁷⁹ Тритония, Паллада, Минерва — имена богини Афины. Марциан Капелла подробно объясняет, по каким причинам число семь связано именно с этой богиней. Во-первых, семерка, подобна Афине, «девственна», так как, в отличие от предыдущих чисел, не является множителем никакого числа в пределах десятки. Во-вторых, сама никем не «порождена» никаким числом, ср. один из ее эпитетов Афины — *ἀμήτωρ*, т.е. «не имеющая матери», отсылающий к мифу о рождении Афины из головы Зевса. В-третьих, семерка сочетает в себе «женские» и «мужские» свойства, подобно деве-воительнице Афине. Каждое из трех имен богини в данном случае олицетворяет одно из ее качеств.

три и четыре дают в сумме семь. Число это включает в себе все формы Луны, которая сначала предстает рогатой (греки называют ее месяцевидной), потом половинчатой (ее именуют также разделенной), затем превосходит половину (тогда она называется обоевыгнутой) и, наконец, круглой (ее называют полнолунной); впоследствии, убывая, она вновь принимает по очереди все эти три формы. Это число обозначает лунный месяц, ибо один, два, три, четыре, пять, шесть и семь в сумме дают двадцать восемь. Также существует семь орбит, столько же планет⁸⁸⁰, столько же дней⁸⁸¹ и столько же превращений элементов: из бесформенной материи сначала возникает огонь, из огня воздух, из воздуха вода, из воды земля, а затем — в нисходящем порядке: из земли вода, из воды воздух, из воздуха огонь, огонь же уже не может достичь состояния неуловимой материи⁸⁸². (739) Разве не очевидно, что и природа всех людей подчиняется этому же числу? Во-первых, на седьмой месяц человек рождается сформировавшимся и завершенным. Кроме того, в голове человека семь отверстий, отвечающих за чувства: два глаза, по столько же ушей и ноздрей и одни уста. Далее, на седьмом месяце у младенцев режутся зубы, на седьмом году они заменяются; второе семилетие дает половую зрелость и способность к деторождению, третье — растительность на щеках, на четвертом прекращается рост, пятое же семилетие — это полное совершенство молодого возраста. Также природа создала семь жизненно важных органов: язык, сердце, легкие, селезенку, печень и две почки. Кроме того, количество членов, делающих человеческое тело завершенным — тоже семь: голова до основания шеи, грудь, живот, две руки и две ноги. Таково же и количество звезд на вершине небесного свода⁸⁸³.

(740) Далее, число восемь — это первый куб и совершенное число, посвященное Вулкану, ибо образуется оно из первого движения, то есть двойки, которая есть Юнона⁸⁸⁴: двойка, помноженная на двойку, дает четверку, та же, взятая двукратно, дает восьмерку. Совершенным же числом она является потому, что заключена в шестерке: действительно, каждый куб имеет шесть граней. Кроме того, восьмерка наполняется последовательностью нечетных чисел: первое из нечетных чисел — тройка, второе — пятерка, а оба в сумме дают восьмерку. Таким же образом и куб, происходящий из тройки, то есть число двадцать семь, образуется последовательными нечетными числами, а именно числами семь, девять и одиннадцать: все они в сумме дают двадцать семь.

⁸⁸⁰ Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн; см. прим. 962.

⁸⁸¹ Семидневная неделя, имеющая, как и 24-часовые сутки, вавилонское происхождение, утвердилась в греко- и латиноязычных странах со II–III вв. н. э.

⁸⁸² Ср. Plat. Tim. 49 b-c.

⁸⁸³ «Большое семизвездие» (*septentrio maior*) — созвездие Большой Медведицы, «малое семизвездие» (*septentrio minor*) — созвездие Малой Медведицы.

⁸⁸⁴ Бог огня Вулкан — сын Юпитера и Юноны.

Так же обстоит дело и с третьим кубом, происходящим из четверки, то есть числом шестьдесят четыре (ибо четырежды четыре суть шестнадцать, а умножив это число на четыре, получаем шестьдесят четыре): оно тоже состоит из следующих друг за другом в порядке возрастания нечетных чисел: тринадцати, пятнадцати, семнадцати и девятнадцати, сумма которых равняется шестидесяти четырем. Точно так же и любой другой куб образуется сложением нечетных чисел, количество которых равно именно основанию куба. Восьмерка же, как очевидно, есть первый из кубов — подобно тому, как единица — первое из чисел. Помимо этого, все кубы посвящены Матери богов, именно поэтому ее имя — Кибела⁸⁸⁵.

(741) Девятка также совершенна и, как говорят, еще совершеннее, ибо образуется из совершенной тройки, взятой такое же совершенное число раз; а также потому, что она завершает первый разряд чисел: по этой причине она и именуется Марсом, в котором завершение всех вещей. Помимо этого, это квадратное число — последнее из тех, что образованы умножением; кроме того, это предельная часть гармонии, ибо именно отношение чисел восемь и девять образует музыкальный тон. Немаловажно и то, что девять называют числом Муз. Также во вселенной всего девять поясов, а именно: небесная сфера, семь божеств⁸⁸⁶ и земля.

(742) Наконец, о десятке можно сказать, что она возвышается над всеми, ибо она содержит в себе все числа, обладающие различными достоинствами и совершенствами. Завершая собою первый ряд чисел, она в то же время играет роль монады для второго ряда⁸⁸⁷. Она заключает в себе все разряды, пропорции, роды, виды, различия, совершенства и несовершенства чисел первого ряда и посвящена Янусу⁸⁸⁸; в то же время очень многие именуют ее Возвращением⁸⁸⁹.

(743) Сказав вкратце о том, какое число завершает первый ряд, каких богов и какие достоинства оно в себе заключает, теперь поведаю я о том, что есть само число и какие оно таит в себе пропорции и формы. Число — это собрание единиц, или множество, происходящее из единицы и в единице завершающееся. Существует четыре разряда обыкновенного числа: первый вид именуется четно-четным, второй —

⁸⁸⁵ Этимология, основанная сходстве слов *Κιβέλη* и *κύβος*.

⁸⁸⁶ Т.е. семь планет.

⁸⁸⁷ Т.е. для чисел 10, 20, 30, ..., 90 (см. § 745).

⁸⁸⁸ Возможно, такая атрибуция связана с указанным выше свойством десятки: она завершает первый разряд чисел и в то же время начинает второй, что соответствует роли Януса как двуликого бога входа и выхода, начала и завершения.

⁸⁸⁹ В ориг.: *apocatastasis*, ср. *apocatastaticus* «возвращающийся» как эпитет числа пять, с тем же значением (§ 735).

четно-нечетным, третий — нечетно-четным, а четвертый — нечетно-нечетным, обо всех я упомяну ниже. (744) Кроме того, существуют числа, которые называются «первыми»: их невозможно разделить ни на какое число, кроме как на единицу. Очевидно, что эти числа не делятся на другие, но только слагаются из них, как, например, 7, 11, 13, 17 и другие подобные числа. Ни одно число не может разделить их равномерно: потому они и называются первыми, что никаким числом не порождаются и не делятся на равные доли. Таким образом, рожденные сами собой, они порождают из себя другие числа (ибо, в то время как из нечетных получаются четные, нечетные никоим образом не могут получаться из четных): поэтому-то мы неизбежно должны считать их первыми и прекрасными. (745) Теперь распределим все числа первой десятки по этим разрядам. Единица числом не является, двойка — число четное, тройка — первое число и по порядку, и по достоинству, четверка — четно-четное, пятерка — первое, шестерка — четно-нечетное и нечетно-четное, почему и называется совершенной, семерка — первое, восьмерка — четно-четное, девятка — нечетно-нечетное, десятка — нечетно-четное. Подобно первом ряду, и в последующих выделяются те же самые разряды: первый ряд — от единицы до девятки, второй — от десятки до девяноста, третий — от сотни до девяти сот, четвертый, и последний, — от тысячи до девяти тысяч, хотя некоторые из греков прибавляют сюда еще и мириады⁸⁹⁰. (746) Но что касается меня, то лишь то число мне по нраву, которое можно показать при помощи пальцев, в противном случае рукам приходится исполнять какую-то судорожную пантомиму. Именно поэтому мои числа соответствуют фигурам и линиям выступавшей прежде сестры⁸⁹¹: для меня началом первого ряда чисел является единица, а для нее — точка, ибо она не имеет частей; во втором ряду числа начиная с десяти вытягиваются подобно линии; в третьем ряду из сотни и прочих чисел образуются квадраты, поскольку к первоначальной длине добавляется как бы ширина; в четвертом ряду мы уже находим кубы, и в тысяче и последующих числах присутствует объем. Поэтому мои границы и пределы — единица, десятка, сотня и тысяча, а у Геометрии — точка, линия, фигура и тело. Единица неделима, подобно точке, десятка среди чисел подобна линии, обладающей одной только длиной, сотня — это квадрат, который представляет собой плоскую фигуру и состоит из длины и ширины. Таким образом, взятая десять раз десятка образует квадратную сотню; последняя, будучи помножена на десять, становится кубической тысячей. (747) Любая нечетная последовательность, начинающаяся с единицы, на каждом своем этапе непременно образует квадрат: первая из остановок — сама единица; добавь тройку — получится четверка, первый квадрат; если присоединить к нему пятерку, получится второй квадрат — восьмерка; приложи семерку — образу-

⁸⁹⁰ Т.е. пятый разряд, состоящий из десятков тысяч.

⁸⁹¹ Ср. §§ 706–707.

ется шестнадцать; прибавь девять — будет двадцать пять. Точно таким же образом продолжается эта последовательность и далее, до бесконечности. Однако вернемся к упомянутому выше разделению: всякое число либо четно, либо нечетно, и с обеих сторон ограничено⁸⁹², и что бы ни было прибавлено к конечному числу, будет конечным, а из конечного никак не может образоваться бесконечное.

(748) Каждое число может быть либо четным, либо нечетным. Четное — это то, которое разделяется на две равные части, как 2, 4 и 6; нечетное — то, которое нельзя разделить на две равные части, как 3, 5 и 7. Далее, из нечетных чисел некоторые, будучи нечетными, состоят из одного лишь нечетного числа, как 3, 5, 7; другие же состояются из нескольких, как 9, 15, 21, их греки называют нечетно-нечетными (*περισσάκις περισσοί*). Среди четных же существует большее количество разделений: <...> можно назвать четными, прочие же — четно-четные или нечетно-четные, первые греки называют *ἄρτιάκις ἄρτιοί*, вторые же *περισσάκις ἄρτιοί* или *ἄρτιάκις περισσοί*. (749) К четно-четным относятся четверка, которая является произведением двух двоек, восьмерка, которая является произведением двойки и четверки; четно-нечетные — это и те, что образованы нечетным количеством четных (так, трижды два — это шесть, пятью четыре — двадцать; этот вид греки называют *περισσάκις ἄρτιος*); и те, что увеличивают нечетное количество в четное число раз (так, дважды три получается шесть, а четырежды пять — двадцать; этот вид греки называют *ἄρτιάκις περισσός*). Хотя числа здесь одни и те же, способы, которыми они порождаются, тем не менее, различны. Кроме того, некоторые из этих чисел при делении на два тотчас обращаются в нечетные, другие же, будучи разделены на четное число единожды и большее число раз, разлагаются на нечетные прежде, чем деление дойдет до единицы. Так, 12 и 20 можно разделить на четное число⁸⁹³ не более одного раза, число же сорок восемь, как очевидно, дает при делении дважды двадцать четыре, затем дважды двенадцать, потом дважды шесть и, наконец, разлагается на нечетные тройки. Продолжать дальше такого рода деление невозможно, ибо каким образом число путем последовательного умножения возрастает, точно так же, только в обратном порядке, оно разлагается на множители. Так, двадцать — это и дважды десять, и четырежды пять, и пятью четыре, и десятью два.

(750) Далее, все числа делятся на четыре вида: одни из них сами по себе несоставные, другие сами по себе составные; некоторые числа — несоставные между собой, некоторые же составные между собой: первые два вида именуются «первыми», два последующих — «вторыми». Чтобы было легче усвоить сказанное, остановимся на этом подроб-

⁸⁹² Соседними числами — на единицу большим и на единицу меньшим.

⁸⁹³ Так, чтобы получился четный результат.

нее. Первая и наименьшая мера любого числа — это единица, ибо нет такого числа, которое нельзя было бы разложить на единицы. Далее следуют другие меры числа: так, посредством удвоения оно увеличивается вдвое, утроения — втрое. В соответствии с этим, для некоторых чисел единица является единственной мерой — эти числа невозможно разложить иначе, как на единицы: таково число три, ибо три — это только нечетное число; некоторые же числа имеют и другие меры — например, четыре и девять, ибо дважды два — четыре, а трижды три — девять: таким образом, первое мы измеряем двойкой, второе — тройкой. Часто бывает, что подобная мера не одна, а несколько — так, число восемь легко измерить и четверкой, и двойкой, поскольку и четырежды два, и дважды четыре — восемь. Поэтому очевидно, что все, что можно измерить какой-либо другой мерой, можно измерить и единицей; в то же время не везде, где мерой является единица, возможна и какая-нибудь большая мера. Итак, единица — общая мера для всех чисел, для некоторых же — единственная. (751) В соответствии с этим, несоставные сами по себе числа — это те, что не имеют никакой иной меры, помимо единицы, а сами по себе составные — это те, которые возможно измерить не только единицей, но и какой-нибудь большей мерой. Эти определения относятся к отдельным числам. Два же и большее количество взятых вместе чисел называются несоставными между собой, если не имеют никакой иной общей меры, кроме единицы — как три и четыре; и неважно, что четыре имеет мерой двойку, если той же мерой не обладает и тройка. А составные между собой числа — это те, которые обладают какой-нибудь другой общей мерой, помимо единицы — как 9 и 12, из которых оба можно измерить тройкой, поскольку трижды три — девять, а трижды четыре — двенадцать. (752) Так как одни числа разлагаются только на единицы, а другие — на другие целые числа, то, поскольку существует некое различие в действительности, я буду пользоваться и разными наименованиями, дабы не возникало путаницы для менее внимательных слушателей: членами числа я буду называть те подлинные числа, на которые его можно разложить, как для 12 — 3 и 4; частями же — единицы, а также те целые числа, которые складываются с единицами: так, в числе 12 или такое же количество единиц, или дважды три с одной добавленной единицей⁸⁹⁴.

⁸⁹⁴ Таким образом, «член» (*membrum*) числа, по Марциану Капелле, — это его множитель, причем «подлинное число» (*solidus numerus*) здесь очевидно противопоставляется единице, которая «полноценным» множителем не является. «Частью» (*pars*) же числа может быть и единица, и вообще любое меньшее число, которое в сумме с другими числами и единицами способно дать исходное число. Видимо, здесь мы имеем дело с искажением евклидовского противопоставления «части» (*μέρος*) и «частей» (*μέρη*) числа как множителя числа и суммы множителей числа соответственно (Eucl. VII def. 3-4). Согласно теореме, доказываемой Евклидом (Eucl. VII prop. 4), меньшее число по отношению к большему может являться либо его множителем («частью»), либо суммой множителей («частями»); единица при этом, разумеется, также должна признаваться множителем.

(753) Из чисел некоторые являются совершенными, другие — избыточными, третьи — недостаточными; греки называют их *τέλειοι*, *ὑπερτέλειοι* и *ὑποτέλειοι*. Совершенными называются те, что равны своим частям⁸⁹⁵, избыточные — это те, в чьих частях содержится больше, чем в самих числах, недостаточные — те, в чьих частях содержится меньше, чем в них самих. Возьмем для примера число шесть. Его можно разложить и на единицы, и по два, и по три: ибо и шестью один, и трижды два, и дважды три будет шесть: таким образом, его части — единица, двойка и тройка. Если сложить их вместе, получится шесть: это и значит «быть равным своим частям», и этот род чисел обладает определенной добродетелью, другие же — неким пороком: либо вследствие избытка, либо вследствие недостатка. Возьмем, например, число 12: и двенадцать единиц, и шесть двоек, и четыре тройки, и три четверки, и две шестерки равным образом образуют двенадцать; следовательно, части его — один, два, три, четыре и шесть, которые в сумме дают 16 — это число избыточное. Шестнадцать, в свою очередь, образуется шестнадцатью единицами, или восемью двойками, или четырьмя четверками, или двумя восьмерками; помимо же этих, никакой другой мерой это число не обладает. Взятые вместе, 1, 2, 4 и 8 дают лишь 15, то есть число, меньшее того, из которого они были взяты. Это число — недостаточное.

(754) Далее, одни числа являются плоскими, другие же заключают в себе еще и некоторую толщину. Плоским числом греки называют такое, которое содержится в некоторых двух числах. Имеется в виду следующее: считается, что наугольник, если взять произведение его сторон, содержит в себе столько же, сколько и весь четырехугольник, частью которого этот наугольник является. Следуя этому рассуждению, к плоским числам относят те, что раскладываются на две стороны таким образом, что те образуют прямой угол и формой своей подобны наугольнику. Поэтому если одна сторона имеет длину 4, а другая — 3, то, согласно этому правилу, эти два числа содержат в себе 12, и такое число называется плоским. О толщине же говорят, когда имеются три числа: пусть, к примеру, одна сторона будет 4, другая 3, и сверх того еще приложатся 4; об этих числах говорят, что к нижнему наугольнику здесь добавляется еще и высота, и внутри них заключено число 24. При этом, хотя некоторые и пытаются безосновательно видеть здесь некоторую двусмысленность, совершенно очевидно, что в плоском числе единицы сложены таким образом, что ни одна из них не располагается над другой; когда же одно число накладывается на другое, образуется толщина. (755) Сама плоскость принимает различные формы, когда числа располагаются наподобие разнообразных фигур, начиная с линии; затем следуют треугольные и четырехугольные; те же, что имеют

⁸⁹⁵ Здесь, в отличие от предыдущего параграфа, под частью (*pars*) числа подразумевается его множитель, включая единицу.

четыре угла, могут быть, в свою очередь, как квадратными, так и такими, у которых одна сторона больше другой, — греки называют их *ἑτερομήκεις*. Кроме того, углов порой может быть и больше четырех, а стороны числа могут быть и неравными. Когда же ко всему этому добавляется толщина, то образуется еще большее количество фигур — совершеннейшей же из них считается куб. Наименьшее число, содержащее в себе треугольник — число три, наименьшее, содержащее квадрат — четыре, наименьшее число с неравными сторонами — пять, наименьшее, содержащее четырехугольник, в котором одна сторона длиннее — шесть; наконец, наименьшее число, обладающее шириной и представляющее собой куб — это восемь. Двойка образует простой ряд; тройку можно расположить так, чтобы в полученной фигуре было соответствующее количество углов; если четверку расположить в виде квадрата, то каждая сторона будет равна двум; пятерка устроена так, что одна сторона содержит двойку, а другая — тройку; шестерка образует четырехугольник, две стороны которого равны двум, а две равны трем. Если же одна четверка добавляется сверху к другой, то все стороны будут равны как в ширину, так и в глубину, и каждое измерение будет равно двум. (756) А подобные плоские числа — это такие, стороны которых находятся в одинаковом отношении: например, числа 6 и 600, первое из которых имеет стороны 2 и 3, а второе — стороны 200 и 300⁸⁹⁶. Точно так же, и подобные телесные числа — это такие, у которых стороны находятся в одинаковом отношении, как у 24 и 96: в первом из них одна сторона равна 4, вторая сторона — 3, благодаря чему поверхность его равна 12, а объем — 24; во втором же одна сторона равна 8, другая 6, благодаря чему поверхность его вмещает 48, а объем — 96. Какое отношение между 2 и 3, такое и между 200 и 300; а отношение между 6 и 8 то же, что и между 3 и 4. Это станет очевидным, как только я расскажу о тех отношениях, что существуют между числами.

(757) Дело в том, что любое число — это часть какого-либо большего числа; большее же число производится от меньшего либо кратным отношением, либо отношением членов, либо частей⁸⁹⁷, или же одновременно и кратным отношением, и отношением членов либо частей (отношение членов может подразумевать один член или же несколько, а отношение частей — одну часть или же несколько). Меньшее число производится от большего либо обратным кратным отношением, либо отношением членов или частей, иногда же одновременно и обратным кратным отношением, и отношением членов или частей. Никакое отношение одного числа к другому не выходит за пределы вышесказанного. Греки именуют числа, образованные кратным отношением, *πολλαπλασιοι*, образованные обратным кратному отноше-

⁸⁹⁶ Ошибка автора. Те же цифры повторяются в этом параграфе ниже; ср. также отсылку к этому месту в § 761.

⁸⁹⁷ О противопоставлении «доли» и «части» числа см. § 752.

нием — *ὑποπλαπλάσιοι*; числа, превосходящие другие одним или несколькими членами — *ἐπιμόριοι*, уступающие одним членом или несколькими — *ὑπεπιμόριοι*; превосходящие одной или несколькими частями — *ἐπιμερεῖς*, одной или несколькими частями уступающие — *ὑπεπιμερεῖς*; если же имеют место два отношения, то и имена используют двойные. (758) Соответственно, с подобным себе число состоит в отношении равенства, которое греки называют *ἰσότης*, как два к двум или три к трем. Такое же отношение имеет совершенное число к своим частям, и поэтому такое число лучше других — ибо что может быть лучше, чем равенство? Там же, где одно число больше, а другое меньше, между ними тотчас возникает некая разница, как это бывает со всеми числами, которые превосходят друг друга или уступают друг другу, находясь в отношении членов или частей. Соответственно, числа хуже тогда, когда между ними и их частями существует какое-либо различие. При этом, хотя разница двух чисел — большего и меньшего — будет одна и та же, отношения между ними — взаимно обратные: ибо та же разница, что между 3 и 4, будет и между 4 и 3; отношение же между ними будет различное, а какое именно — станет ясно дальше.

(759) Поскольку я показала, что первое из отношений — кратное, то вот и пример его: в кратном отношении находится число шесть к трем, а число восемь — к четырем. Напротив, в обратном кратном отношении находятся три к шести, четыре — к восьми. Отношением же членов одно число превосходит другое тогда, когда оно больше его на один или несколько членов, как девять по отношению к шести: оно больше его на тройку, которая дважды содержится в шести. Напротив, число шесть уступает девяти отношением членов. Отношением частей одно число превосходит другое, если оно содержит в себе и само меньшее число, и одну или несколько его частей: так, если мы сравним семь и четыре, то увидим, что в семерке содержится и сама четверка, и три ее части. Напротив, четыре уступают семи отношением частей. Кроме того, одно число может превосходить другое одновременно и кратным отношением, и отношением членов: если мы возьмем числа восемь и три, то увидим, что число восемь содержит две тройки и, кроме того, один член, то есть двойку. А число пять, если соотнести его с двумя, превосходит это число кратным отношением и отношением частей, ибо в пяти содержатся две двойки и, кроме этого, одна часть двойки. Напротив, из этих же чисел меньшие уступают большим одновременно и в обратном кратном отношении, и в отношении членов либо частей. (760) Таковы роды отношений между числами, разновидностей же каждого из них еще больше. Если начать с кратного и обратного кратного отношения, то к ним относятся двукратное, трехкратное и четырехкратное отношения, причем умножение может продолжаться и дальше; и ровно те же ступени проходит это же число и при делении. Так, двукратно превосходящее отношение имеют два к одному, четыре к двум, восемь к четырем; двукратно уступающее — один к двум, два к

четырем, четыре к восьми; точно так же трехкратно превосходящее — три к одному, девять к трем; трехкратно уступающее — один к трем, три к девяти; четырехкратно превосходящее — четыре к одному, шестнадцать к четырем; четырехкратно уступающее — один к четырем и четыре к шестнадцати. Таким же образом происходит и дальнейшее кратное увеличение и уменьшение.

(761) Когда же большее и меньшее числа находятся в отношении членов, то большее превышает меньшее либо на половину (тогда греки называют это отношение *ἡμιόλιον*), либо на треть (*ἐπίτριτον*), либо на четверть (*ἐπιτέταρτον*), и далее, на пятую, шестую и меньшие доли, в зависимости от вида отношения. Сверхполовинное отношение — это когда большее число содержит и само меньшее, и его половину; сверхтрехдольное — когда оно содержит меньшее и его третью долю, сверхчетырёхдольное — когда оно содержит меньшее и его четвертую долю, и так далее для других видов отношений. Напротив, из тех же чисел меньшее находится к большему в подполовинном (греки называют его *ἑφημιόλιον*), или в подтрехдольном (*ὑπότριτον*), или в подчетырёхдольном (*ὑποτέταρτον*) отношении. В сверхполовинном отношении находятся три к двум, триста к двумстам (об этих числах уже шла речь выше). В сверхтрехдольном — четыре к трем, восемь к шести (эти числа также уже упоминались), в подтрехдольном — три к четырем, шесть к восьми; в сверхчетырёхдольном — пять к четырем, десять к восьми; в подчетырёхдольном — четыре к пяти, восемь к десяти.

(762) Отношение частей между некоторыми числами близко сверхтрехдольному, у некоторых — сверхчетырёхдольному, и так далее. Отношение, подобное сверхтрехдольному — это когда большее число содержит в себе и само меньшее, и некоторое количество его третьих долей, подобное сверхчетырёхдольному — когда оно содержит и его само, и его четвертые доли. Возьмем 5 и 3 и 10 и 6. Пятерка превосходит тройку, так как содержит в себе и ее самое, и две ее трети. Так же в 10 содержатся 6 и две трети от шестерки. Отношение же, близкое сверхчетырёхдольному, между 7 и 4, между 14 и 8. В семи содержится и сама четверка, и три ее четверти. И как при таком отношении, которое близко сверхтрехдольному и сверхчетырёхдольному, бóльшие числа превосходят меньшие, таким же образом в отношении, близком подтрехдольному и подчетырёхдольному, находятся меньшие числа к большим. Не следует никому заблуждаться, полагая какое-либо отношение частей подобным сверхполовинному: ибо если какое-то число содержит какое-то число и его половину, оно сверхполовинно; а если оно содержит какое-то число и две его половины, оно — двухкратное. Точно так же, хотя две трети дают отношение, близкое сверхтрехдольному, две четверти не дают отношения, близкого сверхчетырёхдольному. В самом деле, если число содержит другое число и две его четверти, оно сверхполовинно, как, например 6 и 4: ибо в шести содержатся

и 4, и две его четверти. Напротив, как в отношении, близком сверхтрехдольному и сверхчетырёхдольному, бóльшие числа превосходят меньшие, так меньшие находятся к бóльшим в отношении, близком подтрехдольному и подчетырёхдольному; то же и далее с отношением, подобным сверхпятидольному, и последующими.

(763) Отсюда снова возникает большее количество различий, поскольку число может возрастать двухкратно, трехкратно или четырехкратно и сверхполовинно, сверхтрехдольно или сверхчетырёхдольно, а также в соответствии с другими видами кратных отношений и отношений членов. Возьмем 4 и 10: 10 возрастает двухкратно и сверхполовинно, ибо дважды 4 — это 8, а половина 4 есть 2. Далее, возьмем 4 и 14: 14 возрастает трехкратно и сверхполовинно, ибо трижды 4 — 12, а половина 4 — это 2. Пойдем дальше и возьмем 4 и 18: 18 возрастает здесь четырехкратно и сверхполовинно, ибо четырежды 4 — это 16, а половина 4 — это 2. Теперь возьмем 3 и 7: здесь 7 возрастает двухкратно и сверхтрехдольно, ибо дважды 3 — 6, а третья доля числа три — это единица. Возьмем 3 и 10: здесь 10 возрастает трехкратно и сверхтрехдольно, ибо трижды три — 10, а третья доля числа три — это единица. Рассмотрим 3 и 13: 13 здесь возрастает четырехкратно и сверхтрехдольно, ибо четырежды 3 — 12, а третья доля числа три — это единица. Возьмем теперь 4 и 9: 9 превосходит здесь четверку двухкратно и сверхчетырёхдольно, ибо дважды 4 — 8, четвертая доля 4 — это единица. Между 4 и 13 — трехкратное и сверхчетырёхдольное отношение, а между 4 и 17 — четырехкратное и сверхчетырёхдольное. То же происходит и с последующими числами. Меньшие же числа находятся к бóльшим в каком-либо из обратных кратных, а также подполовинном, либо подтрехдольном, либо подчетырёхдольном, либо каком-либо из последующих отношений. (764) Как уже может быть понятно из сказанного, кратное отношение начинается с наименьшего множителя и далее переходят к все бóльшим и бóльшим; обратное кратное, напротив, начинается с наибольшего отношения и далее переходит ко все меньшим и меньшим. Бóльшим отношением называется такое, которое добавляет больше, а меньшим — то, которое добавляет меньше: следовательно, трехкратное отношение больше двухкратного, четырехкратное больше трехкратного; напротив, двухкратное меньше трехкратного, а трехкратное меньше четырехкратного. (765) Таким образом, кратное отношение начинается с двухкратного, далее следует трехкратное, потом — четырехкратное и далее все бóльшие отношения. Отношение же членов начинается со сверхполовинного, далее следует сверхтрехдольное, потом сверхчетырёхдольное и далее все меньшие отношения. Все эти отношения связывают по два термина: например, для двухкратного отношения это числа 2 и 1, для трехкратного — 3 и 1, для четырехкратного — 4 и 1; в каждом из отношений это наименьшие члены, и они меньше по сравнению с любыми другими: не существуют чисел, состоящих в двухкратном отношении и при этом меньших, чем

2 и 1, ни в трехкратном — чем 3 и 1, ни в четырехкратном — чем 4 и 1. Затем, если мы будем добавлять сверх этих чисел другие пропорциональные числа, эти члены будут соответствующим образом возрастать. Поэтому те члены, которые являются наименьшими, пифагореец Тимарид называл *πυθμῆνες*, ибо как сосуд стоит на своем основании, так и все числа, связанные одним и тем же отношением, как бы добавляются сверх этих чисел; то же самое относится и к отношению членов⁸⁹⁸. (766) А именно, наименьшие члены сверхполовинного отношения — 2 и 3, сверхтрехдольного — 3 и 4, сверхчетырёхдольного — 4 и 5, далее путем увеличения получаются остальные числа, находящиеся в таком же отношении. Подобном свойством обладает и отношение частей, которое начинается с третьей части, так же, как отношение членов — с полуторного, потом охватывает сначала наименьшие члены, а затем переходит к большим. (767) Исходя из этого представляется правдоподобным, что первым было открыто кратное отношение, затем отношение членов и, наконец, отношение частей. Ибо никакой сложности не возникает ни в двухкратном, ни затем в трехкратном или четырехкратном отношении; после этого из двухкратного отношения было выведено свойство сверхполовинного, из трехкратного — сверхтрехдольного, из четырехкратного — сверхчетырёхдольного, и то же произошло и с последующими, а именно: увидевший двойное тем самым пришел к пониманию половинного, ибо, с одной стороны, четыре — это удвоенное два, а с другой, два — это половина четырех. Поэтому, добавив к двум двойку, он получил четыре, а снова добавив два к четырем, получил полуторную величину; далее, утроив два, получил шесть, а добавив к шести двойку, обнаружил сверхтрехдольное отношение; то же произошло и с последующими числами. Затем, когда обнаруживались числа, чье отношение между собой не регулировалось каким-либо отношением, возник следующий вопрос: какая часть одного числа и сколько раз содержится в другом числе? И, в конце концов, исследование это продолжалось до тех пор, когда ни одно отношение какого-либо числа к другому числу не осталось без тщательнейшего рассмотрения. В результате этого нетрудно увидеть, что все числовые отношения сводятся к этим двум родам.

(768) Указав роды чисел и возникающих между ними отношений, теперь вернусь я к каждому из них в отдельности, дабы указать, какими особыми свойствами они обладают. Начну я с четных и нечетных чисел. Четность при любом умножении имеет свойство сохраняться: при последовательном удвоении получают 2, 4, 8 и 16, при умножении на три — 2, 6, 18, на четыре — 1, 4, 16, 64, 256, подобное же происходит и с последующими числами. Нечетность при умножении на четное тотчас исчезает и получается четное число, однако при умножении на другое нечетное нечетное число продолжает возрастать, сохраняя свое свой-

⁸⁹⁸ Текст этого параграфа в рукописях испорчен; перевод по изданию Ж.-И. Гийомена.

ство. Так, трижды два — шесть, а четырежды два — восемь; трижды четыре — 12, пятью четыре — 20; тогда как трижды три — 9, а девятью три — 27; трижды пять — 15, пятью пять — 25; то же самое происходит при любом умножении. Поэтому, четно или нечетно множество четных чисел, сумма их всегда будет четна: так, 2, 4, 6 и 8 (здесь количество чисел четное) в сумме дают 20; 2, 4 и 6 (здесь количество чисел нечетное) дают 12; а оба эти числа четные. (769) Таким же образом четное количество нечетных чисел дает четную сумму: поэтому 5 и 3 в сумме дают 8, так как их количество четно. Лишь сумма нечетного множества нечетных чисел сохраняет их нечетность: так, 3, 5 и 7 в сумме дают 15, поскольку их количество также нечетно. По этой же причине всякий раз, когда множителем либо четного, либо нечетного числа выступает четное число, результат будет четным. Так, удвоение двойки дает 4, а тройки — 6, оба числа четные. А нечетный множитель в сочетании с четным числом дает четный результат, с нечетным же — нечетный. Так утроение двойки дает 6, также четное число, а тройки — 9, также число нечетное. (770) Далее, если к четному числу прибавить четное, результат останется четным: например, если к 2 прибавить 4, получится 6. Если к нечетному прибавить нечетное, результат также становится четным: например, если к 3 прибавить 5, получится 8. Нечетное же число получается только одним способом: когда к числу прибавляется число не того же рода, но к четному нечетное или же к нечетному четное. Так, если увеличить четверку, добавив к ней 3, или же тройку, добавив 4, в результате получится 7, нечетное число. Кроме того, при вычитании из четного числа вычитаемое будет того же рода, что и остаток; у нечетного же числа наоборот: род вычитаемого в оставшейся части не сохраняется. Поэтому, если из четного числа вычитается четное, оставшаяся часть будет четной: так, если от 8 отнять 2, останется 6. Если из четного числа вычитается нечетное, то, что останется, будет нечетным: так, если из 8 отнять 3, останется 5. Наоборот, если из нечетного числа вычитается нечетное, оставшаяся часть будет четной: так, если из 7 отнять 3, останется 4. Если из нечетного числа вычитается четное, оставшаяся часть будет нечетной: так, если из 7 отнять 2, останется 5.

(771) Далее, четно-четное число — это такое, половина которого есть четное число, как, например, число 12, половина которого — шестерка, которая сама также является четным числом. Кроме того, четно-четно любое число, полученное последовательным удвоением двойки (как, например, 4, 8 и 16), а также умножением ее на другие числа, если в результате она будет распадаться на четные — а такое свойство приобретается при умножении на 4, 8 и подобные им числа⁸⁹⁹. А любое число,

⁸⁹⁹ Как мы видим, Марциан Капелла дает здесь два различных определения четно-четного числа: согласно первому из них, четно-четным числом является число, половина которого четна; второе определение относится уже к более узкой категории чисел, а именно к числам вида 2^n , см. также след. прим.

половина которого нечетна, является четно-нечетным, как, например, число шесть, половина которого — три. Если же число не получено удвоением двойки, и половина его не нечетна, то оно четно-четное и происходит при этом от числа, которое является четно-нечетным, как, например, 12; ибо это число не получено удвоением двойки, и половина его не нечетна, а образовано оно удвоением шестерки, которая есть четно-нечетное число, так как образована из тройки⁹⁰⁰.

(772) Теперь перейдем к несоставным и составным числам, которые, как я уже сказала, называются также первыми и вторыми⁹⁰¹. Несоставные сами по себе числа не могут быть четными, за исключением, как я уже говорила, числа 2; все другие сами по себе несоставные числа являются нечетными, как, например, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19 и подобные им. Сами по себе составные числа — это все четные, которые могут быть четно-четными либо четно-нечетными. Так, для чисел 4 и 8 мы можем взять как общую меру число два, которым первое из них раскладывается на двойки, а второе — на четверки; то же легко сделать и с числами 6 и 10, разложив первое из них на тройки, а второе — на пятерки. Помимо этих, существует много нечетных чисел, которые сами по себе составные — это все числа, полученные последовательным умножением нечетного числа. Так, если тройку, пятерку или любое другое нечетное число умножить на нечетные числа, в результате всегда будет

⁹⁰⁰ Существует очевидное противоречие между тем, как определяются понятия четно-нечетных и нечетно-четных чисел § 749 и § 771: в первом случае речь идет об одних и тех же числах, получаемых умножением четного и нечетного числа, разница состоит только в порядке множителей ($2 \times 3 = 3 \times 2 = 6$), во втором же четно-нечетное число определяется как число, половина которого нечетна, а нечетно-четное — как число, не являющееся ни числом вида 2^n , ни четно-нечетным числом в только что описанном смысле. Эти же два разряда чисел противопоставляются и в § 749, но сами термины «четно-нечетное» и «нечетно-четное» при этом не употребляются. Можно видеть, что Марциан Капелла смешивает здесь две разные классификации видов четности: согласно одной (евклидовской, ср. Eucl. VII def. 8-11), противопоставляются четно-четные, четно-нечетные (они же нечетно-четные) и нечетно-нечетные числа, т.е. числа вида $2n \cdot 2m$, $2n(2m+1)$ и $(2n+1)(2m+1)$ соответственно (можно заметить, что первые два класса чисел заведомо пересекаются); согласно второй (ср. Nicom. intr. I 8-10), существует три вида четных и три вида нечетных чисел, четные при этом делятся на четно-четные, вида 2, четно-нечетные, вида $2(2n+1)$, и нечетно-четные, то есть все прочие четные числа. В § 748 и начале § 749 Марциан Капелла излагает евклидовский вариант классификации, а в § 771 — никомаховский, к последнему относится и рассуждение о разновидностях четных чисел в конце § 749. Никомаховскую трехчастную классификацию нечетных чисел Марциан Капелла не воспроизводит, однако, подобно Никомаху, он специально противопоставляет простые («только нечетные») и составные нечетные (т.е. нечетно-нечетные) числа (§§ 744–745, § 748).

⁹⁰¹ Ср. §§ 750–751.

получаться число нечетное и само по себе составное. При умножении тройки на саму себя получится трижды три, то есть 9; при умножении пятерки на саму себя получится пятью пять, то есть 25, а при умножении тройки на пятерку либо пятерки на тройку получится в результате 15, и все эти числа — 9, 25 и 15 — сами по себе составные, как и все нечетные числа подобного сорта. (773) Не могут быть несоставными по отношению друг к другу никакие два четных числа — ни четно-четных, ни четно-нечетных, — так как не могут такие числа не иметь никакой общей меры. В самом деле, если мы возьмем два четных числа, одно четно-четное, а другое четно-нечетное, а именно 4 и 6, то у них все равно будет одна общая мера, а именно двойка, так как 4 — это удвоенная двойка, а 6 — удвоенная тройка. Однако несоставными между собой могут быть нечетные числа, и в первую очередь — сами по себе несоставные; ибо не могут ведь иметь никакой общей меры, помимо единицы, те числа, что даже никакой собственной не имеют. Поэтому числа 3, 5, 7 и все им подобные — несоставные как сами по себе, так и между собой; и к этому же сорту относится то число, которое, будучи четным, обладает при этом всеми теми же самыми свойствами — число 2, ибо и оно также не составляется ни с тройкой, ни с пятеркой, ни с одним из подобных чисел. (774) Далее, если любое из тех чисел, что сами по себе являются несоставными, берется вместе с другим числом, то, даже если то само по себе является составным, все же эти два числа будут несоставными между собой, как если взять 3 и 4: ибо какое имеет значение, обладает ли второе число какой-либо собственной мерой помимо единицы, если первое таковой не обладает? И даже если два или больше числа являются составными не только сами по себе, но и между собой, все же из-за прибавления к ним единственного несоставного самого по себе числа все они становятся несоставными по отношению друг у другу, ибо хотя большинству и присущая некая общая мера, все же нет меры, общей для всех чисел, за исключением единицы. Что и происходит, если взять числа 4, 6, 8 и сколько угодно им подобных, и добавить к ним 3: хотя первые три числа составные между собой, однако все четыре между собой несоставные. (775) И не только добавление такого числа, которое само по себе несоставное, делает несоставными между собой большее количество чисел, но может случиться и так, что числа, сами по себе составные, взятые вместе оказываются несоставными между собой, если у них есть некоторые собственные меры, но они при этом различны: это бывает и с двумя нечетными числами, и с четным и нечетным. Возьмем 9 и 25: каждое из этих двух чисел само по себе составное, ибо 9 измеряется тройкой, а 25 — пятеркой. При этом между собой они несоставные, ибо ни 9 нельзя измерить пятеркой, ни 25 не измеряется тройкой. То же и с числами 8 и 9, четным и нечетным: мы не можем измерить 9 ни двойкой, ни четверкой, ни измерить 8 тройкой. Поэтому числа, составные сами по себе, между собой оказываются несоставными; и если числа сами по себе составные, отсюда не следует, что они составные и между собой.

(776) Как стало ясно уже выше, составными между собой являются все четные числа (являются ли они четно-четными или четно-нечетными), а кроме того, некоторые нечетные числа — как, например, 9 и 15, так как оба эти числа кратны тройке; помимо этого, некоторые четные и нечетные, как, например, 9 и 12, поскольку и для этих чисел общей мерой является тройка: трижды три — 9, а трижды четыре — 12. Достоинно внимания то, что с нечетным числом не может быть составным никакое четное число, образованное из четных, но лишь образованное из нечетных, ибо даже при перемене разряда некая общность прав все же сохраняется⁹⁰². Поэтому 9 не может быть составным ни с 4, ни с 8, ни с 16, ни с другими подобными числами; но составное с 12 и с 24, которые оба берут свое начало в тройке. (777) Но не со всеми четно-нечетными числами может быть составным нечетное число, составное само по себе, ибо оно может обладать не той же самой мерой. Поэтому не могут быть составными 9 и 50, так как 50 не имеет своим делителем тройки, которая является единственной мерой для 9, если не считать единицы; так получается потому, что и число 25, которое при удвоении дает 50, также не делится на три. Поэтому когда нечетное число, из которого образовано четное, имеет ту же меру, что и другое нечетное число, образованное им четное число будет составным с тем нечетным, а если это условие не выполняется, то и последующее невозможно. Тем самым 9 и 50 между собой несоставные, а 9 и 30 составные между собой, ибо 30 образовано удвоением 15, а 9 и 15 составляют друг с другом, так как имеют общей мерой тройку. Отсюда возникают и все прочие свойства, относящиеся к этому роду чисел.

(778) У двух чисел, несоставных между собой (причем или они оба или одно из них может быть составным само по себе), мера одного не может быть составлена со вторым числом. Возьмем 4 и 9: они составные сами по себе, но несоставные между собой. Мера 4 — двойка, мера 9 — тройка, и ни двойка не составляется с 9, ни тройка — с 4. Теперь возьмем 5 и 4, одно из этих чисел само по себе несоставное; мера 4 — двойка, а 2 не составляется с 5.

Если два числа несоставные между собой и одно из них умножается само на себя, то результат будет несоставным со вторым числом. Возьмем 3 и 4: они несоставные между собой. Если умножить на само себя 3, то 9 и 4 будут числами несоставными, а если то же сделать с 4, то 3 и 16.

Если два числа, несоставные между собой, умножить сами на себя, то полученные в результате числа будут несоставными между собой:

⁹⁰² Иными словами, нечетное число, превращаясь при умножении в четное число, все же сохраняет некоторые свойства нечетного, а именно способность быть составным с нечетным числом.

так, если мы возьмем те же 3 и 4 и каждое из них умножим на себя, то 9 и 16 также будут несоставными между собой.

(779) Если два числа — несоставные между собой, и одно из них умножить само на себя, а получившийся результат еще раз умножить на это число, то получившееся число будет несоставным с тем другим числом. Возьмем 2 и 3: пусть какое угодно из этих чисел будет умножено на само себя, получится дважды два — 4, а трижды три — 9. Умножим полученный результат снова на те же числа: получится дважды четыре — 8, а трижды девять — 27. Теперь возьмем 2 и 27 или 3 и 8: и те и другие числа несоставные между собой.

Если два числа — несоставные между собой, и каждое из них умножить само на себя, а полученный результат еще раз умножить на это число, то полученные числа будут несоставными между собой, как, например, те, что были рассмотрены выше. В самом деле, 8, полученное таким образом из 2, и 27, полученное из 3, несоставные между собой.

Если два числа, несоставные между собой, сложить вместе, то полученное число не может быть составлено ни с одним из предыдущих чисел. Если сложить вместе 3 и 5, получится 8: это число не может быть составлено ни с 5, ни с 3.

(780) Если число разделяется на два, несоставные между собой, оно не может быть составлено ни с одним из них. Разделим 9 на 4 и 5: 9 невозможно составить ни с 4, ни с 5.

Если к двум числам добавляется третье так, что все они будут несоставные между собой, а затем первые два числа перемножаются, то получившееся число также будет несоставным с тем третьим числом. Возьмем два числа 4 и 8, добавим к ним 3: эти числа между собой несоставные. Умножим первые два числа друг на друга: четырежды восемь или восемью четыре будет 32: это число и 3 несоставные между собой.

(781) Несоставное само по себе число не может быть составлено ни с каким другим числом, кроме как с тем, чьей мерой оно само является. Поэтому и составляются 3 и 9, 5 и 15, ибо трижды три 9, а пятью три 15. И если такие числа не являются частью какого-либо числа, они не могут быть составлены с ним.

Если взять два числа и, пока сможем, вычитать меньшее из большего, и остаток не будет являться мерой того числа, которое до этого вычиталось, то эти числа — несоставные между собой. Возьмем 3 и 8, будем вычитать из большего числа по три, пока это возможно — останется 2, и это число не является мерой трех. Поэтому также и 3 и 8 несоставные между собой.

Если три числа — наименьшие из всех, что находятся между собой в определенном отношении, то любые два из них, взятые вместе, не составляют с третьим. Возьмем три числа 9, 12 и 16: в них последующее всегда сверхтрехкратно по отношению к предыдущему, причем нельзя найти меньших трех чисел, связанных такой же пропорцией. Сложим вместе 9 и 12: получится 21; это число не составляется с 16.

(782) Если нечетное число не может быть составлено с каким-нибудь другим числом, оно не составит и с вдвое большим. Возьмем 5 и 8: они несоставные между собой. Удвоим 8, получится 16 — и с этим числом также нельзя составить число 5.

Если берутся два числа и другие два таким образом, что ни одно из первых двух не составляется ни с одним из последующих, то и число, полученное сложением первых двух, невозможно составить ни с одним из вторых. Возьмем два числа, 4 и 8, и другие два, 5 и 7: ни одно из первых двух не составляется ни с одним из последующих. Сложим вместе 4 и 8, получится 12 — и это число нельзя составить ни с 5, ни с 7.

(783) Наименьшие числа из тех, что связаны одной пропорцией, несоставные между собой: так, в двойной пропорции наименьшие — это 1 и 2, в тройной — 1 и 3, и эти числа не составляют между собой. В то же время, если взять сколь угодно большие числа, несоставные между собою, они всегда будут наименьшими из всех, что находятся друг к другу в том же отношении. Возьмем 200 и 101: это числа между собой несоставные; они находятся друг с другом в отношении частей, ибо 200 превосходит 101 на 99 частей, и такое отношение не может существовать между какими-либо меньшими числами. (784) Поскольку же нахождение меры позволяет считать одни числа сами по себе составными или несоставными, а другие составными и несоставными между собой, не лишним представляется тут же добавить кое-что о мерах.

Любое число либо является несоставным само по себе, либо, если оно составное само по себе, имеет мерой какое-то другое, само по себе несоставное число: так, число 9 и те числа, что получены его утроением, имеют мерой тройку, 15 — пятерку. Для чисел же четно-четных наименьшей мерой является двойка, а для четно-нечетных, а также для нечетных, наименьшей мерой могут быть и бóльшие числа, всегда, однако нечетные. Для одного составного числа легко найти наименьшую и наибольшую меру: при разложении числа ближайшая мера является наибольшей, а последняя — наименьшей. Возьмем, к примеру, число 50 и разложим его: половина его — 25, и это и есть наибольшая мера. Теперь исследуем, какими меньшими мерами оно обладает: пятьдесят — это десятью пять, а также пятью десять, а также дважды 25; среди этих чисел нет меньшего, чем двойка — стало быть, это и есть наименьшая мера пятидесяти.

(785) Если же есть два числа, большее и меньшее, составные между собой, то можно задаться вопросом: каким образом находится их наибольшая и наименьшая общая мера? А находится она следующим образом: нужно вычитать из большего числа меньшее, пока это возможно, затем вычитать из меньшего то, что осталось от большего, пока это возможно: оставшееся в результате число и будет наибольшей общей мерой данных двух чисел. Возьмем два числа, 350 и 100; отнимем от 350 сотню столько раз, сколько сможем, то есть трижды: останется 50. Из другого числа, 100, вычтем 50: останется 50. Это и есть наибольшая общая мера для 350 и 100: дважды 50 — 200, а семью 50 — 350. Из этого становится ясным также и то, что любое меньшее число, измеряющее два других числа, измеряет также и их наибольшую общую меру. А наименьшая мера этих же чисел находится так: после нахождения наибольшей ищется наименьшая мера ее самой; она же является общей мерой и первых двух чисел: так и в нашем случае наименьшая мера пятидесяти — это двойка; следовательно, она есть наименьшая общая мера и первых двух чисел.

(786) Для трех же составных между собой чисел наибольшая и наименьшая мера находится так: ищется наибольшая мера для двух из них; если она же является общей и для третьего, меньшего их числа, то искомое найдено; если же нет, то таким же образом ищется наибольшая мера для среднего и наименьшего, и она же будет общей мерой для всех трех. Возьмем три числа, 350, 100 и 75; искомая наибольшая мера будет общей для числа 350 и числа 100, и мы обнаружим, что это число 50. Посмотрим теперь, измеряет ли она третье число, то есть 75: если бы оказалось, что измеряет, она была бы общей мерой для всех трех, однако в нашем случае это не так. Поэтому мы берем 100 и 75 и ищем для них наибольшую меру. Я вычитаю из 100 75: остается 25. Вычитаю это число столько раз, сколько возможно, из 75, то есть дважды. Остается 25: это число есть наибольшая общая мера для чисел 100 и 75; кроме того, оно есть наибольшая общая мера для всех трех чисел. В самом деле, 25 умножить на три будет 75, 25 умножить на 4 — 100, а 25 умножить на 14 — 350. Теперь посмотрим, какова наименьшая мера числа 25: ей не может быть ни 2, ни 3, ни 4, но только число 5 — это и есть наименьшая общая мера для всех трех вышеупомянутых чисел. Ибо двойка, измеряя 350 и 100, не измеряет 75; тройка, измеряя 75, не изменяет ни 350, ни 100; четверка, измеряя 100, в свою очередь не измеряет 350 и 75. 5 — первое число, которое может измерить их все, ибо пять умножить на 15 будет 75, 5 умножить на 20 — 100, 5 умножить на 70 — 350.

(787) Если же даны два числа, то наименьшее число, измеряемое ими, находится следующим образом. Пусть даны числа 2 и 3; они не составные между собой. Умножим одно на другое: дважды три или трижды два будет шесть. Это наименьшее число, которое измеряют оба эти числа; наибольшее же число, которое они измеряют, никто не

сможет назвать, ибо эти же два числа измеряют любое число, полученное при умножении шестерки. Но возьмем два составных между собой числа, 9 и 12; здесь подобным умножением мы не придем к такому же результату, потому что ими может измеряться и число, меньшее, чем то, что получено подобным образом: стало быть, нужно найти его другим путем. (788) Посмотрим, какие наименьшие числа находятся между собой в том же отношении, что и эти два. Для 9 наименьшее соответствующее число — 3, для 12 — 2. Теперь умножим любое из этих наименьших чисел не на исходное для него, а на другое, то есть 3 на 12 или 2 на 9: трижды двенадцать 36, дважды девять 18. Посмотрим, имеет ли наименьшее из них число, то есть 18, своей мерой 9 и 12: 9 имеет, а 12 не имеет. Поэтому оставим его и возьмем большее, то есть 36. Это и есть то наименьшее, которое могут измерить 9 и 12: в самом деле, девятью четыре и трижды двенадцать — 36. Точно так же эти числа измеряют и любое число, полученное умножением 36.

(789) Если же даны три числа, то наименьшее число, измеряемое ими, находится следующим образом. Пусть даны три числа 2, 3 и 4. Возьмем то наименьшее число, которое имеет своей мерой и двойку, и тройку: это число 6. Посмотрим, измеряет ли его также и третья из трех, то есть 4. Если измеряет, то искомое найдено. В нашем случае не измеряет, поэтому посмотрим, какое наименьшее число измеряют 3 и 4. Это 12. Следовательно, это и есть наименьшее, которое могут измерить все эти три числа: в самом деле, и дважды шесть, и трижды четыре, и четырежды три будет 12. И следовательно, любое число, полученное умножением 12, будет измеряться теми же тремя числами.

(790) Когда два числа измеряют какое-то число, то наименьшее число, имеющее мерой эти два числа, является мерой этого же числа. Пусть дано число 12; оно измеряется двойкой и тройкой. Наименьшее же число, измеряемое ими, — это 6, и оно же является мерой и для 12: шестью два будет 12. То же и с числом, которое измеряется какими-либо тремя: его мерой также является наименьшее число, имеющее мерой те три числа. Возьмем 24: для него мерами являются 2, 3 и 4; наименьшее же число, имеющее мерой те же три числа, — 12. Однако оно же является мерой и для числа 24: 12 умножить на два будет 24.

(791) Если два числа, наименьшие из тех, что находятся в определенном отношении, взять вместе с двумя большими числами так, чтобы между большими и меньшими было одинаковое отношение, то сколько раз меньшее в меньшем, столько раз будет укладываться и большее в большем. Возьмем числа 2 и 3, а затем 8 и 12. Между меньшими и большими числами одинаковое отношение, ибо и 3 по отношению к 2, и 12 по отношению к 8 являются сверхполовинными. 3 в 12 помещаются четырежды, ибо четырежды 3 12; однако ведь и 2 помещается в числе 8 четырежды, ибо четырежды два 8.

(792) Если единица помещается в каком-то числе столько же раз, сколько другое число в третьем, то выходит так, что сколько раз единица помещается в меньшем из второй пары чисел, столько же раз то число, что изначально измерено единичной мерой, помещается в последнем числе. Возьмем 1 и 5, 6 и 30. Единица помещается в пятерке 5 раз, столько же и 6 в 30. Далее, в самой шестерке единица укладывается 6 раз, однако ибо и пятерка 6 раз укладывается в числе 30.

(793) Если два числа умножаются одно на другое и полученный результат имеет своей мерой какое-либо несоставное само по себе число, то это число с необходимостью является мерой каждого из предшествующих чисел⁹⁰³. Умножим 8 на 10, получится число 80; оно измеряется двойкой, ибо дважды 40 будет 80. Однако та же двойка измеряет и 8, и 10, поскольку дважды 4 будет 8, а дважды 5 — 10.

(794) Когда числа одной пропорции (которую греки называют *ἀναλογία*) расположены по порядку, тогда, если первое число является мерой для последнего, оно измеряет также и второе, и все последующие; если для второго, то также и последнее, и все средние; если, наконец, измеряет хотя бы одно число, то измеряет и все. Напротив, если не измеряет последнее, то не измеряет ни второе, ни какое-либо другое; если не измеряет второе, то также не измеряет и последнее или любое другое; если не измеряет среднее, то не измеряет и никакое другое. Возьмем 3, 9, 27, 81, 243; все они находятся в трехкратном отношении. При этом тройка измеряет число 243: трижды 81 будет 243. Следовательно, она же измеряет и девятку (ибо трижды три 9) и, поскольку измеряет ее, то измеряет и последнее число; и поскольку она измеряет любое из этих двух, то измеряет и остальные; поскольку она измеряет какое угодно среднее из них, то также измеряет предыдущие и последующие. А двойка, поскольку не измеряет 243, не измеряет и 9, и средние числа; поскольку же не измеряет 9, не измеряет и 243, и средние числа; поскольку же не измеряет ни одно из средних, то не измеряет и крайние.

(795) Если взять сколько угодно чисел одной пропорции, начиная с единицы, то сколько несоставных самих по себе чисел будут измерять последнее из них, столько же будут измерять и то, что ближе всех к единице. Возьмем числа, возрастающие в двойной пропорции: 1, 2, 4, 8, 16; из них 16 измеряется двойкой, и она же измеряет самое себя. Возьмем теперь 1, 12, 144, 1728; число 1728 измеряют сами по себе несоставные числа 2 и 3, ибо дважды 864 будет 1728, равно как и трижды 576. Но те же 2 и 3 измеряют и 12, число ближайшее к единице, так как дважды шесть и трижды четыре будет 12.

⁹⁰³ У Евклида — «одного из предшествующих чисел» (Eucl. VII prop. 30).

(796) Если сколько угодно чисел, начиная с единицы, принадлежат одной пропорции, то меньшее число всегда измеряет большее каким-либо числом, принадлежащим к этой же пропорции. Возьмем 1, 2, 4, 8, 16, 32 и 64: 2 измеряет 4, 4 — 8, 8 — 16, 16 — 32, а 32 — 64 двойкой. А двойка измеряет число 8 четверкой, и ей же 4 измеряет 16, 8 — 32, 16 — 64. Таким же образом 2 измеряет восьмеркой 16, 4 — 32, 8 — 64, и нельзя найти ни такое число, которое не измеряло бы большее число, ни такое, которое делало бы это какой-либо мерой, не присутствующей среди самих этих чисел.

(797) Если сколько угодно чисел, начиная с единицы, принадлежат одной пропорции, и число, ближайшее к единице, само по себе несоставное, то наибольшее из них не измеряется никакой мерой, кроме как принадлежащей к этой же пропорции. Возьмем 1, 3, 9 и 27: между ними трехкратная пропорция, и ближайшее к единице число само по себе несоставное. Поэтому число 27 не измеряется никаким другим, кроме 3 и 9, которые принадлежат к этой же пропорции. Иначе обстоит дело, если ближайшее к единице число составное. Возьмем 1, 4, 16, 64: ближайшее к единице число составное; поэтому последнее, то есть 64, имеет также и другие меры, помимо тех, что находятся в этом ряду: и 2, и 8, и 32, ибо дважды 32, и восемью 8, и тридцать два умножить на два дают 64.

Наименьшее число, измеряемое двумя несоставными самими по себе числами, не измеряется никаким другим несоставным самим по себе числом. Возьмем 5 и 7: они не измеряют никакое число, меньшее, чем 35, ибо пятью семь и семью пять 35, и никакое другое несоставное само по себе число не является его мерой: ни 2, ни 3, ни 11, ни 13, ни 17, и еще того менее последующие числа.

(798) Если квадратное число измеряет другое квадратное, то сторона того числа также измеряется его стороной. Возьмем два квадратных числа 4 и 16: четверка измеряет число 16, ибо четырежды четыре 16. Но сторона четырех — это 2, сторона же числа 16 — 4, а двойка измеряет четверку: дважды два будет 4. Из этого становится очевидным также то, что если даны два квадратных числа и сторона одного измеряет сторону другого, то и само то квадратное число является мерой другого квадрата.

(799) Если квадратное число не является мерой другого квадратного числа, то и сторона его не измеряет сторону другого. Возьмем квадратные числа 4 и 9: четверка не измеряет число 9, поэтому также и двойка, которая есть сторона 4, не является мерой для 3, стороны числа 9. Из этого становится очевидным также и то, что если даны два квадратных числа и сторона одного не измеряет сторону другого, то и само то квадратное число не является мерой для другого квадрата.

(800) Если куб измеряет куб, то и сторона одного является мерой для стороны другого. Возьмем два куба, 8 и 64: число 64 измеряется восьмью, поскольку восьмью восемь — 64. Но как сторона кубической восьмерки — 2, так сторона 64 — 4, и 2 есть мера для 4. Из этого становится очевидным также и то, что если даны два куба и сторона одного из них измеряет сторону другого, то также и сам первый куб является мерой для второго.

Если же куб не измеряет другой куб, то и сторона одного не является мерой для другого. Возьмем два куба, 8 и 27: 8 не является мерой для числа 27; поэтому, поскольку сторона кубической восьмерки — 2, а 27 — 3, то 2 не измеряет тройку. Из этого становится очевидным также и то, что если даны два куба и сторона одного из них не измеряет стороны другого, то также и сам первый куб не является мерой для второго.

(801) Всякое число, имеющее мерой некое число, имеет также и часть, одноименную тому члену, что является мерой. Возьмем число 9: оно измеряется тройкой, и третья часть девятки — это три. Возьмем число 16: оно измеряется четверкой, и четвертая часть числа 16 — это четыре; то же обнаруживается и для других чисел.

Далее, если число имеет член, то его мерой является число, одноименное этому члену: так, для числа 9 членом является тройка, и оно измеряется тройкой.

(802) Будет довольно сказать об этих числах и мерах;
 Право ж о прочем вещать мудрецам оставим кекропским⁹⁰⁴,
 Если наш только алтарь там и ныне дыханьем теплится
 И на старинный манер плащи философы носят.
 Ныне же срок мне велит завершить мое наставленье,
 Чтоб не наскучила я, старуха, собранью всевышних
 И Владычицу цифр не изгнали со звездного неба».
 Молвила и, замолчав, к сестре своей устремилась.

⁹⁰⁴ Т.е. афинским, см. прим. 467.

Книга восьмая Об Астрономии

(803) Тем временем, пока священный сенат богов дивился этим хитросплетениям согласных и противоборствующих чисел⁹⁰⁵, признавая, что женщину эту, внушавшую уважение неким достоинством почтенной возвышенности, не напрасно считали родительницей всевышних, а явившаяся по повелению толпа мудрецов (в особенности же Пифагор со всеми последователями и Платон, разъяснявший туманности своего «Тимея») выражала ей почтение тайными похвалами, Паллада, непрестанно бросавшая взгляд на невесту, спросила ее мнение об учености назначенной в свадебный дар служанки. После этого она сама присоединилась к ее восторженному одобрению, и Киллениец, которому эта воспитанница внушила своим блеском и великолепием бóльшую гордость, чем какая-либо другая, также выражал восхищение велеречивостью этой женщины. Вслед за этим — поскольку Феб долго не спешил ввести следующую из назначенных в брачный дар дев, дабы преждевременно не разрушить впечатление, вызванное предыдущей, — на некоторое время воцарилось благоговейное и почтительное молчание. (804) Между тем случилось так, что Силен (морщинистый спутник Эвана⁹⁰⁶, стоявший позади него, прислонившись), который — то ли сраженный слабостью возраста, то ли утомленный усердным вниманием к чудесам ученой речи (а возможно, дело было в том, что он, и так уже разбухший от попоек, к тому же, побуждаемый поводом свадебного веселья, и теперь омыл себя обильным вливанием хмельного) — давно уже погрузился в сон, внезапно очень громко захрапел, издав звук, напоминающий кваканье лягушки. Многие из богов, напуганные таким шумом и грубостью этого весьма резкого звука, обернулись в его сторону, после чего стоящие вокруг, заметив «выдыхающего сон»⁹⁰⁷ в испарине пьяного дурмана старца, затряслись от смеха, который

⁹⁰⁵ В ориг.: *numeratorum concinentium repugnantiumque*. По мнению У. Штала и Р. Джонсона, Марциан Капелла имеет в виду числа четные и нечетные.

⁹⁰⁶ Эван (*Euan*) — одно из имен Вакха, происходящее из вакхического возгласа *εὐάν*.

⁹⁰⁷ Выражение Вергилия (*Verg. Aen. IX 326*).

становился тем сильнее, чем более его старались сдерживать. Тогда — поскольку обычаи свадебной вольности не препятствуют шуткам — свита Венеры и служанки Бромия разразились столь громким хохотом, прерывавшимся приступами икоты, что тем самым заставили и многих других, кто силился побороть смех, тоже дать волю несдержанным звукам и предаться радостному веселью. Наконец Купидон, как всегда нетерпеливый и дерзкий в своих непочтительных и развязных выходках, весело и резво подскочил к старцу, который, склонившись, опирался на посох своей гладкой покрасневшей лысиной, и хлопнул в ладоши наподобие щелкнувшего бича. Тот принялся возмущаться внезапным шумом: все это возбудило почти у всех присутствующих смех, в некотором роде дозволенный.

(805) Тут, с трудом открыв глазенки,
 Как в тумане различает
 Он кругом себя веселье;
 Пробудившись от удара,
 Тупо смотрит, недовольный,
 И движением ладони
 Рот свой влажный вытирает.
 Вслед за тем, Лиэя⁹⁰⁸ криком
 Ободренный, он за посох
 Ухватился и намерен
 Уж идти, зов Лиды⁹⁰⁹ слыша;
 Обретя повторно зренье,
 Видит он сенат всевышний.
 Покачнулся тут внезапно
 Он — ходячая руина! —
 Сделал было шаг, но тщетно:
 С места сдвинуться не силах
 И стоит в недоуменье
 Еще большем: сами ноги
 Вспять бредут, трясясь от страха,
 И, с усилием спотыкаясь,
 Он застыл, назад шатнулся.
 Наконец, дрожа, в бессилье
 Рухнул наземь тучный старец.
 Еще пуще грянул хохот,
 Не было конца потехе,
 Пока, Вакхову веленью
 Подчинясь, Сатир не поднял
 Распростертого на плечи —

⁹⁰⁸ Т.е. Вакха; ср. прим. 329.

⁹⁰⁹ Согласно комментарию Ремигия, Лида (*Lyde*) — супруга Силена. А. Ле Бефль (*ad loc.*) полагает, что Марциан Капелла имеет в виду Артемиду, почитавшуюся в лидийском городе Эфесе.

Широко раскинув руки,
С шеи свесился тот важно –
И, как мех с вином, не вынес!

(806) И в самый разгар этого ликующего и непринужденного веселья та самая Сатира, что всегда полагала своей обязанностью образовывать мой разум, воскликнула: «О Феликс — или Капелла, или кто бы ты ни был, в чьем разуме не меньше скотского, чем в имени⁹¹⁰ — право, ты поступаешь безрассудно и даже безумно, примешивая сюда подобного рода несообразный смех! Не могу поверить! Сознаешь ли ты, что заставляешь смеяться небожителей в собрании Юпитера и что нечестиво в суждении богов и в особенности Паллады изображать кого-либо несущим вздор, подобно помешанному? (807) Более того, в какое время резвятся у тебя Купидон и Сатир, позволяя себе дерзкие шалости? Не в то ли самое, когда звездная дева, прекраснейшая из назначенных в брачный дар служанок, должна вступить в эту почтенную курию и предстать взорам богов? Довольно этого, и не пытайся впредь оправдывать свой дерзкий вздор законом Гименя и покровом дозволенной провинности! Либо, по крайней мере, прислушайся без всякого упрямства к приенской мудрости⁹¹¹ и, если ты только не тот *осел с лирою*⁹¹², *знай время всему*⁹¹³!» Выслушав столь суровые и жестокие нападки Сатиры (в остальных случаях премолю), я, принеся притворные извинения за свой будто бы дерзкий проступок, спросил наконец, какая из дев готовится теперь войти. Она же, не дав еще ослабеть тому гневу, с которым она прежде на меня обрушилась, повела свою речь так:

(808) О звездоносном жилище, пути его, неба вращенье,
Также о том, как восходят и странствуют искры святые,
Время поведать пришло. Я вижу, как тронувшись с места,
Силой внезапной влеком, замерцал свод неба узорный.
Там, семизвездья двойного Трионов⁹¹⁴ сторож привычный,
Блещет пастух Волопас своим отсветом гиперборейским,
Здесь, где земле кругозор наклон осевой преграждает⁹¹⁵,

⁹¹⁰ Римское фамильное имя *Capella* буквально означает «козочка».

⁹¹¹ См. прим. 913.

⁹¹² В ориг.: *ὄνος λύρας*. Эта поговорка, указывающая на необразованного человека, неспособного ценить искусство, встречается у многих античных авторов, в том числе дважды у Варрона, в том числе как название одной из его менипповых сатир (Var. frg. 348-369; 543 Cèbe); известна басня Федра об осле и лире (Phaedr. append. 12, 117). В полном виде это выражение звучит как *ὄνος λύρας ἀκούων* «осел, слушающий лиру» (Diogenian. VII 33).

⁹¹³ В ориг.: *κατὸν γυνῶτι*. Марциан Капелла приписывает авторство афоризма Бианту из Приены. Диоген Лаэртский считает это высказывание принадлежащим другому легендарному мудрецу — Питтаку (Diog. Laert. I 79).

⁹¹⁴ Созвездия Большой и Малой Медведицы.

⁹¹⁵ См. §§ 825–826.

Яркий являет Каноп себя неизвестным светилом⁹¹⁶,
 Вот уж и быстрых коней, колесницу Феба несущих,
 И огнерогой Луны различаю я лик переменный,
 И полюса наклоненные⁹¹⁷ — те, что круги заключают
 Средние, и колею, что по знакам созвездий проходит⁹¹⁸.
 Ты ж предаешься, как прежде, забавам: милее, как видно,
 Вымысел вздорный тебе, чем звездноречивая дева!

(809) Пока Сатира декламировала такие стихи, мною вновь овладел тот самый воспрещенный мне смех, за который я уже успел подвергнуться самому суровому порицанию. «Славно, моя Сатира!» — воскликнул я, — «не сделал ли твой гнев из тебя поэтессу? Не возжаждала ли ты испить из источника Пермесской влаги? Не предвидишь ли ты лицемерие сиятельных божеств? И куда внезапно делась твоя всегда насмешливая и тонкая находчивость, с которой ты, находя удовольствие в шуточных словечках и островах, высмеивала и именвала сумасбродством напыщенность стихотворцев, не в меньшей степени презирая, как род одержимости, и трагический тон риториков? Почему же ты сама ныне безумствуешь, вскипая в бешеном порыве, и обрушиваешь на меня свой строгий окрик, столь надменно порицая меня за то, что я насмехаюсь над сном Силена? Неужели мне нужно, по-твоему, отказаться впредь от всякой выдумки, чтобы никакая примесь милой шутки не могла развеять скуку слушателей? Образумься, вспомнив один из стишков пелигнского юноши⁹¹⁹, оставь трагическую хмурость и

Если разум в тебе есть, дева, — смейся⁹²⁰!

(810) В то время как мы с моей Сатирой перебранивались подобным образом и долгое время обменивались взаимными нападками, вышел Делиец, готовясь ввести следующую из назначенных в свадебный дар служанок. И вот является некий шар эфирного света, наполненный внутри прозрачным огнем и медленно вращающийся в своем мягком кружении, внутри же себя заключающий, как казалось, некую деву. При приближении этого яркого свечения многие из богов, озаренные его лучами, заблестали ответным светом, в особенности же те из них, кого называют судьбоносными: последние явили и свой облик, и путь, и все то, что в них

⁹¹⁶ Канопус (Каноп, «южная полярная звезда»), ярчайшая звезда в созвездии Киля и вторая по яркости после Сириуса звезда на небосводе, видна только в регионах, расположенных южнее 37° северной широты.

⁹¹⁷ Северный и южный полюса небесной сферы. Угол наклона оси, пересекающей небесную сферу в этих двух точках (т.е. оси мира), относительно плоскости горизонта равен той географической широте, где находится наблюдатель.

⁹¹⁸ Пояс Зодиака.

⁹¹⁹ Т.е. Овидия, который родился в городе Сульмоне в краю пелигнов. Пелигны (*Paeligni*) — сабинское племя, жившее в Апеннинских горах.

⁹²⁰ Марциал (*Mart.* II 41, 1) приписывает этот стих «пелигнскому поэту» (см. прим. 919); среди сохранившихся сочинений Овидия этой строки нет.

считалось неведомым; затем и само сплетение внешнего небосвода воссияло, отражая блеск этого же свечения. Пораженные этим дивом, воздушные, земные и морские божества, а также те, кого скрывают подземные засовы, вообразили, что пред ними явилась Астрея⁹²¹, Фемида или ливийская Урания⁹²², и уступили ей самое почетное место. (811) Внезапно из шара выпрыгнула дева, украшенная драгоценными камнями; не менее прекрасны были и рассеянные по всему ее телу глазки жемчужин. Чело ее было звездным, ее волосы сияли; крылья же ее с прозрачным оперением — облетающие небосвод золотые воздушные весла — часто колыхались. В руке она держала блестящий измерительный прибор длиною в локоть, в другой — книгу, в которой видны были предначертанные пути богов, прямые и попятные движения светил вместе с осями полюсов, изображенные цветами различных металлов⁹²³. Множество богов с улыбкой глядело на нее, прочие же дивились ее красоте и блеску; между тем, выйдя на середину, она повела свою речь так:

(812) «Имея в виду весьма многие соображения, и такие притом, которые нельзя отбросить и обойти вниманием, мне следовало бы хранить молчание даже в том случае, если мое усердие и принесло некоторые плоды. Ибо прежде всего я полагаю не подобающим почтительной скромности пытаться наставлять богов в их собственном деле, рассказывая о путях и движениях самим тем, кто эти движения совершает. Кроме того, не желая быть преданной огласке по вине болтливых профанов, на протяжении бесчисленных столетий я скрывалась, прячась в убежищах египтян: там я тайно пребывала в течение почти сорока тысяч лет, соблюдая почтительную осмотрительность. О если бы и после разгула губительного потопа и последовавшего через долгий промежуток восстановления города афинян⁹²⁴ обо мне — кому подобало оставаться скорее скрытой, чем известной — не прознали искушенные в соблазнах красноречия хвастливые толпы плащеносных жителей Греции! Никогда, без сомнения, не должно было знание о путях, стояниях и возвращениях ваших достичь людского разума и нечистоты смертных забот! (813) Но так или иначе, коль скоро уж я в моих блужданиях достигла разума греков, я сочла достаточным для себя поведать им то, что было открыто Эратосфеном, Птолемеем,

⁹²¹ Астрея (*Astraea*) отождествлялась у римских поэтов с богиней справедливости Дике (*Dike*) — дочерью титана Астрея и Эос, по другой версии — дочерью Зевса и Фемиды (*Hes. theog.* 901–902, *Hyg. astr.* II 25). Во времена Золотого века Дике (Астрея) жила среди людей, но с наступлением медного века покинула их и вознеслась на небо, превратившись в созвездие Девы (*Arat.* 96–136; *ср. Ов. met.* I 149–150, *Verg. ecl.* IV 4–9).

⁹²² Имеется в виду, очевидно, не муза Урания, а некое весьма могущественное божество: комментируя это место, А. Ле Бефль отмечает, что богиня Ашера почиталась у карфагенян как *Virgo Caelestis*, Небесная Дева (*ср. Tert. apolog.* 23, 6).

⁹²³ Соответственно цветам планетарных орбит, *ср. § 14.*

⁹²⁴ *Ср. Plat. Tim.* 23c.

Гиппархом⁹²⁵ и другими, не отягощая себя необходимостью сообщать что-либо сверх этого. Впрочем, поскольку обязанность по отношению к вскормившему и воспитавшему меня Килленийцу не позволяет мне остаться безмолвной, да и ученость невесты также приглашает меня раскрыть тайны моего искусства, то в вашем присутствии, о всевышние небожители, кому предстоит вновь окинуть взором свои собственные пути, я прерву свое молчание.

(814) Итак, космос состоит из четырех элементов и имеет форму округлой сферы: в самой середине ее находится выделяющаяся своей неподвижностью Земля, вокруг которой обращается пребывающее в некоем вечном круговом движении небо. Я не сочла бы недостойным на самом пороге рассуждения прислушаться к физикам, полагающим, что податливость тонких тел в силу их собственных побуждений направляется по неким раздельным путям, так что промежутки этих кругов не распадаются, и держащиеся собственных течений естества разливаются во всех направлениях в виде слоев сферической формы. Сперва середину, называемую центром, как говорят, окружает поток воды, за ним следует воздушный, третий — огненный, далее же в некоем пятом соединении телесной субстанции движутся по кругу эфирные светочи: это место, где находятся орбиты Солнца, Луны, а также других светил и созвездий, названо *круговращающим* потоком. Безмятежность этого естества объемлет также и последнюю, внешнюю орбиту, которая, не будучи украшена никакими глазками светил, именуется поэтому *беззвездной*. (815) Таким образом, поскольку каждый из окружающих слоев естества представляет собой нечто внутри себя однородное, то и в эфирном тракте невозможно различить отдельные орбиты. По этой причине, говоря об орбитах, я не буду иметь в виду каких-либо телесных различий в пределах текучего естества, но лишь буду указывать на видимое нами восхождение и нисхождение подвижных светил. Я не стану прибавлять сюда во имя укрепления небесного устройства также ось и полюса, которые смертные, ради простоты восприятия, присоединили к бронзовой сфере, именуемой *крикоте*⁹²⁶, — ибо нет ничего, что могло бы поддерживать небесное устройство более прочно, чем сама Земля. Кроме того, если бы ось выступала из как бы насквозь пронзенной внешней сферы, то необходимо было бы вообразить также некие пазы и штифты, каковых, разумеется, никак не может быть в тонкой области эфира. (816) Поэтому если когда-нибудь ради удобства изложения и восприятия я буду упоминать об оси, полюсах и орбите, следует понимать это как некоторое идеальное представление, происходящее не из различия частей неба, а из отношения расстояний. Таким же образом следует понимать, когда я буду говорить о восходящем и нисходящем небосводе, в то время как он во всех своих частях подобен и поднимается либо скрывается в зависимости от состояния горизонта и расположения стран света.

⁹²⁵ См. стр. 44–45.

⁹²⁶ Ср. Gell. III 10, 3.

(817) Сделав подобное вступление, я двинусь дальше и, если некто из римлян, не столь уж незнакомый со мною⁹²⁷, учил, что звезды (*stellas*) получили свое имя от слова «стоять» (*ab stando*), созвездия (*sidera*) от слова «садиться» (*a considendo*), светила (*astra*) от Астрея⁹²⁸, а греки заполнили небеса баснословными вымыслами, то я прежде всего изложу предмет моей науки и объявлю о том, что небесных кругов всего насчитывают десять; из них одни являются параллельными, другие наклонными, третьи проходят через полюса. Параллельные круги, которые мы по-латински можем называть равноотстоящими, имеют ту же ось, что и сам небосвод; ось же — это то, что, если провести линию через центр круга к обеим сторонам окружности, делит меру срединного разреза в равном отношении. (818) Первый из параллельных кругов — тот, который, возвышаясь, всегда находится на виду и касается границы горизонта, никогда не погружаясь ниже; он зовется септентриональным кругом по той причине, что, помимо других звезд (о которых пойдет речь дальше), он включает в себя двойное созвездие Септентрионов⁹²⁹. (819) Второй из параллельных кругов и ближайший к наибольшему — круг летнего солнцестояния: его достигает летом солнце, в конце же солнцестояния, оно, оттолкнувшись, удаляется. (820) Третий — круг равноденствия, расположенный посередине и наибольший из всех. Его солнце пересекает дважды: когда восходит к летнему зною и когда нисходит к своему зимнему местопребыванию. Тем самым оно достигает некоей середины небосвода и уравнивает продолжительность ночи равной длительностью дневного света. (821) С ним соседствует круг зимнего солнцестояния: здесь солнце достигает зимнего предела и, вновь оттолкнувшись, начинает восхождение к северу. (822) Пятый и последний — тот, который именуется южным, или антарктическим. Он погружен за горизонт и едва касается его линии верхним краем своей окружности; впрочем, рассуждение показывает, что протяженностью своей он равен септентриональному кругу, противоположностью которого является.

⁹²⁷ Варрон.

⁹²⁸ Астрей (ср. греч. *ἀστὴρ* «звезда») — титан, сын Крия и Эврибии, породивший в союзе с Эос северный, южный, западный и восточный ветры (Hes. theog. 375–380). Арат называет Астрея отцом звезд (Arat. 98–99).

⁹²⁹ Созвездия Большой и Малой Медведицы. Следует отметить, что описываемый Марцианом Капеллой, Геминиом и некоторыми другими античными авторами септентриональный, или арктический, круг не тождествен северному полярному кругу в нашем понимании. В отличие от северного полярного круга, септентриональный круг, включающий никогда не погружающуюся за горизонт часть небосвода, должен изменять свой радиус в зависимости от географической широты — от максимального на полюсах, где он совпадает с небесным экватором, до нулевого на экваторе. Таким образом, границы септентрионального круга, определяемые далее в § 827, верны только для определенной географической широты.

(823) Вслед за этим я полагаю необходимым поведать о колюрах, некоторая часть каждого из которых находится вверху, другая же пребывает внизу и скрыта. Для меня не тайна, что их определения у разных писателей отличаются. Так, одни заявляют, что колюр следует вести от северного полюса к южному, откуда, пройдя под землей, он снова поднимается к арктической вершине. Другие же, напротив, заявляют, что колюр имеет начало на южном полюсе, и затем вновь возвращают его через арктическую вершину в место его возникновения; проведя от его начала другой накрест лежащий круг, они поделили таким образом периметр космоса на четыре четверти. (824) Я же, согласно с моим Гиппархом, больше всех писателей возлюбленным истиной, утверждаю, что они, выходя из созвездий зодиакального круга и дважды соединившись между собою, достигают полюсов, пересекая все параллели под равными углами. Один из них, родившись в восьмом градусе Овна, обойдя весь космос и миновав вершины полюсов, туда же возвращается; другой, подобным же образом охватывающий своим объятием весь небосвод, берет начало в Раке. Впоследствии мы сделаем это более ясным⁹³⁰.

(825) Теперь же следует рассказать о наклонных кругах. Один из них, зодиакальный, разделен на двенадцать частей; из параллельных кругов двух, кругов летнего и зимнего солнцестояния, он касается, средний же, круг равноденствия, дважды пересекает, разделяя его и разделяясь сам на неравные углы⁹³¹. Он образует путь для Солнца, Луны и пяти планет. (826) Другой из наклонных кругов, Млечный Путь, имеет охват гораздо большей протяженности, в чем можно убедиться даже зрительно: начинаясь вблизи септентрионального круга и клонясь к горизонту антарктической области, он кажется проходящим почти через весь небосвод; тех, кто отказывается считать его кругом, я считаю безумцами. Остался еще один круг, относительно названия которого я испытываю сомнения, ибо он подвержен изменениям вследствие всякой перемены места и времени. Этот круг, разделяющий для нас низ и верх и изгибом круговой линии со всех сторон примыкающий к поверхности земли, именуют *горизонтом*, границей или ограничивающим⁹³².

(827) Так как после моего краткого объяснения стало понятно, что такое небесные круги, теперь я расскажу об их протяженности, начав с того, о чем говорила сперва. И прежде всего я вернусь к величине септентрионального круга. В нем первым делом, по обычаю геометров, я установила две точки, по которым можно было бы построить круг, так

⁹³⁰ §§ 832–833.

⁹³¹ Т.е. пересекая его не под прямым углом. Угол между плоскостью эклиптики и плоскостью небесного экватора приблизительно равен $23^{\circ}26'$.

⁹³² Греч. *ὀρίζων* «ограничивающий».

чтобы одна из них указывала на центр, другая — на окружность. Итак, в самой вершине небосвода я установила ярчайшую звезду и от нее провела линию к голове Дракона, которая, как я прежде заметила, достигает окружности горизонта⁹³³. Затем, перемещая ее вокруг неподвижного центра, я начертила круг. Получившаяся таким образом круговая линия, охватывающая с каждой стороны равный промежуток, проходит через следующие созвездия: от головы Дракона и правой стопы того, кого называют *Коленопреклоненным*⁹³⁴, к середине груди Цефея, затем к передним лапам Большой Медведицы, оттуда обратно к голове Дракона.

(828) С этим кругом соседствует круг летнего солнцестояния, который мы находим подобным же образом с помощью линии, проведенной из вершины небосвода к восьмому градусу Рака, которого достигает солнце в момент солнцестояния. Этот круг с большим радиусом я провела изогнутой чертой через следующие созвездия: начинается он от восьмого градуса Рака, все тело которого он пересекает в длину, идет к груди и брюху Льва, оттуда к плечу Змееносца, затем к голове Лебеда, затем к копытам Лошади⁹³⁵ и далее к правой руке Андромеды, затем к левой ноге Персея и его же левому плечу, оттуда к обоим коленам Возничего и сразу же к головам Близнецов, от которых обратно к восьмому градусу того же Рака.

(829) Наконец, круг равноденствия отмеряется двояко и строится с помощью линии, идущей от крайнего полюса как к Овну, так и к Весам; этот круг замыкается, проходя через следующие созвездия: от восьмого градуса Овна через все его тело к согнутой ноге Тельца, оттуда к середине живота Ориона, затем через верхний изгиб Гидры, Чашу и Ворона к восьмому градусу Весов между двух ярких звезд этого созвездия, оттуда к двум коленам Змееносца и после этого через Орла к голове Пегаса, от которой обратно к восьмому градусу Овна.

(830) Что же касается круга зимнего солнцестояния, то мы подобным же способом — с помощью точки, установленной в созвездии Козерога — определили, что он проходит через следующие созвездия: от восьмого градуса Козерога через все его тело к стопам Водолея, оттуда к кончику хвоста Кита, а отсюда к Зайцу и передним лапам Собачки⁹³⁶, оттуда через Арго и спину Кентавра к жалу Скорпиона, затем через

⁹³³ См. прим. 929.

⁹³⁴ Созвездие Геркулеса. Здесь Марциан Капелла называет его *Engonasin* (от греч. ἐν γόνασιν «на коленях»), в следующих параграфах для его обозначения используется преимущественно латинское название *Nixus* «Коленопреклоненный».

⁹³⁵ Созвездие Пегаса.

⁹³⁶ Созвездие Большого Пса.

наконечник Стрелы⁹³⁷ этот круг возвращается к восьмому градусу Козерога.

(831) Последний из параллельных кругов, который называется антарктическим, заключает в себе столько же пространства, что и септентриональный. Я могла бы упомянуть о его движении и о звездах, которыми он украшен (ибо ни одна область небесной сферы не является для меня неизвестной), но, поскольку он простирается в края, неведомых взорам людей из верхнего полушария, я не стану говорить об этом, дабы не показалось, что подобный непроверенный рассказ содержит в себе примесь обмана.

(832) Лучше мы поведаем о колюрах, которые, хотя и скрывают часть своего изгиба и не являют себя целиком взорам людей, в то же время могут быть описаны в той мере, в которой мы не заблуждаемся в наших предположениях. Итак, первый из них тот, который берет начало в точке равноденствия и, отправляясь от восьмого градуса Овна, касается дальнего угла Треугольника и далее касается макушки Персея и его правой руки, следом рассекает руку и, миновав септентриональный круг, достигает вершины небосвода. От нее, проходя через хвост Дракона к левой стороне Стража Медведицы⁹³⁸ и следом к звезде Волопаса⁹³⁹, он касается правой, потом левой стопы Девы, где находится восьмой градус Весов; оттуда к правой руке Кентавра, которой он удерживает Пантеру; недалеко от того места, где он касается левого копыта Кентавра, он прерывается, нисходя в область незримого для нас полушария. Показавшись снова внизу от Кита, он проходит вдоль его тела и обращенной назад шеи к голове и оттуда возвращается к восьмому градусу Овна. (833) Второй же колюр, который также называют тропическим, восходит от восьмого градуса Рака к левой передней лапе Медведицы⁹⁴⁰ через ее же грудь и затылок, затем достигает вершины небосвода и оттуда, проходя через зад Малой Медведицы, затем через Дракона, левое крыло и шею Лебеда, касается кончика острия Стрелы и затем клюва Лебеда, от которого нисходит к восьмому градусу Козерога; недалеко оттуда погрузившись в незримую область, снова восходит внизу от Арго и, рассекая его кормило и прямую корму, возвращается к восьмому градусу Рака.

(834) Нет сомнений, что остаются еще те два круга, которые, как я упоминала выше, называют наклонными. Один из них, зодиакальный, не таков, как прочие, изображенные мною как линии, но признается самым широким из всех. Различая в нем двенадцать промежутков, я не

⁹³⁷ В созвездии Стрельца.

⁹³⁸ Созвездие Волопаса.

⁹³⁹ Арктур.

⁹⁴⁰ Созвездие Большой Медведицы.

без основания разделила каждый из них на тридцать градусов; кроме того, я растянула этот круг на двенадцать частей в ширину таким образом, чтобы его ширина вмещала в себя расстояние, соответствующее двенадцати градусам длины. Почему это было сделано таким образом, будет легко объяснить в том месте, где я начну говорить о Солнце⁹⁴¹, которое одно⁹⁴² движется вдоль срединной линии этого круга. (835) Нет сомнений, что периметр этого круга проходит через двенадцать весьма ярких созвездий. Млечный Путь, в свою очередь, определяется не столько с помощью расчетов, сколько с помощью глаз: его ширина порой превышает норму, по большей же части оказывается недостаточной, что возмещается его шириной на промежутке от созвездия Кассиопеи до жала Скорпиона. (836) Остается только круг горизонта, который, будучи всегда различным в силу переменчивости восходящего и нисходящего небосвода, не может придерживаться определенного порядка созвездий.

(837) Теперь будет правильным рассказать о том, какое расстояние содержат в себе естественные промежутки между всеми этими кругами. Итак, от септентрионального круга, который я поделила на восемь частей, до круга летнего солнцестояния столько же, сколько в пропорции между восемью и шестью⁹⁴³: таким образом, поскольку этот промежуток также состоит из подобных частей, выходит, что больший круг отстоит от предыдущего на такую же величину и ее третью долю. Другой интервал, между кругом летнего солнцестояния и кругом равноденствия, меньше предыдущего промежутка в пропорции четырех к шести⁹⁴⁴. От круга равноденствия до круга зимнего солнцестояния подобное же расстояние, а от круга зимнего солнцестояния до южного круга — такое же, как и то, что разделяет септентриональный круг и круг летнего солнцестояния; сам южный круг отстоит от своего полюса настолько же, насколько септентриональный.

⁹⁴¹ В ориг.: *Sol*.

⁹⁴² В ориг.: *solus*.

⁹⁴³ Автор имеет в виду, что, если мы возьмем за единицу измерения одну восьмую часть расстояния между полюсом и септентриональным кругом, то расстояние между септентриональным кругом и кругом летнего солнцестояния будет равняться шести таким частям.

⁹⁴⁴ Получается, что расстояния от полюса до септентрионального круга, от септентрионального круга до круга летнего солнцестояния и от круга летнего солнцестояния до круга равноденствия находятся в пропорции 8 : 6 : 4. Таким образом, каждый из этих промежутков (в указанном порядке) соответствует 40°, 30° и 20° окружности земной сферы. Гемин (Gemin. 5, 46) называет другое отношение расстояний, равное, соответственно 36°, 30° и 24°. Как отмечает А. Ле Бефль, при делении окружности земной сферы Марциан Капелла использует «египетско-герметическую» систему измерения, берущую за единицу 1/72 окружности (5°), в отличие от Гемина и других античных авторов, прибегающих к «халдео-эллинской» системе, в которой единицей является 1/60 окружности (6°).

(838) Вкратце рассказав о кругах и расстояниях между ними, теперь перечислим те звезды, которые называют неподвижными. Нет сомнений, что весь небосвод освещен тридцатью пятью созвездиями, если только кто-нибудь не пожелает присовокупить сюда их ношу, обозначаемую именами животных: Козу⁹⁴⁵, которую держат на спине Возничий, и расположившихся на его плечах Козлят⁹⁴⁶; Змею в руках Змееносца; Пантеру, несомую Кентавром — все те созвездия, которые следует рассматривать как части главных. Итак, эти тридцать пять созвездий разделяются пролегающей между ними зодиакальной окружностью на северные и южные: те, что изображаются с той стороны Зодиака, которая обращена к Септентрионам, именуется северными, а расположенные ниже причисляются к южным. К северной части, таким образом, относятся два Септентриона, Дракон, который, извиваясь, скользит между ними, Арктур, которого иные зовут Волопасом, Венец Ариадны, Геркулес, которого иные именуют *Коленопреклоненным*, Лира, Лебедь, Цефей, Кассиопея, Персей, Треугольник, Возничий, Андромеда, Пегас, Змееносец, Дельфин, Орел и Стрела. Южные созвездия следующие: Гидра, Чаша, Ворон, Прокцион⁹⁴⁷, Орион, Собачка, Заяц, Эридан, который берет исток у стопы Ориона, Кит, Кентавр, корабль Арго, Южная Рыба, Балдахин⁹⁴⁸ и Алтарь. Ибо Воду, вытекающую из чаши Водолея, я предпочитаю считать частью созвездия, звезду же, которую некоторые называют Канопом, некоторые — Птолемеем, и которая, будучи невидима в верхних областях, впервые является в окрестностях Александрии, я буду рассматривать как часть реки Эридана. (839) Их разделяет Зодиак, который состоит из двенадцати равных частей, но созвездий имеет одиннадцать. Ибо Скорпион туловищем своим занимает собственное пространство, а клешнями — пространство Весов. Верхнюю часть последнего занимают ступни Девы, большую же часть Скорпион; по этой причине некоторые из греков называют Клешнями то созвездие, которое мы зовем Весами. Об именах двенадцати созвездий я умолчу, поскольку они общеизвестны.

(840) Я сознаю, что теперь, соблюдая порядок, я должна была бы указать, в каких кругах и областях расположены те или иные созвездия. Однако этому требовалось бы посвятить значительную часть рассказа в ущерб желанной для нас краткости, поэтому — учитывая, что некоторые созвездия оказываются разделенными надвое или натрое, так что разные члены их разнесены по различным кругам — я оставляю этот темный и туманный предмет. Упомяну только, обойдя вниманием все прочее, что правая рука Арктура находится внутри септентрионального круга, в то время как остальное его тело считается принадлежащим к другой части; тело Цефея разделяется посередине груди

⁹⁴⁵ Капелла, а Возничего.

⁹⁴⁶ Е, ζ и η Возничего.

⁹⁴⁷ Созвездие Малого Пса.

⁹⁴⁸ Созвездие Южной Короны.

таким образом, что разные его части относятся к разным кругам; Геркулес, левой стопой попирающий макушку находящегося в септентриональном круге Дракона, головой достигает круга летнего солнцестояния и одной рукой тянется к Лире, другой — к Венцу; и прочее в том же роде, столь же тягостное, сколь и дотошное.

(841) Лучше следует обратить внимание на то, при восхождении каких созвездий появляются или заходят другие. Так, при появлении Рака заходят Венец Ариадны, половина Южной Рыбы, Змееносец от стоп до плеч и Змея, которую он держит, за исключением пасти и всей головы, а также половина Волопаса; появляются же Орион целиком, начало Эридана и яркая звезда на языке Собачки⁹⁴⁹. Когда появляется Лев, скрывается оставшаяся часть Венца, Южная Рыба и части Змееносца, Змеи и Волопаса, а также Орел и правая часть Геркулеса; появляются же голова Гидры, Заяц, Процион и первая часть Собачки. При появлении Девы заходят Лира, Дельфин и Стрела, а также большая часть Лебеда, конец Эридана и голова и шея Пегаса; появляются же передняя часть Гидры до самой Чаши, Собачка целиком и корма корабля Арго. (842) При восхождении Весов заходят оставшиеся части Пегаса и Лебеда, голова Андромеды, плечи Цефея, Кит и изгиб реки Эридана; появляются половина Венца, правая стопа Геркулеса, Волопас, оставшаяся часть Гидры, кроме кончика хвоста, и часть Кентавра, изображающая своей формой коня. При рождении Скорпиона заходят оставшаяся часть Андромеды, а также та часть Цефея, что находится за септентриональным кругом, Кассиопея и часть Ориона; в это же время появляются Венец Ариадны целиком, голова Змееносца, все тело Геркулеса, за исключением левой руки, кончик хвоста Гидры и Кентавр целиком, за исключением передних ног. При рождении Стрельца скрываются Орион, Собачка и ступни Возничего, появляются же Змееносец целиком, левая рука Геркулеса, Лира, голова и плечи Цефея и передние ноги Кентавра. (843) При появлении Козерога заходят Возничий целиком, его Коза и Козлята, левая часть Персея, корма Арго и Процион; напротив, появляются Лебедь, Орел, Стрела и Алтарь. При появлении Водолея заходят лошадиная часть Кентавра и голова Гидры; появляется также и конь Пегас. После появления Рыб заходят Гидра целиком, оставшаяся часть Кентавра и Чаша; кроме того, появляются правая часть Андромеды и Южная Рыба. При появлении созвездия Овна заходят ноги Кентавра и Алтарь; появляются же левая часть Андромеды, голова Персея до самого туловища и Треугольник. При появлении Тельца <...> При появлении Близнецов заходят стопы Волопаса, Змееносец от ступней до самых колен; появляются же оставшаяся часть Кита и левая стопа Ориона.

(844) Следует также иметь в виду разницу между промежутками времени, в течение которых они появляются или заходят. Ибо те созвездия,

⁹⁴⁹ Процион, либо Сириус.

которые восходят в горизонтальном положении и заходят в вертикальном⁹⁵⁰, восхождение имеют более скорое, чем заход; напротив, те, которые восходят вертикальном положении и скрываются в горизонтальном, восходят медленнее. Так, созвездие Рака восходит в вертикальном положении и заходит в наклонном, хотя и искривляется небольшим изгибом в сторону Козерога; он восходит за два часа и двенадцатую часть часа, а заходит за час и одиннадцать двенадцатых: у него разница наименьшая. Лев же восходит за два часа и третью часть часа, а заходит за полтора часа и шестую часть. Дева восходит за два с половиной часа и шестую часть часа — так же, как и Весы, — а заходит за час и третью часть. Скорпион сокращает восхождение и продлевает заход: он восходит за два часа и третью часть, заходит за полтора часа и шестую часть часа. Стрелец восходит за два часа и двенадцатую часть, заходит за час и одиннадцать двенадцатых часа. (845) Напротив, те, которые восходят в горизонтальном положении и заходят в вертикальном, имеют восхождение более краткое, чем заход. К их числу относится созвездие Козерога, которое восходит за час и одиннадцать двенадцатых, заходит за два часа и двенадцатую часть часа. Ближайшее созвездие Водолея восходит за полтора часа и шестую часть часа, заходит за два часа и третью часть часа. Следующее за ним созвездие Рыб восходит за час и третью часть часа, заходит за два с половиной часа и шестую часть часа; Овен сохраняет ту же меру для обоих промежутков времени. Телец восходит за полтора часа и шестую часть часа, заходит за два часа и третью часть часа. Близнецы восходят за час и одиннадцать двенадцатых, заходят за два часа и двенадцатую часть.

(846) Это и есть та неравномерность, которая производит разницу в продолжительности дней и ночей. Ибо когда свет Солнца вступает в начало тех созвездий, которые восходят медленнее, то, по мере того как рождаются следующие созвездия, длительность дня увеличивается⁹⁵¹; заходя же в те созвездия, которые, быстро появившись, медленнее заходят, оно делает дни короткими, а ночи более долгими. Такой порядок даст, наконец, ответ и тем, кто ставит поистине поразительный вопрос, рассуждая следующим образом: если все созвездия Зодиака распределены на равные промежутки и притом необходимо, чтобы на протяжении всех дней и ночей над землей находились шесть созвездий, то все дни и ночи должны были бы быть равными; однако нет сомнений в том, что шесть созвездий находятся сверху и столько

⁹⁵⁰ Имеется в виду наклон плоскости эклиптики, где располагается пояс Зодиака, к плоскости горизонта. Для Северного полушария во время восхождения Девы и Весов и захода Рыб и Овна (см. далее §§ 844-845) этот угол наибольший (в субтропических широтах, откуда вели наблюдения античные астрономы, он приближается к прямому); во время восхождения Рыб и Овна и захода Девы и Весов — наименьший.

⁹⁵¹ Т.е. на протяжении той половины года, когда солнце движется от созвездия Рака к созвездию Стрельца (см. § 845).

же скрываются, а также в том, что дни и ночи неравны и делятся разные промежутки времени (ибо день летнего солнцестояния состоит из четырнадцати целых и одной шестой равноденственного часа⁹⁵², а день зимнего солнцестояния из девяти часов с половиной и третью; зимние ночи, в свою очередь, увеличиваются до длительности летнего дня, а протяженность светлого времени соответствует летней ночи): из такого различия и неодинаковости промежутков времени делается, разумеется, вывод о том, что созвездия следует считать неравными. (847) Подобное заключение опровергается как действительным положением дел, так и установленным мною законом, ибо с помощью установки множества клепсидр⁹⁵³ было доказано, что все созвездия содержат равные промежутки. Что же касается того, что они имеют различное время восхождения и захода, то, уравнив все их восхождения и заходы, ты увидишь, что их меры, будучи сопоставлены, оказываются соответствующими друг другу. (848) Впрочем, устранив этот вопрос, мы сталкиваемся с другим, более тонким возражением, касающимся неравенства промежутков. Нам говорят: если промежутки созвездий равны, то либо Солнце проходит некоторые созвездия с замедлением, либо подсчет, указывающий на разное количество дней, неверен. Однако известно, что Солнце проходит созвездие Близнецов за тридцать два дня, а созвездие Стрельца за двадцать девять дней, и прочие созвездия тоже либо приобретают, либо теряют некоторую долю: этого, несомненно, не происходило бы, если бы Солнце двигалось с одинаковой скоростью и промежутки созвездий имели равную протяженность. Но Солнце совершает путь с одной и той же постоянной скоростью, и не остается ничего, кроме как признать неравенство промежутков созвездий. (849) Впрочем, вопрос этот порожден укоренившимся заблуждением. Ибо по сей день все убеждены в том, что, подобно тому как Земля представляет собою центр космоса и предельной сферы, она является также и центром солнечной орбиты. Нет сомнений в том, что это совершенно неверно: различны как протяженность небесного периметра и срединной орбиты⁹⁵⁴, так и те центральные точки, вокруг которых они обращаются. Вследствие этого получается, что Земля не является серединой солнечной орбиты, но должна рассматриваться как лежащая вне ее центра⁹⁵⁵. Временами траектория солнечной орбиты снижается, приближаясь к Земле, затем таким же образом удаляется в зависимости от ее положения относительно со-

⁹⁵² Равноденственный час равен одной двенадцатой продолжительности дня весеннего или осеннего равноденствия, т.е. одной двадцать четвертой части суток. Следует отличать равноденственный час от «обычного часа» (*hora vulgaris*, cf. Plin. n. h. II 99, 213), длительность которого изменялась в течение года в зависимости от продолжительности светового дня и ночи.

⁹⁵³ См. § 860 и прим. 965.

⁹⁵⁴ Т.е. солнечной, которая считалась четвертой из семи планетарных орбит, см. прим. 962.

⁹⁵⁵ См. § 855.

звездий. Несмотря на то, что Солнце сохраняет равновесие с точки зрения ширины и движется ровно посередине линии Зодиака, смещение его пути является причиной понижения и повышения солнечной орбиты. Ибо кто усомнится в том, что Рак и Близнецы возносятся словно бы в высоту небосвода, а Стрелец и Козерог, напротив, в силу определенного отклонения снижаются? Причина в том, что, хотя сам Зодиак и прикрепленные к небу созвездия во всех направлениях удалены от Земли на равное расстояние, проходящая внутри солнечная орбита то повышается, то снижается: отсюда и возникает впечатление, что Солнце проходит созвездия за разное количество дней.

(850) Наш краткий рассказ об устройстве небесных созвездий и кругов завершен. Теперь я буду говорить об орбитах планет. Последние Стратон⁹⁵⁶ именует не *планетами*, а *планонтами*⁹⁵⁷ — не из-за их блужданий (ибо они движутся по тем же законам, что и солнце, и не терпят никакого произвольного блуждания), но оттого, что многообразная переменчивость их движения смущает разумение смертных. Хотя они и получили свои обозначения в соответствии с собственными боже-ствами, их называют также и другими именами: (851) так, Сатурн имену-ют Феноном, Юпитер — Фаэтоном, Марс — Пирознтом, Венеру — Фосфором, Меркурий — Стильбоном⁹⁵⁸, а Солнце и Луну различные племена наделили бесчисленным множеством прозвищ. Важнейшее различие между неподвижными звездами и названными семью светилами следует видеть в том, что первые движутся только вместе с вращающимся небом, сохраняя при этом свое собственное положение, последние же влекомы как силою космоса, так и свойственными им са-мим движениями. (852) Ибо они стремятся за различные промежутки времени наверстать то расстояние, на которое их относит назад вра-щение дня и ночи, — или за месяц, как Луна, или за год, как Солнце, или за тридцать лет, как Сатурн, и прочие за промежутки времени, со-ответствующие величине или краткости тех расстояний, которые они проходят по орбите. (853) Хотя все эти светила и представляются дви-жущимися на восток, они совершают свой путь наперекор небосводу не по прямой линии, а под углом, через неподвижные созвездия Зоди-ака; в противном случае небосвод не мог бы устоять вопреки обратном-у движению собственных частей. Учение перипатетиков утверждает даже, что указанные светила вовсе не движутся наперекор небосводу, но лишь уступают ему в скорости, будучи не в силах за ним угнать-

⁹⁵⁶ Стратон из Лампсака (340–268 г. до н.э.) — философ и физик, ученик Ари-стотеля и учитель астронома Аристарха Самосского. Автор многочисленных сочинений, среди которых — трактат «О небе».

⁹⁵⁷ Греч. *πλανήτης* «блуждающий» > «блуждающая звезда, планета»; *πλανῶντες* (активное причастие от глагола *πλανάω*) «вводящие в заблуждение».

⁹⁵⁸ Греч. *Φαίωων* «Светящийся», *Φαέθων* «Сияющий», *Πυρόεις* «Огненный», *Φωσφόρος* «Светоносный», *Στίβων* «Блещающий».

ся. Даже если это и так, это не сможет нарушить моих расчетов. И в том случае, если Сатурн, состязаясь в исключительной скорости с небосводом, отстает от него на ничтожную дистанцию, а Луна, шествуя медленнее, оказывается в той же части небосвода по прошествии тридцати дней; и в том случае, если они движутся наперекор небосводу и Луна оказывается быстрее, так как она обходит периметр неба за более короткий промежуток времени, а Сатурн медленнее из-за величины своей протяженной орбиты, — и первое, и второе не противоречит моему правилу, ибо движение их руководствуется присущими им самим законами. (854) Далее, каждому из этих семи светил присуще как единое общее движение, поскольку все они стремятся к востоку, так и некоторое особое, поскольку все они различаются в отношении сроков и частных обстоятельств движения. А именно, пяти светилам из числа упомянутых свойственны стояния и попятное движение; Солнце и Луна, напротив, устремлены в одном постоянном направлении. Кроме того, последние два светоча поочередно скрываются, претерпевая затмение, пяти же светилам затмения неведомы⁹⁵⁹. Три из них, кроме того, вместе с Солнцем и Луной движутся по орбите вокруг Земли, а Венера и Меркурий вокруг Земли не вращаются.

(855) Следует знать не только общее правило, заключающееся в том, что Земля является эксцентрической по отношению ко всем планетным орбитам (это означает, что она не находится в середине этих орбит, которая, без сомнения, и является их центром), но и еще одно общее для всех семи свойство. Оно заключается в том, что, в то время как небосвод кружится в единообразном вращении по одной и той траектории, планеты ежедневно переменяют как свое место, так и расположение относительно небесных кругов, поскольку ни одно из этих светил не восходит на том же месте, откуда оно появилось накануне. (856) Если это так, то нет сомнений, что Солнце имеет сто восемьдесят три орбиты, по которым оно то нисходит от летнего солнцестояния к зимнему, то отсюда же движется вверх к линии летнего солнцестояния: ибо оно совершает этот путь с одними и теми же изменениями орбит. И, в то время как Солнце обладает вышеназванным числом орбит, у Марса их вдвое больше⁹⁶⁰, для звезды Юпитера это число возрастает в двенадцать раз, а Сатурн проходит то же число орбит (их также называют параллелями), умноженное в двадцать восемь раз. Все они

⁹⁵⁹ В античности были известны затмения других небесных тел: так, Аристотель (Aristot. cael. 292 а 3–6) упоминает о затмении Марса Луной.

⁹⁶⁰ Марс имеет период обращения, равный двум земным годам, поэтому за время совершения полного круга по эклиптике он совершает, с точки зрения земного наблюдателя, вдвое больше несовпадающих между собой витков вокруг Земли, чем Солнце (один виток Солнца соответствует одному обращению Земли вокруг своей оси, то есть одним земным суткам). Для планет с еще большим периодом обращения (Юпитер, Сатурн) число витков будет, соответственно, возрастать.

осуществляют упомянутые движения вместе с небосводом и вращаются вокруг Земли, совершая восходы и заходы. (857) В свою очередь, Венера и Меркурий, хотя и являют ежедневно восходы и заходы, однако вовсе не обходят в своем круговом движении Землю, но совершают вращение по широкому периметру вокруг Солнца. И, поскольку Солнце является центром их орбит, иногда их путь пролегает выше него, но по большей части ниже и ближе к Земле; от него Меркурий и Венера удаляются на полтора зодиакальных созвездия⁹⁶¹. Когда они находятся выше Солнца, то ближе к Земле оказывается Меркурий, когда ниже Солнца — Венера, так как она огибает более широкую и протяженную орбиту. (858) О Луне, которая находится ближе всего к Земле, и о поворотах, совершаемых ею при движении, я упомяну ниже. За ее орбитой одни помещают Меркурий и Венеру, другие, споря с ними, — орбиту самого Солнца⁹⁶². Затем следуют орбиты Марса, Юпитера и Сатурна, для измерения собственной протяженности которых (что астрономы считают непростою задачей), следует начать рассуждение с одного утверждения Геометрии, с которым она сама выступала в вашем присутствии и которое было также доказано Эратосфеном и Архимедом, — а именно утверждения о том, что окружность Земли составляет че-

⁹⁶¹ Перевод по конъектуре Гроция. Наибольшее угловое расстояние от Солнца составляет для Меркурия 28°, для Венеры 48°; угловой размер одного созвездия Зодиака составляет 1/12 небесной окружности и равняется 30° (ср. § 834).

⁹⁶² Астрономам античности, обычно помещавшим Землю в центр космоса, было известно, что из семи известных «планет» наиболее удаленной является Сатурн, за орбитой которого по мере приближения следуют орбиты Юпитера и Марса, а самой близкой к Земле является орбита Луны. Такой вывод делался из длительности периода видимого обращения перечисленных небесных тел вокруг Земли: около тридцати лет для Сатурна, около двенадцати лет для Юпитера, около двух лет для Марса, около двадцати семи суток для Луны. В то же время особенности движения внутренних планет (Меркурия, Венеры) и Солнца находили объяснения в различных моделях, предполагавших различную последовательность орбит. Так, у Платона (*Plat. Tim.* 38d) планеты располагаются в следующем порядке от Земли: Луна, Солнце, Венера, Меркурий. Согласно другой точке зрения, которую излагают, в числе прочих, Гемин (*Gemin.* 1, 24–30), Клавдий Птолемей (*Ptol. alm.* IX 1), а также Цицерон (*Cic. ger.* VI 17; *div.* II 91) и Витрувий (*Vitr.* IX 1, 5), Солнце находится на четвертой орбите и предшествует Марсу. Макробий связывает последнюю модель с халдейской традицией, в то время как платоновский порядок имеет, по его мнению, египетское происхождение (*Macr. somn.* I 19, 1–2). «Халдейского» порядка — Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн — придерживается и Марциан Капелла в рассказе о небесном восхождении Филологии (§§ 169–197). В восьмой книге, однако, Марциан Капелла описывает несколько иную модель — восходящую, как считается, к ученику Платона Гераклиду Понтийскому, — согласно которой Меркурий и Венера вращаются не вокруг Земли, а вокруг Солнца, в связи с чем взаимное положение этих небесных тел может изменяться (§ 857).

тыреста шесть тысяч десять стадиев⁹⁶³. Исходя из этого, посредством не подлежащих сомнению расчетов можно доказать, что орбита Луны имеет в сто раз большую длину; также обнаруживается, что эта орбита в шестьсот раз больше самой Луны. (859) Эти две пропорции находят-ся при помощи правильного измерения величины тени, которую во время повторяющихся солнечных затмений отбрасывает находящаяся внизу Луна, и сопоставления этой тени с размером самой Луны. Если это не будет утомительным, я покажу, каким образом я провела эти измерения.

Неоднократно случалось так, что затмение Солнца, происходившее в поясе Мероз, покрывало тенью ее диск целиком со всех сторон, однако в близком поясе Родоса затмение было частичным, а в поясе Борисфена⁹⁶⁴ Солнце светило целиком и никакая часть его не была закрыта. Отсюда — поскольку не является тайной, сколько стадиев содержит в себе пояс Родоса, — я обнаружила, что тень, произведенная Луной, содержит в себе восемнадцатую часть Земли. Поскольку же предмет, отбрасывающий коническую тень, больше самой тени, то из расположения тех поясов, в которых Солнце затенялось частично, справа или слева, следовало, что сама Луна втрое больше собственной тени. Таким образом, в результате вышеназванных рассуждений был сделан вывод о том, что Луна оказывается в шесть раз меньшей, чем земная окружность. (860) При этом Луна в шестьсот раз меньше собственной орбиты, что доказывается при помощи клепсидр. Поставь медный сосуд и, когда она взойдет целиком, убери первый сосуд и подставь второй — до тех пор, пока она не появится вновь на следующую ночь. Включив в длину орбиты и те доли, которые она прошла, и сам размер Луны (ибо нет сомнений, что он также принадлежит к орбите), ты обнаружишь, что уровень воды вырос в шестьсот раз, откуда можно сделать вывод о том, что и ее орбита во столько же раз больше⁹⁶⁵. Следовательно, если

⁹⁶³ В § 596 Марциан Капелла приводит другую цифру — 252 000 стадиев.

⁹⁶⁴ Борисфен (*Βορυσθένης*) — античное название р. Днепра. Подробнее о географических поясах см. § 876.

⁹⁶⁵ В некоторых рукописях в текст § 860 включено более подробное описание этого эксперимента с клепсидрами (водяными часами), заимствованное из глоссы Ремигия; содержание последней восходит, в свою очередь, к «Комментарии на сон Сципиона» Макробия (Macr. somn. I 21, 12–21). Это описание следующее (перевод по тексту, приведенному в критическом аппарате издания Уиллиса): «Это можно понять с помощью клепсидр. Взяв два литых медных сосуда, помести внизу один, пустой, вверху другой, наполненный водой. Наблюдай за восходом Луны и какой-нибудь неподвижной звездой, восходящей одновременно с ней. Как только верхняя часть Луны впервые покажется над горизонтом, быстро открой отверстие верхнего сосуда, наполненного водой, чтобы одновременно с началом восхода Луны воды начала течь в нижний сосуд и текла до тех пор, пока Луна не покажется целиком. Когда же Луна целиком покажется над землей, тотчас убери первый сосуд, в который текла вода, и поставь другой, в который

в сравнении с самой Луной Земля в шесть раз больше, а ее орбита в шестьсот, очевидно, что лунная орбита в сто раз больше Земли.

(861) Показав это, рассмотрим и другие орбиты. Кто усомнится в том, что солнечная орбита в двенадцать раз больше лунной, если тот путь, который она совершает за месяц, оно проходит за двенадцать? Орбита Марса оказывается превосходящей ее в двадцать четыре раза, Юпитера — в сто сорок раз, Сатурна — в триста тридцать шесть раз. Исходя из этого, продолжая усердные вычисления, можно выяснить, сколько стадиев содержит орбита Сатурна и какую ее часть составляет вся Земля. А именно, если орбита Луны в сто раз больше Земли, а орбита Сатурна в триста тридцать шесть раз больше лунной, то, следовательно, орбита Сатурна больше всей Земли в тридцать три тысячи шестьсот раз.

(862) Теперь давайте рассмотрим движение Луны, находящейся в наибольшей близости к Земле. Физики с уверенностью утверждают, что свет ее длится в течение месяца; даже если это так, нет сомнений в том, что круг ее всегда полный. Ибо если с той стороны, которую она подставляет Солнцу, все ее полушарие освещено, то и на тридцатый день, когда она не являет нам никакого света, верхняя ее часть, обращенная к Солнцу, сияет в полном блеске. Удаляясь от Солнца, она сперва становится видима с бока, затем постепенно приобретает освещенность также и с нижней стороны, пока, расположившись напротив, не оказывается освещенной с той стороны, которая видна нам. (863) Причина в том, что солнечный блеск огибает ее шар со всех сторон и одаривает светом ту ее часть, которая в данный момент обращена к Солнцу целиком. Лучи этого света достигают также и Земли, как если бы некто воспринимал образ светильника, преломленный в зеркале. Когда Луна получает этот свет в начале своего восхождения, она оказывается скрытой; когда же удаляется от него на закате, то начинает светиться. (864) Первая форма этого свечения, изогнутая и с некими как будто бы рожками, называется *месяцевидной*. Когда же она отходит на девяносто градусов от Солнца и тот же луч освещает ее диск до середины, она именуется *половинной*. Когда к вышеназванным градусам прибавляются еще сорок пять, она именуется *двояковыгнутой*, то есть большей, чем половинная, но меньшей, чем полная. Когда же она отходит от Солнца на сто восемьдесят градусов и располагается с противоположной стороны, целиком освещая ту свою

вода должна течь до тех пор, пока не взойдет снова та звезда, которая прошлой ночью восходила вместе с Луной, и, когда ее восход совершится, утери верхний сосуд, из которого стекала вода. Затем, измерив количество воды, которая стекла на протяжении двадцати четырех часов, соотнеси его с количеством воды, которая натекла в первый сосуд вначале, во время восхождения Луны. Ты обнаружишь, что количество воды увеличилось в шестьдесят раз. Нет сомнений, что это же происходит и с орбитой Луны». У самого Макробия данная процедура применяется для измерения размеров зодиакальных созвездий (ср. § 845).

часть, что обращена к Земле, то именуется *полной Луной*. После этого, убывая, она сохраняет упомянутые ранее наименования фаз. За день и ночь она проходит тринадцать градусов собственной орбиты, в то время как, в соответствии с протяженностью преодолеваемых ими орбит, Марс за этот же промежуток времени проходит половину градуса, Юпитер — двенадцатую часть, а Сатурн — двадцать восьмую часть одного градуса. (865) Весь Зодиак целиком Луна обходит за двадцать семь дней и две трети. В то же время Солнце она настигает за двадцать девять дней и полсутки: это происходит позже по той причине, что, пока она завершает свой круг, и само Солнце также смещается с того места, где оно дало ей свой свет, и обнаруживается в следующем созвездии или даже через одно. В самом деле, если она получила свет в последнем градусе Весов, Скорпиона или Стрельца, то она настигнет его не в следующем созвездии, а через одно; и если упомянутые три созвездия оно иногда успеваает пройти насквозь, то противоположные им оно зачастую посещает дважды. В самом деле, поскольку Солнце задерживается в них на тридцать дней, а в Близнецах — на тридцать два, то Луна, которая настигает его за двадцать девять с половиной дней, несомненно сможет обнаружить его там же. (866) Полноты сияния Луна достигает иногда за четырнадцать дней, иногда за пятнадцать, нередко за шестнадцать, при том условии, что это будет возмещено при убывании. Так, если сияние стало полным за четырнадцать дней, то потеряет она его пятнадцать дней — так, чтобы число дней получилось неизменным. Свой год она завершает за триста пятьдесят четыре дня, ибо за это количество дней происходят двенадцать ее соединений с солнцем. Поэтому получается, что солнечный год на одиннадцать дней длиннее, что возмещается разнообразными вставками.

(867) Поведаем о градусах широты, через которые совершает путь Луна. Я сообщала выше, что в Зодиаке двенадцать градусов широты, внутри которых различным образом перемещаются планеты. Иные отклоняются на три градуса, иные на четыре, иные на восемь, а некоторые на все двенадцать. Солнце движется ровно посередине, не отступая ни на один градус, за исключением области Весов, ибо там оно отклоняется на юг или на север почти на половину градуса. Луна же, проходя через все двенадцать градусов, то поднимается к северу, то понижается, перемещаясь к югу, отклоняясь в каждую из сторон на шесть градусов; это подтверждает также и Гиппарх. (868) Для ее извилистого пути установлено особое название: он именуется *винтообразным*. Форма его такова, что, поднимаясь и повышаясь, она пересекает под острыми или широкими углами ту самую солнечную линию, которая, как я показала, находится посередине и отстоит от обоих краев на шесть градусов. При этом возвратиться на то же место (то есть к тому положению, в котором она находится), и оказаться в той же фазе того же месяца в том же градусе широты по отношению к Солнцу, она может не раньше, чем через двести тридцать пять месяцев, то есть через девятнадцать лет. Для того, чтобы она в тот же день вернулась

в то же положение относительно соседних неподвижных звезд, нужны пятьдесят пять лет. Для того, наконец, чтобы то же ее положение совпало с одинаковой конфигурацией планетарных светил, требуется продолжительность Великого Года⁹⁶⁶. (869) Когда Луна, пересекая солнечную линию, поднимается к северу, она зовется *восходящей в высоком положении*; когда она возвращается с севера к солнечной линии, она называется *нисходящей в высоком положении*; когда она снижается от солнечной линии к югу — *нисходящей в низком положении*, когда затем она, возвращаясь, поднимается к Солнцу — *восходящей в низком положении*. Эти подъемы и снижения и производят затмения обоих светил. Так, когда Луна, поднимаясь или снижаясь, совпадает с солнечной линией, то, если это происходит на тридцатый день, то есть когда она целиком находится под Солнцем, она производит на Земле затмение Солнца. Ибо своим телом она бросает тень на часть Земли, расположенную под ней, в то время как в остальной части Земли, поскольку она не закрыта, продолжает светить Солнце. Причина того, что она производит эти затмения не каждый месяц, состоит в том, что не всегда на тридцатый день она оказывается прямо на солнечной линии, но часто минует ее, располагаясь выше или ниже, и вследствие этого не может служить препятствием.

(870) Сходным образом затмение Луны случается тогда, когда Луна находится с противоположной стороны, то есть на пятнадцатый день: оказавшись на той же линии Солнца, она погружается во тьму из-за конической тени Земли. Ибо Солнце заставляет Землю отбрасывать тень вдоль собственной линии, и, если туда заходит тело Луны, то, будучи не в состоянии видеть свет Солнца из-за препятствующей Земли, она, лишившись привычного освещения, становится черной; в прочих же случаях, находясь в более высоком или более низком положении зодиакальной широты, она сияет образом полного света. (871) Причина того, что в течение шести месяцев затмения не могут происходить дважды, состоит в том, что Луна, проходя через двенадцать градусов широты, не может вновь оказаться на линии Солнца на пятнадцатый или на первый день лунного месяца. Поэтому если, возвращаясь к Солнцу с севера и находясь поблизости, она не производит затмения, то говорят, что она совершает *параллакс в схождении*. Если, минуя его в движении с северной стороны, она сходится с ним и производит⁹⁶⁷ затмение, то говорят, что она совершает *нисходящее затмение в северном схождении*. Если она получает свет, двигаясь с юга и не производя затмения, то говорят, что она совершила *параллакс в южном*

⁹⁶⁶ Оценки продолжительности «Великого Года», т.е. периода, в течение которого все семь планет возвращаются к прежнему взаимному расположению (Plat. Tim. 39d; Cic. n. d. II 51–52), в античности существенно различались: от 600 лет у Иосифа Флавия (Ios. Fl. ant. Iud. I 3, 9) до 6570000 лет у Диогена Вавилонского (Stob. I 8, 42c).

⁹⁶⁷ В части рукописей и издании Дж. Уиллиса: *nec obsistit* «и не производит затмения».

схождении. Если же, двигаясь с юга к солнечной орбите, она затмевает Солнце, то говорится, что она совершила *восходящее схождение*. Эти несходные явления Луны смущают смертных своим многообразием.

(872) Солнце, которое, как мы сказали⁹⁶⁸, движется двояким образом (ибо оно, с одной стороны, увлекаемо небосводом от востока, с другой стороны — описывает свою собственную окружность под углом наперекор небосводу), в той части, в которой оно вращается вместе с небосводом, ежедневно переменяет линию своего восхода. Поскольку же все траектории, по которым оно вращается, мы называем орбитами, то нет сомнений в том, что их насчитывается сто восемьдесят три. Нисходя от Рака, оно движется по ним до круга зимнего солнцестояния; поднимаясь от зимнего к летнему солнцестоянию, оно вновь вращается по ним же. Дважды пересекая Зодиак, эти орбиты всегда проходят через противоположные созвездия. Так, первая орбита Овна — это и первая Весов, точно так же и вторая, и тридцатая; точно так же первая Тельца — это и первая Скорпиона. Таким образом из трехсот шестидесяти шести частей образуются сто восемьдесят три орбиты, которые мы называем параллельными; они, как я говорила, пересекают созвездия с противоположных сторон в одних и тех же частях. Эти годовые орбиты оно проходит за триста шестьдесят пять дней и третью часть дня⁹⁶⁹ — или стремясь к кругу летнего солнцестояния, или возвращаясь оттуда. (873) Не следует умалчивать о том, что, в то время как существуют два полушария (одно от круга равноденствия на север, другое на юг от того же круга равноденствия), однако Солнце обходит каждое из них за иной срок, чем второе, несмотря на то, что, как я говорила, созвездия с обеих сторон равны. То, которое идет вверх к летнему солнцестоянию, проходит им за сто восемьдесят пять дней и третью часть суток⁹⁷⁰; то, однако, которое идет вниз к зимнему солнцестоянию, — за сто восемьдесят дней. Причиной этому, несомненно, служит то, что Земля, как я сказала, является эксцентрической по отношению к орбите Солнца, и в верхнем полушарии оно поднимается выше, в нижнем — приближается к области Земли. Нет, однако, сомнений в том, что более короткий изгиб оно проходит быстрее, а более протяженный — медленнее. (874) Когда Солнце поднимается к Раку из области равноденствия, оно приносит лето — тем людям, без сомнения, которые живут между кругом летнего солнцестояния и септентриональным кругом. Когда оно спускается от того же Рака к равноденственным Весам, то производит осень. Когда же оно отступает к линии зимнего солнцестояния, то приходит зима по причине того, что при удалении тепла наступает оцепе-

⁹⁶⁸ § 853.

⁹⁶⁹ В большей части рукописей и издании Дж. Уиллиса — *et triente diei* «и третью часть дня». В ряде рукописей — *et quarta diei parte* «и четвертую часть дня», что может быть позднейшим исправлением.

⁹⁷⁰ В половине рукописей — *quadrante* «четвертую часть»; ср. прим. 969.

нение. Напротив, когда оно поднимается от зимнего Козерога к равноденственному Овну, наступает приятная весенняя пора; после этого в Раке вновь начинается жаркое лето. Никто, впрочем, не усомнится в том, что антиподы⁹⁷¹ всегда претерпевают нечто противоположное: лето им приносит Козерог, зиму — Рак, а Солнце, держащееся равноденствия, пронсит умеренность обеим частям.

(875) Я полагаю излишним упоминать о прибавлении и сокращении ночей, ибо ночи зимы пропорционально равны летним дням, а летние ночи — зимним дням, и одна только ночь равноденствия, которая случается дважды в году, равна собственному дню. Когда Солнце движется от весеннего равноденствия к Раку, все дни больше собственных ночей; точно так же от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния дни меньше ночей.

(876) Наименьший день в году — день зимнего солнцестояния, который содержит девять часов, а наибольший, день летнего солнцестояния, содержит четырнадцать; впрочем, это число меняется в зависимости от расположения поясов. Всего поясов восемь: ближе всех к кругу равноденствия пояс Мероэ; следующий после него — пояс Сиены; третий — пояс Александрии, который идет через Кирену до Африки, прилегающей с юга к Карфагену; четвертый и средний из всех — пояс Родоса, который, будучи проведен через середину Пелопоннеса и Сицилию, доходит до устья Бетиса⁹⁷²; пятый — пояс Рима, проходящий через Македонию, а в другой части — через Галлию и Лузитанию спускающийся к Тагу⁹⁷³; далее шестой, проходящий через Геллеспонт, Фракию и область Галлии, пограничную с Германией; седьмой — пояс Борисфена, пересекающий Понтийское море, а в другой части — Германию и Британию; последний находится за Меотийским озером и по сю сторону Рифейских гор.

(877) Таким образом, следует назвать длительность дней в соответствии с поясами. В поясе Мероэ наибольший день содержит тринадцать равноденственных часов, наименьший день одиннадцать; в поясе Сиены наибольший день содержит тринадцать часов, наименьший десять; в поясе Александрии наибольший состоит из четырнадцати часов, наименьший из десяти; в поясе Родоса наибольший — четырнадцать, наименьший — девять; в поясе Рима наибольший — пятнадцать, наименьший — девять; в поясе Геллеспонта наибольший — пятнадцать часов, наименьший — восемь; в поясе Борисфена наибольший — шестнадцать часов, наименьший — восемь; в поясе Рифейских гор наибольший — шестнадцать, наименьший — семь. Затем, по мере того

⁹⁷¹ Об антиподах см. речь Геометрии, §§ 605–606.

⁹⁷² Ныне — р. Гвадалquivир.

⁹⁷³ Ныне — р. Тахо (Тежу).

как ты приближаешься к полюсу, день становится все длиннее, а ночь все короче; из этого следует вывод, что под самим полюсом небесной сферы день продолжается полгода. (878) При этом в каждом из поясов дни возрастают и убывают, и следует знать, что начиная от зимнего солнцестояния дни возрастают следующим образом: в первом месяце прибавляется двенадцатая часть того времени, которое прибавляется к лету, во втором месяце — шестая, в третьем — четвертая, в четвертом месяце — еще четвертая, в пятом — шестая, в шестом — двенадцатая. Очевидно также, что Зодиак, будучи более изогнутым около Рака и Козерога, пересекает круг равноденствия почти по прямой⁹⁷⁴.

(879) До сих пор мы говорили о Солнце; теперь подобает рассмотреть движение планет, и прежде всего тех, которые в своем движении по небосводу обращаются вокруг Солнца. Так, Сильбон совершает свой круговорот⁹⁷⁵ приблизительно за год и, будучи увлекаем попеременно в том и другом направлении, отклоняется⁹⁷⁶ в пределах восьми градусов широты. Орбиты его и Венеры, как мы упоминали выше, представляют собою эпициклы, то есть не имеют окружность Земли в центре собственного периметра, но вращаются некоторым образом в стороне⁹⁷⁷; видимые же периодические восходы и заходы этих планет вызваны тем, что они вовлечены в круговое движение небосвода. (880) Хотя тот же Сильбон, держась поблизости от Солнца, движется по разнообразным орбитам и то шествует впереди, то останавливается или даже возвращается назад, он все же никогда не сможет отклониться от него больше, чем на двадцать два градуса, или удалиться на расстояние двух созвездий⁹⁷⁸. Он отличается разнообразием и переменчивостью форм, ибо совершает и восходы, и заходы, пусть незначительные и краткие по времени. Находясь под определенным углом и будучи вследствие этого свободным от солнечных лучей, он поднимается над горизонтом Земли и являет свой блеск перед появлением сияющего светила. В то же время он никогда не сможет совершить акронический восход⁹⁷⁹. Последний может происходить со светилами, диаметрально противоположными Солнцу: из этого следует, что для него, неспособного удалиться больше, чем на созвездие и незначительную часть следующего созвездия, акронический восход в таком положении

⁹⁷⁴ Наблюдаемое с Земли движение Солнца по эклиптике (и, соответственно, изменение полуденного положения солнца в и продолжительности светового дня) происходит с наименьшей скоростью в точках солнцестояния и с наибольшей — в точках равноденствия.

⁹⁷⁵ Вокруг Земли.

⁹⁷⁶ От видимой солнечной орбиты.

⁹⁷⁷ См. прим. 985.

⁹⁷⁸ См. прим. 961.

⁹⁷⁹ Акронический восход (греч. ἀκρόνυχος «[находящийся] на краю ночи») — появление из-за горизонта звезды или планеты, происходящее непосредственно после захода Солнца, см. § 887.

невозможен. (881) Ему неведом, наконец, и противоположный Солнцу заход. Вечерний его восход⁹⁸⁰ происходит, когда он являет свой ясный и свободный свет после захода Солнца. Таким же образом ему свойственны и два захода: один — когда он, по своему обыкновению, показывается перед Солнцем и меркнет затем в сиянии его лучей; другой — когда он, совершив попятное движение, также оказывается вблизи Солнца и заходит вместе с ним. Свет Солнца не может удаляться от него менее, чем на двадцать градусов; при этом он, хотя и отступает иногда на большее число градусов, все же не может находиться далее второго созвездия⁹⁸¹. Упомянутые затмения и ясные восходы он являет каждый четвертый месяц, однако не всякий раз.

(882) Венера, которую иные именуют Фосфором, была тщательно исследована Пифагором Самосским с его учениками, которые, произведя расчеты, открыли миру ее свойства. Сообщают, что она обходит собственную орбиту приблизительно за год. В течение трехсот и еще нескольких дней она проходит, подобно Луне, двенадцать градусов широты, отступая от солнечного круга на пятьдесят градусов; при этом она не в силах удалиться от него более, чем на сорок шесть градусов⁹⁸². Двигаясь по собственной орбите, она обходит его по сложной и изменчивой траектории: иногда она перегоняет его, иногда следует за ним, не настигая, иногда движется выше, порой находится ниже, не повторяя свой путь ежегодно. (883) Дело в том, что тогда, когда она движется вспять, она замедляется и обходит орбиту больше, чем за годовой оборот; когда, напротив, она движется прямым курсом, то завершает оборот всего за одиннадцать месяцев. Когда она является на рассвете, то зовется Люцифером; когда блещет после заката Солнца — Веспером, или Вечерней Звездой. Она единственная из пяти планет, которая дает тень, подобно Луне, и единственная не отступает перед блеском восходящего Солнца, подолгу оставаясь видимой. В утреннем восхождении она нередко пребывает в течение четырех месяцев, в вечернем — никогда не дольше двадцати дней. Периоды ее видимости и сокрытости возобновляются каждые девятнадцать месяцев.

(884) Пироэнт, или Марсова звезда, находится за Солнцем и также движется по собственной эксцентрической по отношению к Земле орбите, преодолевая ее приблизительно за два года; ширина его

⁹⁸⁰ Под восходом (*ortus*) и заходом (*occasus*) планет здесь подразумевается не только их появление из-за горизонта и погружение за горизонт, но и видимое появление на неба и исчезновение вследствие захода или восхода затмевающего их Солнца.

⁹⁸¹ Вследствие вытянутой формы орбиты Меркурия угол между ним и Солнцем в момент западной или восточной элонгации (наибольшего видимого удаления от Солнца) меняется и может составлять от 18° до 28°.

⁹⁸² Вероятно, имеются в виду наибольшее абсолютное видимое удаление и наибольшее видимое удаление вдоль линии эклиптики. По современным наблюдениям, элонгация Венеры составляет от 46° до 48°.

пути составляет пять градусов. Хотя его, по-видимому, объединяют с двумя выше расположенными планетами общие восходы, заходы, стояния и попятное движение, однако ему ведомы также собственная высота⁹⁸³, собственное стояние⁹⁸⁴ и своя, отличная от прочих апсида⁹⁸⁵. Его высота, то есть точка, в которой его орбита возносится над Землей выше всего, расположена со стороны созвездия Льва. Его отличительным стоянием является первое⁹⁸⁶: располагаясь в непосредственной близости к Солнцу, он ощущает его лучи даже находясь в квадратуре⁹⁸⁷ и останавливается в девяноста градусах по обе стороны от него. Его апсида, точка наивысшего удаления, находится на границе Козерога, а именно в его двадцать девятом градусе.

(885) Животворная звезда Юпитера, будучи правителем всех высших, проходит длину собственной окружности за двенадцать лет, в ширину же его путь простирается на пять градусов. Высота его орбиты находится в Деве, а апсида — в десятом градусе Рака. Его повышения и понижения свидетельствуют, что сама его орбита также эксцентрична по отношению к Земле.

(886) Возвышающееся над всеми светило Фенона, то есть Сатурна, обходит свою орбиту в длину немногим менее, чем за тридцать лет; по широте он движется в пределах лишь трех или даже двух градусов. Высота его орбиты возрастает в созвездии Скорпиона, а его апсида — в двадцатом градусе Весов. Восход его подобен восходу двух более низких планет, ибо за пределами двенадцати градусов их уже не

⁹⁸³ Высота — наиболее отдаленная от Земли точка орбиты, см. прим. 985.

⁹⁸⁴ Стояние (*statio*) планеты происходит в момент изменения направления ее видимого движения от прямого к попятному и наоборот.

⁹⁸⁵ Плиний Старший использует термин «апсида» (греч. *ἀψις*) как синоним «орбиты» (*circulus*) в своем кратком изложении астрономической теории эпициклов во второй книге «Естественной истории» (Plin. n. h. II 13, 63). Согласно этой теории, математический аппарат которой, предложенный около 230 г. Аполлоном Пергским, был разработан применительно к движению небесных тел Гиппархом и Клавдием Птолемеем, неравномерное периодическое движение планет может быть представлено в виде суммы равномерных круговых движений. Таким образом, планета представлялась движущейся по малой орбите (эпициклу) вокруг условной точки, которая, в свою очередь вращается по большой орбите вокруг Земли (деференту). При этом и деферент, и эпицикл представлялись эксцентрическими окружностями, что позволяло с большей точностью объяснить видимое движение планет: следовательно, каждая из этих окружностей должна обладать собственным апоцентром, т.е. точкой орбиты, наиболее удаленной от центра. У Марциана Капеллы под «высотой» планеты подразумевается, вероятно, апоцентр деферента, под «апсидой» — апоцентр эпицикла (ср. Plin. n. h. II 13, 64-65).

⁹⁸⁶ После соединения с Солнцем.

⁹⁸⁷ Под углом 90° от Солнца.

подавляют лучи утреннего Солнца: в таком случае говорят, что они совершают утреннее восхождение. Западное же — это когда они могут показаться после заката Солнца, находясь на удалении в столько же градусов. (887) Есть и другой восход, называемый акроническим, когда при погружении Солнца за горизонт с восточной стороны поднимается ясное светило нарождающейся планеты. Скрываются же они из виду тогда, когда утрачивают блеск собственного света под действием лучей догоняющего Солнца. В ста двадцати градусах они производят утреннее стояние; вслед за этим в ста восьмидесяти градусах, в противостоянии, они совершают вечернее восхождение. Точно так же и с другой стороны, приближаясь на сто двадцать градусов, они совершают вечернее стояние (или второе, как говорят те, кто предыдущее стояние называли первым). На расстоянии же менее двенадцати градусов они подавляются и затмеваются наступающими лучами. Многообразие траекторий и высот всех вышеназванных планет, их стояние, попятное и прямое движение имеют своей причиной сияющее Солнце, которое, ударяя их своими лучами, заставляет перемещаться

ввысь <...>⁹⁸⁸

⁹⁸⁸ Восьмая книга оканчивается лакуной, в которую, вероятно, попала заключительная сцена с участием девы Астрономии.

Книга девятая

О Гармонии

(888) Факелов слабых огонь угасающий видя, Венера
Свадебный поторопить повелевает обряд,
Молвя: «Доколе сие будет длиться? Гимнасиев мудрость
Долго ли будет мешать брачной начаться игре?
Скуки сковано льдом привычное к ласкам Желанье;
Сын мой любезный Амур бледное хмурит чело;
Та, чья забота — венки, украшение брачного ложа,
Милая Флора, в тоске; с ней три Хариты-сестры;
Флейты не слышен напев мелодичный: молчит Мельпомена,
Плектром не тронет давно сладостной лиры своей;
Все, кому должно теперь безмятежно веселью предаться,
Смолкли, ученым речам честь воздавая сполна.
Ни Убежденье⁹⁸⁹, маня, сердца новобрачных не тешит,
Ни Подстрекательница⁹⁹⁰ жалом манящим не жжет;
Та же, кто любит узлов распускать потаенные путы,
Факелом нежным своим рада касаться сердец⁹⁹¹,
Быстрый потупила взор и от ужаса слова не молвит,
В страхе не смея взглянуть мрачной Горгоне в лицо⁹⁹².
Если ж помолвка богов непременно должна быть ученой —
Пусть Каллиопа⁹⁹³ тогда с мудрою песней придет:
Души богов усладив мелодичного голоса звуком,
Скуку развеет она милым напевом своим.
Ибо, признаюсь, от дев я устала не в меру суровых:

⁹⁸⁹ В ориг.: *Suada*, богиня убеждения, у греков — Пифо (*Πειθώ*).

⁹⁹⁰ В ориг.: *Stimula* (ср. *stimulus* «стрекало»), богиня вакхического исступления.

⁹⁹¹ Юнона Цинкция (ср. § 149) или Юнона Пронуба (ср. § 31 и прим. 820).

⁹⁹² Ср. § 572.

⁹⁹³ Ср. § 1.

Нрав их нелепый меня ранит, вгоняя в печаль,
 Может быть, важным речам тебе любо, о Дружка-Юнона⁹⁹⁴,
 Дальше внимать, и чертог звездный не манит тебя,
 Я же не в силах терпеть: к хороводам веселым привычной,
 Вид мне несносен давно хмурых Кекроповых⁹⁹⁵ дев!

(889) После этих слов она слегка запрокинула голову и, отклонившись назад, дала подхватить себя стоявшему за ее спиною Желанию. С речами и рассуждениями ее согласились все полевые боги и все боги, рожденные волнами, а также многие из тех, что блистали небесными светилами. Более всех расгочал хвалы, всегда готовый подтвердить правоту ее слов, Лемниец Мульцибер⁹⁹⁶ — супруг, лишь в ремесленном мастерстве искусный. И так она была прекрасна в своей утомленно откинувшейся позе, и сама усталость так была ей к лицу, что Марс, глядя издали восхищенным и полным томления взором, надломленным голосом похвалил ее, не сумев при этом, как видно было, сдержать глубокого вздоха. Не отставал от него в выражении одобрения и Бромий, и даже сам потомок Атланта настолько поражен был пламенем вождедеющей страсти, что уже хотел было отменить свои распоряжения относительно всех тех последующих церемоний, что должны были способствовать большему украшению свадебного торжества: настолько важным показалось ему не вызвать хоть чем-либо недовольства Венеры. (890) Однако отец всевышних, вопреки вкрадчивым просьбам сестры⁹⁹⁷, также убеждавшей его поторопиться, не пожелал все же лишать свадебное торжество подобающего ему украшения и сокращать в угоду нетерпеливой изнеженности демонстрацию столь великой учености и, не выказывая никакой спешки, задал вопрос о количестве дев, которых еще предстояло выслушать. (891) Делиец ответил, что в числе тех, кто были готовы и ждали своей очереди, были Медицина и Архитектура. «Однако», — сказал он, — «поскольку их заботы касаются смертных предметов, а искусство их посвящено земному, и они не имеют ничего общего с эфиром и горними сферами, то не будет несообразным, если они будут с презрением отвергнуты и сохраняют молчание в небесном сенате; впоследствии же сама дева подвергнет их более внимательному рассмотрению. Есть, однако, еще одна — та, кто более всех любезна небесным светилам и чьего появления здесь ждут с радостью и благоволением, так что было бы не иначе как нечестьем не удостоить ее твоим вниманием.

(892) Однако прежде я хотел бы объявить о том, что мать невесты, желая приготовить и поднести ответный дар, привела с собою дру-

⁹⁹⁴ См. прим. 820.

⁹⁹⁵ См. прим. 467, §§ 424, 802.

⁹⁹⁶ См. прим. 199.

⁹⁹⁷ Юноны.

гих дев, дабы представить их вашему суждению, присовокупив их к обильным приношениям. Они не уступят ни числом, ни изяществом, достоинством же образованности мало кто из рядом стоящих способен с ними сравниться. Сколь велико должно быть недоброжелательство, изнеженность, а то и вовсе бессильная распущенность звездной курии, чтобы обойти вниманием этих дев, которые воспитаны были во внутренних покоях невесты, — рассуди сам с величием твоей Юпитеровой силы». (893) Тогда Тритонида промолвила: «Воистину девы, которых воспитала Фронесида, беспрестанно хранят в груди своей тайны всевышних, и не было никого из вас, кто бы не поручал им истолкования своей сокровенной воли. Многие из них служат верховными жрицами, и нечестиво иначе как через их посредство совершать на земле возлияния священным божествам, а жертвы приносить и во все воспрещено. Те девы, что уже прошли перед вами, явили чудеса старинной премудрости; эти же несут свидетельства вашего общения со смертными: ведь именно они преодолевают разделение между людским и божественным, предоставляя вам возможность беседовать друг с другом. Таким образом, о небожители, вы несомненно узнаете входящих и удостоите их внимания». (894) Пока Делиец и Паллада беседовали таким образом, был задан вопрос об именах этих дев. Тогда Феб ответил: «Первой предстанет Генетлика⁹⁹⁸, которая, ведая эфирный порядок, открывает то, что напряла Лахесис, и объявляет о делах наступающих веков. За ней — Символика⁹⁹⁹, которая сопоставляет события будущего с многообразием знаков и оценивает исход предсказаний в соответствии с превратностями грядущего. Третья — Эонистика¹⁰⁰⁰, благодаря которой прославился наш вещий треножник и вообще всякий наш оракул¹⁰⁰¹. Ибо напоминанием обо мне, вследствие моего дара предвидения, считается ворон; также моим спутником полагают лебедя: цвет их оперения, совпадающий с окраской каждого времени суток, свидетельствует о том, что именно благодаря птицам мы предугадываем события дня и ночи. Сам же треножник обещает предсказания относительно троякого хода времени, которое может быть будущим, настоящим или прошедшим. (895) За ними явится троица вечно колнопреклоненных сестер¹⁰⁰², которые, повсеместно суля ваше благово-

⁹⁹⁸ *Genethliace*, греч. *γενεθλιακή / γενεθλιαλογία* «искусство составления гороскопов».

⁹⁹⁹ *Symbolice*, греч. *συμβολική* «наука о знаках/соответствиях» < *σύμβολον* «знак», в первоначальном значении — «совпадение».

¹⁰⁰⁰ *Oeonistice*, греч. *οἰωνιστική* «искусство птицегадания» < *οἰωνός* «вещая птица».

¹⁰⁰¹ Оракул Феба. В последнем случае Марциан Капелла использует слово *cortina*, которое могло обозначать крышку в форме полусферы, покрывавшую котел треножника, или, в метонимическом употреблении, сам священный треножник Аполлона в Дельфах, либо Аполлонов оракул.

¹⁰⁰² Кого имеет здесь в виду Марциан Капелла, неясно; все предпринимавшиеся до сих пор попытки идентификации упоминаемых автором трех дев неубедительны.

ление, впервые пробудили в переменчивом разуме смертных надежду на помощь всевышних и склонили ищущий заступничества народ к почитанию богов. Три ли они сестры-близняшки, или их троих объединяет одно лишь имя — неужели кто-нибудь, когда они взойдут на небо, попытается изгнать их, не удостоив лицезрения, — их, благодаря которых стало достоверно известно о том, что мы нисходим на землю? (896) После них предстанет та, что прославлена и украшена блеском светил: именно она была названа и утверждена в качестве твоей посланницы¹⁰⁰³. Говорят, что ты, отец, всегда поручал ей свои молнии и доверял ей вспышки натрое расщепленного света; ей ведомы пути и траектории, явление и исход тех предсказаний, что являются в образе подвижного огня. Так неужели мы не дадим слова этой женщине, благодаря которой до смертных доходят известия о твоих повелениях? Почему же, славнейший отец, ты медлишь вместо того, чтобы с готовностью впустить и выслушать их?»

(897) После этих слов сына Латоны Юпитер приказал войти Гармонии, которая, как было сказано, была единственной из оставшихся служанок Меркурия, затем должны были последовать по порядку и прочие девы. Тогда Луна, вспомнив о том, что вторая часть дня миновала, сказала: «Ту женщину, что войдет сейчас, я смогу выслушать вместе с вами, однако в силу близости соседствующей ночи я не смогу уделить времени также и следующим девам, ибо мне надлежит совершить мой путь мимо Повозки и Тельца и далее по небосклону: таким образом, отмеренная мне среди звезд дистанция не позволяет выслушать речи остальных. При этом, признаюсь, я и сама желала бы — если только чьей-нибудь властью испытание дев будет отложено — ознакомиться со свидетельствами столь прославленной учености. К тому же имеются все основания ожидать законной отсрочки, дабы то отвлечение, что возникает вследствие притупления и усталости усердно преданного познанию ума, не помешало им довести до конца свое учебное сообщение, требующее тяжелого труда и внимания; в противном случае тонкость этой желательной и достойной почтения науки обернется ненавистью к познаваемому из-за утомления, вызванного многообразием и протяженностью речей. Поэтому я полагаю более справедливым отложить столь длительную беседу до того времени, когда жадный слух сможет обратиться к ней с прежним пылом и жаждой». (898) Пока Луна рассуждала таким образом, все боги принялись наперебой выражать свое согласие; затем кто-то спросил, дозволяется ли в соответствии с публичным правом повременить с ответным подарком и отложить день вручения приданого. После этих слов известный хранитель тайн древнего права¹⁰⁰⁴, к которому с настоятельной мольбой

¹⁰⁰³ Последняя из семи дев олицетворяет восходящее к этрускам искусство предсказания по молниям.

¹⁰⁰⁴ Сатурн.

обратились его внуки, ответил, что никакими законами не воспрещено, чтобы женщина объявила мужу приданое уже после того, как брак по всем правилам заключен¹⁰⁰⁵. Тогда Юпитер, получив необходимые сведения от своего многоопытного родителя, произнес: «Могу поздравить вас, чада мои: все то, чего вы, как мне стало известно, желали, объявлено дозволенным. Я не стану, исполнившись высокомерной суровости, отвергать вашу просьбу и, напустив на себя вид ленивой праздности, противиться скорейшему исполнению этого намерения или показывать, будто мне неприятно будет созерцать искусство ученых дев — тем более что они, будучи недостойным образом изгнаны с земли¹⁰⁰⁶, должны теперь найти постоянное пристанище не иначе как среди небесных светил.

(899) Итак, давайте выслушаем теперь превосходнейшую из женщин — Гармонию, единственную оставшуюся из Меркуриевых служанок. Ибо она лучше, чем кто-либо еще, сумеет успокоить тревоги всевышних, наполнив радостный эфир своим пением и ритмами, и к тому же ничего иного не желает, как только сделаться частой гостьей в нашем чертоге, ибо ей ненавистна глупость земнородного невежества, которую без конца множит смертное племя, неспособное к познанию лучшего. Уже давно она, удалившись от земного мира, отвергла людей и их лежащие в руинах гимнасии, и лишь ныне, будучи вновь обнаружена Килленидом в его путешествиях и разысканиях, после долгого пребывания в тайне и забвении оказывается призвана обратно и возвращается из своего укрытия и бегства. (900) Таким образом, будет и полезно, и приятно послушать ее, по истечении многочисленных веков вновь обретенную и вновь, наконец, возвратившуюся к своим мелодиям и песням. Когда же наступит новый день, мы пригласим и удостоим самого пристального внимания других сестер, хранительниц святой и премудрой науки». (901) Выслушав решение Юпитера, Феб вышел, дабы ввести ту деву, которая во всех отношениях была ему по нраву.

Пафиянка же, обрадованная по случаю возвращения дочери¹⁰⁰⁷, сделала юноше знак начинать свадебную песнь. Тогда Гименей, наконец, просветлел и, не видя возражающего знака со стороны Паллады, исполнившись бодрости и сил, запел:

¹⁰⁰⁵ Ср. юридическую формулировку этого обычая в сборнике Домиция Ульпиана (II-III вв.): *Dos aut antecedit, aut sequitur matrimonium, et ideo vel ante nuptias vel post nuptias dari potest* «Приданое или предшествует браку, или следует за ним; соответственно, может быть вручено как до свадьбы, так и после свадьбы» // *Liber singularis regularum*, 3, 21, b = p. 72, l. 18-19 Krueger.

¹⁰⁰⁶ Ж.-Б. Гийомен (*ad loc.*) находит здесь намек на недавнее запрещение языческих культов декретами Феодосия в 391 и 392 гг.

¹⁰⁰⁷ Гармонии, см. § 737.

(902) Лишь золотая Луна пламенеющим явится кругом,
 Смешаю с розой лилию:
 Дева и бог свой союз совершат на ложе священном –
 Несите в спальню киннамон¹⁰⁰⁸!
 Ту, кого Веспер хранил до сих пор невестой невинной,
 Фосфор узрит замужнею.
 Матери горестный плач, в отчаянье волосы рвущей,
 Не в силах разделить сих уз.
 Брака не бойся: ты будешь, как для Громовержца Юнона –
 Теперь она сестры милей.
 Сладостно было тебе жениха святое искусство —
 Лобзанье будет сладостней.
 Завтра увидит, всходя, пурпурным оком Аврора,
 Чем сорванный возраст цветок.
 Сам я при свете дневном увижу бледную деву,
 Себя от взоров скрывающую.
 (903) Милой Венере теперь венки посвящайте, Напеи¹⁰⁰⁹,
 Шафраном ложе окропив,
 Наперебой на постель фиалки из раковин сыпьте:
 Украсьте одр живительный.
 Из колчана доставай, Купидон, копьцо для прически¹⁰¹⁰,
 Любитель расплетать косу.
 Огненно-алую ткань ту, что девственный стыд покрывала¹⁰¹¹,
 Царица-Дружка¹⁰¹², совлеки.
 Даст Венера тебе (ей одной твои ведомы муки!)
 Благая утешение;
 Сердце, что новой любви ты ныне отдать не умеешь,
 Упрямое смягчит она.
 Ты ж наставленье мое — ты, что взор свой потупила милый! –
 Надежно сохрани в душе:
 Юношу с мудрою речью в прекрасных объятьях лаская,
 Потомство дай речистое!

(904) И пока Гименей распевал эти стихи с неким подобием фесценнинской вольности¹⁰¹³, вновь и вновь повторяя те из них, которые, как

¹⁰⁰⁸ Благовония, приготовленные из корицы (киннамона), могли употребляться в качестве афродизиака, ср. *Apul. met.* II 8, 6; *Vulg. prov.* 7, 17.

¹⁰⁰⁹ См. прим. 489.

¹⁰¹⁰ *Crinale spicum*, или *hasta* (ср. *Ov. fast.* II 560): палочка, употреблявшаяся для приготовления свадебной прически.

¹⁰¹¹ См. прим. 184.

¹⁰¹² См. прим. 820.

¹⁰¹³ Фесценнинские песни (от названия города *Fescennia* в южной Этрурии) — один из древнейших жанров италийской поэзии, предположивший обмен короткими стихотворными репликами насмешливого характера, часто содержащими обсценную лексику.

ему казались, вызвали наибольшее одобрение, большая часть собравшихся, сопровождая Тритониду и Диону¹⁰¹⁴, покинула залу и с усердием и поспешностью устремилась туда, где они могли лицезреть наконец возвращенную деву. Толпа девушек, составлявших свиту богинь и стоявших позади от них, и героев, явившихся по приглашению, проявляли равное нетерпение: первые спешили научиться извлекаемым ее плектром мелодиям, вторые — воскресить в своей памяти ее священный облик. (905) Не прошло и мгновения, как послышалась некая отличавшаяся неизведанной сладостью и неслыханной приятностью музыка, и мелодии, звучанием своим превосходившие любые удовольствия на свете, наполнили слух изумленных богов. То был не простой напев, производимый звуком одного лишь тембра, но смешение и соединение голосов всевозможных инструментов, доставлявшее наслаждение полностью своего многозвучия. И пока музыка эта продолжала ласкать сердца богов и прочих присутствовавших, показались те, кто несколько раньше толпою покинули залу: они предваряли явление девы и шли впереди ее многочисленной свиты. И возвращались они не без пользы для себя, но исполнившись сладостной неги и приобретя некоторое знание и искусство благозвучного музицирования. Первыми вошли, согласно распевая приятнейшую мелодию, Эратина, дочь Киприды¹⁰¹⁵, Гимер, спутник Купидона¹⁰¹⁶, и Терпсида, служанка Дионы¹⁰¹⁷, а также юноша¹⁰¹⁸, игравший на одноствольной свирели. (906) За ними явились Пифо¹⁰¹⁹, Желание и Грации: они играли на лире, примешивая к ее звучанию собственные голоса и одновременно приплясывали в такт музыке. Впереди по правую и левую руку шествовало множество героев и длинновласых мудрецов: все они напевали голосами мягкими и негромкими, но отличавшимися всяческой приятностью; многие из них пели хвалы богам и гимны, другие воспроизводили те мелодии, которым только что научились. Посредине шли искусные в музыке сельские полубоги: козлоногому Пану приличествовала пандура, Сильвану — свистящая цевница из гладкого тростника, Фавну — деревенская свирель. Следовавшее за ними блистательное общество прославленных героев возбуждало всеобщее изумление: это были учнейшие Орфей, Амфион и Арион, которые равным образом играли на золотых кифарах и согласно пели, распространяя волнуящее душу созвучие голосов.

¹⁰¹⁴ См. прим. 270. Здесь и далее Диона — одно из имен Венеры.

¹⁰¹⁵ Ср. греч. *ἑρατεινή* «приятная, милая».

¹⁰¹⁶ Ср. греч. *Ἰμερος* «желание». У Гесиода Гимер упоминается как спутник Эроса (Hes. theog. 201).

¹⁰¹⁷ Ср. греч. *τέρψις* «наслаждение».

¹⁰¹⁸ Только что упоминавшийся Гимер; по другим толкованиям — Купидон или Гименей.

¹⁰¹⁹ Ср. § 888 и прим. 989.

(907) Той, с которой певец¹⁰²⁰ в царство Эреба проник,
 Где, беспамятный, он вновь Эвридику обрел,
 Той, которой он встарь диких зверей укрощал,
 Из-за которой и тигр гнев свой забыл, присмирив,
 Из-за которой покров свой, желудями богат,
 Исмар¹⁰²¹ в движенье узрел (с гор его лес нисходил),
 Из-за которой Стримон¹⁰²² бурную влагу сдержал
 И много раз Танаис¹⁰²³ вспять обращал свой поток,
 Из-за которой возлег с агнцем оскаленный волк,
 Заяц к страшному псу лик, не боясь, обратил, –
 Этой же песни теперь сладостный звук извлекал
 Он, пред Юпитером гимн снова слагая святой.
 (908) Твердой скале Амфион разума путь указал,
 Душу живую вложив звуком в застывшую плоть,
 Чувство и слух сообщил глыбам доселе глухим
 И вождельные внушил двигаться песне вослед
 (Стены высокие Фив сладкой он лирой воздвиг,
 Песнею граду сему прочный оплот даровав).
 И Арионовых струн море глухое напев
 Не презрело, когда помощи ждал он в беде,
 И, пусть безудержный Нот диким порывом своим
 Бездны скиллейских морей пенные к небу вздымал,
 Быстрых дельфинов призвал он, обитателей вод,
 И сладкозвучную песнь радостно зверь подхватил.
 О Гармония, ты мощью богов превзошла,
 Этим героям троим славу и почесть стяжав:
 Ты укротила Эреб, скалы, потоки, зверей
 И дивным звуком своим камни смогла оживить!

После них еще более чтимый хор ключеродных дев¹⁰²⁴ принялся
 источать нектар Пегасовых песен: его звучание, сопровождаемое сдво-
 енной свирелью некоего фригийского юноши¹⁰²⁵, превосходило своей
 приятностью все предшествующие услады. (909) И вот наконец, ше-
 ствуя посередине между Фебом и Палладой, вошла возвышенная Гар-
 мония, чью певучую главу украшали тонкие листочки искрящегося
 золота, одежда же была сплошь покрыта твердыми металлическими
 пластинами: при каждом ее движении и шаге, точно рассчитанном
 и отмеренном, эти украшения издавали мягкий и приятный звон. Ее

¹⁰²⁰ Орфей.

¹⁰²¹ Горная цепь во Фракии.

¹⁰²² Река во Фракии.

¹⁰²³ См. прим. 750.

¹⁰²⁴ Т.е. Муз, ср. § 574.

¹⁰²⁵ Вероятно, речь идет об Олимпе, ученике Марсия и изобретателе сдвоенного авлоса.

мать, румяная Пафиянка, неотступно следовала за ней, однако, хотя и двигалась в прекрасном ритме и взвешивала каждый свой шаг, все же с трудом могла подражать походке дочери. В правой руке Гармония несла нечто вроде круглой формы щита, украшенного кольцами разного диаметра и пересеченного дивными линиями: благодаря соразмерному расположению этих вложенных друг в друга фигур он издавал посредством этих кругообразных струн согласное звучание всех музыкальных интервалов¹⁰²⁶. С левой руки девы свисали привязанные на равном расстоянии многочисленные изображения театральных увеселений¹⁰²⁷. (910) Упомянутый выше круг не был подобен лире, барбитону¹⁰²⁸ или тетрахорду¹⁰²⁹, однако звук, который исходил от его неведомой округлости, затмевал собою мелодии всех прочих инструментов. Как только она вошла и послышалось согласное звучание этого круга, все прочие голоса, прежде казавшиеся сладостными, тотчас смолкли, будто бы онемев. Тогда сам Юпитер и небесные боги, узнав величественность горней мелодии, разливавшейся в честь некоего тайного огня и неусыпного пламени, почтили сокровенную отеческую песнь и один за другим приподнялись в знак уважения к внемирному разуму¹⁰³⁰. (911) Тогда дева, завершая эту несказанную прелюдию, обратилась к Юпитеру и, перестроив свой голос на иные лады и размеры, запела:

Громовержец, тебя песнею звездною,
 Чрез кого обращать неба сокровища,
 Чтя законы, привык круговорот святой,
 Первым чествую я, ибо, владычнейший,
 Диадемой связав скипетроносною,
 Разнородных богов царства ты мчишь, отец:
 Ибо вечно кружит свод мироздания
 Ум, питаем твоей силой небесною.
 (912) Огненосных семян искры, что сеешь ты,
 Отражает светил звездных мерцание;
 Фебов свет, дар святой, — также свидетель твой,
 Когда пурпурный луч он земнородным шлет,
 Дабы вновь воссиял в блеске бессмертный день;

¹⁰²⁶ Символическое изображение небесных сфер, устройство которых, согласно пифагорейскому учению, соответствовало законам музыкальной гармонии.

¹⁰²⁷ По разным толкованиям, изображения театральных масок либо музыкальных инструментов, употреблявшихся в театре. В любом случае круг в правой руке девы должен символизировать небесную музыку, а фигурки в левой — земную.

¹⁰²⁸ Струнный инструмент, подобный лире.

¹⁰²⁹ Здесь: музыкальный инструмент с четырьмя струнами.

¹⁰³⁰ По замечанию Ж.-Б. Гийомена, встречающие в этом пассаже образы «огня», «отца», «внемирного [разума]» заимствованы из текста Халдейских оракулов (3; 34; 35 des Places, etc.) и указывают на трансцендентное начало мира, сблизившееся с Единым неоплатоников.

И Кинфия в ночи факелом месячным,
 Золотыми блестя рожками, шествует;
 Твоей властью Дракон, между Повозками
 Пламеня, рассек дива аркадские¹⁰³¹.
 Твердь могучей земли, мягким дыханием
 Проницаема, ось мира в себе таит¹⁰³²,
 Полюсами двумя правя и правима:
 Дабы ведал Нерей бурным волнам предел,
 Дабы так свою снедь вышний огонь вкушал¹⁰³³,
 Чтоб не полнились тяжб силы несходные,
 Чтоб, далеким, мила связь была вечная,
 А предатель-Хаос страшен им был всегда.
 Ты правитель богов, ты всеблагой отец,
 Звезды соединив в чистом объятии,
 Вечным телом своих ты оживляешь чад.
 Славься: ради тебя лира настроена
 Наша, ради тебя мелос двойной звучит¹⁰³⁴!

(913) Теперь я к вам взываю, неба отпрыски
 (Вам внятен зов барбита многовидного¹⁰³⁵):

Внемлите сердцем, песни наши слушая,
 Что, вперемешку оглашая курию,
 Желают ваше усладить собрание.
 Вас, каждого в черед свой, чтя богов закон,
 Я воспую теперь в творенье смешанном¹⁰³⁶,
 Чтоб мелос, тон найдя приятный каждому,
 Увлек вас, побудил, привел в движение,
 В конце же снова дал покой с усладю.

(914) О светочи благие, что сенат богов
 Почтенной высотой своей венчаете, –
 Хотя этрусков род как дважды шесть божеств

¹⁰³¹ Созвездия Большой и Малой Медведицы. Согласно мифу, в Большую Медведицу Зевс превратил свою возлюбленную аркадянку Каллисто.

¹⁰³² В переводе этой и предшествующей строки мы принимаем текст и толкование Ж.-Б. Гийомена, который отмечает, что некоторые античные натурфилософы уподобляли небесную ось «проникающему дыханию» (*διήκον πνεῦμα*), способному проникать различные элементы (*Commentariorum in Aratum reliquiae* / Ed. Maas. Berlin, 1898. S. 61, l. 14–15).

¹⁰³³ По представлениям стоиков, огонь небесных светил питается земными испарениями (ср. Stob. I 25, 3i).

¹⁰³⁴ В ориг.: *bis plenum omnisona cui recinunt mela*. Под «дважды полным всезвучным мелосом» здесь, очевидно, подразумевается интервал двойной октавы (*δις διὰ πασῶν*), внутри которого помещается полный звукоряд, см. прим. 1062.

¹⁰³⁵ См. прим. 1028.

¹⁰³⁶ См. прим. 1171.

Вас почитает¹⁰³⁷, убожая жертвами,
 Однако тех, чей парный бег блистателен,
 Природа отличила высшей почестью:
 Вы оба носите прозванья Фебовы,
 Блестящая Паллада и Латоны сын¹⁰³⁸,
 (Когда свой путь проходит свита лунная,
 На ось восходит Делий Фаэтонову
 Я вас самих теперь, о братья вышние,
 Молю: не омрачит пусть ваш священный лик
 Та песнь, что я спою чете божественной
 И гимней мой вам не будет тягостен.
 Пусть огласится свадьба струн бряцанием
 И фесценнинской шутке вторит лиры глас!

(915) Ныне звукам моим внемли, Диона:
 Прогоняет любовь хмурую строгость!

Нежной песни ценить умеют звуки
 Волны пенорожденной Кифереи,
 И Камену зовет Нерея лира,
 Когда жителей вод и свиту Форка¹⁰³⁹
 Пламя страсти влечет и воспевают
 Галатею их раковины-трубы:
 Торжествует огонь и в водах снежных!

(916) Ныне звукам моим внемли, Диона:
 Прогоняет любовь хмурую строгость!

Славны песней своей Менала¹⁰⁴⁰ сосны,
 И Аркадии лес, мотив ликейский
 Выводящий тростинкою пронзенной –
 То беглянки¹⁰⁴¹ от Пана-полузверя,
 Обратившейся стеблем говорливым,
 Слышен голос: как только бог коснется
 Ее уст — вздохом песня раздается!

(917) Ныне звукам моим внемли, Диона:
 Прогоняет любовь хмурую строгость!

¹⁰³⁷ См. двестише Энния, процитированное в § 42.

¹⁰³⁸ При переводе этого стиха мы опираемся на текст. Ж.-Б. Гийомена. Относительно связи Паллады с луной ср. §§ 567, 738.

¹⁰³⁹ Нерей и Форк — морские божества, согласно Гесиоду — сыновья Понта и Геи (Theog. 233, 238).

¹⁰⁴⁰ Горная цепь в Аркадии.

¹⁰⁴¹ Сиринги.

Увлечен давно кифарой
 Купидон непостоянный;
 С нежной тетивой оружие
 Ветвью розовой украсив,
 Оставляет лук он праздный,
 Лишь свирель достанет Муза.
 Из-за музыки приятной
 Забывает он о стрелах
 И колчанчик свой бросает,
 Моим пением влекомый.
 Оттого сердцам угодны
 Всем и *пенье*, и *кипенье*:
 Чтя *приятность* и *пристойность*
 То *любить*, то *петь* давайте!

(918) Ныне звукам моим внемли, Диона:
 Прогоняет любовь хмурую строгость!

Хоть была разумной девой
 Мать лаконянки прекрасной¹⁰⁴²,
 Но обмана не сумела
 Избежать, влекома песней:
 Светлый лебедь, белоснежных
 Парой крыльев облеченный,
 Видя, что серебристых перьев
 Не привлечь ее блистаньем
 И пурпурными очами
 Деве угодить не может –
 Песню нежную заводит,
 Музу Фаэтона вспомнив¹⁰⁴³,
 И, обман готова, дряхлой
 Принимает облик птицы¹⁰⁴⁴.
 Так, к устам ее приблизясь,
 Стан девичий обвивает
 И, срывая губ пунцовых
 Поцелуй, в объятьях крепких
 Похищает стыд бесценный!

(919) Ныне звукам моим внемли, Диона:
 Прогоняет любовь хмурую строгость!

¹⁰⁴² Леда, мать Елены Прекрасной.

¹⁰⁴³ Отсылка к мифу, рассказанному Вергилием в десятой книге «Энеиды»: после гибели Фаэтона Кикн, оплакивавший его скорбной песней, превратился в лебедя (Verg. Aen. X 189–193).

¹⁰⁴⁴ Согласно распространенному с античности поверью, лебеди поют только один раз — перед самой смертью (ср. Cic. Tusc. I 73).

Песня Латмоса сына¹⁰⁴⁵
 Для второго светила
 Звезд священных милее.
 Этой песне послушна,
 Она небо презрела
 И свирели пастушьей
 Пальму страсти вручила:
 Блеск золотой отвергая,
 Гонит стадо овечье
 И в накидке нечистой
 В поле бродит, довольна,
 Или коз длиннорогих
 Водит ночью Кинфия¹⁰⁴⁶
 И, взирая на звезды,
 Лишь на бич налегает.
 Все заботы и сплетни
 О делах олимпийских
 Заменяла влюбленной
 Тяга к песне прекрасной.
 Светоч ночи презрела –
 Ей милее пещера;
 На камнях отдыхает,
 И богине милее
 Нет постели, чем травы!

(920) Все боги с радостью и наслаждением внимали песне Гармонии, ибо звуки кифары приносили им не меньше удовольствия, чем сам напев; даже Юпитер не мог скрыть своего удивления. Наконец кто-то из присутствующих пожелал узнать, посредством какого труда и упражнения можно овладеть подобным искусством и сколько следует приложить старания, дабы в награду за неусыпное усердие научиться претворять самые сокровенные душевные чувства в столь сладостную и ласкающую негу. Тогда дева, видя, что от нее ожидают наставлений и желают воочию убедиться в ее учености, на время воздержалась от пения и, побуждаемая Делийцем и Палладой, повела свою речь так:

(921) «Давно уже возненавидев земнородные создания и презирая смертный род, я привожу в движение орбиты звездного неба; распространять же наставления об этом искусстве я не могу, ибо та мелодия, что соответствует всему многообразию интервалов, и производится, и воспринимается самой стремительностью обращающегося механиз-

¹⁰⁴⁵ Эндимиона, смертного возлюбленного Селены (Луны), который, согласно мифу, погрузился в вечный сон на горе Латмос в Карию.

¹⁰⁴⁶ Одно из имен Дианы, зд.: Луна.

ма¹⁰⁴⁷. Впрочем, поскольку вступающая в брак дева оставила землю и теперь ей предстоит, исполнившись вышней силой, преодолеть и рассеять вызванное длительным перерывом забвение¹⁰⁴⁸, я поведаю о том, что мне велено, однако прежде напомню и перечислю те блага, что были дарованы мною неблагодарным смертным.

(922) Когда меня, сестру-близнеца небес, породила безмерность немислимой формообразующей силы¹⁰⁴⁹, я не расставалась с числами и, следуя кругообразному ходу звезд и обращению целокупной громады мироздания, сообщала меру стремительному движению вышних светил. Когда же Монада и первообразующая сила Умного света стали, подобно родникам, источать души и направлять их к земным обитателям, мне было велено снизойти вместе с ними и быть их руководительницей¹⁰⁵⁰. Таким образом я стала управлять числом движений разума и всеми устремлениями воли, сообщая им соразмерность. (923) Эту истину старался распространить среди всех смертных Феофраст; пифагорейцы, смягчая ярость души флейтой и лирой, тоже доказывали таким образом, что души и тела связаны между собою тесными узами. (924) И членам тела я не погнушалась сообщить скрытую числовую пропорцию, как об этом свидетельствуют Аристоксен и Пифагор. Наконец, в моей благосклонной щедрости я сама постепенно открывала смертным знание о даруемых мною уладах. Делосской кифарой я явила в Дельфах звучание струн; благодаря моей спутнице Тритониде и лидийцу Марсию впервые заиграла флейта; мариандины и аоны начали дуть в свирель, прославляя небожителей; египтянам я дозволила коснуться пандуры; не отказала я и пастушеским дудкам, подражающим то пению птиц, то шуму деревьев, то журчанию рек. По всему миру ввела я ради блага и пользы человечества обычай играть

¹⁰⁴⁷ По утверждению Макробия, музыка сфер рождается при столкновении небесных тел с воздухом (*aeris ictu*); высота звучания зависит при этом от скорости и, соответственно, размеров орбиты; расстояния между планетами соответствуют музыкальным интервалам (Macr. somn. II 1, 2–7; II 1, 21–24).

¹⁰⁴⁸ Согласно учению Платона и неоплатоников, человеческая душа, пребывая в смертном теле, временно теряет свое знание о божественных вещах. Познание истины, таким образом, есть не что иное как «припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, с презрением взирала на то, что мы ныне зовем бытием, и поднималась до подлинно сущего» (Plat. Phaedr. 249 b-c, ср. Macr. somn. I 12, 8–10).

¹⁰⁴⁹ В ориг.: *Incogitabilis effigientiae immensitas*. Согласно толкованию Ж.-Б. Гийоме-на, здесь имеется в виду творческая способность Ума неоплатоников, производящего формы, или идеи (лат.: *effigies*).

¹⁰⁵⁰ Явная отсылка к неоплатонической теории эманации, согласно которой из Единого (Монады) проистекает Ум, из Ума — Мировая Душа, отражениями которой являются индивидуальные души. Таким образом, Гармония, согласно Марциану Капелле, производится Умом как организующее начало Души (и, соответственно, индивидуальных человеческих душ).

на псалтерии, лире, самбуке и водяном органе. (925) Благодаря мне люди стали призывать вашу помощь и умиротворять гнев подземных богов с помощью погребальных песен.

Стоит ли упоминать о том, что и победы в войне повсеместно одерживались благодаря моим песням? Критяне сражались под кифару, лакедемоняне под флейту и не раньше отваживались испытать удачу в битве, чем им удавалось совершить жертвоприношение Музам. А амазонки? Разве они не брались за оружие под звуки свирели? А когда одна из них, желая зачать, явилась к Александру, он даровал ей флейтиста, и она удалилась, благодаря его словно за великое благодеяние¹⁰⁵¹. Кому не известно, что когда лакедемоняне в Греции и сибариты в Италии отправляются на битву, то первыми шествуют флейтисты? Известно, что и поныне трубы побуждают не только звонконогих коней и воинов, но и также участников игр и телесных состязаний. (926) А гражданские обязанности — разве они не отправляются благодаря нашим песням? Ведь многие из греческих городов оглашали законы и общественные постановления в сопровождении лиры. При волнениях души и телесных недугах мои звуки весьма часто оказывались целительным средством. Соразмерным звучанием я излечивала помешанных; этому средству научился впоследствии и врач Асклепиад¹⁰⁵². Когда безудержная толпа черни поднимала шум против отцов города, державших между собою совет, многократно повторяющийся напев сдерживал разгоревшийся мятеж¹⁰⁵³. Дамон, один из моих последователей, с помощью степенного лада усмирил неких юношей, которые были пьяны и оттого вели себя с развязным бесстыдством: он приказал флейтисту играть спондей, прервав таким образом безумство хмельного исступления¹⁰⁵⁴. А разве я не приходила на помощь

¹⁰⁵¹ Диодор Сицилийский (Diod. 17, 77), рассказывая историю свидания Александра и Фалестиды, ничего не говорит об упоминаемом здесь флейтисте и говорит лишь о богатых дарах, которые македонец дал на прощание царице амазонок. В других известных нам источниках (Str. XI 5, 4; Plut. Alex. 46, 1; Curt. VI 5) об этой подробности также ничего не сообщается. Таким образом, Марциан Капелла либо приводит известную ему редкую версию легенды, либо творчески дополняет рассказ историков в соответствии с потребностями собственного рассуждения.

¹⁰⁵² Известный врач, уроженец Прусы в Вифинии или Хиоса, живший в I в. до н.э.

¹⁰⁵³ Поэту Терпандру (VII в. до н.э.) удалось с помощью своего искусства усмирить раздоры среди спартанцев (Ps.-Plut. mus. 1146b); ср. аналогичный рассказ о поэте Тиртее (Paus. IV 18, 3).

¹⁰⁵⁴ О Дамоне Афинском и его учении см. стр. 47–48. Приводимый здесь рассказ встречается у многих писателей; большинство из них, за исключением Марциана Капеллы и Галена (Gal. Hipp. et Plat. V 6, 21), упоминают в этом месте не Дамона, а Пифагора и вместо спондея называют дорийский лад. Ж.-Б. Гийомен (Op. cit. P. XCII–XCIV) приводит аргументы в пользу того, что вариант, излагаемый Марцианом Капеллой и Галеном, является более древним.

как усердная врачевательница телесных страданий? Древние исцеляли пением заговоров лихорадку и раны. Асклепиад трубою излечивал полную глухоту. Феофраст применял флейту при душевных недугах. Кому не известно, что воспаление седалищного нерва изгоняется сладостными звуками флейты? Ксенократ¹⁰⁵⁵ снимал приступы бешенства игрой на музыкальных инструментах. О Фалесе Критском¹⁰⁵⁶ известно, что он сладостным звучанием кифары обращал в бегство болезни и поветрия. Герофил¹⁰⁵⁷ оценивал пульс больных, сравнивая его с музыкальным ритмом. (927) О том, что мои песни привлекают животных и мгновенно воздействуют на их чувства, свидетельствует, во всяком случае, пример фракийского кифареда¹⁰⁵⁸, который славой своей обязан не мифу, но истине. Именно поэтому олени дают пленить себя при помощи свирели, рыбы в прудах Александрии замирают, слышав громкую музыку, а гиперборейских лебедей привлекает звучание кифары. Индийские слоны, как известно, замирают от удовольствия, когда слышат игру на музыкальных инструментах; доказано, что свирель приманивает птиц, а погремушки прекращают плач младенцев; лира внушила дельфинам симпатию к людям. (928) А как же утверждения о том, что песнями приманивают и разрывают на части змей, заставляют перемещаться желуди и собранные плоды, призывают души умерших и вызывают затмение Луны? Разве не подтверждены авторитетом самой древности сведения о том, что в Лидии, как говорят, есть острова нимф (последний из писавших об этом, Варрон, утверждает, что видел их собственными глазами!), которые при звуках флейты приходят в движение, удаляясь от суши, и направляются к середине озера, где сперва кружатся в хороводе, а после возвращаются к берегу. (929) Море у актийского побережья шумит подобно кифаре; скала в Мегаре на удар любой силы отзывается звуками лиры. Я могла бы без конца перечислять все то, что даровано мною смертным, дабы стало ясно, что не из стремления к бегству я покинула землю, но по праву предала проклятью нерадивость неблагодарного человечества. Однако я перейду к изложению моего искусства, дабы вступающая в брак дева получила от меня обещанный дар.

(930) Поскольку предметом моих занятий является искусство прекрасного музицирования, заключающееся в ритмических и мелических построениях, я начну с рассуждения о мелике. Я утверждаю, что все, что надлежащим образом звучит, является либо тоном, либо полутоном, либо четвертью тона, которая называется диеса. Тон — это

¹⁰⁵⁵ Возможно, врач Ксенократ из Афродисиады (I в. н.э.).

¹⁰⁵⁶ Поэт Фалес из Гортины (VII в. до н.э.), вызванный спартанцами по совету оракула, избавил город от чумы (Ps.-Plut. mus. 1146c)

¹⁰⁵⁷ Герофил из Халкидона (IV–III вв. до н.э.) считается основателем анатомии и создателем учения о пульсе.

¹⁰⁵⁸ Орфея.

интервал определенного размера, заключенный между двумя различными между собой звуками. Полутоном называется то, что содержит половину тона, интервалов же диесы существует три. Первая — малая, которая именуется *тетартемория*, так как включает четвертую часть тона; также она называется энгармонической оттого, что в первую очередь с ее помощью мы строим энгармонический род мелодии. Следующая за ней — большая: она именуется *тритемория*, ибо она содержит третью часть тона, а также называется хроматической, потому что на ней основан хроматический род мелодии. Третья же содержит четвертую часть тона и половину четверти и зовется *полуторной* диесой энгармонического деления, так как соответствует мере полуторного отношения¹⁰⁵⁹.

(931) Итак, тоном по большей части называется то же, что и звуком¹⁰⁶⁰. Число же звуков в каждой из тональностей — восемнадцать¹⁰⁶¹. Первый из них у греков зовется *προσλαμβανόμενος*, у римлян же (поскольку всевышний Юпитер воспретил нам пользоваться этим же словом) он зовется прибавленным; следующий — *ὑπάτη ὑπάτων*, то есть начальная начальных, третий *παρυπάτη ὑπάτων*, то есть подначальная начальных, четвертый *ὑπάτων διάτονος*, то есть протяженная начальных, пятый *ὑπάτη μέσων*, то есть начальная средних, шестой же *παρυπάτη μέσων*, что значит подначальная средних, седьмой *μέσων διάτονος*, то есть протяженная средних, восьмой *μέση*, то есть средняя, девятый *τρίτη συνημμένων*, то есть третья соединенных, десятый *συνημμένων διάτονος*, то есть протяженная соединенных, одиннадцатый *νῆτη συνημμένων*, то есть крайняя соединенных,

¹⁰⁵⁹ Марциан Капелла употребляет здесь греческие названия для трех видов диесы: *tetartemoria* (τέταρτος «четвертый» + μέρος «часть»), *tritemoria* (трῖτος «третий» + μέρος), *hemiolia* (ἡμιόλιος «полуторный»). О трех родах мелодии (диатоническом, хроматическом, энгармоническом) см. §§ 955-957.

¹⁰⁶⁰ В ориг.: *Tonus igitur idem plerumque appellatur et sonus*. Здесь автор, очевидно, использует слово «тон» (*tonus*, греч. τόνος, букв. «натяжение») в ином значении, нежели в предыдущем параграфе, понимая его в данном случае как синоним термина «звук» (*sonus*, греч. φθόγγος) в значении «ступень звукоряда», «нота». О многозначности слова *tonus* см. также прим. 1107 и прим. 1116.

¹⁰⁶¹ Словом «тональность» мы переводим термин *tropus* (греч. τρόπος), который указывает на транспонированный определенным образом звукоряд. В данном случае речь идет о звукоряде, называвшемся полной системой (*σύστημα τέλειον*) и включавшем пять тетрахордов и пятнадцать звуков; схему полной системы см. в следующем примечании. Традиционный русский перевод термина *τρόπος* «лад» неудобен тем, что его употребление неизбежно ведет к путанице между понятием лада в современном музыковедении, которое означает высотную организацию ступеней внутри звукоряда, и «ладом» в античном понимании, который, исходя из данного выше определения, находится ближе к современному понятию «тональности». Подробнее о тональностях в античной музыке см. ниже, § 935.

двенадцатый *παράμεσος*, то есть близкая к средней, тринадцатый *τρίτη διεζευγμένων*, то есть третья разделенных, четырнадцатый *διεζευγμένων διάτονος*, что значит протяженная разделенных, пятнадцатый *νήτη διεζευγμένων*, то есть крайняя разделенных, шестнадцатый *τρίτη ὑπερβολαίων*, то есть третья верхних, семнадцатый *ὑπερβολαίων διάτονος*, то есть протяженная верхних, восемнадцатый *νήτη ὑπερβολαίων*, то есть крайняя верхних.

Итак, вот звуки, которые составляют правильно устроенную мелодию¹⁰⁶². (932) Всякая же мелодия основывается на низком или высоком звучании. О низком звуке говорят, когда происходит смягчение вследствие некоторого расслабления голоса. О высоком — когда имеет место натяжение, доходящее до тонкой остроты стройной и приподнятой мелодии.

(933) Вышеназванными звуками, которые могут быть надлежащим образом включены в каждую тональность, образуются три созвучных

¹⁰⁶² Таким образом полный звукоряд, или полная система, имеет следующую структуру:

		<i>προσλαμβανόμενος</i>	
	1.	<i>ὑπάτη ὑπάτων</i>	
		<i>παρυπάτη ὑπάτων</i>	
		<i>διάτονος (λιχανός) ὑπάτων</i>	
	2.	<i>ὑπάτη μέσων</i>	
		<i>παρυπάτη μέσων</i>	
		<i>διάτονος (λιχανός) μέσων</i>	
	3.	<i>μέση</i>	
		<i>τρίτη συνημμένων</i>	<i>παραμέση</i>
		<i>διάτονος (παρὰνήτη) συνημμένων</i>	<i>τρίτη διεζευγμένων</i>
		<i>νήτη συνημμένων</i>	<i>διάτονος (παρὰνήτη) διεζευγμένων</i>
			<i>νήτη διεζευγμένων</i>
			<i>τρίτη ὑπερβολαίων</i>
			<i>διάτονος (παρὰνήτη) ὑπερβολαίων</i>
			<i>νήτη ὑπερβολαίων</i>
			4.
			5.

где 1. — тетрахорд начальных, 2. — тетрахорд средних, 3. — тетрахорд соединенных, 4. — тетрахорд разделенных, 5. — тетрахорд верхних. Если рассматривать полную систему диатонического рода и принять *προσλαμβανόμενος* за «ля» большой октавы, то *ὑπάτη ὑπάτων* будет соответствовать «си» большой октавы, *παρυπάτη ὑπάτων* — «до» малой октавы, *διάτονος ὑπάτων* — «ре» малой октавы, *ὑπάτη μέσων* — «ми» малой октавы, *παρυπάτη μέσων* — «фа» малой октавы, *διάτονος μέσων* — « соль » малой октавы, *μέση* — «ля» малой октавы, *τρίτη συνημμένων* и *παραμέση* — «си» малой октавы, *διάτονος συνημμένων* и *τρίτη διεζευγμένων* — «до» первой октавы, *νήτη συνημμένων* и *διάτονος διεζευγμένων* — «ре» первой октавы, *νήτη διεζευγμένων* — «ми» первой октавы, *τρίτη ὑπερβολαίων* — «фа» первой октавы, *διάτονος ὑπερβολαίων* — « соль » первой октавы, *νήτη ὑπερβολαίων* — «ля» первой октавы.

интервала. Первый из них — кварта (*diatessaron*), которая по-латински именуется «из четырех». Она содержит четыре звука, три интервала, два с половиной протяжения (а протяжением я называю тон), в ней пять полутонов, которые имеют в себе половину от полного и целого протяжения, и десять диес (диеса же, как я говорила выше, означает четвертую часть тона). Этот созвучный интервал представляет собой эпитритное отношение; эпитритным же числом называется такое, которое содержит в себе и число три, и треть от трех, то есть единицу: таково, например, отношение четырех к трем. (934) Другой созвучный интервал — пятерной: он называется квинтой (*diapente*) и состоит из пяти звуков, которые отделяются друг от друга четырьмя интервалами; он включает три протяжения с прибавлением еще половины, то есть три с половиной тона, семь полутонов, четырнадцать диес и обладает полуторным отношением, а этот вид отношения сопоставляет числу то же самое число и его половину: таково, например, отношение трех к двум. Третий — это октава (*diapason*), которая именуется «из всех», содержит восемь звуков, семь интервалов, шесть протяжений, двенадцать полутонов, двадцать четыре диесы и образуется диплазным¹⁰⁶³, то есть двойным, отношением.

(935) Тональностей же всего пятнадцать, но главных пять, и к каждой из них присоединяются еще две. Это лидийская, к которой присоединяются гиполидийская и гиперлидийская; следующая иастийская, с которой связаны гипоиастийская и гипериастиийская; также эолийская с гипозеолийской и гиперэолийской; четвертая фригийская с двумя другими, гипофригийской и гиперфригийской; пятая дорийская с гиподорийской и гипердорийской¹⁰⁶⁴. Между этими тональностями существует некое дружеское согласие, посредством которого они образуют друг с другом родственные связи, как между гиподорийской и гиперфригийской, и таким же образом между гипоиастийской и гиперэолийской; также существует согласное и стройное соответствие между гипофригийской и гиперлидийской. Все эти тональности словно бы объединяются, образуя пары, и месы нижних тональностей становятся прослабаноменами для тех, что расположены выше¹⁰⁶⁵. Каждая тональность содержит пять

¹⁰⁶³ От греч. διπλάσιος «удвоенный».

¹⁰⁶⁴ Античная наука о музыке не была знакома с понятием «абсолютной высоты» звука, и высотное положение звукоряда каждой тональности могло быть определено только относительно другой тональности. Самой низкой тональностью была гиподорийская, далее следовали — с интервалом в полтона — гипоиастийская, гипофригийская, гипозеолийская, гиполидийская, дорийская, иастийская, фригийская, эолийская, лидийская, гипердорийская, гипериастиийская, гиперфригийским, гиперэолийская и гиперлидийская. Таким образом, приставка *hypo-* означает понижение на кварту по отношению к «главной» тональности, а приставка *hyper-* — повышение на кварту.

¹⁰⁶⁵ При переводе этого пассажа мы опираемся на текст Ж.-Б. Гийомена. Из описания системы тональностей, данной в предыдущем примечании, видно, что звукоряд гиперфригийской тональности расположен ровно на октаву выше,

тетрахордов. Тетрахорд же представляет собой некоторое сочетание четырех звуков, расположенных по порядку, крайние из которых должны находиться между собою в согласии. Но об этом позже, теперь же вернемся к правильной последовательности начал нашего искусства.

(936) Когда Лас, муж из города Гермионы¹⁰⁶⁶, впервые распространил меня среди смертных, считалось, что мое искусство сводится к трем родам: материальному (*ύλικόν*), созидательному (*ἀπεργαστικόν*) и исполнительскому (*ἐξαγγελτικόν*); последнее также именуется герменевтическим (*ἐρμηνευτικόν*)¹⁰⁶⁷. Материальный род обращен к повторяющимся и подобным между собой элементам, порождающим созвучие, то есть к звуку, размерам и словам. То из этого, что относится к мелосу — это гармоника; то, что относится к размерам, называется ритмикой; то, что относится к словам — метрикой. Созидательный род представляет собой некоторую творческую обработку материи. В нем также три части: мелопея, ритмопоя и поэзия¹⁰⁶⁸. Наконец, исполнительский род должен относиться к представлению и состоит из трех частей: инструментальной (*ὄργανικόν*), певческой (*ὠδικόν*) и лицевой (*ὑποκριτικόν*), о которых, соответственно порядку предметов, пойдет речь ниже¹⁰⁶⁹. Теперь же мы поговорим в первую очередь о голосе, как бы родоначальнике всякого звучания.

чем звукоряд гиподорийской тональности и в этом смысле дублирует ее; при этом прослабаномен гиперфригийской тональности совпадает с месой гиподорийской тональности. Таким же отношением связана, соответственно, гиперэолийская тональность с гипоиастийской и гиперлидийская с гипофригийской. В дошедшем до нас тексте Аристиды Квинтилиана описание «родственных» тональностей отсутствует.

¹⁰⁶⁶ Лас из Гермионы (род. 548 г. до н.э.) был, согласно Суде, первым автором сочинений о музыке.

¹⁰⁶⁷ В таком виде эта классификация более нигде не встречаем. Либо мы имеем здесь свидетельство древней традиции (возможно, действительно, восходящей к Ласу из Гермионы, труды которого не сохранились), либо с модификацией структуры, приводимой Аристидом Квинтилианом (Aristid. Quint. I 5). Согласно последнему, музыкальное искусство делится на следующие разделы:

Таким образом, *ύλικόν* у Марциана Капеллы соответствует аристидовскому *τεχνικόν*, *ἀπεργαστικόν* — аристидовскому *χρηστικόν*, а раздел *ἐξαγγελτικόν* представлен у обоих.

¹⁰⁶⁸ Перевод последней фразы — по тексту Ж.-Б. Гийомена.

¹⁰⁶⁹ Дальнейшее изложение не вполне соответствует предложенной схеме, см. стр. 50–51. О мелопее речь пойдет в §§ 965–966, о ритмопее — в § 994.

(937) Всякий голос делится на два рода: слитный и разделенный. Слитный — это как бы непрерывная беседа. Разделенный — это тот, какого мы придерживаемся в мелодии. Существует и средний, который смешан из того и другого: он не соблюдает слитной манеры первого, но и не дробится, подвергаясь частому делению, подобно второму. В такой манере произношения декламируются все стихи. Тот из указанных родов, в котором мы делим голос на отдельные и определенные части, называется интервальным и пригоден для того раздела, который именуется гармоникой.

(938) Сама же гармоника имеет семь частей: первая — о звуках, вторая — об интервалах, третья — о системах, четвертая — о роде, пятая — о тонах, шестая — об изменениях, седьмая — о мелодии (ее мы называем мелопеей). Но сперва о звуках, которые представляют собой начало нашего искусства.

(939) Ибо звук занимает у нас столь же важное место, как в геометрии — точка или в арифметике — единица. Звуки мы называем нотами¹⁰⁷⁰. Нотой называется частица голоса, произнесенная с одинаковым напряжением. Напряжением же мы именуем высоту¹⁰⁷¹, на которой голос останавливается и длится. Звук называется нотой или в частном, или в общем смысле. В общем смысле это наименование; частный же смысл (тот, что обозначается по-гречески *idiaitata*) подразумевается, если мы рассуждаем, как нам изобразить ее на письме, или когда само достоинство ноты указывает, что следует достичь определенной высоты или расслабления¹⁰⁷². (940) Из того, что упомянуто, одно производит действие, другое — претерпевает: повышение и понижение действуют, высокое и низкое звучание претерпевают¹⁰⁷³. Протяжение (то есть повышение) есть движение голоса из более низкого места в более высокое место. Понижение — наоборот, ибо оно спускается от вершины высокого звучания к чему-то низкому и важному. Низкое звучание получается, когда дыхание исходит из глубины, высокий же звук производится внешней частью рта. Итак, существуют бесчисленные звуки, но для каждой отдельной тональности могут быть пригодны только двадцать восемь, названия которых я упомянул выше¹⁰⁷⁴. (941) Первый из них — прибавленный, который называется таким

¹⁰⁷⁰ В ориг.: *pthongos*, см. прим. 1060.

¹⁰⁷¹ В ориг.: *tasin* (греч. *τάσιν*), букв. «натяжение».

¹⁰⁷² В той греческой традиции, к которой, по-видимому, восходит этот пассаж (Anon. Bellerm. 21), противопоставляются не два, а три значения слова *φθόγγος*: общее (*κοινῶς*), частное (*ιδίως*) и наиболее частное (*idiaitata*). Это, соответственно, 1) название (очевидно, имеется в виду обозначение функции данной ноты в рамках звукоряда), 2) письменное обозначение ноты, 3) звучание ноты, характеризующееся определенной высотой.

¹⁰⁷³ См. Aristox. harm. I 59-66.

¹⁰⁷⁴ Ср. § 931, где перечисляются, однако, только восемнадцать звуков. Разница в десять звуков объясняется тем, что в последнем случае учитываются звуки, входящие не только в диатонический, но также в хроматический и энгармонический род каждого из пяти тетрахордов (см. прим. 1077).

именем потому, что никаким образом не вмещается ни в один из так называемых тетраордов, но, будучи как бы прибавленным, примыкает извне благодаря общности со средней, с которой он всегда звучит в согласии¹⁰⁷⁵. Этот прибавленный отделен одним тоном от начальной начальных. Сама же начальная начальных, будучи расположена первой в тетраорде, получила как бы имя некоего правителя. Подначальная, наконец, называется так, потому что соединяется с начальной, подчиняясь ей. (942) *Энгармоническая* же и *хроматическая* начальных (последнюю мы — возможно, не вполне правильно — называем цветной¹⁰⁷⁶; она получила свое название из-за того, что все, что лежит в промежутке между основными цветами, белым и черным, именуется по-гречески цветным), так вот, *энгармоническая*, *хроматическая* и *диатоническая*, которую мы называем протяженной, представляют собой признаки родов мелодии, ибо различия в устройстве тетраорда возникают именно отсюда¹⁰⁷⁷. Начальная средних получила свое имя оттого, что является первой в среднем тетраорде; подчиненная ей называется подначальной средних; за ней, наконец, следуют сходным порядком оставшиеся три¹⁰⁷⁸. Этот тетраорд называется тетраордом средних, потому что располагается посередине между тетраордом начальных и тетраордом соединенных. (943) Та же, что следует за вышеуказанными, называется средней. Средней она зовется потому, что является в такой же степени окончанием низкой гаммы, в какой она во всех тональностях представляет собой начало будущего повышения, и посредством ее в некоем роде связующего звена соединяются низкая и высокая мелодии — как, например, в лидийской тональности, где обозначением ее является вертикальная I¹⁰⁷⁹. На расстоянии полутона от средней будет находиться третья соединенных, которая в той же тональности, то есть лидийской, имеет обозначение в виде буквы Θ¹⁰⁸⁰. За ней последуют те три, которые были обозначены нами выше: *энгармоническая*, *хроматическая* и *диатоническая* (последняя также называется *παρὰνῆτη*, что по-латински означает почти крайняя);

¹⁰⁷⁵ Т.е. в октаву.

¹⁰⁷⁶ Греч. *χρωματικόν* [sc. *γένος*] «хроматический [род]» < *χρῶμα* «цвет».

¹⁰⁷⁷ Три основные варианта разделения тетраорда (от нижнего звука к верхнему) следующие: полутон + тон + тон (диатонический род), полутон + полутон + полтора тона (хроматический род), четверть тона + четверть тона + дитон (энгармонический род). Подробнее об этом будет говориться дальше в §§ 955–957; в § 959 описываются также иные варианты разделения тетраорда.

¹⁰⁷⁸ *Диатоническая*, *хроматическая* и *энгармоническая* [лихана] тетраорда средних.

¹⁰⁷⁹ Наиболее полное изложение античной системы нотации для всех пятнадцати тональностей (см. § 935) приводится в трактате «Введение в музыку» Алипия (Alyp. MSG p. 367–406 Jan). Марциан Капелла ограничивается упоминанием нотации лидийской тональности, которая у Алипия приводится первой.

¹⁰⁸⁰ Обозначение самой ноты в рукописях пропущено; издатели восстанавливают здесь либо знак перевернутой лямбды (трита соединенных в инструментальной нотации) либо знак Θ (та же нота в вокальной нотации).

за ней присоединяется крайняя, которая потому названа крайней соединенных, что является окончанием в этом тетрахорде. Всякий тетрахорд соединенных называется так потому, что присоединяется к средней, которая первая завершает совершенное созвучие¹⁰⁸¹. Тот тон, который следует через полтона от средней, называется *παράμεσος*, поскольку достаточно близкое звучание соединенной мелодии находится в дисгармонии с ним¹⁰⁸². (944) Затем — третья разделенных, которая завершает полную систему октавы (что для третьей из соединенных невозможно)¹⁰⁸³; за ней следуют прочие звуки¹⁰⁸⁴. Род разделенных получил такое имя потому, что отстоит от конца средних на полтора тона¹⁰⁸⁵. После него располагается тетрахорд крайних, который потому получил имя крайних, что в каждом из ладов он поднимается на наибольшую высоту и представляет собой вершину в каждой из мелодий.

(945) Из упомянутых звуков, то есть нот, одни таковы, что им необходимо быть неизменными и оставаться на месте, другие же являются подвижными¹⁰⁸⁶. Кроме того, одни называются *низкопикноновыми* (*βαρύπικνοί*)¹⁰⁸⁷, иные известны как *среднепикноновые* (*μεσόπικνοί*), иные как *высокопикноновые* (*ὀξύπικνοί*), иные как *беспикноновые* (*ἄπικνοί*). Уплотнением же именуется некоторое соединительное качество трех звуков. *Низкопикноновые* — это те, которые удерживают как бы начальное положение внутри уплотнения, *среднепикноновые* — занимают среднее положение, *высокопикноновые* — последнее¹⁰⁸⁸. *Беспикноновые* — те, которые никаким родом и законом не связаны

¹⁰⁸¹ Т.е. октаву.

¹⁰⁸² Имеется в виду, очевидно, дисгармония (т.е. несовместимость в пределах одной мелодии) между тетрахордом соединенных и тетрахордом разделенных.

¹⁰⁸³ О полных системах октавы см. § 954. В переводе данного места мы следуем тексту Ж.-Б. Гийомена.

¹⁰⁸⁴ Т.е. паранета и нета разделенных.

¹⁰⁸⁵ Полтора тона — расстояние от мезы до триты разделенных; расстояние между тетрахордами средних и разделенных составляет один тон.

¹⁰⁸⁶ Неподвижными являются крайние звуки каждого тетрахорда: к ним относятся *ὑπάτη ὑπάτων, ὑπάτη μέσων, μέση, νῆτη συνημμένων, νῆτη διεζευγμένων* и *νῆτη ὑπερβολαίων*. Все другие звуки подвижные — в том смысле, что они могут повышаться и понижаться в зависимости от рода тетрахорда (см. §§ 956–957).

¹⁰⁸⁷ Греческий термин *πικνόν*, который в следующем предложении Марциан Капелла переводит как *spissum* «уплотнение», означает скопление трех звуков в нижней части тетрахорда. Аристоксен (в отличие от Аристида Квинтилиана, которому следует здесь Марциан Капелла) полагает, что этот термин применим только по отношению к тетрахордам хроматического и энгармонического рода (Aristox. harm. I 156).

¹⁰⁸⁸ Например, в тетрахорде начальных к *низкопикноновым* будет относиться гипата, к *среднепикноновым* — паргипата, к *высокопикноновым* — лихана.

с положением тех трех звуков, что являются уплотненными¹⁰⁸⁹. (946) Постоянными и неизменными называются либо *беспикноновые*, либо *низкопикноновые*, которые как бы утверждают за собой вид и форму начальных¹⁰⁹⁰. А устойчивыми некоторые называют их потому, что они не способны претерпевать разнообразные растяжения. Другие считаются подвижными и блуждающими, потому они принимают иногда более широкие, иногда более узкие интервалы: иные из них называются *паргипатовидными* (*παρπυματοειδεῖς*), иные *лихановидными* (*λιχανοειδεῖς*)¹⁰⁹¹. Первые из них зовутся так потому, что присоединяются непосредственно к предшествующим начальным. Лихановидные называются по тому пальцу, который, будучи прислужником для искусства и пения, приводит каждый из них в движение: это тот палец, что следует за большим¹⁰⁹². (947) Некоторые из них находятся между собой в согласии, другие — в разногласии и противоречии. *Симфонические* — это те, которые связаны между собой, а *диафонические*, то есть несозвучные, — это те, которые, если их сыграть, находятся в разногласии. *Гомофонические* — это те, которые, хотя и несут разное обозначение голоса, при этом сохраняют одинаковую силу¹⁰⁹³. Существуют и другие различия звуков. Первое — по натяжению, в силу которого они различаются высоким или низким звучанием. Второе — по участию в интервалах, когда они связываются с одним или несколькими интервалами. Третье — по связи с системами, так как звук принадлежит к одной или нескольким из них. Также есть то, что называется «в соответствии с нравом», то есть *κατὰ τὰ ἦθη*: ибо высокое обозначает один нрав, а низкое — другой.

(948) Теперь следует рассказать об интервалах. Интервал — это промежуток голоса, куда включается высокий и низкий звук. Среди интервалов иные являются кратчайшими, иные — широчайшими. Кратчайшие — этот те, которые заключаются в энгармонической диесе, широчайшие — это те, которые в каждом из ладов производят двойную

¹⁰⁸⁹ Т.е. звуки, не входящие в пикнон: это *прослабаномен*, *нета соединенных* и *нета верхних*.

¹⁰⁹⁰ «Которые... начальных» — так Марциан Капелла переводит и перефразирует используемый Аристидом Квинтилианом термин *ὑπατοειδεῖς* «гипатообразные, гипатоиды», ср. упоминаемые ниже паргипатовидные и лихановидные звуки.

¹⁰⁹¹ Таким образом, *гипатовидный* звук — это нижний звук всякого тетраорда, *паргипатовидный* — следующий за ним второй звук тетраорда, *лихановидный* — третий звук тетраорда.

¹⁰⁹² Греч. *λιχανός* «указательный палец», отсюда происходит название соответствующей струны.

¹⁰⁹³ В греческом оригинале (Aristid. Quint. I 6) марциановскому «обозначению звука» (*vocis significationem*) соответствует *δύναμιν φωνῆς*, а «силе» (*impetum*) — *τάσιν*. Под гомофонией, таким образом, подразумеваются те случаи, когда одинаковые по высоте звуки имеют различную гармоническую функцию.

октаву, шире которой в тональностях мы не можем обнаружить ничего. (949) Еще среди интервалов иные являются составными, иные — отдельными и несложными. Несоставные — это те, которые следуют по порядку, а составные — те, которые складываются из удаленных друг от друга звуков¹⁰⁹⁴. Кроме того, иные упоминаются как рациональные, иные — как иррациональные. Рациональные — это те, для которых мы может продемонстрировать соответствующую пропорцию. Иррациональные — это те, в основе которых не лежит числовое отношение¹⁰⁹⁵. Также иные являются созвучными, иные несозвучными. Далее, иные энгармонические, иные хроматические, иные диатонические. Также иные *четные* (*artia*), иные *нечетные* (*perissa*): первые я назову равными, а вторые — выступающими. Равные — это те, которые можно разложить на равные части, как тон на два полутона, нечетные же — те, которые делятся на три полутона. (950) Далее, иные интервалы густые, другие более редкие. Густые — это те, которые слагаются из диес, более редкие — те, которые из тонов. Еще среди них иные созвучны между собой, иные — несозвучны. Несозвучных, однако, огромное множество, созвучных же во всех тональностях всего шесть: это кварта (*διὰ τεσσάρων*), которую мы называем «из четырех», квинта (*διὰ πέντε*), или «из пяти», далее октава (*διὰ πασῶν*), или «из всех»; созвучно также то, что состоит из октавы и кварты, или из октавы и квинты, или двойная октава, которая называется *δις διὰ πασῶν*. (951) Тот интервал, который называется квартой (*διὰ τεσσάρων*), то есть «из четырех», включает четыре звука, три интервала, два с половиной тона, пять полутонов, десять диес и находится в эпитритном отношении, как четыре к трем. Квинта (*διὰ πέντε*), или «из пяти», включает пять звуков, четыре интервала, три с половиной тона, семь полутонов, четырнадцать диес и находится в полуторном отношении, в каком находятся три к двум. Октава (*διὰ πασῶν*) имеет восемь звуков, семь интервалов, шесть тонов, вдвое больше полутонов, вчетверо больше диес и пребывает в двухкратном отношении, которое представляет собой отношение единицы к двум. (952) Тот интервал, который называется октава с квартой, состоит из одиннадцати звуков, десяти интервалов, тонов имеет восемь с половиной, полутонов и диес — в соответствии с вышеуказанной пропорцией, и находится в диплазиэпидимерном отношении, как восемь к трем. Тот интервал, который состоит из октавы и квинты, включает двенадцать звуков, одиннадцать интервалов, девять с половиной тонов, полутонов вдвое больше, диес вчетверо больше

¹⁰⁹⁴ По Аристиду Квинтилиану (Aristid. Quint. I7), несоставные интервалы — это интервалы между подряд идущими звуками, а сложенные — интервалы между звуками, идущими не подряд; последние можно при интонировании разделить на несколько интервалов. В переводе данной фразы мы опираемся на текст Ж.-Б. Гийомена.

¹⁰⁹⁵ Например, полутон, который, в отличие от тона, невозможно определить рациональным числовым отношением.

и находится в трехкратном отношении, как четыре к двенадцати. (953) Тот интервал, который называется двойной октавой (*δις διὰ πασῶν*), имеет звуков пятнадцать, интервалов дважды семь, тонов двенадцать, полутонов вдвое больше, диес сорок восемь и находится в четырехкратном отношении, как двенадцать к трем. Тон же находится в сверхвосьмидольном отношении¹⁰⁹⁶. Повсюду в энгармоническом роде мы должны принимать такую диесу¹⁰⁹⁷, которая представляет собой четвертую частицу тона.

(954) Теперь следует поведать о том, что такое система. Система есть широта голоса, состоящая из многих частей¹⁰⁹⁸. Хотя она и допускает много родов разделения, однако, поскольку они те же, о которых я уже упомянула, говоря об интервалах, я их опущу¹⁰⁹⁹. Полных и совершенных систем всего восемь¹¹⁰⁰. Первая — та, которая целиком помещается в промежутке от прибавленного, который мы называем *прослабаномен*, до средней, которую мы именуем *месой*. Вторая — та, которая тянется от начальной начальных до *парамеса*. Третья — та, которая соединяет звуки от подначальной начальных до третьей разделенных. Четвертая — та, которая располагается от протяженной начальных до диатонической разделенных. Пятая — та, которая идет от начальной средних до неты разделенных. Шестая — та, которая включает звуки от подначальной средних до третьей верхних. Седьмая — та, которая занимает место от протяженной средних до диатонической верхних. Восьмая — та, которая ведет от средней до крайней верхних.

(955) Перечислив их, я назову роды тетрахордов и мелодии. Тетрахорд — это распределение струн сопредельным качеством. Существуют три рода мелодии: *энгармоника*, *хроматика* и *диатоника*¹¹⁰¹. (956) Энгармоникой называется тот, который разделяется на большее число более узких интервалов¹¹⁰²; диатоникой — тот, который обилен тонами;

¹⁰⁹⁶ Т.е. в отношении 9 : 8 (ср. § 761).

¹⁰⁹⁷ Мы следуем здесь чтению большинства рукописей: *ubique dies in enarmonio debemus accipere*.

¹⁰⁹⁸ По Аристиду Квинтилиану (Aristid. Quint. I 8), система — это звукоряд, состоящий более чем из двух интервалов; системы бывают неполные (тетрахорд и пентахорд) и полные (октава). Марциан Капелла рассматривает далее только полные системы.

¹⁰⁹⁹ Системы, как и интервалы, могут различаться (в зависимости от ограничивающего их интервала) по широте, роду, консонантности и т.д. (см. §§ 948–950).

¹¹⁰⁰ Т.е. систем, заключенных внутри октавы. Далее перечисляются восемь видов октавы, в зависимости от начального и конечного звука.

¹¹⁰¹ См. прим. 1077.

¹¹⁰² Утверждение о «большем числе» интервалов в энгармоническом роде, очевидно, неверно: в любом тетрахорде по определению четыре ноты и три интервала. По предположению Дж. Уиллиса, ошибка могла возникнуть из-за неправильного чтения греческого оригинала: *πλείοσιν* вместо *πλεονάσαν* у Аристида Квинтилиана (Aristid. Quint. I 9).

хроматикой — тот, который слагается из полутонов: ибо как то, что находится между белым и черным, называется цветом, так и хроматика именуется так, потому что располагается между одним и другим. (957) Энгармоника, находящаяся в окружении неизменных звуков, будет соответствовать мелодии, ведущей к высокому звуку через диесу, диесу и несоставной дитон; по направлению же к низкому звуку вся мелодия подчиняется обратному порядку. Хроматика обретает <...> мелос через полутон, полутон и три полутона, которые она будет проходить как несоставные; к низкому же она будет двигаться противоположным образом. А диатоника, заключенная между теми же звуками, будет исполнять мелодию по направлению к высокому звуку таким образом, что заполнит весь ряд полутонном, тоном и тоном; нижнего же звука она достигнет в обратном порядке. Теперь мы, впрочем, пользуемся по большей части диатоникой. (958) Некоторые из них мы интонируем, прибегая к движению (*per ἀνωγῆν*), некоторые — прибегая к сплетению (*per πλοκήν*). Прибегая к движению — это когда звуки следуют по порядку, о сплетении же говорится, когда мы соединяем различные звуки. Поэтому среди мелодий иная называется *εὐθεῖα*, то есть прямая, иная *ἀνακάμπτουσα*, то есть возвратная, иная *περιφερῆς*, то есть окружная. *Εὐθεῖα* — это та, которая восходит от низкого к высокому, *ἀνακάμπτουσα* — та, которая, напротив, движется вниз; *περιφερῆς* — та, которая угождает или служит обеим. (959) Хотя тетрахордам, которые мы называем четырехструнными¹¹⁰³, свойственны бесчисленные разделения, известны только шесть: одна энгармоника, три хроматики, из которых первая — мягкая и слабая, вторая — полуторная, третья — тоновая¹¹⁰⁴, две диатоники — мягкая и твердая¹¹⁰⁵. Энгармоника получает свою меру от диесы *тетартемории*, то есть четвертой части тона. Тот род, который мы назвали мягким, образуется посредством диесы *тритемории*. Полуторная же хроматика получается с помощью диесы, которая является *полуторной* по отношению к энгармонической¹¹⁰⁶.

¹¹⁰³ В ориг.: *quadrifidos*. Марциан Капелла намекает на этимологическую связь между прилагательным *quadrifidus* «расщепленный на четыре части» и существительным *fides* «струны».

¹¹⁰⁴ Три указанные разновидности хроматики характеризуются следующим распределением интервалов внутри тетрахорда: 1/3 тона — 1/3 тона — 1 5/6 тона (мягкая хроматика); 3/8 тона — 3/8 тона — 1 3/4 тона (полуторная хроматика), полутон — полутон — полтора тона (тоновая хроматика). До сих пор под хроматикой по умолчанию подразумевалась тоновая хроматика.

¹¹⁰⁵ Две указанные разновидности диатоники характеризуются следующим распределением интервалов внутри тетрахорда: 3/4 тона — 5/4 тона — полутон (мягкая диатоника), тон — тон — полутон (твердая диатоника). До сих пор под диатоникой по умолчанию подразумевалась твердая диатоника.

¹¹⁰⁶ Ср. § 930.

(960) А теперь — о тонах¹¹⁰⁷. Тон есть широта интервала, и он называется тоном потому, что через этот интервал прежде всех других протягивается тот голос, который прозвучал первым, то есть от некоего знака к другому знаку: например, от меса к парамесе, как бывает в лидийской тональности, если встречаются знаки вертикальной иоты и горизонтальной сигмы¹¹⁰⁸. Поскольку, однако, я уже поведала о том, что такое полутоны и диесы, какова их величина и свойства, а также указала названия и количество тональностей, теперь мы поговорим о тетрахордах. Ибо каждая из тональностей сохраняет в себе по пять тетрахордов, о чем я также не преминула сказать выше¹¹⁰⁹. (961) При этом нет сомнения, что края их должны быть в ладу между собой¹¹¹⁰, ибо тетрахорд представляет собой созвучное и верное согласие четырех звуков, расположенных по порядку. Существуют тетрахорды начальных, средних, соединенных, разделенных и верхних. И первый тетрахорд, который является самым низким, начинается от начальной начальных и оканчивается начальной средних, начальных же <...> связанный с тетрахордом средних и называемый тетрахордом соединенных, — это будет тетрахорд от средней до неты соединенных. Отрезан и удален от них четвертый — тетрахорд разделенных, который тянется от близкой к средней до неты разделенных. Тот же, что связан с разделенными — это пятый, тетрахорд верхних, доходящий до самого высокого звука. О тетрахордах, однако, сказано достаточно.

(962) Теперь рассмотрим пентахорды: их тоже, без сомнения, всего пять¹¹¹¹. Итак, первый — самый низкий; мы называем его пентахордом начальных, ибо он начинается от прибавленного и оканчивается начальной средних. Следующий в сторону повышения устроен так: он состоит из звуков начиная от протяженной начальных до той из средних, которая в лидийской тональности обозначается вертикальной иотой. Третий — пентахорд соединенных, который идет от протяженной средних до крайней соединенных. Четвертый, образуемый разделе-

¹¹⁰⁷ Соответствующий раздел у Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 10) посвящен тональностям (т.е. способам транспозиции звукоряда, см. § 935), которые могут обозначаться по-гречески словом *τόνοι* — тем же, что и соответствующий интервал. Марциан Капелла толкует здесь слово *τόνοι* в последнем смысле, что ведет к некоторой путаности изложения.

¹¹⁰⁸ Ошибка Марциана Капеллы либо рукописной традиции: горизонтальная сигма в инструментальной нотации лидийской тональности является обозначением не парамесы, а паргипаты средних.

¹¹⁰⁹ Эти пять тетрахордов перечисляются дальше (§ 961).

¹¹¹⁰ Т.е. края тетрахорда должны образовывать консонирующий интервал, кварту.

¹¹¹¹ Источники этого параграфа неизвестны. Аристид Квинтилиан (Aristid. Quint. I 8) упоминает только о трех «созвучных пентахордах», подробно их не описывая. У других античных авторов мы также не находим подробного рассказа о пентахордах. Возможно, излагаемая здесь теория является собственным изобретением Марциана Капеллы.

нием, обыкновенно соединяет среднюю с нетой разделенных. Пятый поднимается вверх и, начинаясь с протяженной разделенных, оканчивается нетой крайних¹¹¹². (963) С тем, что я сейчас сказала, согласны все сведущие в нашем искусстве. В то же время для меня не являются тайной утверждения некоторых о том, что пентахорды могут начинаться с полутона, как это допускается в диатонической мелодии, о которой я много говорила выше. Я хотела бы сообщить и поведать о том, что прибавленный тон, хотя и помещается во всех прочих последовательностях, однако он не может находиться в тех из них, которые не основаны на звуках тетрахордов, последние же всегда начинаются с полутона. В других же последовательностях, которые именуются пентахордами и не являются при этом составными частями мелодии, тон добавляется для того, чтобы было видно, что они состоят из звуков тетрахорда¹¹¹³. Таким образом, полутон в них мы можем поместить на втором месте.

(964) Теперь о переходе в мелодии. Переход — это изменение голоса в иную звуковую фигуру. Происходит переход четырьмя способами: по роду, от энгармоники к хроматике или диатонике; или по системе, например, если мы совершаем переход, скажем, от начальной начальных к подначальной или к какой-нибудь другой системе¹¹¹⁴, или от соединенных к разделенным¹¹¹⁵; или по тону, когда пение переводится из лидийской в фригийскую или другую тональность¹¹¹⁶; или по мелодии, когда от одной разновидности мелодии мы перескакиваем к другой или когда происходит переход от мужественного пения к женственным ладам¹¹¹⁷.

(965) Следующее, о чем я буду рассуждать, — это род музицирования. Мелопея — это способность создавать мелодию. Мелос — это извлечение высокого или низкого звучания; мелодия — это выражение

¹¹¹² Ср. § 944.

¹¹¹³ Смысл этого рассуждения, очевидно, сводится к тому, что пентахорд может быть получен только одним способом: прибавлением нижнего тона к тетрахорду (именно так образованы все перечисленные выше пять пентахордов). Таким образом, утверждение неизвестных нам античных музыковедов о том, что пентахорд может начинаться с полутона, с точки зрения автора, не выдерживает критики.

¹¹¹⁴ Переход между различными видами октавы (ср. § 954). В других дошедших до нас античных трактатах о музыке такой вид перехода не упоминается.

¹¹¹⁵ Переход от системы, включающей тетрахорд соединенных, к системе с тетрахордом разделенных.

¹¹¹⁶ Под тоном здесь подразумевается, разумеется, не интервал тона, а тональность, см. прим. 1060, прим. 1107.

¹¹¹⁷ Под мелодией (*modulatio*) и ладом (*modus*) в данном случае, очевидно, подразумевается определенный характер («этос») музыки.

разнообразного звучания¹¹¹⁸. Существуют три разновидности мелопеи: *гипатоидная*, *месоидная* и *нетоидная*. *Гипатоидная*, которая именуется трагической, — эта та, которая состоит из низких звуков. *Месоидная*, которая также зовется дифирамбической, — это та, которая придерживается уравновешенных и средних тонов. *Нетоидная*, которую обычно также называют номической, — эта та, которая включает по большей части звуки из верхнего регистра. Существуют и другие различия, ибо иные мелосы называются *эротическими*, иные — *комическими*, иные — *энкомиологическими*¹¹¹⁹. Впрочем, последние правильнее ставить в подчинение предыдущим, так как они не способны привести своих собственных разделений. (966) Указанные разновидности также называются тональностями. Сами же мелопеи отличаются друг от друга во многих отношениях: родом — например, иная может быть энгармоническая, иная хроматическая, иная диатоническая; системой — ибо иная гипатоидная, иная месоидная, иная нетоидная; тональностями — например, лидийской, дорийской или прочими. <...> однако всякий, кто начинает мелос, прежде всего должен обращать внимание на систему и исходя из этого смешивать и складывать звуки. О семи частях нашего искусства¹¹²⁰ достаточно будет сказать это.

Теперь вкратце скажем о ритмах, то есть размерах, ибо это тоже, без сомнения, часть нашей науки. (967) Итак, ритм — это некое сложное целое, составленное из чувственно ощущаемых времен и связанное некоторым видом и порядком. Иначе он определяется так: размер есть упорядоченная связь различных мер, приспособленная ко времени соответственно устройству мелодии, посредством которой голос должен то возвышаться, то понижаться¹¹²¹, и то, что приводит нас от произвола в мелодии к искусству и дисциплине. Существует, впрочем, разница между ритмом и ритмическим: (968) ритмическое есть материя для размеров, ритм же прилагается, словно бы некий мастер или разновидность мелодии¹¹²². Всякий размер определяется тремя способами: зрением, слухом и осязанием. Зрением — как в

¹¹¹⁸ Марциан Капелла воспроизводит здесь, в несколько усложненной манере, противопоставление мелопеи и мелодии у Аристида Квинтилиана (Aristid. Quint. I 12). Согласно последнему, мелодия — это выражение мелоса (*ἐπαγγελία μέλους*), а мелопея — творческая способность (*ἔξις ποιητική*).

¹¹¹⁹ Букв.: восхваляющими (от греч. *ἑγκώμιον* «хвалебная речь»).

¹¹²⁰ Т.е. гармоника, одного из разделов музыки (см. § 938).

¹¹²¹ Неявное указание на ритмические понятия арсиса и тесиса (букв. «подъема» и «спуска»), ср. § 974. Это определение размера (ритма), не имеющее прямого соответствия у Аристида Квинтилиана и, возможно, принадлежащее самому Марциану Капелле, может, по мнению Ж.-Б. Гийомена, представлять собой пример смешения собственно ритмических (арсис, тесис) и грамматических (повышение голоса, соответствующее острому ударению, ср. §§ 268–273) понятий.

¹¹²² Аристотелевское противопоставление материи и формы.

случае тех размеров, которые образуются движениями тела; слухом — когда мы устремляем внимание, чтобы судить о мелодии; осязанием — как мы с помощью пальцев исследуем показания пульса. Для нас, впрочем, наиболее свойственным считается то, что связано со слухом и зрением. (969) Все ритмическое искусство заключается в размерах: оно принимает некоторые размеры со свойственными им обращениями и отбирает соответствующие правилам вариации. Есть также немалое различие между ритмом и метром, о чем я упомяну впоследствии¹¹²³. Поскольку же, как было сказано, к размеру применимы зрение и слух, мы здесь также выделим три рода: движение тела; устройство звуков и мелодии; слова, которые связывает между собой подходящее их мере устройство: все это вместе в сочетании образует совершенное пение. Размер в речи, как известно, делится на слоги; в мелодии — на арсис и тесис; в жестикуляции он образуется определенными фигурами и схемами.

(970) Родов же размера всего семь¹¹²⁴. Первый — о временах; второй — об исчислении времен: какие могут укладываться в размер, какие не могут укладываться в размер, какие считаются ритмовидными, то есть подобными размерам (они называются соответственно этому тремя различными именами: ритмические, неритмические, ритмовидные); третий — о стопах; четвертый — об их роде; пятый — тот, который мы называем ритмическим движением, то есть каким образом движется размер и длительности; шестой — об изменениях¹¹²⁵; последний — ритмопея, то есть каким образом может создаваться размер.

(971) Итак, первичное время — это то, которое, подобно атому, не имеет ни частей, ни делений, какова в геометрии точка, в арифметике — монада, то есть некое единичное и достаточное для самого себя естество. В словах единичное обнаруживается через слог, в мелодии — через звук и интервал, в танце — через начало телесного движения,

¹¹²³ По определению Аристида Квинтилиана (Aristid. Quint. I 23), сущностью ритма является противопоставление тесиса и арсиса, сущностью метра — противопоставление неравных слогов. Согласно римскому грамматiku Псевдо-Сергию (GLK IV p. 533, 11–20), «ритмики определяют слоги через время (*temporibus*), метрики же определяют время через слоги».

¹¹²⁴ Перечисляются семь разделов учения о ритме. По сравнению с классификацией Аристида Квинтилиана (Aristid. Quint. I 13) Марциан Капелла вводит два дополнительных раздела, разбивая надвое каждый из первых двух пунктов Аристида Квинтилиана: 1) *περί πρώτων χρόνων*, 2) *περί γενῶν ποδικῶν*. Целью такой модификации было, очевидно, достижение симметрии между внутренними структурами гармонии (§ 938) и ритмики, в каждой из которых оказывается по семь параллельных по содержанию разделов.

¹¹²⁵ Пятый и шестой разделы ритмики (посвященные, соответственно, темпу и изменениям ритма) в дошедшем до нас тексте девятой книги не излагаются: вероятно, они попали в лакуну между § 993 и § 994.

которое мы назвали фигурой. Это и будет кратчайшим временем, которое я упомянула как неделимое; составное же — это то, что можно разделить и что по отношению к первичному является или двухкратным, или трехкратным, или четырехкратным: ибо всякое время в размере длится именно до этих пор, и пределом его является то, что представляет собой границу полного отношения. Также и в этом размер обнаруживает свое сходство с тоном, ибо как тот делится на четыре вида, то есть диесы, так и этот ограничен четверной вариацией времен.

(972) Из тех времен, которые соединяются в размеры, иные — те, которые называют ритмическими временами, иные — неритмические, третьи — те, что известны как ритмовидные. Ритмические — это те, которые сохраняют порядок посредством некоторого отношения: как, например, в случае двойных или полуторных или прочих, которые связываются некоторым отношением. Неритмические — это те, которые не согласуются между собою вовсе никаким правилом и связаны без какого-либо определенного отношения. Ритмовидные же — это те, которые в чем-то сохраняют размер, а в чем-то пренебрегают им. (973) Иные из этих времен известны как *στρογγύλα*, то есть округлые, иные — как *περίπλεα*¹¹²⁶. Округлые — это те, что обрушиваются стремительнее и легче, чем того требует некий шаг и законный порядок, а *περίπλεα* — это те, что вплетают в сложенную мелодию более длительные, чем подобает, остановки, и как бы нарочно замедляются в силу чересчур запоздалого произношения. Также иные из времен являются простыми, иные — многообразными; последние также известны как подические¹¹²⁷.

(974) Стопа — это первое движение размера, образованное связью законных и необходимых звуков. Двумя ее частями являются арсис и тесис. Арсис — это подъем, тесис — понижение и ослабление голоса. (975) Стопам свойственны семь различий: по величине¹¹²⁸ <...> ибо

¹¹²⁶ Греч. *περίπλεος* «переполненный, обильный».

¹¹²⁷ *Podica*, от греч. *ποδικοί* (*χρονοί*), — т.е. относящиеся к стопам (греч. *πόδοι*).

¹¹²⁸ Текст этого и следующего параграфа в рукописях содержит несколько лакун. Согласно Аристиду Квинтилиану (Aristid. Quint. I 14), первое из семи различий между стопами — по величине (измеряемой в простых временах); второе — по роду (в зависимости от полуторного, двойного и т.д. отношения между арсисом и тесисом); третье — по простоте и сложности (в зависимости от того, состоят ли арсис и тесис из одного элемента или нескольких; стопа, которую можно разделить на другие стопы — составная), четвертое — по рациональности (в зависимости от того, находятся ли арсис и тесис между собой в рациональном отношении); пятое — в зависимости от того, на какие простые элементы делится составная стопа; шестое — в зависимости от способа разделения; седьмое — по противопоставлению (например, одна стопа начинается с долгого элемента, за которым следует короткий, а другая устроена противоположным образом).

одни стопы мы полагаем простыми, а другие — многообразными; простые — это такие, как пиррихий¹¹²⁹, составные — такие, как пеоны и подобные им¹¹³⁰. Простыми называются такие, которые делятся на времена, составными же — те, которые раскладываются также на стопы. <...> Иные же мы именуем *ἄλογοι*, то есть иррациональными, когда им не соответствует никакое отношение, и они образованы некоторым неупорядоченным соединением¹¹³¹. (976) Далее, иное различие обнаруживается в разделении — каково оно, то есть *ποιά*¹¹³², когда то, что соединено, разделяется по-разному и многими способами, так что те стопы, которые были простыми, могут быть и многообразными стопами. Есть и иное, которое обычно происходит вследствие разделения¹¹³³ <...> Седьмое — то, которое происходит через противопоставление, то есть когда из двух взятых стоп одна содержит длительное время, которое предшествует по порядку, время же, которое следует за ним, более сжатое; или когда вышесказанные времена оборачиваются в противоположном порядке.

(977) Ритмических родов существует три. Иногда они называются дактилическим, ямбическим и пеоническим, иногда — равным, полуторным и двойным, иногда прибавляется и эпитритный¹¹³⁴. Ибо когда один приставляется к самому себе, он соответствует себе как равный; если нечто является двухкратным по сравнению с единичным, то оно сохраняет двойное отношение как времен, так и слогов; число три по сравнению с двумя является полуторным; четыре же по сравнению с тремя образует меру эпитритного отношения. Впрочем, то же, что мы называли равным, мы будем называть дактилическим: в самом деле, в дактилическом роде элементы связаны между собой законом равенства — единица с другой единицей, или два с двойным числом, или до чего еще может дойти многочисленное равенство. Далее следует ямбический род, который я выше обозначила как двойной; в нем элементы стоп сохраняют между собой двойное отношение: или один к двум, или двойка к четырем, или что-нибудь еще, что соответствует двойному. Полуторный, который был упомянут как пеонический, имеет место, как известно, тогда, когда элементы стоп подчиняются порядку и закону полуторного отношения — таково будет отношение двух к трем. Часто также прибавляется размер, обладающий эпитритным устройством, когда рассматривается стопа

¹¹²⁹ Пиррихий (проклеватик) — стопа, состоящая из двух кратких слогов: [U:U].

¹¹³⁰ Пеон — пятиморная стопа, обычно состоящая из одного долгого слога и трех кратких, например: [—U:UU].

¹¹³¹ Ср. § 992.

¹¹³² Греч. *ποιός* «какой (по качеству)».

¹¹³³ См. прим. 1128.

¹¹³⁴ В дактилическом («равном») роде арсис и тесис равной длины; в ямбическом («двойном») их длины относятся друг к другу как один к двум, в пеоническом («полуторном») — как два к трем, в эпитритном — как три к четырем.

с таким отношением, как четыре к трем. Однако вернемся теперь к нашему порядку.

(978) Итак, равный — этот такой род размера, который начинается с двухчастной стопы и доходит до шестнадцати (двухчастной называется первая стопа, о которой говорят, что она состоит из арсиса и тесиса — например, *leo*). Двойной же начинается с трехчастной и достигает предела в восемнадцать слогов. Полуторный, как известно, берет начало от пятичастной стопы, полноты же достигает с числом двадцать пять. Эпитритный начинается с семичастной, оканчиваясь четырнадцатью слогами; использование его затруднительно. Мы упомянули все эти последовательности размеров для того, чтобы присущие каждому из них законы соблюдались во всех возможных случаях.

(979) Иные из размеров составные, иные несоставные, иные перемешанные. Составные сложены из двух или нескольких родов; несоставные — это те, которые состоят из одного рода стоп, например, четырехчастные; смешанные же — те, которые разлагаются иногда на стопы, иногда на размеры, как мы должны принять это в шестичастном размере¹¹³⁵. Из тех же, которые называются составными, иные соединяются посредством связок, иные посредством периода. *Сизигия*, то есть связка, представляет собой прочное скрепление воедино двух стоп, которые выглядят как неподобные между собой. Период, как известно, представляет собой сочетание нескольких стоп, которые, будучи неподобными, соединяются между собою как равные. (980) Различных несходств будет, как очевидно, три: по величине, по роду и по противоположности¹¹³⁶. По величине — это когда размер складывается из двухчастного и четырехчастного; по роду — когда мы связываем вместе двойной и полуторный или то, что равным образом получается из соединения нескольких размеров; по противоположности, то есть через антитезу — это когда мы либо вначале помещаем двухчастные, за которыми следует нечто гораздо более значительное, либо используем четырехчастные, за которыми следуют двухчастные. Пусть, однако, будет известно, что для завершения периода может быть достаточно даже одной стопы, если она помещается среди прочих как единственная неравная¹¹³⁷.

(981) Из тех родов, что укладываются в стопу, первым является дактилический. Назовем несоставные стопы этого рода, которых всего

¹¹³⁵ Другими словами, смешанные стопы — это те, которые можно рассматривать либо как простые, либо как составные.

¹¹³⁶ Ср. §§ 975–976.

¹¹³⁷ Т.е. для того, чтобы превратить последовательность равных стоп в период, достаточно прибавить к ним единственную стопу, отличную от прочих.

шесть, а именно: два прокелевматика, два анапеста, простой спондей и большой спондей¹¹³⁸. Что касается прокелевматика, он сохраняет и короткое понижение, и короткий подъем¹¹³⁹; он же, впрочем, часто будет пользоваться и четырехчастной стопой. Дело в том, что и двухчастная стопа — то есть такая, которая заполняется двумя временами — является прокелевматиком, но именуется кратким; большой же — это тот, который образуется из четырех кратких. Краткий, то есть двухчастный, называется *непрерывным* (*syneches*), ибо сама повторяемость и частота следующего за самим собой слога не обладает протяженностью и не образует какую-либо величину или способную к разделению меру. Потому и прибегать к нему следует редко, дабы повторение краткого слога не прерывало звучание песни, которая должна исполняться с некоторым достоинством. В чередовании же с другими стопами, более долгими, он смотрится достойно, так как восполняет их длительную задержку своими быстрыми вставками. По этой причине употребляемый в размере прокелевматик должен начинаться с четырехчастной стопы. (982) Так называемый анапест будет допускать подъем стопы, состоящий из одного времени¹¹⁴⁰, понижение же будет иметь состоящее из двух времен. Ибо время называется монохронным и тогда, когда берется один долгий слог, каковой долгий имеет обыкновение содержать в себя два времени, и когда вместе помещаются три кратких времени, и когда их числом четыре, — в случае если все они считаются сопоставимыми с долгим слогом. Таким образом, большой анапест допускает подъем, который называется монохронным, понижение же, как показано, имеет дихронное. По этой причине следует принять время подъема как двойное по отношению к каждому из тех двух времен, что содержатся в понижении, полагая их равными между собой, причем таким образом, чтобы эта часть, состоящая из двух последующих времен, выглядела как равная предыдущей. По этой причине мы называем его дактилическим анапестом *от большего* (*apomizonos*)¹¹⁴¹. Тот же

¹¹³⁸ В переводе данной фразы мы опираемся на текст Ж.-Б. Гийомена. Вот схемы всех шести упоминаемых далее дактилических стоп: краткий прокелевматик [U : U], большой прокелевматик [UU : UU], анапест «от большего» [— : UU], анапест «от меньшего» [UU : —], простой спондей [— : —], большой спондей [— — : — —].

¹¹³⁹ Т.е. и арсис, и тесис в коротком прокелевматике вмещают по одному краткому слогу.

¹¹⁴⁰ Как ясно из дальнейшего изложения, Марциан Капелла имеет здесь в виду не «первичное время» (§ 971), а т.н. «монохронное время» (*monochronon tempus*), т.е. метрическую единицу, состоящую из двух, трех или четырех «первичных времен» и при этом метрически эквивалентную одному долгому слогу. Аристидом Квинтилианом термин «монохронное время» не употребляется; из известных нам источников оно встречается только в папирусе Р. Оху. 2687(9).

¹¹⁴¹ Согласно Аристиду Квинтилиану, анапест «от большего» (т.е. дактиль) образуется долгим слогом в тесисе, за которым следуют два кратких слога в арсисе (Aristid. Quint. I 15). По мнению Ж.-Б. Гийомена, перестановка арсиса и теси-

анapest, что именуется *от меньшего* (*apelassonos*), образуется двумя краткими слогами, которые находятся в подъеме, и одним слогом, содержащимися в понижении. (983) Простым спондеем будет тот, который образуется из протяженных и арсиса, и тесиса; большим же называется тот, который допускает, как видно, не только четверной подъем, но и четверное понижение.

С помощью связки добавляются двойные размеры, один из которых ионик от большего, другой от меньшего. Тот, который начинается от большего, будет состоять из простого спондея и прокелевматика (который, несомненно, является двухчастным). Тот же, что от меньшего, поступает противоположным образом¹¹⁴². Таковы несоставные и составные ритмы, которые будут помещены в дактилическом роде, всего же их по числу восемь¹¹⁴³. (984) Дактиль называется так потому, что образует порядок слогов, напоминающую человеческий палец¹¹⁴⁴; анапест — потому что возвращается вверх в обратном порядке¹¹⁴⁵; пиррихий, он же прокелевматик, — потому что он часто используется в состязаниях и в некой детской игре¹¹⁴⁶; спондей — потому что он служит по большей части для жертв и возлияний¹¹⁴⁷; ионик — очевидно, из-за неравного звучания размеров, ибо в нем два долгих слога и два коротких; из-за песен с такой стопой многие неоднократно подвергались порицанию¹¹⁴⁸. Впрочем, о дактилических довольно.

(985) Теперь упомянем о ямбических: в этом роде несоставных размеров будет четыре, составленных посредством связки — два, а посредством периода — двенадцать. Итак, несоставные следующие: ямб, состоящий из половинного подъема и удвоенного понижения; трохей, состоящий из двойного подъема и короткого понижения; орфий,

---

са в этом месте у Марциана Капеллы связана со свойственным этому автору смешением ритмических и грамматических понятий и происходящим отсюда стремлением поместить арсис, понимаемый как повышение голоса (и связываемый, соответственно, с острым ударением) в начало дактилической стопы; см. также прим. 1121.

¹¹⁴² Ионик «от большего»: [— — | UU], ионик «от меньшего»: [UU | — —].

¹¹⁴³ В переводе этой фразы мы опираемся на текст Ж.-Б. Гийомена

¹¹⁴⁴ Греч. *δάκτυλος* «палец»; имеется в виду расположение фаланг человеческого пальца.

¹¹⁴⁵ Греч. *ἀνάπαιστος* «обращенный назад».

¹¹⁴⁶ У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 15): «в пиррихах и в состязаниях». Пирриха (*πυρρίχη*) — название военной пляски, а также детской игры: последнее толкование мы встречаем у Сервия (Serv. Aen. V 602).

¹¹⁴⁷ Греч. *σπονδή* «возлияние».

¹¹⁴⁸ У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 15): «Ионик — из-за грубости ритма, за который ионийцы высмеивались в комедиях». Согласно одной из версий, предложенных Ж.-Б. Гийоменом, объяснение Марциана Капеллы может быть основано на сходстве звучания слов *iniquus* «неравный» и *ionicus*.

который будет состоять из четырехчастного подъема и восьмичастного понижения — таким образом, эта стопа, как видно, вместила двенадцать времен и имеет некоторую близость к ямбической стопе, ибо первые четыре времени созвучны ямбу, если прибавить к ним оставшиеся восемь времен¹¹⁴⁹; затем — трохей, который называется семантическим, то есть тот, который состоит из восьмикратного понижения в начале, к которому в подъеме присоединяются четыре оставшихся кратких¹¹⁵⁰.

(986) К составным, несомненно, относятся те, которые соединены связками. Таковы следующие: бакхий от трохея, который ведет начало от трохея, окончание же имеет ямбическое; тот бакхий, который от ямба, выбирает почин от ямба и образуется противоположным образом по отношению к тем стопам, что были нами названы¹¹⁵¹. А посредством периода означает то, что словно бы проходит по определенному пути¹¹⁵². При том, что всего в этом роде двенадцать стоп, четыре, как учат, включают в каждый период по одному ямбу и по три трохея. И из этих четырех тот, который, имеет на первом месте ямб, именуется трохеем от ямба. Тот ритм, который будет помещать ямб на второе место, будет называться трохеем от бакхия. Тот, который помещает ямб на третье место, можно будет именовать бакхием от трохея. Тот же, который допускает ямб на четвертое место, зовется эпитритным ямбом¹¹⁵³. Из тех, что состоят из одного трохея и трех ямбов, первый — тот, который имеет трохей в начальной позиции и получил от ученых название «ямб от трохея». Второй именуется ямбом от бакхия, или его, как очевидно, можно будет назвать средним бакхием. Тот, который помещает его на третье место, называется бакхием от ямба. Тот же, который помещает трохей на четвертое место, зовется эпитритным трохеем¹¹⁵⁴. (987) Восемь же <...> Четыре из тех, которые мы назвали двенадцатью образованными посредством периода, называются такими, которые сохраняют в каждом периоде по два трохея и ямба. И тот, который в начале помещает трохеи, будет назван двойным бакхием

¹¹⁴⁹ Имеется в виду, что в орфии такое же пропорциональное соотношение между арсисом и тесисом, что и в ямбе (см. прим. 1150).

¹¹⁵⁰ Схемы четырех простых ямбических стоп: ямб [U : —], трохей [— : U], орфий [UU UU : UU UU UU UU], семантический трохей [UU UU UU UU : UU UU].

¹¹⁵¹ Бакхий от трохея (хориямб): [—U | U—], бакхий от ямба (антиспасть): [U— | —U].

¹¹⁵² Ср. греч. *περίοδος* «окружной путь». По предположению Ж.-Б. Гийомена, в оригинальном тексте Марциана Капеллы могло стоять *per circuitam viam* «по окружному пути», в не *per se certam viam*, как в большинстве рукописей: в таком случае этимологизирующее объяснение Марциана Капеллы оказывается более понятным.

¹¹⁵³ Трохей от ямба: [U— | —U | —U | —U], трохей от бакхия: [—U | U— | —U | —U], бакхий от трохея: [—U | —U | U— | —U], эпитритный ямб: [—U | —U | —U | U—].

¹¹⁵⁴ Ямб от трохея: [—U | U— | U— | U—], ямб от бакхия: [U— | —U | U— | U—], бакхий от ямба: [U— | U— | —U | U—], эпитритный трохей: [U— | U— | U— | —U].

от трохея. Тот же, что будет иметь в начале ямбы, зовется двойным бакхийем от ямба. Когда трохеи располагаются в середине, можно будет по праву назвать это средним трохеем. Когда же в середине ямбы, это называется средним ямбом¹¹⁵⁵. Всего же ритмов — и несоставных, и тех, которые, будучи составными, соединяются посредством периода или посредством связи — насчитывается восемнадцать¹¹⁵⁶.

(988) Ямб назван так потому, что слово *ιαμβίζειν* у греков означает «поносить», а такую песню древние использовали для поношения. Кроме того, это название происходит от того, что он изливает яд злословия и ненависти¹¹⁵⁷. Трохей же именуется так потому, что он производит быстрый оборот, подобно колесу¹¹⁵⁸. Орфий назван так из-за достоинства своего тесиса¹¹⁵⁹. Семантический — разумеется, потому, что будучи более медлительным с точки зрения времени, он производит обозначение протяженного и пребывающего на месте бездействия¹¹⁶⁰. Бакхии же названы так потому, что в наибольшей степени соответствуют вакхическим восклицаниям, а вакхические игры — это те, которые сопровождаются подобными песнями.

(989) В том роде, который именуется пеоническим, будет названо два несоставных ритма. Один из них зовется пеон *διάυμιος* и состоит из долгого понижения и краткого и долгого подъема; другой же пеон *ἐπιβατός* и состоит из долгого понижения и долгого подъема и двойного протяженного понижения и продолжительного арсиса¹¹⁶¹. Таковы размеры пеонического рода, которые мы выше назвали несоставными. В этом роде, однако, не прибавится ни одного ритма, образованного посредством соединения или периода. *Διάυμιος* именуется так потому, что как бы различает два члена¹¹⁶²; *ἐπιβατός* же — потому, что он, как бы пользуясь четырьмя членами, образуется сочетанием двух арсисов и двух различных тесисов¹¹⁶³.

¹¹⁵⁵ Двойной бакхий от трохея: [—U | —U | U— | U—], двойной бакхий от ямба: [U— | U— | —U | —U], средний трохей: [U— | —U | —U | U—], средний ямб: [—U | U— | U— | —U].

¹¹⁵⁶ 18 ямбических стоп: 4 несоставные + 2 составных, образованных посредством связи + 12 составных, образованных посредством периода.

¹¹⁵⁷ Ср. греч. *ἰός* «яд».

¹¹⁵⁸ Ср. греч. *τροχός* «колесо».

¹¹⁵⁹ Ср. греч. *ὄρθιος* «крутой, отвесный».

¹¹⁶⁰ У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 16): «Будучи более медлительным с точки зрения времен, пользуется специальными обозначениями (*σημασίαις*), ради последовательности удваивая тесисы». Имеются в виду, очевидно, специальные знаки для обозначения «сверхдолгой» метрической позиции.

¹¹⁶¹ Пеон *δίυμιος*: [—U : —], пеон *ἐπιβατός*: [— : — : — : —].

¹¹⁶² У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 16): «*Διάυμιος* называется так как бы в смысле *δίυμιος*», ср. греч. *δι-* «дважды» и *γυῖον* «член тела».

¹¹⁶³ Ср. греч. *ἐπιβαίνω* «вступать, наступать».

(990) Если же эти роды оказываются перемешаны, возникают несколько разновидностей размеров, и первой их разновидностью будут те, что именуются дохмийскими. Первый них образуется по правилу, согласно которому он состоит из ямба и того пеона, что зовется *διάυμιος* (этот *διάυμιος* впоследствии стали называть кретиком). Вторая разновидность — та, которая что состоит из ямба, дактиля и пеона¹¹⁶⁴. (991) Те размеры, которые называются дохмийскими, зовутся так, очевидно, из-за непрерывного и составного звучания¹¹⁶⁵.

Существуют и такие размеры, которые называются просодическими, иные из которых получаются из трех стоп: пиррихия, ямба и трохея; иные же из четырех, когда к упомянутым трем стопам к началу присоединяется ямб; иные же, образованные двумя *сизигиями*, то есть связками, состоят обычно из бакхия и ионика от большего¹¹⁶⁶.

(992) Есть также, конечно, и такие, которые называются иррациональными, которые мы обычно именуем *alogoi*, которые мы, кроме того, привыкли звать хорейми¹¹⁶⁷. Их существует два, и первый из них подражает фигуре дямба и состоит из подъема, который является долгим, и двух понижений. Ритмом он подобен дактилю, с точки же зрения частей он связан с ямбическим размером и именуется ямбовидным как род, близкий ямбу. Другой размер — тот, что именуется трохеевидным, то есть тот, который выглядит как имеющий некоторый вид трохея и состоит из двойного подъема и долгого понижения, будучи образован противоположным образом по сравнению с первым¹¹⁶⁸.

(993) Есть еще шесть относящихся к смешанному роду, а именно: кретик; дактиль по ямбу; дактиль, совпадающий с бакхией — тем, что происходит из трохея; дактиль по бакхию, который проистекает из ямба; дактиль по хорю, который заимствует свое начало по сходству с ямбом; дактиль по хорю, который выглядит как образованный по сходству с трохеем. Итак, кретик состоит из трохеического понижения <...>¹¹⁶⁹

¹¹⁶⁴ Первый дохмий: [U— | —U—], второй дохмий: [U— | —UU| —U—].

¹¹⁶⁵ У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 16): «Дохмии названы так из-за своей пестроты и неровности и потому что они не рассматриваются как относящиеся к прямой ритмопее», ср. греч. *δόχμιος* «кривой».

¹¹⁶⁶ Первая разновидность: [UU | U— | —U], вторая: [U— | UU | U— | —U], третья: [—UU— | — — UU].

¹¹⁶⁷ У Аристиды Квинтилиана (Aristid. Quint. I 17) — «два иррациональных хорей».

¹¹⁶⁸ Ямбовидный иррациональный хорей: [— : U—], трохеевидный иррациональный хорей: [U— : —].

¹¹⁶⁹ Далее следует длинная лакуна. При переводе этого параграфа мы опирались на текст Ж.-Б. Гийомена. Шесть смешанных размеров, согласно Аристиду Квинтилиану (Aristid. Quint. I 17), следующие: кретик [—U : —U] (ср. § 990), дактиль по ямбу [U— : U—], дактиль по бакхию от трохея [—U : U—]; дактиль по бакхию от ямба [U— : —U]; дактиль по ямбовидному хорю [—UU : —U—]; дактиль по трохеевидному хорю [—UU : U— —].

(994) Ритмопея — это способность составлять размеры и полное постижение всех фигур. Делится она на те же части, что и мелопея, и эти части следующие: *λήψις*, то есть постижение, благодаря которому мы знаем, какой размер следует употребить; *χρήσις*, то есть применение, благодаря которому мы должным образом располагаем понижения и подъемы; *μίξις*, то есть смешение, благодаря которому мы в подходящих случаях искусно перемешиваем размеры. Ладов же в ритмопее, как и в мелопее, три: *усмиряющий* <...>¹¹⁷⁰ и я упоминал их выше, в разделе о гармонике. (995) Нам следует также знать, что размер есть нечто мужское, а мелодия — нечто женское: в самом деле, мелодия — это материя, которая считается лишенной собственной фигуры, ритм же через осуществление некоего мужского действия сообщает звукам как форму, так и различные свойства».

(996) Кратко поведав обо всем этом внимавшим ей богам и племенам героев, Гармония завершила свой полный величественной приятности рассказ и умолкла, пристойным образом возвратившись к сладости своих мелодий и напевов. После этого, исполнив вечернюю песнь в присутствии поднявшегося с места Юпитера и возглавлявших шествие богов, она тоже, к великому удовольствию всех, подступила к чертогу девы.

(997) Вот, Марциан, рассказ, который Сатура
 Мне, старику, под свет лампад поведала,
 Пока, учить стараясь в духе смешанном¹¹⁷¹
 Пеласгов¹¹⁷² всем искусствам, милым Аттике,
 Девятый свиток кончила играючи,
 (998) Одну ученость на другую громоздя,
 Мешая в кучу с явным сокровенное,
 Богов и Муз соединив, и круг искусств
 Заставив речь вести в творенье низменном.
 (999) Она же, оскорбленная, промолвила,
 Вся переполняясь желчью: «Длинный плащ надев,

¹¹⁷⁰ В тексте лакуна. Аристид Квинтилиан (Aristid. Quint. I 19) называет следующие три рода ритмопеи: усмиряющий (*συσταλτικός*), воодушевляющий (*διαστατικός*), успокаивающий (*ἡσυχαστικός*).

¹¹⁷¹ В ориг.: *miscillo flamine* «смешанным дуновением (вдохновением?)». Комментаторы видят здесь намек на избранный Марцианом Капеллой жанр менипповой сатиры, отличающийся неоднородностью как предмета, так и формы (прозаической и стихотворной).

¹¹⁷² Пеласгов римские авторы называют древнейшими обитателями Италии (Plin. n. h. III 5, 50; Macr. sat. I 7, 28; Serv. Aen. VIII 479); ср. § 642. В данном случае под пеласгами подразумеваются римляне.

Могла бы я, как из собрания Марсова¹¹⁷³,
 Явиться, похвалу снискав ученостью!
 Но Феликса Капеллы вдохновением,
 Кого непросвещенный век застал в суде
 Собачий бред несущим в исступлении,
 Витийствующим на холме проконсульском¹¹⁷⁴,
 Как шмель, жужжащим над цветком словесности,
 Хоть сам давно сражен седою старостью;
 Кого блаженный град Элиссы¹¹⁷⁵, отпрыска,
 Зрит, тяжбы праздных пастухов ведущего
 Задешево, богатства не снискавшего,
 От неусыпных бдений днем сонливого —
 (1000) Из им рожденного ключа Пегасова
 Как было мне достойной черпать чашею?»
 И вслед за ней, седин моих свидетелем,
 Читая, сын, будь к шуткам снисходителен.

¹¹⁷³ Слово сочетание *Martis curia* «курия Марса» — латинский перифраз греческого *Ἄρειος πάγος* «Ареопаг», букв. «холм Ареса». Ареопаг выступает здесь, вероятно, как метонимическое обозначение классических Афин; позднейшие утверждения о том, что знаменитый холм был излюбленным местом встречи философов (ср. комментарий Ремигия: *ex Areopago, ubi erat curia philosophorum et ubi disputabant semper*), не находят подтверждения в античных источниках.

¹¹⁷⁴ Возможно, указание на Бирсу (*Bursa*), главный холм Карфагена, где располагалась резиденция проконсула Африки.

¹¹⁷⁵ Элисса — пунийское имя Дидоны. Город Элиссы — Карфаген.

Список сокращений

1. Auctores Graeci

Aët.		Aëtius	
	plac.		de placitis collectio
Alyp.		Alypius	isagoge
Anon. Bellerm.			Anonyma de musica scripta Bellermanniana
Ps.-Apollod.		Pseudo-Apollodorus	bibliotheca sub nomine Apollodori
Arat.		Aratus	phaenomena
Aristid. Quint.		Aristides Quintilianus	de musica
Aristot.		Aristoteles	
	analyt. pr.		analytica priora
	de an.		de anima
	cael.		de caelo
	cat.		categoriae
	int.		de interpretatione
	metaph.		metaphysica
	poet.		poetica
	rhét.		retorica
	soph.el.		de sophisticis elenchis
	top.		topica
Aristox.		Aristoxenus	
	harm.		elementa harmonica
Artem.		Artemidorus Daldianus	oneirocritica
Diod.		Diodorus Siculus	bibliotheca historica
Diog. Laert.		Diogenes Laertius	de clarorum philosophorum vitis libri X
Diogenian.		Diogenianus Paroemiographus	
Dion. Thr.		Dionysius Thrax	ars grammatica
Eucl.		Euclides	

	elem.		elementa
Gemin.		Geminus	elementa astronomiae
Gal.		Galenus	
	Hipp. et Plat.		de placitis Hippocratis et Platonis
Her.		Hero Alexandrinus	
	def.		definitiones
Herod.		Herodotus	
	hist.		historiae
Hes.		Hesiodus	
	theog.		theogonia
Hom.		Homerus	
	Il.		Ilias
Ios. Fl.		Iosephus Flavius	
	ant. Iud.		antiquitates Iudaicae
Isocr.		Isocrates	
	antidos.		antidosis
Lucian.		Lucianus	
	Alex.		Alexander
Max. Tyr.		Cassius Maximus Tyrius	
	or.		orationes
Nicom.		Nicomachus Gerasenus	
	intr.		arithmetica introductio
or. Chald.			oracula Chaldaica
Paus.		Pausanias	descriptio Graeciae
Phil.		Philo Alexandrinus	
	de fuga		de fuga et inventione
	de mutat. nom.		de mutatione nominum
	de op. mund.		de opificio mundi
	quaest. in Gen.		quaestiones in Genesim

Phot.		Photius	
	bibl.		bibliotheca
Plat.		Plato	
	Cratyl.		Cratylus
	epinom.		[Ps.-Platonis] epinomis
	epist.		epistulae
	Hip. mai.		Hippias maior
	Men.		Meno
	Phaedr.		Phaedrus
	Phil.		Philebus
	Protag.		Protagoras
	resp.		respublica
	symp.		symposium
	soph.		sophista
	Theaet.		Theaetetus
	Tim.		Timaeus
Plut.		Plutarchus	
	def. orac.		de defectu oraculorum
	Demosth.		Demosthenes
Ps.-Plut.		Pseudo-Plutarchus	
	mus.		de musica
Porph.		Porphyrius Tyrius	
	in harm.		in Ptolemaei harmonica
Procl.		Proclus	
	in Eucl.		in primum Euclidis librum commentarius
Ptol.		Claudius Ptolemaeus	
	alm.		almagest = syntaxis mathematica
Sext. Emp.		Sextus Empiricus	
	adv. math.		adversus mathematicos
	adv. mus.		adversus musicos
Simp.		Simplicius	

	in phys.		in Aristotelis physicorum libros quattuor priores commentaria
Stob.		Ioannes Stobaeus	
Str.		Strabo	
Theo. Sm.		Theon Smyrnaeus	
Theolog. arithm.			Theologumena arithmeticae

2. Auctores Latini

Acc.		Accius	
	trag.		tragoediarum fragmenta ed. Ribbeck
Apul.		Apuleius	
	perierm.		periermeniae Apulei expliciunt in quibus continentur categorici syllogismi
	met.		metamorphoses
	Soc.		de deo Socratis
Arnob.		Arnobius Afer	
	adv. nat.		Arnobii adversus nationes libri VII
Aug.		Aurelius Augustinus	
	de ord.		de ordine
Boeth.		Anicius Manlius Severinus Boethius	
	inst. arithm.		de institutione arithmetica
	mus.		de musica
Cassiod.		Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator	
	inst.		institutiones divinarum et saecularium litterarum
Catull.		Catullus	carmina
Cens.		Censorinus	
	de die nat.		de die natali
Cic.		M. Tullius Cicero	

	Acad.		Academica
	agr.		de lege agraria
	Brut.		Brutus
	Caec.		pro Caecina
	Cael.		pro Caelio
	Catil.		in Catilinam
	Deiot.		pro rege Deiotaro
	div. Caec.		divinatio in Q. Caecilium
	Cluent.		pro Cluentio
	de or.		de oratore
	div.		de divinatione
	dom.		de Domo sua
	Font.		pro Fonteio
	inv.		de inventione
	Lig.		pro Ligario
	Luc.		Lucullus
	Mil.		pro Milone
	Mur.		pro Murena
	n. d.		de natura deorum
	off.		de officiis
	orat.		orator
	Phil.		Philippicae
	Pis.		in Pisonem
	Quinct.		pro Quinctio
	rep.		de republica
	S. Rosc.		pro S. Roscio Amerino
	Scaur.		pro Scauro
	Sest.		pro Sestio
	Tull.		pro Tullio
	Tusc.		Tusculanae disputationes
	Verr.		in Verrem
Cleom.		Cleomedes	de motu circulari corporum caelestium

Curt.		Q. Curtius Rufus	
Enn.		Q. Ennius	
	ann.		annales
Fav. Eulog.		Favonius Eulogius	disputatio de Somnio Scipionis
Gell.		Aulus Gellius	noctes Atticae
Hor.		Q. Horatius Flaccus	
	a. p.		ars poetica
	carm.		carmina
	epod.		epodi
Hyg.		Hyginus	
	astr.		astronomica
Isid.		Isidorus Hispalensis	
	diff.		differentiae
	etym.		etymologiae
Iuv.		D. Iunius Iuvenalis	
Liv.		T. Livius	ab Urbe condita
Lucan.		M. Annaeus Lucanus	bellum civile
Lucr.		T. Lucretius Carus	de rerum natura
Macr.		Ambrosius Theodosius Macrobius	
	sat.		saturnalia
	somn.		commentarii in Somnium Scipionis
Mart.		M. Valerius Martialis	epigrammata
Myth. Vat. Prim.		Mythographus Vaticanus Primus	
Nigid.		P. Nigidius Figulus	
Ov.		P. Ovidius Naso	
	fast.		fasti
	met.		metamorphoses
	Pont.		epistulae ex Ponto
Phaedr.		Phaedrus	
Plin.		C. Plinius Secundus	

Список сокращений

	n. h.		naturalis historia
Quint.		M. Fabius	
	inst.		institutio oratoria
rhet. Her.			rhetorica ad Herennium
Sen.		L. Annaeus Seneca	
	ep.		epistulae
Sept.		Septimius Serenus	
Serv.		Maurus (Marius) Servius Honoratus	
	Aen.		in Vergilii Aeneidos libros commentarius
Sol.		Gaius Julius Solinus	de mirabilibus mundi
Suet.		Suetonius	
	gram.		de grammaticis
Tib.		Albius Tibullus	elegiae
Ter.		P. Terentius Afer	
	Andr.		Andria
	ad.		adelpi
	hec.		hecyrā
	Phorm.		Phormio
Tert.		Quintus Septimius Florens Tertullianus	
	apolog.		apologeticum
Val. Max.		Valerius Maximus	
Var.		M. Terentius Varro	
	l. l.		de lingua Latina
Verg.		Vergilius	
	Aen.		Aeneis
	geo.		georgica
	ecl.		eclogae
Vitr.		Vitruvius	de architectura
Vulg.			Vulgata
	prov.		proverbia Salomonis

3. Другие сокращения

append. — appendix Perottina fabularum Phaedri

CN — Communes notiones sive axiomata

def. — definitiones

frg. — fragmentum

GLK — Grammatici Latini ed. Keil

MSG — Musici scriptores Graeci ed. K. von Jan

P. Oxy. — Papyrus Oxyrhynchus

pr. — praefatio

prop. — propositiones

post. — postulata

RLM — Rhetores Latini minores ed. K. Halm

Предметно-именной указатель¹

- Абдера 79, 242
Абидос 243
Абинна (Абила) 234, 234
Абноба 244
Авес 246
Август, Октавиан 232, 233, 233, 235
Августин, Аврелий 10, 18, 19, 28, 47, 49, 179
Августин, Псевдо- 32
Авзонийское море 240
Авзония 145 см. Италия
Авиен 46
Авлокрена 249
Авлида 243
Аврора 80, 98, 325
Австр 229, 230, 236
авхаты 244
Агамемнон 124*
Аганиппа 241
агатирсы 244
Агиллина 238
Агриппия 79, 79, 88
Агриппа, Марк Випсаний см. Випсаний
Агриппа
Аддирис 245
Адиабена 248, 250
Адонис 95
Адраст Афродисийский 41, 42
Адрастия 70
Адриатическое море 237, 243
Адрумет 246
Азиатское море 249
Азия 38, 234, 243, 244, 247-250, 254
Азовское море 232, см. Меотида
азолеи 241
Акарнания 240, 241
Аквила Роман 9, 32, 33
Аквилон 229, 244
Академия 16, 18, 29, 34, 97, 175
Аквитания 245
Акона 249
Акрокеравний 231, 240
Акрокеравнийские горы 240
Акрокоринф 241
акронический восход 316, 316, 319
Акте 241
Акция (город), Актийское побережье 241, 335
Акция (поэт) 112
аланы 244
Аларих 8
Александр Великий 227, 233, 242, 247, 250-252, 334, 334
александрийские грамматика 20, 22-24
Александрия (в Египте) 44, 226, 226, 227, 228, 232, 246, 247, 254, 303, 315, 335
Александрия (в Центральной Азии) 250
Алипий 49, 341
аллегория 7, 11, 14-16, 18, 201
Аллекто 195
Алтарь (созвездие) 303, 304
Альбин 50
«Альмагест» см. Птолемей, Клавдий
Альпы 231, 236, 237
амазонки 237, 237, 245, 334
Амбракийский залив 240, 241
Аммиан Марцеллин 9
Аммон 91, 91, 95, 246
Ампсага 246
Амфиарай 91
амфимакр 204

---

¹ Указатель включает имена собственные, встречающиеся в тексте Марциана Капеллы, вступительной статье и примечаниях, а также некоторые важнейшие понятия и термины. Цифры соответствуют номерам страниц. Цифра, набранная прямым шрифтом, относится к основному тексту «Бракосочетания Филологии и Меркурия», цифра, набранная курсивом, — ко вступительной статье или постраничным примечаниям. Звездочка рядом с цифрой означает, что данное слово употребляется Марцианом Капеллой в качестве грамматического или логического примера

- Амфион 124*, 326, 327
 Амфитрита 73, 73
 Аму-Дарья 250
 Амур см. Купидон
 Анаксагор 43, 226
 Анаксимандр 43
 Анаксимен из Лампсака 29
 Анаксимен Милетский 43
 анадиплосис 210
 аналогия (в грамматике) 22–24, 120–139
 анапест 205, 354, 354, 355
 Анатолий Лаодикийский 40
 Ангелы 90, 97
 Андромеда 248
 Андромеда (созвездие) 300, 303, 304
 аномалия (в грамматике) 22–24, 139–140
 Антандрос 243
 антезевгменон 211
 Антей 245
 антеки 229, 230
 антиподы 229, 230
 антихтоны 229, 230
 Антенор 238
 Антич 238
 Антиливанские горы 248
 Антиох I 233, 250, 250
 Антиохийская Сирия 250
 Антиохия 248
 Антиполь 238
 антипофора 219
 антисагога 208
 антиспаст 356
 антистрофа 210
 антитеза 209, 353
 Антоний, Марк (автор сочинения о риторике) 30
 Антоний, Марк (триумвир) 191
 Антоний Гнифон 23
 антропофаги 244, 251
 Аония 81, 81
 аоны 333
 Апамея 249
 Апеллес 223, 223
 Апис 246
 Аполлодор (ритор) 179
 Аполлон 19, 55, 57, 58, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 68, 81, 177, 222, 241, 249, 322
 Делиец 58, 60, 63–67, 97, 109, 141, 143, 174, 295, 321, 322, 330, 332
 Клариец 62, 65, 66, 141
 Латоны сын 61, 100, 323, 330
 Феб 59–62, 64, 66, 66, 75, 76, 95, 98, 116*, 177, 292, 295, 322, 322, 324, 327, 328, 330
 Аполлон Дидимский 251
 Аполлон Кларосский 249
 Аполлоний Дискол 24
 Аполлоний Пергский 35, 45, 318
 Аполлония (в Киренаике) 246
 Аполлония (в Палестине) 248
 Аполлонов мыс 246
 апострофа 207
 Апотеоза 87, 87
 Аппий Клавдий 109
 Апроний 211
 апсида 318, 318
 Апулей 11, 28, 40, 42, 50, 68
 апулы 236
 Арабский залив 233, 252
 Аравия 226, 227, 233, 247, 248
 Аракинф 241
 Арат из Сол 46, 298
 Аргей 250
 Аргиона 56
 Аргирея 252
 аргументация (раздел речи) 217–219
 аргументы 191–197, 217–219
 Арго (созвездие) 300, 301, 303, 304
 Арголида 240
 Ардея 237
 Ареопаг 360
 Арес 360 см. Марс
 Аретуза 241
 Арион 326, 327
 аримаспы 244
 аримфеи 244
 Арис 190, 190
 Аристарх Самосский 44, 307
 Аристарх Самофракийский 22, 23
 Аристид Квинтилиан 9, 49–51, 339, 342–345, 347, 349–351, 354, 355, 357–359
 Аристилл 44
 Аристоксен 48, 49, 97, 333, 342

- Аристотель 18, 20–22, 25–30, 40, 44, 48, 57, 97, 142, 142, 144, 145, 155, 170, 171, 215, 220, 265, 265, 267, 307, 308, 349
- Аристофан Византийский 22
- Арифметика 15, 66, 67, 254, 255, 263, 264
Владычица цифр 291
- арифмология, аритмология 19, 40–42, 78, 265, 267
- Аркадец см. Меркурий
- Аркадия, аркадский 57, 58, 91, 222, 222, 329, 329, 330, 330
- Аркесилай 16, 97, 97
- Арктур 226, 226, 301, 303
- Армения 227, 248–250
- Армения Большая 250
- Армянские Ворота 249
- Арпы 238
- Арсиноита 247
- Арсиноя (город) 246, 248
- арсис и тесис 349, 350–357
- Арсия 240
- Артабрийский мыс 231
- Артемида см. Диана
- Артемидор из Эфеса 231, 231, 232, 247
- Архимед 35, 97, 224, 309
- Архит Тарентский 34, 39–41, 47
- архитектура 17, 19
- Архитектура 19, 321
- асиндетон 211
- Асклепиад 334, 335
- Асклепий 91, см. Эскулап
- Ассирия 248, 250, 253
- Астиги 235
- Астипалея 231
- Астрей 296, 298, 298
- Астрея 93, 296, 296
- Астурика Аугуста 235
- Астрономия 46, 66, 223, 255, 294–296, 319
- Атамания 242
- Атанасия 86–88, 86
- Ателла 211
- Атлант 94, 126*, 127*; потомок Атланта см. Меркурий
- Атлантический океан, Атлантическое море (Западный океан) 232, 234, 235, 245, 246
- атланты 247
- Атлас 245
- Атропос 70
- Аттаценский залив 251
- Аттика 91, 100, 144, 144, 240, 241, 243, 359
- Атгис 95
- аугилы 247
- Афина см. Минерва
- Афины, афинский 22*, 29, 34, 47, 143, 144, 145, 158*, 175, 241, 291, 296, 360
- афиняне 144, 176, 296
- Афон 242
- Афр (сын ливийского Геркулеса) 245
- Африка 38, 233, 234, 237, 239, 245–247, 253, 315, 360
- Африка Внутренняя 247
- Африкан см. Сципионы
- Африканское море 239
- Афродизия 253
- Афродита см. Венера
- Ахайя 240, 241
- Ахеронт 241
- Ахерузия 249
- Ахилл 176
- Ахилла остров 244
- Ашера 296
- Аэрия 243
- Аэтуза (Аэгуза) 240
- Аякс 104*, 106*, 190
- Баграда 246
- Бактрия 250
- бакхий 356–358, 356–358,
- Бакхий (автор сочинения о музыке) 49
- Балдахин (созвездие) 303
- Балеарские острова 238, 238
- Барбита 253
- Баргил 248
- Бембрикия 249
- Беда Достопочтенный 11
- Белон 245
- Беневент 238
- Береника (город) 246
- Беотия 81, 240, 241, 243, 243
- бессы 242
- Бетика 234, 234, 235, 245
- Бетис 315
- Биант из Приены 294

- Биас 251
 Библ 95
 Бизаций 246
 Бирса 360
 Благорастворение (Temperies) 64
 Блаженные острова 253
 Бласкорум 238
 блеммии 247
 Близнецы (созвездие) 65, 72, 300, 304–307, 312
 боги-консенты 68, 69
 «Божественная комедия» см. Данте Алигьери
 Большая Медведица (тж. Повозка, Септентрионы, Семизвездие) 76, 76, 226, 226, 229, 230, 270, 294, 294, 298, 298, 301, 303, 301, 323, 329, 329
 Большой Пес, Собачка (созвездие) 76, 76, 237, 300, 300, 303, 304
 Борисфен (город) 244
 Борисфен (озеро) 244
 Борисфен (река) 244, 310, 310, 315
 Боспор Киммерийский 244
 Боспор Фракийский 244, 249
 Бостар 190, 190
 Бозэий 9–12, 19, 35, 40, 47, 49
 Бракара Аугуста 235
 Браката 236
 Братья (семь гор) 245
 Британия 227, 245, 315
 Бромий см. Дионис
 Брундизий 231
 Бруттий 236
 Бруттийский залив 236
 буквы, их произношение 20, 103–109
 Булла-Регия 246
 Бутрот 240
 Быстрота (Celeritas) 69
 Вавилон 248, 253, 270
 Вавилония 248, 253
 вавилоняне 43, см. халдеи
 Вахх см. Дионис
 вакханалии 245
 вакханки 235
 вакхический 292, 320, 357
 вандалы 8
 Вар 236
 варваризм 141, 141
 варвары, варварский 141, 141, 146, 232, 240, 242–244
 Варрон, Марк Теренций 17, 19, 22, 23, 28, 35, 41, 42, 47, 50, 102, 145, 203, 223, 237, 244, 294, 298, 335
 Варрон, Публий Теренций (Атацинский) 46
 Велия 239
 ведение (в риторике) 190–191
 Ведий см. Плутон
 Везул 237
 Вейл см. Плутон
 Великая Греция 236, 240
 Великий Год 313, 313
 Венария 238
 Венера 55, 66, 68, 73, 80, 88, 94, 100, 129*, 248, 254, 262, 263, 268, 269, 293, 320, 321, 325, 326
 Афродита 58, 66
 Диона 80, 262, 326, 326, 330, 331
 Киприда 55, 55, 57, 66, 224, 326
 Киферея 254, 330
 Пафиянка 254, 324, 328
 Венера (планета) 43, 44, 46, 60, 64, 80, 80, 95, 270, 307–309, 309, 316, 317, 317
 Веспер, Вечерняя звезда 226, 317, 325
 Люцифер 224, 317
 Фосфор 307, 317, 325 см. Светоносцы
 венеты 250
 Венец Ариадны (созвездие) см. Северная Корона
 Вера (Fides) 88
 Вергилий Марон, Публий 7, 97, 110, 113, 115–117, 130, 138, 140, 157, 195, 200, 236, 266, 292, 331
 Веррес 182, 185, 190, 194, 195, 198, 199, 203, 209, 210
 Весенний Плод (Veris Fructus) 69
 Весна (Ver) 72
 Веспер, Вечерняя звезда см. Венера (планета)
 Веста 68, 72, 92, 92, 98
 Весы (созвездие) 300, 301, 303–305, 305, 312, 314, 318
 Вечность (Aeternitas) 57
 Вибона 237, 239

- вид (форма) см. род и вид (форма)
 Византий 242
 Випсаний Агриппа, Марк 233, 235
 Випсаниан см. Юлий Цезарь Випсаниан
 Витрувий 17, 49, 309
 Вифин 249
 Вифиния 249, 334
 Володей (созвездие) 300, 303–305
 военное дело 17
 Возничий (созвездие) 300, 303, 303, 304
 Волопас (созвездие) 76, 294, 301, 301, 303, 304
 Волосы Вероники (созвездие) 226
 Ворон (созвездие) 300, 303
 вопрос (в риторике) 30, 31, 178–191, 219
 Воспитание см. Пайдейя
 Восток крайний 232
 Восточный океан, Восточное море 231, 251
 восход и заход созвездий 304–307
 врачевание 91, 100, 102, 102, 334, 335 ср.
     медицина
 время (категория) 158
 время (в ритмике) 350, 351
 вступление (в риторике) 214–215
 Вулкан 58, 61, 68, 69, 73, 105*, 270, 270
     Лемниец 321
     Лемносский мастер 58
     Мульцибер 61, 61, 69, 222, 321
 Вулканы острова 240
 выражение (в риторике) 179
 выразимость и невыразимость величин 258–260
 высказывание 161–166
 Габон 233
 Гавлос 239
 Гадес, Гадитанский 231–235, 236, 244, 253
 Галата 239
 Галатея 330
 Галатия 248–250
 Гален 334
 Галилея 248
 Галл (река) 249
 Галлия 210, 226, 232, 233, 236, 238, 245, 315
 Галлода 239
 галлы (народ) 236
 галлы (служители Кибелы) 249
 Галльское море 235
 гамаксобии 244
 Ганг 231, 251
 Ганнибал 122*, 249
 Ганнибалов Лагерь 237, 240
 Ганнон 233, 233
 гараманты 246, 247
 Гаргафия 241
 Гармония 15, 66, 269, 323, 324, 327–335, 359
     Музыка 141
 Гарпократ 74, 74, 264, 264
 Гауденций 49, 50
 Гебр 242
 Гейзерих 8
 Геката 79, 97, 265
 Гекуба 243
 Геликон 59, 81, 241
 Геллеспонт 240, 243, 244, 315
 Геллий, Авл 28, 35, 142
 гелоны 244
 Гем 240, 242
 Гемин 45, 46, 298, 302, 309
 Гемитеи 91, ср. Семоны, полубоги
 Гемония 241
 Генетлиака 102, 322, 322
 Гений, Гении 69, 69, 90, 92
 география, географический 9, 37, 231
 Геометрия 15, 37, 66, 145, 145, 223–225, 254, 255, 261, 262, 272, 309, 315
 Гера см. Юнона
 Геракл 174 см. Геркулес
 Гераклеополь 247
 Гераклея 249
 Гераклид Понтийский 44, 309
 Гераклит 43, 73, 97
 Гераст 243
 Геркулес, Геракл 73, 73, 91, 97, 127*, 174, 233, 234, 237, 239, 242, 245, 247, 250–252, 264
 Геркулес (созвездие) 300, 300, 303, 304
 Геркулесовы острова 239
 Геркулесовы Столпы 231, 233, 234
 Герм 249
 Гермагор 30, 31, 179, 180, 183
 Германик, Гай 46

- Германия 232, 233, 233, 244, 315
германцы 244
Гермафродит 66, 66
Гермес см. Меркурий
Гермес Трисмегист 15
Гермиона (супруга Ореста) 242
Герои 91
Герон Александрийский 35
Герофил 335, 335
Герофила 91
Гесиод 20, 326, 330
Гесперида 243
Гесперид сады 245, 246
Гесперид острова 253
Гесперия 226
геты 242, 244
Гея 144, 330 ср. Земля
Гибралтар 233, 234
Гиганты 174, 242
Гидра 264
Гидра (созвездие) 300, 303, 304
Гидрунт 240
Гиерокл Александрийский 40
Гиеронесс 240
Гилас 249
Гилас (озеро) 249
гимантоподы 247
Гименей 55, 55, 173, 262, 294, 324, 325, 326, 330
Гимер 326, 326
Гимназии (острова) 238, 238
гимнастика 18
Гипанис 244, 251, 252
гипербореи 244, 251
гиперборейский 294, 335
Гипея 238
Гипокрена 241
Гиппарх Никейский 44, 45, 297, 299, 312, 318
Гиппий 20, 29
Гиппократ (математик) 34
Гиппон-Диаррит 246
Гиппон-Регий 246
гипотеза (в риторике) 178, 179, 181
гипофора 219, 219
Гиркания 245
Гирканский хребет 249
Гирлянда (созвездие) см. Северная Крона
Гирций, Авл 195
Гиспал 235
глагол 131-139, 161-163
голос, его роды 340
голос, его тренировка 213
гомеопрофорон 202, 202
гомеоптотон 209
гомеотелевтон 210
Гомер 20-22, 56, 56, 62, 62, 97, 243, 249
Гораций (древний) 184
Гораций Флакк, Квинт 101, 200
Горгий 29
Горгады 253
Горгона, Медуза 81, 144, 144, 222, 253, 320
Гордитанский мыс 239
горизонт 46, 226, 295, 297, 298-300, 302, 305, 310, 316, 316, 317, 319
Гортензий (оратор) 213
«Гортензий» (диалог Цицерона) 178
готы 8
Градив см. Марс
Гракх, Гай Семпроний 176, 176
Гракх, Тиберий Семпроний 176, 176, 184, 184, 194, 196
Грамматика 15, 24, 66, 100-103, 109, 141, 144, 145, 200, 201
грамота, искусства письма 20, 102, 103
Гратеида 237
Грации 55, 265, 326 ср. Хариты
Грек 241
Греция 91, 102, 144, 174, 175, 239, 240, 241, 296, 334 ср. Эллада
греческий 62, 100, 103, 104, 106, 107, 108, 112, 115, 116, 117, 120, 121, 124, 126, 127, 129, 145, 175, 176, 257, 334
по-гречески 215, 255, 257, 340, 341
Греций Великая 236, 240
Григорий Турский 11
Гриллий 32
даки 244
дактиль 203, 205, 352-355, 358, 358
Дамаскена 248
Дамон 47, 48, 334, 334
Даная 237

- Данувий 244
 Данте Алигьери 7, 12
 Дардан 238
 дарданцы 242
 Дарий 223, 244
 Дева (созвездие) 296, 301, 303-305, 305, 318
 Дева Источника 97, 97, см. Геката
 Дева Небесная 296
 Дедал 223, 238
 Дейотар 197
 Декаполис 248
 действие и претерпевание (категории) 158
 деление (в логике) 148-149
 Делиец см. Аполлон
 Делос 58, 59, 116*, 243, 333
 Дельфин (созвездие) 303, 304
 Дельфы 59, 241, 322, 333
 Деметра см. Церера
 Деметрий (автор сочинения «О слоге») 30
 Демодам 250, 250
 Демокрит 20, 97, 242
 демоны 90, 90, 92
 демонология 93
 Демосфен 175, 175, 192*
 денселеты 242
 Диалектика 15, 26, 66, 142-146, 172, 173, 192, 257
 диаметр 33, 256, 257, 267
 диатоника 345, 346, 346, 348
 Диана, 68, 93, 93, 221, 253, 265, 332
     Артемида 293
     Кинфия 329, 332
 Диана Сузская 253
 Дианий 238
 диапоресис 207
 диасирмос 208
 диатипосис 207
 Дидима 240
 Дидона 116*, 193, 195, 360
 диэзвгменон 211
 диеса 335, 336, 336, 338, 343-347, 351
 Дике 296
 Дикеарх 225, 225
 Диктинна (гора) 243
 Диктинна (имя Дианы) 93, 93
 Диоген Вавилонский 21, 313
 Диоген Лаэртский 40, 294
 Диодор Сицилийский 334
 Диомед (грамматик) 24, 111-113
 Диомед (сын Тидея) 238, 241
 Диомед (царь бистонов) 242
 Дион 189
 Диона 80, 80, 262, 326, 326, 330, 331
 Дионис 73, 76, 91
     Бромий 144, 144, 173, 293, 321
     Вакх 55, 55, 144, 235, 237, 292, 293, 293
     Либер 69, 97, 235, 242, 250-252
     Лизй 95, 293
     Нисиец 76, 76
     Эван 292, 292
 Дионисий Фракийский 20, 23
 Диррахий 242
 диспрофорон 202, 202
 дисциплина vs. искусство 17
 Дисциплины 14, 18, 66, 86, 93, 145
 Дит см. Плутон
 дитон 341, 346
 дитрохей 204
 дифирамб, дифирамбический 205, 205, 349
 диямб 258
 Днепр 244, 310
 Добродетель 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64
 доверие (в риторике) 191-199
 додекаэдр 260
 Додона 240
 Домидука см. Юнона
 Дон 232
 Донат Элий 12, 24, 33
 Дорида 240
 Дорилея 249
 дохмий 204, 358, 358,
 Дракон (созвездие) 76, 300, 301, 303, 304, 329
 Дриний 240
 дриопы 240
 Дружка (Propuba) см. Юнона
 Дунай 244
 Евбея 243, 243
 Евбулид Милетский 142
 Евдокс из Кизика 233, 233

- Евдокс Книдский 34, 44, 46
 Евклид 33-36, 38, 39, 42, 43, 47, 224, 257-261, 261, 266, 274, 289
 Евпатория 25
 Европа 38, 234, 236, 240, 243, 244, 245, 253
     Западная Европа 11, 12
     средневековая Европа 19
 Евфрат 231, 248, 250, 253
 Египет, египетский 15, 33, 44, 74, 77, 86, 91, 91, 93, 94, 95, 143, 189, 226, 226, 246, 247, 302, 309
 Египет Нижний 246
 Египетское море 247
 египтяне 33, 91, 143, 296, 333
 единица 38, 39, 41, 67, 77, 77, 78, 97, 264-266, 268, 271-275, 279, 283, 284, 289, 290, 338, 340, 344, 352 см. Монада
 Единое 328, 333
 Елена 120*, 194, 331, 331
 ессеи 248
 Желание (Voluptas) 254, 263, 265, 321, 326
 жестикуляция 213, 350
 живопись 17
 Жребий (Sors) 73
 Забота (Epimelia) 15, 88
 залого глагола 131-132
 заключение (раздел речи) 220
 Западный океан 232, 235 ср. Атлантический океан
 затмение (солнечное, лунное) 43, 45, 227, 227, 308, 308, 310, 313, 314, 317, 335
 Заяц (созвездие) 300, 303, 304
 звук музыкальный, нота 336, 340, 340, 341, 345, 347
 Здравие (Salus) 69
 Зевгитанская область 246
 Зевгма 248
 Земля 37, 43, 44, 45, 55, 64, 64, 69, 69, 87, 90, 91, 92, 93, 96, 223, 224, 225, 225, 226, 227, 228, 228, 229, 229, 230, 231, 262, 271, 294, 297, 306, 307, 308, 309, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 318, 329 ср. Гея, Церера, элементы
 земля (поверхность) 231, 232, 233, 234, 254
 Зенодот Эфесский 22
 Зенон Китийский 21, 29, 97, 142,
 Зенон Элейский 144
 Земные Привратники 70
 Зима (Hiems) 72
 Змееносец (созвездие) 300, 303, 304
 Змея (созвездие) 303, 304
 Зодиак, зодиакальный 46, 58, 58, 68, 68, 226, 229-231, 295, 295, 299, 301, 303, 305, 305, 307, 309, 309, 311, 312-314, 316
 Золотой Рог 242
 Иапиг 238
 Иапиги 238
 Иатрика 102, 102
 Ибер 234
 Иберия, иберийский 234, 234, 237, 239
 иберы 244
 Игилгили 246
 Игилиум 238
 Ида 243
 Идумея 248
 Иерусалим 248
 избыточные числа 42, 275
 изопсефия 264
 икосаэдр 261
 Икосий 246
 Илион 114, 249
 иллирийцы 242
 Иллирик 237, 240
 Имармена 70, 70
 имена, их склонение 120-131
 имя (в логике) 161-163
 Инарема 239
 Инд 251, 253
 Индия, индийский 80, 226, 226, 231, 233, 251, 251, 252, 335
 Индийская гора 59
 Индийский океан 233
 индийцы 233, 233, 252
 инсинуация 214
 интервал (музыкальный) 48-50, 59, 77, 78, 266, 268, 269, 328, 329, 332, 333, 335-340, 343-347, 350
 Ио (дочь Автокла) 238
 Ионическое море 114, 238, 241
 ионийцы 355
 ионик 206, 355, 355, 358

- Иония 249
 иотацизм 202, 202
 Иордан 248
 Иосиф Флавий 313
 Ирида 70, 70
 ирония 207
 Исидра 56, 56, 91, 93, 221
 Исидор из Харакса 231, 231, 232
 Исидор Севильский 10, 11, 32, 266
 Искусства 14, 86, 99, 145, 224
 искусство vs. дисциплина 17
 Исмар 327, 327
 исоколон 209
 Исократ 16, 29, 176, 176
 Испания 184, 231-235, 234, 245
 Испания Ближняя 235
 Испания Дальняя 235
 Испания Тарраконская 234, 235
 Исса 237
 Иссский залив 231
 Истм 241
 Истр 244
 Истрия 237
 истры 236
 Итакезии 239
 Италия 91, 226, 227, 236, 237, 239, 240, 250, 334, 359 см. Авзония
 Итердука см. Юнона
 Иудея 248
 Ихнуза 239
 ихтиофаги 252, 253
 Кавказ 13, 249, 250
 Кавказский Тавр 253
 Казий 248
 Каик 249
 Каледонский лес 245
 Калидон 241
 Каллиопа 55, 64, 81, 87, 104 320
 Каллипп из Кизика 44
 Каллироя (источник в Аттике) 241
 Каллироя (источник в Палестине) 248
 Каллисто 329
 Кальпа 234, 234
 Камарина 239
 Камена 55, 55, 81, 99, 100, 100, 330 см. Муза
 Каменные Поля 237
 Камерун 233
 кампананты 247
 Кампания 227, 236, 237
 Канария 253
 Каникулярии 239
 Кандид (мыс) 246
 Каноп, Канопус (звезда) 226, 230, 252, 295, 295, 303
 Каноп (устье Нила) 246, 247
 Капелла (звезда) 303
 Капелла, Феликс 222, 294, 360
 Капитолий (холм) 100, 100
 Капо Колонна (мыс) 237
 Капотес 248
 Каппадокия 231, 250
 Капрария 238, 253
 Капреи 239
 Капуя 211, 237
 Каралы 231
 Каральский мыс 239
 Карамбис 232, 250
 Карбила 253
 Карист 243
 Кария 249, 332
 Кармания 252
 Кармента 91
 Карнеад 142, 142
 Каролингское возрождение 7, 11, 19
 Карпатосское море 249
 Карпи 246
 Картахена 235
 Картена 246
 Карфаген 8, 9, 235, 246, 315, 360
 Карфаген Большой 246
 Карфаген Новый 235, 235, 238
 карфагеняне 296 см. пунийцы
 Каспийские Ворота 249, 250
 Каспийское море 233, 245, 250, 251
 Кассандра 202
 Кассандра (полуостров) 174
 Кассиодор 9-11, 32, 50
 Кассиопея (созвездие) 302-304
 Кастальский источник 241
 Кастор 73, 73, 97, 126*
 Кастулон 235
 Катабатм 246
 катахреза 202

- категории 151-158
 категорический силлогизм 28, 146, 167, 170, 172
 Катилина 115*, 120*, 127*, 176, 196, 198, 209
 Катилл 238
 Катина 239
 Катон 105*, 111*, 115*, 116*, 122*, 163*, 211*
 Катон Младший 181*, 189*, 246
 Катон Старший 30, 115*, 115*
 Катулл 10
 Кафарей 243
 качество (категория) 152-155
 квадрат 87, 256, 257, 260, 266, 268, 276
 квадрат логический 165
 квадратное число 39, 42, 78, 266, 266, 269, 271, 272, 276, 290
 квадривиум 16, 19, 47
 кварта 48, 59, 78, 266, 268, 269, 269, 338, 338, 344, 347
 квинта 48, 59, 77, 78, 268, 269, 338, 344
 Квинтилиан, Марк Фабий 17, 29, 30, 32, 49, 141, 204, 206, 212
 Квинций, Публий 216, 217
 Квирин 69, 175, 175
 Кекроп 144, 144, 173, 291, 321
 Келены 249
 Кентавр (созвездие) 300, 301, 303, 304
 Кеплер 45
 Керавнийские горы, Керавнийский хребет 240, 249
 Керченский пролив 250
 Кибела 56, 71, 71, 93, 93, 271, 271
 Киклады 243
 Кикн 331
 киконы 242, 251, 251
 Киликия 248, 250
 Киллена 57
 Килленид см. Меркурий
 Киллениец см. Меркурий
 Киль (созвездие) 295
 Кимврский мыс 232
 Киммерийский Боспор 244
 Киммерийское устье 250
 киммерийцы 245, 250
 Киноссема 243
 Кинфия см. Диана
 Кипр 55, 231, 248
 Киприда см. Венера
 Кирена 246, 254, 315
 Киренаика 246
 Кири 238
 Кирра 59, 59, 81, 241
 Кит (созвездие) 300, 301, 303, 304
 Киттор 250
 Киферея см. Венера
 Клавдиан 9
 Клавдий (император) 106, 106
 Клариец см. 62
 Кларос 62, 249
 клаузула 204-207
 Кледоний 122
 Клеомед 46, 228
 Клеонид 49
 климакс 211
 Клио 64, 82
 Клодий 153, 179, 182-184, 189, 201, 208
 Клодия 189
 Клофо 70
 Клуэнций Габит, Авл 199, 199, 207
 Книд 107*, 232
 Коза (созвездие) 303, 304
 Козерог (созвездие) 300, 301, 304, 305, 307, 315, 316, 318
 козлопаны 245, 247
 Козлята (созвездие) 303, 304
 количество (категория) 152, 155
 колон 208
 Колофон 249
 Колубрария 238
 Колумбария 238
 Колхида 79, 79, 88
 колюры 299, 301
 комма 208
 Коммагена 248, 250
 Конс 69
 конус 260, 261
 Коперник 45
 Кора 238
 Коракс 29, 176, 176
 Кораксский хребет 249
 Корвины (римский род) 106, 177, 177
 Кордуба 235

- Коринф 241
 Коркира 231, 237, 243
 Корнелий Непот 233, 233
 Корона (созвездие) см. Северная Коро-
 на, Южная Корона
 Корсика 238, 239
 Кос 232
 Косса 115*
 Коссира 240
 Красное море 248, 252, 253
 Красноречивость (Facundia) 15, 93
 краткость и долготы слогов 113-119
 Кратет из Малла 22, 23
 Крез 223
 Крет 243
 кретик 358, 358
 Крит 243
 критика литературная 23, 27, 102, 145
 критяне 334
 Кротон 240
 круг 33, 34, 36, 87, 256, 257, 260, 261, 267,
 267
 круги небесные 46, 298-304
 Ксенократ (ученик Платона) 16, 41
 Ксенократ (врач) 335, 335
 Ксеркс 242, 244
 Ктесифон 253
 куб 34, 260, 261, 268, 268, 270, 271, 276
 кубическое число 39, 77, 270-272, 276,
 291
 Кумская пещера 59
 Кумы 91, 211
 Купальни Геры 239
 Купидон 55, 58, 88, 262, 293, 294, 325, 326,
 326, 331
 Амур (Amor) Амур 88, 320
 Эрот 88
 Куретида 243
 куреты 243
 Курита см. Юнона
 Курубис 246
 лабдацизм 202, 202
 лад 336
 лакедемоняне 334
 Лакония, Лаконика 231, 240, 331
 Лаконское море 231
 Лаксат 250
 лапифы 242
 Лары 69, 90-92
 Лас из Гермियोны 48, 339, 339
 Латин 236
 Латмос 332, 332
 Латона 61, 98, 100, 323, 330; Латоны сын
 см. Аполлон
 Лахесис 70, 322
 Лаций 95, 100, 103, 112*, 145, 222, 236,
 237
 Лациний, Лацинийский мыс 237, 240
 Лебериды 239
 Лев (созвездие) 68, 72, 300, 304, 305, 318
 Левкадия 231
 Левкасия 239
 левкефиопы 247
 Левкопетра 237
 Левкотей (олицетворение зари) 79, 79
 Левкотей (остров) 239
 Леда 331, 331
 Леманское озеро 236
 Лемниец, Лемносский мастер см. Вул-
 кан
 Лемнос 58, 58, 321
 Лемуры 91
 Лепадуза 240
 Лепта 246
 Лептис-Магна 246
 лестригоны 237
 Летон 246
 Либер см. Дионис
 Либетрида 242
 Либисса 249
 Либурния 237
 либуры 236
 Ливанские горы 248
 ливии-финикияне 246
 Ливий, Тит 215
 Ливия (страна) 57, 95, 144, 233, 234, 245
 Лигарий 205, 207
 Лигурийское море 238
 лигурийцы 126*, 129*, 236, 237
 Лигурия 237
 Лида 293, 293
 Лидия 249, 335
 Ликаония 248-250
 Ликия 59, 231, 248, 249

- Лилибей 231, 239, 240
 Лимфы 69, 69
 линия 36, 77, 87, 102, 155, 254, 255-260, 263, 265, 266, 272, 275
 Лин 97
 Линса Лесная 69
 Липара 240
 Лира (созвездие) 303, 304
 Лисий 176, 176
 Лисс 245
 Лиссабон 235
 Лицей 29
 лицо грамматическое 132-138, 161, 162
 Лиэй см. Дионис
 логика 12, 21, 26, 27
 логос 15, 18
 Ложе Нимф 252
 Локон Береники (созвездие) 226
 Локрида 240
 Локрийский залив 240
 Локры 240
 Лоллий 209
 Лузитания 235, 315
 Лукан 128
 Лукания 236
 Лукиан 62
 Лукреций 110, 123, 129
 Лукус Аугусти 235
 Луна (божество) 68, 72, 91, 93, 221, 265, 323, 330, 330, 332 см. Диана, Геката
 Луна (небесное тело) 43, 44, 45, 46, 60, 64, 81, 90, 91, 92, 93, 93, 94, 95, 221, 221, 223, 224, 226, 227, 245, 252, 265, 270, 270, 295, 297, 299, 307, 308, 308, 309, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 317, 325, 335
 Луцина см. Юнона
 Луцеция см. Юнона
 Любопытство (Periergia) 15, 79 см. Перизергия
 Люцифер см. Венера (планета)
 Мавретания 233, 246, 247, 253
 Мавретания Цезарейская 245
 Магнезия 240, 242
 Майя 65, 94, 94; сын Майи см. Меркурий
 Мазаса 250
 Макаронес 243
 Македония 240, 242, 315
 македоняне 233
 Макомад 246
 Макробий 11, 35, 41, 42, 46, 49, 89, 221, 266, 267, 269, 309-311, 333
 Максим Викторин 24, 119
 Максим Тирский 18
 Максула 246
 Малака 245
 Малая Азия 141
 Малая Медведица (созвездие) 43, 226, 226, 270, 294, 298, 301, 329
 Малейская гора, Малей 226, 251
 Мальный Пес (созвездие) 303, 303
 Мальта 239
 Мана 92
 Манилий 46
 Мания, Мании 92
 мантика 18
 Мантика, Искусство Прорицания (Mantice) 15, 57, 57, 63
 мантуанский пророк см. Вергилий
 Мантуона 92
 Маны 68, 69, 91, 92
 Маны Низшие 92
 Манцин, Гай Гостилий 111*, 184, 184
 Маргиана 250
 Мареотида 246, 247
 Мариандинский залив 249
 мариандины 333
 Марий Викторин 32, 33, 184
 Маркоманн 33
 Марон см. Вергилий
 Марония 242
 Мармарика 246
 Марс (бог) 56, 68, 69, 73, 100, 130*, 271, 321, 360, 360
 Арес 360
 Градив 56, 56, 97, 174
 Марс (планета) 43, 46, 60, 64, 95, 270, 307, 308, 308, 309, 309, 311, 312, 317 см. Пирознт
 Марсий 249, 327, 333
 Марсий (река) 248, 249
 марсы (народ) 144, 144, 173
 Марциал 101, 295
 Марциан (сын) 55, 359
 Масинисса 246

- Массادا 248
 Мастузия 243
 Меандр 249
 Мегара 335
 Мегарида (в Греции) 240, 241
 Мегарида (в Италии) 239
 Мегарская философская школа 142
 Медea 79, 79, 88
 Медия 240
 медицина 17, 19 ср. врачевание
 Медицина 19, 321
 Меза 238
 Мезенций 114*, 157
 Мезия 240
 Мелет 249
 Мелий, Спурий 208
 Мелита 250
 мелика 78, 335
 мелодия (*modulatio*) 110, 336, 337, 340-342, 345, 346, 348-351, 359
 мелопея 339, 339, 340, 348, 349, 349, 359
 мелос 78, 329, 329, 339, 348, 349, 349
 Мельпомена 64, 82, 320
 Мемнон 106*, 115*, 249
 Мемфис 56, 95, 100
 Мемфита 247
 Менал 330, 330
 Менелаита 247
 мениппова сатира 11, 15, 294, 359
 Меония 56, 249
 Меотида, Меотийское озеро, Меотийское море 232-234, 243, 244, 247, 253, 315
 Меркуриев мыс 246
 Меркурий 11, 14, 15, 18, 57, 58, 58, 59, 61, 62, 64, 64, 66, 66, 68, 77, 94, 100, 116*, 222, 223, 264, 323, 324
 Аркадец 58, 63, 178, 254
 Атланта потомок, Атлантид 67, 262, 321
 Гермес 15, 66, 77, 266 ср. Гермес Три-смегист
 Килленид 324
 Киллениец 57-61, 63-70, 76-78, 93, 97, 98, 100, 108*, 144, 177, 220, 254, 262, 266, 292, 297
 Майи сын 62, 63, 65, 67, 74, 84, 85, 97, 98, 102, 172, 263
 Стильбон 64, 64
 Меркурий (планета) 43, 44, 46, 58, 60, 64, 95, 270, 307-309, 309, 317 см. Стилльбон
 Мерос 251
 Мероэ 226-228, 226, 232, 254, 310, 315
 Месопотамия 248, 253
 Мессала Корвин, Марк Валерий 106, 106
 Мессения 240
 Мессуя 246
 Мест 242
 место (категория) 158
 Метавр 240
 Метапонт 238
 метаплазм 141, 141
 метастасис 208
 Метелл 111*
 Метелл, Луций 203*
 Метелл Целер, Квинт 233
 Метина 238
 Метон 43
 метонимия 202
 метрика 7, 9, 51, 141, 339, 350
 Мигдонийская гора 242
 Мигдония 242, 249
 Мидас 222, 222
 Мидийские горы 251
 Мидия 250, 253
 Мидма 238
 мизийцы 249
 Мизия 249
 Милет 249
 милетские услады 76
 Милон 121*, 178-180, 182-184, 186, 189, 198, 199, 203, 207, 208, 211
 мимика 213
 Минерва 57, 67, 68, 69, 73, 141, 221, 262, 269, 269
 Афина 144, 222, 269
 Паллада 57, 67, 70, 98, 102, 109, 116*, 144, 172, 177, 178, 221, 221, 262, 263, 269, 269, 292, 294, 322, 324, 327, 330, 330, 332
 Тритонида 263, 322, 326, 333
 Тритония 57, 57, 68, 144, 262, 269, 269
 Мириандр 231
 Миртосское море 243
 митацизм 202, 202

- Митра 95
 Митридат 250
 Млечный Путь, Галактика 46, 75, 97, 299, 302
 Мнемозина 66
 многоугольник 34, 36, 256
 модусы силлогизма 146, 168-172
 Молва (Fama) 59, 70
 молосс 206, 207
 молоссы (народ) 240
 Монада 97, 255, 266, 271, 333, 333, 350 см. единица
 Мопс 91
 Муза 55, 55, 62, 64, 66, 80, 81, 81, 85, 86, 87, 88, 97, 98, 110*, 114*, 116*, 117*, 120*, 222, 271, 327, 327, 331, 334, 359 ср. Камена
 Музыка см. Гармония
 Мультцибер см. Вулкан
 Мургис 235
 Мурена 208
 Муциан 50
 Наксос 243
 Напеи 174, 174, 325
 Нарбоннская провинция 236
 наклонения глагола 101, 132, 162
 насамоны 246
 нахождение (в риторике) 29, 31, 32, 179-198
 Неаполис (в Африке) 246
 Неаполь (в Италии) 238, 239
 Неверита 69
 Невий, Секст 217
 невры 244
 негрты 246
 недостаточные числа 275
 неопифагорейцы, неопифагорейский 39, 40, 264, 267
 неоплатоники, неоплатонический 15, 16, 18, 40, 42, 88, 328, 333
 Немесида 73, 74
 Непогоды (Intempergiae) 92
 Непот, см. Корнелий Непот
 Нептун 56, 68, 68, 69, 72, 72, 239
 Нерей 62, 329, 330, 330
 Нерия Нериена 56
 несобственные выражения 141, 145, 150-151, 200-202
 несоставные интервалы 344, 346
 несоставные размеры 353, 355-357
 несоставные числа 273, 274, 282-287, 289, 290
 Неусыпное Бдение 15 см. Агриппния
 Нивария 253
 Нигер 247
 Нигидий Фигул 23, 68
 Никоммах Гераский 19, 38-42, 47, 282
 Никомедия 249
 Никополь 241
 Нил 33, 75, 93, 95, 101, 234, 246, 247, 254
 Нилида 247
 Нимфы 92, 174, 243, 252, 335
 Ниса 76
 Ниса (в Индии) 251
 Нисиец см. Дионис
 Нифат 249
 Новый Карфаген 235, 235, 238
 Ноктурн 69, 69, 70
 номады 246
 номы (в Египте) 247
 Нортия 73, 73, 74
 Нот 327
 Нума Помпилий 70
 Нуманция 184
 нумидийцы 246
 Нумидия 246
 Нуцерия 211
 обоснование (в риторике) 217-218
 Овен (созвездие) 299-301, 304, 305, 305, 314, 315
 Овидий 101, 295
 Огласа 238
 одноименность 143, 145, 150
 одрисский 242
 Оиарсон 235
 Океан 176, 224, 228, 229, 232, 233, 234, 236, 244, 245, 246, 251; ср. Восточный океан, Западный (Атлантический) океан, Индийский океан, Северный океан, Скифский океан, Эфиопский океан
 окружность 256
 октава 48, 59, 77, 78, 96, 266, 268, 269, 269, 329, 338, 338, 341, 342, 342, 344, 345, 345, 348

- октаэдр 261
 Октавий Лигур, Марк 195
 Окс 250
 Олимп 112*
 Олимп (географический) 241
 Олимп (обитель богов) 82, 89, 95, 221, 332
 Олимп (ученик Марсия) 327
 Олимпиада 126*
 Олимпиада (мать Александра Великого) 242
 Олисилона 235
 Опа 56, 71, 71, 89
 Опигона см. Юнона
 определение (в логике) 148
 опровержение 165, 186, 191, 199, 199, 217-219
 орбиты см. планеты
 Орел (созвездие) 300, 303, 304
 Орест 179, 184, 242
 Орестида 242
 оретаны 234
 Орион (созвездие) 76, 300, 303, 304
 Оркады 245
 Оронт 248
 Орфей 56, 56, 97, 242, 326, 327, 327, 335, 335
 орфий 355, 356, 357
 Осень (Autumnus) 72
 Осирис 56, 56, 84, 91, 95, 95, 100
 Осса 241
 Остракина 248
 Остров Солнца 252
 отличительное свойство 147, 192
 отношение (категория) 152, 156, 157
 Отрий 242
 отступление (в риторике) 216
 Пад 237
 Пактол 249
 Палес 69, 174, 174
 Пайдейя (Воспитание) 223, 223, 263
 Палестина 248
 Палиботра 251
 палиллогия 210
 Паллада см. Минерва
 Пальмария 238
 Пальмира 248
 Памфилия 248
 память 101, 179, 212
 Память (Memoria) 58
 Пангей 242
 Панда 250
 Пандатерия 238
 панды (народ) 251
 Панеада 248
 Пантера (созвездие) 301, 303
 Пан, Паны 92, 174, 326, 330
 Папия и Поппея закон 98, 98
 Парадиз 248
 паралипсис 207
 Паретоний 246
 Париедрские горы 250
 парисон 209
 Парки, Мойры 56, 65, 70, 70, 151*
 Парменид 144, 144
 Парнас 59, 59, 241
 паррасийский см. Аркадия
 парономасия 210
 Парфенопея 238
 Парфия 231, 248, 253
 парфяне 248, 253
 Патавий 238
 Патавитана 226
 Патары 231
 Патрокл 176
 Пафиянка см. Венера
 Пафлагония 242, 249, 250
 Пахин 239
 Пегас 81, 327, 360
 Пегас (созвездие) 300, 300, 303, 304
 педикулы 236
 Пелагония 242
 пеласги 238, 359, 359
 пелигны 236, 295, 295
 Пелий 88
 Пелопоннес 231, 239, 241, 315
 Пелор 239
 Пелориада 239, 239
 Пелузийское устье (Нила), Пелузий 247, 248
 Пенаты 68, 68, 69, 71, 85
 пентаметр 206
 Пентаполис 246
 пентахорд 50, 345, 347, 347, 348, 348

- пеон 204, 352, 352, 357, 357, 358
 Пеония 242
 первая философия (у Аристотеля) 18
 Пергам 249
 Пергамская грамматическая школа 22, 23
 переносные выражения см. несобственные выражения
 период (в ритмике) 353, 353, 355-357
 период (в риторике) 202, 205, 208, 209
 перипатетики 18, 26, 27, 41, 225, 307
 Перизергия 79, 79, 88
 Пермесский ключ 81, 81, 295
 Персей 144, 248
 Персей (созвездие) 300, 301, 303, 304
 Персидский залив 252
 Персия 242, 244, 251, 253
 персы 242, 252
 Пес (созвездие) 76, 76 см. Большой Пес
 Пестум 237, 239
 пигмеи 251
 Пиерий 241
 Пиерия 242
 Пизон [Луций Кальпурний] 196, 201, 213
 пилосцы 238
 Пилумн 91
 Пинд 240, 242
 Пиндар 81
 пирамида 260
 Пирей 241
 Пиренеи 232, 235, 236
 Пирифлегетон 92, 95
 Пирознт 95, 95, 307, 307, 317 см. Марс (планета)
 пиррихий 205, 206, 352, 352, 355, 358
 Писидия 249, 250
 письма 207
 Питекуза 239
 Питуузы 238
 Питонида 239
 Питтак 294
 Пифагор 33, 34, 38, 39, 43, 47, 48, 77, 77, 83, 97, 127*, 264, 292, 317, 333, 334
 Пифагора теорема 34
 пифагорейцы, пифагорейский 16, 34, 38-43, 47-49, 78, 97, 265, 266, 328, 333 ср. неопифагорейцы
 Пифей из Массилии 227, 230
 Пифо 320, 326
 Пицен 236
 Планазия 238, 238
 планеты 43-46, 307-309
 Платон 11, 15, 16-21, 25, 26, 29, 34, 39, 40, 47, 48, 83, 88, 97, 97, 144, 145, 178, 215, 255, 261, 266, 292, 309, 333
 «Государство» 16, 25, 48
 «Кратил» 21
 «Менон» 25
 «Пир» 88
 «Софист» 21
 «Тимей» 41, 261
 «Федр» 15
 платоники 18, 19 ср. неоплатоники
 платоновы тела 261
 плеоназм 211
 Плеяды (созвездие) 57, 252
 Плиний Младший 176, 176
 Плиний Старший, «Естественная история» 17, 37, 38, 46, 89, 226, 227, 231-233, 235, 237-239, 242, 243, 247, 250, 252, 318
 плоке 210
 плоские фигуры 34, 36, 255-258, 260, 266, 272
 плоские числа 38, 39, 266, 272, 275, 276
 Плутарх 11, 267
 Плутон 56, 69, 72, 72, 88, 88, 91, 92
 Ведий 88, 88, 92
 Вейов 69, 92
 Дит 56, 92, 95
 Сумман 91
 поверхность 35, 77, 255, 260, 276
 повествование (в риторике) 29, 33, 191, 199, 208, 214-216, 220
 Пвозка (созвездие) см. Большая Медведица
 подлежащее 146, 151, 152, 163, 164, 167, 169, 172
 подразделение рода 148
 Подстрекательница (Stimula) 320, 320
 Полигимния 64, 81
 Полидор 242
 Поликлет 223, 223
 полиптотон 211
 полисигма 202, 202

- Поллукс 73, 73, 97, 106*
 положение (категория) 158
 полубоги 91, ср. Семоны, Гемитеи
 полукруг 256, 257
 полутон 49, 59, 93-95, 97, 268, 268, 335, 336, 338, 341, 341, 342, 344-348
 Помпеи 237
 Помпей, Гней 116*, 196, 198
 Помпейополис 250
 Помпониана 238
 Понт (божество) 330
 Понтии (острова) 238
 Понтийское море, Понт 232, 240, 242, 244, 247, 249, 250, 315
 Поплона см. Юнона
 Портун 56, 56, 174
 Порфирий 18, 19, 28, 47, 49
 Посидоний 41, 46, 47, 233
 постановка вопроса (в риторике) 216
 поэзия 7, 18, 201, 325, 339
 пояса климатические 229, 230
 право 17
 Предусмотрительность (Prudentia) 85
 Премудрость (Sophia) 15, 57, 58, 63
 Пренест 238
 Пренеста 238
 Претория Аугуста 237
 Приап 262
 призма 260, 260
 Присциан 12, 24, 106, 107
 Проб, Марк Валерий 24, 127
 Продик 29
 Прозерпина 73, 73, 88, 88, 91, 265
 произношение (в риторике) 179
 прокелевматик 352, 354, 354, 355
 Прокл 33, 34, 40, 257
 Проноя 57, 57
 Пронуба см. Юнона
 Пропонтида 234, 243, 244, 249
 пропорция, пропорциональный 34, 36, 39, 47, 60, 62, 79, 120, 258, 258, 268, 268, 269, 271, 280, 286, 289, 290, 302, 302, 310, 315, 333, 344, 356
 просаподосис 210
 простые числа см. несоставные числа
 Прота 238
 Протагор 21, 29
 противоположащее 159-160
 противоположности 159-160
 Прохита 238
 Процион 303, 304, 304
 Пруса 334
 Прусий 249
 псиллы 246
 Психея, Душа 15, 18, 57, 57, 58, 58, 63
 Птолемаида (в Финикии) 248
 Птолемей (звезда) 303
 Птолемей (имя египетских царей) 208, 228
 Птолемей, Клавдий 45, 47, 231, 296, 309, 318
 Птоломаида (в Киренаике) 246
 пунийский 122, 360
 пунийцы 235, см. карфагеняне
 Пунта дель Фаро 239
 Пунта ди Пелларо (мыс) 237
 Пунта Стило (мыс) 237
 Пуппут 246
 равенство величин 258
 равноименность 143, 145, 150
 разделение (в логике) см. деление, подразделение рода
 разделение (в риторике) 216, 217
 разделы речи 213-220
 Раздор (Discordia) 68, 69
 размер (в ритмике) см. ритм
 разноименность 145, 150
 Рак (созвездие) 68, 72, 299-301, 304, 305, 305, 307, 314-316, 318
 расположение (в риторике) 179, 199-212
 Распря (Seditio) 68, 69
 Рассудительность (Phronesis) см. Фронесида
 Реата 237
 Регий 237
 Регул, Марк Атилий 176, 176
 Рейн 236
 рекапитуляция 219-220
 Реммий Палемон 24
 Ремигий 293, 310, 360
 Ренессанс, Возрождение 7, 12
 Рес (река) 249
 Рим 8, 23, 30, 47, 50, 58, 152*, 158*, 231, 236, 315

- римский 112, 145, 197, 198, 201, 230, 251
 ср. Ромулов
- ритм 20, 49-51, 59, 80, 81, 87, 101, 141, 324, 328, 335, 349-359
- ритмика, ритмическое искусство 49-51, 141, 339, 349, 350, 350, 355
- ритмопея 339, 339, 350, 358, 359, 359
- Риторика 15, 32, 66, 145, 145, 174-178
- «Риторика к Александру» 29
- «Риторика к Гереннию» 31, 32
- Рифейские горы 244, 249, 315
- Рог Геспера 253
- род и вид (форма) 145, 146, 147, 191, 192
- род ритмический 352-358
- Родан 236, 238
- Родопа 240, 242
- Родос 231, 232, 310, 315
- роман 11
- ромб 256
- Ромул 75, 175, 176
- Ромула род, Ромул = римляне 102, 103, 145, 175, 175, 226
- Ромулов = римский 100, 175, 223, 225
- Росций, Секст 178, 178, 179, 190
- Рулл 211
- Русгонию 246
- Руспа 246
- Русуккуру 246
- Рутилий Луп 32
- Сабрата 246
- Сагарис 249
- Салды 246
- саллентины 236
- Саллюстий 124, 205
- Салюта 69, 69
- Самария 248
- Самос 77, 232
- Самофракия 243
- Сан-Висенти (мыс) 231
- Сандалиотес 239
- Санк 69
- Сард 239
- Сардиния 190, 231, 237, 239, 246
- Сарматия 244
- Сарматская пустыня 244
- сарматы 232, 242, 244
- Сарпедон 249
- сатира 9 ср. мениппова сатира
- Сатира (Satura), Сатура 11, 14, 56, 222, 223, 294, 295, 359
- Сатиры 92, 245, 247, 293, 294
- Сатура см. Сатира
- Сатурн (божество) 56, 61, 69, 71, 96, 96, 174, 220, 237, 263, 323
- Сатурн (планета) 43, 46, 60, 64, 95, 96, 96, 270, 307, 308, 308, 309, 309, 311, 312, 318
- см. Фенон
- Сатурнин [Луций Аппулей] 179
- Сатурния см. Юнона
- Светоносцы (Phosphori) 79 ср. Фосфор свойство 147, 148
- «свободные искусства», «свободные науки» 7, 10, 11, 16, 17
- Священный мыс 231
- Северенские горы 236
- Северная Корона (созвездие) 76, 76
- Венец Ариадны 76, 303, 304
- Гирлянда 76, 76
- Северный океан 244
- Секст Эмпирик 40
- Семирамида 250
- Селевк I 233, 250, 250,
- Селевкия 248, 253
- сельское хозяйство 17
- Семоны 91, ср. Гемитеи, полубоги
- Септентрионы см. Большая Медведица
- Серапис 95
- Сервий (грамматик) 24, 92, 355
- Сервий Нобил 227, 227
- Серен, Авл Септимий 204
- серы 251
- Сест 243
- Сеута 234
- Сивилла 59, 91
- Сига 245
- Сигейский мыс, Сигей 232, 243
- Сиена 228, 228, 254, 315
- Сикан 239
- Сикания 239
- Сикка 246
- Сикул 239
- Сила (Vires) 85
- Силен 292, 293, 295
- Сильваны 92, 174, 220, 326

- силлогизм 26-28, 143, 146, 166, 167, 170, 170, 172
- Симмахия 91
- Символика 322, 322
- Симонид 212
- Симплегады 250
- симплока 210
- синонимия 211
- Синония 238
- Сипил 249
- Сирены 106*, 115*, 237-239
- сирийцы 88, 88, 93, 93
- Сирия 231, 248, 250
- Сиринга 330, 330
- Сириус 76, 76, 237, 295, 304
- Сирт Большой 246
- Сирт Малый 246
- система (в гармонии) 336, 337, 340, 342, 342, 343, 345, 345, 348, 348, 349
- ситонский 242
- Сицилийский пролив 239
- Сицилия 182, 193, 197, 224, 227, 231, 237, 239, 240, 246, 315 см. Тринакрия
- сицилийцы 29, 195, 197 см. тринакрийцы
- Скавр, Марк Эмилий 178, 190, 190
- Скавр, Теренций (грамматик) 24
- сказуемое 22, 28, 146, 163, 164, 167, 172
- Сквиллаче (залив) 240
- скептицизм, скептики 16, 48, 97, 142
- Скироновы скалы 241
- Скифия 13, 226, 244, 250
- Скифские горы 251
- Скифский берег 244
- Скифский залив 244
- Скифский океан 245, 251
- Скифский хребет 249 ср. Таврский хребет
- скифы 232, 242, 251
- Скорпион (созвездие) 300, 302-305, 312, 314, 318
- слоги 20-21, 24-25, 109-140, 155, 187, 203-207, 210, 350, 350, 352-355 см. краткость и долгота слогов
- случайное свойство 147, 192
- слушатель (с точки зрения риторики) 180-181
- Смех (Iocus) 254
- Смирна 108*, 249
- Собачка (созвездие) см. Большой Пес
- собственное свойство 148, 192
- собственные выражения 150, 200
- Согласие (Concordia) 88
- совершенные числа 38, 39, 42, 77, 78, 78, 95, 265, 267, 267, 268, 268, 270-272, 275, 277
- соизмеримость и несоизмеримость 258-260
- Сократ 16, 25, 68, 144
- солецизм 141, 141
- Солин, Гай Юлий 9, 38, 235, 239, 242, 251
- Солнце (божество) 57, 60, 61, 65, 68, 69, 72, 79, 95, 95 см. Аполлон
- Солнце (небесное тело) 43-46, 58, 60, 64, 64, 90, 94, 95, 152, 223, 225-230, 265, 270, 297-300, 302, 305-319
- Титан 224
- Соля 101, 141
- составные интервалы 344
- составные размеры 353, 355-358
- составные слова 110, 113, 122, 137
- составные стопы 351, 352, 353, 357
- составные числа 38, 42, 273, 274, 282-284, 286-288, 290
- состояние (категория) 158
- Софена 248
- софизм 142
- софисты 16, 20, 26, 29, 31, 215
- Спевсипп 16, 41
- Спертий 242
- сплетенная речь 308
- спондей 205-207, 334, 334, 354, 354, 355
- Спорады 243
- Справедливость (Iustitia) 85, 265
- срамословие 204, 204
- средние платоники 18
- Стаберий Эрот 23
- Стагиры 142
- статус (в риторике) 30, 32, 33, 179, 179, 180, 180
- Стильбон (название планеты Меркурий) 64, 64, 307, 307, 316 см. Меркурий, Меркурий (планета)
- Стихады 238

- стойки, стоический, Стоя 15, 18, 21, 22, 26-29, 41, 46, 83, 100, 142, 142, 170, 171, 329
- стопа (стихотворная) 100, 204, 205, 350-358
- Стронгила 240
- Стратон из Лампсака 307, 307
- Стрела (созвездие) 301, 303, 304
- Стрела (часть созвездия Стрельца) 301
- Стрелец (имя Феба) 60
- Стрелец (созвездие) 301, 304, 305-307, 305, 312
- Стримон 242, 327, 327
- Стыдливость (Pudicitia) 88
- Судьбы (Fata) 69, 74, 265 см. Фортуны
- Сузы 253
- Сулки 239
- Сульмон 295
- Сулла [Луций Корнелий] 194
- Сулла (грамматик, упоминаемый Катуллом) 102
- Сульпиций [Руф] 208
- Сульпиций Виктор 32
- Сумман см. Плутон
- Суррент 239
- существительное см. имена
- сущность 151-153, 157
- сфера (фигура) 260, 261
- Схен 241
- Сцилла 237
- Сциллей 237
- Сципионы (римский когномен) 124*, 196, 235
- Сыр-Дарья 250
- Сьерра-Леоне 233
- Таврида 244
- Тавромений 239
- Тавр (имя раба) 186
- Таврский хребет, Тавр 248, 250, 253
- таврология 211
- Таг 235, 315, 315
- Тагес 91, 91, 236
- Такапа 246
- Талия 64, 84
- Танаис 232, 234, 250, 327, 327
- Тапробана 252
- Тапс 246
- Тарентский залив (Таранто) 240
- Тарракон 234, 235
- Тарраконская Испания 234, 235
- Тартар 62, 66, 71, 71, 84
- Тевтрания (область и город) 249
- Телец (созвездие) 300, 304, 305, 314, 323
- Телмес 249
- Теллур 69, 69
- Теллура 64, 64, 70
- Темные боги 92
- Тена 246
- Тенар 231
- Тенедос 232, 243
- Теода 253
- Теодор [из Гадары] 33
- Теодор из Кирены см. Феодор из Кирены
- Теон Смирнский 40, 47
- Теофраст 26, 30, 170, 205, 333, 335
- Теразия 240
- Теренциан Мавр 114
- Теренций (комедиограф) 139, 194, 196, 204, 210
- Теренций Скавр (грамматик) 24
- Терпандр 334
- Терпсида 326, 326
- Терпсихора 64, 83
- Террацина 237
- тетрахорд 50, 95, 95, 327, 336, 337, 339, 340, 341-343, 345-348
- теургия 15, 18
- Тезтет Афинский 34
- Тибр 127*, 236, 238
- Тибур 238
- Тигр 248, 253
- Тидей 129*, 241
- Тимарид 280
- Тимохарис 44
- Тинге 245
- Тингитанская провинция 245
- Тирида 242
- Тиртей 334
- Тисий 29, 176, 176
- Тит Таций 202
- Титаны 115*, 224, 296, 298
- Тифон 95
- Тмол 108*, 249

- тон (интервал) 48, 50, 78, 78, 92, 94, 96, 268, 271, 335, 336, 338, 341, 341, 342, 344-348, 351
- тональность 50, 336-339, 341, 347-349
- топос 192-196, 217-220
- Тот 15, 77, 94
- точка 36, 39, 224, 255, 256, 261, 266, 272, 299, 300, 306, 318, 318, 340, 350
- Трабрака 246
- трапеция 34, 256
- треугольник (фигура) 33, 34, 87, 221, 223, 256, 257, 261, 276
- Треугольник (созвездие) 301, 303, 304
- трибаллы 240
- тривиум 19
- Тринакрия 224, 239 см. Сицилия
- тринакрийцы 224 см. сицилийцы
- Триптолем 91
- Тритон (озеро) 57
- Тритонида, Тритония см. Минерва
- Троада 249
- троглодиты 226, 244, 247, 253
- троп 23, 141, 150, 202
- трохей 205-207, 355-358
- Троя, троянцы 80, 91, 194
- Троянская война 239
- Труд (Labor) 88
- Тубусубту 246
- Туле (остров) см. Фула
- Туллий см. Цицерон
- Убеждение (Suada) 320, 320
- угол 255, 258
- ударение 21, 25, 109-113, 349, 355
- универсальное образование, ἐγκύκλιος παιδεία 16-18
- Ум 85, 221, 328, 333, 333
- Унксия см. Юнона
- Ургон 238
- Урцитанская область 234
- Удача (Tuche) 73, 74
- Улисс 190, 235, 238, 239, 243
- Умбрия 236
- Умеренность (Temperantia) 85
- умозаключение см. силлогизм
- Уран, Небо 267, 267
- Уrania 58, 64, 81, 87, 296, 296
- условный силлогизм 28, 146, 167, 170, 172
- Утика 246
- учебник 10-12, 23, 24, 29, 39, 176
- Фабий, Публий 217
- Фавмант 70
- Фавны (Фоны) 92, 92, 174, 326
- Фавоний (ветер) 235, 251
- Фавоний Эвлогий 41, 49
- Фаворы 69, 69
- Фаларийский мыс 243
- Фалера 241
- Фалес Критский 335, 335
- Фалес Милетский 33, 43, 97
- Фалестиды 334
- Фаны 92
- фарузы 247
- Фасис 88, 88
- Фаселида 248
- Фатуи, Фантуи 92
- Фаэтон 124*, 330, 331, 331
- Фаэтон (название планеты Юпитер) 307, 307 см. Юпитер (планета)
- Феб см. Аполлон
- Фебруала см. Юнона
- Фебруа см. Юнона
- Федр (баснописец) 294
- Феликс см. Капелла
- Фемида 93, 296, 296
- Феникуза 240
- Фенон (название Сатурна) 307, 307, 318 см. Сатурн (планета)
- Феодор из Византия 215, 215
- Феодор из Кирены 34
- Феодосий I (император) 324
- Феофраст см. Теофраст
- Фессалия 240-243
- фесценнинские песни 325, 325, 330
- Фивы 22*, 75, 91, 241, 327
- фигура умолчания 207
- фигурные числа 39, 42, 266, 275-276
- фигуры геометрические 255-258, 260-261
- фигуры мысли 207-208
- фигуры речи 141, 141, 209-212
- фигуры речи vs. фигуры мысли 209
- фигуры силлогизма 143, 143, 144, 146, 167-173
- Фикария 239

- Филипп [Македонский] 242
 Филолай 40, 41, 43
 Филология 14, 15, 18, 19, 63, 66, 67, 69, 75,
 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87,
 88, 88, 89, 93, 94, 96, 97, 98, 220, 222, 309
 Филон Александрийский 18, 19, 40, 42
 Филон из Лариссы 16
 философия 17, 18, 26, 27, 39, 43, 143,
 Философия 19, 75, 85, 85, 222, 223, 223,
 263
 Финикия 233, 248
 Финистерре (мыс) 231
 Флавий Капр 24
 Флегра 174, 174, 237, 242
 Флора 320
 Флувония см. Юнона
 Фокида 240, 241
 Фонт 69, 69
 Фонтей 210
 Форк 330, 330
 форма см. род и вид
 Формии 237, 238
 Фортуны 59-61, 69 см. Судьбы
 Фортунациан 32, 190, 212, 218
 Фоссы 239
 Фосфор см. Венера (планета)
 Фотий 40
 фракийцы 240
 Фракия, фракийский 56, 81, 240, 242,
 249, 315, 327, 335
 Фрасимах 29
 Фрауда 69, 69
 Фригия, фригийский 91, 222, 231, 249,
 249, 327
 фригийский лад 96
 Фронесида 15, 80, 87, [321]
 Фронтон, Марк Корнелий 176, 176
 Фтиотида 240
 Фукидид 239
 Фульгенций 9, 11
 Фула, Крайняя Фула (остров) 227, 232,
 245
 Фура 92
 Фуринна 92
 халдеи 253 см. вавилоняне
 Халдейские оракулы 97, 328
 Халдея, халдейский 88, 88, 248, 302, 309
- Харисий, Флавий 24
 Халей 241
 Халкида 243
 Халкидий 41, 42, 46, 49
 Хаония 240
 хаоны 240
 Хаос 329
 Харибда 201, 237
 Хариты 85, 86, 320 ср. Грации
 Харон 88, 88
 Херсонес (Фракийский) 243
 Химера (гора) 249
 Хиос 232, 243, 334
 хорей 358, 358
 Хризея 252
 Хрисипп из Сол 21-23, 27, 142
 хроматика 345, 346, 346, 348
 Цезараугуста 235
 Цезаря 246
 Цезарь см. Юлий Цезарь
 Цекул 238
 Целий Антипатр 233, 233
 Целий Руф, Марк 189, 189
 целое и части 148, 149, 192, 193
 Цельс, Авл Корнелий 17
 Цена (остров) 240
 Цензорин 35, 46, 49
 Церера 68, 69, 73, 93, 115*, 127*, 187, 237
 Деметра 93
 Цефей (созвездие) 300, 303, 304
 Цецина, Авл 208
 цилиндр 35, 260, 261
 Цинкция см. Юнона
 Цирта 246
 Цицея 237
 Цицерон, Марк Туллий 31-33, 35, 46, 91,
 110*, 111*, 121*, 124*, 148*, 151*, 152*,
 153*, 157*, 159*, 160*, 161*, 162*, 163*,
 165, 175-179, 183, 184, 186, 189, 189,
 190, 192*, 193-196, 198-201, 203-209,
 211, 213, 217, 220, 309
 части речи 20, 22-24, 104, 114, 119, 141,
 141, 158
 Чаша (созвездие) 300, 303, 304
 четность и нечетность 38, 42, 77, 265,
 267, 268, 270-274, 280-284, 286, 292, 344
 четырехугольник 256, 257, 275

- члены и части числа 42, 274, 274, 276, 277-280, 291
 Шри-Ланка 252
 Эантия 241
 Эбуз 238
 Эбуций, Секст 208
 Эван см. Дионис
 Эвандр 114*, 238
 Эвмениды, Фурии 88, 88
 Эвоним 240
 Эвридика 327
 Эврип 243
 Эвтерпа 64, 83, 115*
 Эгейское море 231, 241, 243, 249
 Эгиал 241
 Эгилий 238
 Эгилион 238
 эдонии 242
 Эзоп 218
 элегический 203, 206
 Электриды 245
 элементы (стихии) 46, 55, 78, 78, 221, 223, 228, 265, 266, 266, 267, 267, 270, 297, 329
 Элий Стилон 23
 Элисса 360, 360
 Эллада, элладский 222, 225, 241 см. Греция
 Эллин 241
 эллины 241
 эллипсис 211
 Эматия 242
 Эмбриона 253
 Энария 239
 энгармоника 345, 346, 348
 Эндимион 332, 332
 «Энеида» 236, 331
 Эней 75, 104*, 116*, 127*, 139*, 195, 236, 239
 Эней Индигет 236
 Энетоза 250
 Энний 68, 68
 Энотриды 239
 Энтелехия 57, 57, 97
 Энусис 239
 энциклопедия, энциклопедический 10, 14, 17, 19
 Эол 240
 Эолида 249
 Эоловы острова 240
 Эонистика 322, 322
 Эос 296, 298
 эпаналепсис 210
 эпанафора 209, 210
 Эпикрена 241
 Эпикур 97
 эпикурейцы 48
 Эпимелия 88, 88
 Эпир 237, 240
 эпироты 242
 эпистемология 26
 эпицикл 45, 316, 318
 Эратина 326, 326
 Эратосфен 44, 227, 228, 228, 296, 309
 Эрато 64, 82
 Эреб 327
 Эрепуза 240
 Эригона 93
 Эридан (река) 237
 Эридан (созвездие) 303, 304
 Эритр 248
 Эритра 91
 Эритрейское море 248
 Эрот см. Купидон
 эротема 207
 Эскулап 56 см. Асклепий
 Эсхин 176, 176
 Эта (гора) 241
 этимология (в аргументации) 191, 193
 Этна 239
 этолийцы 241
 Этолия 240, 241
 Этрурия 88, 236, 325
 этрусски, этрусский 68, 73, 89, 91, 93, 115, 122, 323, 329
 Эфес 293
 Эфиальт 174, 174
 Эфиопия 233, 247, 253
 Эфиопский океан, Эфиопское море 232, 254
 эфиопы 247
 Эя 246
 Юба 247
 Ювенал 9
 Южная Корона (созвездие) 303

- Южная Рыба (созвездие) 303, 304
Южное море 251
Южный Буг 244
Юлий Виктор 32
Юлий Руфиниан 32
Юлий Севериан 32
Юлий Цезарь 23, 124*, 181, 189, 194, 207
Юлий Цезарь Випсаниан 233, 233
Юлия (дочь Октавиана Августа) 233
Юнона 14, 57, 61, 65, 66, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 75, 89, 89, 90, 92, 92, 97, 105*, 121*, 195, 202, 221, 254, 263, 264, 265, 270, 270, 320, 321, 321, 325
Гера 89, 89, 91, 239
Домидука 89, 89
Дружка, Пронуба 65, 254, 254, 320, 321, 325
Итердука 89, 89
Курита 89, 89
Луцина 89, 89
Луцция 89, 89
мачеха [Меркурия] 84
Опигена 89, 89
Поплона 89, 89
Сатурния 263, 263
супруга [Юпитера] 56, 71
Унксия 89, 89
Фебруала 89, 89
Фебруа 89, 89
Флувония 89, 89
Цинкция 89, 89, 320
Юнона Небесная 69, 92
Юнония 253
Юпитер 14, 56, 57, 61-64, 66-69, 70-72, 74-77, 79-85, 89-92, 94-98, 104*, 109, 140*, 141, 143, 145, 173, 175, 176, 177, 202, 221, 221, 222, 224, 225, 240, 251, 261, 263-265, 270, 294, 322-324, 327, 328, 332, 336, 359
Громовержец 58, 63, 65, 68, 70, 73, 82, 84, 99, 173, 174, 221, 263, 264, 325, 328
Зевс 91, 269, 296, 329
Юпитер (планета) 43, 46, 60, 64, 95, 96, 270, 307-309, 311, 312, 318 см. Фазтон
Юпитер Бел 253
Юпитер Изобильный 69
Юпитер Секундан 69
Юра 236
Ютландия 232
язычество 12, 324
ямб 203, 203, 205, 206, 206, 352, 352, 355-358
Ямвлих 18, 40, 88, 93
Яникул 237
Янус 56, 69, 70, 237, 271, 271

Summary

Martianus Capella's allegorical encyclopedia known to us under the title 'De nuptiis Philologiae et Mercurii' ('On the Marriage of Philology and Mercury') is undoubtedly one of the most unusual samples of the late Roman literature and in the same time one of the most important books in the history of Western education and learning.

This grandiose literary work which paradoxically combines the features of a school textbook, a mystical treatise, a Menippean satire and an allegorical erotic novel in the tradition of Apuleius' 'Cupid and Psyche', enjoyed an enormous popularity among the educated people in Medieval Europe, especially in the centuries of the so-called Carolingian Renaissance. The fame of Martianus Capella in this period was so great that he has even been considered by one modern researcher 'the most popular writer in the Middle Ages after the Bible and Vergil' (C. Haskins).

Still more important is the fact that 'On the Marriage of Philology and Mercury' played a significant role in preserving the traditions of ancient Greek and Roman learning in the centuries which were not especially favorable to science and learning. It was Martianus Capella's work that established the classical list of the Seven Liberal Arts (Grammar, Dialectic, Rhetoric, Geometry, Arithmetic, Astronomy and Music), which for long centuries became the basis of the higher education in Western Europe. To cite another modern scholar, Martianus Capella's work 'may be likened to the neck of an hourglass through which the classical liberal arts trickled to the medieval world' (W. Stahl).

Apart from that, 'On the Marriage of Philology and Mercury' had a perceptible impact on the development of some literary genres, including learned poetry (Hisperica Famina), allegorical poetry (the poems of Alain de Lille, Bernardus Silvestris and even Dante Alighieri's 'Divine Comedy') and French chantefable. The novel also inspired generations of painters, illuminators and sculptors who followed Martianus' descriptions in depicting feminine allegorical figures of Liberal Arts, a popular theme for the visual arts throughout Western Europe during the Middle Ages and the Renaissance.

Mostly neglected during the centuries of the Enlightenment and Romanticism, Martianus Capella's 'On the Marriage of Philology and Mercury' became again a subject of intense interest of philologists and historians in the 20th century. The most prominent result of this became the critical edition of Martianus Capella's work prepared by J. Willis (1983), as well as commented editions and translations of the whole work and individual parts of it into English, Italian, German and French. Numerous studies have been devoted in the last few decades to the scientific and literary sources of Martianus Capella, the philosophical, religious

and political context of his work, as well as its textual history and intellectual influence on the later ages.

We must admit, nonetheless, that we still know very little, if anything, about the personality of Martianus Capella (except for a few hints of his career as a lawyer found in his book), the dates of his life and work (the estimated dates vary from the 3rd to the 6th century AD, most researchers placing it in the 5th century), and even the original title of 'The Marriage of Philology and Mercury' (the present one appears not earlier than in the first printed editions of the book at the turn of the 15th–16th centuries).

Also the very purpose for which the work was written remains a mystery to us. It has been proved by analysing the surviving manuscripts that during the 9-12 centuries (and, to a lesser also in the previous and subsequent centuries) Martianus Capella's work was intensively used in classes as a textbook on the whole course of the 'Artes Liberales' as well as on individual disciplines. Besides, it has been repeatedly noted by modern scholars that the work of Martianus Capella fits very well into the tradition of Latin textbooks of liberal arts, which started to be actively created at this time in the Roman West. These include the series of textbooks, conceived and partially implemented by Augustine in the late 380's (at least the books on dialectic and music were written, perhaps also books on grammar and rhetoric), 'Instruction in Arithmetic' and 'Instruction in Music' by Severinus Boethius (c. 477–524) as well as his lost textbooks of geometry and astronomy, 'Institutiones' by Cassiodorus (c. 485–585) and 'Etymologiae' (also known as 'Origines') by Isidore of Seville (c. 560–636). Thus, there is no doubt that the evolution of educational institutes in the 4–6 centuries raised the urgent need for a systematic presentation of the foundations of various sciences (primarily of the mathematical cycle) in the Latin language, and that Martianus Capella's 'On the Marriage of Philology and Mercury', along with the works of the other authors listed, was called to satisfy the need.

On the other hand, it is impossible to state with certainty that 'On the Marriage of Philology and Mercury' was conceived by Martianus Capella as a textbook in the proper sense, intended for the classroom teaching of scientific subjects. Moreover, there are a number of significant features that distinguish the work of Martianus Capella from all the other manuals on liberal arts written in Antiquity, as well as from any other textbook ever written. The most evident feature is the important role of the framing plot, which includes at times some frivolously erotic elements and seems in any case to be very far from the atmosphere of school pedantry. This plot, on the other hand, is filled with the most complicated religious and philosophical content, so it would be very naive to see in it, as was usually done later, a kind of entertaining addition to the main educational material.

Such a careful elaboration of the parts containing the fabula (which are, moreover, written in a deliberately complicated and refined manner), combined with the author's apparent incompetence in presenting most of the scientific material — which does much harm to the educational potential of the work — makes us perceive 'On the Marriage of Philology and Mercury' not so much as a

textbook, but as an allegorical protreptic to scientific studies and primarily as a piece of artistic prose (and poetry), albeit a very peculiar one.

In this regard one can note the undeniable connection of Martianus Capella's work to the three genres of ancient literature, each having an unquestionable educational potential: first, the genre of Menippean satire (which is emphasized by the author himself by introducing an allegorical character named Satira); secondly, the symposium in the tradition of Plato (or, even more so, in the tradition of Plutarch and Macrobius), where the guests take turns to pronounce learned monologues in the same way as Mercury's maids do in the work of Martianus Capella; and, finally, the genre of allegorical novel, whose most famous representative, Apuleius of Madaura, the author of 'Cupid and Psyche', had a great influence on both the plot and the literary style of 'On the Marriage of Philology and Mercury'.

Of the nine books that form this work seven — books from the third to the ninth — are mainly dedicated to individual scientific disciplines (Grammar, Dialectic, Rhetoric, Geometry, Arithmetic, Astronomy and Music). The first and second books, the contents of which Martianus Capella characterizes with the words *fabula*, *mythos* (that is, 'myth', 'fable' or 'fairy tale') and *commenta* ('fiction'), contain a lengthy allegorical narrative. The first book deals mainly with the wanderings of the god Mercury, who, following the example of other celestials, intends to enter the legal marriage and therefore goes in search of a bride. His choice falls on Philology, the most learned of the mortal virgins. In the second book Philology prepares herself for the union with the heavenly bridegroom, going through several stages of initiation, so that she may enter the family of the Olympians and gain immortality. Being carried in the palanquin decorated with stars, Philology ascends to heaven, where the marriage ceremony is to be performed in the presence of all the gods. The celebration begins with the presentation of the wedding gifts, prepared for the bride by Mercury; the gifts are the seven maids representing the seven disciplines listed above. Each of them speaks briefly about her own art: these monologues make up the content of the books third to ninth.

Mercury in the work of Martianus Capella demonstrates the traits of Hermes-Mercury of the traditional Greek and Roman mythology, the eloquent messenger of the gods, and at the same time of Hermes Trismegistus, the god of wisdom and knowledge, who was very popular in the late Antiquity and was identified with the Egyptian god Toth. Martianus Capella, following the famous teaching of the Stoics and Neoplatonists, sees in Mercury the personification of the Divine Logos (Word and Mind), which fact is emphasized, among other things, by the name of the god's bride — Φιλολογία, 'Love for the Logos'. Philology, the earthly fiancée of the Logos, appears to be the personification of human knowledge: according to the story told by Marcianus Capella, it is she who relieves Psyche (the Human Soul) from its inherently crude, 'animal' nature and makes her beautiful and charming. The cherished dream of Philology is, after all, to make Psyche immortal. The knowledge that Philology possesses has nothing to do with vain earthly wisdom, aimed at earthly prosperity. It is the knowledge of the

sublime, divine things, through which this mortal virgin can not only foresee the future, but sometimes even subordinate to the will of the immortal gods themselves. True knowledge for Martian Capella is inseparable from the art of divination and theurgy.

The 'technical' part of 'The Marriage' (Books III–IX) is a compilation, mostly quite inaccurate, of various manuals written in Latin and, perhaps, also in Greek. Some of these sources are easily identifiable — these are, for example, 'De figuris sententiarum et elocutionis' by Aquila Romanus for some passages in Book V, Pliny's 'Natural History' and Solinus' 'De mirabilibus mundi' for the geographical part of Book VI, 'On Music' by Aristides Quintilianus for Book IX (or some Latin translation of it). Some of the sources are lost, for which reason 'On the Marriage of Philology and Mercury' in some cases provides us with valuable information on ancient Greek and Latin science and scientific terminology which is not to be obtained elsewhere, especially in Book VIII and the geometrical passages of Book VI. In a few cases — mostly in the 'rhythmical' section of Book IX — Martianus Capella seems to be introducing his own technical terms and conceptions.

This publication presents the first complete translation of Martianus Capella's 'On the Marriage of Philology and Mercury' into Russian. The translation is based on the text of J. Willis (1983), all the exceptions (mostly referring to the latest editions) are specified in the notes. The text is supplied with commentaries, indices and articles concerning the historical context of Martianus Capella's work, the literary form and technical content of the encyclopedia, the history of the seven 'liberal arts' in Ancient Greece and Rome and the reception of 'On the Marriage of Philology and Mercury' in medieval Europe.

Contents

<i>Yu.A. Shakhov. Martianus Capella and his work</i>	6
Book I (§§ 1–97)	55
Book II (§§ 98–220)	76
Book III. On Grammar (§§ 221–326)	99
Book IV. On Dialectic (§§ 327–424)	142
Book V. On Rhetoric (§§ 425–566)	174
Book VI. On Geometry (§§ 567–724)	221
Book VII. On Arithmetic (§§ 725–802)	262
Book VIII. On Astronomy (§§ 803–887)	292
Book IX. On Harmony (§§ 888–1000)	320
List of abbreviations	361
Index	369
Summary	393
Contents	397

Топорова А.В.

Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны очерки по религиозной литературе Средних веков, посвященные разным проблемам, жанрам и авторам, представленным в итальянской словесности XIII–XV вв. Специфика произведений религиозного содержания указанной эпохи заключается в том, что подавляющее большинство дошедших до нас текстов находится на периферии собственно литературного пространства, однако именно поэтому они во многом и интересны. На примере подобных сочинений можно проследить, как религиозная жизнь средневековой Италии отражается в письменных памятниках, как происходит освоение литературного языка и становление жанров религиозной литературы, где проходит граница между жизнью и литературой. Рассмотренный в работе уникальный материал позволяет увидеть вклад религиозных произведений в процесс формирования того единого целого, которое стали называть итальянской литературой.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, а также всем тем, кого интересует литература и духовная жизнь Италии эпохи Средневековья.

Евсеев В.А.

«Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов

В книге, принадлежащей перу крупного специалиста в области средневекового урбанизма В.А. Евсеева, на основе широкого круга уникальных источников и специальных исторических штудий исследуется многогранная жизнь английских городов в XVI–XVII вв. — переходную эпоху от феодального общества к капиталистическому. Автор выявляет и анализирует экономические структуры в городах различного ранга, изучает характер, причины и особенности ряда социально-политических конфликтов, возникающих в городской среде, обращается к проблемам становления коммунальной инфраструктуры и местного самоуправления, организации социальной помощи приходскими властями. Кроме того, особое внимание уделяется рассмотрению разнообразных социокультурных процессов, имевших место в английских городах XVI–XVII вв. В частности, освещаются отдельные стороны образования, театральной культуры и повседневной жизни англичан раннего Нового времени.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, культурологам и всем, кто интересуется историей Англии и эпохой раннего Нового времени.

Научное издание
Марциан Капелла
Бракосочетание Филологии и Меркурия

Макет и оформление Я.В. Быстрова

Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com

Подписано в печать 10.06.2019. Формат 70×100/16. Заказ № 389.
Тираж 500 экз. 26,25 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Издательство «Петроглиф»
192012, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 221, лит. Б, пом. 2Н
e-mail: petroglyph.spb@yandex.ru

Марциан Капелла

Бракосочетание Филологии и Меркурия

Сочинение Марциана Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), занимающее исключительно важное место в истории европейского образования и литературы, вместе с тем не слишком хорошо известно современному читателю и до относительно недавнего времени редко привлекало внимание серьезных исследователей, в том числе отечественных антиковедов и медиевистов. Предлагаемое вниманию читателя издание, призванное восполнить существующую лакуну в историко-филологической науке, представляет собой первый полный комментированный перевод на русский язык знаменитого сочинения, оказавшего значительное влияние на развитие европейской интеллектуальной культуры Средних веков и эпохи Возрождения.

9 785987 128589

